

Е. П. Аксёнова

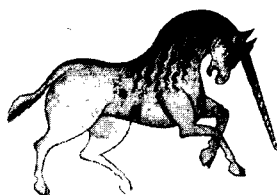

**А. Н. Пыпин
о славянстве**

Москва 2006

**Российская академия наук
Институт славяноведения**

Российская академия наук
Институт славяноведения

Е. П. Аксёнова

**А. Н. Пыпин
о славянстве**

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2006

УДК 94(367)

ББК 63.2

А 42

Ответственный редактор:

доктор исторических наук *Л. Е. Горизонтов*

Рецензенты:

доктор исторических наук *А. Л. Шемякин*

доктор филологических наук *А. Л. Топорков*

Аксёнова Е. П.

А. Н. Пыпин о славянстве. — М.: «Индрик», 2006. — 504 с.

ISBN 5-85759-354-9

Книга посвящена выдающемуся ученому XIX столетия — А. Н. Пыпину, в чьем научном наследии значительное место занимали труды по славянской проблематике. Обращение ко всей совокупности славистических работ ученого позволило показать его взгляды на славянский мир в целом, на исторические судьбы каждого славянского народа и национальные процессы в славянских землях с древних времен до конца XIX в. Акцентируется подход ученого к славянству с общественно-исторической точки зрения. Особое внимание уделяется его концепции возрождения славянских народов как общеславянского явления, рассмотрению ученым причин, факторов, механизмов, идеологии национального движения, его собственной позиции по славянскому вопросу. Впервые представлены воззрения Пыпина на проблемы этнического развития украинцев и белорусов в контексте славянского возрождения и национальной политики Российского государства. Нашло отражение и отношение ученого к развитию славяноведения в России. Перед читателем предстает масштабная славистическая деятельность А. Н. Пыпина, внесшего исключительный вклад в изучение славянских народов.

ISBN 5-85759-354-9

© Аксёнова Е. П., 2006

© Издательство «Индрик», 2006

Оглавление

Предисловие	7
Введение	14
Жизнь, которая «не представляла чего-либо особенного»	14
«Я не сделался славистом».....	21
«Мой взгляд, давно сложившийся и доселе не изменив-	
шийся».....	30
«Историческая критика» и «живое фактическое наблюде-	
ние» (Методы научной работы).....	42
 Глава 1. Славянские народы с древних времен	
до эпохи национального возрождения	59
Общие сведения	59
Болгары	72
Югославянские народы	75
Чехи	83
Словаки	91
Поляки	94
Балтийские славяне. Лужицкие сербы	97
Русины.....	103
 Глава 2. Славянские народы в период формирования наций ..	117
Общие сведения	117
Чехи	133
Словаки	143
Болгары	149
Югославянские народы	159
Поляки	175
Лужицкие сербы	190
Русины.....	194
 Глава 3. Славянское единство. Теория и практика.....	229
Что такое «панславизм»?.....	230
Славянская идея и национализм	235
Отношение к панславизму со стороны Европы и славянского	
мира	238
Как приходили к пониманию единства славянские народы?	
Начало развития панславизма.....	241

Формы панславизма	244
<i>Научный и литературный панславизм</i>	244
<i>Политический панславизм</i>	249
Славянская взаимность во второй половине XIX в.	253
Славянская идея в России	260
Проблема общеславянского языка	283
Глава 4. Изучение зарубежных славян в России	313
Предыстория славяноведения	313
«Молодой период» науки	320
Научное славяноведение	327
Славяноведение и знания о славянах в обществе	359
Глава 5. Проблемы этнического развития украинцев и белорусов	383
Общие сведения	383
История Украины и украинское национальное движение.....	391
Развитие украиноведения	412
История белорусских земель.....	431
Изучение Белоруссии.....	443
Заключение	485
Именной указатель	494

Предисловие

Любого, кто соприкасается с научным наследием Александра Николаевича Пыпина, поражают масштабы исследований ученого, количество работ, вышедших из-под его пера, их многогранность и фундаментальность. Не случайно, что никто не брался проанализировать его творчество в целом. Нет, к сожалению, даже работ, охватывающих полностью какое-либо одно из направлений научной деятельности Пыпина.

А. Н. Пыпина принято считать литературоведом, видным представителем культурно-исторической (или общественно-исторической) школы в России¹. Такое определение направления его деятельности давалось во многих старых и современных энциклопедических словарях. Подобная квалификация, с одной стороны, вполне обоснованна, поскольку Пыпин, окончив Петербургский университет, получил филологическую специальность, преподавал (хотя и недолго) историю западноевропейской литературы, и основные его исследовательские труды — книги и многочисленные статьи — как по названию («Обзор истории славянских литератур», «История славянских литератур», «История русской литературы», «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов», работы о В. Г. Белинском, Н. А. Некрасове, М. Е. Салтыкове-Щедрине и др.), так и по содержанию имеют непосредственное отношение к литературоведческой и историко-литературной проблематике. Немалое внимание Пыпин уделял исследованию фольклора. И эта часть научного творчества Пыпина нашла отражение в трудах филологов, в том числе славистов². Пыпина можно считать в широком смысле историком культуры.

Однако, с другой стороны, нельзя не обратить внимания на то, что за пятьдесят лет научной деятельности А. Н. Пыпин опубликовал огромное количество работ*, в которых он выступал как историк общественной мысли и общественного (в том числе национально-освободительного) движения, культуры и науки, как этнограф, археограф и т. п. Даже его историко-литературные труды изобилуют историческим материалом и имеют

* По уточненным данным, любезно сообщенным автору правнуком А. Н. Пыпина В. В. Колпаковым, научное и публицистическое наследие Пыпина составляет 1556 работ.

значение, выходящее за рамки чисто литературоведческих исследований, поскольку литературу ученый рассматривал как отражение общественной жизни, национальной психологии, а ее историю тесно связывал с историей общества и народа. Во всех работах Пыпина история переплетена с современностью, с актуальными проблемами славянства.

Выступая на праздновании 50-летия научной деятельности Пыпина (1903 г.), известный историк Н. И. Кареев отметил, что юбиляр, будучи историком литературы, этнографом и фольклористом, славистом, критиком и публицистом, постоянно выступает как историк и это — основная черта, проходящая красной нитью и связывающая в одно целое все этапы многолетней работы ученого³. Позиция Пыпина как историка и, прежде всего, историка общественной мысли находила частичное отражение в работах современных исследователей⁴.

Еще одна область научных знаний, в которую Пыпин внес весомый вклад, — этнографические изучения и история этнографии. Его деятельность в этой сфере слабо отражена в литературе⁵.

Вся творческая жизнь Пыпина была связана с журнальной работой. Но он не считал себя публицистом. Свои идеи он отстаивал иным путем — посредством научных публикаций⁶. Журнальные страницы стали для него «постоянной кафедрой научной деятельности»⁷. Творчество Пыпина-публициста исследовано лишь отчасти⁸.

Знакомство с научным творчеством Пыпина дает все основания назвать его ученым широкого гуманитарного профиля, масштабно рассматривавшим многие проблемы (признание этого факта уже нашло отражение в справочной литературе⁹). Спектр вопросов и тем, затронутых ученым, позволяет интенсивно использовать его работы представителям разных наук, в том числе филологам, историкам, этнографам и др. Однако работ, специально посвященных Пыпину, на удивление мало. В связи с этим особенно хочется отметить монографию Д. А. Балыкина, в которой Пыпин представлен как исследователь русской общественной мысли¹⁰. Большой простор для исследования открывают труды ученого перед славяноведами, поскольку значительная часть научного наследия Пыпина так или иначе затрагивает славистическую проблематику. Но в этой области можно отметить лишь отдельные статьи или упоминания о его взглядах и работах в монографических исследованиях¹¹.

Русское славяноведение в XIX в. формировалось и развивалось как наука, изучающая зарубежные славянские народы и их связи с Россией (эта традиция сохраняется по сей день). Изучение восточных славян, живших в пределах Российской империи, относилось к отечествоведению. Пыпин также в основном придерживался этих принципов. Однако в тех случаях, когда нужно было дать общую картину развития славянства или сопоставить процессы и явления, имевшие место в различных частях славянского мира, ученый представлял сведения обо всех народах славянской семьи.

А. Н. Пыпин оставил большое количество работ, посвященных западным, южным и восточным славянам. Временной диапазон его славистических сочинений весьма велик — они создавались на протяжении почти всей второй половины XIX в. Это и статьи в журнале «Современник», и книги, вышедшие после его закрытия, и публикации в «Вестнике Европы», и фундаментальные многотомные труды, написанные в конце столетия. В «славянской» части пыпинского научного наследия отражены многочисленные вопросы, связанные с историческими судьбами и культурой отдельных славянских народов, а также проблемы, общие для всего славянства или определенных его частей.

Изучая славян, Пыпин обращался к древней истории и к не столь отдаленным временам. История славянских народов не являлась предметом его специального исследования. Но исторические сведения сопровождают все основные славистические труды ученого, выступая необходимой и органичной их частью. Как правило, они соединялись с этнографическими, статистическими и другими данными. Цели исторических экскурсов бывали различны. В одних случаях исторический фон помогал автору проиллюстрировать идею отражения в «интеллектуальной жизни племени» (например, в истории литературы) «различных эпох и ступеней» развития этого народа, освещения «его идеалов и человеческих стремлений»¹². В других случаях, когда речь шла о теориях славянского единства, обращение к прошлому славянских народов, к фактам исторического пути, пройденного ими, позволяло убедительно аргументировать несостоятельность всевозможных «панславянских» проектов.

Наибольшее внимание Пыпин уделял событиям XIX в., будучи современником многих из них. Такие яркие и значительные

для славянского мира явления, как национальное возрождение и национально-освободительное движение, славянская идея и связанные с ней интерпретации решения славянского вопроса (панславизм и проч.), а также отношение славянских народов к России и русского общества к славянам, Пыпин подвергал тщательному изучению¹³ и неоднократно возвращался к ним в работах разного времени.

Велики заслуги Пыпина и как историографа, собравшего, систематизировавшего и оценившего многие славистические труды исследователей, живших как в Российской империи, так и за ее пределами. Названные уже труды по истории литературы и этнографии также носят в значительной мере историографический характер. Зарубежное славяноведение нашло отражение и в ряде рецензий Пыпина на работы иностранных коллег. Как историк отечественного славяноведения ученый выступил прежде всего в циклах статей «Обзор русских изучений славянства»¹⁴ и «Русское славяноведение в XIX столетии»¹⁵. Развитие науки он рассматривал в тесной связи с состоянием общества¹⁶.

Славянство — большой, сложный, многоаспектный мир, который требует всестороннего изучения. По всей вероятности, Пыпин очень хорошо понимал это, потому что его славистические работы отличаются широким охватом проблематики. Славяноведение как научная область представляет комплекс научных дисциплин, тесно связанных между собой и позволяющих достаточно полно изучать славянство. Работы Пыпина также отличает комплексный, разносторонний подход к изучению славянских народов, которые предстают перед его читателями объемно, выпукло, во всем многообразии своих проявлений. Собственно поэтому довольно сложно дать однозначное определение его трудам: исторические, филологические, культурологические, этнологические... Он рассматривает славянство *в целом*.

Это одновременно и облегчает, и усложняет задачу изучения самого Пыпина-слависта. С одной стороны, ученый использовал, обобщал и выносил на суд общественности все, что ему было известно о славянах. С его точкой зрения могли соглашаться или спорить другие ученые, но фундаментальность его работ была признана его современниками¹⁷, да и в наше время к его трудам нередко обращаются исследователи славянства. С другой стороны, весьма непросто в одном исследовании структурировать весь «славянский» материал Пыпина

так, чтобы все существенное нашло отражение и давало представление о вкладе Пыпина в славяноведение.

Таким образом, перед исследователем славистического наследия Пыпина встает нелегкая проблема. Можно освещать творчество ученого, «разбив» его деятельность на временные отрезки. Это дало бы возможность проследить динамику позиции автора по тем или иным вопросам, однако сам Пыпин в конце научного пути признавался, что никогда в жизни не менял своих взглядов, выработанных в молодости¹⁸.

Если последовательно анализировать все труды Пыпина, имеющие отношение к славянам, то придется неизбежно столкнуться с многократными повторами одних и тех же сюжетов, сведений, материалов, к которым по необходимости обращался автор в различных работах.

В случае выбора «страноведческого» принципа изложения выпадают из рассмотрения очень важные проблемы славянства в целом, которым Пыпин придавал не меньшее значение, чем национальным проблемам каждого славянского народа.

Учитывая эти сложности, остается прибегнуть к смешанному типу изложения.

В одном исследовании весьма непросто всесторонне и глубоко проанализировать весь комплекс славистических исследований А. Н. Пыпина, со знанием дела вникая в специфические области различных научных дисциплин. Если представить себе, что в XIX в. в России не имелось ни одной работы о славянах, кроме вышедших из-под пера Пыпина, то можно ли было бы по ним составить общее представление о славянском мире и его проблемах, получить сведения о входящих в него народах? Те, кто знаком с научным и публицистическим наследием ученого, не задумываясь ответят: «Да!». Все, что написано им о славянах, может рассматриваться в качестве славянской «энциклопедии» своего времени. А тематические энциклопедии дают ответы не только на конкретные вопросы, они содержат знания о предмете изучения в целом. Именно такой целостный взгляд Пыпина на славянство и его судьбы, опирающийся на изучение истории, этнографии, культуры отдельных славянских народов и всей совокупности славянских народов, интересует нас в первую очередь.

Автор надеется, что эта книга сможет, в какой-то степени, послужить «путеводителем» по славистическим работам А. Н. Пыпина.

Примечания

¹ См.: Академические школы в русском литературоведении. М., 1975. С. 109–137.

² Так, о Пыпине как исследователе славянских литератур см.: *Архангельский А. С.* Труды академика А. Н. Пыпина в области истории русской литературы. По поводу пятидесятилетия его научной деятельности (1853–1903). СПб., 1904; *Бернштейн И. А.* Чешская литература в русской критике второй половины XIX в. // Из истории связей славянских литератур. М., 1959. С. 22–60; *Никитин С. А.* Славяноведение // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 507; *Ровда К. И.* Чехи и русские в их литературных взаимосвязях. 50–60-е годы XIX века. Л., 1968; *Он же.* Россия и Чехия. Взаимосвязи литератур. 1870–1890. Л., 1978; *Вульфиц В. А.* Н. Пипин и руско-српске књижевне везе у другој половини 19 века. Нови Сад, 1969; *Беляева Ю. Д.* Литературы народов Югославии. Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX, начало XX в. М., 1979. Об исследованиях Пыпина в области фольклора см.: *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1958–1963. Т. 1–2; *Егоров Б. Ф.* К вопросу о месте А. Н. Пыпина-фольклориста в общественной борьбе 1860-х годов // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1959. Т. 4; *Мельц М. Я.* Пыпин — исследователь фольклора зарубежных славян // Русский фольклор. М.; Л., 1963. Вып. 8.

³ См.: Пятидесятилетие научно-литературной деятельности академика А. Н. Пыпина // Литературный вестник. 1903. № 3. С. 327.

⁴ *Дьяков В. А.* Либеральная и либерально-демократическая интерпретация славянского вопроса в русской общественной мысли: А. Д. Градовский и А. Н. Пыпин // Советское славяноведение. 1989. № 4. С. 17–25; *Джонг Хи Сок.* Идея демократической славянской федерации в российской общественной мысли второй половины XIX в. // Отечественная история. 1995. № 3. С. 174–185; *Хевролина В. М.* Внешнеполитические концепции российского либерализма в конце XIX века // Вопросы истории. 1997. № 10. С. 34–50; *Булатова Р. В.* А. Н. Пыпин и представители русской общественной мысли XIX–XX веков. К. Д. Кавелин, Вл. Соловьев, Г. Г. Шпет // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Сборник научных трудов. Саратов, 2002. Вып. 14. С. 190–204.

⁵ См.: *Лебедев С. Б.* А. Н. Пыпин и его проект историко-этнографической экспедиции на Балканы // Советская этнография. 1984. № 3. С. 83–92.

⁶ Пятидесятилетие научно-литературной деятельности академика А. Н. Пыпина. С. 342.

⁷ *Семевский В. И.* Памяти А. Н. Пыпина // Русская мысль. 1904. № 12. С. 165.

⁸ См.: *Аксенова Е. П.* Славянская проблематика в статьях А. Н. Пыпина в «Современнике» // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 56–71; *Кутаев В. А.*

А. Н. Пыпин в «Вестнике Европы» (1860–1870-е гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История, философия. Волгоград, 1998. Вып. 3. С. 5–15.

⁹ См.: Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 286–289.

¹⁰ *Балыкин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. Брянск, 1996.

¹¹ См.: *Готье Ю. В.* Славяноведение в России и СССР // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 155; *Лантева Л. П.* Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. — 1917 г.). М., 1978; *Она же.* Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. М., 1997. С. 53–56; *Павленко О. В.* Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–44; *Аксенова Е. П.* Академик А. Н. Пыпин и вопросы украинского национального возрождения // Славяноведение. 1999. № 5. С. 3–19; *Она же.* Славянская идея в интерпретации А. Н. Пыпина // Славянский альманах 1998. М., 1999. С. 87–97; *Она же.* А. Н. Пыпин о славянской идее в истории российского славяноведения // Проблемы славяноведения. Брянск, 2001. Вып. 3. С. 415–420; *Она же.* Белоруссия в трудах А. Н. Пыпина // Славянский альманах 2001. М., 2002. С. 160–197; *Она же.* А. Н. Пыпин как историк и теоретик славянского возрождения // Славянский альманах 2003. М., 2004. С. 22–68; и др. Когда книга находилась в печати, вышла статья Л. П. Лаптевой, в которой автор привлекает новые документальные материалы, подтверждающие выдающиеся научные достижения А. Н. Пыпина (См.: *Лантева Л. П.* А. Н. Пыпин (1833–1904) и его вклад в славяноведение // Славянский альманах 2004. М., 2005. С. 177–209).

¹² *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. 3.

¹³ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем // Вестник Европы. 1878. № 9–12 (отд. изд.: СПб., 1913).

¹⁴ Вестник Европы. 1889. № 4–6.

¹⁵ Вестник Европы. 1889. № 7–9.

¹⁶ Подробнее см.: *Аксенова Е. П.* А. Н. Пыпин о развитии славяноведения в России // Славяноведение. 2004. № 6. С. 3–18.

¹⁷ См.: Пятидесятилетие научно-литературной деятельности академика А. Н. Пыпина.

¹⁸ См.: *Пытин А. Н.* Мои заметки. Саратов, 1996. С. 24.

Введение

Жизнь, которая «не представляла чего-либо особенного». Жизненный путь А. Н. Пыпина довольно хорошо известен. Этому в немалой степени способствовал он сам, оставив свои воспоминания¹, охватывающие 1840–1850-е гг. Научная, общественно-публицистическая, литературно-критическая, журналистско-редакционная деятельность Пыпина еще при жизни ученого была по достоинству оценена его коллегами². Смерть Пыпина в 1904 г. вызвала большой поток некрологов, статей и заметок. С. А. Венгеров³ и Б. Б. Глинский⁴ собрали наиболее важные сведения о жизни ученого. Его дочь, В. А. Ляцкая, подготовила биографический очерк о своем отце⁵. Затем интерес к жизни и творчеству Пыпина в течение долгих лет был почти утрачен. Столетие со дня рождения ученого отмечено в научной литературе более чем скромно⁶, да и соответствующие идеологические установки того времени наложили отпечаток на работы о Пыпине. Лишь во второй половине XX в. стали появляться работы, проясняющие те или иные события жизни ученого⁷. Энциклопедические словари поместили научно-биографические статьи о Пыпине⁸.

Учет имеющейся литературы и тщательная разработка архивных материалов позволили Д. А. Балыкину⁹ и А. С. Озерянскому¹⁰ написать наиболее полные, основательные очерки жизни и деятельности А. Н. Пыпина.

Отсылая читателей к этим авторитетным источникам биографических сведений о Пыпине, приведем лишь краткие данные, необходимые для того, чтобы осветить насыщенную жизнь ученого, о которой он сам на склоне лет скромно отзывался как о не представляющей самой по себе «чего-либо особенного» и имеющей интерес лишь в контексте «целой общественной жизни и нравов времени»¹¹.

Александр Николаевич Пыпин родился 25 марта (6 апреля) 1833 г. в Саратове. Его отец был мелкопоместным дворянином, мать — из духовного сословия (из семьи священника). По линии матери он приходился двоюродным братом Н. Г. Чернышевскому, под влиянием которого проходило формирование личности и научных интересов Пыпина. Семьи Чернышевских и Пыпиных жили в одном доме и были очень дружны¹². До девяти лет А. Н. Пыпин воспитывался дома. С детских лет его

отличала тяга к книгам, к наукам. Довольно рано он начал изучать латынь, немецкий и французский языки, познакомился с произведениями классиков русской литературы. В 1842 г. он поступил в гимназию. Пыпин оставался одним из лучших учеников на протяжении всех лет учебы. Его друзьями по гимназии были П. А. Ровинский и Д. Л. Мордовцев.

После окончания саратовской гимназии в 1849 г. первым учеником Пыпин успешно сдал экзамены в Казанский университет и стал студентом историко-филологического факультета. В 1850 г. он перевелся в Петербургский университет, где уровень преподавания был значительно выше и предоставлялось больше возможностей для серьезных научных занятий. В это же время Пыпин познакомился с либерально настроенными представителями петербургских литературных кругов. Через год к нему в университете присоединился Д. Л. Мордовцев.

Во время учебы в университете Пыпин приводил профессоров в восхищение своей начитанностью и глубокими знаниями. Его кандидатское сочинение было удостоено золотой медали и после отличной сдачи экзаменов он был утвержден (в конце 1853 г.) в звании кандидата по разряду общей словесности.

А. Н. Пыпин был широко образованным человеком, обладал острым умом и прекрасной памятью, знал западноевропейские и славянские языки, отличался необыкновенной трудоспособностью.

По окончании университета Пыпин начал преподавать в частном пансионе и одновременно сотрудничать с редакциями таких известных периодических изданий, как «Отечественные записки» и «Современник». Пыпин имел возможность поступить на государственную службу, но его привлекала научная деятельность. Он решил держать магистерский экзамен и начал подготовку диссертации. В марте 1857 г. Пыпин успешно защитил диссертацию «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских»¹³ и стал магистром русской словесности. В этой работе молодой ученый впервые подошел к изучению старинных сказок и повестей не только с точки зрения литературного памятника далекого прошлого, но и ценного источника по истории народной культуры, показав, вместе с тем, связь русского и южнославянского фольклора. В 1858 г. труд Пыпина был удостоен половинной Демидовской премии.

В конце 1857 г. было принято решение о командировании Пыпина за границу для приготовления к профессорскому званию. С января 1858 по январь 1860 г. молодой ученый посетил Германию, Францию, Англию (где встречался с А. И. Герценом* и Н. П. Огаревым), Голландию, Швейцарию, Италию, Австрийскую империю, в том числе входившие в ее состав славянские земли.

Вскоре после возвращения Пыпина из-за границы, весной 1860 г., он был назначен на должность экстраординарного профессора кафедры всеобщей истории литературы историко-филологического факультета Петербургского университета.

Однако профессорство Пыпина было недолгим. В 1860–1861 учебном году он читал курс лекций по истории средневековой французской литературы и продолжал свои научные исследования. Но осенью 1861 г. молодой профессор выступил против позиции тогдашнего министра народного просвещения Е. В. Путьятина, действия которого ущемляли права студенчества. «Университетская история» получила свое развитие в студенческих волнениях и в выходе в отставку группы либерально настроенных профессоров, среди которых был и А. Н. Пыпин.

Поскольку Пыпин не получил разрешения на чтение публичных лекций, его материальное положение стало довольно сложным. Выручало его активное и плодотворное сотрудничество с «Современником». В то же время причастность к кругу «Современника», личное знакомство с А. И. Герценом и участие в «университетской истории» делали Пыпина человеком «неблагонадежным» с точки зрения властей.

Тем не менее весной 1862 г. Пыпин получил возможность в течение восьми месяцев изучать за границей системы народного образования стран Западной Европы, а заодно собирать материалы для научной работы (в том числе по истории славянских литератур) и готовить публикации для «Современника». Однако вскоре издание журнала было приостановлено, а его редактор, Н. Г. Чернышевский, арестован.

* В воспоминаниях Н. А. Тучковой-Огаревой упоминается молодой профессор, известный Герцену своими статьями. После личной встречи с Пыпиным Герцен говорил, что «выражение его лица прекрасно, в нем сказывается высоконравственная чистота» (См.: Глинский Б. Б. Среди литераторов и ученых. С. 293).

В 1863 г. Пыпин женился на Ю. П. Гурскалин, которая на протяжении их совместной жизни была ему истинным другом и помощником. В семье А. Н. и Ю. П. Пыпиных было двое сыновей и две дочери.

В том же 1863 г. Пыпин вошел в редакцию возобновленного «Современника» и вплоть до его окончательного закрытия в 1866 г. интенсивно работал не только в качестве редактора (возглавлял научный, критический и политический отделы), но и как автор, публикуя научно-публицистические статьи по широкому кругу проблем (в том числе о национальных процессах в славянских землях, а также рецензии на славяноведческую литературу).

В 1866 г. автор статьи «Процессы о печати в Австрии»¹⁴ испытал на себе в полной мере результаты подобных процессов. Закрытие «Современника» сопровождалось судебным делом против Пыпина как редактора и Ю. Г. Жуковского как автора статьи «Вопрос молодого поколения»¹⁵, которые были признаны виновными в публикации материалов, оскорбляющих честь и достоинство дворянства, и подвергнуты трехнедельному аресту и денежному штрафу.

В последующие годы Пыпин сосредоточился в основном на научной работе. В 1865 г. вышел «Обзор истории славянских литератур»¹⁶, за который Пыпин получил Уваровскую премию. И. В. Ягич считал эту книгу очень важной для всех славян¹⁷. Вклад Пыпина в изучение славянских литератур был по достоинству оценен славянскими коллегами¹⁸. Вместе с тем Пыпин не прекращал журнальной деятельности. После закрытия «Современника» он начал публиковаться в «Вестнике Европы» и вскоре вошел в состав редакции журнала. Сотрудничество Пыпина с этим журналом продолжалось до конца его жизни, т. е. около сорока лет. Направление «Вестника Европы» давало ученому возможность публикации в форме статей его научных трудов, многие из которых впоследствии были изданы в виде книг. В журнале были опубликованы исследования Пыпина о масонстве в России¹⁹, о русском общественном движении в первой половине XIX в.²⁰ (в котором автор старался показать зачатки либеральных воззрений), о генезисе и формах проявления славянской идеи²¹, об этнографическом изучении восточного славянства²², о русской литературе²³ и многом другом. Работы Пыпина, отличавшиеся яркой публицистичностью, актуальностью постав-

ленных им проблем, не раз вызывали недовольство цензуры, видевшей в них выражение либерализма.

В 1871 г. Пыпин был избран адъюнктом Академии наук по Отделению истории. Но развернулась ожесточенная кампания против его избрания в печати, научных и правительственных кругах. В такой ситуации Пыпин предпочел лично отказаться от членства в Академии. Два десятилетия спустя министр народного просвещения отказал в ходатайстве Казанского университета о присвоении Пыпину степени доктора русской словесности без представления диссертации. По некоторым данным, это было следствием бескомпромиссности Пыпина²⁴.

Продолжая свои научные изыскания, Пыпин в 1873 г. опубликовал книгу о развитии общественного самосознания в России под названием «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов», части которой печатались в виде статей в «Вестнике Европы». Монография вызвала огромный интерес у современников и выдержала четыре издания. Столь же популярной в читательских кругах была и принадлежащая перу Пыпина первая научная биография В. Г. Белинского²⁵, также частично воспроизведенная в «Вестнике Европы».

Кризис середины 1870-х гг. на Балканах, русско-турецкая война, освобождение Болгарии и последовавшие за этим внешнеполитические события усилили внимание Пыпина к славянскому вопросу. Он опубликовал в «Вестнике Европы» ряд статей, посвященных славянству и славянской идее. Наиболее крупная из этих работ — монографическое исследование «Панславизм в прошлом и настоящем»²⁶. Научная и публицистическая деятельность Пыпина была хорошо известна славянским ученым и общественным деятелям, многие из которых высказывались о ней с одобрением²⁷. В середине 1870-х гг. Пыпин выступил с предложением об изучении истории и этнографии южных славян. При его участии был разработан план экспедиции на Балканы, который не был реализован по объективным причинам внутреннего и международного характера²⁸.

Приоритет для Пыпина славянской тематики в конце 1870-х — начале 1880-х гг. выразился и в том, что он, значительно дополнив и расширив прежний труд о славянских литературах, подготовил новое, двухтомное издание под названием «История славянских литератур» (1879–1881)²⁹. Для своего времени это было единственное обобщение в области изучения славянских

литератур. Основные положения историко-литературной концепции Пыпина базировались на глубокой убежденности в самобытности славянских литератур, внесших свой вклад в сокровищницу мировой культуры³⁰. Книга была по достоинству оценена в России и за рубежом и переведена на несколько западноевропейских и славянских языков³¹. Она побудила многих ученых заняться пристальным изучением славянских литератур (например, историк сербской литературы Н. М. Гальковский называл Пыпина своим «литературным отцом»³²) и стимулировала создание истории национальных литератур у славян. Деятелям славянского национального движения эта книга представлялась «славянской философией на литературно-исторической основе» и «трудом общеевропейского значения»³³, хотя некоторые зарубежные критики (Ф. Левец и др.) отмечали недостаток новейших данных и некоторые фактические ошибки³⁴. Славянофилы (В. И. Ламанский, О. Ф. Миллер и др.), усмотревшие антиславянофильскую направленность книги, выступили против ее концепции. Но в целом труд был воспринят положительно и получил всестороннее признание. Позже П. Н. Сакулин назвал «Историю славянских литератур», написанную на строгой научно-критической основе, «книгой единственной в своем роде на русском языке». Он подчеркивал, что эта работа имела не только научное, но и «весьма важное общественное значение...»³⁵.

Пыпин являлся выдающимся знатоком истории русской литературы. В 1890-е гг. он создал крупный сводный четырехтомный труд «История русской литературы»³⁶ и выпустил книгу о М. Е. Салтыкове³⁷.

Наряду с историко-литературными исследованиями Пыпин серьезное внимание уделял изучению этнографических проблем. Его научный интерес в этой области нашел выражение в обширном четырехтомном труде «История русской этнографии»³⁸, удостоенном Уваровской премии и золотой медали Русского географического общества (РГО). Использованный в этом труде материал значительно выходит за границы собственно этнографии, помогая выполнить поставленную автором задачу — представить развитие этой науки как историю народного самосознания. «Повелителем необъятного ученого материала» назвал А. Н. Пыпина А. Н. Веселовский.

К началу 1890-х гг. Пыпин уже был широко известным ученым, признанным научным авторитетом как в России, так и за

ее пределами. Он являлся почетным и действительным членом различных научных обществ: петербургского и московского Археологических обществ, РГО, Общества истории и древностей российских, Общества любителей российской словесности, Общества любителей древней письменности, Общества любителей естествознания, Русского исторического общества. Ученый входил в состав различных комиссий (археографических, по истории книгопечатания, по публикации сочинений классиков русской литературы, по изданию русских сказок), комитетов (Литературного фонда и др.), общественных и благотворительных организаций. Пыпин был избран почетным членом Болгарского ученого общества в Софии (1884), членом-корреспондентом Сербской Академии в Белграде (1895), иностранным членом Чешской академии наук и искусств (1903).

Признание его заслуг главной научной организацией России — Академией наук пришло лишь в конце 1891 г., когда Пыпин был, наконец, избран членом-корреспондентом по Отделению русского языка и словесности (ОРЯС). В начале 1898 г.³⁹ Пыпин был избран действительным членом Академии наук по тому же отделению — так были заслуженно отмечены его исследования в области русской и других славянских литератур. После избрания Пыпин немало сил отдавал научно-организационной деятельности, принимая участие в различных мероприятиях, проводимых II Отделением. С 1899 г. он вместе с А. А. Шахматовым редактировал «Известия» ОРЯС.

Живя в столице, Пыпин никогда не забывал свой родной город. Он поддерживал связи с земляками, поощрял краеведческие исследования. Для открывшегося в 1885 г. Радищевского музея он присылал ценные экспонаты. Саратовская публичная библиотека пополнялась благодаря и его усилиям. Пыпин был членом Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Признательность горожан выразилась в присвоении Пыпину в 1899 г. звания «почетного гражданина города Саратова».

В первые годы XX в. Пыпин, несмотря на частые болезни и проблемы со зрением, продолжал активно трудиться на академическом и общественном поприще. В частности, он принял участие в подготовке, а затем и в работе съезда славистов, проходившего в 1903 г. в Петербурге. Пыпин согласился участвовать в издании «Славянской энциклопедии». В том же году торжест-

венно отмечался пятидесятилетний юбилей его научно-литературной деятельности, который совпал с 70-летием со дня рождения ученого.

А. Н. Пыпин скончался 26 ноября (9 декабря) 1904 г. и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Петербурге.

В личности А. Н. Пыпина сочетался крупный ученый и болеющий за судьбы своего народа, общества и государства человек.

«Я не сделался славистом». При том что, как говорилось выше, история российского славяноведения второй половины XIX в. немыслима без имени Пыпина, и его с полным основанием можно поставить в один ряд с крупными славистами-современниками, сам ученый не считал себя славистом.

О том, как формировался интерес юноши из провинциального Саратова к изучению славянства и как шла его профессиональная подготовка в этой области, мы узнаем прежде всего из воспоминаний самого Пыпина⁴⁰, его записных книжек⁴¹ и некоторых других источников. Вероятно, самым ранним обращением Пыпина к славянской тематике было его гимназическое сочинение «О влиянии варягов на быт славян» (1848), представленное в учебный округ и признанное лучшим «по мыслям, изложению, подробности и трудолюбию»⁴².

Через год, став студентом историко-филологического факультета Казанского университета, Пыпин начал слушать лекции одного из первых русских славистов В. И. Григоровича. Профессор произвел на молодого студента «большое впечатление». Он давал, вспоминал Пыпин, «слушателям первого курса самое общее понятие о славянстве, его племенах и указывал прямо на опытах переводов образцы наречий с грамматическими объяснениями». Гимназический курс не предоставлял знаний о славянах, и первые лекции Григоровича были для студентов настоящим открытием родственных народов, о которых они до тех пор не имели понятия⁴³. Он сообщал студентам сведения по истории и географии славянских земель, давал им книги славянских авторов из своей библиотеки (поскольку в университетской библиотеке их почти не было). Таким образом Пыпин познакомился «с некоторыми главнейшими произведениями славянской литературы и учености» — трудами В. Караджича, Я. Коллара, П. Шафарика, Й. Добровского, Е. Копитара; прочитал «Путешествие» В. И. Григоровича в славянские земли⁴⁴.

Пыпин оказался одним из немногих «охотников изучать „славянские наречия“», но Григоровичу «с его преданностью науке, с его энтузиазмом... с его любящим... отношением к родственным племенам, ожидавшим своего народного развития», с его «непосредственным, живым и научным изучением славянства» удалось заинтересовать Пыпина своим предметом, хотя студент, по собственному признанию, не собирался быть славистом⁴⁵. Позже Пыпин вспоминал, что Григорович «был идеалист и мечтатель, из тех, которые никогда не расстаются с своей идеей, полагают на нее всю свою преданную любовь». О славянах он говорил «в выражениях самого теплого сочувствия». По словам Пыпина, у Григоровича «не было предпочтений; каждое племя равно вызывало его внимание». Но вместе с тем наименее известные или слабые и малочисленные народы (болгары, «хорутане», лужичане) находили у него особое сочувствие⁴⁶. Несмотря на то что Пыпин изучал «славянские наречия» под руководством Григоровича всего несколько месяцев, он считал этого профессора одним из тех, кому был «особенно обязан»⁴⁷.

Углублению интереса Пыпина к изучению славянства способствовал его двоюродный брат Н. Г. Чернышевский. Он окончил Петербургский университет; из профессоров, у которых учился, «особенно высоко ставил Срезневского», благодаря которому серьезно занялся изучением славянства. Чернышевский делился с Пыпиным «сочувственными отзывами» об И. И. Срезневском, занимавшем кафедру славянских наречий. В его лекциях на исторические и филологические темы «находили место эпизоды из его собственных наблюдений за время его странствований по славянским землям», где он «видел развитие народного возрождения у разных племен, знал лично наиболее видных деятелей времени, близко наблюдал народную жизнь».

По личным впечатлениям Пыпина, Срезневский, по сравнению с Григоровичем, был человеком другого склада — характера «подвижного, но ума точного, даже холодного». Он начинал изучение славянства в эпоху романтизма и включил в это изучение «всю свою энергию и поэтические влечения». «Славянские увлечения» составляли в то время «главный его научный интерес, которому он отдавался со всей живостью своего характера»; его обширные знания, «искусная критическая диалектика, образность изложения» придавали интерес и разнообразие лекциям profes-

сора, которые производили большое впечатление на слушателей и привлекали всех, кто интересовался славянским миром⁴⁸.

Вспоминая своих профессоров, «под впечатлением чтений» которых начались его «первые занятия славянскими предметами», Пыпин в то же время подчеркивал, что их «взгляды не совпадали с исключительными теориями славянофильской школы, — быть может именно потому, что [они] подходили к славянству не теоретически, а по прямому изучению живых обществ и народов. Во все течение своей деятельности наши ученые слависты первого поколения не слились со славянофилами»⁴⁹.

Н. Г. Чернышевский убедил Пыпина перевестись в Петербургский университет, и во время их совместной поездки из Саратова в столицу Пыпин «с большим любопытством слушал отрывки из Мицкевича», которые читал Чернышевский, давая необходимые пояснения, а также из «Краледворской рукописи» и «Суда Любуши», о которых Пыпин, имевший еще «смутные» сведения о славянстве, «пока только слышал»⁵⁰. Авторитет Чернышевского, несомненно, оказал влияние на выбор и формирование приоритетных направлений будущих исследований ученого.

В университетские годы Пыпин увлекался различными предметами, в результате чего его «научные интересы складывались в разных направлениях, впрочем тесно одно с другим связанных». Прежде всего это были русская литература (древняя и новая) и славянская литература (первоначально — литература на церковно-славянском языке). В начале 1850-х гг. специальных исследований по этим предметам было не так много, и Пыпин хорошо знал работы А. Х. Востокова, К. Ф. Калайдовича, П. М. Строева, О. М. Бодянского, В. И. Григоровича, И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, Е. П. Новикова и др.⁵¹.

Книги славянских авторов, вспоминал Пыпин, были менее известны и менее доступны. Однако от Срезневского студентам были хорошо известны имена Й. Добровского, П. Шафарика, Е. Копитара, В. Ганки, Ф. Палацкого, Я. Коллара, Ф. Л. Челаковского, В. Караджича, В. Мацевского⁵².

В письмах из Петербурга родным студент Пыпин писал: «Теперь я более всего занимаюсь славянскими наречиями и английским языком»⁵³. Уже в конце 1850 г. Пыпин сообщал в письме Мордовцеву, что читал Краледворскую рукопись на чешском языке, и уговаривал друга сделать ее перевод на «малороссийский» язык (а когда перевод был готов, высказал ценные

замечания относительно погрешностей размера, лингвистических неточностей и стилистических промахов).

Интерес Пыпина к славянству разделяли его товарищи по университету: друг детства и юности Д. Л. Мордовцев* и В. И. Ламанский — вместе они составили небольшой кружок⁵⁴. Как отмечал Пыпин, они хорошо были знакомы со взглядами славянофилов на славянский вопрос. При этом воззрения членов кружка не совпадали.

Ламанский являлся «горячим приверженцем» славянофильской точки зрения. Пыпин, следивший по журналам за полемикой славянофилов и западников, был, по собственному признанию, «довольно равнодушен» к славянофильству⁵⁵. В то же время он отмечал, что не является и чистым западником: «...для меня славянская часть славянофильского вопроса всегда была предметом большого интереса и сочувствия»⁵⁵.

Мордовцев был «проводником малорусской литературы»⁵⁶ и «начатков украинофильства». К этому движению кружковцы относились «с симпатией». Не соглашаясь с позицией В. Г. Белинского в вопросе о «малорусской литературе» (провинциальной, по мнению критика, и не отвечающей интересам искусства и всего общества), его молодые оппоненты взглянули на дело с «точки зрения славянского возрождения», которое предполагало развитие родного языка каждого славянского народа и создание на нем особой литературы. В этом отношении «малорусская ли-

* Уговаривая друга перейти в Петербургский университет, Пыпин писал ему: «Срезневский непременно завербует тебя в свои партизаны...» (Глинский Б. Б. Александр Николаевич Пыпин (Материалы для биографии и характеристики) // Исторический вестник. 1905. № 1. С. 289).

⁵⁵ Пыпин, объясняя, почему не стал славянофилом, писал: «...я все-таки (хотя мало, но достаточно) видел подлинный народ — и мне трудно было идеализировать его так, как необходимо было для славянофильства, т. е. до фантастики». Делать этот народ — преимущественно крепостной и неграмотный — «готовым носителем возвышенной „народной идеи“, по мнению Пыпина, можно было «только при большом запасе веры», которую славянофилы переносили также на западное и южное славянство. И хотя Пыпина еще с университетской скамьи привлекало «внероссийское славянство», он не разделял славянофильских взглядов и увлечений, с самых первых шагов в науке отстаивая принципы «исторической критики» и «фактического наблюдения» (Пыпин А. Н. Мои заметки. С. 200).

тература» имела такое же право на существование, тем более что с конца XVIII в., как отмечал Пыпин, выработала уже немалый «запас произведений», написанных на родном языке и пользовавшихся у читателей «большой славой или известностью»⁵⁷.

И после окончания университета Пыпин продолжал бывать у Срезневского, где собирался научный круг, «больше археологический, люди, прикосновенные к славянской старине и народности, обыкновенно довольно чуждые или даже враждебные новейшим общественным интересам». Тем не менее общение с ними помогало молодому ученому вырабатывать свое отношение к славянскому вопросу.

В конце 1850-х гг. у Пыпина появилась возможность пополнить свои чисто теоретические, книжные знания о славянском мире практическим знакомством с жизнью славянских народов. «Командировка» больше напоминала туристическую поездку, наполненную интересными экскурсиями, перемежавшимися посещением отдельных лекций известных западноевропейских ученых. Так, в Германии Пыпин наряду с другими слушал лекцию «знаменитого филолога и слависта Августа Шлейхера». Вообще же путешествие по странам Европы Пыпин считал «драгоценным образовательным поучением... привлекательным дополнением к университетскому... высшему курсу»⁵⁸.

В период своей командировки Пыпин дважды побывал в славянских землях, большую часть времени проведя в Праге (ноябрь 1858 — январь 1859, декабрь 1859 — январь 1860). Там он наилучшим образом мог закрепить свой «интерес к литературе и общественному быту славянства», возникший еще в студенческие годы. Благодаря полученной в университете подготовке для Пыпина «была уже отчасти открыта завеса, скрывавшая этот мир от большинства профанов». Он знал имена многих славянских деятелей «новейшего славянского движения и науки», читал их работы. «Славистика не была моей специальностью... — вспоминал Пыпин, — но славянское возрождение представляло такой широкий интерес, притом столь близкий русской национальности по разным отношениям, что значительную часть времени я отдал на изучения славянские»⁵⁹. При этом молодой ученый решительно отмежевался от славянофильских воззрений, которые и раньше представлялись ему исключительными, а после «непосредственного знакомства с славянским движением» он еще больше убедился в своей правоте⁶⁰.

Тем не менее Пыпин, отнюдь не вставая на точку зрения славянофилов, понимал, что славянский мир все громче заявляет о себе, требуя «своего места в этой истории, мир отчасти таинственный по своей малой известности, обещавший какие-то неведомые откровения, и тем больше привлекательный для нас, потому что чувствовалось какое-то близкое, инстинктивное родство с этим миром»⁶¹. Пыпин был готов к встрече с ним, однако на его изначальных представлениях о славянстве, «стремлениях славянского общества» сказалось влияние взглядов Срезневского, побывавшего в славянских землях в начале 1840-х гг. Пыпин ожидал найти в Праге «яркие признаки чешской жизни», слышать «только чешский язык, видеть родной славянский тип», но поначалу обманулся в своих ожиданиях: «На улице только и слышится немецкий язык, гораздо реже чешский... тип жителей не имеет особенно резких славянских черт»⁶².

Однако это было лишь первое впечатление. Пыпин не мог не оценить, что в конце 1850-х гг. Прага представляла, «без сомнения, умственный и нравственный центр западного славянства, важнейший славянский город в австрийской империи»⁶³. В Праге Пыпин «воспринял живые и реальные сочувствия и стремления к изучению славянского мира». Как вспоминал Пыпин, время, проведенное в Праге, он «употребил на то, чтобы освоиться ближе с чешским языком, литературой, вообще славянским движением»⁶⁴.

В Праге Пыпин перезнакомился с большинством чешских литературных и общественных деятелей («старых бойцов славянской и чешской науки и славянской взаимности»), в чем ему особенно помог В. Ганка⁶⁵. Пыпин встречался со многими литераторами, учеными, политиками (в том числе с П. Шафариком, Б. Немцовой, Й. Коларжем, Я. Вацликом, К. Эрбеном и др.), посещал Чешский музей и Чешский театр, университетскую библиотеку, музыкальные концерты и клуб «Чешская беседа», где обычно по вечерам собирались молодые чешские патриоты⁶⁶ (в своих национальных стремлениях далеко не всегда согласные со «стариками»), вспоминая с «заметным одушевлением» «патриотическое возбуждение конца 40-х годов» (т. е. прежде всего революционный 1848 год). Пыпин внимательно читал чешские газеты и журналы. Чешские знакомые — с некоторыми у Пыпина сложились дружеские отношения — старались достать ему

литературу конца 1840-х гг., чтобы он мог лучше понять происходившие тогда события⁶⁷.

В Праге Пыпину удалось познакомиться с группой учащейся молодежи из лужицких сербов — он хотел услышать «лужицкий язык» от непосредственных его носителей. В результате встречи с «юными подвижниками за славянскую народность» Пыпин вынужден был признать, что он и его товарищи, учась в университете, «совсем не так читали по-лужицки». Живой, не книжный язык скорее разочаровал его: «...язык, говоря беспристрастно, ужасен: мне кажется в нем насада германская грубость выговора»⁶⁸.

Во время первого пребывания в Праге у Пыпина родилась идея создания славянской историко-литературной энциклопедии, и он начал сбор материала для этой работы⁶⁹. Он заинтересовался полемикой по поводу таких «памятников древней чешской литературы», как Краледворская и Зеленогорская рукописи, которые казались ему, убежденному Срезневским, в то время (да и годы спустя) подлинными произведениями старины, хотя, по его признанию, уже и тогда некоторыми учеными высказывались сомнения на сей счет⁷⁰ (лишь позднее неопровержимые научные данные убедили Пыпина в поддельности рукописей).

Чешские знакомые Пыпина в основном с симпатией относились к России и русским, но при этом он сделал неожиданное для себя открытие, что они «не имели понятия о новейшей русской литературе»⁷¹. И Пыпин охотно занялся просветительской деятельностью, опубликовав в 1858–1859 гг. в «Часописе чешского музея» несколько заметок о русской литературе с характеристикой течений общественной мысли и литературных направлений в России⁷².

Пыпин оказался в Праге в конце 1850-х гг., и в то время, по его наблюдениям, был спад славянского движения, «борьбы не предвиделось», так как преобладало «реакционное настроение, при котором чешскому патриотизму оставалось только беречь свои предания и запастись силами на будущее»⁷³.

Ближе познакомившись с бытом чехов, Пыпин вынес впечатление, что их жизнь — «очень скромная, очень провинциальная и патриархальная», зачастую бедная⁷⁴.

«Романтические представления о славянском возрождении», с которыми он приехал в Прагу, «на месте» постепенно «видоизменились»⁷⁵. Молодому ученому стало ясно, что самоотверженных «патриотических усилий», с которыми чешские деятели

возрождения старшего поколения отстаивали раньше «права своей народности путем скромной литературы, скромной и аккуратной народной школы», в новых общественно-политических условиях «слишком мало» для решения тех вопросов, «которые уже восставали для чешского (и вообще для западнославянского) возрождения». Старшее и молодое поколения деятелей национального движения не находили общего языка⁷⁶. Он ожидал найти в Праге «живое движение», а его почти не было: «...люди разъединены, серьезного труда нет; всякой решительной, даже просто несколько смелой попытки выразить свою мысль боятся и отдаются на произвол своих надсмотрщиков»⁷⁷. Борьба с «австрийской государственностью» требовала от «национального патриотизма» иных средств — «не романтического, а реально-политического возрождения». Пыпин понимал, что добиться этого парламентскими средствами (в надежде «на славянское большинство в пестром австрийском государстве») вряд ли удастся, так как «разноплеменное» славянство Австрийской империи не проявляло солидарности⁷⁸. Осознание этого выходило за рамки либеральных представлений.

Таким образом, пребывание Пыпина в Праге помогло ему существенно пополнить свои знания о славянах и в какой-то мере скорректировать свое отношение к проблемам, стоявшим перед национальным движением славянских народов.

Вернувшись в Россию, Пыпин, вооруженный не только теоретическими знаниями, но и реальными впечатлениями от посещения славянских земель, начал выступать на страницах самого популярного в то время журнала — «Современника» со статьями, посвященными славянским народам (особенно — социальной, культурной и научной жизни чешского общества⁷⁹). К этому времени у него уже вполне сформировались взгляды на славянство. В них нашли отражение идеи А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, которые признавали за славянами право на независимое национальное и культурное развитие, но не противопоставляли, как славянофилы, славянский мир западной цивилизации, а в основе славянской солидарности видели прежде всего единство «социальных интересов». В 1862 г. Пыпин снова побывал в Праге после очередного всплеска общественно-политической активности в Австрийской империи в 1861 г. В письмах родным Пыпин отмечал некоторое оживление политической жизни в городе, хотя в целом ситуация почти не изменилась⁸⁰. Он вынес из этой по-

ездки новые впечатления, впрочем не изменившие его отношения к славянскому вопросу.

Пыпин с большой симпатией относился ко всему прогрессивному, что было в славянском возрождении: «Я вполне сочувствую новейшему народному движению в славянских племенах, как движению демократическому, выдвигающему массы из невежества, суеверия и социального угнетения». В то же время у него не вызывало уважения использование национальных устремлений некоторыми «ревнителями народности» в их собственных интересах⁸¹.

Таков, в общих чертах, путь Пыпина в славистику. Мысленно возвращаясь к тем годам, Пыпин писал: «При таком пути изучения и опыте и под впечатлениями нашей общественности с половины 50-х годов — ожиданий обновления и наступивших разочарований — сложились мои представления о славянстве»⁸². Эти представления легли в основу его обширных, глубоких, разнообразных по содержанию работ, посвященных славянским народам. В конце жизни Пыпин вспоминал: «Я не был по специальности славистом; но славянские интересы, давно родившиеся и особенно оживленные Прагой в 1860-х годах, побудили меня к моему труду: История славянских литератур...»⁸³.

Во время своих зарубежных поездок Пыпин познакомился со многими славянскими учеными и общественными деятелями, с которыми он впоследствии переписывался. Были у него и заочные знакомые в славянской научной среде, также ставшие его корреспондентами. Переписка с ними позволяла сообщать научные новости и мнения по тем или иным вопросам, узнавать о выходе новых работ и их оценке специалистами и т. п. Со многими своими корреспондентами Пыпин обменивался научной литературой*. Славянские ученые откликались на работы Пыпина, а он помещал в печати заметки, рецензии и статьи по поводу трудов славянских коллег. Это приносило большую пользу для взаимного ознакомления с научными разработками русских

* Так, сербский ученый М. Милетич в письме от 30 сентября 1878 г. выражал признательность Пыпину за посланную им работу «Панславизм в прошлом и настоящем» и особенно благодарил «за мнение и взгляды», выраженные в ней (Данченко С. И. Русско-сербские общественные связи (70–80-е годы XIX в.). М., 1989. С. 133–134).

и инославянских ученых и давало русскому обществу возможность ближе познакомиться со славянским вопросом.

Ко всем славянским народам Пыпин относился с уважением и симпатией. М. П. Драгоманов отмечал исключительную внимательность Пыпина «к положению каждого славянского племени»⁸⁴.

Вспоминая прожитое, Пыпин писал: «В свое время я занимался славянскими предметами, вероятно, не меньше других своих товарищей-современников; но я не сделался славистом, т. е. не сделал славянских предметов своей специальностью»⁸⁵. В то же время Пыпин сохранил приверженность славянской проблематике в течение всей жизни, о чем красноречиво свидетельствуют его многочисленные славистические статьи и книги. Большой вклад ученого в русское славяноведение XIX в. позволяет нам не согласиться с его скромной самооценкой. В истории науки о славянах Пыпин, безусловно, крупная фигура. Его наследие в этой области еще ждет пристального, всестороннего изучения.

«Мой взгляд, давно сложившийся и доселе не изменившийся». Исследователи, изучавшие личность и деятельность А. Н. Пыпина, расходились в характеристике его общественных взглядов. Высказывались суждения о «радикальных» (Л. М. Крупчанов), «прогрессивно-демократических» (Г. И. Щербакова), «демократических» (И. А. Бернштейн), «умеренно-демократических» (А. С. Мыльников), «либерально-демократических» (А. В. Предтеченский, Л. П. Лаптева), «буржуазно-демократических западных» (К. И. Ровда), «академически-либеральных демократических» (Л. М. Крупчанов), «либеральных» (Н. Г. Сладкевич, Г. В. Краснов, Д. А. Балыкин), «умеренно-либеральных» (Н. М. Сикорский, В. И. Масловский) воззрениях Пыпина⁸⁶, его называли «пропагандистом идей русского радикального либерализма» и «утилитаристом», с позиций вульгарного социологизма обвиняя в идеологической узости (В. Г. Чернобаев)⁸⁷. Делались попытки проследить его идейную эволюцию⁸⁸. Оценка политической позиции ученого, порой зависящая от времени упоминания о нем в литературе, зачастую отражалась на определении направленности его научной деятельности: «буржуазно-демократическое просветительство» (А. Л. Гришунин, А. С. Озерянский), «буржуазно-либеральный историк» (Б. С. Мейлах), «либеральный славяновед-филолог» (С. А. Ни-

китин) и др.⁸⁹. Отмечалось также, что в славяноведении он занимал позиции «высшей гражданственности и демократизма „шестидесятников“»⁹⁰.

Еще сложнее охарактеризовать мировоззрение Пыпина, которого трудно причислить к какому-нибудь философскому направлению. Ему были известны взгляды В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского; он изучал идеи Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Л. Фейербаха, Ф. В. Шеллинга, О. Конта и др. От каждого он брал то, что отвечало его собственным философским, общественным и научным представлениям. Об отношении Пыпина к материализму и идеализму судить трудно, но в подходе к анализу общественных процессов у него преобладало идеалистическое понимание. В историческом процессе основным для него было интеллектуальное развитие человечества.

Причисление Пыпина к безусловным сторонникам позитивизма выглядит слишком прямолинейным. Его философский позитивизм не следует абсолютизировать. Сближаясь с позитивистами, Пыпин считал науку единственной формой знания. Прогресс человечества он связывал с развитием научных знаний; этому процессу должно способствовать совершенствование общественной жизни и расширение образования⁹¹.

Трудности, связанные с определением взглядов Пыпина, создал исследователям он сам. «Разброс» мнений свидетельствует о том, что ни в своих работах, ни в воспоминаниях, ни в переписке ученый не заявил четко о своей приверженности той или иной системе воззрений, принадлежности к тому или иному общественно-политическому течению, к той или иной научной школе.

Причину этого, прежде всего, можно усматривать в чертах характера Пыпина. Спокойный, строгий, сдержанный, вдумчивый, осторожный, не склонный к проявлению сильных чувств*, он оставался достаточно замкнутым, «закрытым» человеком, не раскрываясь до конца ни перед близкими, ни перед коллегами. Таким видится психологический портрет ученого, который можно составить по его личным документам и трудам. Это под-

* В одном из писем Пыпину Чернышевский, сравнивая свой характер с характером двоюродного брата, писал: «Ты любишь сдерживать себя. А я не охотник щадить то, что не нравится мне, когда речь идет о вопросах науки и литературы, или чего-нибудь такого, не личного, а общего» (*Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений. М., 1950. Т. 15. С. 433).

тверждается и воспоминаниями хорошо знавших его людей. В них Пыпин предстает «идеалом вполне спокойного, строго серьезного ученого, всецело отдавшегося науке»⁹².

Следует также иметь в виду, что, кроме личностных особенностей, «умеренность», сдержанность в высказываниях являлась сознательной позицией Пыпина в условиях цензурного и политического давления; это стало характерной чертой его научных и публицистических трудов.

Серьезное влияние на формирование взглядов Пыпина оказала та среда, в которой происходило становление его личности.

Люди, бывавшие в доме Пыпиных и Чернышевских, отмечали царившие там гостеприимство, отзывчивость, доброту, простоту, готовность оказать помощь⁹³. Пыпин рос в окружении книг, в семье «были очень развиты литературные интересы». Наряду с классической и современной русской и иностранной литературой и наиболее популярными журналами, Пыпин в детстве познакомился с русскими народными сказками, поверьями и суевериями, обычаями и представлениями о природе, о которых он узнал от двух нянь⁹⁴.

Но жизнь народа представляла не только в сказаниях или песнях и не только своей красивой стороной. С первых лет жизни он видел, хотя и не всегда осознавал, иные стороны «патриархального быта», производившие на него тяжелое впечатление — «мрачные картины насилия, жестокости, подавления личного и человеческого достоинства... проявления крепостного произвола»⁹⁵. С годами Пыпин глубже узнавал и лучше понимал жизнь народа, в основном крепостного и неграмотного; он не идеализировал этот народ, но все больше проникался мыслью о необходимости просвещения народных масс.

Как отмечалось, с самого раннего возраста большое влияние на Пыпина оказывал его старший двоюродный брат, Н. Г. Чернышевский, который был, по признанию младшего брата, его «руководителем» не только в детских играх, но и в учебе⁹⁶. Во время учебы Пыпина в гимназии и в университете Чернышевский постоянно следил за его успехами и направлял его интересы*, принимал участие в его судьбе. Вместе с тем Чер-

* Чернышевский, например, одобрял изучение Пыпиным политэкономии на первом курсе университета (*Балькин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. С. 21).

нышевский, по-видимому, не стремился внушить или навязать Пыпину свои взгляды, а хотел, чтобы у того складывались собственные убеждения по любому вопросу. Так, читая по совету Чернышевского сочинения западноевропейских философов и утопистов, Пыпин пришел к самостоятельным выводам: идеи западных социалистов-утопистов он считал неприемлемыми для России, тогда как философия Л. Фейербаха привлекала его «сильной и решительной логикой»⁹⁷. В результате далеко не все взгляды Чернышевского были восприняты Пыпиным.

Любовь и дружеская привязанность к Чернышевскому сохранились у Пыпина на всю жизнь. В годы ссылки Чернышевского Пыпин взял на себя заботу о его семье, пытался добиться смягчения его участи и разрешения на публикацию его работ⁹⁸.

Взгляды Пыпина формировались не только в кругу близких родственников, но и в гимназической, студенческой среде под влиянием товарищей юношеских лет и преподавателей. Позже Пыпин посещал литературные и «профессорские» кружки — Н. М. Благовещенского, А. В. Никитенко, Н. И. Костомарова, А. А. Краевского, хорошо знал круг «Современника»⁹⁹. Таким образом, у Пыпина была достаточно широкая среда общения с учеными и литераторами, придерживавшимися различных взглядов, что также способствовало формированию его научных и общественных позиций. В заграничной командировке, во время посещения европейских стран он общался с М. М. Стасюлевичем, М. И. Сухомлиновым, Н. Н. Буличем, Б. И. Утиным, встречался с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Общение с людьми разных взглядов, общественно-политической и научной ориентации помогало Пыпину вырабатывать собственное мировоззрение.

По возвращении из-за границы в Петербург Пыпин оказался в среде профессоров университета. Обстоятельства отставки Пыпина свидетельствуют о том, что он разделял мнения либерально настроенной группы профессоров. Вместе с тем еще до зарубежной поездки он вошел в круг «Современника». Сближение с журналом оказало в период 1860-х гг. самое сильное влияние на его взгляды в духе основных установок редакции. В статьях Пыпина в «Современнике» придается большое значение решению социальных вопросов в общественной жизни народов. Отголоски этих идей можно найти и в некоторых более поздних его работах. Сотрудничество с «Современником» способствовало

выработке демократических убеждений, оставшихся у Пыпина на всю жизнь, в его либерализме всегда был «довольно силен налет демократизма»¹⁰⁰. Однако следует заметить, что и в годы работы в «Современнике», когда направленность статей Пыпина приближалась к общей демократической ориентации журнала, он тем не менее сохранял свою, более умеренную позицию, не вставая на радикальную точку зрения. И в дальнейшем Пыпин всегда отрицательно относился к любым идеологическим крайностям.

Следует также отметить, что Пыпин не менял своих взглядов в зависимости от политического курса властей, и в годы реакции его убеждения оставались теми же, что и в периоды общественного подъема. В литературе встречается мнение, что в 1870-е и последующие годы Пыпин отказался от острой критики русской действительности¹⁰¹. Однако нужно иметь в виду, что работа в «Современнике», а затем в либеральном «Вестнике Европы» в условиях жестких цензурных ограничений приучила Пыпина к взвешенности высказываний и умению обходить «острые углы» с помощью намеков, эвфемизмов, умолчаний и т. п. Поэтому мнение о взглядах ученого нельзя составить исходя только из того материала, который предоставляют его печатные труды.

Но и в документах, относящихся к частной жизни, он оставался сдержанным. Будучи под подозрением из-за сотрудничества с «Современником» и связей с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Серно-Соловьевичем, М. Л. Михайловым, Пыпин порой демонстрировал свою лояльность властям, пытаясь в то же время добиться облегчения участи Чернышевского, отделяя его имя от «идеалистических фанатиков», от «бесшабашного болтуна» М. А. Бакунина, от «ошалевшего философа» П. Л. Лаврова и др.¹⁰². Подобные высказывания нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, Пыпин не верил ни в действенность социалистических теорий, ни в реальность революционного пути для преобразований в России. С другой стороны, к демонстрации лояльности вынуждали обстоятельства и чувство ответственности не только за свою семью, но и семью «государственного преступника» Чернышевского.

Однако Пыпину трудно было убедить власти в своей непричастности к радикальной оппозиционности. В правительственных кругах его считали человеком «самого крайнего», «тенденциозного направления», высказывающего «политические

взгляды и мысли, далеко не соответствующие нашему государственному устройству»¹⁰³.

Общественно-политическая обстановка в России также существенно влияла на формирование взглядов Пыпина. Его деятельность была тесно связана с общим подъемом национального самосознания и общественной мысли середины XIX в.¹⁰⁴.

Годы учебы Пыпина в университете пришлось на последний период мрачной николаевской эпохи, когда напуганное революционными событиями 1848 г. в Европе и их возможным влиянием на российское общество правительство, как вспоминал Пыпин, сократило прием в университеты, ввело надзор за преподаванием (исключив из программ философию), литература и журналистика подвергались еще более жестокой цензуре. По признанию Пыпина, попав в Петербург, он сразу же стал знакомиться не только с положением литературы, но и «связанными с ней интересами общественными»¹⁰⁵.

Первым общественным событием, о котором узнал Пыпин, было «дело петрашевцев» (среди его товарищей были люди, знавшие членов организации). Полвека спустя Пыпин отмечал, что кружок молодых людей, которые «толковали о разных отвлеченных вопросах нравственности и политики», не составлял никакого заговора и не представлял опасности для государства. Прежнее увлечение философией, объяснял Пыпин, сменилось увлечением позитивизмом, естествознанием и социальными науками, которые «явились прямо в форме социализма». В социализме молодое поколение привлекала «перспектива раскрытия законов политического устройства, особенно устройства экономического, за которым должно было последовать благополучие народов», первым шагом к которому должна быть отмена крепостного права. В «обширной программе социализма», вспоминал Пыпин, находили себе место разнообразные «волновавшие русское общество» вопросы (они, между прочим, скорее могут считаться элементами либеральной программы) — освобождение крестьян, «какая-либо степень политической свободы, свобода печатного слова и т. д.»¹⁰⁶.

Репрессии в отношении петрашевцев, как отмечал впоследствии Пыпин, не изменили «существующего порядка нашей внутренней жизни» и не приостановили развития общественной мысли¹⁰⁷. Продолжал развиваться тот «либерализм», который

был «так жестоко покаран»; то, что обсуждали и читали в кружке М. В. Петрашевского, продолжали обсуждать и читать, «только с гораздо большей осторожностью». Вспоминая 1850 г., Пыпин писал: «Я сам имел в руках эти книги, но досконально их не читал: вопросы экономические меня не интересовали...»¹⁰⁸.

Настроение, преобладавшее в обществе в начале 1850-х гг., Пыпин охарактеризовал как «либеральное». В кругах, где он вращался, в основном обсуждали не отвлеченные философские теории, а «вопросы ближайшей действительности» — крепостное право, невежество народа, господство бюрократии, «умственное и нравственное состояние общества» и т. п. У «людей с пробудившейся мыслью», среди которых был и молодой Пыпин, «не могло уже быть сомнения в ненормальности такого порядка вещей, не только для просвещенной части общества, но для всего народа, для самого государства»¹⁰⁹.

Крымская война дала мощный толчок развитию общественной мысли и общественного движения. Она показала, что «далеко не все было благополучно» в стране. В обществе «созревало убеждение, что старая административная система идет к банкротству». Со смертью Николая I появилось ожидание «нового порядка вещей». В те годы, как вспоминал Пыпин, получила широкое распространение нелегальная литература, с которой он был знаком¹¹⁰.

В начале царствования Александра II делаются первые шаги на пути некоторого смягчения режима. Общественное мнение добивается возможности участия в обсуждении крестьянского вопроса, молодежь зачитывается статьями Чернышевского в «Современнике», из ссылки возвращаются декабристы, петрашевцы, польские повстанцы, члены Кирилло-Мефодиевского общества¹¹¹. Со многими из них Пыпин встречался, с некоторыми был близко знаком (Т. Г. Шевченко, П. А. Кулиш, Н. И. Костомаров). Их мысли и настроения также влияли на формирование взглядов Пыпина.

Освобождение крестьян и другие реформы 1860-х гг. не могли не найти сочувственного отклика в душе Пыпина (его воспоминаний о том времени нет, но в трудах более позднего периода он не раз вспоминает как прогрессивное явление либерализацию жизни российского общества). К этому времени его взгляды уже вполне сформировались. Это был «человек прочных убеждений, с глубоким инстинктом правды»¹¹².

В дальнейшем, работая в «Вестнике Европы», Пыпин вместе с основными сотрудниками журнала с либеральных позиций выступал против произвола и насилия, отстаивал права и свободы граждан, необходимость просвещения народа¹¹³. Его труды о русском общественном движении были «остры и смелы», и их автор «пользовался большим успехом не только у либералов, но и в радикальных кругах»¹¹⁴.

Хотя статьи Пыпина и в «Современнике», и в «Вестнике Европы» отличает спокойный и объективный тон, им присуща серьезная критика правительственной реакции и общественного консерватизма. Статьи, опубликованные в 1860-х гг. в «Современнике», были бы столь же уместны и на страницах «Вестника Европы». Взгляды Пыпина не изменились в связи с переходом из одного журнала в другой*. Тем не менее его общественная позиция периода работы в «Современнике» кажется ярче социально ориентированной по сравнению с более нейтральной позицией времен «Вестника Европы». Безусловно, общее направление того и другого журнала, требования, предъявляемые редакциями, не могли не сказаться на характере статей, публикуемых на страницах этих изданий. Однако скорее всего, на подобное восприятие статей Пыпина оказывает влияние «эффект отражения», т. е. на фоне радикально-демократических по содержанию и форме материалов «Современника» статьи Пыпина также выглядят более «решительными». Может возникнуть соблазн трактовать их как призывы к существенным социально-политическим изменениям (хотя в то же время некоторые положения его статей в самом деле дают основание считать, что и ему не было чуждо общее увлечение редакции и со-

* Высказывалось суждение, что программа «Вестника Европы» ограничивала Пыпина в выражении своего мнения, но в период общественного подъема рубежа 1870–1880-х гг. возродился его «былой демократизм», и в статьях по славянскому вопросу, как и в других работах, отчетливо выражены демократические взгляды (Ровда К. И. Россия и Чехия. Взаимосвязи литератур. 1870–1890. Л., 1978. С. 25–26). В литературе о Пыпине встречается и такая версия: с началом сотрудничества Пыпина в либеральном «Вестнике Европы» произошел его переход на умеренно-либеральные позиции, которые, якобы, отчетливо проявлялись в его работах (Крупчанов Л. М. Н. Г. Чернышевский и А. Н. Пыпин (Своеобразие общественно-литературных позиций) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1978. № 4. С. 43).

трудников «Современника» начала 1860-х гг.). С другой стороны, либеральный настрой «Вестника Европы», бросая ответ на публикации Пыпина, придавал им оттенок умеренности и лояльности. А истина, как всегда, — посередине. Непредвзятость, объективность Пыпина — ученого и публициста — делали его статьи актуальными и научно значимыми и в журнале Н. Г. Чернышевского, и в издании М. М. Стасюлевича.

Жизнь Пыпина пришлась на эпоху бурных общественных событий в России и в Европе. В России второй половины XIX в. ярким явлением было народническое движение. Проследив эволюцию последнего, Пыпин оценил его неоднозначно. С одной стороны, стремление представителей этого движения служить народу и их практическая деятельность на поприще просвещения народных масс были ему близки и понятны. С другой стороны, многие теоретические положения в воззрениях народников казались ему неясными, а их экономические и социальные доктрины — неприемлемыми¹¹⁵.

Двоякое отношение было у Пыпина и к другому общественному течению — славянофильству, которое он также изучал в динамике. Полагая, что славянофильство, как и западничество, оказало определенное идейное влияние на развитие либерального движения в России, он видел несомненную заслугу этой школы в стремлении повернуть общественное сознание к народу и его интересам. В то же время он считал славянофильское учение «кабинетной теорией», носившей консервативный, мистический характер и постепенно выродившейся в «недвусмысленный обскурантизм и сомнительное народолюбие»¹¹⁶. Ученый критиковал и последователей славянофилов, проповедовавших идеи шовинистически окрашенного панславизма.

Примечательно, что за резко критическое отношение к теории и деятельности славянофилов Пыпин слыл в их среде «сильным западником», хотя некоторые находили, что он «очень славянофил для западника»¹¹⁷.

Общественные взгляды Пыпина, сформировавшиеся под воздействием различных факторов, не претерпели существенных изменений на протяжении его жизни. В период общественного подъема 1860-х гг. он испытал влияние просветительских и демократических идей. Взгляды зрелого Пыпина, насколько о них можно судить по его творческому и документальному наследию, ближе всего подходят к определению «либеральные». Он сам

определял либерализм как «направление общественной мысли, стремящееся к большему развитию самостоятельности общества, к достижению большей свободы для человеческой личности и человеческой мысли». Но нужно иметь в виду, что понимание либерализма было у Пыпина довольно широким. Он подводил под него взгляды декабристов, петрашевцев, славянофилов и западников, Герцена, Чернышевского, народников, усматривая у них оппозиционность существующему режиму и стремление улучшить жизнь. Не принимая активного участия в общественном движении, он тем не менее высказывался в печати в поддержку освобождения крестьянства, за развитие земского самоуправления и других реформ 1860-х гг., народного образования, науки и литературы. По его высказываниям в печати можно судить о том, что достижение этих целей он видел в эволюционном развитии страны, в реформировании всех сфер жизни, в согласованных действиях правительства и общества, в их отказе от консерватизма и реакции, в расширении общественной самостоятельности¹¹⁸. Позиция Пыпина была отмечена стремлением «к борьбе с мраком, застоем, невежеством»¹¹⁹, он отстаивал идеи европеизации русской жизни, интеллектуальной свободы и т. п.¹²⁰. Не только в годы работы в «Современнике», но и в последующий период Пыпин оставался верен «прогрессивно-демократическим традициям 60-х годов»¹²¹. По оценке П. Н. Сакулина, Пыпин всегда осознавал «в себе не только ученого, но и гражданина», он «обладал *цельным научным и гражданским мирозерцанием*» и «всю свою жизнь оставался *типичным шестидесятником*»¹²².

Как отмечали современники ученого, его исследования объединены «светлым прогрессивным мирозерцанием»¹²³.

В основе взглядов Пыпина на историю лежало понимание того, что «историческое развитие имеет свои законы», над которыми люди не властны¹²⁴. В понятие исторического закона он включал «прогрессивное развитие человечества»¹²⁵. Его философско-исторические воззрения включали признание повторяемости, преемственности и непрерывности исторического процесса, закономерной связи явлений, общности законов исторического развития народов, представление о постоянной борьбе сил реакции и прогресса. Прогрессивность исторических явлений и фактов определяется отношением к прогрессу «накопления знаний». История общества для Пыпина — это история цивили-

зации, процесс накопления знаний и развития идей, осуществляющийся в национальных рамках в виде роста национального самосознания¹²⁶.

Народные массы играли в исторической концепции Пыпина роль прогрессивных сил в развитии общества. Касаясь вопроса о роли личности и масс в истории, Пыпин отмечал, что исторические события «определяются не отдельным лицом, а целыми массами», и чем дальше, тем больше, но при этом подчеркивал, что «выдающиеся личности несомненно оказывали влияние на ход событий»¹²⁷.

Развитие каждой нации он рассматривал не изолированно, а в связи с историческими и культурными судьбами других народов. История виделась ему не в «неподвижной традиции», а в динамичном, поступательном движении, в «широте опыта, в живой и развивающейся деятельности материальных и нравственных народных сил»¹²⁸. Для ученого характерен исторический оптимизм.

Развитие исторических знаний позволило Пыпину в конце XIX в. заметить, что они испытывают влияние «всей научной деятельности эпохи и всех новейших волнений в жизни народов и обществ». Ученый указывал, что в истории есть явления «индивидуальные» и «общего характера». Исследование исторических явлений, подчеркивал Пыпин, не может дать таких точных результатов, какие получают экспериментальные науки, но в идеале исторической науке следует «как можно больше подойти к точным наукам». История должна «постигнуть внутренний смысл фактов на основании их внешнего проявления, открыть их духовную связь и перейти к их *нравственной оценке*» (последнее он считал чрезвычайно важным). Таким образом, история должна собрать факты и «сделать из них свой вывод»¹²⁹ и на основании фактов «предсказывать результат, по прошедшему угадывать будущее» (т. е. заниматься социальным прогнозированием)¹³⁰.

Этнографию Пыпин тесно связывал с историей¹³¹. В этнографических исследованиях он видел путь к изучению народности, в обзоре развития самой этнографической науки — успехи народного самосознания¹³². «Великое значение» этнографической науки определялось для ученого тем, что, «собирая и анализируя точные факты, она устраняет построения, хотя бы продиктованные наилучшими побуждениями, но произвольные или даже фантастиче-

ские»¹³³. Не руководствуясь предвзятыми идеями, сам ученый не отдавал предпочтения ни одной этнической группе¹³⁴.

Освещая историко-литературные явления, Пыпин использовал понятие «развития», имея в виду прежде всего развитие идей. Литературу он рассматривал как отражение общественной жизни, национальной психологии, признавал ее большую воспитательную и познавательную силу, а историю литературы тесно связывал с историей страны и духовной жизнью общества¹³⁵. Более того, история литературы у него чаще всего отражает историю общественного, общенационального развития и потому входит как составная часть в историю самого общества. Для своего времени это был совершенно новый взгляд на литературу.

В литературных явлениях Пыпин раскрывал в первую очередь их общественно-национальный и политический смысл. В писателе он видел «выразителя тех или иных тенденций, публициста и социолога». Поэтому художественной стороне творчества, характеристике литературных направлений и течений он почти не уделял внимания¹³⁶, подчеркивая, что изучение этих аспектов литературы порой давало «очень скудную жатву в художественном смысле, но могло дать очень много для истории общественных настроений, нравов» и т. п.¹³⁷. Вследствие этого, как отмечают некоторые исследователи славистического научного наследия Пыпина, он допускал недооценку художественной стороны творчества ряда литераторов (скорее всего, он и не ставил перед собой подобной задачи). Вместе с тем ученый верно наметил перспективы развития славянских литератур по пути обогащения и углубления национального содержания, социального смысла, реализма произведений и учета общеславянских вопросов¹³⁸.

Будучи истинным ученым, Пыпин в своей научной деятельности прежде всего стремился решить задачи, поставленные самой наукой. Вместе с тем он видел цель своей работы «в удовлетворении тех запросов, какие предъявляет к науке действительная жизнь»¹³⁹. Вспоминая А. Н. Пыпина и его полувековой труд на научном поприще, П. Н. Сакулин отмечал: «Наука давала опору его общественным убеждениям, а его общественные интересы направляли и оживляли его научную работу»¹⁴⁰. Сакулин очень точно подметил характерную для Пыпина черту — тесную взаимосвязь научных и общественных взглядов, которые оказали влияние на методы и приемы его исследовательской работы.

«Историческая критика» и «живое фактическое наблюдение» (Методы научной работы). Формирование научных взглядов и методов происходило у Пыпина параллельно с формированием его общественной позиции и во многом под влиянием тех же факторов. В молодые годы Пыпин прочитал сочинения В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и использовал некоторые их идеи в своих работах. Познакомившись с теориями западных ученых, Пыпин расширил свои научные представления, заимствуя то, что отвечало его собственным устремлениям (принцип историзма и идею народности И. Г. Гердера *, сравнительно-мифологический метод Я. Гримма, метод критического анализа И. Канта, позитивный метод О. Конта, методологические положения представителей «культуро-исторической школы» И. Тэна, Г. Геттнера и др.). Он изучал также труды российских мифологов (Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, И. Е. Забелина) и сторонников культурно-исторического направления (Н. С. Тихонова).

Не желая избрания Пыпина в Академию наук, министр народного просвещения Д. А. Толстой указывал, что работы ученого не имеют «строго научных приемов исследования»¹⁴¹. Исследователи порой отмечают эклектизм методологии Пыпина¹⁴². Но использование в его ранних работах различных методов не было чисто механическим соединением разнообразных принципов и подходов к научному исследованию. Эти компоненты обогащали его научные представления, из них складывался собственный метод ученого.

Обладая аналитическим умом и склонностью к систематизации знаний, Пыпин считал необходимым сравнительное изучение однородных явлений (в частности, в истории славянских народов) для того, чтобы, опираясь на имеющиеся источники, делать обоснованные выводы¹⁴³. В начале своей научной деятельности Пыпин применял сравнительно-мифологический метод, дававший возможность выявить сходство в творчестве разных народов на ранней стадии их развития. Вскоре такой подход

* В его теории Пыпин видел «задаток многих отраслей современной этнографической науки и сравнительно-литературного изучения». К тому же Гердер, по словам Пыпина, «справедливо и дружелюбно» высказывался о славянстве (Пыпин А. Н. Первые слухи о сербской народной поэзии // Вестник Европы. 1876. № 12. С. 735–736).

оказался недостаточным и был расширен за счет принципа сравнительно-исторического изучения, позволившего любое явление проследить в развитии и взаимосвязи с другими явлениями. Пыпин отмечал, что этот метод открыл «неизвестные прежде перспективы» научных исследований в языкознании, литературоведении, этнологии и истории¹⁴⁴. Но сравнительное изучение и анализ сходных явлений, как утверждал Пыпин, «не окончательная ступень исследования»; она является основанием «для новых философско-исторических обобщений»¹⁴⁵.

К середине 1860-х гг. вполне сформировались основные черты научной позиции Пыпина, которые с годами оттачивались, становились более определенными и устойчивыми. К концу века Пыпин ввел в арсенал своих научных методов приемы психологического (в особенности этнопсихологического) изучения истории культуры¹⁴⁶.

Пыпина называют наиболее характерным представителем и выразителем принципов культурно-исторической (общественно-исторической) школы. Это направление в России так и именовалось — «пыпинианство»¹⁴⁷. На работы Пыпина опирались и писали в русле культурно-исторической школы А. И. Яцимирский, Н. М. Петровский, М. Н. Сперанский, П. А. Кулаковский, А. Л. Погодин, Р. Ф. Брандт и другие, однако их научные методы рознились и не всегда совпадали с методом Пыпина¹⁴⁸.

Пыпин отдал дань широко распространенному в его время позитивистскому методу. Он полагал, что ученый должен дать в своем труде как можно более полные, точные сведения об изучаемых предметах, фактах, явлениях, процессах и не навязывать другим исследователям и читателям вообще свои взгляды и выводы, предоставляя им возможность делать собственные заключения на основе объективной информации.

Но в то же время методика исследований Пыпина имеет и существенные отличия от позитивизма. Ученый чаще всего находил способ обозначить свою точку зрения в том или ином вопросе. Он утверждал, что современная ему наука опирается на «аналитическое изучение» прогресса человечества, которое «должно привести к иного рода обобщениям, более точным и доказательным, потому что в основании их полагаются строго определенные факты»¹⁴⁹. Его метод исключал произвольное толкование фактов. Для ученого была важна как практическая, эмпирическая, так и аналитическая, критическая сторона науч-

ного познания¹⁵⁰. Поэтому нередко разработку той или иной темы Пыпин заключал широкими обобщениями, аналитическими выводами, порой имевшими теоретическое значение. В каждом его труде чувствуется «общая нить анализа, общие исторические перспективы»¹⁵¹.

Пыпин критиковал тех специалистов, которые направляли все свои усилия на разработку частных вопросов науки, отказываясь делать широкие обобщения под тем предлогом, что для них нет достаточного материала. На подобные аргументы Пыпин возражал, что «накоплению и обработке материала никогда не будет предела». Вместе с тем «научные силы мельчают... и в погоне за специализацией ослабевает самый интерес и способность к обобщению, в которых и заключается двигающая сила науки»¹⁵². Когда один из современников обвинил Пыпина в пристрастии к сбору материалов вместо проведения исследований, ученый ответил своему оппоненту, что заботится о подготовке материалов как раз «для исследований, которые именно и составляют цель науки»¹⁵³.

Пыпин обладал как умением «охватить дробный и обширный материал», так и «даром монументальных ученых конструкций»¹⁵⁴. В его научной практике изучение фактов не сводится к их фиксации и описанию в отрыве от широкого контекста. «Обобщать... факты, исследовать их причины и следствия, переходить к общим условиям от частных явлений» — таков научный метод Пыпина¹⁵⁵. Вместе с тем ученый отмечал, что сами по себе обобщения не являются окончательной и застывшей формой, они тоже претерпевают изменения «сообразно с новыми запросами исторического исследования» и новыми научными данными¹⁵⁶.

Объективность научного исследования Пыпин ставил очень высоко. При этом он спокойно признавал ошибочность некоторых своих представлений, что можно проиллюстрировать на примере его отношения к вопросу о подлинности Краледворской, Зеленогорской и других рукописей. Будучи вначале убежденным в их древнем происхождении, молодой ученый тем не менее тщательно собирал и фиксировал все противоположные суждения. Так, в конце 1850-х гг. Пыпин писал о «Суде Любуши»: «Мы теперь нисколько не сомневаемся в памятнике, пользуемся им как драгоценным остатком славянской древности». В то же самое время он отмечал, что Й. Добровский отнесся к памят-

нику «недоверчиво», а Е. Копитар объявил его «подложным»¹⁵⁷. Пыпин не упорствовал в своем мнении и изменил его впоследствии под давлением неопровержимых доказательств.

Заблуждался он и в отношении «малых литератур». В конце 1850-х гг. Пыпин считал, что словаки произвели «раскол» в чешско-словацком национальном движении, поскольку «вздумали» ввести свой литературный язык и создать свою литературу, чем нанесли «вред» общей борьбе¹⁵⁸. Однако с течением времени историческая реальность и научные данные помогали ему скорректировать свое мнение.

В научных исследованиях Пыпин высоко ценил критический подход авторов к изучаемым фактам и явлениям, а также к источникам сведений (что отличало и его собственные работы). Прежде всего это относилось к историческим и историко-литературным трудам. Он выступал против идей «чистого искусства» и «эстетической» критики, в которой не ощущалось исторического начала¹⁵⁹. Но в то же время Пыпин считал, что выявить негативные факторы в прошедшем «не значит впасть в пессимизм, потерять веру в будущее». Напротив, полагал он, «сознание заблуждения только и может питать надежду на лучшую судьбу в будущем»¹⁶⁰.

Обладая большой эрудицией, прекрасной памятью, знанием языков, Пыпин использовал в своей работе потрясающее воображение количество русской и иностранной (западноевропейской и славянской) научной литературы и источников. Для более углубленного изучения интересовавших его вопросов он привлекал данные других наук. По мнению Пыпина, с развитием научных знаний все более заметным становилось взаимное влияние различных дисциплин науки. Так, он отмечал тесную связь исторических исследований с археологией, антропологией, психологией, социологией и статистикой, языкознанием, правоведением, экономическими и другими науками, изучающими «человеческую природу и природу общества». Таким образом, расширение предмета истории и границ исторических исследований происходило не только за счет новых идей и накопления новых данных, но и благодаря «смежным» наукам¹⁶¹.

Во времена Пыпина содержание, методы, терминология многих наук находились в процессе становления (это отмечал и сам Пыпин¹⁶²), что сказывалось на нечеткости некоторых определений, употребляемых ученым.

Заслугой Пыпина является введение в научный оборот огромного количества фактического материала (которым до сих пор как источником пользуются ученые) — зачастую неизвестного или слабо изученного, а также заново пересмотренного и осмысленного. Все его труды основаны на солидной базе источников. Кроме печатных, он привлекал обширные архивные, эпистолярные, мемуарные материалы. Его всегда отличали бережное отношение к источнику, стремление быть максимально точным при передаче содержания документа и воспроизведении библиографических сведений, «четкость в характеристиках, острый анализ спорных вопросов»¹⁶³. По всем изучаемым вопросам он приводил разные точки зрения, в том числе и не согласные с его собственными позициями. По мнению ученого, «элементарное правило требует, что нужно знать и мнения „другой стороны“ для того, чтобы собственный вывод обнял все части вопроса»¹⁶⁴. Это позволяло ему проводить исследования объективно и отмечать вклад в науку даже тех ученых, чьи взгляды он не разделял. Полемику со своими оппонентами Пыпин вел корректно, не допуская (за исключением отдельных случаев) резких выражений в их адрес.

Таким образом, научная объективность исследования обеспечивается неоспоримыми фактами и учетом различных точек зрения, однако возможна различная трактовка данных в зависимости от «духа времени», общественных и политических условий¹⁶⁵.

Свой комплексный метод Пыпин применял и при изучении истории общественной мысли и общественного движения, и при анализе историко-культурных и литературных феноменов. Он исследовал истоки любого явления, его развитие, его внутренние связи, проводил сопоставление с другими аналогичными явлениями. Он ставил перед собой задачу, опираясь на исторические факты, проанализировать причины и внутренние механизмы изучаемого явления. Любую проблему он рассматривал на широком историческом фоне, в то же время уделяя большое внимание подробностям и деталям, которые придают процессам конкретно-исторический вид и позволяют делать более точные выводы. Вместе с тем ему претили описательность и случайный подбор фактов¹⁶⁶. Ученый предостерегал от увлечения излишней фактографией: история не должна обязательно скрупулезно фиксировать все «события

одной недели», так же как «зоология не обязана описывать каждого воробья»¹⁶⁷.

Универсальность используемого метода, скорее всего, можно объяснить тем, что, как уже отмечалось, исторический и литературный процессы были для Пыпина очень близки и тесно взаимосвязаны.

Пыпин очень серьезно и внимательно следил за всем, что выходило в печати по интересующим его вопросам. Он делал заметки о новых книгах. По каждому славянскому народу у него были систематизированные списки научной литературы на славянских и западноевропейских языках¹⁶⁸. Эти библиографические выписки особенно помогли ученому при подготовке обобщающих трудов.

Ряд крупных работ Пыпина носит историографический характер. С одной стороны, это отражает стремление автора представить процесс развития научных знаний, а с другой — это один из способов, используемых ученым, чтобы с помощью обзора научной литературы, отражающей различные мнения и направления общественной мысли, затронуть опосредованно такие вопросы общественной жизни, которые в силу цензурных ограничений и иных причин не совсем удобно было обсуждать прямо и открыто. То же относится и к многочисленным рецензиям Пыпина. Систематизация литературы давала ученому возможность показать «общественный рост в борьбе направлений»¹⁶⁹.

Большинство научных работ Пыпина проходило первоначальную «апробацию» в виде журнальных статей, в которых ярко проявилось сочетание публицистического и исследовательского таланта ученого. Многие его статьи в «Современнике» и «Вестнике Европы» с полным правом можно назвать научно-публицистическими. Выступления в подцензурной прессе выработали у Пыпина привычку к осторожности в выражениях, к передаче мыслей, в случае необходимости, с помощью «эзопова языка», умолчаний, недоговоренности, прозрачных намеков и очевидных аналогий (по меткому выражению А. Н. Веселовского, он «продолжал думать между строк»¹⁷⁰). Так, исследуя общественное движение николаевской эпохи, Пыпин под «литературными мнениями» подразумевал социально-политические взгляды представителей различных направлений общественной мысли в России¹⁷¹. При этом, как отмечал

Н. К. Пиксанов, Пыпин придавал своим работам «иносказательно-дидактический характер» (например, излагал историю декабристского движения так, чтобы чувствовалась настоятельная потребность в конституции; о Пушкине писал так, чтобы была очевидна необходимость свободы слова и отмены цензуры)¹⁷².

В своих журнальных статьях Пыпин нередко использовал для обозначения каких-либо происходивших в России событий и явлений, обсуждение которых в печати не могло быть свободным, описание аналогичных явлений и событий в других странах. Так, после гонений на «Современник» Пыпин опубликовал без подписи цикл статей под названием «Процессы о печати в Австрии»¹⁷³. Судебные преследования прогрессивной печати, по мнению Пыпина, характеризовали политическое положение государства и давали возможность «для некоторых выводов относительно законодательств о печати вообще»¹⁷⁴, что было очень актуально и для России (после утверждения в 1862 г. Временных правил о печати и в период подготовки цензурной реформы, последовавшей в 1865 г.).

Еще одной особенностью работ Пыпина является неоднократное возвращение в одном тексте или разных работах к одной и той же теме под несколько иными углами зрения, в различных контекстах*. Такие повторы позволяли автору сосредоточить внимание читателей на определенной мысли, углубить ее содержание, показать ее важность и т. д. Каждый раз такие повторы интересны новым оттенком авторского видения проблемы.

* Подобный прием подачи материала, используемый и другими авторами, у Пыпина, возможно, берет начало в его недолгой лекционной практике, а также в журнальной работе (его статьи, как правило, печатались с продолжением в нескольких номерах журнала и представляли самостоятельные, завершенные отрывки, объединенные общей темой; поэтому в разных номерах он кратко повторял основные, важные для изложения моменты; кроме того, каждый месяц к чтению могли подключаться новые лица). А. Н. Веселовский, указывая на журналистские приемы в работах Пыпина, в частности, отмечал, что, избегая цензурных сложностей, Пыпин выходил из затруднения с помощью «повторений и возвращений» к одному и тому же предмету, «действуя постепенными приступами мысли, которые как будто втолковывали ее, заставляли на ней остановиться и досказать про себя...» (*Веселовский А. Н. А. Н. Пыпин. С. VII*).

В своей научной и публицистической деятельности Пыпин не ограничивался использованием источников и литературы, он наблюдал жизнь в разных ее проявлениях, следил за общественными и культурными процессами, и эти впечатления тоже находили отражение в его трудах. Говоря о методике своей исследовательской работы, сам Пыпин отмечал соединение в ней «исторической критики» и «живого фактического наблюдения»¹⁷⁵.

Кроме того, Пыпин нередко использовал в своих работах сведения, которые ему предоставляли его многочисленные корреспонденты из России и зарубежных стран (в том числе славянские ученые и деятели национального движения).

Тех, кто обращается к научному наследию Пыпина, поражает большое количество обобщающих работ (хотя немало исследований, посвященных отдельным вопросам). В таких трудах ученый стремился, не «расплываясь в мире частных и детальных крупиц знания»¹⁷⁶, сконцентрировать все (или почти все) известные ему сведения по изучаемому вопросу, чтобы дать читателю по возможности полную и завершенную картину.

Подобный принцип отбора и подачи материала уходит корнями в ранний период научной деятельности Пыпина и даже в его студенческие годы. Вспоминая о той поре, о своих занятиях «славянскими предметами» и историей русской литературы, маститый академик на склоне лет писал, что молодой ученый в середине XIX в., приступая к изучению какой-либо темы, оказывался вначале «в своем предмете, как в дремучем лесу, где вынужден сам искать свою тропинку к серьезным вопросам науки», поскольку не хватало специальной литературы и не было обобщающего руководства, столь необходимого начинающему исследователю*. Первые шаги в науке убедили Пыпина «в необходимости подобных общих курсов с объяснительными введениями и указанием литературы предмета». Именно такие труды и решил он подготовить «по истории славянских литератур, по истории этнографии, по истории русской литературы»¹⁷⁷.

* И в конце XIX в. ситуация существенно не изменилась. В 1891 г. в статье «Казимир Бродзинский» Пыпин отмечал, что отсутствие обобщающих сочинений по-прежнему бросается в глаза, а немногие подобные труды, как правило, оказываются переводными (Вестник Европы. 1891. № 10. С. 742).

Своими исследованиями Пыпин хотел не только решить ту или иную научную проблему, прояснить спорные вопросы, дать обществу знания в определенной области, но и пробудить стремление у тех, кто заинтересовался его разработками, к дальнейшим «самостоятельным изучением»¹⁷⁸.

Нельзя не упомянуть еще об одной характерной черте работ Пыпина. Он считал, что ученый, исследуя даже узкоспециальные вопросы, должен суметь в доступной форме донести результаты своих разысканий до широких масс¹⁷⁹. Своими книгами и журнальными статьями сам Пыпин доказал приверженность такому подходу.

А. Н. Пыпин неоднократно указывал на неподготовленность русского общества к восприятию славянского вопроса, на недостаточную информированность о прошлом и настоящем славянства, культурном развитии и взаимоотношениях славянских народов. Поэтому в своих славистических трудах он старался, по его собственным словам, «не входя в частные исследования», т. е. не углубляясь в узкоспециальные научные вопросы, не отягощая свои работы «утомительными подробностями», дать «общий обзор для читателей-неспециалистов»¹⁸⁰. Все его труды отличаются простотой и доходчивостью изложения. А. Н. Веселовский отмечал, что журнальная «закваска» сделала Пыпина-ученого «популяризатором», а его стиль — «внятным»¹⁸¹. В том же смысле высказывался и А. С. Архангельский, подчеркивая, что Пыпин «всегда умел соединять общедоступность изложения, необходимую для журнальной статьи, с полной серьезностью и обстоятельностью разработки специального трактата»¹⁸². Наряду с содержанием, форма играла не последнюю роль в том, что работы Пыпина пользовались большой популярностью и в России, и за рубежом; главные из них неоднократно переиздавались при жизни Пыпина и после его смерти. Методы и принципы научного исследования, на которые опирался в своих работах Пыпин, были восприняты и применялись многими учеными¹⁸³.

Примечания

¹ Пыпин А. Н. Мои заметки. СПб., 1910. Переиздание: Саратов, 1996 (сноски даны на это издание).

- ² Пятидесятилетие научно-литературной деятельности академика А. Н. Пыпина // Литературный вестник. 1903. № 3. С. 323–344.
- ³ Венгеров С. А. Пыпин // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и Н. А. Ефрона. СПб., 1898. Т. XXXVa. Полутом 50. С. 892–894.
- ⁴ Глинский Б. Б. Среди литераторов и ученых. Биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи. СПб., 1914.
- ⁵ Ляцкая В. А. Пыпин Александр Николаевич // Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской академии наук. Пг., 1917. Т. III. Ч. 2. С. 72–121.
- ⁶ Пиксанов Н. К. Академик А. Н. Пыпин. К столетию со дня рождения // Вестник АН СССР. 1933. № 4. С. 39–44; Кораблев В. Н. Академик А. Н. Пыпин и славянский вопрос // Вестник АН СССР. 1933. № 8–9. С. 67–78.
- ⁷ См.: Ровда К. И. По следам 1848 года (А. Н. Пыпин в Праге) // Русская литература. 1970. № 1. С. 173–183; Карская Т. С. Три месяца в Праге (Записные книжки А. Н. Пыпина) // Советское славяноведение. 1968. № 3. С. 49–57; Лебедев С. Б. «Академическое дело 1871 года» (Выборы А. Н. Пыпина в академию наук) // Русская литература. 1978. № 2. С. 150–155; и др.
- ⁸ Гришунин А. Л. Пыпин // Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. Стб. 116–117; Мыльников А. С. Пыпин // Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 282–289.
- ⁹ Балькин Д. А. А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. Брянск, 1996 (гл. 1. «Научная и общественная деятельность А. Н. Пыпина»). С. 16–71).
- ¹⁰ Озерянский А. С. «Содействовать славе отечества» // Саратовские друзья Чернышевского. Саратов, 1985. С. 3–17; Он же. А. Н. Пыпин и его автобиографические заметки // Пыпин А. Н. Мои заметки. Саратов, 1996. С. 4–45.
- ¹¹ Пытин А. Н. Мои заметки. С. 46.
- ¹² Там же. С. 48.
- ¹³ Опубликовано: СПб., 1857.
- ¹⁴ [Пытин А. Н.] Процессы о печати в Австрии // Современник. 1863. № 1–2, 4, 5 (подпись: -А-).
- ¹⁵ Жуковский Ю. Г. Вопрос молодого поколения // Современник. 1866. № 2–3.
- ¹⁶ Глава о польской литературе написана В. Д. Спасовичем.
- ¹⁷ См.: Беляева Ю. Д. Литературы народов Югославии в России. Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX, начало XX в. М., 1979. С. 108.
- ¹⁸ Так, за заслуги в области изучения сербской и других славянских литератур в 1869 г. Пыпин был избран членом-корреспондентом Сербского ученого общества (см.: Данченко С. И. Русско-сербские общественные связи (70–80-е годы XIX в.). М., 1989. С. 132–133; Беляева Ю. Д. Литературы народов Югославии в России... С. 152).

¹⁹ *Пыпин А. Н.* Русское масонство в XVIII в. // Вестник Европы. 1867. Т. II–IV; *Он же.* Материалы для истории масонских лож // Вестник Европы. 1872. № 1–2, 7, 11.

²⁰ *Пыпин А. Н.* Очерки общественного движения при Александре I // Вестник Европы. 1870. № 2, 4, 6, 9–12; 1871. № 2–3; *Он же.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов // Вестник Европы. 1871. № 5, 9, 12; 1872. № 5, 11, 12; 1873. № 4, 5, 7 (отд. изд.: СПб., 1873). Об этих исследованиях Пыпина в 30–х гг. XX в. Н. К. Пиксанов писал, что они не потеряли своего значения из-за «богатства материалов» и того «миросозерцания, какое в них отразилось» (*Пиксанов Н. К.* Академик А. Н. Пыпин... С. 41).

²¹ *Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем // Вестник Европы. 1878. № 9–12.

²² *Пыпин А. Н.* Изучение русской народности // Вестник Европы. 1882. № 12; *Он же.* О задачах русской этнографии // Вестник Европы. 1884. № 4–5; *Он же.* Обзор малорусской этнографии // Вестник Европы. 1885. № 8–12; *Он же.* Малорусская этнография за последние двадцать пять лет // Вестник Европы. 1886. № 1; *Он же.* Белорусская этнография // Вестник Европы. 1887. № 4–7; и мн. др.

²³ *Пыпин А. Н.* Древний период русской литературы и образованности. Сравнительно-исторические очерки // Вестник Европы. 1875. № 11–12; 1876. № 7, 9; *Он же.* Средние века русской литературы и образованности // Вестник Европы. 1876. № 11; 1877. № 2, 4; и др.

²⁴ *Вл. Б. [Богданов В.]* А. Н. Пыпин // Этнографическое обозрение. 1904. № 3. С. 133.

²⁵ *Пыпин А. Н.* В. Г. Белинский. Опыт биографии // Вестник Европы. 1874. № 3–4, 6, 10–11; 1875. № 2, 4–6. Отдельное издание: Белинский. Его жизнь и переписка. СПб., 1876. Т. 1–2.

²⁶ Вестник Европы. 1878. № 9–12.

²⁷ См., например: *Данченко С. И.* Русско-сербские общественные связи... С. 133–134.

²⁸ См.: *Лебедев С. Б.* А. Н. Пыпин и его проект историко-этнографической экспедиции на Балканы // Советская этнография. 1984. № 3. С. 83–92.

²⁹ В этом издании глава о польской литературе также принадлежит В. Д. Спасовичу.

³⁰ *Пыпин А. Н.* История славянских литератур. СПб., 1879. Т. 1. Гл. 2.

³¹ *Беляева Ю. Д.* Литературы народов Югославии в России... С. 149–150.

³² *Мельц М. Я.* А. Н. Пыпин и русская фольклористика конца XIX — начала XX в. // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. 2. С. 131.

³³ См.: *Лаптева Л. П.* Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. М., 1997. С. 56; *Она же.* А. Н. Пы-

пин и его вклад в славяноведение // Славянский альманах 2004. М., 2005. С. 199.

³⁴ Чуркина И. В. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. — 1914 г. М., 1986. С. 117–118.

³⁵ Сакулин П. А. Н. Пыпин. М., 1905. С. 27, 29.

³⁶ Пытин А. Н. История русской литературы. СПб., 1898–1902. Т. 1–4.

³⁷ Пытин А. Н. М. Е. Салтыков. СПб., 1899.

³⁸ Пытин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1890–1892. Т. 1–4.

³⁹ По другим данным — в 1897 г. (см.: Семевский В. И. Памяти А. Н. Пыпина // Русская мысль. 1904. № 12. С. 170; Сакулин П. А. Н. Пыпин. С. 17).

⁴⁰ Пытин А. Н. Мои заметки (см. сноску 1).

⁴¹ О записных книжках Пыпина см.: Карская Т. С. Три месяца в Праге (Записные книжки А. Н. Пыпина) (см. сноску 7).

⁴² См.: Балькин Д. А. А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. С. 19.

⁴³ Пытин А. Н. Мои заметки. С. 85.

⁴⁴ Григорович В. И. Очерк ученого путешествия по Европейской Турции // Ученые записки Казанского университета. 1848. Кн. 3. См.: Пытин А. Н. Мои заметки. С. 86.

⁴⁵ Там же. С. 86–88.

⁴⁶ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. IX.

⁴⁷ Пытин А. Н. Мои заметки. С. 87.

⁴⁸ Там же. С. 72–73; Он же. Срезневский // Вестник Европы. 1880. № 3. С. 451; Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. IX.

⁴⁹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. IX.

⁵⁰ Пытин А. Н. Мои заметки. С. 96–97.

⁵¹ Там же. С. 112.

⁵² Там же. С. 113.

⁵³ Глинский Б. Б. Александр Николаевич Пыпин (Материалы для биографии и характеристики) // Исторический вестник. 1905. № 1. С. 281.

⁵⁴ Пытин А. Н. Мои заметки. С. 112.

⁵⁵ Цит. по: Кораблев В. Н. Академик А. Н. Пыпин и славянский вопрос. С. 74.

⁵⁶ Пытин А. Н. Мои заметки. С. 113.

⁵⁷ Там же. С. 114–115.

⁵⁸ Там же. С. 175, 194.

⁵⁹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. IX.

⁶⁰ Там же. С. XI.

⁶¹ Пытин А. Н. Мои заметки. С. 200–201.

⁶² А. Р. [Пытин А. Н.] Два месяца в Праге // Современник. 1859. № 3. С. 128.

⁶³ Там же. С. 127.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Пыпин А. Н.* Мои заметки. С. 202.

⁶⁶ Там же. С. 203.

⁶⁷ Там же. С. 203–204; *Карская Т. С.* Три месяца в Праге... С. 51–52, 54; *Ровда К. И.* По следам 1948 года... С. 173.

⁶⁸ *Карская Т. С.* Три месяца в Праге... С. 51.

⁶⁹ См.: *Балыкин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. С. 31; *Карская Т. С.* Три месяца в Праге... С. 55.

⁷⁰ *Пыпин А. Н.* Мои заметки. С. 207.

⁷¹ Там же.

⁷² См., например, статьи Пыпина: *Listy o ruské literature // Časopis Musea Království Českého*, 32 г., sv. 3, s. 583–599; *Listy o nejnovější ruské literature. II // ČMKČ*, 33 г., sv. 1, s. 119–127; *Listy o nynější ruské literature. III // ČMKČ*, 33 г., sv. 2, s. 255–263.

⁷³ *Пыпин А. Н.* Мои заметки. С. 204.

⁷⁴ Там же. С. 204–205.

⁷⁵ Там же. С. 205.

⁷⁶ Там же. С. 206.

⁷⁷ Из письма А. Н. Пыпина В. И. Ламанскому от 19 декабря 1858 г. Цит. по: *Документы к истории славяноведения в России (1850–1912)*. М.; Л., 1948. С. 21.

⁷⁸ *Пыпин А. Н.* Мои заметки. С. 206.

⁷⁹ См. статьи Пыпина в «Современнике»: «Два месяца в Праге» (1859. № 3–4), «Из Праги» (1860. № 2), «Вячеслав Ганка» (1861. № 3).

⁸⁰ См.: *Балыкин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. С. 35.

⁸¹ *Пыпин А. Н.* Несколько слов о «народных началах» и о «цивилизации» // *Современник*. 1865. № 6. С. 159.

⁸² *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. XI.

⁸³ См.: *Ровда К. И.* По следам 1848 года... С. 173.

⁸⁴ *Драгоманов М. П.* Историческая Польша и великорусская демократия. Киев, 1917. С. 53.

⁸⁵ *Пыпин А. Н.* Мои заметки. С. 200.

⁸⁶ *История русской журналистики XVIII–XIX веков*. М., 1973. С. 369.

⁸⁷ См.: *Мельц М. Я.* А. Н. Пыпин — исследователь фольклора зарубежных славян // *Русский фольклор VIII*. М.; Л., 1963. С. 357.

⁸⁸ О либеральном перерождении Пыпина в 1860-х гг. говорилось в книге: *Евгеньев-Максимов В. Е., Тизенгаузен Г. Ф.* Последние годы «Современника». Л., 1939. С. 21. О переходе Пыпина на умеренно-либеральные, или «академически»-либеральные позиции см. также: *Крупчанов Л. М.* Н. Г. Чернышевский и А. Н. Пыпин (Своеобразие общественно-литературных позиций) // *Научные доклады высшей школы. Филологиче-*

- ские науки. 1978. № 4. С. 43, 47. Подробнее см.: *Балыкин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь направлений русской общественной мысли. С. 9.
- ⁸⁹ См.: *Балыкин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. С. 8–9.
- ⁹⁰ *Белые Ю. Д.* Литературы народов Югославии в России... С. 20.
- ⁹¹ *Ровда К. И.* По следам 1848 года... С. 180–181.
- ⁹² Мнение В. П. Острогорского приведено Б. Б. Глинским. См.: *Глинский Б. Б.* Александр Николаевич Пыпин... С. 294.
- ⁹³ *Балыкин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. С. 60.
- ⁹⁴ *Пытин А. Н.* Мои заметки. С. 52, 57.
- ⁹⁵ Там же. С. 53.
- ⁹⁶ Там же. С. 48.
- ⁹⁷ Там же. С. 107, 118, 122.
- ⁹⁸ *Балыкин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. С. 38, 54; *Озерянский А. С.* «Содействовать славе отечества». С. 14–17.
- ⁹⁹ *Пытин А. Н.* Мои заметки. С. 159, 162.
- ¹⁰⁰ *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1963. Т. 2. С. 136.
- ¹⁰¹ *Лаптева Л. П.* Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. — 1917 г.). М., 1978. С. 107.
- ¹⁰² *Балыкин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. С. 54.
- ¹⁰³ *Семевский В. И.* Памяти А. Н. Пыпина. С. 169; *Ткаченко П. С.* Новые материалы о А. Н. Пыпине // *Русская литература.* 1967. № 4. С. 120–121; *Балыкин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. С. 48–49.
- ¹⁰⁴ Академические школы в русском литературоведении. М., 1975. С. 112.
- ¹⁰⁵ *Пытин А. Н.* Мои заметки. С. 105–106, 116.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 118.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 117–118, 120.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 21.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 131–132.
- ¹¹⁰ Там же. С. 137, 139–141.
- ¹¹¹ Там же. С. 148.
- ¹¹² *Веселовский А. Н.* А. Н. Пыпин. СПб., 1905. С. VII.
- ¹¹³ *Балыкин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. С. 45.
- ¹¹⁴ *Пиксанов Н. К.* Академик А. Н. Пыпин... С. 43.
- ¹¹⁵ *Пытин А. Н.* Теории народничества // *Вестник Европы.* 1892. № 10. С. 704–705; *А. В-нь [Пытин А. Н.]* Еще о теориях народничества // *Вестник Европы.* 1893. № 2. С. 760–761; *Балыкин Д. А.* А. Н. Пы-

пин как исследователь течений русской общественной мысли. С. 127–128.

¹¹⁶ *Балыкин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. С. 115.

¹¹⁷ *Карская Т. С.* Три месяца в Праге... С. 57.

¹¹⁸ См.: *Балыкин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. С. 67, 134.

¹¹⁹ *Глинский Б. Б.* Александр Николаевич Пыпин... С. 264.

¹²⁰ Академические школы в русском литературоведении. С. 135.

¹²¹ Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 186.

¹²² *Сакулин П. А.* Н. Пыпин. С. 5.

¹²³ *Вл. Б. [Богданов В.]* А. Н. Пыпин. С. 133.

¹²⁴ *Д. [Пытин А. Н.]* Сербский перевод тургеневской «Нови» // Вестник Европы. 1877. № 12. С. 876.

¹²⁵ *А. В-нь [Пытин А. Н.]* Приемы исторической работы // Вестник Европы. 1893. № 1. С. 290.

¹²⁶ *Крупчанов Л. М.* Н. Г. Чернышевский и А. Н. Пыпин... С. 44.

¹²⁷ *А. В-нь [Пытин А. Н.]* Приемы исторической работы. С. 285.

¹²⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. СПб., 1879. Т. 1. С. 43.

¹²⁹ *А. В-нь [Пытин А. Н.]* Приемы исторической работы. С. 259, 263, 276.

¹³⁰ *А. Н. [Пытин А. Н.]* Будущность славянства // Вестник Европы. 1877. № 12. С. 805.

¹³¹ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3. С. 381.

¹³² *Архангельский А. С.* Труды академика А. Н. Пыпина в области истории русской литературы. СПб., 1904. С. 46.

¹³³ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. 1892. Т. 4. С. IV.

¹³⁴ *Вл. Б. [Богданов В.]* А. Н. Пыпин. С. 134.

¹³⁵ Академические школы в русском литературоведении. С. 109–110, 113, 115, 122, 131; *Пиксанов Н. К.* Академик А. Н. Пыпин... С. 42–43; *Веселовский А. Н.* А. Н. Пыпин. С. VII.

¹³⁶ *Беляева Ю. Д.* Литературы народов Югославии в России... С. 146; *Архангельский А. С.* Труды академика А. Н. Пыпина в области истории русской литературы. С. 38–40.

¹³⁷ *Пытин А. Н.* Мои заметки. С. 126.

¹³⁸ *Бернштейн И. А.* Чешская литература в русской критике второй половины XIX в. // Из истории связей славянских литератур. М., 1959. С. 51–52.

¹³⁹ *Сакулин П. А.* Н. Пыпин. С. 4.

¹⁴⁰ Там же. С. 5.

¹⁴¹ Цит. по: *Семевский В. И.* Памяти А. Н. Пыпина. С. 169.

- ¹⁴² Егоров Б. Ф. К вопросу о месте А. Н. Пыпина-фольклориста в общественной борьбе 1860-х годов // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. IV. М.; Л., 1959. С. 169; Горский И. К. Александр Веселовский и современность. М., 1975. С. 112; Балыкин Д. А. А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. С. 42.
- ¹⁴³ А. П-нь [Пытин А. Н.] [Рец. на кн.:] Записки о Южной Руси. Издал П. Кулиш. Два тома. СПб. 1856–1857 // Современник. 1857. № 5. С. 24.
- ¹⁴⁴ Пытин А. Н. О сравнительно-историческом изучении русской литературы // Вестник Европы. 1875. № 10. С. 642.
- ¹⁴⁵ Т. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1898. № 3. С. 416; А. В-нь [Пытин А. Н.] Приемы исторической работы. С. 264.
- ¹⁴⁶ Пытин А. Н. История русской литературы. Изд. 2-е. СПб., 1907. Т. I. С. 10.
- ¹⁴⁷ Академические школы в русском литературоведении. С. 109.
- ¹⁴⁸ Беляева Ю. Д. Литературы народов Югославии в России... С. 152–153.
- ¹⁴⁹ Пытин А. Н. О сравнительно-историческом изучении русской литературы. С. 642.
- ¹⁵⁰ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. IV.
- ¹⁵¹ Вл. Б. [Богданов В.] А. Н. Пыпин. С. 133.
- ¹⁵² Пытин А. Н. Казимир Бродзинский // Вестник Европы. 1891. № 10. С. 741.
- ¹⁵³ А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1889. № 9. С. 410.
- ¹⁵⁴ Пиксанов Н. К. Академик А. Н. Пыпин... С. 41.
- ¹⁵⁵ В. Н. [Пытин А. Н.] Народность и народничество // Вестник Европы. 1888. № 2. С. 850.
- ¹⁵⁶ А. В-нь [Пытин А. Н.] Приемы исторической работы. С. 263.
- ¹⁵⁷ А. Р. [Пытин А. Н.] Два месяца в Праге // Современник. 1859. № 3. С. 138–139; См. также: Карская Т. С. Три месяца в Праге... С. 55.
- ¹⁵⁸ А. Р. [Пытин А. Н.] Два месяца в Праге. № 3. С. 159–160.
- ¹⁵⁹ Академические школы в русском литературоведении. С. 115.
- ¹⁶⁰ А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1892. № 4. С. 877.
- ¹⁶¹ А. В-нь [Пытин А. Н.] Приемы исторической работы. С. 260–261, 287.
- ¹⁶² Пытин А. Н. История русской литературы. СПб., 1897. Т. I. С. IV; 1903. Т. 4. С. V.
- ¹⁶³ Пиксанов Н. К. Академик А. Н. Пыпин... С. 41; Веселовский А. Н. А. Н. Пыпин. С. VI.
- ¹⁶⁴ А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1892. № 4. С. 879.
- ¹⁶⁵ А. В-нь [Пытин А. Н.] Приемы исторической работы. С. 292.
- ¹⁶⁶ Академические школы в русском литературоведении. С. 113.
- ¹⁶⁷ А. В-нь [Пытин А. Н.] Приемы исторической работы. С. 263.
- ¹⁶⁸ Карская Т. С. Три месяца в Праге... С. 55.

- ¹⁶⁹ Веселовский А. Н. А. Н. Пыпин. С. VI.
¹⁷⁰ Там же. С. VII.
¹⁷¹ Пиксанов Н. К. Академик А. Н. Пыпин... С. 42.
¹⁷² Там же. С. 43.
¹⁷³ Современник. 1863. № 1/2, 4, 5.
¹⁷⁴ Там же. 1863. № 1/2. С. 417.
¹⁷⁵ Пытин А. Н. Мои заметки. С. 200.
¹⁷⁶ Сакулин П. А. Н. Пыпин. С. 3.
¹⁷⁷ Пытин А. Н. Мои заметки. С. 88.
¹⁷⁸ Пытин А. Н. История славянских литератур. Т. 2. С. XX.
¹⁷⁹ Пытин А. Н. Новые разыскания о народно-поэтической старине // Вестник Европы. 1886. № 12. С. 791–792.
¹⁸⁰ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. VII; Т. 2. С. XVI.
¹⁸¹ Веселовский А. Н. А. Н. Пыпин. С. VII.
¹⁸² Архангельский А. С. Труды академика А. Н. Пыпина в области истории русской литературы. С. 3.
¹⁸³ Пиксанов Н. К. Академик А. Н. Пыпин... С. 44.

Глава 1

Славянские народы с древних времен до эпохи национального возрождения

Общие сведения. В обзоре многовековой истории славянства А. Н. Пыпин сообщал сведения, известные науке своего времени, обобщая данные исследований русских и зарубежных ученых. Для читателей, «желающих познакомиться с предметом ближе»¹, ученый предлагал достаточно обширную библиографию работ отечественных и иностранных авторов.

А. Н. Пыпин начинал знакомить читателя со славянством с древних времен. Он напоминал, что, как и другие европейские народы, славянские народы принадлежат к арийскому или индоевропейскому языковому сообществу. Подтверждение подобному заключению дает сравнительное языкознание, которое «раскрыло теснейшую связь славянских языков с основными языками арийского корня и указало первые начатки славянской культуры еще в древнем наследии общего арийского источника». Это, по мнению Пыпина, доказывает тем европейским мыслителям, ученым и политикам, которые считали славянские народы «неполноценными», «второсортными», «полную равноправность славянского племени в европейской среде»². Когда славянский язык «выделился в особое целое», он сам стал основой, от которой берут начало различные языки, наречия и говоры — существующие и уже утраченные («вымершие») ³.

Наряду со сравнительным языкознанием, сравнительное изучение славянской и других европейских мифологий и литератур также показало их «близкое первобытное родство» и «черты одного культурного типа»⁴.

В соответствии с данными лингвистической науки своего времени, Пыпин выделял две главные «отрасли» славянского языка: юго-восточную (или северо-восточно-южную) и западную. Он объяснял, что такое деление «основывается на нескольких характеристических отличиях в звуках и словообразовании». Впервые, напоминал Пыпин, оно было предложено Й. Добровским, затем принято П. Шафариком⁵. Западная «отрасль» включает в себя языки чешский, польский, серболужицкий (в свою очередь, состоящие из нескольких наречий, к которым был отнесен и сло-

вацкий язык), а также языки исчезнувших полабских и балтийских славян. Юго-восточная «отрасль» имеет более сложную структуру, подразделяясь сначала на три «ветви»: русскую, болгарскую и сербо-хорвато-словенскую, каждая из которых делится на языки и наречия⁶. В соответствии с этой классификацией языков, Пыпин распределял и славянские народы на два главных «отдела»: *юго-восточные* — русские (великорусы, малорусы, белорусы), болгары, сербы (сербы, хорваты, словенцы) и *западные* — поляки, чехи, мораване, словаки, верхние и нижние лужичане, исчезнувшие полабские и балтийские славяне.

Ссылаясь на доказательства, представляемые сравнительным языкознанием, Пыпин отмечал, что славянские языки сохранили в своих древнейших памятниках письменности и в «областных» наречиях «много следов самой отдаленной старины». По сравнению с другими европейскими языками, в которых преобладают аналитические формы, славянские языки, подчеркивал ученый, отличаются гораздо более консервативным характером — в них преимущественно синтетические формы (впрочем, наблюдалось их разложение и в славянских языках: например, болгарский язык «утратил падежное склонение, потерял много глагольных форм и т. д.»)⁷. Но уже и в древних памятниках письменности, язык которых близок к «первоначальной форме», замечал Пыпин, можно различить «те главные наречия, на которые славянский язык распадается в наше время»⁸.

Большую роль в славянской лингвистике Пыпин отводил сравнительному языкознанию, благодаря которому в XIX в. велось научное изучение и отдельных славянских языков, и их связей между собой, и их развития в контексте истории славянских народов. Опираясь на эти исследования, Пыпин писал, что связь славянских языков легко понять, если обратиться к «старославянскому церковному языку». Славянские языки имели одну основу, один «корень». Со временем языки все дальше «расходи-

⁶ В 1865 г. в «Обзоре истории славянских литератур» Пыпин делил славян, исходя из этнографических и языковых особенностей и «исторических условий», на восточных (русские, сербы и болгары) и западных (с. 5), уточнив это деление в «Истории славянских литератур» (т. 1, с. 20). Наряду с этим, и в «Обзоре», и в других работах Пыпина южное славянство по праву занимает свое самостоятельное место в классификации славянских народов.

лись от первоначального центра». В процессе развития к общему для всех языков словарному составу прибавлялось много новых слов. Кроме того, оказывали влияние языки соседних неславянских народов: немецкий язык — на польский и чешский; турецкий, греческий, албанский — на болгарский и сербский и т. д.⁹ Развитие славянских литератур привело к формированию литературных языков и созданию новых слов для обозначения новых понятий¹⁰.

Если вопрос о славянских языках был в достаточной степени прояснен, то вопрос «о месте древнейших славянских поселений в Европе», по признанию Пыпина, оставался «крайне темным». Не беря на себя ответственность высказывать окончательное суждение по этому вопросу, Пыпин, опираясь на мнения специалистов, отмечал, что предположительно «первоначальным гнездом» обитания славян «была местность между верховьями Дона и Днепром, и за Днепр к восточному берегу Балтийского моря и средней Висле, на юг не далее Припети» (так! — Е. А.). Затем они стали расселяться в северном, южном и западном направлениях. «Каким образом, — продолжал Пыпин, — произошло расселение самого славянского племени, после неизвестно когда (во всяком случае, за несколько веков до Р. Х.) случившегося прихода в Европу, остается опять неясно». Но с того времени славяне живут на тех же территориях, за весь период были отмечены лишь «незначительные частные передвижения» (исключение составляют русское племя, захватившее «громадные земли на востоке», и исчезнувшие балтийские славяне)¹¹. При этом Пыпин подчеркивал, что роль славянства «в „переселении народов“ и дальнейшие отношения его с своим соседством до IX–X вв.» недостаточно прояснены¹².

То, что славянство в этническом отношении представляет собой не единое племя, а разнообразие племен, Пыпин объяснял «различием естественных условий их географического распределения», их «исторических столкновений» с восточными и западными племенами Европы, с Римом и Византией¹³: народы «жили раздельною жизнью... окруженные совершенно разнохарактерными условиями», в результате чего образовалось «множество „видов“ славянского типа»¹⁴.

По мнению ученого, с течением истории и жизни в разных условиях все ярче обозначались национальные свойства, закреплявшие «первоначальные племенные деления»¹⁵. Принадлеж-

ность тех или иных этносов к группе славянских народов вовсе не означает их идентичности*.

А. Н. Пыпин приводил сведения об ареале распространения каждого славянского народа и данные этнографической статистики** (вместе с цифрами, отражающими религиозную принадлежность славян)¹⁶.

Прослеживая исторические судьбы славянства, Пыпин обращал внимание на то, что уже в древнюю эпоху славянство состояло из многих отдельных народностей, занимало огромное пространство, имело связи со множеством чужих племен — так что даже для того времени трудно говорить о единстве славянства, «хотя национальные свойства и язык к началу исторических эпох еще сохраняли большое первобытное сходство»¹⁷. Пыпин снова и снова настойчиво подчеркивал, что в «долгое течение» своей истории славянство вступает разделенным. Разные условия жизни влияют на существующие отличия, которые становятся все определеннее¹⁸.

Неокрепшие славянские государства, как отмечал Пыпин, пали под натиском более сильных «по своей образованности и государственному развитию или его зачаткам» соперников (Византийская империя, Священная римская империя, католическая церковь)¹⁹.

* «Черногорец и белорусский крестьянин, — писал Пыпин, — представляют одно и то же племя; оба они одинаково первобытны, то есть не тронуты образованием, и при всем том между ними лежит целая пропасть в их общественных понятиях», и они вовсе не представляют собой «явления совершенно однородные» (Пыпин А. Н. Вопрос о национальности и панславизм // Современник. 1864. № 1. С. 209).

** А. Н. Пыпин ссылаясь на труды П. Шафарика и других ученых, обращая внимание на то, что их данные не всегда точны. Так, условия существования болгар и турецких сербов под османским владычеством не представляли возможности для статистических исследований (Шафарик насчитывал 600 тыс. болгар в 1820-х гг., в 1840-х гг. он скорректировал эту цифру до 3,5 млн человек; другие источники насчитывали 6–7 млн; по последним к моменту написания книги данным, болгар насчитывалось 5 млн 120 тыс., хотя сами болгары считали, что их 7,5 млн). В других случаях статистические данные искажались (например, австрийская статистика занижала цифры славянского населения империи, желая уменьшить «значение славянских народностей относительно господствующего немецкого племени»).

Первым заметным историческим событием в славянских землях Пыпин считал введение христианства в IX–X вв. (хотя отдельные проявления его у западных и южных славян, уточнял ученый, наблюдались и раньше, а окончательное установление произошло несколько позже указанного срока). Вместе с тем, отмечал Пыпин, это было и время образования государств (или более тесного сплочения племенных масс)²⁰. Христианство, по мнению Пыпина, «произвело первый обширный переворот во внешней и внутренней жизни славянского мира. Оно завершило период языческой древности». Пыпин напоминал, что история «славянского христианства» связана с именами братьев Кирилла и Мефодия. Сообщая известные сведения о них, Пыпин в то же время критически подходил к версиям их жизнеописания, отмечая, что в изучении жизни и деятельности «солунских братьев» остается много неясных вопросов: кто они — греки или славяне? изобретение алфавита относится к 855 или 862 г.? И созданная ими азбука, и переведенные ими книги являлись предметом спора. Описание их деяний, полагал Пыпин, скорее легенда, чем реальная история. Приводя мнение части ученых, распространенное у русских и болгар, о том, что язык перевода Священного Писания — «народный язык болгар», он сообщал и о наличии другого мнения, господствующего у западных славян, в соответствии с которым это был язык «славян паннонских, или хорутан»²¹.

При этом Пыпин акцентировал внимание на том, что было два источника проникновения христианства в славянскую среду — Византия и Рим. Племена, просвещенные Кириллом и Мефодием, составляли только часть славянского мира, в то же время «большая часть славянства отпала в мир западно-христианский, католический и латинский»²²; «рядом с кирилловским письмом (до сих пор не выяснено, в каких именно с ним отношениях) стояла глаголица; тогда же входило в употребление латинское письмо»²³. Это привело к разделению славянства на «два религиозно-враждебные лагеря», поскольку славянские народы «примкнули к разным типам европейской культуры и религии, одни к византийскому Востоку, другие к романо-германскому Западу». Понять особенности западной и восточной христианских церквей людям X–XI вв. было нелегко, к тому же «авторитет церковной власти поддерживался всей окружающей жизнью»²⁴.

Вначале православие распространялось и на Чехию и Польшу, но вскоре было вытеснено католицизмом. В течение долгого времени и южное славянство было предметом спора западного и восточного христианства. В результате, отмечал Пыпин, в Боснии число католиков весьма значительно, а в Далмации «перевес католицизма был решительный», в то время как в Болгарии и Сербии победа осталась за православием. Таким образом, восточные и южные племена (за исключением хорватов и хоруган) приняли восточное православие, западные — католицизм. Пыпин считал, что нельзя обвинять славян-католиков в отступничестве от православия. Ведь многие славянские племена «прожили всю свою историю» с католической верой²⁵.

Рассуждая о важности религиозного фактора в истории славянства, Пыпин подчеркивал, что он зачастую оказывался сильнее национального (Болгария и Сербия близки России не столько потому, что их население «было с нами единоплеменно, сколько потому, что было единоверно») ²⁶.

Прежде всего различие религий (вместе с политическими обстоятельствами), по мнению Пыпина, определило два направления в общественном развитии славянства. «Византия, — писал Пыпин, — вместе со своим каноническим правом передавала восточному славянству и обычаи своего политического права, которые несомненно влияли на упадок старинного демократического устройства славянской общины»²⁷. В результате в южнославянских царствах «развивался византийский абсолютизм и вместе феодальный разброд земель». И на Руси вече и общинная федерация постепенно уступили место централизованному государству²⁸. Западные славяне испытали влияние европейского феодализма*, который «нашел приверженцев» в славянской аристократии, отделившейся от народа («Польша развивалась в аристократическую олигархию») ²⁹.

Рассуждения Пыпина о влиянии Запада на славянство приводят к мысли об объективной неизбежности подчинения последнего первому на определенном этапе истории. В отличие от славянских историков, часто изображавших немцев «грубыми

* В данном случае Пыпин оценивает влияние Византии и Западной Европы на славян с разных точек зрения: правовой и социально-экономической. Кроме того, развитие феодализма происходило не только в Западной Европе, хотя за ее пределами оно началось позже.

притеснителями благодушного славянства», он обращал внимание на то, что «древнее славянство само бывало не очень благодушно, да и международные отношения никогда не руководились человеколюбием и великодушием». Во всяком случае, резюмировал ученый, при «реальном столкновении германский элемент обнаружил силу, какой не было в славянском мире, и нет даже до сих пор». Разьединенное славянство не могло противопоставить германцам «ни той же степени просвещения, ни той же политической силы»³⁰.

Сам Пыпин признавал, что «общее положение», на котором базировались многие его рассуждения, состоит в том, «что исторические явления жизни славян имели „относительно западной цивилизации“ только пассивное значение», о чем свидетельствуют судьбы всех славянских народов, подчиненных «чужой политической власти» и культурному влиянию; такую же пассивную роль «играло и русское племя, до Петра запертое от Европы; даже наиболее близкие к западной цивилизации чехи и поляки часто только заимствовали из нее „готовое содержание“». Это, впрочем, совершенно не мешало «славянским племенам оказывать влияние на *политическую* сторону европейской жизни», а «русская империя стала даже одним из главных рычагов этой политической жизни в новой Европе»³¹. Однако Пыпин упоминал и те исторические моменты, когда «славянство само участвовало в развитии европейских идей, т. е. цивилизации... не пассивно, а активно» (например, гуситское движение)³².

Повторяя тезис о разьединенном существовании славянских племен, Пыпин обращает внимание на то, что это обстоятельство сказалось на их судьбах, поскольку все славяне порознь боролись за свое существование: русские против татар, Литвы и Польши, болгары и сербы — с Византией и турками, чехи потерпели поражение от немцев, полабские славяне, не выдержав борьбы, совершенно исчезли. Славяне, покоренные турками, несколько веков жили «под тяжким игом», у них, по словам Пыпина, была отнята «всякая возможность национального движения». Другие славяне «были заняты вопросами своего существования и внутреннего развития». Славянские народы в своем развитии шли в разные стороны, и никакого центростремительного движения не наблюдалось³³.

Не только социально-экономическое и политическое, но и культурное развитие двух групп славянских народов, как отме-

чал Пыпин, имело определенные отличия: «Из Византии шло влияние византийской церковной письменности; с католицизмом распространялось латино-германское образование»³⁴. В том, что западное славянство, более тесно связанное с европейской образованностью и литературой, проникалось европейскими идеями, Пыпин, в отличие от славянофилов, не усматривал никакой «измены» славянским началам³⁵.

Восточное и южное славянство, объединенное «общностью церкви и церковно-литературного языка» (старославянского), испытывало сильное влияние Византии (к отрицательным проявлениям и последствиям этого влияния Пыпин относил недостаток свободной научной мысли в византийской образованности и то, что «классическая литература осталась чужда славянскому образованию») ³⁶. В то же время заметное распространение церковно-славянского языка в IX–X вв. Пыпин оценивал как факт широкого общения славянских племен. «Великая миссия» этого языка состояла в том, что он дал «первый литературный язык многим славянским племенам на первых порах их исторической жизни» и послужил «средством единения для племен, оставшихся в союзе с греческою церковью»³⁷. После потери южным славянством своей независимости русская народность продолжала до XVII в. развиваться в том же направлении, которое было общим для славян восточнохристианской ориентации. Но в XVII в. и в Россию стали проникать элементы европейского образования и науки, предшествовавшие реформам Петра I³⁸.

И в сфере культуры это разделение, по мнению Пыпина, «было столько же сильно, как в политическом отношении» (прежде всего ученый указывал, что литературные движения у разноречивых славянских народов шли разными путями)³⁹. При этом Пыпин объективно отмечал, что «умственное» развитие восточного славянства в Средние века и отчасти в Новое время стояло ниже, чем у западных славян⁴⁰.

Имея в виду разность религий, исповедуемых славянами, подчеркивал Пыпин, славянофилы в России построили целую теорию, в соответствии с которой православие является истинной славянской религией, данной славянам Кириллом и Мефодием вместе со славянской азбукой и славянским переводом Писания и литургией; православие — «непременное условие славянской природы и народности», следовательно, православные славяне — «истинные носители славянской идеи». Славяне-католики

ее утратили; их возрождение возможно лишь на пути возвращения в православие. Единственное сильное славянское государство — Россия, она и должна направлять и возглавлять славянство⁴¹.

Не соглашаясь с подобными рассуждениями, Пыпин обращал внимание на то, что «народность», «народные начала», «содержание народных идей» — переходная форма. Так, принимая христианство, болгары и сербы «изменили» старым народным языческим началам. Реакцией на эту «измену» было богомилство и патаренская ересь. Но прошло время, и «чистое и радикальное» богомилство «было забыто, оставшись только в немногих отрывочных суевериях»⁴².

В отличие от ученых славянофильского направления, с консервативных позиций отстаивавших «народность» и «народные начала» (т. е., по сути, сохранение темноты и невежества), Пыпин, относившийся к этим понятиям, по его собственному признанию, «скептически», напоминал, что «„народными началами“ оправдывалась и религиозная нетерпимость, и национальная вражда, и общественное притеснение». При этом Пыпин подчеркивал, что было бы заблуждением считать, будто он отвергает «всякое историческое значение „народности“, т. е. национальных свойств, которые определяют деятельность народа»⁴³.

Разумеется, Пыпин, изучавший славянофильство и посвятивший ему немало работ, прекрасно знал о том, что взгляды на славянство у представителей славянофильского направления русской общественной мысли не во всем совпадали. Однако Пыпину необходимо было дать цельное представление об их теории, поэтому он и прибег к такой схематичной, обобщенной характеристике.

Ученый отмечал также, что на этой теории славянофилы строят всю историю славянства, приписывая православному славянству все достоинства, а католическому — «упадок народности и все гибельные явления»⁴⁴. Крещению как факту древней истории славянофилы придавали значение предопределения судьбы славянских народов. Однако, подчеркивал Пыпин, славяне существовали и до крещения, и их тысячелетняя история после крещения не может быть вычеркнута. Пыпин не только не разделял утопических стремлений славянофилов к восстановлению древнеславянского общественного строя, но напоминал, что этот строй «упал уже в старые времена», и нельзя не считаться с

этим историческим фактом, как бы к нему ни относиться. Приходится признать, что на смену общинам явились государства с центральной властью, сословиями и т. п. Таковы результаты исторического развития, и это нужно принять как данность и строить отношения между славянами не на стремлении к восстановлению черт древней жизни, а на учете «целой истории» этих народов, на признании существования «славянских индивидуальностей»⁴⁵.

Но и среди православных славян славянофилы выделяли один народ — русский, полагая, что только в нем сохранились основы подлинной славянской народности. Возражая, Пыпин замечал, что «неизменных народностей» не бывает, и русская народность не может считаться «коренной» славянской, поскольку в ходе истории она, как и другие славянские народности, прошла немалый путь развития и приобрела такие черты, которых не было у «первобытной русской народности». Все славянские народности, по словам Пыпина, «удалились от корня», и он «остается лишь историческим воспоминанием». В противоположность славянофилам, восхвалявшим «неподвижную традицию», Пыпин утверждал, что история заключается «в широте опыта, в живой и развивающейся деятельности материальных и нравственных народных сил»⁴⁶.

Он напоминал, что «бытовые понятия» древних славян выработались задолго до христианства и сохранились в народных массах так же, как и «следы языческого пантеизма», которые, как отмечал Пыпин, этнографы находили в народной среде даже в XIX в.⁴⁷ Кроме того, считал ученый, и в христианскую эпоху славянская история определялась не только религиозными отношениями; важную роль в ней играли географический фактор, влияние соседних народов, различные политические условия. Случалось, что люди одной религии угнетали друг друга (как греки-фанариоты болгар)⁴⁸. Тем самым Пыпин старался подчеркнуть, что как бы ни был значителен факт принятия славянами христианства и дальнейшее их развитие в рамках христианской идеологии и культуры, все же религиозный аспект не являлся главным, определяющим в их истории, как считали славянофилы.

Гораздо важнее, по мнению Пыпина, другая сторона исторического развития славянских народов, а именно та, которую он называл «общественными отношениями». Он отмечал, что

новые общественные отношения сменили старые, пришедшие в упадок независимо от религиозных отношений. И независимо от разности религиозных верований можно поставить в один ряд феодализм западного и византийского образцов. Эти разновидности феодализма, по мнению Пыпина, объединяло то, что «положение народной массы было одинаково»⁴⁹.

Общей чертой периода завоевания и порабощения славян Пыпин считал то, что высшие классы славянства отходили от своего народа и принимали язык, веру, обычаи господствующей нации. Пыпин называл это «чувствительной потерей» для славян, потому что высшие классы «представляли силу экономическую и политическую, а также и наиболее образованную»⁵⁰.

Стремясь аргументированно доказать разобщенность славянства на протяжении его многовековой истории, Пыпин подчеркивал также, что связи между славянами не были прочными и регулярными, а носили скорее случайный характер. Часто один славянский народ даже не подозревал о существовании других славянских народов, особенно расположенных не в непосредственной близости (русские знали болгар, болгары — сербов, чехи — поляков; в то же время русские едва знали о чехах и хорватах, чехи — о болгарях). Кроме того, ближайшие соседи нередко враждовали: русские и украинцы с поляками, сербы с болгарями. Пыпин отмечал, что славянские народы не только «считали себя чужими друг другу», но и были «действительно чужими»⁵¹.

Теоретики славянского единства акцентировали внимание на общности языка, народных преданий, обычаев и общественных понятий славянских народов. Это положение лежало в основе различных интерпретаций славянской идеи, идеологического обоснования славянского движения. Поэтому Пыпин не мог обойти стороной данный вопрос. «Родственность» перечисленных признаков для него не подлежала сомнению, но она еще не является доказательством единства славянства (подробнее см. главу 3).

В ранние исторические времена славянские языки, напоминал Пыпин, были несравненно ближе друг к другу, но с течением времени они так далеко отошли друг от друга, что только с помощью научного изучения можно восстановить их общее происхождение⁵².

Народная поэзия славян в древности, как отмечал Пыпин, тоже имела много черт общности («были еще живы воспоминания о первобытных мифах целого племени»). Общими формами славянской поэзии являются эпос и лирическая песня. Основой славянского эпоса служили мифологические представления. Пыпин обращал специальное внимание на то, что славянская народная поэзия не имеет ни одного древнего памятника («Слово о полку Игореве», например, он считал «очень поздним» по содержанию)⁵³. Он отмечал также, что славянский эпос — эпос героический и исторический — сохранился не у всех славян и почти везде лишен письменных памятников. То, что «народная эпопея» лучше сохранилась у русских, болгар и сербов, Пыпин объяснял относительной отсталостью их общественного и культурного развития, тем, что они были меньше затронуты «цивилизацией, которая выводит народную жизнь из консервативной исключительности»⁵⁴. Будучи сторонником прогресса, Пыпин не мог, подобно славянофилам, восторгаться этой «исключительностью», но и не мог не отметить того, что она объективно помогла сохранить для мировой культуры неповторимое своеобразие славянской народной поэзии.

Пыпин также замечал, что каждый народ в своем эпосе «разработал только свою народную историю» (даже у великорусов и малорусов содержание эпических произведений неодинаковое, передающее события разных исторических эпох). В эпосе отразился национальный характер каждого народа и его идеалы⁵⁵.

Поскольку наука не располагала точными данными о древнем общеславянском эпосе, Пыпин осторожно называет его «предполагаемым», отмечая, что его основы «отступали на задний план» перед новым содержанием, которое вкладывал каждый славянский народ в свой эпос. Западные славяне не сохранили свой старый народный эпос; события, отраженные в нем, были вытеснены событиями и идеями более позднего времени (гуситское движение и др.). У этих народов осталась такая поэтическая форма, как лирика. Однако, замечал Пыпин, различие национальных характеров и истории сказывается и в лирических песнях славян⁵⁶.

Рассматривая общественное устройство у древних славян, Пыпин высказывал предположение, что у разных народов оно имело много общего. «Общественный тип, составлявший древ-

нейшую черту целого племени, был, по-видимому, общинно-демократический, с князем во главе, с народными собраниями (вечами), патриархальным управлением в семье и юридической солидарностью общины» (вервь — у русских, *opole* — у поляков, «околина» — у сербов и т. д.). Вывод об общности древних общественных обычаев и порядков Пыпин делал, исходя из того, что «юридические понятия», существовавшие в обычном праве славянских племен и сохранившиеся в древних славянских законодательствах (Русская Правда, Законник царя Душана и др.), «представляют много аналогий, объясняемых общим происхождением»⁵⁷.

Пыпин отмечал также большую близость быта, обрядов, увеселений славян в древности, указывая вместе с тем, что славянская этнография «мало останавливалась на этой параллельности обычаев и еще не раскрыла всего объема их родственного сходства»⁵⁸.

Но исторические условия развития племен были весьма различны, и эти различия, по мнению Пыпина, обуславливались прежде всего влиянием «чужих общественно-политических начал». Страны, где жили западные славяне, опирались на «феодальную традицию старой Европы и обломки римского права»; южное славянство «должно было просто подчиниться бесправию и произволу турецкого господства и магометанского фанатизма». Поэтому Пыпин не мог согласиться со славянофилами, твердившими о «неистребимой живучести народных начал», подчеркивая, что эти «начала очень нелегко восстановить»⁵⁹.

Из рассуждений о том, какими путями шли и как развивались славянские народы, Пыпин делал четкий вывод: «...славянская история далеко не представляет данных непосредственного национального единства». В ходе истории образовались различные славянские народы, которые «отдалились от первоначального племенного источника» настолько, что «нелегко восстановить общий тип, соединяющий белоруса, великоруса, чеха, черногорца и т. д.»⁶⁰.

Давая общую характеристику исторического развития славянства, Пыпин в то же время останавливался и на истории отдельных славянских народов, отмечая наиболее значимые ее моменты и вписывая ее в контекст общеславянского исторического процесса.

Болгары. О происхождении болгарского племени Пыпин, опираясь на данные науки своего времени *, писал, что оно выделилось «после того, как более раннее славянское население нынешней Болгарии ** было покорено народом собственно „болгарским“, народом бродячим, урало-чудского происхождения», и покоренное население «ославянило победителей». Болгарское государство возникло в IX в. и имело, по словам Пыпина, «бурную историю». В том же веке Болгария приняла христианство. Эпоха первого болгарского царя Симеона (892–927), по определению ученого, «была блестящим временем болгарского просвещения»⁶¹. В политическом и культурном отношениях Болгария испытывала византийское влияние; протестами против этого влияния, гнета церкви и государства, были стремление к церковной независимости и еретическое народно-религиозное движение — богомильство^{***}, в котором, как заметил Пыпин, была «довольно сильная социальная струя»⁶².

Именно в Болгарии, как отмечал Пыпин, произошел первый «расцвет» славянской литературы; здесь возникла литература, «которая стала потом общей церковной литературой всего православного славянства». Отсюда славянские книги и богослужебная литература переходили к сербам и на Русь^{****} (впо-

* Пыпин напоминал, что еще в конце XVIII — начале XIX в. ученые имели «смутные понятия о народе и языке» Болгарии. Й. Добровский считал болгарский язык наречием сербского. П. Шафарик полагал, что болгары живут только между Дунаем и Балканами; в «Славянской этнографии» он дал, по определению Пыпина, «весьма странный образчик болгарского языка».

** Первые поселения славян на Балканском полуострове Пыпин относит к III–IV вв. н. э.

*** Пыпин отмечал, что богомильство пустило глубокие корни на Балканском полуострове (оно продержалось до XIV в.), а болгары даже считают его «одним из важнейших факторов своей истории». Против богомильства «было употреблено церковное оружие осуждений и проклятий», в то время как нужно было, по мнению ученого, проявить внимание к тому, что в этом учении справедливо.

**** Пыпин утверждал, что древнеболгарская литература дала русским и сербам основу для их собственной письменности (История славянских литератур. Т. 1. С. 57, 153). Процесс взаимного обогащения литератур, безусловно, шел, однако не следует забывать о создании

следствии, в период турецкого ига, «церковная и образовательная связь» осуществлялась в обратном порядке: Болгария заимствовала из России те церковные книги, которыми когда-то наделила ее). Болгарская письменность играла важную роль в истории старославянского языка⁶³.

В начале XI в. Болгария утратила свои государственные позиции и стала «греческой провинцией» (сохранив при этом автокефальную церковь). В конце XII в. братья Асень и Петр восстановили Болгарское царство; при их преемнике Иване-Асене II оно возвысилось до небывалого могущества, которое, однако, постепенно ослабевало, и в конце XIV в. было покорено турками. Причину падения Болгарии Пыпин видит в углублении противоречий феодального общества и религиозных раздорах⁶⁴.

С этого момента, подчеркивал Пыпин, кончились политическое существование Болгарии и началось рабство. Турецкие завоеватели и не думали заботиться о духовном развитии народа. Такое положение сохранялось почти пять столетий⁶⁵. Эти века турецкого господства, замечал Пыпин, «темны для истории»*. Но не вызывает никакого сомнения, что «иго было полное и страшное». Высшие классы были истреблены или обратились в мусульманство, став «злейшими угнетателями» своего народа. Из славянских мальчиков был создан «страшный янычарский корпус». Народ все больше превращался в «безответного раба». Болгария была «отрезана от остального мира» и не имела возможности «участвовать в европейской образованности»⁶⁶.

С другой стороны, болгары утратили церковную независимость (перестала существовать болгарская патриархия), подпали под власть константинопольского духовенства и ста-

каждым народом оригинальной письменности и самостоятельных памятников этой письменности (см.: *Беляева Ю. Д.* Литература народов Югославии в России. Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX, начало XX в. М., 1979. С. 51–52).

* Пыпин отмечал, что вообще история южного славянства во времена турецкого ига мало исследована: памятники старины в основном «исчезли безвозвратно», образованность утрачена (*Пыпин А.* Герцеговинские гайдуки сто лет назад // *Вестник Европы.* 1877. № 6. С. 712–713).

ли, как писал Пыпин, объектом «возмутительной церковной эксплуатации» со стороны греков-фанариотов, чье иго «во многих отношениях не уступало турецкому». В свою очередь, для болгар греки-фанариоты представляли «предмет ожесточенной ненависти». Но народ не отождествлял христианство с их церковной властью и оставался тверд в своей вере⁶⁷. Кроме духовной власти патриарх получил от Порты и гражданскую власть над населением Османской империи, исповедующим православие. Фанариоты стали, по определению Пыпина, «страшными союзниками» турецкого ига, а их собственный гнет грозил «национальному существованию» болгар. Фанариотская иерархия, не заботясь о нуждах болгарского народа, поддерживала в нем невежество, «уничтожала славянское богослужение... злобно преследовала болгарские училища "... истребляла славянские книги и рукописи *»⁶⁸.

Многие болгары искали спасения от двойного гнета в соседних и более дальних странах, в том числе и в России. В самой же Болгарии (как и в Сербии), согласно Пыпину, протест против ига выражался в «гайдучестве». Гайдуки отвечали угнетателям «разбоем и убийством», мстили «за насилие насилием». Но лишь на первый взгляд их можно считать разбойниками. По оценке Пыпина, это было патриотическое и героическое движение, партизанская война. Ученый напоминал, что гайдуцкие песни заняли обширное место в южнославянском эпосе⁶⁹. Показывая неоднозначность такого явления, как гайдучество, Пыпин, с одной стороны, обращал внимание на нецивилизованные методы борьбы («разбой и убийство»), с другой — подчеркивал, что болгарский народ видел в гайдуках своих «единственных заступников и героев»⁷⁰.

Войны Австрии (с конца XVII в.) и России (в XVIII в.) с Турцией, отмечал Пыпин, зародили у болгар надежды на из-

* Старейший вид школы, «келлия», известная со Средних веков, «существовала только при немногих церквях и монастырях» и готовила служителей церкви (там преподавалось письмо и заучивание церковных книг) (Пыпин А. Новая книга о Болгарии // Вестник Европы. 1891. № 11. С. 321).

** Пыпин отмечает «особенную заслугу» русских путешественников по болгарским землям, в первую очередь ученых-славистов В. И. Григоровича и А. Ф. Гильфердинга, спасших немало болгарских книг.

бавление от угнетения, но эти войны не ставили целью освобождение Болгарии⁷¹. Южные славяне были готовыми союзниками России на Балканах, однако о них вспоминали только в период войн. В этих войнах, подчеркивал Пыпин, Россия, прикрываясь защитой славян, преследовала свои интересы на Черном море⁷².

Многовековое рабство оказало крайне неблагоприятное воздействие на развитие болгарского народа. Оценивая этот тяжелый период болгарской истории и силу духа болгарского народа, Пыпин писал: «...страшно оглянуться на то прошедшее, которое пережито болгарским народом, и надо отдать ему справедливость, что в таких условиях он уцелел и сохранил европейский характер»⁷³.

Югославянские народы. Пыпин объединял в одно «сербо-хорватское племя» (в термин «сербо-хорваты», скорее всего, была заложена общность языка) сербов, далматинцев, хорватов, словенцев и хорутан (словенцев)⁷⁴, уделяя в то же время внимание каждой «народности». Единое по своему «корню» сербо-хорватское племя издавна, напоминал он, «разбилось на две главные ветви, которые затем разделились каждая еще на несколько частных отпрысков», живших «особняком», в различных исторических условиях⁷⁵. Пыпин не брал на себя ответственности за решение вопроса о тождестве сербов и хорватов. Он приводил мнение таких авторитетных ученых, как В. Ягич, Ст. Новакович и др., которые настаивали на том, что сербы и хорваты — один народ и их нужно рассматривать вместе. Сам же Пыпин высказывался по этому поводу более осторожно. Он напоминал, что у сербов и хорватов разная вера (православие и католичество) и алфавит (кириллица и латиница); одни были завоеваны турками, другие подпали под политическое господство Венгрии и Австрии; они «до недавнего времени считали себя за два народа», но язык у них один (сербо-хорватский), и он связывает «явления их умственной жизни»⁷⁶. Однако сами эти народы продолжали именовать себя «сербами» и «хорватами», и Пыпин традиционно рассматривал их исторические судьбы по отдельности.

Ввиду неоднородности состава югославянского населения и определенных особенностей исторических судеб, Пыпин не мог дать общей характеристики его многовекового развития. Приходилось учитывать не только этнические, но и религиоз-

ные и политические различия. Раскрывая прошлое югославянских народов, он прослеживал исторический путь югославянских княжеств и земель, их политическую и культурную историю. «Особым эпизодом в этой истории, — писал Пыпин, — было процветание далматинских республик... возникновение независимой Черногории, выселение части турецких сербов в Австрию, другой части — в Россию и т. д.» Судьба югославянских народов представляла собой редкий пример «племенного разброда»⁷⁷.

Пыпин был вынужден констатировать, что история поселения сербского племени на Балканском полуострове в первой половине VII в. «очень темна». Племя разделилось на маленькие общины и государства, однородные по языку; они находились в зависимости от византийского императора. Пыпин отмечал, что христианство впервые проникло к сербам в VII в., но не стало господствующей религией, большинство населения «упрямо держалось язычества».

Второе крещение состоялось в IX в. С XII в. в период правления Неманичей происходит политическое объединение Сербии и начинается ее «национальное существование». Сербия освобождается от византийского влияния, и наступает «блестящая пора сербской истории»: основывается автокефальная сербская церковь, расширяются границы государства. При Стефане Душане (1331–1355) Сербия достигает своего могущества. По мнению Пыпина, сербы по своему государственно-общественному устройству готовы были вступить в ряды «народов европейской цивилизации», но внутренние междоусобицы и внешний враг (турецкие завоеватели) помешали этому.

Косовская битва (1389) стала «поворотным пунктом сербской истории». Она положила конец независимому существованию Сербии, хотя некоторое время Сербия еще пользовалась относительной самостоятельностью — упадок страны был «медленным процессом»: «Умеренность и терпимость держались у турок лишь до тех пор, пока они не захватили страну крепко в руки; а потом они присвоили себе все, чего не разрушили»⁷⁸. Высшие сербские сословия переходили в мусульманскую веру, чтобы сохранить свои привилегии, а зачастую — и жизнь. Простой народ, превратившийся в зависимое население (райю), оставался верен православию⁷⁹.

В 1459 г. Сербия окончательно пала, в 1463 г. завоевана Босна (Босния), в 1483 г. — Герцеговина*, в 1521 г. пал Белград, и турки двинулись в венгерские и хорватские земли. Сербия становилась ареной войн, земли переходили из рук в руки, народ бедствовал, поднимал восстания, многие покидали страну. Тем не менее Пыпин считал, что положение сербов во времена османского ига, по сравнению с болгарами, оставалось относительно лучшим: не все «племя» было поработщено, часть его находилась в Далмации, под властью Венеции и Венгрии и в австрийских владениях, черногорцы сохраняли свободу. Довольно долго существовал свой религиозный центр — Печская патриархия. Однако в конце концов и в религиозной области сербы испытали притеснения, подпав под власть константинопольского патриарха. С утратой независимой церкви Пыпин связывал потерю народом последней возможности образования. К тому же шел процесс «отуречивания», которое особенно сильно сказалось в Боснии⁸⁰.

Черногория была, по определению Пыпина, «единственным сербским краем**, уцелевшим... от общего крушения» в 1521 г. С XVI в. Черногория управлялась «владыками», соединявшими в одном лице церковную, военную и гражданскую власть. Такая форма управления обеспечивала «народное и политическое существование страны, окруженной отовсюду страшными врагами»⁸¹.

Этот период сербской истории завершился, по мнению ученого, «окончательным упадком нации». Пыпин видел не только внешние (турецкое завоевание), но и внутренние причины упадка. Он имел в виду то состояние Сербии, в котором она находилась в результате сильного влияния Византии, распространявшей феодальные отношения на все области жизни. Подтверждая свою точку зрения мнением В. И. Григоровича***, Пыпин под-

* Ссылаясь на «Историю Сербии» Л. Ранке (М., 1857. С. 25), Пыпин отмечал, что до этого участь Герцеговины была сравнительно несколько легче, она сохраняла «некоторый вид самостоятельности» (Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. I. С. 145).

** Пыпин писал, что Черногория образовалась в результате ухода населения юго-западной части Сербии в горы.

*** Имеется в виду труд В. И. Григоровича «Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах» (Казань, 1843).

черкивал, что феодальные порядки отвечали интересам византийской политики, использовавшей разобщенность мелких владений, их взаимные раздоры, чтобы манипулировать ими в своих целях ⁸².

И все же, подчеркивал Пыпин, несмотря на многовековую неволю, «в сербском народе было крепко внутреннее сознание своего права и чувства народности». Это сознание породило гайдучество, которое, в свою очередь, укрепляло самосознание сербов ⁸³.

В конце XVII в., напоминал Пыпин, многие сербские семьи из центральной Сербии переселились в австрийские владения, спасаясь от турецкого господства. Они хотели сохранить свое внутреннее управление и церковь (в Карловце ими была основана Сербская патриархия, но Печ как бывший церковный центр «осталась одним из священных мест, пробуждавших сербский национальный патриотизм»). Переселенцы должны были защищать Австрийскую империю от турок и составили значительную часть населения Военной Границы. Однако австрийское правительство не исполнило своих обещаний относительно внутренней автономии ⁸⁴.

В истории сербской культуры Пыпин отмечает некоторые черты, сближающие ее с Болгарией. Близость языков, считал ученый, облегчала понимание Священного Писания и церковных книг, пришедших к сербам из Болгарии. В старославянский язык этих книг при переписывании вносились особенности местных наречий (сербский извод). Язык церковных книг стал «вообще литературным языком», но народный язык сильно отличался от него, о чем можно судить по сохранившимся юридическим актам и грамотам ⁸⁵.

Древняя болгарская литература, по наблюдению Пыпина, во многом следовала византийским образцам. «На произведениях сербских писателей лежит тот же отпечаток», — утверждал ученый. По его мнению, в древней сербской литературе очень мало собственно сербских произведений. Сербская летопись появилась довольно поздно (конец XIV — начало XV в.) и существовала недолго (до конца XVI в.) ⁸⁶. Пыпин отмечал также, что апокрифическая литература была общей и популярной у всего православного славянства. В югославянских землях получила распространение богомилская литература. А вот народная поэзия не отразилась в литературных произведениях: «На-

родная поэтическая деятельность развивалась особо, без всякого соприкосновения с письмом»⁸⁷.

Важным документом для изучения прошлого Сербии, определения степени ее культурного развития, раскрытия характера общественных отношений Пыпин считал «Законник» Стефана Душана (середина XIV в.), который «освещает народный обычай и дает ему юридическую силу»⁸⁸.

В «долгие века страшного ига», отмечал Пыпин, развитие сербской литературы приостанавливается. В разрушенных турецкими поработителями церквях и монастырях погибло немало старых рукописей, и только труднодоступные монастыри остаются очагами грамотности, поэтому церковный язык в качестве литературного сохраняется до эпохи национального возрождения⁸⁹.

Рассматривая историю хорватских земель, Пыпин отмечал, что Далмация, Славония, Кроация, западная часть Босны, а также Иллирия и Паннония были заселены хорватами в VII в. Несколько приморских городов сохраняли итальянское население и «составили особую общину под властью византийского императора». На хорватских территориях христианство было введено «римскими священниками» еще в VII в. Во второй половине IX в. хорваты признали власть Византии. Произошло второе крещение, на этот раз — по восточному обряду, но вскоре они снова признали церковную власть Рима (Пыпин объясняет это обстоятельство близостью хорватских земель к Италии и связями с государствами, также подчиненными в религиозном отношении Риму). При этом Пыпин обращал внимание на особенности религиозной жизни хорватов, у которых происходило славянское богослужение по католическому обряду, а богослужебные книги были написаны глаголицей. Ученый отмечал, что в такой форме богослужение сохранялось местами и в XIX в.⁹⁰.

В начале XII в. хорваты, подчеркивал Пыпин, добровольно признали власть венгерского короля, который в ответ обязывался «хранить и уважать их народные права, вольности и учреждения». С этого времени Хорватия соединена с Венгрией. Пыпин напоминал, что до XIX в. эти два народа жили мирно — до тех пор, пока венгры не проявили «притязание на исключительное господство»⁹¹.

Далматинские хорваты вначале имели, по словам Пыпина, «известную независимость»; с XII до XIV в. Далматинское При-

морье удерживала Венгрия, затем — до конца XVIII в. — там господствовали венецианцы. Пыпин обращал внимание на то, что во все времена характерной, «поразительной чертой» Далмации оставалась смесь итальянского и славянского элементов. Особенно ярко это проявлялось в Дубровнике, который, по словам Пыпина, «имел чрезвычайно своеобразную историю». За него боролись Венеция, Византия, Сербия, Венгрия, но он «умел сохранить независимость и образовать богатую торговую общину», демонстрируя способность с выгодой для себя выходить из войн и обеспечивать свою свободу и торговлю мирными договорами. Даже во времена турецкого владычества на полуострове сохранялось «привилегированное положение дубровницких купцов». В Дубровницкой республике, отмечал Пыпин, итальянская образованность соседствовала с «блестящей сербской поэзией» (язык далматинцев, пояснял Пыпин, не хорватский, а сербский, собственно же «хорватское наречие» составляет «особую отрасль сербского и господствует севернее») ⁹².

Особенности положения Далмации и ее исторической судьбы сказывались также на духовном и культурном развитии. На далматинских землях господствовал католицизм, хотя, как отмечал Пыпин, и с некоторыми местными отличиями (богослужение велось на славянском языке, церковные книги писались глаголицей). В Далмации употреблялись четыре азбуки: кириллическая, глаголическая, босанско-хорватская буквица и латиница. Латиница в основном использовалась в произведениях богословского и поучительного характера, кириллица — для сношений с сербами других земель. Буквица имела хождение преимущественно в Боснии. По описанию Пыпина, это была «кириллица, измененная по требованиям скорописи... иногда примешивавшая и глаголические буквы». Буквицей написаны грамоты, законы (например, Полицкий статут), легенды, песни и др. Наибольшее распространение получила глаголица, которая, как подчеркивал Пыпин, употреблялась не только в богослужебных книгах, но и в летописях, и была также «официальным письмом» (Винодольский статут 1280 г.). Вопрос о происхождении глаголицы Пыпин называл «темным вопросом», не до конца решенным наукой. При этом он отмечал, что некоторые ученые считают именно Далмацию родиной глаголицы ⁹³.

Пыпин отмечал, что на культурном развитии Далмации и Дубровника сказывалось влияние итальянской науки, религии,

образования, культуры. Но итальянское влияние, по мнению ученого, не было подавляющим; в Далмации развивалась своеобразная национальная литература на народном языке, с народным сюжетом. Все же, несмотря на это, далматинская литература, как считал Пыпин, осталась в основном на уровне «латино-итальянских образцов» и была чужда движению эпохи Просвещения. Время ставило «вопросы общественного освобождения», но далматинские славяне, отделенные от ближайших единоплеменников, не в силах были за них браться, и литература, теряя общественное значение, становилась, по выражению Пыпина, «книжной отвлеченностью». В то же время он отдавал должное старой далматинской литературе и «учености», которые послужили «введением к новой научной разработке славянской старины» и «стали первым шагом к национальному Возрождению»⁹⁴. Пыпин выделял жизненное, активное начало в развитии ренессансной культуры югославян, ее самобытность и высокие художественные результаты. Закат дубровницкой литературы он связывал с упадком социально-политической жизни Дубровника и все большим его подчинением власти Венеции и Венгрии⁹⁵.

Сравнивая жизнь далматинского населения с положением хорватов, проживавших в Кроации, Пыпин отмечал, что у последних не было таких благоприятных условий для развития, как в Далмации: с присоединением к Венгрии Хорватия оказалась отделенной от всех славян. Языком управления, церкви, образования, литературы стала латынь (лишь в XVI в., в период Реформации, хорватское наречие появляется в книге, но вскоре начались преследования протестантизма, и хорваты вновь вернулись к католицизму). Только в XVII в., напоминал Пыпин, появляются хорватские типографии, составляются хорватско-латинский и латинско-хорватский словари. К этому же времени относится деятельность «знаменитого хорвата» Юрия Крижанича, чья «широкая мысль» не встретила тогда сочувствия ни на родине, ни в России, где он прожил многие годы⁹⁶.

Венгрия, в состав которой входила Хорватия, в XVI в. была подчинена власти Габсбургов. В конце XVIII в. австрийские власти стали заменять латынь в официальной сфере на немецкий язык. Эти действия, как объяснял Пыпин, вызвали у венгров «национальную оппозицию, стремившуюся к господству венгерского языка в землях „венгерской короны“». Таким образом, хорватам «грозила двойная опасность», и у них «пробудился ин-

стинкт самосохранения», который поначалу проявлялся в защите латинского языка ⁹⁷.

Что касается Славонии, то Пыпин упоминает лишь, что она долго «оставалась совсем чужда литературного движения», которое началось только в XVIII в. ⁹⁸. А поскольку литературу он рассматривал как отражение общественной жизни, то можно предположить, что он не видел ярких, общественно значимых событий в историческом прошлом Славонии.

В особую отрасль югославянского племени Пыпин выделяет «хорутан» (напоминая, что так их называл Нестор — они же винды, словинцы, словенцы). На землях Каринтии, Штирии, Крайны, Истрии они жили с VI в., то присоединяясь к царству Само, то подчиняясь баварцам, то попадая под власть франков, затем — немецких герцогов и маркграфов. История этих земель, отмечал Пыпин, входит в историю Германской империи, позднее — Австрии. Христианство проникло к «хорутанским славянам» в VII в.; они приняли латиноязычную литургию по римскому обряду. Хорутанам, указывал Пыпин, принадлежат знаменитые «Фрейзингенские отрывки», которые ученые относят к IX — началу XI в. и считают «одним из древнейших памятников славянского языка». Приводя мнение словенского ученого Е. Копитара (и его последователя Ф. Миклошича) о том, что азбука Кирилла и Мефодия была изобретена именно для хорутан, и на их язык (хорутанскую землю Копитар считал родиной старославянского языка) братьями было переведено Священное Писание, Пыпин в то же время упоминал, что эти положения встретили отпор у чешских и русских ученых ⁹⁹.

История развития литературного языка словенцев, как считал Пыпин, уходит корнями в период Реформации (вторая половина XVI в.), когда протестанты стали использовать для распространения нового учения народный язык («хорутанское наречие»), который начал получать литературную обработку в книгах для религиозного просвещения народа. Но в первой половине XVII в. началась католическая реакция, которая, по словам Пыпина, подавила начавшееся национальное «оживление». С победой католицизма усиливается и немецкое влияние, немецкий язык становится языком образования и науки (в научных сочинениях употреблялась также и латынь). И лишь в конце XVIII в. у «хорутан», как и у других славян, отмечает Пыпин, обнаруживаются попытки осознания «своего национального интереса» ¹⁰⁰.

Отмечая, что процесс онемечивания словенцев был связан с «порчей языка, потерей обычаев, упадком народной поэзии», Пыпин вместе с тем подчеркивал, что в народе держалась «страсть к национальной особенности», которая, как полагал ученый, могла привести его «к окончательному падению», поскольку немногочисленные словенцы не имели достаточно сил, чтобы отстаивать свою национальность. Они не могли даже, как считал Пыпин, создать свою литературу, но при этом не хотели объединяться с хорватами, которые могли бы оказать им поддержку. Что касается народного творчества словенцев, то и в этой области Пыпин констатировал наличие небогатой народной поэзии, которая к тому же очень слабо изучена¹⁰¹.

Чехи. Благодаря тесному общению с чешскими учеными, Пыпин имел возможность более глубоко и детально изучить чешскую историю, которую основательно представил в своих работах, стараясь выделить наиболее значимые события и явления.

Вся история Чехии, по мнению Пыпина, является отражением «борьбы с германством» и стремления к «национальной самобытности». В соответствии с этим он выделял четыре периода чешской истории: 1) с древних времен до начала XV в.; 2) с начала XV в. до 20-х гг. XVII в.; 3) с 20-х гг. XVII в. до конца XVIII в.; 4) конец XVIII в. — XIX в.¹⁰². Наиболее яркими историческими периодами Пыпин считал гуситскую эпоху и эпоху национального возрождения¹⁰³.

Бросая взгляд в «седую древность», Пыпин писал: «Чехи и соплеменники их мораване являются, несомненно, на своих нынешних местах с V–VI столетия по Р. Х., после гуннского нашествия». Древняя история Чехии, вынужден был констатировать ученый, «покрыта мраком неизвестности». Об этом легендарном периоде, замечал он, существует лишь «летописное предание», повествующее «о древнем предводителе народа Чехе, о баснословном Кроке и дочери его Любуше, которая выбрала себе в мужа простого крестьянина Премысла, родоначальника княжеской и королевской династии Премысловцев» (Пршемысловичей)¹⁰⁴.

Дальнейшая история, по определению Пыпина, является уже достоверной. Христианство пришло к чехам и мораванам в первой половине IX в., но, как отмечал ученый, «настоящее введение христианства начинается только с призвания Кирилла и

Мефодия князем Ростиславом моравским». При этом Пыпин подчеркивал, что в Чехии и Моравии параллельно существовали два обряда: «византийский, с славянским языком в церкви, и римский, с церковным языком латинским»¹⁰⁵.

С X в. Чехия попала в зависимость от германских императоров. Постепенно стал усиливаться «немецкий элемент», славянское богослужение и кириллическая письменность пришли в упадок. В XII–XIII вв. началось онемечивание — распространились «немецкие нравы» и «немецкая политическая система», король и двор приняли немецкие обычаи, порядки, язык; чешские города устраивались на немецкий лад; по немецкому образцу раздавались «привилегии» и «иммунитеты» дворянам и городам. Король Отакар II (середина XIII в.) отдал немцам часть чешских территорий; Чехия стала землей «немецкой империи». В этот период распространяются феодальные порядки, судебная власть сосредоточивается в руках короля, получает развитие городское сословие, Чехия втягивается в «запутанные феодальные и династические распри». «Все эти и подобные меры, — констатировал Пыпин, — подрывали старый славянский быт» и «вредно» отзывались на положении народа¹⁰⁶.

После прекращения рода Пршемысловичей, с начала XIV в. чешские короли были из чужих земель, преимущественно Германии; они, как отмечал Пыпин, «оставались чужды чешскому национальному интересу и руководились своими личными династическими соображениями». Одной из наиболее ярких страниц этого периода истории Чехии Пыпин называет правление Карла I (избранного германским императором под именем Карла IV), который «привел Чехию в цветущее состояние», добился оживления промышленности, торговли, искусства, «покровительствовал наукам и был основателем Пражского университета (1348), первого университета в средней Европе» (по мнению ученого, несмотря на сильный «немецкий элемент», университет все же оказывал «влияние на развитие народного духа»). Одновременно Пыпин обращал внимание на то, что даже правление Карла I, которое «считается вообще одной из самых счастливых эпох чешской истории», имело для чехов не только положительные последствия. В этот период усиливалось онемечивание страны; законы Карла I разрушили «остатки старого земского устройства» и ввели вместо него «феодальные отношения и патриархальные суды», тем самым проложив дорогу «последующему

порабощению низших слоев населения». Это вызывало «общественное недовольство»¹⁰⁷.

Русские славянофилы считали, что западная цивилизация и католицизм способствовали «несохранению чистоты народных начал» чехами и связывали это с немецкой колонизацией. Полемизируя с В. К. Надлером, отстаивавшим подобную точку зрения, Пыпин предположил, что если было организовано государство с немецкими учреждениями, то, возможно, потому, «что собственные силы народа были недостаточны, что он сам по себе и не способен был тогда на такое дело»¹⁰⁸.

Тот же Надлер считал, что историческая роль чешского народа заключается в том, чтобы «хранить в своей среде идею всеславянского единства». Но эта идея, возражал ему Пыпин, появилась в XIX в., и чехи «не были обязаны быть ее хранителями в средние века»¹⁰⁹.

Вместе с тем Пыпин отмечал, что постепенно «национальная энергия» и «старый демократический дух» стали «складываться в деятельную оппозицию», которая, наконец, проявилась в «энергическом народном движении», принявшем в духе времени «религиозную форму: началась реформа Гуса и гуситские войны»¹¹⁰. Самого Гуса Пыпин характеризовал как «величайшее лицо в чешской истории и славное имя в истории всемирной». Отдавая должное роли личности в истории, ученый писал: «Каковы бы ни были исторические условия, создававшие чешское движение, личность Гуса, несомненно, имела громадное влияние на возбуждение национальных сил, которые с тех пор сознали себя и выступили на деятельное поприще»¹¹¹. Среди выдающихся деятелей той поры Пыпин называл Иеронима Пражского — сподвижника Гуса, патриота и «религиозного агитатора», известного своей «ученостью» и красноречием¹¹².

В гуситских войнах чешский народ, по словам Пыпина, «обнаружил изумительную энергию». Гуситское движение выявило, что религиозный вопрос стал вместе с тем «могущественным национальным вопросом». В «национальной борьбе» Гуса он усматривал стремление «возвысить нравственно народную массу». То, что движение приняло религиозную форму, Пыпин объяснял «значением религиозных интересов» в средневековой Европе. Католическая религия принесла в Чехию не только определенную церковную обрядность, но и «изменение в общественный порядок, открывая дорогу клерикальным притязаниям и феодализму».

Слияние в гуситском движении религиозных и национальных интересов, затронувших «народные инстинкты», ученый объяснял тем, что «церковные и политические неустройства соединялись с господством немцев». Но он не мог не упомянуть наряду с религиозными и национальными причинами гуситской оппозиции также и социальные мотивы, замечая, что религиозная борьба превратилась в «демократическое и национальное» движение и привела к восстанию против феодализма¹¹³.

Таким образом Пыпин совершенно по-новому подошел к анализу гуситского движения, раскрыв его многоаспектность. Он четче других ученых представлял «соотношение отдельных факторов и побудительных причин движения»¹¹⁴.

В отличие от славянофилов, Пыпин считал, что восточное христианство играло «весьма ограниченную» роль в гуситском движении. Он допускал возможность православной традиции в Чехии, но только как «воспоминание очень неясное». В то же время ученый утверждал, что чешская реформа брала начало в европейской науке и религиозной оппозиции и «оружие этой реформы было западноевропейское, а не восточное»¹¹⁵.

Пыпин подчеркивал, что вся дальнейшая национально-религиозная борьба в Чехии связана с именем Гуса. Он считал, что гуситское движение имело не только национальное, но и международное значение, поскольку «проповедь и сочинения Гуса окончательно выводят нас из средних веков и ставят на ту нравственную почву, на которой выросло новое европейское сознание». Учение Гуса, по его мнению, оказало непосредственное влияние на европейскую Реформацию в XV–XVI вв.¹¹⁶.

Протест Гуса и гуситов, как справедливо замечал Пыпин, «можно назвать национально-чешским только в том смысле, что никто до того времени не выражал этого протеста с таким глубоким увлечением и нигде до того времени не участвовала так сильно в этом увлечении народная масса». В противоположность ученым славянофильского направления, считавшим гусизм исключительно чешским, славянским протестом против католичества, Пыпин утверждал, что «самое содержание протеста было не новое и не исключительно национально чешское, а в то же время и до глубокой степени западноевропейское, и восстание гуситов тоже не было единственным народным движением этого рода». Пыпин отмечал, что идеи Реформации зрели и в Западной Европе, но «чешский народ под влиянием особых историче-

ских условий в начале XV в. стал наиболее энергическим ее защитником». Пыпин не склонен был приписывать это движение особым славянским «народным началам», обращая внимание на то, что оно не имело отклика у «ближайших славянских соседей: у лужичан, у хорватов и хорутан», которые «немного времени спустя с большой ревностью шли в лютеров протестантизм»¹¹⁷.

Для гуситов, утверждал Пыпин в противоположность славянофильским историкам, «вопрос шел вовсе не о восстановлении старых религиозных начал». Стремления их шли гораздо дальше, когда народная масса «сама выступила на сцену»¹¹⁸.

В то же время Пыпин отмечал сходство гусизма с другими проявлениями протестантизма, в частности с учением Д. Виклефа. Ученый не без основания полагал, что зарождение подобных идей «имело другие, более широкие причины, чем одно частное положение чешской народности»¹¹⁹.

Пыпин обратил внимание на то, что в стане гуситов были разногласия между «умеренными и более решительными реформаторами» — чашниками, или подобоями, и таборитами. Умеренные последователи Гуса довольствовались «мелкими уступками и исправлениями» (признанием «чаши», т. е. причащением мирян «под обоими видами» — не только хлебом, но и вином). В то же время народ «готов был совсем разорвать со старым обществом и основать свое новое». Народные интересы отстаивали табориты. В основе их идеологии лежало острое ощущение народной массой «старой неправды» и ожидание будущей справедливости¹²⁰. Наиболее правильным общественным устройством им представлялось «первобытное христианство», достижение которого стало, по словам Пыпина, «господствующей идеей гуситства», когда в нем приняли участие народные массы¹²¹. Табориты, по определению Пыпина, «были самым полным (и вместе самым крайним) выражением гуситства, его наиболее последовательным и вместе самым национальным развитием». Пыпин выделял то, что их объединяло — демократические стремления к «уничтожению всякого подданства». Он высоко оценивал социальные принципы учения таборитов, считая, что их радикальные стремления значительно опередили свое время и потому были обречены на гибель¹²².

Именно с участием народных масс в движении Пыпин связывал появление у таборитов стремления «преобразовать общественное устройство», присоединить «к религиозному вопросу...

вопрос социальный». В целом гуситскому движению Пыпин давал такую оценку: «Это была не реставрация, а полная религиозная и общественная революция»¹²³.

Однако Пыпин замечал: «Разные гуситские партии не сходились в своих целях и средствах». В стане самих таборитов «мнения религиозные и общественные были крайне разнообразны». Это ослабило движение, привело к поражению гуситского войска (в битве у Липан в 1434 г.), «демократия и свободная церковь таборитов потеряли свою силу и влияние», но гусизм еще не был сломлен, идеи таборитов еще жили. На чешский престол взошел один из гуситских предводителей Иржи (Юрий) из Подебрад. Его правление Пыпин называл «блестящей» эпохой чешской истории. Однако, резюмировал Пыпин, гусизм не добился образования новой церкви (чешская церковь «снова признала авторитет папы»); народная свобода «также не была достигнута»¹²⁴.

При преемниках Подебрада стала набирать силу Контрреформация (хотя и была объявлена свобода исповедания в Чехии), начались «внутренние социальные споры, борьба сословий, в которой народу осталась последняя роль». С конца XV в., как отмечал Пыпин, усилилось «порабощение и закрепление народа». Даже последователи гусизма, подобои и Братская община, проповедовали подчинение и повиновение простого народа панам. Усиление угнетения сопровождалось отдельными крестьянскими восстаниями, всегда жестоко подавляемыми¹²⁵.

В Средние века в Чехии господствовала латынь. Она, по определению Пыпина, была универсальным языком, употреблявшимся в церкви, науке, высшей школе. В литературе, по утверждению ученого, сказывалось сильное влияние «латино-немецких» форм и содержания. В целом, отмечал он, «латинская церковность и образование были непонятны массам». Тем не менее Пыпин усматривал и положительную сторону чужеродного образования и литературы в том, что они подготовили почву для национально-религиозного протеста¹²⁶. Гус в своей реформаторской деятельности затронул и проблему родного языка. Свои сочинения он писал не только на латыни, но и по-чешски; он изобрел новое правописание, которое, как отмечал Пыпин, было введено «в общее употребление» в XVI в., но с наступлением католической реакции «было забыто и вновь вошло с лите-

турным возрождением». В гуситскую эпоху чешский язык стал языком богослужения ¹²⁷.

В это же время, обращал внимание Пыпин, замечен «значительный успех научных интересов, развитие философского рационализма». «Гениальнейшим философом своего времени в целой Европе» называл Пыпин Петра Хельчицкого (XV в.) — «самого замечательного после Гуса» представителя гуситской эпохи. Систему его взглядов Пыпин определял как «возвышенный религиозный идеализм, мечтавший о человеческом братстве в духе первых веков христианства». Его учение, изложенное в сочинениях, написанных по-чешски, не признавало насилия в деле веры, «последовательно отвергало цезарскую и папскую власть, привилегии сословий, крепостное право»; в основу новой церкви и гражданского общества он помещал нравственные принципы ¹²⁸. Его последователи основали «Общину чешских братьев» — «последнее светлое создание гуситского движения» (на заключительном этапе существования общины главой ее был Я. А. Коменский), которая попыталась «осуществить на практике социальное устройство по началам первобытного христианства». Пыпин отмечал, что идеи «Общины» широко распространились среди простого народа. Достигнуть своей цели «чешские братья» надеялись «мирными и нравственными средствами», т. е. ограничивались, как подчеркивал Пыпин, «пассивным противодействием», в то время как «господствующий порядок вещей... нисколько не думал отказываться от своей активной роли». Поэтому Пыпин называл «чешских братьев» «благороднейшими идеалистами» ¹²⁹.

События гуситской эпохи, как отмечал Пыпин, находили отражение в исторических хрониках. Со второй половины XV в. стало развиваться книгопечатание ¹³⁰.

Гуситское национально-религиозное движение Пыпин определял как «могущественную оппозицию папскому игу» и «немецким влияниям» и борьбу с ними. Характеризуя гуситскую эпоху в целом, Пыпин называл ее периодом «самого полного выражения национальности, проявления народных сил, физических, умственных и нравственных» ¹³¹. Однако в то время национальным стремлениям не суждено было «утвердиться и стать основанием политического развития Чехии». На вопрос, почему национально-религиозная оппозиция в XV в. приобрела «могущественные размеры» именно у чехов, Пыпин не мог дать исчерпывающего ответа. Он относил это явление к «загадкам ис-

тории» и подчеркивал, что у других славянских народов «подобного движения не было». В качестве одной из версий Пыпин выдвигал предположение, что важным фактором, влиявшим на самосознание чехов, явилась интеллектуальная подготовленность участников движения¹³².

В XVI в. Чехия, писал на рубеже 70–80-х гг. XIX в. Пыпин, «на свою беду выбрала себе короля из Габсбургского дома (1526), который не перестает благодетельствовать ей и до сих пор». При Габсбургской династии политика правительства стала «чисто католическая и династическая», начались религиозные преследования. В течение ста лет, подытоживал Пыпин, в Чехии совершился полный переворот к «господству католичества и абсолютизма». С учением М. Лютера сюда проникла немецкая Реформация, и снова началась борьба католицизма с реформой¹³³.

После Белогорской битвы (1620) совершается, по определению Пыпина, «окончательный упадок Чехии», она становится «безгласной провинцией империи Габсбургов». К «материальному разорению» добавилась утрата городами прежних «свобод», а чешскими «сословиями» — права участия в законодательстве. По меткому выражению Пыпина, в XVII–XVIII вв. чешский народ, «превратившийся в одно чешское простонародье», не мог и думать о «национальной самобытности и свободе». Реакция «старалась изгладить в умах всю память» о гуситском движении, и народ постепенно «терял национальное сознание»¹³⁴. Это был период господства иезуитов, притока немецких колонистов и эмиграции чехов. Наиболее яркой личностью среди эмигрантов Пыпин называл Яна Амоса Коменского, известного своими философскими и педагогическими трудами на латинском и чешском языках, человека, который, по определению ученого, «занимает в истории европейской культуры весьма высокое место». Живя за границей, Коменский оставался «горячим чешским патриотом»¹³⁵.

Эпоху «просвещенного абсолютизма» (в правление Иосифа II) Пыпин охарактеризовал как начало «германизаторской системы», имевшей продолжение в XIX в., и «усиленной централизации», которая должна была подвести отдельные земли «под одну бюрократическую мерку». В конце XVIII в. чешский язык был устранен из официальной сферы и образования, но зато, отмечал Пыпин, стал возвращаться в книгу. Новая чешская литература, как утверждал ученый, ознаменовала возрождение чешского народа¹³⁶.

Словаки. А. Н. Пыпин высказывал предположение, что этноним «словак» представляет собой «новейшее видоизменение древнего общеплеменного имени славянин» («словен», поэтому народ и язык назывались «словенским», а не «словацким», как следовало бы образовывать от слова «словак»). В России в основном был в ходу термин «словацкий», что позволяло, как объяснял Пыпин, избежать путаницы в наименовании двух народов — словацкого (западнославянского) и словенского (южнославянского). Сам Пыпин употреблял и ту, и другую формы прилагательного (в «Истории славянских литератур» он остановился на форме, принятой у чехов и словаков)¹³⁷.

По статистическим данным, которыми пользовался Пыпин, словаков насчитывалось до 2 220 000, из которых примерно 1 580 000 были католиками, а 640 000 — протестантами¹³⁸.

Обращаясь к прошлому словаков, Пыпин писал: «Древнейшая история словенского народа, по обыкновению, „покрыта мраком неизвестности“» (так, как можно было убедиться, ему приходилось начинать рассказ о каждом славянском народе). Опираясь на исследования, посвященные этому народу, Пыпин сообщал, что словаки населяли свои земли уже с конца V в. н. э., хотя тогда границы их территории, видимо, простирались дальше на запад. Ученый допускал, что вначале у них была общая судьба с чехами и мораванами¹³⁹.

Христианство на землях словаков, напоминал Пыпин, появилось до середины IX в. «из немецко-латинского источника», затем Мефодий ввел славянскую литургию, которая, впрочем, держалась недолго, уступив место латинской¹⁴⁰.

Словацкие земли некоторое время входили в состав Великой Моравии; в начале X в. их завоевали мадьяры; в середине того же столетия они были отвоеваны чешским, затем польским королем, но в первой трети XI в. словаки перешли к венгерскому королю Стефану, и с тех пор, замечал Пыпин, Словакия принадлежала Венгрии и разделяла ее историю. Небольшой период самостоятельности словаков, как считал Пыпин, имел место при Матуше Чаке Тренчинском, который в самом начале XIV в. овладел 14 словацкими комитатами (жупами) и «независимо правил ими до 1312 г.». Его имя, писал Пыпин, сохранилось в народном предании как имя защитника свободы и православия¹⁴¹ *.

* По всей вероятности, Пыпин опирался на мнение некоторых историков XIX в., считавших могущественного венгерского магната Мату-

Впрочем, как подчеркивал Пыпин, при венгерском господстве народы сохраняли свою свободу вплоть до конца XVIII в., когда при Габсбургах начался упадок «общественно-политического значения народностей» и было узаконено первенство венгерского народа. Официальным языком в Венгрии был латинский — в государственной жизни, политике, законодательстве, образовании, церкви; латынь употреблялась даже в качестве разговорного языка ¹⁴².

Несмотря на то что словаки были в политическом отношении отделены от чехов, их связь, как полагал Пыпин, не прерывалась. Об этом, по его мнению, свидетельствует распространение гусизма в Словакии в XV в. Ссылаясь на мнение словацких историков, Пыпин отмечал, что гусизм нашел в Словакии «подготовленную почву — в невымершем предании о старой народной церкви» и возбудил в словаках «стремление к национальной церкви». Гонения на последователей Гуса в Чехии привели к тому, что в Словакии оказалось много эмигрантов, среди которых были чешские священники, проводившие богослужение на чешском языке, близком и понятном словакам ¹⁴³. Вообще с гуситской эпохи, утверждал Пыпин, «у словаков господствовал письменный чешский язык»; многие словаки впоследствии «приняли участие в чешском церковном движении и литературе»; в словацких типографиях печатались чешские книги (а затем и книги местных писателей), в основном религиозного содержания. В XVI в. берет начало, по словам Пыпина, «значительная литературная деятельность „чешско-словацкая“», которая продолжилась и в XVII–XVIII столетиях ¹⁴⁴.

После гусизма в Словакии распространилось реформационное учение Лютера, при сохранении, как отмечал Пыпин, чешско-го богослужения, против чего выступала католическая реакция до

ша Чака Тренчинского, создавшего на словацких землях свою державу с неограниченной властью и фактически не подчиненную королю, словацким князем, стремившимся основать словацкое государство. Среди присвоенных им территорий было немало церковных земель. В 1311 г. он был отлучен от католической церкви, что, впрочем, не свидетельствует о его приверженности какой-либо другой религии. Современная словацкая историография считает заблуждением проецировать идеи и представления XIX в. на эпоху Средневековья и мифологизировать личность Матуша (см.: История Словакии. М., 2003. С. 87–91).

тех пор, пока в конце XVIII в. законодательным путем не был положен конец религиозному преследованию протестантизма¹⁴⁵.

Хотя Пыпин сам указывал на «политическую равноправность народностей по старому венгерскому государственному праву», он не мог не обратить внимания на то, что все же при венгерском владычестве «положение словаков становилось чем далее, тем тяжелее». Феодалные отношения привели постепенно «к полному порабощению народной массы», на плечи которой легли и государственные подати, и личные повинности, и военная служба. Земля стала собственностью дворян. Представители высшего класса влились в круги венгерской аристократии и утратили свою национальность. Они, по словам Пыпина, не только отделились и отделились от народа, но даже поддерживали мадьяризацию. После поражения крестьянского восстания в 1514 г. был принят закон, согласно которому крестьяне становились крепостными. Значительно позже, при Марии-Терезии, а затем в 1836 г. принимались документы, регулировавшие отношения помещиков и крестьян. При этом Пыпин замечал, не без горькой иронии, что и в том, и в другом случаях словаки и русины «были обделены в размере земли, но не в количестве обязательного труда»¹⁴⁶.

Отмечая, что во второй половине XVIII в. положение словацкого народа несколько улучшилось, Пыпин в то же время подчеркивал, что в конце столетия усилилась мадьяризация. В ответ на централистические планы Иосифа II, предусматривавшие, в частности, введение немецкого языка в государственную жизнь Венгрии, венгерский сейм узаконил венгерский язык в средних и высших школах (1792 г.). Этот процесс продолжался и в XIX в.: венгерский язык постепенно вводился в управление, суд, военную и церковную сферы, в народные школы. Пыпин признавал эту меру вполне естественной для собственно венгерских земель, однако считал, что по отношению к другим народностям, входившим в состав Венгрии, введение венгерского языка в школу и церковь было «существенным и чувствительным» нарушением их прав¹⁴⁷. В протестантской среде, отстаивавшей свою народность, появились первые признаки национального движения.

Одной из особенностей исторического и культурного развития Словакии, на которую обращал внимание Пыпин, являлось то, что чешский язык был «церковным и книжным языком сло-

ваков» с гуситской эпохи вплоть до конца XVIII — начала XIX в. Д. Горчичка, словацкий писатель второй половины XVII в., по мнению Пыпина, был первым среди словаков, кто высказывал «мысли о необходимости обработки своего языка, о великом славянском племени, о необходимости хранить свою народность»¹⁴⁸.

Поляки. В «Истории славянских литератур» глава о Польше написана В. Д. Спасовичем. Пыпин доверил ему эту работу как специалисту и человеку, взгляды которого были созвучны его собственным. Статьи Пыпина, так или иначе затрагивавшие польскую тематику, в основном отражали события XIX в. и острый для России того времени «польский вопрос». Судьба Польши с древних времен до конца XVIII в. специально им не освещалась. Но все же отдельные замечания о прошлом польского государства и народа он делал в связи с изучением общеславянских процессов, а также украинско-польских и белорусско-польских отношений. Крупницы исторических сведений можно найти в некоторых рецензиях ученого на литературные произведения польских авторов или труды русских исследователей-полонистов, а также в его работах, посвященных украинской и белорусской проблематике. Однако этих данных все же недостаточно, чтобы составить более или менее полное представление о взглядах Пыпина на историю польского государства и народа.

Поляки, напоминал Пыпин, родственный русскому народ, ближайшие его соседи в славянском мире. Они отличаются «живым, впечатлительным, богатым фантазией характером»¹⁴⁹.

Истории польского государства Пыпин чаще всего касался в связи с историей Российского государства и русско-польских отношений. Он отмечал, что русская история связана с польской чуть ли не с XI в. В Средние века Польша «сильно вмешивалась в судьбу русского народа — на западе, на юге, в самой Москве»¹⁵⁰. В XIV в. южная и западная части Руси подпали под власть Литвы, а затем — Польши*, которая стала усиливать в этих землях полонизаторские тенденции и окатоличивание масс. Одной из объективных причин успешности данного процесса

* Даже на рубеже XX в. Пыпин отмечал, что история юго-западной Руси времен Литовского княжества и соединения с Польшей еще недостаточно выяснена.

Пыпин считал «более высокую степень культуры» Польши. Вместе с тем он подчеркивал, что в отношении подвластных ей народов Польша действовала методом «ожесточенной религиозной нетерпимости»¹⁵¹.

Славянофилы постоянно обвиняли поляков в «измене» славянским началам, в приверженности латинству. Пыпин отменял эти обвинения, категорически заявляя, что Польша «никому не обязывалась... и, следовательно, никому не изменяла». Когда в ранний период своей истории она встретила с влиянием римской церкви, ему «не противодействовало другое равное влияние». И уж если считать, что поляки совершили «измену», то придется признать, справедливо замечал Пыпин, что не лучше поступили чехи, мораване, словаки, лужичане, хорваты, словенцы¹⁵².

Польская история, как отмечал Пыпин, шла «особняком» от южного и западного славянства. С южным славянством у Польши не было «исторических встреч», и религии у них в основном разные. С западным славянством (чехами) у поляков были исторические связи; гуситское движение имело отголоски в Польше, но эти влияния, как считал Пыпин, оказались «поверхностными». В то же время Польша имела контакты с Киевской Русью и Великим княжеством Литовским. Западные и южные земли России, «издавна русские по народности, были политически связаны с Польшей» в течение веков, которые были временем ее господства над украинцами и белорусами («хотя равноправность была первоначальным условием соединения»). Польша «ассимилировала высшие классы» этих народов, распространяла католицизм и унию на их землях. Угнетение и преследование православного населения приводило к ожесточенной национальной борьбе, народным восстаниям, отпадению от Польши части территорий и присоединению их к России¹⁵³.

Отмечая, что польское государство было некогда обширно и могущественно, Пыпин напоминал, что в конце XVIII в. произошли три раздела Польши, в которых участвовала, наряду с Австрией и Пруссией, Российская империя. Он обращал внимание на те «исторические недуги», которые привели к падению Польши. Истоки трагедии ученый видел не во внешних, а во внутренних обстоятельствах¹⁵⁴. Среди основных причин упадка он называл «национальную, религиозную и сословную исключительность» и нетерпимость, не ограничиваемые «политиче-

ским благоразумием», «презрение к земледельческому классу и жестокость к тем, кто сопротивлялся насилиям правящего сословия»¹⁵⁵.

Видя в падении государства «для польского общества не только политическое, но нравственное бедствие», Пыпин пояснял, что поляки лишились «непосредственной основы национального идеала»¹⁵⁶. Разделы Польши расценивались польскими патриотами исключительно как насилие¹⁵⁷. Однако, замечал Пыпин, наиболее объективные польские историки сами доказывали, что причина бедствий польского государства и народа «вовсе не в одних насилиях хищных соседей или даже вовсе не в них, а гораздо больше во внутренней неурядице, которая была делом самих поляков»¹⁵⁸. В этой связи Пыпин цитирует польского историка М. Бобжиньского, автора «Очерка истории Польши»¹⁵⁹, который писал, что его соотечественники должны сознаться в ошибке, чтобы покончить с нею: «Поляки пали вследствие того, что считали себя выше законов, управляющих человечеством» — на самом же деле, они ведут «борьбу за существование по одинаковым с другими народами законам»¹⁶⁰.

Не углубляясь в причины и оценку разделов, Пыпин тем не менее предлагал свое видение событий той эпохи и роли России в них. Согласно его точки зрения, инициатива разделов принадлежала не России, но она участвовала в них: «Эти разделы были делом так называемого *raison d'état*, который обыкновенно отличается порядочной бесцеремонностью»¹⁶¹. Относительно методов раздела территорий Речи Посполитой Пыпин писал: «Польша делилась на части соседями, точно выморочное имущество... без всякого спроса населения»¹⁶². По мнению ученого, уничтожение польского государства было слишком жестокой мерой: Польшу следовало оставить в ее изначальных границах и не отнимать «средства к внутреннему преобразованию»¹⁶³.

После разделов Польша потеряла свою государственность. Это явилось стимулом для развития национального движения. Однако Пыпин не сочувствовал стремлениям поляков восстановить Польшу в границах 1772 г. (до первого раздела). В своем желании вернуть былое могущество страны польские патриоты, как указывал Пыпин, не хотели ограничиться «пределами польской народности», считая своими территориями также Западный край Российской империи (белорусские, малороссийские и литовские земли)¹⁶⁴. Ученый с удивлением отмечал, что поляки

не учитывали изменений в исторической, политической, национальной ситуации ¹⁶⁵.

Пыпина, естественно, больше интересовала судьба той части Польши, которая отошла по разделам к Российской империи («русская Польша»). Тем не менее он обращал внимание и на те части Польши, которые были присоединены к Пруссии и Австрии, и считал, что для поляков онемечивание представляет даже большую опасность, чем обрусение. Так, прусская часть Польши, писал он, «просто вымирает, как вымерли некогда балтийские и по-эльбские славяне» ¹⁶⁶. Довольно подробно излагая взгляды Н. И. Тургенева ¹⁶⁷ на положение Польши, Пыпин особенно подчеркивал его мысли об опасности для польской национальности со стороны Пруссии, которая сразу же после разделов стала проводить «принцип поглощения». Немецкая колонизация распространялась не только на польские города, но и сельскую местность; систему денационализации дополняло господство немецкого языка в сфере управления и образования.

Другая участница разделов, Австрия, прибегла, как замечал Пыпин, к иному способу обеспечения покорности поляков, вооружив один класс против другого — крестьян против землевладельцев ¹⁶⁸. К тому же в галицийских школах преподавание велось на немецком языке, учащимся прививался австрийский патриотизм, с которым перемешивался патриотизм польский ¹⁶⁹.

Пыпин характеризовал политические условия, в которых находилось польское общество в конце XVIII — начале XIX столетия, как «крайне неблагоприятные»; по его мнению, они оказали влияние на «упадок образования и литературных вкусов» ¹⁷⁰.

Балтийские славяне. Лужицкие сербы. В XIX в. судьба этих народов привлекала особое внимание славянских ученых и деятелей национального движения. Их история ярко свидетельствовала о необходимости единения славянства перед угрозой исчезновения. Пыпин также обратился к истории балтийских славян и лужицких сербов.

Лужицкие сербы и поморские словинцы и кашубы, отмечал Пыпин, «составляют ныне небольшой обломок некогда обширного славянского племени», занимавшего «весь север нынешней Пруссии, ограничиваясь на севере Эльбой (или даже переходя Эльбу), на востоке Чехией и Польшей». Пыпин пояснял, что

этим славянам ученые дали «географическое» название — *балтийские* и *полабские* (т. е. жившие по реке Лаббе, или Эльбе). Он подчеркивал также, что эти племена никогда не составляли «одного национального и политического целого»¹⁷¹.

Относительно раннего периода истории балтийского славянства Пыпин с осторожностью замечал, что нет достоверных сведений, указывающих на то, когда оно впервые появилось в поморском балтийском крае и на Эльбе, но «очень вероятно предположение, что оно двигалось с востока на запад из стран по Висле». Жившие на этой территории балтийские славяне, как указывал ученый, представляли три основные группы: «...край северо-западный занимали ободриты, на восток и юг от них жили лютичи или вильцы, за Одером — поморяне». При этом Пыпин обращал внимание на то, что лужицкие сербы «составляли родственную, но отдельную группу, которая отчасти имела и иную историческую судьбу»¹⁷².

В этническом отношении *балтийское* славянство, как отмечал ученый, принадлежало к «ляшской отрасли», к которой его относил еще Нестор. Восточная часть «ляшского племени» объединилась в польское государство, западная часть осталась раздробленной, что и привело, по мнению Пыпина, впоследствии к гибели. Он указывал, что «исторические предания» повествуют о природных богатствах земель балтийского славянства, о цветущих торговых городах Поморья¹⁷³. Пыпин упомянул о том, что отдельные русские историки (намекая на Н. И. Костомарова) ищут в этих краях «русь-варягов», с которыми связывают основание русского государства¹⁷⁴.

Вместе с тем история балтийского славянства, по определению Пыпина, «есть упорная трагическая борьба с германским племенем, с норманнами, датчанами и немцами, тянувшаяся несколько веков и кончившаяся падением славянства». К такому финалу, по мнению ученого, привела междоусобная вражда славян, не позволившая им соединиться для борьбы с общим врагом. Карл Великий использовал это обстоятельство — «в его войсках уже сражались славяне против славян». Введение христианства на землях балтийских славян было, как указывал Пыпин, следствием не только мирной проповеди (епископ Оттон Бамбергский), но и «военного покорения». Во всяком случае, ко второй половине XII в. балтийское славянство «было или совсем покорено немцами, или стояло в полной от них зависимости»¹⁷⁵.

Пытаясь разобраться в причинах «падения» балтийского славянства в результате германского наступления на славянские земли, Пыпин, кроме названной уже междоусобной вражды, обращал внимание на разные уровни («ступени») исторического и культурного развития пришедших в столкновение славянских и германских племен. В этом он видел «общий исторический смысл» событий: «Немцы, с принятием христианства и римско-христианской образованности, получили тем самым нравственный и умственный перевес; славянство не могло противопоставить ему равносильного содержания, и покорившись этому перевесу, подчинилось и его орудию — немецкой национальности»¹⁷⁶. То есть речь шла о том, что христианизация разрушила языческие основы национально-духовной жизни славян, и чужая культура не встретила сопротивления в славянских землях.

Возникает вопрос, почему же другие славяне, принявшие христианство из «немецко-латинского источника», не подверглись такой судьбе, как балтийское славянство? Пыпин объяснял это тем, что более раннее принятие христианства и образование государства у чехов и поляков (в то время как у балтийских славян не было своей государственности) остановило в их землях и «поток германизации»¹⁷⁷, а процесс германизации в более позднее время уже не смог истребить национальную память и национальные особенности. Хотя вместе с тем Пыпин подчеркивал, что все западное славянство очень рано встретилось с достаточно развитыми романо-германскими культурными началами, которые не могли не оказать своего влияния на развитие славян, и это влияние «очень рано проявилось в жизни общественно-политической», в области культуры и образования¹⁷⁸.

Христианизация балтийского славянства, как отмечал Пыпин, сопровождалась немецкой колонизацией, которая шла быстрыми темпами. На всех землях балтийских славян процесс онемечивания принял широкие масштабы: славянская знать перешла в ряды «немецкого вассального дворянства», духовенство было немецким, в городах господствовало немецкое мещанство. Лишь сельское население оставалось славянским, сохраняя язык и обычаи. Пыпин допускал возможность существования письменности у балтийских славян, но с большой долей вероятности полагал, что у них «не было все-таки никакой литературы». Немецкий язык оказывал все большее влияние на «славянское на-

речие, которое, будучи достоянием одного только простого народа, не сделалось литературным языком». Славянское происхождение и язык становились «предметом насмешек»; славянское население все больше включалось в «немецкую жизнь», и «народность вымирала». Онемечивание началось, как отмечал Пыпин, в XIII в. и в основном закончилось в XV в., хотя в некоторых местах славянское население встречалось в начале XVI в. и даже в начале XVIII в., а «остатки поморян, кашубы и балтийские словинцы» сохранялись и в XIX в.¹⁷⁹.

Однако как национальной единицы балтийского славянства давно уже не существовало, и можно было бы не касаться его судьбы, но Пыпин считал, что ее нельзя обойти вниманием, поскольку «балтийское славянство может найти место в истории славянской культуры по разным основаниям». Во-первых, как «отрицательный пример» — гибель целого племени, совершившаяся с поразительной быстротой, как «урок», в котором пропагандисты славянской взаимности видели предостережение «от внутреннего раздора между братьями» (Пыпин, со своей стороны, добавлял, что нельзя забывать и другого урока, «остерегающего от беспечности о будущем и умственной малоподвижности»). Во-вторых, напоминал он, балтийское славянство стало объектом «особенного внимания славянской ученой литературы»¹⁸⁰. Среди русских ученых, посвятивших свои труды балтийскому и полабскому славянству, Пыпин называл А. Ф. Гильфердинга¹⁸¹, А. Павинского¹⁸², А. А. Котляревского¹⁸³, И. Первольфа¹⁸⁴ и др.

Рядом с балтийскими славянами, напоминал Пыпин, жили *лужичане* — верхние и нижние, в саксонской и прусской Лужицах. В отличие от своих исчезнувших соседей, подчеркивал ученый, лужицкий народ сумел сохранить свою народность и заботится о своем возрождении. «Лужичане, — писал Пыпин, — составляют небольшой остаток славянства, населявшего некогда север нынешней Германии». Между Салой и Мульдой, Лейпцигом и Дрезденом, к северу до Цербста («Сербище») и южнее до чешских гор жили сербы, за Эльбой — мильчане, около Будишина, на севере от последних — лужичане. Эти народы упоминались уже в источниках V–VI вв.; в VIII–IX вв. они обозначались общим именем — «венды» («виниды», «венеды») или «сербы» («сорбы», «сурбы»); впоследствии преобладающим стало название «лужичане»¹⁸⁵.

Опираясь на немногочисленные исторические данные, Пыпин полагал, что «быт лужицких сербов представлял известные черты славянской патриархальной демократии». Между отдельными общинами, отмечал он, не было единства, что и открыло дорогу германским завоеваниям. К IX в. лужицкие сербы утратили племенную самостоятельность. Лужицкая земля долгое время была предметом феодальных споров, пока не «разделилась между Саксонией и Пруссией», которым принадлежат «уцелевшие части лужицкого народа»¹⁸⁶.

Немецкое господство, отмечал Пыпин, принесло с собой «рабство народа»: крестьяне были лишены всех прав и стали крепостными. Славян вынуждали покинуть свои земли, которые тут же занимались немецкими колонистами. Пыпин обращал внимание на то, что немецкое наступление шло не только на славянские земли, но и на язык славян, который в XIII в. еще удерживался в церкви и суде, но к XIV в. был «изгнан» из судебной практики. Область, населенная лужичанами, все более сужалась, происходило, по выражению Пыпина, «постепенное уничтожение народности», часть лужицких сербов ко времени Реформации была уже совсем онемечена, и память о славянах осталась только в географических названиях¹⁸⁷.

Лужицкие сербы не создали своей государственности, но некоторое время, как указывал Пыпин, они входили в Велико-моравское княжество¹⁸⁸.

Касаясь вопроса о христианизации лужицких земель, Пыпин допускал, что христианство проникло туда с двух сторон — от православного славянства через Польшу и Чехию и от немецких католиков (сравнивая положение соседних народов, Пыпин приходил к выводу, что в лужицком крае католицизм не имел того «свирепого характера», каким отличался в землях балтийских славян)¹⁸⁹. Церковные книги XII в. были написаны на славянском языке, но Пыпин, вслед за другими исследователями, считал, что это не был собственно серболужицкий язык, поскольку в нем находят «следы влияния языков старославянского и чешского». Сходство наречий, полагал Пыпин, «могло сделать чужие славянские книги доступными для лужицких сербов». И в более поздние времена чешские книги были в ходу у лужичан¹⁹⁰.

Однако, замечал Пыпин, гусизм не нашел поддержки в лужицких землях. Ученый объясняет это тем, что наиболее обра-

зованная часть населения уже онемечилась, а крестьянство было «слишком подавлено». А вот реформа Лютера, «как дело немецкое, имела обширный успех во всей стране, отразившийся и на ее славянском населении». Пыпин подчеркивал, что «протестантизм расширялся гораздо быстрее германизации», и это привело к попыткам «ввести серболужицкий язык в книгу», чтобы помочь народу утвердиться в вере (на этом языке было создано несколько произведений духовно-поучительного характера)¹⁹¹.

Первым, кто в конце XVII в. «широко понял народные потребности и необходимость восстановления языка», Пыпин называл евангелического проповедника М. Бранцеля (Френцеля). Мыслями о славянском единстве он поделился в письме Петру I, указывая на «связи родства, которые соединяют его народ с другими славянами и обширной Московией». Сын Бранцеля, Авраам, занимался изучением истории своей земли и народа, обнаружив, по словам Пыпина, «замечательные для того времени археологические сведения и знание славянских наречий». Оценивая его труды, Пыпин замечал, что в них содержится стремление к исследованию всего славянства и что они имели в свое время большое влияние, обращая внимание «на изучение языка и народа»¹⁹².

Деятельность лютеран, отмечал Пыпин, побудила и католиков заняться изучением серболужицкого языка и изданием книг для народа (в этой связи он называл имена К.-Я. Тицина, Ю.-Г. Светлика)¹⁹³.

К XVIII в., по данным, приведенным Пыпиным, серболужицких книг насчитывалось до 50, в течение XVIII в. их было издано около 200 (среди них полный перевод Библии, духовные песни, проповеди; в последних со времен Бранцеля религиозное наставление соединялось с патриотическим чувством). Наряду с изданием книг, организовывались проповеднические общества (протестантские и католические), которые, по мнению Пыпина, поддерживали «саму народность». Но в то же время, как утверждал ученый, литература, «состоявшая из одних церковных книг, не много давала опоры для народного чувства»¹⁹⁴. Пыпин подчеркивал, что положение серболужицкой национальности в Нижних Лужицах было хуже, чем в Верхних Лужицах — германизация там в канун эпохи национального возрождения сказывалась сильнее¹⁹⁵.

Русины. Русины — единственные представители восточнославянских народностей, которые относились к зарубежному славянству. В «Истории славянских литератур» Пыпин писал, что русины — один из многих вариантов названия «малорусов»¹⁹⁶. Ученый не ставил точки над *i* в вопросах этнического родства, но замечал, что «народность русинов близка к малорусской»¹⁹⁷. Он рассматривал русинов и украинцев как «оттенки» одного племени и полагал, что их полное «отождествление» является «натяжкой». Пыпин признавал, что «по народному характеру, быту, языку» русины и малорусы суть «один народ, — один и по многим явлениям истории, — но не по всем». Например, иноземные влияния были сильнее на западе южнорусской земли, нежели на востоке; восточная часть народности «сохранила больше чувства независимости» (что проявилось в возникновении казачества и народных восстаниях); Украина сохранила веру, Галиция потеряла ее. Определенным различиям в исторических судьбах, которые сказались «на складе народности», он придавал решающее значение для вывода о том, что русинско-украинское единство можно рассматривать как лишь относительное¹⁹⁸.

Пыпин напоминал, что русины в силу исторических причин ведут «отдельную политическую жизнь»¹⁹⁹, так как эта часть восточнославянского населения входила в состав сначала Польши, а затем — Австрийской (Австро-Венгерской) империи. Вместе с тем русинские национальные проблемы XIX в. были связаны с украинскими, поэтому Пыпин не мог не затронуть их в «Истории русской этнографии» (в третьем томе, посвященном малорусской этнографии). Материалы этих двух трудов позволяют реконструировать взгляды ученого на историю русинов.

А. Н. Пыпин подразделял русинов на галицких и угорских (венгерских).

Галицкие русины. «Галицкая земля в древности принадлежала к центральным пунктам славянства», — писал Пыпин, полагая, что отсюда расселились некогда сербское и хорватское племена. В IX в., продолжал ученый исторический экскурс, западная часть Галиции входила в состав Великоморавского княжества, в X в. принадлежала Чешскому королевству, затем — Польше. Восточная часть («Червонная Русь») в конце X в. была завоевана великим киевским князем Владимиром. В середине XII в. было положено начало Галицкому княжеству; наступил недолгий

период (при князьях Романе и Данииле) его процветания и политической силы. Касаясь начального периода истории Галицкой Руси, Пыпин подчеркивал, что она составляла часть древней федерации русских княжеств и была связана со всей Русью (древний Галич — «часть самой подлинной русской земли»²⁰⁰); ее населял тот же южнорусский народ, в ней правил «тот же княжеский род», было «то же киевское православие, иерархия, быт, язык, наконец, письменность». Татарское нашествие прервало связи Галицкой Руси с Восточной Русью²⁰¹.

С XIV в. за Галицкую Русь борются Литва, Польша и Венгрия. Пыпин напоминал, что в 1352 г. польский король Казимир уступил венгерскому Людовику право на Галицию (через 420 лет, замечал Пыпин, это обстоятельство послужило основанием для того, чтобы Галиция отошла по разделам Речи Посполитой к Австрии как достояние «венгерской короны»). С 1387 г. Галицкая Русь, присоединенная к Польше, оставалась в ее составе почти четыре столетия. Польское господство, по мнению Пыпина, привело к «крайнему упадку русской народности». Боярская аристократия, ставившая «свои сословные интересы выше народных», ополячилась; народная масса все больше теряла свои права — национальные, религиозные и социальные. После Брестской унии, отмечал Пыпин, галичане долго еще защищали православие, но с 1700 г. уния господствует в Галиции. Галицкая Русь, по утверждению ученого, раньше других земель, испытывавших польско-литовское господство, подверглась двойному гнету — национальному и религиозному, поэтому национально-религиозная борьба нашла здесь «сильный отклик». Войны Богдана Хмельницкого коснулись и этих земель. После присоединения Малороссии к Москве, Галиция, как и Правобережная Украина, осталась за Польшей; там «русская народность была унижена и презираема», положение ее было «поистине плачевным»²⁰².

После разделов Польши, напоминал Пыпин, «Галиция становится австрийской провинцией, где северо-западный край — польский, юго-восточный — русский, и польская народность господствует»²⁰³.

В правление Иосифа II в Галиции начались большие преобразования в разных сферах (реформы административная, судебная, в области образования, ограничение прав помещиков и др.). И вместе с этим Пыпин обращал внимание на то, что во

всех действиях правительства весьма заметно было стремление к германизации²⁰⁴.

Вслед за окончательным разделом Польши, отмечал Пыпин, австрийское правительство, поддерживавшее прежде русинов «для противодействия полякам», не опасаясь больше последних, объединилось с ними «для притеснения русинов»²⁰⁵.

Называя земли Австрийской империи, населенные восточными славянами, «оторванной частью Руси», которая в древности была одним целым (политическим и национальным) с Киевской Русью, Пыпин высказывал мнение о том, что русины вправе считать своей общую древнерусскую историю и древние памятники письменности. Однако «присвоение» русинскими историками более поздней истории (в частности, истории казачества) представляется ученому неправомерным, но он объясняет этот факт тем, что народные движения в Галиции и на Украине имели одинаковые источники, условия и цели, поэтому иногда трудно «выделять местные факты из целого». Большую роль в «народно-общественном движении», по мнению Пыпина, играли львовское Ставропигиальное братство (в 1788 г. церковные братства были уничтожены, осталось лишь львовское в виде Ставропигиального института), галицкие школы и типографии, труды церковных деятелей и писателей²⁰⁶. Но угнетение русинской народности и православия со стороны Польши продолжалось, деятельность братств затухала, «имущества православной церкви присваивались католиками», церковные власти избирались из униатского монашества (базилиан, в руках которых были типографии и школы)²⁰⁷.

Напоминая, что история Галицкой Руси тесно связана с историей Польши, Пыпин отмечал, что во всех сферах жизни чувствовалось польское влияние; польская культура была населению более знакомой, чем русская²⁰⁸.

После присоединения Галиции к Австрии правительство обратило внимание на народное образование. Иосиф II, по словам Пыпина, «требовал, чтобы духовенство учило и проповедовало на народном языке». В 1780-х гг. была открыта первая русская духовная семинария. Как одно из положительных мероприятий власти ученый называл основание Львовского университета (с преподаванием предметов на русском языке*, точнее — «сла-

* Пыпин пояснял: «В то время местный язык назывался не русинским и не „рутенским“, а просто „русским“...»

вяно-русском») ²⁰⁹. Пыпин указывал на роль Львовского университета в попытке сближения нарождавшейся русинской литературы с русской. Вместе с тем он обращал внимание на то, что первые литературные опыты делались «на странном мешаном языке, где церковно-славянский до-ломоновский язык искажался незнанием его форм и примесью польской и русинской» ²¹⁰. Впоследствии, когда вновь усилилось польское влияние, преподавание на русском языке было прекращено, а университет переведен в Краков. Даже в начальных школах не разрешалось преподавание на народном языке. «Уже в 1816 г., — отмечал Пыпин, — заявлено было местными властями, что из политических соображений было бы бесполезно вместо польского языка распространять русинский, так как последний составляет наречие русского языка» ²¹¹.

Однако, делал вывод Пыпин, несмотря на все притеснения, которым подвергались русины, среди образованных галичан было немало патриотов, «желавших развития своей народности». До земель, населенных русинами, дошли «отголоски славянского возрождения» ²¹².

Угорские (венгерские) русины. Эту небольшую группу восточнославянского населения Австро-Венгрии Пыпин рассматривал отдельно не потому, что считал угорских русинов этнически отличными от галицких, — просто условия жизни одних были несколько иными, нежели у других, и, следовательно, их историческое развитие имело определенные отличия, что и давало основание ученому делать отдельные исторические обзоры.

Исторические сведения об угорских русинах у Пыпина не очень обширны, поскольку научных исследований в этой области было не так много. Пыпин сообщал, что этот народ (численностью 500 тыс. человек) населяет южные склоны Карпат в северо-западной части Венгрии, соседствуя со словаками, венграми, румынами и галицкими русинами. Пыпин считал русинов коренными жителями края, в который потом в разное время приходили «новые выселенцы из южной Руси». Ко времени прихода мадьяр в эти края русины были уже христианами («по восточному обряду»); вначале они союзничали с мадьярами, «пользовались национальной свободой, имели собственное управление». Но со временем положение изменилось, в Венгрии усилилось влияние католицизма, русинская знать стала принимать другую веру. Пыпин обращал внимание на процесс

денационализации высшего класса: «Русское боярство, занимавшее места в мадьярской аристократии, — отмечал Пыпин, — мало-помалу потеряло свою народность и смешалось с этой аристократией». Свою национальность сохранили только «поп да хлоп». Русины все больше теряли свои права. С XVII в. у них, по выражению Пыпина, «водворилась уния, и венгерские русины пришли в то же или еще худшее положение, как русины галицкие»²¹³.

Австрийское правительство, как объяснял Пыпин, иногда поддерживало русинов, чтобы с их помощью давать отпор излишним политическим притязаниям венгров (издавались законы, призванные оградить русинское крестьянство от угнетения со стороны венгерских помещиков; при Иосифе II была уничтожена крепостная зависимость). Но непосредственная власть в крае была в руках венгров, и они, как отмечал Пыпин, обходя законы, по-прежнему притесняли местное население. В то же время, добавлял ученый, «церковная жизнь была крайне отягощена вмешательством католических епископов»; некогда выборные русинские епископы стали назначаться правительством. Молодое поколение русинов, получавшее образование в Вене или Пеште, все больше отдалялось от своего народа. И все же «защитники народности» находились, хотя их деятельность не встречала понимания у властей. «Народный патриотизм в русском смысле, — замечал Пыпин, — навлекал подозрительность и притеснения», но, несмотря на это, «народное чувство здесь не заглохло», оно, пусть слабо, но развивалось и легло в основу национального возрождения²¹⁴.

* * *

Обозревая путь развития, пройденный славянством с древних времен до эпохи славянского возрождения, Пыпин показал, что он был таким же долгим и сложным, как и у других народов, и что славяне являются равноправными представителями европейского мира. Суммируя данные истории, этнографии, филологии и других наук, он убедительно представил картину социально-политической жизни славян, наиболее яркие и значимые события и явления их истории, нередко имевшие широкий резонанс, познакомил с богатой и разнообразной культурой славянских народов.

«История славянских литератур» Пыпина, хотя и содержала исторические экскурсы, не задумывалась как учебник по истории славянских народов, будучи им по существу. Следует помнить, что в XIX в. далеко не все моменты славянской истории были известны ее исследователям в России. Не прибегая к детальному описанию событий прошлого, Пыпин компактно давал основные сведения и общие представления об историческом пути каждого народа. Ученый касался и социально-экономического положения славянских государств (или земель в составе других государств), но в большей степени его интересовала их политическая история и культурное развитие.

Особое внимание Пыпин обращал на эпоху свободного существования раннефеодальных славянских государств и, как бы в противовес этому, — на длительный период подневольного, зависимого положения, выделяя причины, которые привели к значительному упадку национальной жизни, и факторы, стимулировавшие ее пробуждение на новом историческом этапе.

В этот период славянской истории, Пыпин выделял такие исторические явления (например, гуситское движение), которые имели не только внутриславянское, но и европейское значение. Ученый старался отметить любые проявления сопротивления славян угнетению. При этом он указывал не только на религиозные и национальные, но и социальные и культурные формы гнета; и в борьбе славянских народов против чужеземной власти держал в поле зрения те же области.

Используя самые современные на тот момент данные науки, Пыпин тем не менее считал не до конца проясненными вопросы этнического происхождения, расселения и передвижения славян в древности. Объясняя причины и условия формирования национальных особенностей каждого славянского народа, Пыпин красной нитью проводил мысль о том, что, несмотря на общие племенные корни и определенные межплеменные связи, каждый славянский народ развивался самостоятельно и довольно обособленно, что вылилось в разъединение славян.

В историческом развитии славянства Пыпин выделял как значимые вехи образование первых славянских государств, принятие христианства, которое произвело переворот в жизни славянских народов, но в то же время разделило их на последователей православия и католицизма, на два лагеря, различающихся в религиозном и культурном отношениях. В отличие от славяно-

филов, провозглашавших православие исконной и истинной славянской религией, Пыпин считал, что необходимо учитывать тысячелетний исторический путь, пройденный славянами-католиками, и уважительно относиться к их религиозным чувствам и духовно-культурному багажу.

При этом Пыпин делал важный вывод о том, что в социально-экономическом отношении положение славянских народов мало чем различалось — патриархальный, общинный быт сменился феодальными отношениями, при которых положение народных масс везде было одинаково тяжелым. Обозревая многовековую историю славянского мира, Пыпин всегда выделял положение простого народа, составлявшего, по его убеждению, основу нации и при самых неблагоприятных условиях сохранявшего национальные предания, язык, черты характера, обычаи, народную поэзию и т. п.

Выявляя общие закономерности развития славянства, Пыпин отразил на их фоне индивидуальный исторический путь каждого славянского народа, отмечая как типичные, так и особенные черты этого процесса.

Рассмотрение огромного исторического периода от возникновения славянства до эпохи возрождения помогло Пыпину показать причины и условия возникновения национального подъема славянских народов в конце XVIII — начале XIX в.

Примечания

¹ Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1879. Т. I. С. VII.

² Там же. С. 4–5.

³ Там же. С. 5, 18.

⁴ Пыпин А. Н. О сравнительно-историческом изучении русской литературы // Вестник Европы. 1875. № 10. С. 644.

⁵ Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. I. С. 20.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Там же. С. 18.

⁸ Там же. С. 6, 24.

⁹ Там же. С. 20, 24.

¹⁰ Там же. С. 25.

¹¹ Там же. С. 6.

- ¹² Там же. СПб., 1881. Т. 2. С. 785.
- ¹³ Там же. Т. 1. С. 6–7.
- ¹⁴ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865. С. 26.
- ¹⁵ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 7.
- ¹⁶ Там же. С. 7, 12–13.
- ¹⁷ Там же. С. 21.
- ¹⁸ Там же. С. 21–22.
- ¹⁹ *А. Н. [Пытин А. Н.]* Будущность славянства // Вестник Европы. 1877. № 12. С. 819.
- ²⁰ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 6.
- ²¹ Там же. С. 22, 37.
- ²² *Пытин А. Н.* Теория общеславянского языка // Вестник Европы. 1892. № 4. С. 771.
- ²³ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм // Вестник Европы. 1879. № 6. С. 599.
- ²⁴ *Пытин А. Н.* Славянский вопрос по взглядам Ив. Аксакова // Вестник Европы. 1886. № 8. С. 789.
- ²⁵ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 22, 40.
- ²⁶ *Пытин А. Н.* Вопрос о национальности и панславизм // Современник. 1864. № 3. С. 97.
- ²⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 22, 40.
- ²⁸ Там же. С. 28.
- ²⁹ Там же. С. 22, 29.
- ³⁰ Там же. Т. 2. С. 786.
- ³¹ *Пытин А.* Несколько слов о «народных началах» и о «цивилизации» // Современник. 1865. № 6. С. 146.
- ³² Там же. С. 147.
- ³³ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 22–23.
- ³⁴ Там же. С. 22.
- ³⁵ Там же. С. 43–44.
- ³⁶ Там же. С. 44.
- ³⁷ *Пытин А. Н.* Теория общеславянского языка. С. 772.
- ³⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 45.
- ³⁹ Там же. С. 23.
- ⁴⁰ Там же. С. 42.
- ⁴¹ Там же. С. 40–41.
- ⁴² *Пытин А.* Несколько слов о «народных началах» и о «цивилизации». С. 154.
- ⁴³ Там же. С. 147–148.
- ⁴⁴ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 41.
- ⁴⁵ Там же. С. 29, 41.
- ⁴⁶ Там же. С. 42–43.

- ⁴⁷ Там же. С. 41.
- ⁴⁸ Там же. С. 42.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ А. Н. [Пытин А. Н.] Будущность славянства. С. 820.
- ⁵¹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 23, 33.
- ⁵² Там же. С. 24–25.
- ⁵³ Там же. С. 25–26.
- ⁵⁴ Там же. С. 26.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. С. 27.
- ⁵⁷ Там же. С. 28.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. С. 29.
- ⁶⁰ Там же. С. 30.
- ⁶¹ Там же. С. 48–49, 53, 104.
- ⁶² Там же. С. 49, 51, 65, 98.
- ⁶³ Пытин А. Новая книга о Болгарии // Вестник Европы. 1891. № 11. С. 288–289.
- ⁶⁴ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 50–51.
- ⁶⁵ Там же. С. 52.
- ⁶⁶ Там же. С. 99.
- ⁶⁷ Там же. С. 98–99; Пытин А. Герцеговинские гайдуки сто лет назад // Вестник Европы. 1877. № 6. С. 713.
- ⁶⁸ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 100.
- ⁶⁹ Пытин А. Герцеговинские гайдуки сто лет назад. С. 714–715.
- ⁷⁰ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 101.
- ⁷¹ Там же. С. 104.
- ⁷² Пытин А. Н. Обзор русских изучений славянства // Вестник Европы. 1889. № 6. С. 636.
- ⁷³ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 136.
- ⁷⁴ Там же. С. 138.
- ⁷⁵ Т. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1895. № 3. С. 395.
- ⁷⁶ Там же; Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 150–151.
- ⁷⁷ Т. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1895. № 3. С. 395.
- ⁷⁸ Пытин А. Путешествие г-ж Мэккензи и Ирби в славянских землях Турции // Вестник Европы. 1877. № 10. С. 614.
- ⁷⁹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 139–145.
- ⁸⁰ Там же. С. 145–147, 153; Пытин А. Герцеговинские гайдуки сто лет назад. С. 713.

- ⁸¹ А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1887. № 4. С. 871.
- ⁸² Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 147–148.
- ⁸³ Пытин А. Герцеговинские гайдуки сто лет назад. С. 722–723.
- ⁸⁴ Пытин А. Путешествие г-ж Мэккензи и Ирби в славянских землях Турции. № 10. С. 615; № 11. С. 255.
- ⁸⁵ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 151–152.
- ⁸⁶ Там же. С. 154, 157–158.
- ⁸⁷ Там же. С. 159–161.
- ⁸⁸ Там же. С. 158–159.
- ⁸⁹ Там же. С. 163.
- ⁹⁰ Там же. С. 165–167.
- ⁹¹ Там же. С. 167.
- ⁹² Там же. С. 168–170.
- ⁹³ Там же. С. 171–172, 174–177.
- ⁹⁴ Там же. С. 177–179, 196–197.
- ⁹⁵ Беляева Ю. Д. Литературы народов Югославии в России: Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX, начало XX в. М., 1979. С. 83, 85.
- ⁹⁶ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 197–199.
- ⁹⁷ Там же. С. 199–200.
- ⁹⁸ Там же. С. 195.
- ⁹⁹ Там же. С. 283–285.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 285–286, 288, 290–291.
- ¹⁰¹ Там же. С. 301–303.
- ¹⁰² Там же. Т. 2. С. 784, 787.
- ¹⁰³ Там же. С. 784.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 785, 787.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 787–789; [Пытин А. Н.] Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и западной Европе в конце XIV и начале XV века. Сочинение кандидата-педагога В. Надлера. Харьков. 1864 // Современник. 1864. № 7. С. 43.
- ¹⁰⁷ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 789–790.
- ¹⁰⁸ [Пытин А. Н.] Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и западной Европе в конце XIV и начале XV века... С. 43, 46.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 45.
- ¹¹⁰ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 790.
- ¹¹¹ Там же. С. 839, 846.
- ¹¹² Там же. С. 854–855.
- ¹¹³ Там же. С. 791–792, 836, 853.

¹¹⁴ Лаптева Л. П. А. Н. Пыпин и его вклад в славяноведение // Славянский альманах 2004. М., 2005. С. 193.

¹¹⁵ [Пыпин А. Н.] Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и западной Европе в конце XIV и начале XV века... С. 50. О позиции Пыпина в гуситском вопросе и значении его работ в русской гуситологии см.: Лаптева Л. П. Русская историография гуситского движения. М., 1978. С. 220–224.

¹¹⁶ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 846, 853.

¹¹⁷ Пытин А. Несколько слов о «народных началах» и о «цивилизации». С. 149–150, 153.

¹¹⁸ [Пытин А. Н.] Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и западной Европе в конце XIV и начале XV века... С. 49.

¹¹⁹ Там же. С. 47–48. Подробнее см.: Аксенова Е. П. История народов Центральной и Юго-Восточной Европы в журнале «Современник» (1863–1866 гг.) // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 241–242.

¹²⁰ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 855–856, 860, 871.

¹²¹ [Пытин А. Н.] Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и западной Европе в конце XIV и начале XV века... С. 49.

¹²² Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 860, 862.

¹²³ [Пытин А. Н.] Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и западной Европе в конце XIV и начале XV века... С. 48–49.

¹²⁴ Там же. С. 50; Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 861, 871, 794.

¹²⁵ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 792–793.

¹²⁶ Там же. С. 835–836.

¹²⁷ Там же. С. 847, 851, 867.

¹²⁸ Там же. С. 867, 880, 883; А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1894. № 5. С. 416.

¹²⁹ А. П. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1893. № 5. С. 431; Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 885–886.

¹³⁰ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 870, 873.

¹³¹ Там же. С. 889.

¹³² Там же. С. 891.

¹³³ Там же. С. 793–794.

- ¹³⁴ Там же. С. 796–797, 914–915.
- ¹³⁵ Там же. С. 905, 908; А. П. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1893. № 5. С. 432.
- ¹³⁶ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 797.
- ¹³⁷ Там же. С. 1000.
- ¹³⁸ Там же. С. 1019.
- ¹³⁹ Там же. С. 1002–1003.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 1004.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² Там же. С. 1004–1005.
- ¹⁴³ Там же. С. 1005–1006.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 913.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 1006.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 1006–1008.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 1009–1010.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 1014, 1016.
- ¹⁴⁹ Пытин А. Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 1. С. 705, 714.
- ¹⁵⁰ А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение. [Рец. на кн.:] М. Бобржинский. Очерк истории Польши (Dzieje Polski). Пер. Н. И. Кареева. СПб., 1888–1891. Т. 1–2 // Вестник Европы. 1892. № 4. С. 874.
- ¹⁵¹ Пытин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Т. 4. С. 8–9, 11.
- ¹⁵² Пытин А. Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 3. С. 245.
- ¹⁵³ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 38.
- ¹⁵⁴ Пытин А. Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 2. С. 687; А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1892. № 4. С. 875–876.
- ¹⁵⁵ Пытин А. Н. Новые романы Сенкевича // Вестник Европы. 1888. № 2. С. 677, 686.
- ¹⁵⁶ А. П. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1888. № 12. С. 869.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 870.
- ¹⁵⁸ А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1892. № 4. С. 875–876.
- ¹⁵⁹ Бобржинский М. Очерк истории Польши (Dzieje Polski). СПб., 1888–1891. Т. 1–2.
- ¹⁶⁰ Там же. Т. 2. С. 314–320.
- ¹⁶¹ Пытин А. Н. Польский вопрос в русской литературе. № 3. С. 247.
- ¹⁶² Там же. № 1. С. 714.
- ¹⁶³ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 14.
- ¹⁶⁴ Пытин А. Н. Польский вопрос в русской литературе. № 2. С. 688.
- ¹⁶⁵ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 40.

¹⁶⁶ Там же. С. 44; *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 2. С. 667, 709.

¹⁶⁷ Пыпин подробно пересказывал и цитировал сочинения Н. И. Тургенева «La Russie et les Russes» (1847) и «La Russie en Présence de la crise européenne» (1848) и др.

¹⁶⁸ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 10. С. 705–706.

¹⁶⁹ *Пытин А. Н.* Казимир Бродзинский // Вестник Европы. 1891. № 10. С. 747.

¹⁷⁰ Там же. С. 753.

¹⁷¹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1062.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же. С. 1063.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же. С. 1063–1064.

¹⁷⁷ Там же. С. 1064.

¹⁷⁸ Там же. С. 817.

¹⁷⁹ Там же. С. 1064–1065.

¹⁸⁰ Там же. С. 1065.

¹⁸¹ *Гильфердинг А. Ф.* История балтийских славян. М., 1855. Т. 1.

¹⁸² *Павинский А.* Полабские славяне. СПб., 1871.

¹⁸³ *Котляревский А.* Древности права балтийских славян. Прага, 1874.

¹⁸⁴ *Перволюф И.* Германизация балтийских славян. СПб., 1876.

¹⁸⁵ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1069.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же. С. 1070.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же. С. 1071.

¹⁹¹ Там же. С. 1072–1074.

¹⁹² Там же. С. 1074–1075.

¹⁹³ Там же. С. 1075–1076.

¹⁹⁴ Там же. С. 1076–1077.

¹⁹⁵ Там же. С. 1078.

¹⁹⁶ Там же. Т. 1. С. 7.

¹⁹⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. С. 232.

¹⁹⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 438–439.

¹⁹⁹ Там же. С. 305.

²⁰⁰ А. В-нь. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение. [Рец. на кн.:] М. Ф. Раевский и российский панславизм. К. Н. Устияновича. Львов. 1884 // Вестник Европы. 1885. № 1. С. 440.

²⁰¹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 405–407.

²⁰² Там же. С. 406–408, 411–412.

²⁰³ А. В-нь. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1885. № 1. С. 440.

²⁰⁴ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 408.

²⁰⁵ Там же. С. 413.

²⁰⁶ Там же. С. 410–411, 424.

²⁰⁷ Там же. С. 412.

²⁰⁸ Пытин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3. С. 231, 234, 244.

²⁰⁹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 413.

²¹⁰ Там же. С. 414.

²¹¹ Там же. С. 413.

²¹² Там же. С. 414.

²¹³ Там же. С. 440.

²¹⁴ Там же. С. 440–441.

Глава 2

Славянские народы в период формирования наций

Общие сведения. Одной из самых ярких и значительных вех в истории славянских народов была эпоха национального возрождения, начавшаяся в конце XVIII в. Это возрождение имело предпосылки в историческом, общественно-политическом, социально-экономическом, духовном развитии Европы и самих славянских народов. То было время перехода от феодальных к капиталистическим формам общественных отношений и формирования наций. У большинства славянских народов эти исторические процессы протекали медленнее, чем в странах Западной Европы, и осуществлялись они в абсолютистских полиэтнических государственных образованиях, в обстановке национального, социального, религиозного угнетения со стороны господствующей нации, которая в ряде случаев составляла меньшинство населения (отдельные народы — словаки и хорваты — находились в двойной зависимости). Этнические территории некоторых народов находились в границах разных государств. Большинство славянских народов было лишено своей государственности, т. е. одного из важных рычагов, обеспечивающих развитие нации. Социальная структура славянских обществ отличалась неполнотой и пестротой. Это влияло на формирование общегосударственных и областных, национальных внутренних рынков. Национальные и религиозные взаимоотношения также накладывали отпечаток на процессы формирования наций в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы. Несмотря на различия и особенности, эти процессы в славянском территориальном комплексе имели значительное сходство, что и позволяет рассматривать их как феномен славянского возрождения. Об этом свидетельствует размах национально-освободительных движений и близость принципов национальной идеологии.

Конец XVIII — первая половина XIX в. были для славянских народов одновременно периодом национального пробуждения и национально-освободительной борьбы — в этом специфика становления славянских наций. Формирование наций в условиях развития новых экономических отношений и борьбы за полити-

ческую независимость или свободное национальное развитие явилось стержнем внутривнутриполитических процессов в Австрийской империи и балканских владениях Османской империи. При этом следует помнить, что уровень социально-экономического и политического развития, а также степень, методы и формы национального угнетения славян Австрийской и Османской империй существенно различались.

Становление наций проходило поэтапно: первый этап связан с ее возникновением, «возрождением», «пробуждением», второй — с упрочением национальных связей и дальнейшей консолидацией нации.

На первом этапе идеи эпохи Просвещения дали толчок подъему национального самосознания и развитию национально-просветительской мысли. Просветительский этап приходился в основном на конец XVIII — первую треть XIX в. В 1830–1850-х гг. он сменился романтическим этапом. В дальнейшем в общественном сознании преобладало реалистическое мышление. Очень емкий по своему наполнению для XIX в. термин «возрождение» вобрал в себя все, что связано с «созиданием» нации — его причины, условия, факторы, процессы и т. п.¹

«Наше время, — писал Пыпин, — есть по преимуществу время национальных возрождений»². Эпохе национального возрождения славянских народов А. Н. Пыпин уделил основное внимание в своих славистических трудах. Для него этот период исторического развития славянства представлял наибольший интерес, поскольку ученый, как современник событий, мог воочию наблюдать процесс национального пробуждения славян.

Рассматривая исторический путь славянских народов (см. главу 1), Пыпин особенно обращал внимание на степень упадка их национальной жизни к концу XVIII в., когда для многих славян оставалось два пути развития: либо полное растворение в господствующей нации и гибель славянских этнических единиц, либо активное возрождение собственной национальности. Исторические условия сложились так, что славянство реализовало второй путь. Среди факторов, способствовавших пробуждению славян, Пыпин называл и внутреннюю политику Иосифа II*

* Реформы Иосифа II, с одной стороны, принесли некоторую свободу духовной жизни и открыли доступ идеям эпохи Просвещения, с дру-

(для австрийских славян), и русско-турецкие войны, демонстрировавшие могущество России (для подданных султана), и борьбу между религиозными конфессиями за умы и души славянского населения, и просветительские идеи и идеи Французской революции, проникавшие с европейской образованностью (в основном в среду западного славянства, где в первую очередь были восприняты и идеи эпохи романтизма, и взгляды немецких философов). Некоторые надежды на автономию появились у отдельных славянских народов в период наполеоновских войн (Иллирийские провинции, Герцогство Варшавское).

В конце 70-х гг. XIX в. Пыпин писал: «С XVIII в. в славянском мире начинается *исторический поворот* (курсив мой. — Е. А.) к национальному обновлению и возрождению. Он уже принес много знаменательных результатов и вызвал трудную борьбу внешнюю и борьбу внутри самого славянского сознания; она продолжается до настоящей минуты и составляет основной вопрос новейшей славянской истории»³.

В своих работах Пыпин не предлагал четкой периодизации процесса возрождения, однако он наметил периоды, этапы, ступени национального пробуждения и дальнейшего развития славянских народов. Это — конец XVIII — начало XIX в., 1830–1840-е гг., 1848 г., 1860-е и последующие годы. Таким образом, «возрождением» он называл всю эпоху становления наций. Оставляя в стороне социально-экономические и касаясь лишь по необходимости политических условий формирования наций, Пыпин понимал, что они лежат в основе происходящих в славянском мире процессов. Но эта сторона дела мало интересовала его; он обращал пристальное внимание на развитие национального самосознания, общественной мысли, национально-освободительной идеологии, просвещения, литературы на родном языке и т. д.

К концу XVIII — началу XIX в. Пыпин относил первые шаги славянского возрождения, когда, по его словам, «возникают отдельные, разрозненные стремления, которым предстояло обновить и оживить глухое существование славянского мира. Они исходили из разных исторических мотивов, но в своем действии представляли много замечательных параллелей», которые к 30-м гг. XIX в. сформировались «в замечательное историческое

гой — способствовали еще большему ограничению национальной жизни славянских народов Австрийской империи.

явление», охватившее «пространство целого племени»⁴. Заметим, что Пыпин оценивал славянское возрождение не только и не столько как частные усилия отдельных народов, а как общее для большого славянского этноса явление, имеющее историческое значение.

Содержание славянского возрождения, его характер, подчеркивал Пыпин, свидетельствовали в пользу того, что оно представляло собой «сильный факт общеевропейского прогресса» (поскольку славянство — не орда, а европейское племя, которое стремится занять свое место в европейской цивилизации, усваивая европейские идеи и европейскую образованность)⁵.

Пыпин точно отметил и отразил в своих работах двуединую суть процесса славянского возрождения, совершавшегося «в духе освобождения и просвещения». Причем вторая часть этого процесса тоже имела две стороны: утверждение и изучение собственной национальной жизни (история, язык, народное творчество и т. д.) и одновременное усвоение результатов европейской культуры. Национальное развитие славянских народов ученый показывал в единстве внутренних и внешних влияний и обстоятельств⁶.

Славянское возрождение совпало в основном с эпохой романтизма и черпало из него свои идеи. При этом Пыпин подчеркивал схожесть, «родство» славянского романтизма с западноевропейским (хотя понимал, что он развивался в условиях неизжитой феодальной системы и освободительной борьбы). Не сбрасывая со счетов «увлечения и крайности» славянского романтизма, он признавал, что глубокое сочувствие вызывает присущее этому течению стремление к «народности», которое, в понимании ученого, есть «стремление поднять значение народа, внушить уважение к его преданию, следовательно, к его нравственной автономии, и, наконец, ввести его как полноправного деятеля в национальную жизнь». По определению Пыпина, это был романтизм «не феодальный, а демократический, — не оставшийся только капризом литературной школы, но соединенный с заботой о практической помощи народному сознанию, о популярной литературе и пр.»⁷. Однако Пыпин отчетливо понимал, что романтизм «забегал вперед», выдавая желаемое за действительное⁸.

Основой славянского возрождения было, по словам Пыпина, «возбуждение народности»; все движение славянства с конца

XVIII в., утверждал ученый, состояло в борьбе за права национальностей, и цель его заключалась в достижении «той широты национальной деятельности, которая обеспечила бы славянству независимость его внутренней жизни и... создание своей самобытной культуры»⁹.

Для деятелей возрождения «служение народности» заключалось, по понятиям Пыпина, в том, чтобы лелеять народный язык, литературу, искусство¹⁰.

Со временем, отмечал Пыпин, романтическое, «платоническое увлечение народностью» перерастало в «политическое стремление». Это стремление «обнаруживалось и в желании достигнуть свободы внутренней и свободы от прямого иноплеменного ига», и в постановке на повестку дня «реального вопроса»: что нужно для того, чтобы славянские народы заняли достойное место в жизни всего человечества?¹¹ Таким образом, в рамках славянского возрождения «шел естественный национально-политический процесс»¹². Политическая борьба славян «была еще мало удачна, но далеко не бесплодна» (южное славянство перешло от полного рабства к образованию государств)¹³.

Сущность славянского возрождения, по определению Пыпина, заключалась «в поднятии национального чувства, в пробуждении бессознательного дотоле общества и народа». Добиться этого можно было, по мнению ученого, прежде всего с помощью распространения «книжности», образования. Задача состояла в том, чтобы «внушить уважение к народным силам, к живому обычаю, чтобы не смотреть свысока на народ, а служить его благу и интересам» (таким образом, в национальной программе возрождения он выделял социальную линию). Для этого нужны были книги, написанные на языке народа, что определялось, как пояснял Пыпин, не «демократическим капризом» и не «политической интригой», а необходимостью, потому что народ не понял бы иного языка¹⁴. В этот период, хотя и не одновременно, у славянских народов идет процесс кодификации национальных языков.

Наряду с повышением уровня национального образования и развитием национального самосознания, Пыпин связывал с понятием возрождения также и политическое освобождение славянских народов¹⁵.

В кратком, обобщенном определении этого явления Пыпин подчеркивал, что возрождение означает вступление народных

масс в общественную жизнь¹⁶. «Демократический элемент» — это то новое, что обогатило «внутреннюю жизнь обществ», в то время как в отношениях между народами господствовал «национальный принцип»¹⁷. По своему характеру, отмечал Пыпин, славянское возрождение «было по преимуществу народное, демократическое».

Объясняя, почему он дает славянскому национальному движению такое определение, ученый затрагивал вопрос о социальной структуре славянского общества, в частности, ее неполноте. Он напоминал, что с «падением старых государств славяне потеряли весь высший „культурный“ класс». При отсутствии или слабости дворянства у многих славянских народов национальная жизнь сохранилась только в народной массе и «могла возродиться только из среды народа», как это в действительности и произошло. Писатели, ученые, политические деятели эпохи возрождения вышли в основном из среды крестьян или сельских священников. Любовь к народу у них была «непосредственной», а не «теоретической». Возрождавшиеся литературы черпали содержание из народной жизни, широко использовали фольклорный элемент (многие поэты той эпохи были одновременно собирателями, издателями и исследователями народного творчества). Основой литературного языка становился обработанный народный язык.

Для реставрации подавленной национальности необходимо было изучение «элементов народности» — происхождения народа, его исторического развития, народного быта, преданий, обрядов, культуры. Дело подъема национальности нуждалось в подготовленных кадрах — отсюда возникла забота о народном образовании (школы для народа, популярные книги). Пыпин показал, что национальное движение славянства зародилось в народе и служило целям и задачам народа, и, следовательно, связал социальный характер движения с национальными интересами славянских народов¹⁸.

Изучая пути национального развития каждого славянского народа, Пыпин выявил черты, типичные для всего славянского национального движения. «Общий характер явления», указывал Пыпин, заключается в стремлении каждого славянского народа «выразить свою народную особность»¹⁹. Именно национальный принцип, считал Пыпин, вызвал «славянский мир из его вековой летаргии, и он составляет основу славянского современного движения»²⁰. По этому пути — пути «резкого заявления своей

индивидуальности», т. е. национализма, — необходимо было, утверждал Пыпин, пройти каждому славянскому народу, чтобы потом могло начаться «сознательное сближение» славянства. В этом он видел естественный ход исторического развития²¹.

Эпоха славянского возрождения тесно связана с процессом становления и развития славянских наций. Пыпин отмечал, что славянский вопрос занимал особо важное место в политической сфере и в общественной мысли. Стремление зависимых народов добиться национально-политической самостоятельности Пыпин считал характерным историческим явлением периода становления наций, добавляя при этом, что разъединенные народы, «не составляя одного политического целого», ставили перед собой задачу «обобщения и объединения племени»²².

В развитии наций и национальных отношений Пыпин видел две тенденции. Одна заключалась в стремлении «вместить отдельную национальность в отдельное государство или по крайней мере обеспечить ее существование в государстве другого племени» (последнее характерно было для большинства славян Австрийской империи). Другая — тенденция к сближению наций, поскольку при постоянном культурном и политическом общении «национальные особенности исчезают больше и больше, угловатости сглаживаются». Однако развитие этой тенденции наталкивалось на препятствие в виде теорий национальной исключительности²³.

Пыпин отмечал, что на формирование наций влияют такие «естественные и культурные условия», как язык, религия, обычаи, промышленная деятельность, война, государство (но ученый не абсолютизировал эти факторы). Развитие наций связано прежде всего с условиями политической и экономической жизни народов, а не с неопределенными «народными началами», на которых строили свои концепции славянофилы и почвенники²⁴.

Формирование славянских наций проходило на протяжении всего XIX в. Уделяя немало внимания этому сложному, многоплановому процессу, Пыпин допускал возможность того, что в скором времени получит признание идея о равноправности народов, «малые народности» смогут развиваться в рамках местного самоуправления. Однако, делал важный теоретический вывод Пыпин, «явления развития или упадка национальности» все равно будут происходить (независимо «от воли отдельных людей»), поскольку они подчинены «общему естественному закону истории»²⁵.

Затрагивая проблемы развития наций, Пыпин выдвинул верные положения о роли национальных стремлений в политической жизни. Ученый отмечал, что они могут быть прогрессивными, если являются «орудием политического, общественного и нравственного возрождения целых племен»²⁶, если направлены на «освобождение народа от чужеземного гнета» (Сербия) и либерализацию общественной жизни (некоторые славянские земли в Австрийской империи). В то же время он предупреждал против излишнего увлечения национальными идеями, которые могут быть и реакционными, когда становятся «орудием реакционных классов общества или реакционных правительств», которые надеются политическим путем или дипломатическими интригами «достигнуть подавления чужой национальности» (например, действия Венгрии по отношению к словакам и хорватам)²⁷.

Вместе с тем Пыпин обращал внимание на сложность и неоднозначность оценок в сфере межнациональных отношений. Так, в целом прогрессивное славянское движение оказалось «на стороне реакционеров» по отношению к «действительно прогрессивному» немецкому либеральному движению, в представителях которого славяне видели «только немцев» (т. е. на первый план выступала национальная вражда)²⁸.

На национальные отношения влияет и религиозный фактор, который, как указывал Пыпин, «становится вообще выше национального в такие эпохи, когда религия владеет всеми умами». Но и общая религия не всегда сближает народы: так, в Австрийской империи чехи, хорваты, словенцы, поляки — преимущественно католики, однако в своих национальных стремлениях и требованиях они остаются разобщенными²⁹.

Пыпин видел связь национального вопроса с социальным, подчеркивая, что решение национальных задач еще не гарантирует «народного блага» — необходимо «поднять права народа», для чего недостаточно одних национальных стремлений, нужны «иные средства»³⁰.

Таким образом, анализ процесса славянского возрождения и формирования славянских наций привел Пыпина к серьезным рассуждениям по теории национального вопроса, поскольку все его выводы касались не только славянских, но и других европейских народов³¹.

Пыпин обращал внимание на то, что национальной идее зачастую придают «демократический смысл», связывая успех на-

ционального дела с изучением простого народа, его языка, поэзии, обычаев, что поможет вернуть «современные общества к исконным национальным воззрениям». Ученый считал, что национальные идеи в основе своей имеют не демократические начала: «Они гораздо скорее выводятся из развития идей политических и в особенности экономических». В то же время «демократизм, стремление поднять права народа, имеют иной источник и иные средства и цель»³².

Славянское возрождение, по мнению Пыпина, имело не только *общий характер*, но и сходные «*главные источники*» движения — «унижение народности», которое наполняло «лучшие умы» горячим желанием вывести соотечественников «из рабского состояния физического и нравственного»³³. При таком характере и источниках славянского движения, утверждал Пыпин, «его нравственно-политическое *право* не может подлежать никакому сомнению»³⁴.

Ученый отмечал, что, испытывая длительное национальное, социальное, религиозное угнетение, славянские народы лишались «основы национального идеала», и пробуждение национального чувства у всех славянских народов одинаково выражалось в стремлении изучать историю своего народа, его материальную и духовную культуру³⁵. Развитие исторической науки давало обильный материал для литературы. «В подобных условиях, — писал Пыпин, — когда национальное чувство, неудовлетворенное и подавленное, уходит внутрь, оно находит себе исход в поэтическом воспоминании и в созидании фантастических планов будущего. Прошлое кажется потерянным раем, рисуется в привлекательных чертах доброго старого времени и в грандиозных картинах старого героического величия»³⁶.

Пыпин выделял два пути (или средства) подъема национального самосознания: 1) напоминание о славном прошлом, «обращение к старине» (в том случае, если не сохранилось документальных свидетельств о древнем героическом прошлом, их фальсифицировали); 2) широкое народное образование³⁷.

Что касается вопроса о подложных рукописях, то Пыпин неоднократно останавливался на нем и даже посвятил ему специальную работу³⁸. Он видел в изготовлении поддельных памятников «довольно нередкое, так сказать патологическое явление, сопровождающее первый возникающий интерес к народности и ее древним судьбам». Когда научная разработка только начина-

ется и еще не дает ожидаемых результатов, люди «с неправильно понятым патриотизмом» производят более или менее удачную подделку. Пыпин отмечал, что это явление было характерно почти для всех славянских литератур³⁹.

Пыпин обращал внимание на тот факт, что на начальном этапе возрождения, в конце XVIII в., наиболее образованные представители славянских народов не стремились еще «к осуществлению национального принципа», а действовали в основном как просветители (например, Досифей Обрадович). Но исторические воспоминания вызывали чувство национальной гордости. Такие события, как сербские восстания начала XIX в., ставили вопрос о целостности и независимости; наполеоновские войны «заставили думать о новых национально-политических комбинациях»; внешнеполитические и военные успехи России укрепляли в славянах надежду на «широкую историческую судьбу» во главе с Россией⁴⁰.

Обращение к старине Пыпин объяснял и потребностями «самой жизни, искавшей новых общественных опор и национального сознания», и «движением исторической науки». Результаты этих стремлений «повлияли и на расширение научно-исторических идей», и «на постановку общественно-национальных вопросов». Отводя науке большую роль в общественном развитии, Пыпин отмечал, что изучение истории, памятников древности, этнографические исследования «вмешивались в практическую жизнь; возбуждая национальные инстинкты, они становились немаловажным фактором в политических движениях». Такой механизм пробуждения и укрепления национального самосознания, по словам ученого, был характерен для всех европейских народов в конце XVIII — начале XIX в. Особенно ярко он проявился у славянских народов «в восторженных порывах национального Возрождения»⁴¹.

Славянское возрождение в научно-познавательной и литературной сфере нашло выражение, как считал Пыпин, во-первых, в исторических исследованиях «о прошлой судьбе народов»; во-вторых, в этнографических исследованиях и «собираании народной поэзии»; в-третьих, в популярной литературе, «которая могла бы быть доступна грамотному сельскому люду»⁴². Пыпин придавал большое значение уровню образования нации. Он считал, что только «истинная, свободная образованность дает возможность полного развития способностей и энергии» народа и обеспечива-ет его прочное национальное существование⁴³.

В связи с установкой на широкое народное образование выявлялась необходимость «говорить с народом на его языке». Задача формирования национального литературного языка стояла перед возрождавшимися славянскими литературами (она способствовала интенсивному развитию славянского языкознания). Пыпин высоко оценивал деятельность таких очагов развития национальной культуры и литературы, как славянские «матицы» — издательские и культурно-просветительские центры. Потребность и обусловленность появления новых литератур Пыпин объяснял тем, что старая литературная традиция, как и политическая жизнь славянских народов, была прервана надолго, к тому же старая литература не годилась «для потребностей нового времени», да и народный язык, развиваясь, «удалился от прежней книжной речи». Таким образом, новая литература, по словам Пыпина, «должна была спуститься до народа, и в то же время возвышала доселе пренебрегаемый язык массы до книги, до выражения высших понятий образованности»⁴⁴.

Обращая внимание на диалектическую взаимозависимость составляющих этого процесса, Пыпин подчеркивал, что «возвышение народных языков на степень языков литературных *повторялось во всем славянском мире* (курсив мой. — Е. А.)». Таким же характерным явлением, имевшим в основе «реальную общую причину», было возникновение и развитие славянских литератур на национальных литературных языках (поскольку, как считал ученый, трудно отрицать право народов на литературное развитие). В литературной сфере проявлялось повышенное внимание ко всему национально значимому, происходил синтез культурно-исторических традиций и ценностей. Это было присуще всем славянским народам, однако в Польше (как и в России) богатая и многообразная национальная литература сформировалась раньше и прошла все стадии европейского литературного процесса. У других славянских народов литературная жизнь началась позже и представляла собой ускоренный литературный процесс, который в ряде случаев отличался неполнотой явлений и форм⁴⁵. Литература возрождения, по словам Пыпина, «разбилась на множество ветвей, и каждая хотела быть самостоятельной». Каждое «наречие» искало «свое литературное выражение», поэтому наряду с «общирными» литературами были и «микроскопические — и по числу тех, для кого они предназначались, и по числу и даже качеству произведений, их составлявших»⁴⁶.

Рассматривая это явление, Пыпин приходил к заключению, что раз «мелкие литературы» возникают, значит, имеют право на существование и «принудительное противодействие их развитию вредит как тем, что вносит в племенные отношения новую дозу вражды, так и тем, что стесняет, заглушает проявления народности»⁴⁷. Развитие национальных литератур Пыпин считал «непосредственным следствием» и вместе с тем «орудием славянского возрождения»⁴⁸. Национальные, народные основы каждой славянской литературы, утверждал ученый, «имеют такое же нравственное право выражения, как, например, чувство религиозное»⁴⁹. Под воздействием идей возрождения малочисленные народы добровольно отказывались «от близко родственной литературы, чтоб иметь свою, чтобы развивать собственную народность» (так, от чешской литературы отделилась словацкая; своя литература была у сербов, хорватов, словенцев; у лужичан было сразу две литературы: «одна для нескольких десятков тысяч верхних, другая для нескольких десятков тысяч нижних лужичан»)⁵⁰.

Пыпин отмечал, что среди деятелей славянского возрождения были люди, опасавшиеся, что развитие «малых литератур» приведет к полному раздроблению сил славянства. На начальном этапе своей научной деятельности Пыпин сочувствовал их мнению. В 1859 г. он рассуждал так: чем упорнее словаки и лужичане, имеющие по десятку книг, будут стремиться к отдельному литературному движению, тем слабее будет общее движение. К тому же, «небольшая литература всегда останется на младенческой степени»⁵¹. «Какой бы согласный энтузиазм ни одушевлял эти литературы, — писал он, — им трудно было ждать широкого будущего»: их роль свелась бы к «элементарным и популярным книгам»; в сфере высшего образования и науки они повторяли бы «чужие более сильные литературы», в которых и находили бы выражение большие таланты малых народов⁵².

Национальные литературы, полагал Пыпин, на первых порах принесут огромную пользу в деле развития народных масс, но в дальнейшем нужно единство сил в борьбе за права славянских наций⁵³. Как бы ни представлялся Пыпину вопрос о целесообразности дальнейшего развития «малых» литератур, он решительно не соглашался с мнением об их «вреде». В развитии этих литератур он видел «только предварительную работу национальностей», приводящую в движение «массу народных сил».

Их содержание на первом этапе развития было в основном «педагогическое и этнографическое». Это помогало интеллигенции сблизиться с народом, лучше понимать его и сочувствовать ему. Так что, подытоживал Пыпин, «местная литература» сплачивает национальные силы и укрепляет «народное сознание»⁵⁴.

Что касается более развитой литературы «большого» народа, то, по мнению Пыпина, она «только обогатилась бы, имея подле литературы филиальные» и занимая при этом все-таки господствующее положение. Однако она не должна притеснять «малые литературы», ибо этим она «компрометирует свое достоинство». Преимущество языка и литературы, считал ученый, должно достигаться «силою их внутреннего авторитета, а не принуждением и содействиями администрации»⁵⁵ (в этих рассуждениях Пыпина заложена мысль не только о славянских, но и о русской литературе и русском языке).

Наряду с литературами у каждого славянского народа развивались научные исследования. Будучи убежденным, что наука не может быть «национальной», Пыпин считал, что научные достижения принадлежат всему человечеству и что наука «с каждым годом более и более становится общим международным делом»; поэтому «всякая возникающая наука» должна примкнуть к этому делу⁵⁶.

Вступление славянских народов в эпоху формирования наций и развития национально-освободительных движений поставило на повестку дня европейской политики «славянский вопрос». Поскольку условия существования славянских народов были неодинаковы, то и задачи их национальной борьбы разнились. Поэтому славянский вопрос (который к тому же включал в себя политические позиции европейских держав и России) являлся многогранным, а решение его представлялось непростым.

Разные политические силы, как в славянских, так и в неславянских странах, вкладывали в понимание «славянского вопроса» неоднозначное толкование, порой связывая его с национальной идеей. О «славянском вопросе» говорили и писали, как о чем-то понятном и само собой разумеющемся, не давая ему, как правило, четкого определения. Пыпин в основном тоже употреблял этот термин без расшифровки, но в одной из своих работ он дал очень краткое и емкое определение «славянского вопроса» (с точки зрения россиянина). Он писал: «Славянский вопрос есть вопрос освобождения и общественного развития племен, нам

родственников, более или менее связанных с нами историей и на нас надеющихся»⁵⁷.

Перед началом русско-турецкой войны в 1877 г. Пыпин писал в «Вестнике Европы», что «славянский вопрос» весьма сложен: не в последнюю очередь он связан с внешнеполитическим положением и внутренними проблемами России. Вмешательство России в решение этого вопроса определяется и «национальным сочувствием», и политическим интересом в черноморском регионе, в частности приобретением надежных союзников среди родственников славянских народов. Но для успешного участия в их всестороннем освобождении нужно, по мнению Пыпина, верно оценить материальные силы своего государства и моральные силы общества⁵⁸.

Участие России в славянских делах Пыпин рассматривал с двух сторон: официальной (правительственной, дипломатической) и общественной⁵⁹. При существовавшем общественно-политическом строе Россия, как считал ученый, могла оказать лишь внешнюю политическую поддержку славянам, но «не могла основать культурной, образовательной, внутренней взаимности». При этом он подчеркивал, что отношения России к славянам должны основываться не на идее новой «славянской цивилизации» или господства над славянами, не на навязывании государственных форм, языка, нравов и т. п., а на уважительном отношении к ним, «на признании их национальной личности и права»⁶⁰. В то же время выдвигать славянский вопрос как «первостепенную общественную цель», как «предназначение» России (что делали славянофилы), по мнению Пыпина, значило отвлекать общество от его насущных нужд на «фантастические цели».

Кроме того, «славянский вопрос» тесно переплетался с «восточным вопросом», составлявшим одну из серьезнейших сторон внешней политики и международных отношений многих государств в течение длительного исторического периода. Чрезвычайно остро он стоял в XIX в., особенно в последней его четверти, в связи с усилением национального движения на Балканах. «Восточный вопрос», отмечал Пыпин, обычно рассматривался с точки зрения национальных и религиозных отношений⁶¹. События, связанные с развалом Османской империи и ролью России в обретении балканскими народами независимости и их дальнейшей судьбе, на которые Пыпин обратил пристальное

внимание, до сих пор являются предметом дискуссий и остаются актуальной общественно-политической и научной проблемой⁶².

Ученый указывал, что турки покорили Балканский полуостров силой меча, но на протяжении пяти столетий они не смогли сплотить покоренные народы в единую с угнетателями «нацию» (причины этого Пыпин видел в цивилизационных, религиозных, племенных различиях). Эксплуатация и грабеж со стороны завоевателей приводили к обеднению и упадку балканских стран. С течением времени «угнетение становилось все более свирепым и невыносимым», несовместимость европейского и восточного характеров, христианства и мусульманства обозначалась все резче и проявилась в «восточном вопросе», который ждал своего разрешения. Полный произвол и безнаказанность турецких поработителей противостояли абсолютной беззащитности и безгласности христианских подданных⁶³. Это положение отразилось на специфике возрожденческих процессов у южных славян, ориентировавшихся на поддержку России в борьбе за национальную независимость⁶⁴.

Еще в начале XIX в., напоминал Пыпин, Балканский полуостров пришел в движение, Турция слабела. В ее ослаблении ученый видел не только внешние причины, но главным образом внутренние, социально-экономические и социально-политические — отношение к рабе привело к ее падению. Назревал вопрос об освобождении балканского славянства. Особенно настойчиво он прозвучал во время балканских событий 1870-х гг. «Старый восточный вопрос, — писал Пыпин, — является в форме южно-славянского и в первый раз является прямо и официально как вопрос освобождения балканского славянства»⁶⁵.

Во многих работах Пыпин освещал условия жизни и национальной борьбы (известные ему не понаслышке) другой большой части славянства, находившейся под властью Австрийской империи, социально-политическая ситуация в которой обусловила возможность перехода к конституционной монархии в 1848–1867 гг.⁶⁶. При этом ученый останавливался и на позиции Габсбургов в отношении славян, и на действиях славянской общественности.

Пыпин отмечал, что поражение революции 1848 г. в Австрийской империи, когда славянские народы попытались предъявить свои национальные претензии, повлекло за собой разгул реакции, который проявлялся во всех сферах, и в том числе сказался на славянских органах печати (продолжили существование только официальные, лишенные «всякого общественного интереса» издания).

В начале 1860-х гг. национальный вопрос «опять выступил на сцену». Поскольку у подданных Габсбургской монархии были серьезные претензии к властям, то, по словам Пыпина, «язва абсолютизма» назрела довольно быстро. В октябре 1860 г. император Франц-Иосиф обнародовал диплом, в котором народы Австрийской империи «призывались к конституционному участию в решении государственных дел». По оценке Пыпина, это был шаг навстречу гражданской свободе и федерализму, к которому стремились славянские народы. И то, и другое, отмечал Пыпин, «было истинной потребностью общества и национальностей». В это время «у чехов, поляков, моравян, словаков, хорватов, далматинцев явились свои национальные органы», снова возродилась политическая журналистика⁶⁷. Решение национальных задач приходило в столкновение с федералистским движением.

Наблюдая за общественно-политическими процессами в Австрийской империи, Пыпин не мог не отметить, что вскоре после принятия конституции стали издаваться законы, дополнявшие и толковавшие, а по сути — нарушавшие ее. Уже в феврале 1861 г. появился другой документ — патент, который, по верному замечанию ученого, «сильно подрывал местные автономии». На смену федералистским обещаниям пришли централистские тенденции⁶⁸. Национальная печать снова подверглась гонениям. Было ясно, что конституция существует только на бумаге⁶⁹.

Пыпин критиковал установку либералов, довольствовавшихся «ближайшими вопросами», не выходящими за узконациональные рамки, и не ставивших более широких социальных задач. В такой позиции, замечал Пыпин, трудно найти «какие-нибудь наклонности к ниспровержению законного порядка»⁷⁰. Ученый с уверенностью заявлял, что положение славянских и других народов Австрийской империи не изменится, «как бы ни были назначены официальные границы земель, как бы ни была даже расширена национальная равноправность», если политические и общественные деятели, а также публицисты не оставят конституционных иллюзий и не будут «искать более широких основ для устройства народов», для решения «вопроса о национальной свободе и гражданской свободе»⁷¹. Таким образом, наряду с проблемой национального освобождения, Пыпин затрагивал вопрос о социальном переустройстве общества.

Пыпин не оставил без внимания положение славянских народов Австрийской империи после введения в 1867 г. системы

«дуализма», в результате чего политическое господство в стране было поделено между Австрией и Венгрией. Ученый указывал не только внутренние причины создания дуалистической империи, но и внешние (в частности, поражение австрийских войск в битве при Садовой в 1866 г.)⁷². В начале XX в. он отмечал активизацию борьбы славянских народов Австро-Венгерской империи⁷³.

Рассматривая славянское возрождение в целом, Пыпин в то же время замечал, что, несмотря на приблизительную одновременность начала этого исторического явления у всех славянских народов, у каждого народа национальное пробуждение «возникало отдельно, без какой-нибудь связи с другим племенем, у каждого по своим особым причинам и с особым характером», каждое славянское племя своим путем «приходило к национальному сознанию и работало для его укрепления»⁷⁴. В связи с этим Пыпин не только дал общие характеристики славянского возрождения, но и осветил процесс возрождения каждого славянского народа.

Наиболее глубоко и детально Пыпин рассматривал чешское возрождение, которое представляло, по его оценке, «один из главных фактов» славянского движения XIX в.⁷⁵ и оказало огромное влияние на другие славянские народы. Немалое внимание ученый уделил пробуждению и национальному движению южных славян, особенно подробно остановившись на периоде восточного кризиса 1870-х гг. и последовавших за ним событиях. Ученый не мог не затронуть вопрос о национальных процессах и освободительной борьбе польского народа, имевшей, кроме общих черт, весьма существенные отличия. Пыпин касался также вопросов национального развития словаков, лужицких сербов и русинов.

Чехи. Бывая в Праге и будучи хорошо знакомым со многими деятелями чешского национального движения, Пыпин хорошо представлял национальные процессы, происходившие в Чехии. Чешскому будительству он придавал исключительное значение в славянском возрождении, указывая на его особенности и общие для всех славянских народов черты и утверждая, что оно не может быть до конца понято без связи со славянским возрождением в целом⁷⁶. Этой проблематике были посвящены не только специальные страницы в «Истории славянских литератур» и «Панславизме в прошлом и настоящем», но и ряд статей в «Современнике» и «Вестнике Европы».

«У чехов, — писал Пыпин, — возрождение шло своими путями... отдельно, и проистекало из их собственных данных и условий»⁷⁷. Чехам грозило полное онемечивание. Но, по словам Пыпина, «просветительные и гуманные идеи XVIII в.» дали «возможность и средства возрождения» и явились одним из его «главных двигателей»⁷⁸.

Источниками чешского возрождения Пыпин называл: народное образование на народном языке, исторические воспоминания и «трудноискоренимый национальный инстинкт, который как бы ни был угнетен, но если не уничтожен совсем, способен быстро возрождаться при первых благоприятных условиях». «Инстинкт самосохранения» и «гуманитарная образованность» того времени и явились, по мнению Пыпина, теми факторами, которые повернули чешское общество к своему народу, его прошлому и «положили первые основания широко развившемуся литературному возрождению»⁷⁹.

Пыпин считал, что чехам легче было изучать свою старину, поскольку яркие события прошлого оказались менее удаленными во времени, чем, например, у сербов и болгар, хотя много памятников погибло. Возрождение началось в конце XVIII в. В этом процессе Пыпин выделял несколько этапов. Первый этап он связывал с изучением чешской истории, защитой прав чешского языка, развитием литературы⁸⁰.

В 1792 г. в Пражском университете была открыта кафедра чешского языка и словесности. Литература для народа должна была стать основанием нового национального движения. Самым «характерным представителем» ее в тот период Пыпин называл В. М. Крамериуса⁸¹.

«Начинателями» возрождения выступали в основном «лица духовные», так как в этой среде, замечал Пыпин, было больше возможностей для получения образования и «ученых занятий». Первые чешские ученые (историки и филологи), правда, писали по-немецки и по-латыни, но писали они о Чехии. Автор «*Nová Kronika česká*»⁸² Ф. М. Пельцель, по мнению чешских историков, приведенному Пыпиным, весьма содействовал «пробуждению народного чувства, обработке языка и литературы»⁸³. Й. Добровский, по словам Пыпина, хотя и не верил в продолжение самостоятельной истории своего народа, но положил своими трудами («История чешского языка и литературы», 1791 и др.) основание чешского возрождения, он указал на тесную род-

ственную связь славянских племен и наречий и «возможность национального изучения, сделал очень много для установления чешского языка». Благодаря его историческим и филологическим исследованиям, считал Пыпин, чешское национальное самосознание «стало опираться на общеславянскую историческую основу»⁸⁴.

Ученики Добровского, по выражению Пыпина, «были уже энтузиастами возрождения». По происхождению они являлись в основном выходцами из народных масс (отчасти из среднего класса), поскольку дворянство было онемечено. Такие ученые и поэты, как П. Шафарик, Ф. Палацкий, Й. Юнгман, В. Ганка, Я. Коллар, Ф. Л. Челаковский (как и следующее поколение — Я. Воцель, К. Эрбен, К. Маха и др.) представляли, по оценке Пыпина, «замечательные ученые силы, работавшие не только для своей народности, но и для самосознания целого славянства»⁸⁵. Пыпин подробно характеризовал деятельность и вклад этих ученых и поэтов в чешское возрождение и их влияние на общеславянское движение⁸⁶. Приведем лишь некоторые краткие характеристики.

Й. Юнгман, как отмечал Пыпин, призывал молодое поколение к изучению чешского языка, пробуждал чувство патриотизма. Он являлся автором обширного труда «История чешской литературы» (1825), а также пятитомного «Чешско-немецкого словаря» (1835–1839)⁸⁷. П. Шафарик, по определению Пыпина, — «один из самых сильных авторитетов в славянских изучениях», автор «Истории славянского языка и литературы по всем наречиям» (1826), «Славянских древностей» (1837. Т. 1–2), «Славянской этнографии» (1842) и др.⁸⁸. Ф. Палацкого Пыпин охарактеризовал как «отца чешской историографии», которому принадлежала основная заслуга в «исторической реставрации народного сознания»; из-под его пера вышла пятитомная «История чешского народа» (1848–1876)⁸⁹. В. Ганка издал пять томов памятников старой чешской литературы «Starobylá skládanie» (1817–1823), где увидели свет и поддельные произведения. Привлекая внимание чешского общества к родному языку, Ганка, как подчеркивал русский ученый, довольно рано понял «политический смысл своего дела; защита языка стала защитой народности»⁹⁰. О поэзии Я. Коллара, автора поэмы «Дочь Славы» (1824), Пыпин писал, что она была проникнута патриотизмом, воспоминанием о прошлом славянства, размышлениями о на-

стоящем и «идеалистическими мечтами о будущем»⁹¹. Отмечалось, что поэт Ф. Л. Челаковский, которому принадлежал ряд стихотворных сборников, занимался также изучением чешского и других славянских языков⁹².

Среди деятелей чешского национального возрождения первого поколения Пыпин назвал словаков П. Шафарика и Я. Коллара, что было не случайно, так как в то время национальное мышление имело тенденцию к интеграции, к выработке общих представлений в рамках «чешского племени» и они выступали как представители «общенационального» (чешско-словацкого) и общеславянского движения.

Из деятелей более молодого поколения Пыпин выделял Я. Воцеля — исследователя чешской древности, права, истории искусства, «одного из самых серьезных ученых и образованнейших людей чешского общества»⁹³, К. Эрбена — архивариуса города Праги, историка, археографа и издателя⁹⁴, талантливого поэта К. Маху⁹⁵ и некоторых других.

С именами выдающихся чешских ученых и литераторов Пыпин связывал второй этап возрождения, когда утвердился «новочешский» литературный язык и повысился «уровень национального сознания». Начало этого этапа он относил примерно к 1820 г.⁹⁶ В деятельности чешских патриотов было, по словам Пыпина, «много идеализма», их любовь к народу «окрашена была сентиментальностью и складывалась в романтическую теорию». При отсутствии общественно-политической деятельности «патриотизм ограничивался мирным возбуждением чувства народности». Чешские ученые первыми проявили интерес к проблеме «давнего единства славянского мира», занимались сравнительным изучением современных им славянских народов, поэты призывали к будущему славянскому единению. Это, как отмечал Пыпин, привлекло к чешскому движению и чешской литературе внимание остального славянства. Но главное, что чешские патриоты «выяснили национальную идею как историческое право, как нравственный долг человека к родине»⁹⁷.

Со второго десятилетия XIX в., напоминал Пыпин, у чехов начались усиленные поиски национальных сокровищ. Пыпин объяснял это явление тем, что национальное движение нуждалось в старинных памятниках как в опоре. Они давали необходимую связь с историческим прошлым. Чешская старина поддерживала у чехов стремление восстановить былую независимость⁹⁸. Чеш-

скими учеными и любителями старины (И. Линде, В. Ганка, Я. Н. Циммерман и др.) был сделан целый ряд «открытий» («Песня под Вышеградом», «Рукопись Краледворская», «Любушин суд» и др.)⁹⁹. Поскольку эти памятники привлекали внимание и были предметом горячих споров не только в чешских научных и общественных кругах, но также ученых и общественности других славянских стран на протяжении почти всего XIX в., Пыпин, со своей стороны, тоже уделил названным рукописям немалое внимание.

Выше уже упоминалось о том, что Пыпин вначале верил в подлинность чешских находок, потом, под давлением научных аргументов, он изменил свое мнение. Однако, признавая подложность рукописей, он их рассматривал как свидетельства той эпохи, когда они были созданы, и с этой точки зрения они все равно представляли немалый интерес для ученого.

Для тех, кто не сомневался в их подлинности, Краледворская и Зеленогорская («Суд Любуши») рукописи явились, по определению Пыпина, «искомыми сокровищами», открывшими «такие горизонты древности, о каких только могло мечтать национальное чувство патриота». Они давали чехам «длинную и славную генеалогию», свидетельствовали о «замечательном состоянии чешской образованности» в прежние времена. Кроме того, «Суд Любуши» представлял «невиданную нигде в славянском мире поэму из эпохи дохристианской, с резко заявленным национальным противоположением славянства германству»¹⁰⁰. Эти находки, как считал Пыпин, не только «открывали» далекое прошлое, но и имели «чрезвычайное значение в настоящем» — они поддерживали стремления чехов к национальной самобытности и повышали национальное самосознание¹⁰¹. С другой стороны, Пыпин подчеркивал, что «патриотическое одушевление» *искало* в то время «пищи для национальной гордости», и именно в этом «побуждении» ученый и усматривал «источник открытия»¹⁰² (т. е. своего рода «социальный заказ»).

Надеясь на то, что научные споры по поводу Краледворской и Зеленогорской рукописей поставят, наконец, все точки над *i*, Пыпин поделился и своими соображениями по этому поводу, не претендуя на какое-либо определенное решение вопроса. Его рассуждения сводились к тому, что во времена, к которым предположительно относили создание Краледворской рукописи, чехи уже испытывали влияние романо-германских культурных

начал. Это влияние имело свои «выгоды», поскольку было «проводником образованности», и «невыгоды», так как оттесняло национальные особенности на задний план и приводило к упадку «самобытно-народного элемента»¹⁰³. Так что появление Краледворской рукописи в то время представлялось сомнительным. Если же признать, продолжал Пыпин, что Краледворская и Зеленогорская рукописи и другие памятники — подделки XIX в., то рушатся все представления о древнем славянском быте, нравах, мифологии, языке, поэзии. Без этих документов чешская литература лишается памятников древности и «ярких заявлений национальной (именно противонемецкой) исключительности» и в то же время представляет свидетельства давнего латино-германского влияния на нее¹⁰⁴.

Во всяком случае, если подходить к этому вопросу объективно, непредвзято, то аргументы, высказанные против подлинности рукописей, как полагал ученый, «заставляют беспристрастного наблюдателя по меньшей мере воздержаться от исторических выводов о чешской древности на основании этих памятников и от современных выводов национальных». Негативные последствия подлога, по мнению Пыпина, заключались в том, что изучение чешских и общеславянских древностей направлялось по ложному пути, «создавалось призрачное прошлое», за которым терялись «действительные достоинства» чешской старины. Но была, если так позволительно выразиться, и «польза» от «открытия» рукописей. Эти «находки», как подчеркивал Пыпин, «оказали сильное действие на ход чешского возрождения», в них нашел отражение славянский национальный романтизм, «обратившийся тогда к изучению и к возвеличению старины»¹⁰⁵.

Наряду с научными историческими, филологическими и этнографическими исследованиями, развивалась популярная и художественная литература, а также драматургия. Вся чешская литература той эпохи представляла, по мнению Пыпина, замечательное явление славянского движения, а именно — «нравственное воскресение почти умиравшей национальности»¹⁰⁶. Возрождение чешской литературы, как утверждал ученый, «питалось из двух источников: из воспоминания о своей народности и старине и из идеи о связи общеславянской». Пыпин подчеркивал, что и в той, и в другой области чешская литература занимала передовые позиции в славянском мире с начала возрождения¹⁰⁷.

Вместе с тем Пыпин приводил относящееся к 1850-м гг. мнение «одного из самых трезвых умов в чешском ученом мире», П. Шафарика, о том, что чешская литература «прозябает», «кое-как идет», «плетется кое-как вперед»¹⁰⁸. Однако Пыпин, как сторонний наблюдатель, замечал «обширное развитие» новой чешской художественной литературы. Символом передовой чешской культуры являлся для него альманах «Май», издававшийся В. Галеком и Я. Нерудой¹⁰⁹.

О чешской литературе более позднего времени Пыпин писал, что в ней нет такого реализма в изображении действительности, как в русской литературе, в ней мало произведений на общественно-политические темы. Но в то же время «по юридическому положению» (имея в виду права печати и ее большую свободу) чешская литература занимает более высокое место, нежели русская¹¹⁰.

Между тем укреплялась чешская школа, были организованы Чешский музей (при котором издавался журнал «Časopis Musea Království Českého», помещавший материалы по чешской и инославянской истории и литературе), Чешская матица и др. Патриотически настроенные деятели устраивали общественные собрания, чтения, балы, где господствовал чешский язык. Ученый отмечал, что процесс возрождения оказал воздействие и на чешскую аристократию, которая мало-помалу стала «догадливо возвращаться к народности»¹¹¹. К 60-м гг. XIX в. относится издание «Научного словаря» («Slovník Naučný»), по оценке Пыпина, «единственного в своем роде во всей славянской литературе». В области изучения истории Пыпин называл работы В. Томека, А. Гиндели, К. В. Запа, И. Коржана, И. Эмлера и других, подчеркивая, что основным направлением являлось собирание и издание источников. Ученый подчеркивал также, что изучение славянских народов нигде так не развито (после России), как в Чехии¹¹².

В 40-х гг. XIX в. чешское национальное движение вступает в новую фазу — фазу политической борьбы. Пыпин отмечал, что с середины 1840-х гг. «общественное мнение стало смелее высказываться против абсолютизма»¹¹³. У чехов появился политический клуб «Славянская липа», политические газеты. К. Гавличек-Боровский издавал «Národní Noviny», лучшее, по оценке Пыпина, из славянских политических изданий, выходивших тогда в Австрийской империи, имевшее «огромное влияние на чешское

общество»¹¹⁴. «Национальное сознание, — писал Пыпин, — проникло из городских кружков в село»¹¹⁵. 1848–1849 гг., как образно заметил Пыпин, дали выход национальному чувству, помогли осознать себя «свободным чешским народом»¹¹⁶.

В 1848 г. в Австрийской империи рухнул старый порядок. Во время революционных событий 1848 г., напоминал ученый, чехи выступали за сохранение государственного единства Австрии, но требовали федерации и равенства прав входивших в состав империи народов. Чешские политики, как считал Пыпин, «слишком верили в совершение славянских надежд и в прочность конституционного порядка»¹¹⁷.

Однако Пыпин обратил внимание на проявившиеся в то время противоречия в Габсбургском государстве, где централизаторские тенденции наталкивались на сопротивление: правительство обещало конституционные учреждения, разрешило чешский сейм, объявило выборы в общегосударственный парламент (рейхсрат); а между тем итальянские провинции стремились соединиться с Италией, Венгрия заявляла свои национальные права, немецкие области добивались германского единства, и в стране уже шли выборы в общегерманский Франкфуртский парламент¹¹⁸.

В такой обстановке чехи выступили инициаторами созыва в Праге съезда представителей славянских народов Австрийской империи. Одной из главных целей съезда, как указывал Пыпин, было противодействие планам германского объединения, которые предусматривали включение и славянских земель в новое государственное образование с последующей их германизацией. Чехи восстали против такой перспективы. Пражский съезд 1848 г. сформулировал свою политическую программу в манифесте к европейским народам и в проекте адреса австрийскому императору, где отстаивались принципы внутренней свободы и равноправия славянских и других народов империи, право каждого народа развивать свой язык и свои национальные особенности. Несмотря на «самое мирное и верноподданное настроение» славян, выдвигавших план «федеративной империи», писал Пыпин, съезду не удалось закончить свою работу, а после подавления революционных выступлений и восстановления «порядка» «чехам пришлось расплачиваться за минутную свободу годами реакции и оскорбительных притеснений». Патриотическое движение «опять становилось почти преступлением»¹¹⁹.

В национальном движении 1830–1840-х гг. и политических событиях 1848 г. в Праге Пыпин не акцентировал внимания на наличии различных идейно-политических течений, хотя и знал о национально-либеральном направлении, не отличавшемся однородностью, и распространении демократических воззрений. Так, о Палацком он писал, что в 1848 г. тот был «наиболее видным и влиятельным представителем национальной партии... которая настаивала на историческом праве Чехии и на федерации, как единственной форме, которая могла бы примирить разногласные стремления народов Австрийской империи»¹²⁰. В то же время Пыпин, как бы мимоходом, отмечал, что, кроме «федералистов», были и другие, более прогрессивно мыслящие деятели, которые понимали, что прежде всего должен быть решен «вопрос о внутреннем положении общества, о действительности обещанной гражданской свободы, о последовательном проведении конституции и т. д.»¹²¹.

После отмены в 1851 г. октроированной конституции 1849 г., в которой были заложены семена будущей реакции, вновь возобладала, как отмечал Пыпин, «бюрократическая централизация», господство немцев и полицейских порядков¹²². «Положение чехов и чешской народности, — замечал Пыпин, — опять стало невыносимо». В конце 1850-х гг. русский ученый, лично познакомившись с состоянием дел в Чехии, писал: «В данную минуту борьбы не предвиделось; еще продолжалось реакционное настроение, при котором чешскому патриотизму оставалось только беречь свои предания и запасаться силами на будущее»¹²³. Пыпин был убежден, что пора литературного ведения дела прошла, необходимо перейти на политические рельсы: вопрос стоит не столько о свободе национальности, сколько о свободе общественной и политической, и первая зависит от последней¹²⁴.

Когда на смену федералистским заявлениям диплома 1860 г. пришли централистские тенденции патента 1861 г., начались протесты, нашедшие отражение в периодических изданиях * и

* «Главным органом чешского общества и народа» Пыпин называл газету «*Národní Listý*», выражавшую идеи Палацкого и Ригера; «в политическом отношении она была верным отголоском чешских депутатов на сейме и ревностно защищала федеральный образ мыслей против бюрократического самоуправства и централизации». Ее редактор Ю. Грегр

приведшие к преследованию чешской журналистики¹²⁵ (на эту тему Пыпин опубликовал в «Современнике» большую статью под названием «Процессы о печати в Австрии»¹²⁶).

Несмотря на не слишком благоприятные условия для отстаивания национальных требований, в 1860-е гг., как отмечал Пыпин, в Чехии вновь появились национальные органы печати и оживилась политическая журналистика¹²⁷. Но в тот период она уже отражала взгляды представителей различных поколений и направлений национального движения — «старочехов» (смыкавшихся с консерваторами правых либералов во главе с Ф. Палацким) и «младочехов» (левых либералов во главе с К. Сладковским), которые стали расходиться, как отмечал Пыпин, в начале 1860-х гг. Оба течения оставались в рамках Национальной партии. Разногласия между ними наметились по внутренним проблемам и по польскому вопросу¹²⁸. «Старочехи», как указывал Пыпин, расценивали польское восстание как «неблагоразумное»; во внутренних же делах они выступали за союз с аристократией — «для цельности народных сил». «Младочехи» сочувствовали польскому восстанию 1863 г. и враждебно относились к России, а по внутренним проблемам высказывались более демократично и отрицали союз с аристократией. Однако и те, и другие, как подчеркивал Пыпин, были «федералисты и защитники исторического права „чешской короны“»¹²⁹.

А. Н. Пыпин подчеркивал несостоятельность программы, пассивность и нерешительность действий чешских либералов, уповавших на конституцию и габсбургскую монархию и не ставивших более широких задач политической и социальной борьбы. По словам Пыпина, они вводили «в заблуждение огромную массу», которая основывала «надежды на том, на чем нельзя основывать никаких надежд»¹³⁰.

После введения в 1867 г. системы «дуализма» положение чехов, как подчеркивал Пыпин, еще более ухудшилось. Они упорно, но безрезультатно отстаивали историческое право «чешской короны». Чехи перестали посылать своих представителей в рейхсрат. Летом 1867 г. чешская делегация во главе с Ф. Палацким

«карается законом», по словам Пыпина, за «известный образ мыслей», за свое «внутреннее убеждение». Однако, подчеркивал он, в «большинстве случаев писатель служит только выражением известного порядка идей, уже существующего и даже господствующего в обществе».

и Ф. Л. Ригером ездила на славянский съезд в Москву, в следующем году чехи торжественно отметили 500-летие со дня рождения Я. Гуса. Эти и другие события общественной жизни Чехии (в том числе массовые митинги — «таборы») Пыпин назвал «яркими национальными манифестациями», на которые правительство в свою очередь отвечало введением в октябре 1868 г. чрезвычайного положения в Праге и ее округе¹³¹ и подавлением движения с помощью жандармов и войск¹³².

Поскольку Венгрия постепенно усиливала свое положение в двуединой монархии, австрийские власти, как указывал Пыпин, решили примириться со славянским федерализмом «для противодействия венгерскому преобладанию». В 1879 г. венское правительство «намекнуло на уступки», и чехи вновь послали в рейхсрат своих депутатов. Но Пыпин, неоднократно упоминавший о коварстве Габсбургов, без особой уверенности в успехе чешского дела писал о том, что будут ли учтены национальные интересы чешского народа, покажет будущее¹³³ (и, как выяснилось, оказался прав в своих сомнениях).

В начале XX в., подводя итоги развития чехов за прошедшее столетие, Пыпин отмечал, что целый народ возродился к национальной жизни¹³⁴.

Словаки. Национальные процессы, происходившие у словаков, представлялись Пыпину также заслуживающими внимания. Он отмечал, что до конца XVIII в. словаки в литературной области пользовались чешским языком или латынью. Затем, с усилением мадьяризации, последовало введение венгерского языка в средней, высшей и народной школе, в управлении, суде, военных и церковных делах¹³⁵.

Объясняя положение словаков, хорватов, отчасти сербов, оказавшихся под властью Венгрии, Пыпин затронул вопрос и о венгерском национальном движении, которое развивалось параллельно со славянским. Венгерское движение ученый характеризовал как сложное явление. С одной стороны, оно содержало европейские освободительные идеи, было революционным, оппозиционным австрийскому деспотизму. Имя Л. Кошута, отмечал Пыпин, было так же популярно, как имя Дж. Гарibaldi. В то же время он подчеркивал, что Европа, с симпатией относившаяся к борьбе венгров, не учитывала «национальную исключительность», присущую венгерскому движению. Венгерская

национальная нетерпимость рассматривалась как «дело цивилизации и гражданской свободы»; славяне же, выступившие против Венгрии, были зачислены «в лагерь ретроградный» как защитники австрийской монархии, их сопротивление считалось «обскурантизмом и косностью». (Пыпин с присущей ему деликатностью замечал, что даже А. И. Герцен не понял истинного характера славяно-венгерских отношений «по недостатку знания обстоятельств»¹³⁶.) Но славяне и защищали империю потому, пояснял Пыпин, что в ней они видели «единственную возможность национального существования», тогда как мадьяризация грозила гибелью их национальности. Австрия представляла для них «хоть какой-нибудь клин против мадьярского клина».

Словаки исповедовали как католицизм, так и протестантизм. Пыпин обращал внимание на непростую ситуацию, сложившуюся в церковной сфере и тормозившую сплочение национального движения. Словацкое католическое духовенство склонно было поддерживать венгерские церковные нововведения, поскольку чешский язык протестантской службы казался им еретическим, напоминавшим о гусизме, а словацкий — «слишком необработанным»¹³⁷. Венгерские протестанты (кальвинисты) предлагали словацким протестантам (лютеранам) заключить кальвинистско-лютеранскую унию с целью облегчения мадьяризации церковной жизни, но это предложение не встретило поддержки у словаков¹³⁸.

Литературная и научная деятельность у словаков, как отмечал Пыпин, оживилась в конце XVIII в. Пыпин обращал внимание на то, что у словаков образовались две общественные группировки («партии») со своими центрами. В 1792 г. в Трнаве возник литературный католический кружок для издания книг на словацком языке («Словацкое ученое товарищество»). Протестанты в 1801 г. организовали «общество чешско-словенской литературы и языка» в Пресбурге (Братиславе) «с целью сохранения чистоты и единства чешско-словенского литературного языка и для издания народных книг». Они считали, что «разделение литературное будет для обеих сторон вредным ослаблением национального единства». Оба объединения просуществовали недолго¹³⁹.

Литература протестантского духовенства «говорила» чешским языком XVI в. (так называемая библичтина), и в ней отражалась «немецкая ученость»¹⁴⁰. Все больший интерес вызывало

изучение истории своего народа и «обращение к общеславянскому племенному корню». На этом пути словацкие ученые и духовные писатели, по выражению Пыпина, встречались с деятелями чешского возрождения¹⁴¹.

Литература словаков-католиков, по определению Пыпина, отличалась «католическим ханжеством». Однако, считая чешский язык протестантов еретическим, они свои книги писали на словацком языке. Католическое духовенство поддерживало стремление создать особый литературный язык. Один из католических писателей, А. Бернолак, составил обширный словарь словацкого языка¹⁴² и выработал способ письма, получивший название «бернолачина»¹⁴³. Словацкую литературу прославил Ян Голлый — автор героических поэм «Svatopluk» (1833) и «Cirillo-Metodiada» (1835), которого Пыпин назвал «замечательнейшим католическим писателем», представлявшим собой «одну из характерных личностей славянского возрождения». В его песнях, по утверждению русского ученого, отразился дух народности, «мечтательный национально-славянский патриотизм». Поэт обращался в своих произведениях ко времени национальной самобытности родины, идиллически представляя себе жизнь славянства в первые века его истории и в то же время оставляя без внимания «современные стремления, заботы и страдания славянства». Однако его поэзия отличалась, как отмечал Пыпин, искренней любовью ко всему народному. Голлый стал национальным поэтом, признанным и словаками-католиками, и словаками-протестантами¹⁴⁴.

В словацком возрождении Пыпин также видел черты, отличавшие его от аналогичных процессов у других славянских народов. Он отмечал, что у словаков не было такого «исторически памятного» прошлого, которое они могли надеяться восстановить, отсутствовала «всякая мысль о возможности отдельного политического бытия», и потому весь национальный пыл у них «обращался на патриотизм идеальный, на отечество всеславянское, на панславизм — в том или другом смысле и объеме». Характерно, что поэт-словак Я. Коллар написал поэму о славянском единстве — «Дочь Славы» (1824, доп. изд. 1832), а ученый-словак П. Шафарик исследовал славянскую этнографию, общую славянскую древность и историю славянской литературы. Оба деятеля, как отмечал Пыпин, не помышляли о самостоятельности словацкого народа, который они считали «частью

чешского племени», а также об отдельном литературном словацком языке. Тем не менее они уделяли внимание изучению и изданию словацких народных песен, и потому, считал Пыпин, их труды, действуя на национальное чувство словаков, способствовали «сепаратным стремлениям» деятелей словацкого национального движения¹⁴⁵.

Возрождение словаков, как подчеркивал Пыпин, развивалось параллельно с венгерским национальным движением и в основном как реакция на него. Борьба с «мадьярством» шла по нескольким направлениям: политическая (защита своих прав перед венским правительством и в немецкоязычной печати), церковная (против предлагаемой венграми унии) и литературная (стремление создать словацкую литературу на народном языке, чтобы пробудить национальное самосознание в массах)¹⁴⁶.

В 1830-е гг. все сильнее стало проявляться желание словацких патриотов «быть не „чехо-словаками“, а именно и исключительно словаками», и росла неудовлетворенность «чешским характером» своей литературы. В 1840-е гг. национальная борьба еще более обострилась (не входя в подробности политической борьбы, Пыпин останавливался на литературном движении, напоминая при этом, что деятели литературы были зачастую и политическими руководителями). Стремление к отдельной литературе теперь поддерживали не только католики, но и протестанты. Представители молодого поколения, для которых вероисповедные различия уже не являлись существенными, образовывали литературные общества, издавали сборники своих стихов, в которых высказывались мысли о славянской взаимности¹⁴⁷.

Наиболее ярким представителем словацкого возрождения был Л. Штур. «Натура пламенная», как его охарактеризовал Пыпин, он энергично выступал в защиту прав словацкого народа (в том числе и как депутат венгерского сейма в 1847 г.). Штур принимал деятельное участие в основанном в 1844 г. патриотическом обществе (культурно-просветительной организации) «Татрин», которое, как отмечал Пыпин, «искало себе покровительства в венском правительстве». Под редакцией Штура выходила газета на словацком языке («Slovenské národné Noviny» с литературным приложением «Orol Tatranski»), которая составила, по определению Пыпина, целую «эпоху в умственном и общественном развитии словаков», способствуя росту национального самосознания. Обосновавшись в Вене, он снаряжал

волонтеров для борьбы с венграми, а после 1849 г. занимался литературным трудом (его перу принадлежит работа «Славянство и мир будущего», 1852–1853). В литературном языке Штур заменил западнословацкий диалект, являвшийся основой бернолачины, «гораздо более чистым», по словам Пыпина, и распространенным в народной массе среднесловацким диалектом¹⁴⁸. Пыпин отмечал также попытки модернизации языка, которые предпринимали вслед за Штуром М. Годжа и М. Гаттала (последний составил грамматику словацкого языка, получившую широкое распространение)¹⁴⁹.

Принятие народного языка в качестве литературного, указывал Пыпин, с одной стороны, спланивало словаков, а с другой — вносило раскол в их ряды: многие словаки-католики отстаивали «бернолачину»; к народному языку «враждебно отнеслись патриоты старого поколения, державшиеся чешских преданий и книжного языка». Что касается чехов, то они увидели в нововведениях Штура «настоящую измену общенациональному чехо-словенскому делу». Но Штура не привлекало чешско-словацкое единство, у него, как отмечал Пыпин, был более широкий взгляд на славянскую взаимность. Вместе с тем наступал момент, когда нужно было защищать народное право, для чего требовалось привлечь народные массы, и ввиду этой цели, как утверждал Пыпин, «теоретические соображения о чешско-словенском национальном единстве уступили перед настоятельными требованиями времени и ближайшего народного интереса»¹⁵⁰ (т. е. ученый еще раз подчеркивал, что в возрождении преобладающими были процессы формирования каждой отдельной нации и национальные движения).

Активными участниками словацкого национального движения Пыпин считал также Й. Гурбана (который был в числе организаторов словацкого восстания против венгров), М. Годжу (писавшего книжки для народа на словацком языке), Я. Франциски (одного из авторов «Меморандума словацкого народа») и других представителей так называемой Старой школы. Он также называл Я. Краля (талантливого поэта, проповедовавшего в 1848 г. «коммунизм» среди словацких крестьян), упоминая, таким образом, и приверженцев радикального направления. Пыпин подчеркивал, что эти и другие деятели национального движения были сторонниками словацкого литературного языка на народной основе¹⁵¹. Среди представителей Новой школы Пыпин отме-

чал Я. Паларика, Й. Викторина, А. Радлинского¹⁵² (выступавших против автономии Словакии, но за национальное равноправие и развитие своей культуры¹⁵³).

В 1848 г. словацкие волонтеры участвовали в военных действиях против венгров. 1848 год, как отмечал Пыпин, принес словацкому народу некоторую свободу: было уничтожено крепостное право, словаки получили гражданские права, появилась свободная печать. Но по отношению к венграм положение словаков не изменилось¹⁵⁴. Политические ожидания словаков, уточнял ученый, не реализовались в 1848–1849 гг., но им удалось добиться введения словацкого языка в качестве официального в большей части словацких земель, с 1855 г. его преподавание стало обязательным в средней школе. Однако даже эти немногие «выгоды» оказались утраченными, как только венское правительство «перестало опасаться мадьяр» (в октябре 1860 г. вновь был введен венгерский язык)¹⁵⁵.

После подавления венгерского восстания наступила реакция, и в течение десятилетия наблюдался упадок словацкого национального движения, которое вновь оживилось в 1860-х гг. Словаки требовали от венгерского сейма и императора признания национального равноправия, добивались употребления своего языка на словацких землях. И хотя их усилия не увенчались успехом, но возбудили, по мнению Пыпина, народный патриотизм¹⁵⁶.

В этот период получила новый импульс общественная и литературная деятельность, основана Матица словацкая (1862), издававшая ежегодник «Letopis» со статьями «по древностям, истории, топографии, народному быту». Матица, по утверждению Пыпина, была «единственным средоточием национально-литературных интересов». Она публиковала произведения народной словесности, осуществила издание старых чешско-словацких грамот и письменных памятников¹⁵⁷. В середине 1870-х гг. словаки, по словам Пыпина, испытали «новое тяжкое гонение» — венгерское правительство закрыло словацкие гимназии и прекратило деятельность Матицы, наложив запрет на ее имущество, что явилось «страшным ударом» для Словакии, которая, «с своими скромными средствами, собирала здесь свои национальные сокровища»¹⁵⁸.

В 1860–1870-х гг., как отмечал Пыпин, издано немало словацких газет и журналов. «Для противодействия этой патриотической

литературе» венгерское правительство учредило свой печатный орган для Словакии — политическую газету «Svornost»¹⁵⁹.

Возникновение литературы на словацком языке, отделение ее от чешской Пыпин характеризовал как «один из любопытных эпизодов славянского возрождения», который, по его мнению, представлял «близкую параллель с развитием литературы малорусской». В обоих случаях, подчеркивал Пыпин, шел спор о праве на отдельную литературу, причем «главная» народность определяла язык «частной народности» как наречие, а ее литературные, т. е. национально-культурные, стремления объявлялись гибельным «сепаратизмом»¹⁶⁰. Однако, как утверждал Пыпин, словацкий литературный «сепаратизм» был не «случайной прихотью» некоторых писателей-патриотов, а «естественным побуждением, даже необходимостью» в период зарождения самосознания, так как позволял обращаться прямо к своему народу на его языке. Вместе с тем Пыпин очень точно замечал, что, когда непосредственный «мотив» этих стремлений ослабевал, даже «самые ревностные патриоты-писатели могли обращаться снова к чешскому языку»; но дух «сепаратизма» не исчезал совсем¹⁶¹.

Положение словацкого народа к началу 80-х гг. XIX в. Пыпин характеризовал как «неопределенно-тяжелое», но при этом замечал, что среди словаков «теплится народный патриотизм». В то же время он не мог не обратить внимания на массовый исход словаков из родных краев (эмиграция в Америку)¹⁶².

Болгары. А. Н. Пыпин обращал внимание на то, что проблески духовного подъема болгарского народа относятся к концу XVIII в., более осязаемые формы «народное и литературное» возрождение принимает с 1820–1830-х гг., еще позже появляется сознательное стремление к политическому освобождению от турецкого ига и духовной власти фанариотов, что дало бы «возможность прочного национального возрождения». Таким образом, начавшееся позже, чем у других славян, пробуждение болгарского народа проходило аналогичные стадии развития¹⁶³.

Характеризуя болгарский народ, Пыпин отмечал, что он трудолюбив, бережлив, недоверчив, скрытен и не склонен к «политическому фантазерству»¹⁶⁴. Болгарский народ, находившийся в течение нескольких веков под османским игом, как пояснял Пыпин, оставался «простой рабочей силой», «у него не было школы, почти не было даже письменности и никакой защиты».

Особенно тяжелым оказалось положение крестьян, плативших большие налоги и подати и подвергавшихся грабегам и насилию¹⁶⁵. Оставалась православная церковь, но она была в руках греческой иерархии, презиравшей и угнетавшей болгарский народ «хуже турок». Однако низшее и среднее духовенство было болгарским, и, как подчеркивал Пыпин, именно в этой среде началось движение в защиту болгарского народа и «явились первые попытки возрождения» в конце XVIII в.¹⁶⁶

Пыпин отдавал должное той силе сопротивления (пусть пассивного), которая «не дала племени погибнуть совсем или отуречиться». Народ сумел даже сохранить «известную культуру» и начать свое духовное обновление¹⁶⁷.

Наиболее ранним проявлением и «первым толчком» болгарского возрождения Пыпин называл труд иеромонаха Паисия Хилендарского «История славенобългарская о народах и о царех и святых българских, и о всех деяниях българских» (1762). Целью книги, написанной «на полупереховном языке, в стиле средневековой поучительной литературы», являлось намерение доказать, что у болгар есть своя история, и призвать народ вспомнить «старую славу и быть достойным своего прошедшего». Книга передавалась из рук в руки, многократно переписывалась, обрстая новыми подробностями¹⁶⁸.

Первую книгу на новоболгарском языке издал в 1806 г. ученик Паисия Софроний Врачанский¹⁶⁹. Под влиянием патриотических идей некоторые богатые болгарские купцы стали открывать школы для народа. Но это были, по определению Пыпина, «одинокие слабые попытки»¹⁷⁰.

В 1820–1830-е гг. интерес «к современному болгарству», как указывал Пыпин, поднял «археологический романтизм» Ю. Венелина¹⁷¹. Этому ученому, карпатскому русину, выпускнику Московского университета, он отводил большую роль в подъеме движения за возрождение. Труд Венелина «Древние и нынешние болгаре»¹⁷² произвел сильное впечатление на немногочисленных образованных болгар. Совершив поездку в Болгарию, Венелин приобрел рукописи, изучил язык, составил грамматику, записал много песен. Автору нужно было ответить на «первые элементарные вопросы истории и этнографии болгарского народа». Он больше, чем кто-либо другой, способствовал пробуждению национального сознания в среде самих болгар, касаясь вопросов их истории и этнографии. Смысл, цель и значение его

деятельности, по словам Пыпина, заключалась в том, чтобы «возбудить в народе нравственное достоинство воспоминаниями о прошедшем и указать возможность лучшего будущего». Его заслуга в том, что он «воскресил самый болгарский народ». Пыпин писал, что труды Венелина нашли «горячее сочувствие» у деятелей болгарского возрождения¹⁷³.

Пыпин отмечал также, что существенную поддержку делу народного образования оказали болгары, жившие в Одессе (в особенности В. Априлов и Н. Палаузов) и Бухаресте, которые открывали училища в Болгарии, где после Крымской войны школы стали появляться не только в городе, но и в деревне. Часть болгарской молодежи получала образование в России и других странах. В конце 1830-х — начале 1840-х гг. за пределами Болгарии возникают болгарские типографии, в которых издаются книги, имевшие целью «доставление народу элементарных знаний и развитие национального чувства». В 1840-х гг. в Болгарии уже имелась, как считал Пыпин, довольно обширная «народно-педагогическая литература»¹⁷⁴.

С 1840-х гг., по мнению Пыпина, болгарское возрождение сделало качественно новый шаг в своем развитии. В национальное движение вступило поколение, получившее образование за границей и знакомое с европейскими освободительными идеями. Его представители вполне сознательно подходили к «национальному делу». Они уже не ограничивались делами народной школы, а задавались также вопросами национального существования. Начало было положено церковным вопросом, который «был для болгар первым опытом политического самосознания» и борьбы «за свое народное право»¹⁷⁵. После Крымской войны болгары обратились к турецкому правительству с просьбой об учреждении болгарской иерархии, и с этого момента, по словам Пыпина, «началась открытая борьба» с фанариотами за болгарскую народную церковь. Эта борьба, по оценке Пыпина, играла важную роль в судьбе Болгарии. В религиозном по форме движении Пыпин видел национальную по содержанию борьбу, результатом которой стала «национально-церковная автономия» (в 1870 г. был учрежден болгарский экзархат)¹⁷⁶. Церковный вопрос вызвал полемику в болгарских журналах и газетах, которые, как напоминал Пыпин, выходили вне Болгарии (переправлялись в нее тайно из Германии, Румынии, Константинополя) и были недолговечны.

Если до середины XIX в. болгарское возрождение, по мнению Пыпина, проявлялось «отрывочно», то в 1850–1860-х гг. оно стало заметным. Газетная журналистика в это время становится «не лишенным значения фактором политической жизни». Публицисты во «внеболгарских»* (т. е. изданных за пределами Болгарии) органах заговорили о правах болгарского народа; в печати стали появляться этнографические сборники. Ранняя болгарская история заняла «важное место в разысканиях о древнейших судьбах славянской православной церкви, первого просвещения и письменности у болгар, сербов и русских»¹⁷⁷.

Среди деятелей болгарского возрождения Пыпин называл имена П. Славейкова, Н. Герова, К. Жинзифова, Л. Каравелова, братьев Миладиновых, Г. Раковского, М. Дринова и других писателей, поэтов, публицистов, этнографов, историков¹⁷⁸. Однако эти люди были известны не только своими научными и литературными трудами — большинство из них принимали самое активное участие в национально-освободительной борьбе. Так, о Раковском Пыпин писал, что он — «революционный агитатор», ему присуще «горячее патриотическое чувство», а кроме того, он на практике пытался организовать болгарский легион для борьбы с турками (1862 г.)¹⁷⁹.

Благодаря усилиям таких людей, литература болгарского возрождения, по данным Пыпина, насчитывала ко второй половине 1870-х гг. более 800 книг и свыше 50 периодических изданий (тогда как к 1870 г. имелось лишь около 550 изданий — в основном церковных, нравоучительных, популярных книг). Эту литературу ученый оценивал как самостоятельную, подающую большие надежды, но в некоторых отношениях незрелую¹⁸⁰.

По мнению Пыпина, народоведение у болгар стало развиваться во многом под влиянием общеславянской науки, оказавшей «великую услугу болгарскому возрождению». В силу объективных причин, для исследования болгарской истории, считал он, «всего меньше сделано было самими болгарскими: болгарская древность реставрирована главным образом учеными западно-славянскими (как Шафарик, Копитар, Иречек-младший и др.) и

* Не раз упоминая об издании газет, журналов, учебной, художественной и другой литературы вне болгарской территории, Пыпин как бы обращал внимание на отсутствие национального объединяющего центра в самой Болгарии.

особенно русскими (Востоков, Калайдович, Григорович, Бодянский, Срезневский, Гильфердинг, Ламанский, Порфирий Успенский и др.)»¹⁸¹. Изучению «новой» Болгарии в основном посвящены труды немецких, английских, французских ученых. Болгария, констатировал Пыпин, еще не располагала средствами для ведения научной работы¹⁸². В связи с этим он пришел к интересному заключению, что национальное возрождение «поддерживалось и чужими силами, когда свои еще не могли действовать». Своими работами о Болгарии иностранные ученые объективно помогали болгарам «познакомиться с их отечеством»¹⁸³.

Наблюдая за развитием болгарского возрождения, Пыпин мог в конце 70-х гг. XIX в. сделать вывод, что «прочные формы» литературного языка еще не установились, не принято единое правописание*. Болгарский язык «испытал потери в звуках», произошло «разложение синтетических форм»; чрезвычайно изменился словарный состав (за счет турецких и греческих заимствований) и в то же время сохранились архаизмы. Сравнивая языковую ситуацию у южных славян и у русских, Пыпин напоминал, что в отличие от России, где переход от древних форм к современному литературному языку совершался постепенно, у болгар и сербов этот переход осуществлялся «скачком». Пыпин полагал, что история болгарского языка, его современное состояние, его наречия еще ждут своих исследователей¹⁸⁴.

При этом Пыпин не мог не обратить внимания на то, что болгарские патриоты в поисках опоры для национального движения в славных и героических событиях прошлого зачастую «слишком наивно» понимали патриотизм и «национальную гордость», прибегая к мистификациям, к подделкам древних памятников (многие специалисты, современники Пыпина, в том числе Л. Леже, К. Иречек, В. Ягич, опровергали, например, подлинность изданного С. Верковичем в 1874 г. в Белграде сборника «Веда Славян») ¹⁸⁵. Но это стремление «поддержать национальную идею историческими бреднями» Пыпин объяснял «печальным положением самой народности»: беспомощность в настоящем «заставляла искать утешения в этом фанта-

* К этому времени уже был решен вопрос о диалектной основе болгарского литературного языка, но он все же оставался одним из наиболее медленно развивавшихся элементов болгарской культуры (См.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. С. 72).

стическом возвеличении отдаленного прошлого»¹⁸⁶. Тем не менее Пыпин подчеркивал «возрастающее влияние молодой литературы, делающей несомненные успехи»¹⁸⁷.

В последнее перед освобождением Болгарии десятилетие, как отмечал Пыпин, в образованных кругах болгарского общества (а это в основном люди, получившие образование в России или Европе и жившие в эмиграции) патриотические мечты сформировались в «национальное стремление», достигшее «уже полной определенности». О политической свободе думала не только национальная интеллигенция, но и простой народ, который вел «с турками партизанскую гайдуцкую войну»¹⁸⁸.

По поводу гайдучества Пыпин выступил в печати в связи с публикацией на немецком языке книги П. Хитова «Мое путешествие по Старой Планине» (Лейпциг, 1878) с предисловием и примечаниями Г. Розена. Критикуя немецкого ученого за его необоснованные нападки на гайдучество как «разбойничество», Пыпин утверждал, что это движение, возникшее в Болгарии и Сербии в ответ на насилие турецких властей, было народным и имело «национально-героический и освободительный характер»¹⁸⁹.

Рассматривая историю гайдучества, Пыпин отмечал, что руководители движения старались упорядочить его и поднять народ на восстание. Во время русско-турецкой войны тысячи членов гайдуческих отрядов пополняли болгарское ополчение¹⁹⁰. Сами турки воспринимали гайдучество не как «разбой», а как «революционное сопротивление и восстание против их власти»¹⁹¹.

В политических условиях того времени Пыпину казалось, что наступает последний этап борьбы за свободу и национальное возрождение южнославянского мира, и стоит прежде всего вопрос о «политическом обеспечении их национального бытия»¹⁹². О падении Османской империи и возрождении южных славян Пыпин писал как о «давно назревающем историческом процессе»¹⁹³. Однако соперничество европейских держав препятствовало скорейшему разрешению балканского кризиса. Отношение Европы к славянам определялось политическими интересами, в том числе опасением усиления России¹⁹⁴.

Пыпин уделял немало внимания отношению русского государства и общества к южнославянскому вопросу. Россия, считал он, способна оказать угнетенным народам военную помощь в

деле освобождения от «страшного ига», но ее авторитет не сможет держаться на силе — он «определится нашим общественным содержанием»¹⁹⁵. Пыпин писал о сочувствии в обществе к «славянскому делу», выражавшемся в пожертвованиях и отправке добровольцев на Балканы, о широкой кампании в печати в поддержку освобождения славян и осуществления «славянской идеи». Вместе с тем он отмечал, что оттенки общественного мнения, отличавшиеся от восторженных проявлений славянолюбия, не могли быть высказаны в печати¹⁹⁶.

Отмечая искренность симпатий к единоплеменникам и единоверцам, Пыпин в то же время подчеркивал, что русское общество очень мало знало о них. «Увлечение» славянским вопросом он объяснял общими социально-политическими проблемами, «давним отсутствием какого-нибудь широкого нравственно-общественного интереса, апатическим состоянием, из которого нужен был какой-нибудь исход»¹⁹⁷. Движение в поддержку славян, по мнению Пыпина, не снимает с общества первостепенной обязанности — «заботиться о своем собственном, внутреннем деле», об изменении «внутреннего положения»¹⁹⁸.

Что же касается народных масс, то они, как справедливо замечал Пыпин, вообще очень мало знали о единоплеменниках-славянах. В воззваниях, которые зачитывались в церквях, внимание обращалось на то, что от турецкого ига страдают единоверцы — православные христиане (что, безусловно, находило отклик в сердцах простых людей, которые также шли добровольцами на Балканы)¹⁹⁹. Народные стремления, отмечал Пыпин, объяснялись «инстинктом, чувством, а не сознанием» некоей «славянской идеи», как полагали славянофилы²⁰⁰.

Затрагивая вопрос о практическом осуществлении братской солидарности, Пыпин высказывал мнение о том, что, наряду с помощью со стороны России, сербы должны были бы помочь болгарам, которые испытывали «более тяжелое иго», их национальное развитие отстало от сербского (кроме того, сербы кое-что «выигрывали» от русско-турецких войн, а «болгары оставались только жертвою турецкого лицемерия»). Однако, с явным сожалением замечал Пыпин, сербы относятся к болгарам с «чувством превосходства»²⁰¹.

Освобождение Болгарии Пыпин считал «великим историческим фактом», однако его значение подрывалось Берлинским трактатом, согласно которому «из приобретений сан-стефанских

делались все новые и новые уступки»²⁰² *. Берлинский мирный договор (1878), писал Пыпин, считается дипломатическим поражением России (неудачи русской дипломатии ученый объяснял тем, что она «есть орган нашей же собственной национальной жизни» со всеми ее отрицательными свойствами); к тому же ее «нравственное влияние» на южное славянство «понесло ущерб». Но и для «южнославянского мира этот трактат был также несомненной потерей»²⁰³. Принятое в Берлине решение о судьбе Болгарии и Сербии произвело в славянском мире, по словам Пыпина, «сильное недоумение, огорчение, раздражение». В частности, Болгария «подверглась неестественному делению»²⁰⁴.

В то время, когда только что закончилась русско-турецкая война, принеся освобождение болгарскому народу, Пыпин писал, что «совершается великий переворот» в жизни болгар, и первоочередным для них становится вопрос политического освобождения, политических преобразований (Болгария осталась «лишь номинально зависимою», а по сути, стала свободным конституционным государством)²⁰⁵. В этот период болгары, указывал Пыпин, испытывали «неясность и неурядицу переходного положения», что отражалось на внутренних и внешних делах страны. Болгарскому народу, считал Пыпин, нужно сначала создать свое управление, войско, школу, литературу и т. д. — все, что «требуется для цивилизованного существования»²⁰⁶.

Вместе с тем ученый отмечал, что в Болгарии идет процесс «внутреннего преобразования»: «Очевидно, происходит приспособление национальных данных быта и характера к новым условиям политической свободы и просвещения»²⁰⁷. Пыпин считал, что болгарам должны быть даны «простор национально-общественной самостоятельности» и свобода печати²⁰⁸. В силу своих убеждений, он полагал, что одной из первых забот болгарских властей и общества после освобождения должно стать развитие образования. С этой проблемой тесно связаны задачи

* Пыпин не был одинок в оценке Сан-Стефанского и Берлинского договоров. Традиционное отношение к этим трактатам сохранилось и в отечественной историографии до настоящего времени, хотя уже появляются попытки пересмотра устоявшихся подходов к этой проблеме (См.: Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. Т. 1. С. 386; Виноградов В. Н. Южные славяне: от статуса турецкой райи к возрождению государственности... С. 10–11).

литературной обработки живого языка, установления «прочных форм» литературного языка, принятия единого правописания²⁰⁹.

А. Н. Пыпин отдавал должное участию русских в деле освобождения Болгарии. Вместе с тем он отмечал, что после блестящих побед русской армии «положение вещей на славянском юге остается мрачным». Болгария разбита на пять частей. Македонская ее часть собирается принять унию, «так как католицизм умеет лучше защищать свою паству, чем православная славянская иерархия»²¹⁰.

Рецензируя книгу П. А. Матвеева «Болгария после Берлинского конгресса» (СПб., 1887), в которой как пагубные последствия мирного урегулирования отмечались события, связанные с переворотом 1885 г., и возникший после этого «бурный политический кризис», Пыпин отмечал, что вместе с критикой Берлинского конгресса следует помнить, что и Россией было допущено немало ошибок в балканском вопросе накануне, в ходе и после войны, в частности в период русского гражданского управления, которое задумывалось как «начало болгарской автономии»²¹¹. Эти ошибки «давали повод к враждебному настроению» среди деятелей болгарского национального движения, подогреваемому «политическими врагами России». Под этим влиянием у болгар появились «опасения за автономию своего народа», к чему, с сожалением отмечал Пыпин, «политическая история русской империи» дает повод (судьба Польши)²¹².

Те же мысли Пыпин высказывал и в рецензии на книгу Вас. И. Немировича-Данченко «После войны» (СПб., 1880). Он писал, что в русском гражданском управлении должны были «обнаружиться приемы нашего общественного быта и нравов»; они неоднозначны: некоторые внушали сочувствие и уважение, другие — антипатию и отвращение. В целом в действиях гражданских властей отмечалось много «недоразумений», которые способны возбудить только вражду к России. Складывалось впечатление, писал Пыпин, что глава русской администрации в Болгарии князь Черкасский привез туда те же «взгляды и приемы» и «диктаторские замашки», какие у него были в Польше, забывая, что в Болгарию русские явились не для «укрощения», а для освобождения. Он намеревался «осадить» болгарских революционеров, но в Болгарии, замечал Пыпин, «революционер» — это «каждый патриот», который стремится «к ниспровержению существующего турецкого порядка». В том, что в болгарском

народе пробуждалась «потребность свободы и человеческого существования», большая доля заслуги принадлежала этим «революционерам»²¹³.

Русское управление, по мнению Пыпина, должно «уважать чужой национальный характер» и заботиться об активизации «нравственно-политических сил народа». Он полагал, что Болгария должна иметь свое войско для защиты свободы и «воспитания национального духа». Создание болгарской армии и ее вооружение он считал «нравственной обязанностью» России²¹⁴.

Болгарам не нужны чужие порядки: освободившись от турецкого рабства, они вовсе не хотели оказаться в другом²¹⁵. В болгарях крепло чувство «своего личного и общественного достоинства», зачатки его «привились к старым патриархальным нравам и составили народный характер». Только что обретший свободу народ («накануне составлявший бесправную райю») оказался «совершенно способным к европейским свободным учреждениям, к народному представительству, к свободе печати и т. д.»²¹⁶ (чего не было, кстати, в России).

В отличие от военной помощи «культурная сторона нашего вмешательства в болгарские дела не только не отвечала широте национально-политического вопроса, но способна была испортить междуплеменные отношения»²¹⁷. Пыпин отчетливо понимал, что русское влияние на умы южного славянства (в сфере образования, свободной печати, литературы, науки, в экономической деятельности и гражданском общественно-политическом развитии) может быть установлено только в конкурентной борьбе с Западом²¹⁸.

Пыпин считал, что делу культурного сближения двух братских народов могло бы, в частности, помочь знакомство болгар с русским языком. Напоминая, что сам он свободен «от обрусительских иллюзий», Пыпин ожидал, что значительное распространение русского языка в Болгарии «могло бы принести большую пользу междуплеменным отношениям и особенно было бы важно для болгар, открывая для них русскую литературу»²¹⁹.

Пыпин отмечал, что Болгария находится на такой ступени возрождения, которая уже пройдена многими другими славянскими народами. Болгарский народ стремится восстановить свою «национальную личность». Россия могла бы оказать не только военную и дипломатическую помощь, но и содействие (материальное и научное) в историческом и этнографическом

изучении Болгарии, что одновременно способствовало бы и укреплению «нравственной связи» русского и болгарского народов²²⁰.

Присоединение к Болгарии Восточной Румелии в 1885 г. Пыпин рассматривал как естественное событие, которое «указывалось здравым смыслом», поскольку происходило объединение нации, искусственно разделенной Берлинским трактатом. В отношении территориальных притязаний Болгарии на Македонию, «где сошлись в споре несколько сторон», еще предстояло разобраться в ближайшем будущем²²¹.

В конце XIX в., напоминал Пыпин, после «периода мрачной стамбуловщины»*, когда русско-болгарские отношения осложнились, наступили другие времена и вернулось дружеское взаимное расположение России и Болгарии. Но чтобы не повторялись печальные явления прошлого, считал Пыпин, необходимо хорошее знание двумя родственными народами друг друга²²².

Таким образом, Пыпину удалось проследить события, связанные с национальным подъемом болгарского народа, вплоть до конца столетия. По его мнению, в национальном возрождении болгар тесно переплелись различные факторы; в нем действовали «параллельно и самостоятельные проблески народного сознания в стремлении напомнить и обновить исторические воспоминания о временах старой славы, и влияние новой образованности, вызывавшие филантропическую заботу о просвещении народа; наконец, отголоски целого славянского возрождения»²²³. Процесс этот не был завершен — освобождение Болгарии от турецкого ига и начало эпохи самостоятельного государственного существования должны были способствовать решению задач становления нации.

Югославянские народы. Исторические судьбы югославянских народов сложились неодинаково, в результате чего к концу XVIII в. они находились в составе разных государств. Условия их национального развития были различны, что накладывало отпечаток и на характер их национального возрождения. К тому

* После избрания на болгарский престол в 1887 г. Фердинанда Саксен-Кобургского к власти в Болгарии пришло правительство С. Стамболова, противника России, установившего в стране военно-полицейскую диктатуру. Стамболов был отправлен в отставку в мае 1894 г.

они тяготели к разным конфессиям, что также сказывалось на внутриславянских отношениях в период национального подъема. Несмотря на национальную, государственную, религиозную «раздробленность» югославянских сил, Пыпину нужно было дать цельную картину их развития и национального подъема, и он справился с этой задачей²²⁴.

У **сербов**, как считал Пыпин, национальное возрождение проходило «иначе и успешнее», чем у болгар. Положение сербов, по оценке ученого, было не столь тяжелым; их «политическая полу-независимость сохранялась долее». «Сербское племя» жило не только на территории Османской империи, но и в адриатическом приморье, и в австрийских землях (т. е. не все сербское население испытывало жестокий турецкий гнет)²²⁵. Пыпин очень точно уловил и отразил «двухцентровой» характер национальных процессов у сербов (два национальных ядра: Воеводина с Нови-Садом и княжество Сербия с Белградом)²²⁶.

Первые признаки возрождения у православных сербов Пыпин относил к концу XVII — началу XVIII в., полагая при этом, что оно «утверждается прочно» в начале XIX в., когда у турецких сербов начались волнения, и в результате Первого (1804–1813) и Второго (1815) сербских восстаний произошло «политическое освобождение Сербии (хотя и неполное)». За освободившимися сербскими землями на Дунае закрепилось название «Сербия»; земли, оставшиеся под властью Турции, в славянском мире неофициально назывались Старой Сербией. Образование Сербского княжества (1830)*, по мнению ученого, укрепило национальное возрождение «сознанием выдержанной борьбы»²²⁷. Его оценка актуальна и поныне, по прошествии почти двух веков с тех событий, когда сербская автономия стала «очагом возрожденной государственности»²²⁸ и борьбы за национальное объединение.

Пыпин отмечал, что у сербов (как и у болгар) вера, язык и предание составляли наследие старины, с помощью которого народ надеялся вернуть свободу²²⁹. Возрождение началось «с обновления исторических преданий и связей»²³⁰. Косовская битва оставила сильный след в народной памяти и стала «темой народной скорби и поэтической идеализации»; она напоминала

* Султанский указ провозглашал Сербию самоуправляющимся княжеством под верховной властью Турции.

об истории сербского народа, о его мужестве и героизме, о православной церкви, которая помогала сохранить народность («слово „Серб“ стало синонимом православного»²³¹ и не имело еще четкого национального содержания²³²). Рассуждая о значении сербского эпоса, Пыпин отмечал, что юнацкие песни — это и народная история, и «единственное средство общенародного сознания о совершающихся событиях»²³³. Наряду с перечисленными, Пыпин называл и такой признак возрождения, как организация народных школ. Свое влияние оказывали и «отголоски европейского освободительного движения», которые, по словам Пыпина, «явились рядом с проявлениями народного самосознания»²³⁴.

Сравнивая проявления национального возрождения в различных сербских землях, Пыпин замечал, что у сербов Австрийской империи, т. е. во втором центре общесербского возрождения, «сербский патриотизм» не меньше, чем у сербов княжества²³⁵. Австрийские сербы также организовывали свои школы. Еще в 1771 г. у них возникла первая сербская типография. Начался переход «от старой церковной книжности к новому образованию». Старый «славено-сербский» язык («смесь русско-церковного с сербским») * долго использовался сербами в качестве литературного языка. «Славено-сербский стиль, — отмечал Пыпин, — хотя и был не совсем понятен, напоминал однако церковную старину». Среди представителей сильной и влиятельной «славено-сербской школы» Пыпин называл историка Й. Раича, написавшего «Историю разных славенских народов, наипаче же Болгар, Хорватов и Сербов» (Вена, 1794–1795. Ч. 1–4)²³⁶.

Схоластическая литературная школа, как указывал Пыпин, явилась у сербов переходом от старой церковной книжности к новому образованию. «Славено-сербский» язык должен был уступить место народному языку, на котором стала развиваться новая сербская литература. Первым представителем этой литературы Пыпин называл Досифея Обрадовича. Он восстал против темноты и невежества, восприняв европейские «освободительные идеи XVIII-го века», он начал издание книг гражданским шрифтом. С этих книг, доступных грамотному человеку, по словам

* В начале XIX в. в сербских областях за Савой и Дунаем (Воеводина) языком письменности был славяно-сербский язык — смесь народного и церковно-славянского.

русского ученого, начиналась «настоящая сербская литература — обращенная прямо к народу, занятая его насущными нуждами», проникнутая чувством гуманизма и любовью к науке²³⁷. Сам выходец из народной среды, Досифей Обрадович хорошо знал ее нужды. Он мечтал об освобождении народа от рабства и невежества, о соединении разрозненных частей сербского племени в одно крепкое государство. Он настаивал на необходимости образования, защищал веротерпимость, хотел, чтобы его народ сравнился «с просвещенными народами Европы». Напоминая, что Обрадович не произвел еще реформы языка и литературы, Пыпин вместе с тем отмечал, что его влияние долго сказывалось в этих областях. «Это был, — писал Пыпин об Обрадовиче, — прямой и непосредственный начинатель сербского возрождения»²³⁸.

Задачу реформирования литературного языка решил Вук Караджич. Пыпин дал развернутую характеристику его деятельности и вклада в сербскую и общеславянскую культуру, которая является отражением национального самосознания и освободительной борьбы славянских народов. Караджич разработал новое сербское правописание и в основу литературного языка положил язык народа. Так же как и Обрадович, он вышел из «недр народной массы», стоял «на уровне своего времени», высоко ценил просвещение и науку²³⁹. Начало реформы совпало с политическим освобождением сербов²⁴⁰.

Научные труды Караджича, по оценке Пыпина, составили «эпоху в славянской литературе», ученый называл их «энциклопедией» этнографических сведений о сербском народе, а их автора — одним из первых в европейской науке, кто требовал внимательного исследования народности, уважения «к народной жизни, ее содержанию и обычаю»²⁴¹. Реформа Караджича отвечала насущной потребности новой литературы. Его труды явились как «выражением», так и «фактором» сербского национального возрождения²⁴². Пыпин раскрыл прогрессивность и демократизм реформы Караджича²⁴³.

Представители «славено-сербской партии» выступили против Караджича, называя его народный язык «языком свинных пастухов» и обвиняя «в неуважении к книжным преданиям старины». (Попутно Пыпин отмечал, что и русские славянофилы осудили Караджича за то, что, как им представлялось, он, действуя в интересах Австрии, хотел «разорвать церковно-книжное

предание, связывавшее сербов с Россией»²⁴⁴.) Под давлением этой консервативной, по определению Пыпина, общественной группировки книги Караджича²⁴⁵ и разработанное им фонетическое правописание²⁴⁶ были сочтены «вредной ересью» и запрещены в княжестве Сербия (это запрещение было снято лишь в 1860-х гг.)²⁴⁷.

Касаясь реформаторской деятельности Караджича, Пыпин усматривал в ней прежде всего «стремление сербов выразить свою национальность, свободно и независимо от каких-либо чужих влияний и притязаний». Разрыв же связи сербской литературы с русской церковно-схоластической традицией, как считал Пыпин, был неизбежен, поскольку сама русская литература не стояла на месте, а «сближалась с интересами и языком жизни»²⁴⁸.

В системе литературного языка, предложенной сербским реформатором, Пыпин находил некоторые недостатки. Он указывал, например, что не учтены «исторические элементы» языка и его связь с другими языками (если бы эти факторы нашли отражение в новой системе, то не возникло бы отрыва «новой книги от старой и от книги церковной», а также сербской книги от русской). Но Пыпин считал, что в целом система Караджича имела важное значение для сербского национального развития и сплочения нации²⁴⁹.

Заслугу Караджича Пыпин видел также и в раскрытии богатства сербской народной поэзии. Собранные им и изданные в сборниках 1810–1820-х гг. песни «явились как живое олицетворение народности» и имели отголосок не только в сербской, но и всеславянской и даже общеевропейской среде. Для славянского возрождения открытый Караджичем сербский эпос был своего рода «новым „историческим правом“»²⁵⁰.

Однако противники Караджича, утверждал Пыпин, не хотели понять, что реформа литературного языка — только одно из явлений происходившего тогда у всех славян процесса возрождения. Они упрекали Караджича в том, что он «делит славянство, вместо того, чтобы соединять его». Пыпин усматривал в этом непонимание или превратное толкование фактов. Реформа подразумевала, объяснял ученый, что, «прежде каких-либо общеславянских комбинаций, сербы в своей литературе должны выразить свою национальность, свои народные особенности»²⁵¹. В реформаторской деятельности Караджича Пыпин увидел исторически необходимую ступень национального возрождения,

подчеркивая при этом, что подобный этап национального развития прошли не только сербы, он был характерен для всех славянских народов²⁵². Таким образом, Пыпин включил деятельность Караджича в общеславянский контекст.

Пыпин отмечал развитие сербской школы и появление литературы для нужд народного образования. Для издания и распространения книг была учреждена Матица сербская (в 1826 г. в Пеште; в 1864 г. она переведена в Нови-Сад), ставшая вскоре не только литературным, но и «ученым обществом». Она дала толчок к созданию других славянских матиц (вслед за Матицей сербской, напоминает Пыпин, появились матицы: «иллирская» в Загребе, далматинская в Задаре, словенская в Любляне, словацкая в Турчанском Святом-Мартине, галицко-русинская во Львове, чешская в Праге)²⁵³. Стали издаваться сербские периодические издания и альманахи, печатавшие литературные произведения и исторические статьи.

Пыпин обращал внимание на то, что до 1830–1840-х гг. эта литературно-научная деятельность осуществлялась в основном в сербских землях Австрийской империи, где для этого было больше условий и возможностей. Но с 1830-х гг. национально-литературное движение начинается и в княжестве Сербия²⁵⁴. В 1841–1842 гг. в Белграде был открыт музей и основано «Друштво српске словесности» («Общество сербской словесности»), ставившее своей целью обработку языка и распространение наук; в 1864 г. оно было преобразовано в «Сербское ученое общество». Научный журнал «Гласник» (с 1847 г.) помещал немало материалов по сербской истории и древней литературе. Начинают развиваться научные исследования и появляется специальная литература в области истории, этнографии, языкознания²⁵⁵.

Со второй половины XIX в. южные славяне шире знакомятся с произведениями русской литературы в переводе на сербский язык и сочинениями русских ученых (например, «Историей сербского языка» А. А. Майкова, «Письмами об истории сербов и болгар» А. Ф. Гильфердинга и др.)²⁵⁶.

По наблюдениям Пыпина, в 1860-х гг. сербское возрождение приобрело новые черты. Национально-политические интересы нашли выражение в движении «Омладина». Общесербская организация «Объединение сербской молодежи» была создана в 1866 г. в Нови-Саде (Воеводина) молодыми патриотами, стре-

мившимися к достижению свободы своей родины и объединению сербских земель²⁵⁷. Ученый обращал внимание на то, что постепенно «политическая цель сербских национальных стремлений выработалась в виде „пансербизма“», т. е. объединения всего «сербского племени», жившего в Сербском княжестве, Черногории, Турецкой и Австрийской империях²⁵⁸.

Пыпин указал только одну сторону сербской национальной идеологии, не затрагивая в данном случае вопроса о сербском лидерстве в предполагаемом объединении югославянских народов, хотя в других случаях он обращал внимание на стремление и сербов, и хорватов к руководящей роли в этом процессе. Сербское и хорватское движения, подчеркивал Пыпин, не только шли независимо друг от друга, но и «относились ревниво друг к другу», претендуя на главенство «в сербо-хорватском мире»²⁵⁹.

В 1870-х гг. Пыпин также обратил внимание на развитие социалистических воззрений в сербской общественной мысли. Сравнивая новое направление с «Омладиной», отличавшейся «по преимуществу национал-либеральными тенденциями», он отмечал, что социалисты значительно «смелее». В развитии социалистических взглядов ученый видел «отголосок времени», «искание идеала среди неутешительного настоящего». В то же время он считал, что это утопические стремления, которые не опираются на реалии общественно-экономического и политического развития Сербии и представляют собой «романтизм, поэзию и мифологию», а не «всеисцеляющую панацею». По мнению Пыпина, социалистическую теорию можно сохранить в сербском обществе «как идеал», но при этом не забывать «настоятельных и насущных нужд» (освобождение, политические преобразования, просвещение)²⁶⁰.

Во время русско-турецкой войны за освобождение балканских народов Пыпин указывал, что главные исторические воспоминания, а вместе с ними и национальное сознание сербов связаны со Старой Сербией, и потому присоединение ее к княжеству составляет «глубокое нравственное требование» и безусловное право Сербии²⁶¹.

В период восточного кризиса 1870-х гг. и после Берлинского конгресса 1878 г., когда официозная и славянофильская печать в России возмущалась «неблагодарностью» сербов, Пыпин выступил в защиту сербской «национальной индивидуальности».

Он критиковал славянофильскую позицию «старшинства» русских по отношению к сербам, вызывающую у сербов лишь «недоверие и недоумение». Пыпин резко высказывался против этой позиции «незванного и непрошенного наставничества», заявленной славянофилами еще в 1861 г. в «Послании к сербам»²⁶². Он напоминал, что недавняя история сербского народа была «героической борьбой за освобождение, веденной с большой энергией и самоотвержением»²⁶³.

Пыпин пристально следил за развитием событий на Балканах и отношением русского общества к ним. В 1876 г. он писал о растущем день ото дня количестве добровольцев, отправлявшихся в Сербию (среди которых было «много порядочных людей», показывавших «примеры безграничной храбрости», но были и «дрянные люди», производившие плохое впечатление на сербов^{*}). Организация армии, по мнению Пыпина, оставляла желать лучшего. Сербия находилась «между надеждою свободы и страхом гибели», не чувствуя стабильности «ни в политическом, ни в национальном отношении». Свои чаяния сербы связывали с Россией, но в то же время опасались, что освободители, явившиеся к ним «в высокомерной роли покровителей, с претензиями национального превосходства», могут сделать «из Сербии русскую губернию»^{**}. Пыпин со всей убежденностью заявлял, что русские не имеют права смотреть свысока на возрождающиеся народности. Русско-сербские отношения могут быть крепкими лишь на основе уважения «к чужой личности, к чужому общественному типу, народности»²⁶⁴.

^{*} В начале 1877 г. Пыпин отмечал уже отток добровольцев из Сербии и снижение интереса в русском обществе к славянскому вопросу (см.: А. П. [Пыпин А. Н.] Еще несколько слов по южно-славянскому вопросу // Вестник Европы. 1877. № 3. С. 357–358).

^{**} Пыпин обращал внимание на то, что в действиях русских «руководящих лиц» в Сербии были крупные просчеты, которые он объяснял не только отсутствием «опыта в первом деле этого рода», но и несовершенством общественно-политической системы («внутреннего устройства») России и духовно-нравственного развития общества. Это сказывалось, в частности, на отсутствии дисциплины в рядах добровольцев, процветании пьянства. А русская печать рассуждала о славянских «братях», не зная их и допуская досадные «промахи и ошибки» в корреспонденциях из Сербии (см.: А. П. [Пыпин А. Н.] Еще несколько слов по южно-славянскому вопросу. С. 374–375).

В отличие от славянофилов, Пыпин считал необходимым укрепление русско-сербских связей на основе изучения «современного положения народов», взаимного знакомства с литературами и сближения «нравственно-политических и образовательных интересов»²⁶⁵. Пыпин с оптимизмом смотрел на перспективы самостоятельного развития сербов, подчеркивая, что «народ, показавший в своей истории столько силы, имеет, несомненно, будущее»²⁶⁶.

Пыпин внимательно следил за развитием и успехами сербской научной, общественной и художественной литературы, отмечая факт ее демократизации. В «Истории славянских литератур» он писал: «Вообще сербская литература, хотя еще не имеет той опоры, какую могло бы доставить ей национально-образовательное, если не полное политическое объединение племени, представляет и теперь задатки серьезного развития — и в области поэтической, и в научном исследовании Сербии; сербская журналистика все теснее примыкает к потребностям и интересам народной деятельности»²⁶⁷.

Самым «новым» по времени, по мнению Пыпина, было *хорватское* возрождение. Ученый верно уловил сложности формирования хорватской нации, более медленное развитие национальных процессов, сложный религиозно-этнический состав и длительное сохранение локального самосознания, вместо сознания принадлежности к единой этнической общности, а также наличие сербо-хорватских противоречий.

Одно из древнейших славянских государств, Хорватия сохранилась «лишь в соединении с „короной“ венгерской, а затем и австрийской»²⁶⁸. Хорватам, находившимся в двойном подчинении, «грозила двойная опасность», и уже в конце XVIII в. у них начинает пробуждаться «инстинкт самосохранения». Приоритетную роль в деле подъема народного образования и «возвышения» народного языка Пыпин отводил Т. Миклушичу и его последователям²⁶⁹.

Во время наполеоновских войн была образована так называемая Иллирская провинция. Хорваты основывались на «мнимом», по определению Пыпина, факте, что они являются потомками древних жителей Иллирии. Этим названием, как замечал Пыпин, воспользовались в 1830–1840-х гг. хорватские патриоты, мечтавшие о воссоединении племени в одно целое²⁷⁰.

К 30-м гг. XIX в. Пыпин относил настоящее хорватское возрождение, которое, как он подчеркивал, осуществлялось «опять в особой форме»²⁷¹. Прежде всего, Пыпин имел в виду то, что хорватам достаточно хорошо было известно их прошлое и не было необходимости разыскивать народные «начала»^{*}. Импульс хорватскому возрождению, по мнению ученого, дали «национальные притязания венгров»²⁷², т. е. национальный подъем одного народа явился не только ответом на чуждое влияние и притеснение, но и реакцией на аналогичное национальное пробуждение народа-угнетателя.

Отличием хорватского движения, как полагал Пыпин, было и то, что процесс возрождения шел не от «литературной» стадии к политической, а наоборот — национальная литература развилась как отражение «политического вопроса»²⁷³.

Дело в том, напоминал Пыпин, что венгры, «стремясь к освобождению от австрийской централизации и к достижению политической свободы», заменили латынь (язык официальной сферы, церкви, школы и т. д.) венгерским языком (и, по признанию ученого, с точки зрения их собственного национального развития это был верный шаг). Хорватская оппозиция политическому и национальному господству венгров выразилась сначала в защите латинского языка, в чем Пыпин также усматривал отличительную особенность хорватского возрождения. Общехорватский литературный язык еще не сформировался (было три диалекта — кайкавский, чакавский и штокавский). Народ пользовался «застарелой глаголицей» церковных книг. Это подтолкнуло развитие собственного культурного движения, которое переросло в общественно-политическое («иллиризм»)²⁷⁴.

Пыпин отмечал, что история иллиризма еще не написана, это движение еще требует изучения и оценки. Венгры, например, представляли его как «плод интриги австрийского правительства». Но Пыпин решительно не соглашался с подобной оценкой — он считал, что иллиризм был выражением «давнего брожения национальных сил»²⁷⁵. Кроме того, он отмечал, что в иллиризме «политические отношения играли чрезвычайно важную роль»²⁷⁶.

* К тому же Пыпин отмечал, что, в отличие от «живого народного эпоса» сербов, хорватский народный эпос «или вовсе не существует, или очень скуден» («вопрос остается еще открытым»).

В 30-х гг. XIX в. «иллиризм» принес «идею политического освобождения сербо-хорватского единства». В это время, как отмечал ученый, хорватская литература, использовавшая так называемый «иллирский» язык (язык «старой западно-сербской литературы»), «вышла из ограниченных пределов мелкого областного наречия». Использование этого языка соответствовало задаче соединения югославянского племени «в одно национальное целое»²⁷⁷.

Перед хорватским национальным движением встал вопрос, который решали почти все славянские народы — вопрос о литературном языке. Загреб, наминал Пыпин, был центром «кай-кавского» (собственно хорватского) наречия, но литература на нем имела бы ограниченные пределы распространения²⁷⁸. В данной ситуации хорватские патриоты приняли решение, о котором Пыпин отзывался одобрительно: они признали в качестве литературного языка более распространенный сербский язык*, но на основе латинского алфавита. Это способствовало расширению круга читателей и распространению национальной пропаганды, в конечном итоге — сближению и взаимообогащению сербской и хорватской культур. Подобное «пожертвование своей местной народностью для более широкой народности» Пыпин считал «благом» для общего дела, но называл «очень редким примером литературного самоотречения» в славянском мире²⁷⁹.

Лидером иллирийского движения Пыпин называл Л. Гая, преобразовавшего хорватскую орфографию, издававшего политическую газету «*Novine Horvatzke*» (после 1848 г. отошедшего от политической деятельности)²⁸⁰. Начавшийся как национально-культурное движение, иллиризм в 1840-х гг., по утверждению Пыпина, выступает уже как «политическая партия» с требованием отделения от Венгрии. Политическая программа этой партии, как подчеркивал Пыпин, преследовала в первую очередь национальные интересы, хотя идеологи движения призывали к объединению южнославянских народов — сначала литературно-языковому, затем и политическому²⁸¹. В 1843 г. от прежнего наименования движения отказались. Пыпин объяснял это тем, что название «иллиры» не имело «корня в народных понятиях»²⁸², кроме того, запрещение термина последовало со стороны правительства, опасавшегося усиления хорватско-венгерских противоречий.

* Имеется в виду Венский договор 1850 г., установивший единые нормы сербохорватского литературного языка.

Подытоживая свои рассуждения о хорватском возрождении, Пыпин отмечал, что литературное движение в Хорватии предшествовало открытой борьбе против венгров, сначала «в политической полемике», затем «в уличных демонстрациях» и, наконец, «с оружием в руках». Результатом этой борьбы, писал он, явились «два восстания — венгров против Австрии и хорватов против венгров», «политическое брожение закончилось войной 1848–49 года»²⁸³.

Следующий этап в национальном движении югославян Пыпин связывал с 1848 г., когда борьба хорватов с венграми усилила стремления сербов к свободе. Австрийские сербы и сербы княжества стали союзниками хорватов. Совместно в надежде на обретение самостоятельности они оказали помощь венскому правительству в подавлении венгерской революции. Эти надежды не осуществились, однако «патриотическое одушевление» осталось. Сформировались политические группировки («партии»); периодическая печать, по словам Пыпина, приобрела «настоящее политическое значение, выражая взгляды различных партий и развивая политическое сознание в обществе». Создавались «патриотические кружки», которые ставили одной из своих задач распространение образования в народе²⁸⁴.

Пыпин неоднократно отмечал лицемерную политику Габсбургов, которые, используя славян для борьбы с венграми, обманули их ожидания, и в результате хорваты, выступавшие на стороне Австрии, «выиграли гораздо меньше, чем венгерцы, сражаясь против нее». Централизация не миновала славянские, в том числе хорватские земли, вместо мадьяризации началась германизация²⁸⁵.

В конце 1870-х гг. Пыпин отмечал, что в Хорватии нет объективных условий для открытой борьбы. В такой ситуации, при «невозможности практического действия развивается политическая фантазия», которая обнаруживается в хорватской публицистике и политической литературе. К утопическим он относил идеи «панхорватизма», притязания на Боснию и Герцеговину и др.²⁸⁶.

В то же время Пыпин видел и «отрадную сторону» национального развития хорватского народа — усиление «научной и образовательной деятельности», которое, в соответствии с его взглядами, «может дать одно из сильных средств к лучшему сознанию национального блага». Одним из шагов на этом пути являлось основание (при покровительстве «хорватского патриота»

Й. Ю. Штросмайера, лидера народняцкой группировки Национально-либеральной партии) в Загребе в 1867 г. Югославянской Академии наук и искусств (президент — историк Ф. Рачкий[†]), издававшей свои труды по церковной и хорватской истории, славянским древностям. Среди хорватских ученых Пыпин особенно выделял В. Ягича, отмечая его «замечательные заслуги» в области филологии, археологии, истории литературы и в основании «Archiv für slavishe Philologie»²⁸⁷.

В других частях «сербского племени» Пыпин также отмечал признаки возрождения. Территория *Далмации* и *Дубровник* в начале XIX в., напоминая Пыпин, были включены в состав так называемой Иллирии, подвластной Франции, а после Венского конгресса — Австрии²⁸⁸. Ученый подчеркивал, что общее возрождение югославянских народов там «отразилось теми же стремлениями к обособлению национальности и изучению народа и старины». Он отмечал также, что иллиризм нашел сторонников в Далмации и повлиял на развитие там общеславянского сознания. Процесс возрождения активизировался в 40-х гг. XIX в., но столкнулся с «таким же стеснением», как и хорватский «иллиризм». С 1850-х гг. деятельность, направленная на подъем национального движения, пришла в упадок, но, как свидетельствовал Пыпин в конце 1870-х гг., «патриоты не теряют надежды на будущее»²⁸⁹. Наблюдения ученого как раз подтверждают тезис о локальном самосознании далматинцев и раздробленности югославянского движения.

Национальное движение постепенно развивалось и в *Боснии*, где оно осложнялось религиозной враждой (значительная часть боснийского населения приняла мусульманство, у низших классов осталась христианская вера). Первая книга, как отмечал Пыпин, была напечатана там в 1866 г., тогда же стала издаваться газета «Босна» — официальное издание на сербском и турецком языках²⁹⁰. В связи с боснийским движением Пыпин не мог не остановиться на позиции русских славянофилов, которые с осуждением относились к «незаконным», с их точки зрения, «революционным предприятиям» боснийцев против турецкого ига.

* Пыпин характеризовал его следующим образом: «Рачкий есть один из первостепенных славянских ученых и просвещенный хорватский патриот, умеющий соединить археологическую ученость с живым пониманием политической жизни и славянства».

Пыпин замечал, что это мнение следовало бы довести до угнетенного народа, «иначе босняки, которые в самом деле беспрестанно готовы восставать, будут сохранять ложную надежду на помощь единоверцев», без чего, как утверждали сами славянофилы, они не смогут добиться освобождения²⁹¹.

Босния и *Герцеговина* вновь привлекли к себе внимание во время балканских событий 1870-х гг. Они первыми подняли восстание против османского владычества, но в результате «получили весьма прискорбную участь» — австрийскую «оккупацию»²⁹². Берлинский трактат (1878) не решил проблемы этих земель, которые, как отмечал Пыпин, столь же нуждаются в освобождении, как и прежде, и чувствуют себя «преданными». То, что происходило в Боснии и Герцеговине, занятой австрийскими войсками, Пыпин называл не только «оккупацией», но и «резней». С горькой иронией он замечал: «Это — исполнение берлинского трактата, „примирившего все интересы“»²⁹³. При этом, заявлял Пыпин, Австрия получила две богатые провинции, ничего не сделав для освобождения балканского славянства от турецкого ига. Во вновь присоединенных землях стала распространяться австрийская культура, подавляя развитие местного «национального элемента». Босния и Герцеговина должны были стать ступенью на пути к завоеванию Австрией всего Балканского полуострова²⁹⁴.

В самом начале XX в. Пыпин отмечал, что в Боснии и Герцеговине за время австрийской оккупации налицо «цивилизационный прогресс»: построены железные и шоссейные дороги, промышленные предприятия, развивается сельское хозяйство, открыты новые школы, церкви, но «насущные нужды народа» при этом не учитываются. Босния и Герцеговина наводнены австрийскими товарами, что подрывает местную экономику. Славянские земли превращаются в колонию, они используются не только для сбыта товаров, но и для размещения свободных капиталов. Коренные жители быстро нищают, происходит их «денационализация», православное население подвергается окатоличиванию. Пыпин подчеркивал также, что положение в регионе усугублялось межрелигиозными и межславянскими «осложнениями» (враждой католиков и православных, хорватов и сербов). Население Боснии и Герцеговины встретило в лице хорватов «сильный, убежденный, культурный и отчасти нафанатизированный элемент, обрушившийся после оккупации на Бос-

ну-Герцеговину и ведущий свою пропаганду не из-за отвлеченной религиозной идеи, а из идеи национально-хорватской»²⁹⁵.

В целом, подытоживал Пыпин, положение Боснии и Герцеговины таково, что путь к их слиянию с империей открыт. Правительство руководит и церковью*, и школой. Процесс «водворения чисто австрийского режима» зашел очень далеко. Пыпину оставалось только признать, что, видимо, такова «историческая необходимость: местная славянская сила была не в состоянии противиться австрийскому культурному наплыву», и Австрия рассчитывает со временем «превратить оккупацию в полное присоединение»²⁹⁶.

И у *словенцев* в конце XVIII в., как отмечал Пыпин, наравне с другими славянами, появляются попытки осознания «своего национального интереса». Как и у других народов, ведется выработка литературного языка, составляются словари, принимается новое правописание. Особое внимание учеными уделяется славянской древности, мифологии, филологии. При этом Пыпин замечал, что народная поэзия словенцев «не богата и очень мало изучена»²⁹⁷.

Пыпин отметил, что словенское национальное движение приобрело политический характер в связи с событиями 1848 г. — политическое оживление сопровождалось появлением политических изданий, призывами к национальному возрождению, возникновением различных обществ.

В 1865 г. была основана Словенская Матица²⁹⁸. Однако ввиду малочисленности словенцев широкая литературная и научная деятельность на их языке была, по мнению Пыпина, невозможна, поэтому писатели и ученые (такие, как Е. Копитар** и Ф. Миклошич***, известные трудами в области языкознания) вынуждены были «уходить в немецкую литературу» (т. е. издавать свои труды на немецком языке)²⁹⁹.

* Пыпин отмечал, что с константинопольским патриархом «за умеренный гонорар» было заключено соглашение, по которому тот предоставлял Австрии возможность распоряжаться церковными делами Боснии и Герцеговины.

** «Граматику славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии» (1808) Пыпин оценивал как «лучший труд во всем славянском языкознании».

*** Пыпин писал: «Миклошич, на немецком языке, есть до сих пор единственный всеславянский филолог».

Пыпин не касался программы объединения Словении, усиления югославистских устремлений в период обострения германизаторской политики, но он отмечал влияние этой политики на словенское население Крайны, Штирии, Каринтии (поскольку значительная часть населения этих земель являлась австронемецкой). Словенцы, замечал Пыпин, представляют собой сильно онемеченный народ. Германизация проявилась в господстве немецкого языка в общественной жизни, «порчей» словенского языка, «потерю обычаев, упадком народной поэзии». Возникла угроза «окончательного падения» словенского народа, но, несмотря ни на что, в нем держалась «страсть к национальной особности», которая противостояла германскому натиску и вместе с тем препятствовала объединению с хорватским движением. С 60-х гг. XIX в., по наблюдениям Пыпина, у словенцев началось «оживление», дающее надежды на возрождение³⁰⁰.

Первым вкладом в национальный подъем *черногорского* народа в середине XVIII в. Пыпин считал сочинение владыки Черногории Василия Петровича «История о Черной Горе» (1754). Последующие правители также вносили свою лепту в литературу или покровительствовали развитию национальной культуры. До 50-х гг. XIX в. «владыка» был и главой церкви, и князем, и военачальником, а иногда — также народным поэтом. Последний черногорский владыка Петр II Петрович Негош, по оценке Пыпина, — «один из лучших сербских поэтов нового времени» (при нем была открыта первая светская школа и типография в Цетинье). В дальнейшем княжеская власть в Черногории стала наследственной и не связанной с церковным саном³⁰¹.

После поражения Наполеона у черногорцев возродились надежды получить выход к морю за счет присоединения Боки Которской, которая с 1807 г. находилась во владении Франции и была включена в состав Иллирийских провинций. Однако по Парижскому миру 1814 г. эти провинции перешли к Австрии. Россия, будучи покровительницей Черногории, тем не менее не могла пойти против союзников по антинаполеоновской коалиции (никто из ее членов не согласился бы на расширение черногорского государства, что усиливало позиции России на Адриатическом побережье). По словам Пыпина, на Венском конгрессе (1814) надолго было создано неблагоприятное положение Черногории, отрезанной от моря и от своих единоплеменников³⁰².

Оживление деятельности в области национальной культуры в Черногории, как отмечал Пыпин, приходится на 60-е гг. XIX в. В 1870 г. в Цетинье начала издаваться первая черногорская газета «Црногорац» (затем «Глас Црногорца») ³⁰³.

Национальные процессы в Македонии Пыпин вначале рассматривал с точки зрения болгарского освободительного движения. Македонию он называл «болгарским краем», населенным преимущественно болгарами. Он относил возрождение этого края, как и «македонского наречия», к области явлений болгарской истории и культуры (в пользу этого свидетельствует упоминание братьев Д. и К. Миладиновых — участников культурно-просветительного движения Македонии, в ряду деятелей болгарского возрождения) ³⁰⁴.

По Берлинскому мирному договору Македония осталась турецкой провинцией и сделалась, как отмечал Пыпин, «яблоком раздора» между болгарскими, сербскими и греческими политиками. Ее судьба, писал он на рубеже XIX–XX вв., зависит от «степени политической и культурной энергии» самой Македонии и ее соседей. Изменив свою прежнюю точку зрения, ученый заявлял, что в македонском вопросе вовсе не становится «на сторону болгарских притязаний»; он полагал, что самое справедливое решение этого вопроса могло бы быть достигнуто беспристрастным опросом населения ³⁰⁵.

Опираясь на мнение исследователей, отмечавших «значительную особенность македонского наречия», Пыпин все же полагал, что «литературное развитие этого наречия едва ли возможно». Образование и культура, по его мнению, скорее всего, будут опираться на сербский или болгарский язык. Развитие литературы на македонском наречии Пыпин считал «напрасною тратою сил» ³⁰⁶.

Поляки Поляки занимали особое положение в славянском мире. Польша почти до конца XVIII в. сохраняла государственную самостоятельность и имела высокий уровень культуры. Она потеряла независимость, когда уже наметились признаки кризиса феодальной системы, национальное самосознание было присуще значительной части дворянства, интеллигенции и духовенства, оформился польский литературный язык, т. е. налицо был процесс зарождения нации. Насильственные разделы польских земель затруднили этот процесс. В виду сложности формирова-

ния единого внутреннего рынка в деле становления нации усиливалась роль национальной культуры. Наличие класса дворянства отличало ситуацию в польских землях от многих других славянских земель. У поляков существовала традиция национальной государственности, что усиливало чувство национальной гордости. Дворянство играло ведущую роль в национально-освободительном движении на протяжении длительного периода, что сказалось на содержании национальных программ, в основе которых лежало понимание «нации» как шляхетского сословия. Польское дворянство выступало противником коренных социальных преобразований, что сужало социальную базу освободительного движения и тормозило процесс формирования нации. Несмотря на это, национально-освободительное движение способствовало развитию чувства национальной общности³⁰⁷. В основе польского национального движения лежала идея восстановления Польского государства в территориальных границах до первого раздела (1772).

Учитывая особенности формирования польской нации, Пыпин справедливо отмечал, что поляки не участвовали в общем славянском движении возрождения. Но в дальнейшем отсутствие национальной государственности и территориально-политическая разобщенность народа стимулировали национальный подъем у поляков, который происходил «совсем иначе, своеобразно и исключительно»³⁰⁸ по сравнению с другими славянскими народами.

Пыпин уделял основное внимание национальному подъему в «русской» Польше, лишь немного касаясь других польских территорий. Национальное движение здесь было неразрывно связано с так называемым польским вопросом, весьма остро стоявшем во внутренней политике России. Ученый подчеркивал, что польский вопрос остается в России «далеко не выясненным», русско-польские отношения зачастую представляются неверно. Поколение, действующее во время «кризиса», не хочет видеть допущенных ошибок. Однако по прошествии времени, наблюдая исторический процесс, можно проанализировать события и объяснить их причины³⁰⁹. Пыпин и пытался это сделать, насколько позволяли цензурные условия.

Отношения между Россией и Польшей являются предметом большой работы Пыпина «Польский вопрос в русской литературе»³¹⁰, всколыхнувшей волну отзывов в русской печати. В ней

впервые в русской историографии автор подробно и обстоятельно рассмотрел одну «из самых трудных и неблагодарных тем». Он напомнил факты польской истории и национального движения и дал детальный критический обзор мнений представителей русской общественной мысли и науки XIX в. по польскому вопросу, суть которого ученый и попытался разъяснить, сопоставляя различные взгляды и высказывая свое мнение. Он откровенно признавался, что нет возможности для спокойного и всестороннего обсуждения польского вопроса в печати, но поскольку он продолжает привлекать к себе внимание, есть основание вновь обратиться к его изучению³¹¹. Этот вопрос продолжает волновать исследователей и в наше время, и в связи с этим точка зрения Пыпина представляет определенный интерес.

До восстания 1863 г., замечал Пыпин, «польский вопрос очень мало занимал общество», а для печати он был практически закрыт. Со времени восстания стало возможным свободно писать только с обличительной точки зрения, которая нашла отражение как в публицистике, так и в научной литературе³¹².

Антипатия между Польшей и Русью возникла, как отмечал Пыпин, еще в Средние века (из-за «Литвы» и Южной Руси). Такие исторические события, как польская интервенция начала XVII в., присоединение Малороссии к России, разделы Польши, лишь добавляли неприязни во взаимные отношения. Западные и юго-западные земли, населенные белорусами и украинцами, были присоединены к России, но еще долгое время фактически оставались под польским господством. Поляки считали эти земли своими и мечтали об их возвращении. Эти претензии на западные и юго-западные земли Российской империи были, по словам Пыпина, существенным предметом «домашнего спора» между Россией и Польшей³¹³. В то же время Пыпин считал, что российско-польские противоречия не могли оставаться только внутренним делом: поскольку Польша была разделена на три части, конфликты в «русской» Польше, оказывая влияние на другие польские земли, могли, в конечном счете, привести к иностранному вмешательству в дела Российской империи³¹⁴.

Кроме того, ситуация в «русской» Польше осложнялась тем, что две страны-участницы разделов — Австрия и Пруссия — дали своим польским подданным «конституционные учреждения». В России такая попытка была сделана при Александре I, но после восстания 1830–1831 гг. конституция Царства Польского

была уничтожена. Пыпин считал, что «представительство», пусть не в западноевропейской, а в русской форме, «могло бы стать в высокой степени полезным государственным делом»³¹⁵.

Пыпин обращал внимание на то, что исторические условия сформировали особую постановку национального вопроса в Польше. Объясняя особенности национальной ситуации в этой стране, ученый справедливо отмечал шляхетский характер национального движения. «История создала в Польше национальное чувство очень сильное, но и одностороннее и исключительное: „народом“ считалась в ней собственно многочисленная шляхта и ее вельможные предводители». В национальных воззрениях поляков неизменно присутствовало представление о «свободе», но эта свобода считалась принадлежностью только высшего класса, не распространялась на народные массы и уживалась с притеснением православного населения. Обвиняя русских в национальной непримиримости к полякам, добавлял Пыпин, сами поляки грешат тем же по отношению к украинцам и белорусам в России и русинам в Галиции³¹⁶.

В 70-х гг. XIX в. Пыпин замечал, что польская «национальная идея» за прошедшие с первого раздела сто лет оставалась «ретроспективной», основанной на стремлении к восстановлению независимости и территории в границах 1772 г.³¹⁷

В начале XIX в. поляки сделали ставку на Наполеона, напрасно ожидая от него помощи в решении своих национальных проблем. После Венского конгресса (1814–1815) значительная часть Герцогства Варшавского отошла к России и составила конституционное Царство Польское. Поляки надеялись, что Александр I признает «историческое право Польши»³¹⁸.

Как отмечал Пыпин, поляки сначала оставались чужды «новейшему славянскому движению», но в 20–30-х годах XIX в. это движение получило отголоски и в Польше. Имена польских ученых (С. Б. Линде, В. А. Мацеевский, Я. Кухарский, З. Ходаковский и др.) занимают достойное место в славянском возрождении. В то же время Пыпин отмечал, что в польской научной литературе слабее, чем у других славян, представлена этнография — «и по объему, и по научности обработки»³¹⁹.

Отмечая особое положение польской и русской литератур в ряду других славянских литератур, Пыпин подчеркивал, в частности, что полякам не нужно было создавать новую литературу в патриотических целях — у них была «давняя литература, ко-

торая составляла национальную гордость». Правда, эта литература пренебрежительно относилась к народной поэзии. Пыпин считал, что польской литературе не хватало такого элемента, как «народность», который являлся отличительной чертой других славянских литератур периода возрождения. Но представители нового литературного направления — романтизма, по словам Пыпина, уже начали поиски «внутреннего смысла» народной поэзии — «и исторического, и бытового, и понимали необходимость идеи народности для национального самосознания» (К. Бродзинский)³²⁰. В произведениях этого направления нашло отражение освободительное движение конца XVIII в. В польской литературе стали появляться мысли об освобождении крестьян и всеславянском братстве³²¹.

В то время, отмечал Пыпин, в Польше зрело недовольство революционного характера, и из-за невозможности «открытого политического протеста спор между консервативной и радикальной частью общества» выразился в литературном споре романтизма с классицизмом, «устарелой литературной школой, которая действительно совпадала с умеренно-консервативными политическими мнениями»³²².

Польская историческая наука, замечал Пыпин, должна бы более критически взглянуть на прошлое Польши, а не фантазировать и преувеличивать. «В тяжелые периоды национальных испытаний, — писал он, — историки... склонны под влиянием чувства переносить свои патриотические идеалы в прошедшее, поэтизировать и прикрашивать его». Это, по мнению ученого, не могло не дать «целому национальному сознанию ложного, и вредного для него самого, направления»³²³. Общественное мировоззрение долгое время оставалось «подавленным фиктивными историческими понятиями и католической узостью и нетерпимостью». Некритическое отношение к истории, попутно указывал Пыпин, отражалось и на современных отношениях. Правда, отмечал он в конце 1870-х гг., в последнее время мистический романтизм и революционная фантастика стали уступать место «трезвой оценке старого и недавнего прошлого» (особенно в трудах представителей краковской исторической школы). Русско-польские отношения требуют спокойного и беспристрастного изучения³²⁴.

Вооруженное восстание 1830–1831 гг. вызвало, по словам Пыпина, «вооруженное усмирение». Это восстание, по мнению

ученого, создало «пропасть» между двумя народами. После его подавления было уничтожено то устройство Польши, которое определил Венский конгресс (отменена конституция и в значительной степени ликвидирована автономия Царства Польского). Выступление поляков Пыпин называл «политической ошибкой», безнадежной борьбой, но подчеркивал, что восставших побуждала любовь к родине, защита своей национальности³²⁵. Если бы было понимание этого в русских правительственных и общественных кругах, то возникло бы и сочувствие к «действительно тяжкому историческому положению» родственного славянского народа. С тех пор, писал Пыпин, «польское дело» в России стало «выделяться и устраняться из общеславянского вопроса»³²⁶.

Многие участники восстания эмигрировали. Центром эмиграции стал Париж. Польская эмигрантская литература, как отмечал Пыпин, имела большое влияние на умы в Польше и Европе. Европейское общественное мнение приняло «польскую точку зрения», утверждая, что Россия «поглощает» поляков, хотя Пруссия «поглощала» их «несравненно действительнее» России³²⁷.

Жизнь бывших повстанцев в эмиграции была не легкой. Только иллюзия, писал Пыпин, поддерживала их патриотическое чувство. Романтические взгляды сменились мистицизмом. При отсутствии возможности вести реальную борьбу рождались «фантастические построения» (мистическое учение А. Товянского, «мессианизм» А. Мицкевича, фантазии Г. Вронского). Мистическая «польская идея» стала для них «религией и панацеей для всего человечества». Пыпин очень верно заметил, что польское общество не было проникнуто идеями демократической свободы, свободной мысли, демократического равенства; оно пропитано шляхетскими привычками и идеями ультракатолицизма³²⁸.

Настроения, породившие польский «мессианизм», и обострение политической борьбы способствовали тому, что научные разработки в области истории, филологии, этнографии сменились «теорией» Ф. Духинского о происхождении русского и польского народов, в которой, по утверждению Пыпина, «мнимая филология и этнография служили только лишним выражением политической ненависти» (истинные ученые «не считают даже нужным упоминать» эту «теорию»)³²⁹. «Теория» Духинского, по определению Пы-

пина, — «грубое извращение фактов», незнание русской истории и языка. По мнению Духинского, поляки и малорусы — племена славянские, а Великороссию же населяет туранское племя, узурпировавшее имя «россиян», принявшее испорченный русский язык и отделившееся от «настоящей» церкви. В свете этой теории борьба Польши с Россией провозглашалась борьбой «истинной цивилизации с варварством»³³⁰.

В среде польских эмигрантов Пыпин отмечал и людей, которые не увлекались фантастическими теориями, а, учитывая реальное положение вещей, понимали, что простой народ вряд ли поднимется на восстание за независимость Польши. Так, Я. Яворский считал, что восстанию нужен девиз, который отвечал бы потребностям угнетенного народа — поднять его на борьбу можно только во имя освобождения крестьян с землей³³¹. Пыпин противопоставил эти две точки зрения — фантастическую и реалистическую, чтобы лишний раз подчеркнуть, что польские революционеры, игнорируя интересы народа, обрекали дело своей борьбы на провал.

Вместе с тем Пыпин не без некоторого скепсиса замечал, что трудно сразу истребить в народе ненависть к панам, которая накапливалась веками. Подтверждение этой мысли он находил в событиях 1846 г. в Галиции, где «польских помещиков истребляли... польские же крестьяне»³³² (хотя руководители Краковского восстания и объявили о передаче земли в собственность крестьянам, об отмене барщины и других повинностей)*. Краковские волнения, напоминал Пыпин, закончились «падением последнего свободного польского уголка»³³³ **.

Пыпин обращал внимание на то, что под влиянием революционного движения 1848 г. в Европе патриотизм польской эмиграции перерождался в революционный радикализм, с которым

* О роли австрийских властей, спровоцировавших «галицийскую резню», Пыпин в данном случае не упомянул.

** По решению Венского конгресса Краков с небольшой территорией вокруг него составил особую республику под контролем держав, разделивших Польшу. Независимость этого карликового государства была эфемерной, но она все же имела значение для национального развития: официальным языком здесь был польский язык, существовал польский университет. После революционных событий 1848 г. Краков лишился своего статуса и подвергся жестокой германизации.

уживались и католический консерватизм, и нетерпимость к украинцам и белорусам³³⁴.

1848 год ознаменовался освободительным движением в Великой Польше, которое быстро было подавлено. Пыпин с беспокойством писал о «национальном упадке» «прусской» Польши и о возможной перспективе быстрого исчезновения славянских «ручьев в море германском»³³⁵ *.

Восстание 1863 г. — новый этап польского национально-освободительного движения, с которым связано обострение польского вопроса в России. Пыпин считал, что «негодование» в России против организаторов выступления не должно было перерасти «в стремление возбудить ненависть к целому племени», принявшем «грандиозные» размеры³³⁶.

Результатом восстания было освобождение польских крестьян, которое Пыпин назвал «делом высокой важности», но реформы в социально-экономической области не имели продолжения в области национальной политики. Пыпин подчеркивал, что «положение польской *народности* осталось столь же, если еще не более трудным, чем было в прошлом периоде». Среди негативных последствий он, в частности, называл утрату высшего образования на родном языке, подчинение печати строгой цензуре, что не давало ей возможности «служить к преобразованию общества»³³⁷.

После аграрной реформы в «национальную жизнь» Польши вошло новое «сословие» — крестьянство. Этот социальный «элемент», как указывал Пыпин, был свободен «от узких шляхетских преданий» (т. е. от национальной нетерпимости, мегаломании, территориальных претензий и т. д.), и потому он мог бы стать опорой и связующим звеном в деле налаживания отношений между русским и польским народами. Но ждать подобного эффекта от вхождения крестьянства в общественную жизнь польской нации, утверждал Пыпин, не приходится, так как «стеснение национальной жизни загонит и это сословие на тот же путь вражды и исключительности»³³⁸.

* В период написания Пыпиным «Польского вопроса» курс на германизацию продолжал усиливаться: польский язык искоренялся в суде, администрации, школе, поляков вытесняли из муниципальных и государственных учреждений, поощрялся бойкот польских товаров, усиливалась скупка немцами польских земель и т. д.

Достоинство победившей нации, с уверенностью заявлял Пыпин, состоит в том, чтобы после подавления восстания, руководствуясь «простым человеческим чувством», не издеваться «над побежденным и слабым противником»³³⁹. Однако после 1863 г. многие в России считали обрусение единственным способом «умиротворения Польши», и в Царстве Польском были приняты соответствующие административные меры. Отвечая защитникам перевода на русский язык органов управления и школы польских земель, Пыпин писал, что, будучи убежден в важности знания поляками русского языка и русской литературы, он все же считает, что «для самого достоинства русского языка и для достоинства междуславянских отношений было бы приличнее, если бы русский язык и его орган, русская литература, могли оказывать влияние у поляков своей собственной силой, а не при помощи принудительных мер»³⁴⁰. «Размеры и формы» обрусения, применяемые в Польше, «несомненно будут стеснять свободное развитие»; к тому же, напоминал Пыпин, и сама «русская образованность» не имеет необходимой свободы и «с великими усилиями добывается простора для своего развития». Кроме того, следует иметь в виду, что поляки живут не только в Российской империи, и у них есть возможности для сравнения европейской свободы * и российской несвободы³⁴¹.

Еще долго после восстания 1863 г. в русском обществе не допускались даже малейшие признаки не только сочувствия к полякам, но просто «справедливости и беспристрастия в объяснении польского вопроса». Такие попытки непременно объявлялись «польской интригой», представление о которой было, по определению Пыпина, не только «фантастическое, но унижительное для национального достоинства великого народа». Получалось, что «польская интрига» управляла «малоумными» и «податливыми на измену» русским обществом и администрацией, при том, что «сама Польша лишена была малейшего политического значения»³⁴². Примерно ту же мысль Пыпин высказал в рецензии на книгу профессора Краковского университета М. Бобжиньского «Очерк истории Польши»³⁴³, которую «критики» в России представили как вредную «русскому делу» в

* Автономия Галиции в Австрийской империи не была закреплена конституционным путем, но в ней существовали основные звенья системы самоуправления, должности в местных учреждениях занимали поляки.

Привислянском крае. По этому поводу Пыпин полемически замечал, что, значит, ничтожно это «русское дело», если ему может повредить одна книга в крае, где «господствует русский закон, русский государственный язык», где внедрена «русская система просвещения»³⁴⁴.

Стараясь в меру возможности показать свое критическое отношение к действиям «русских государственных людей» в Польше, Пыпин отмечал, что в русском обществе существовали диаметрально противоположные взгляды на польский вопрос. Он уделял большое внимание позициям представителей различных направлений общественной мысли России, отмечая общее и особенное в отношении к польскому вопросу ранних славянофилов, М. П. Погодина, А. Ф. Гильфердинга, Н. Я. Данилевского, В. И. Ламанского, украинофилов и др.

В основе взглядов славянофилов на польский вопрос Пыпин усматривал представление о несовместимости и непримиримости латинства со славянством, исконной противоположности греко-славянского и романо-германского миров, католицизма и православия³⁴⁵. Полное решение польского вопроса, с их точки зрения, зависит от принятия поляками православия, с которым только и «соединена возможность истинно славянского просвещения, государственного и народного устройства»³⁴⁶. В связи с этим Пыпин замечал, что религия — «слишком крепкое предание и слишком чувствительный нерв народной жизни»³⁴⁷. Славянофилы высказывали предложения о полном слиянии России и Польши «в форме *общего* государственного *представительства*, основанного на коренных началах *русского* политического быта». Однако и среди них были люди (Ю. Ф. Самарин), отвергавшие такое решение вопроса, которое вело к поглощению Польши и усилению национальной борьбы поляков³⁴⁸.

Проследив изменение взглядов М. П. Погодина на польский вопрос на протяжении нескольких десятилетий, Пыпин подчеркивал, что в 1830-х гг. он «высказывал расположение к полякам», в 1856 — «желал ей (Польше. — Е. А.) полной автономии», а после восстания 1863 г. «оставил всякие либеральные затеи» и перешел на обличительный тон и «грубоватые угрозы». Будучи историком, Погодин, как замечал Пыпин, все же не исследовал беспристрастно вопрос о корнях русско-польских проблем³⁴⁹.

А. Ф. Гильфердинг, в отличие от Погодина, высказывался против изгнания поляков из Западного края. Для разрешения

польского вопроса он предлагал лишить поляков господства над населением края, для чего требовалось прежде всего уничтожить там польское влияние в сфере образования³⁵⁰.

Примерно в том же духе выступил в журнале «Время» Н. Н. Страхов³⁵¹. Излагая его позицию, Пыпин подчеркивал правильность мысли автора о том, что польское восстание — не случайный бунт, а проявление векового исторического противоречия, которое нельзя уничтожить «военным усмирением», причины которого нужно понять. Выход из создавшегося положения Страхов видел в подъеме «русских начал» и русского просвещения, которые дадут России победу и превосходство над Польшей (тем не менее, как отмечал Пыпин, автор не встретил понимания со стороны властей, был обвинен «в недостатке патриотизма», а журнал был закрыт)³⁵².

Н. Я. Данилевский, как писал Пыпин, разрабатывая свою теорию «культурно-исторических типов»³⁵³ (близкую к славянофильской, но все же отличавшуюся от нее), в общих рассуждениях не мог «миновать» польский вопрос. Данилевский включал Польшу в будущий «великий славянский союз», где ей предстояло или полностью слиться с Россией, или стать самостоятельным членом союза, что было бы, по его мнению, только на благо общеславянскому делу³⁵⁴.

Подобно Данилевскому, ученый-славист А. С. Будилович трактовал польский вопрос, как указывал Пыпин, в связи со славянским вопросом. Затронув социальную, религиозную и политическую стороны исторической жизни Польши, Будилович приходил к заключению, что старая Польша не возродится, и в будущем польский народ ждет или обрусение, или онемечивание, или сохранение своей национальности (Будилович, по словам Пыпина, отвергал обрусение, но говорил о праве России, как самого сильного представителя славянского мира, на гегемонию в «славянском племени», основанную на преимуществах русского образования, науки, литературы, общественного и государственного строя и т. д.). Все же Будилович склонялся к тому, что лучше «потерять Польшу», чем обрусительской политикой оттолкнуть от России других славян³⁵⁵.

Еще один славист славянофильской школы, В. И. Ламанский, подошел к польскому вопросу, по определению Пыпина, с позиций «панславянского патриотизма», одобряя тот «порядок вещей», который был создан в Польше после восстания, распро-

странение там русского языка и, наконец, ее «полное политическое слияние с Россией». Другие способы примирения казались ему «заблуждением и самообманом». Его взгляды Пыпин не приравнивал к точке зрения «полонофагов» (или полонофобов), но в конечном счете видел в позиции Ламанского то же «обрушение»³⁵⁶.

Пыпин рассмотрел построения ученых-консерваторов, получившие значительное хождение в общественном мнении. Он постоянно подчеркивал свое несогласие с подобными воззрениями. Но обращает на себя внимание то, что даже в приведенных им высказываниях «противников польских начал»³⁵⁷ он старался выделить «исторически справедливые» замечания, верные подходы и послышки — все, что так или иначе в условиях жесткой цензуры помогло бы показать истинное содержание польского вопроса.

Позиции тех, о ком речь шла выше, Пыпин противопоставлял взгляды «либералов» (в это понятие он включал и представителей демократического, в том числе радикального направления), которые разъясняли русскому обществу, что «поляк» — не обязательно «враг» и «бунтовщик», что отношение русских к полякам ненормально, что система обрусения «неудовлетворительна» (т. е. недопустима), что нужно найти средство для мирного урегулирования конфликта и помнить о том, что речь идет о «славянских братьях». Однако эти мысли труднее всего было высказать в русской печати³⁵⁸.

Пыпин обращал внимание на то, что особое отношение к польскому вопросу сложилось у «украинофилов». Украинцы продолжали жить бок о бок с поляками, отношения между ними оставались сложными. Борьба Малороссии с Польшей имела вековые традиции и оставила след в украинской литературе. В начале 1860-х гг. польско-украинское взаимодействие, по определению Пыпина, было «полемическим», что вполне понятно, так как украинцы пытались «защитить свое право на существование», а поляки считали Южную Русь неотъемлемой частью Польши (см. главу 5). Спор двух сторон, ведшийся на страницах печати, был прерван (закрытие журнала «Основа», последствия подавления польского восстания и т. п.) и больше не возобновлялся (хотя Пыпин очень надеялся на разработки польских и украинских ученых, которые могли бы дать основу для понимания исторических отношений и «взаимных современных притязаний»)³⁵⁹.

Пыпин подчеркивал, что приведенные им точки зрения не влияли на практическую политику³⁶⁰. Это не вполне верно, так как общественное мнение, если не прямо, то косвенно оказывало определенное воздействие на принятие политических решений. В целом же политика государства в польском вопросе и отношение к нему общества были отмечены, по словам Пыпина, «тяжелым и досадным противоречием», выявляя полное несоответствие «между заявлениями нашего национального превосходства и силы, с которою Польша не может и помышлять бороться, заявлениями нашего славянского представительства и тем преследованием полонизма, которое мы видим и в виде крупных стеснений и мелкой травли». Ученый был убежден в том, что «сильный народ» мог бы не прибегать к насилию над побежденной национальностью и дать полякам определенную свободу в области образования и литературы. Пыпин также неоднократно отмечал, что польская печать находится в «крайне стесненном положении», еще более несвободном, чем российская печать, а Варшавский университет^{*} представляет из себя учебное заведение, «очень мало составляющее принадлежность польского племени», и не является «орудием истинной и широкой науки и просвещения»³⁶¹. По мнению Пыпина, это приводило к тому, что Варшава, долгое время игравшая роль исторически сложившегося национального ядра, влияние которого распространялось на все польские земли, начала утрачивать свои функции. Ученый с сожалением писал о том, что польская столица стала уступать позиции лидера национального движения Кракову, Львову, Познани^{**}, хотя с Варшавой связано «наиболее значительное дело польского племени» и именно в ней должен

^{*} После подавления восстания 1830–1831 гг. Варшавский университет был закрыт. Преподавание в нем возобновилось в конце 1860-х гг., но это учебное заведение подчинялось уже российской образовательной системе.

^{**} С конца 1860-х гг. Краков действительно вновь приобрел значение крупного центра национальной жизни с польским университетом, Академией наук (1873); во Львове также был университет, библиотечно-книгоиздательское и научное учреждение Оссолинеум, но на польских землях, отошедших к Пруссии, не существовало польскоязычных высших и средних специальных учебных заведений. Несмотря на русификаторскую политику, проводимую царским правительством, Варшава оказывала значительное влияние на развитие польской нации.

находиться «умственный и культурный центр» поляков. Пыпин полагал, что если бы российское единоплеменное государство было более «дружелюбно» к Варшаве, то она могла бы «сосредоточить польские силы хотя бы в нравственно-национальном смысле» и в общеславянском направлении, «зародыши» которого дают о себе знать и в польском обществе³⁶².

Всем славянским народам, замечал Пыпин, Россия желает независимости и развития самобытной культуры, и в то же самое время она лишает поляков «существенных условий национального успеха». Это «вопиющее противоречие», полагал ученый, нельзя отнести только к внутренней политике, считать «внутренним делом» — оно имеет общеславянский отзвук. Славяне стремились не к «стеснению и подавлению народности», которые они на протяжении веков испытывали от иноплеменных угнетателей, а к «братскому признанию, помощи и союзу» в единоплеменной среде, и потому отношение России к Польше их настораживало. Методы «обрусения», с помощью которых добивались «исцеления» Польши для ее вхождения в «славянское единство», Пыпин откровенно и бесстрашно характеризовал как «политические репрессалии». Подобные меры, отмечал он, пресекали «внешние волнения», но внутреннего недовольства они не могли уничтожить. Отвергая методы насильственного «исцеления», Пыпин в то же время напоминал, что эта политика распространяется только на часть «польского племени»³⁶³.

Обладая реалистичным взглядом на политическую ситуацию, Пыпин очевидно, понимал, что в создавшихся условиях у Польши было мало шансов добиться национальной целостности и независимости. Поэтому он считал достойным для России и русского народа не «русифицировать», а постараться *«сохранить польскую национальность»*. По глубокому убеждению ученого, поляки, опираясь на свой исторический опыт, смогут обрести новые «национально-политические взгляды», если русская жизнь и русская литература при *«действительно, а не фиктивно славяно-братском отношении к родственному племени»* помогут «трудному делу их (поляков. — Е. А.) национального самосознания». В этом случае, полагал Пыпин, возникло бы «утвержденное взаимным доверием сожителство, которое могло бы стать великим фактом в истории славянства». Показав другим славянам пример справедливого, органического единства, «русская» Польша стала бы авторитетным центром польско-

го племени и могла бы оказать поддержку своим братьям из Познани и Галиции. Это, как считал Пыпин, пробудило бы у славян «самобытную энергию в культурной и всякой другой борьбе с германством, в которой до сих пор славянство только уступало»^{*}. Решение поставленной таким образом задачи, подчеркивал ученый, отвечало бы интересам всех славянских народов и «собственным интересам» России³⁶⁴.

Однако нарисованная не склонным к фантазиям Пыпиным перспектива русско-польского единения представлялась все же недостаточно конкретной и реально выполнимой. Ученый отдавал себе отчет в том, что есть «исторические основания» для «сдержанности» во взаимных отношениях. Он сожалел о подобном положении вещей и желал его изменения. В современных условиях жизни он не видел возможности для этого. Но чувство исторического оптимизма придавало ему уверенности, что в будущем межнациональные противоречия будут сняты: «Мы не сомневаемся, что придет время, когда ход истории объяснит взаимные отношения, примирит вражду и положит основание иному порядку вещей»³⁶⁵.

Путь к решению польского вопроса и изменения положения польской народности в России Пыпин видел в устранении системы «обрусения», усилении польского «представительства» в государственных делах, создании в Польше условий для общественного и национального развития, расширении в России либеральных свобод и общественной самостоятельности, в свободном обсуждении польского вопроса в обществе и т. д. Он считал, что эти меры помогли бы найти выход, удовлетворяющий потребности поляков «без ущерба русскому интересу», и создали бы почву для «действительной солидарности» двух народов³⁶⁶. Пыпин напоминал, что польский вопрос выходит за рамки сугубо политической проблемы. Для его решения и возрождения Польши необходимо сначала возрождение России³⁶⁷.

Вместе с тем Пыпин осознавал, что решение польского вопроса не может быть односторонним. Он призывал поляков к беспристрастной оценке фактов и пониманию того, что, «защищая свое национальное право, они должны уважать и чужое.

^{*} Пыпин отмечал, что процесс «онемечивания» на польских землях идет быстрыми темпами и соперничает с «обрусением» (*Пыпин А. Н. Литературный панславизм // Вестник Европы. 1879. № 8. С. 731*).

Отношение польского элемента к западнорусскому и южнорусскому в России, к русинскому в Галиции есть именно пункт, где поляки грешат тем самым, в чем винят русских»³⁶⁸. Поляки должны критически отнестись к своей истории; только на пути «исторической правды», по мнению Пыпина, достижимо «то возрождение, к которому может стремиться польский патриотизм», если оставит в стороне «привычные черты национальной односторонности»³⁶⁹.

Пыпин придавал очень важное значение развитию исторического знания, которое могло бы оказать положительное влияние на межплеменные отношения, на смягчение «враждебной нетерпимости»³⁷⁰. Чем больше внимания к истории, считал он, тем больше проявляется беспристрастия к другому народу, тем отчетливее проступают в массе отличий черты, сближающие разные народы, способные стать основанием для сознательного примирения. Пыпин считал, что русским и польским историкам необходимо «с критическим спокойствием и беспристрастием обратиться к изучению» прошлого русско-польских отношений³⁷¹.

Пыпин полагал, что русско-польскому сближению будет способствовать взаимное изучение литератур обоих народов. Такое литературное знакомство, по мнению ученого, могло бы «происходить даже тогда, когда политический раздор нарушал общественные связи, обливал желчью не только племенные, но личные отношения»³⁷².

Лужицкие сербы. Возрождение небольшого народа саксонской и прусской Лужицы (нижних и верхних лужицких сербов) Пыпин считал одним из «любопытных эпизодов современного славянского движения»: покоренный и окруженный немцами, этот народ сумел сохранить свою национальность. «Патриотические заботы» о ее целостности и сохранности стали проявляться в основном с 1830-х гг. Выявляя в каждом национальном движении черты, присущие всем славянским движениям, Пыпин и в лужицком возрождении выделил типологически значимые моменты. Он подчеркивал, что, как и у других народов, возрождение лужицких сербов началось «из собственных местных потребностей маленького племени», а затем «оно примкнуло к целому славянскому движению и вступило на путь славянской „взаимности“». Центр лужицкого движения находился в Будишине (Бауцене)³⁷³.

Путь национального развития серболужицкого народа был типичен для славянского возрождения. Пыпин отмечал, что во второй половине XVIII в. интерес к народности выразился в «серьезных ученых трудах» на латинском и немецком языках К. Г. Антона, собиравшего этнографические сведения и обратившего внимание на изучение серболужицких песен. Пыпин называл труды Антона и других исследователей «теоретическим орудием» национального подъема серболужицкого народа, который наблюдается с начала XIX в. О возрождении родного языка заботился Ю. Мён (Mjen, Möhn). Я. Б. Дейк в 1809–1812 гг. издавал первый лужицкий ежемесячный журнал «Serbski powjedar' a kurier»³⁷⁴.

Основное внимание Пыпин уделял *верхнелужицкому* движению — как более развитому. Главным представителем серболужицкого возрождения он считал будишинского пастора А. Любенского, который доказывал, что «вендский» язык принадлежит «к великому славянскому целому», и знакомил соплеменников с теориями славянского объединения. Он занимался изучением лужицкой истории, этнографией, собрал материал для верхнелужицкого словаря и грамматики. Пыпин отмечал также деятельность Б. А. Клины на поприще защиты народности — в 1830-х гг. ему удалось законодательным путем отстоять сохранение народного языка в школе. Клин способствовал основанию серболужицкой Матицы и был ее председателем. В 1848–1849 гг. он стал политическим руководителем лужичан, заняв консервативную позицию и отмежевываясь от национальных требований серболужицкого народа (благодаря этой тактике лужичане получили от властей некоторое расширение своих прав). В числе «ревностных деятелей» серболужицкого возрождения Пыпин называл также поэта А. Зейлера, многие песни которого стали народными³⁷⁵.

Поскольку у лужичан не было реальной возможности добиться национальной независимости*, то свое национальное развитие, как указывал Пыпин, они тесно связывали с общеславянским подъемом, с идеей славянской взаимности в культуре и литературе³⁷⁶.

* Серболужицкое национальное движение отличалось умеренным характером. Лужичане ожидали, что развитие буржуазного оппозиционного движения в Германии приведет к признанию их равноправной славянской народностью, оставаясь в экономическом, социальном и политическом отношении тесно связанными с развитием немецкого народа.

Начало следующего периода национального развития серболужицкого народа Пыпин относил к концу 1830-х годов. В это время деятели национального движения стали проявлять заботу о народном образовании, улучшении политического и социального положения своего народа. Пыпин указывал, что от национальных интересов и задач, породивших движение возрождения, они перешли к общим основам национального развития, в которые «впервые прочно положили связи и сочувствия всеславянские»³⁷⁷.

Наиболее ярким представителем серболужицких национальных стремлений этого периода Пыпин называл Я. А. Смолера, происходившего из семьи сельского учителя. Благодаря Смолеру, утверждал Пыпин, получило признание участие серболужичан в славянском возрождении. Смолер пропагандировал лужицкий язык, изучал народный быт, обычаи; он обозначил на карте границы серболужицких поселений, подготовил издание верхне- и нижнелужицких народных песен (совместно с Л. Гауптом)³⁷⁸. Смолер принимал участие в Славянском съезде в Москве (1867)³⁷⁹.

Пыпин обращал внимание на то, что Смолер ставил задачу «распространить национальное сознание в самой народной массе». Чтобы решить ее, необходимо дать народу средства для образования. За это взялся другой лужицкий патриот — писатель и журналист Я. П. Иордан. Он собирал народные песни, указывал на их ценность. В 1840-е гг. он начал издавать небольшую лужицкую газету «Jutrníčka» («Заря»), но читателей отталкивало новое, непривычное правописание по чешскому образцу, предложенное Иорданом. Зато другое издание — еженедельная газета «Tydženska Novina» (редактор — А. Зейлер), рассчитанное на сельское население, как отмечал Пыпин, имело больше успеха. Кроме того, в 1840-е гг. Иордан активно выступал в немецкой печати по славянскому вопросу, защищая славянство от нападок и обвинений в панславизме³⁸⁰.

Основанная в 1847 г. Матица, напоминал Пыпин, выпускала «Часопис», публиковавший материалы по серболужицкой истории и этнографии, а также издавала книги «для народного чтения»³⁸¹.

1848 год, как утверждал Пыпин, сыграл в судьбе серболужичан несколько необычную роль. С одной стороны, отмечал ученый, их побуждало к политической активности националь-

ное движение австрийского славянства. С другой — определенное влияние оказывали призывы немецких демократов к социальным и политическим преобразованиям (в то же время они не признавали лужицкую народность). Лужичане поняли, что ни в том, ни в другом движении им не отведена какая-либо роль. По словам Пыпина, лужицкая «народность осталась вне политических смут и выиграла». За сохранение верности королю сербы-лужичане получили право употребления родного языка в народной школе, суде и церкви. Кроме того, добавлял он, приняв сторону господствующих классов в борьбе с демократией, лужицкие патриоты несколько «поправили материальное положение сельского населения лужичан»³⁸². То, что Пыпин не давал оценку подобной позиции руководителей лужицкого национального движения с идейно-политической точки зрения, можно понять. Лужицкая народность была слишком мала и слаба, чтобы вести самостоятельную борьбу, а славянское движение, как не раз подчеркивал ученый, не было единым и сплоченным. В таких условиях малочисленный народ выживал, как умел.

В 1860-е гг., отмечал Пыпин, у лужичан появились новые журналы и газеты. Так, М. Горник — «один из лучших знатоков своей народности» — издавал литературный журнал «*Lužican*» (с 1860 г.). Он же основал «Общество свв. Кирилла и Мефодия», издававшее дешевые книги для лужичан-католиков. Подобное общество было и у лужичан-протестантов («*Evangelische knihowne towar'stwo*»), поскольку Матица по уставу не могла издавать книги религиозного содержания³⁸³.

Что касается национального возрождения *нижних лужичан*, то, в сравнении с верхнелужицким, оно шло, по мнению Пыпина, хуже (основные составляющие движения были те же, но проявлялись значительно слабее). В XIX в. у них тоже «явилось несколько деятельных патриотов» (Конф, Й. З. Ф. Шиндлер, И. Г. Цвар и др.), но, как утверждал Пыпин в начале 1880-х гг., «книжные их успехи доньше очень слабы». Правда, он отмечал, что 1848 год внес некоторое оживление в движение нижнелужицких сербов. Национальный подъем был ознаменован введением в гимназии г. Коттбуса преподавания лужицкого языка (1857 г.), изданием духовных сочинений и учебных книг (при этом, указывал ученый, пасторы и сельские учителя выступали «единственными представителями литературы»), выходом одной газеты — «*Bramborski Serski Časnik*»³⁸⁴.

Как и другие славянские народы, лужичане, по словам Пыпина, создавали свою особую литературу, даже две литературы³⁸⁵ (о его отношении к «маленьким литературам» говорилось выше). Ученый считал, что необходимость народного образования на родном языке вызвала к жизни эту литературу, но со временем более широкие культурные и научные потребности обусловят ее «выход в немецкую жизнь» или, частично, включение в общеславянское культурное движение³⁸⁶.

Прослеживая историческую судьбу сербов-лужичан, Пыпин приходил к заключению, что народу грозило полное уничтожение, но «общий поток национального движения» (т. е. развитие национализма и процесс формирования наций в Европе) «вынес и эту маленькую народность». Несмотря на то что, по мнению Пыпина, немецкое культурное и политическое влияние на жизнь лужицких сербов весьма существенно, он полагал, что только в случае нравственной и практической поддержки их национальных устремлений другими славянскими народами «они найдут вполне сочувственный отзыв для своего народного дела»³⁸⁷.

Русины. В результате разделов Речи Посполитой Восточная Галиция, Закарпатье и Северная Буковина оказались в составе Австрийской империи. После временной потери Австрией (с 1809 до 1814 г.) значительной части Галиции, вошедшей тогда в состав Герцогства Варшавского, она вновь обрела эти земли по решению Венского конгресса. Пыпин отмечал, что австрийское правление не прекратило русинско-польскую борьбу, но лишь иногда нейтрализовывало ее, в Галиции «польский элемент снова господствовал над русинским». Преподавание в школах и церковные проповеди велись на польском языке, осуществлялся перевод униатов в католичество. Господствующий класс был польским или полонизированным, а угнетенную массу представляло в основном крестьянство. Поляки, по словам Пыпина, не хотели признавать в Галиции иной национальности, кроме польской. В кровавых событиях 1846 г. Пыпин видел не только национальный, но и социальный протест галицийских крестьян против польских помещиков, не делая различий между польскими и русинскими крестьянами. Методы борьбы он не оправдывал, называя их «страшной резней», но вместе с тем объяснял причины народного гнева: «поляки задумали восстание в польском и панском смысле», т. е. без

учета интересов крестьян вообще, а русинских — тем более. Австрийское правительство, как отмечал Пыпин, воспользовалось борьбой русинов против поляков в своих целях, но в то же время дало русинам «перспективу политических прав»; и с тех пор борьба велась в открытую, принося то «известную свободу», то «прежние притеснения». Австрийское правительство, следуя политике «разделяй и властвуй», то поддерживало русинов, то приносило их в жертву полякам³⁸⁸.

А. Н. Пыпин рассматривал отдельно возрождение *галицких* и *угорских* русинов. Больше внимание он уделил Восточной Галиции, отмечая, что среди образованных галичан было немало патриотов, «желавших развития своей народности». С возникновением национального движения перед ними встали вопросы: «что такое их народность, какие ее настоящие исторические воспоминания и источники, куда примкнуть ближайшим народническим симпатиям галичан в современном составе русского племени?» Великорусы отличаются от русинов «по языку и народному характеру», их сближает только «книжное движение XVII века». Восточнославянское население Галиции Пыпин считал особым народом, отличным от русского, но тесно связанным (преданиями, обычаями, языком) с украинским народом³⁸⁹. Однако «новое малорусское возрождение совершалось в условиях чуждых галицкой Руси»³⁹⁰. В середине 1860-х гг. ученый писал, что живущие по разные стороны границы малорусы и русины не могут даже «соединить своих литературных сил и привести свой литературный язык к одному знаменателю»³⁹¹.

Пыпин подчеркивал, что в начале XIX в. проявления национального самосознания русинов были еще весьма слабыми³⁹². Среди факторов, способствовавших пробуждению русинов, ученый отмечал и дошедшие до них «отголоски славянского возрождения», и знакомство с произведениями украинской литературы, подавшими пример того, как можно народный язык «поднять до литературного выражения», и народная украинская поэзия, которая, по словам Пыпина, оказала на русинское движение «нравственно-национальное» воздействие³⁹³.

Сами русины, как считал Пыпин, «были не в силах поднять знамя своей народности». Ученый полагал, что в этом деле большую пользу им могла бы принести украинская литература, потому что, по его мнению, «вся история не помешала племенному тождеству русинов с малорусами в народной области языка,

быта и поэзии», особенно «в своих старых элементах». Впоследствии историческая жизнь украинцев и русинов шла разными путями, что отразилось на народном творчестве³⁹⁴.

Влияние украинских фольклорно-этнографических изданий было совершенно очевидно: как отмечал Пыпин, вслед за выходом в свет первых сборников украинских народных песен началось изучение и русинских песен в Галиции (З. Доленга-Ходаковский*, Вацлав из Олеска). Пыпин обращал внимание на то, что начало этому изучению было положено польскими учеными, которые тем не менее оценивали эти песни «выше польских»³⁹⁵.

Национально-культурные устремления русинов, как отмечал Пыпин, начали проявляться в 30-х гг. XIX в., когда в общественной и литературной жизни Галиции нашли отклик идеи славянского единения и украинского национального движения³⁹⁶. В начале 1830-х гг. возник кружок галичан — студентов Львовского университета, которые, как писал Пыпин, «поставили себе целью изучение своей народности и основание галицкой литературы». Что касается последней задачи, то, по замечанию ученого, примеры возрождения других славянских народов укрепили «галицко-русских патриотов» в уверенности, что и они «имеют такое же право на особое литературное развитие». В кружок вошли И. Шашкевич, И. Вагилевич, Я. Головацкий, Г. Илькевич и др. В 1837 г. они издали в Пеште сборник народных песен и собственных статей и стихов «Русалка Днестровая» (книга была запрещена в Галиции, но именно с нее, как указывал Пыпин, начинается новейшая галицкая литература)³⁹⁷.

Национальное движение русинов выразилось, как отмечал Пыпин, в стремлении «к изучению народной поэзии, старины и преданий»³⁹⁸. В 1830–1840-е гг. появлялись сборники народных песен и отдельные труды, посвященные народному творчеству³⁹⁹, а также грамматики (И. Левицкого, И. Вагилевича и др.).

* В биографическом очерке Ходаковского (Адама Чарноцкого) Пыпин писал о ценности археологических, географических и этнографических исследований этой «оригинальной и даровитой личности», хотя считал, что «его значение было преувеличено его современниками, русскими и польскими», и что выводы Ходаковского строились весьма произвольно и не выдерживали научной критики. Недостаточность доказательств заменялась у него большим энтузиазмом.

Ключевым моментом национального движения в Галиции в первой половине XIX в. стал вопрос о языке: положить в основу языка народные говоры или искусственную «ломаную церковно-русскую» речь, выбрать непривычный гражданский шрифт или знакомый церковный, принять польскую или русскую азбуку и т. д. В Галиции были сторонники всех этих направлений⁴⁰⁰. В качестве литературного языка в основном использовалась смесь русского, украинского и церковнославянского языков. Пыпин замечал, что «литература не может существовать с языком искусственным», в ее основу должен быть положен «живой народный язык», который сохранился в песнях, пословицах, поговорках, сказках и т. п. (хотя, напоминал Пыпин, даже во второй половине столетия искусственный язык все еще находил приверженцев среди определенной части галицких русинов)⁴⁰¹.

1848 год, как отмечал Пыпин, принес галицким русинам надежды на лучшее будущее (принятие конституции, освобождение крестьян, провозглашение равных прав народностей). Защита прав народа объявлена целью собравшейся во Львове Головной рады (род политического клуба). В это же время была основана Галицко-русская матица для издания дешевых книг. Во Львовском университете открыта кафедра русского языка и словесности, преподавание русского языка введено в гимназиях Восточной Галиции. Головная рада требовала введения русского языка также в управлении и суде, рассчитывая на то, что австрийское правительство пойдет навстречу русинам, в которых, как указывал Пыпин, оно искало «средств противодействовать полякам». Но как только угроза миновала, правительство перестало «поощрять» русинов, сделав вывод, что «русский язык еще не вполне развит, и потому пусть останется официальным языком немецкий» (под «русским» языком везде имеется в виду искусственный язык русинской литературы того времени)⁴⁰².

Вопрос о языке занимал в русинском национальном движении очень важное место. В конце 1840-х гг., как отмечал Пыпин, этот вопрос вышел за пределы «филологических разногласий» и приобрел политический характер. «Русская азбука» стала для галицких патриотов символом народности, и «борьба за нее была первой защитой национального дела: она олицетворяла собой все племенное различие, всю историческую разницу, всю настоящую противоположность интересов польских и русских»⁴⁰³.

С 1848 г., как отмечал Пыпин, в Восточной Галиции оживилась литературная деятельность. Если до этого года были «застой» и практически «полное отсутствие литературы», то в 1848 г. вышло сразу 167 книг (согласно статистике, до 1886 г. вышло в общей сложности немногим более 1200)⁴⁰⁴. Появилось немало периодических общественно-политических, научных, литературных изданий, важнейшим из которых Пыпин считал «Зорю Галицку», посвященную «защите прав русинского народа» и дававшую немало сведений «о галицком национальном движении», старине и литературе (первым редактором был Д. Зубрицкий). В 1849 г. стала издаваться официальная газета «Галичо-русский вестник» (редактор Н. Устианович).

В русинском национальном движении образовались две группировки. Партия «святоюрцев» («москвофилов», «старорусская») состояла в основном из галицкого духовенства и объединявшихся вокруг церковной иерархии светских «русофилов». Она, по определению ученого, «отличалась клерикальным консерватизмом» и «пренебрежением к черни», заискивала у власти и лавировала в политике⁴⁰⁵, ориентируясь и на царизм, и на габсбургскую монархию. Представители «москвофильского» течения издавали газету «Слово» (1861–1887) и отстаивали «язычие» (при полном неприятии украинского языка).

Политические взгляды партии «народовцев» («украинофилов») Пыпин характеризовал как «более свободолюбивые и демократические» (точнее — либерально-буржуазные). Представители этого течения (О. (Е. О.) Партицкий, О. (Е. М.) Огоновский и др.), имевшего австрославистскую ориентацию, думали о возрождении народа; они считали, что единственным средством национального подъема в Галиции может быть «забота о народных массах, их образовании и самосознании»⁴⁰⁶. Они выступали за национальную общность с малороссами и отстаивали украинский язык в качестве литературного.

Образование обеих партий, имевших «законные логические основания» для своих устремлений, Пыпин объяснял «историческим сюрпризом», заключавшимся в том, что Древняя Русь, к которой примыкал Галич, оказалась малорусской провинцией Российского государства. Такое разделение сил Пыпин считал неблагоприятным для национального развития⁴⁰⁷.

Отношение «святоюрцев» к национально-культурным проблемам, в частности к проблеме языка, основывалось, как указы-

вал Пыпин, на «теории общерусского единства», в соответствии с которой русины с великорусами — одна национальность, у них общая история и литература. Пыпин ничего не имел против признания этнического родства, но считал, что исторические судьбы этих народов и их литературные традиции разошлись достаточно давно — еще в XIII в. Он утверждал, что гораздо более тесные связи у русинов исторически сложились с малорусами, но с конца XVIII в. и они ослабли. «Святоюрцы» отстаивали литературный язык, в основу которого был бы положен язык времен Ломоносова и Сумарокова. Пыпин напоминал, что в языке галичан «был не только элемент славяно-русский и народный, но также польский и канцелярско-латинский», в него включались и новоизобретенные слова, к тому же он был «пересыпан местными особенностями». Этот язык был «старомоден, искусствен, тяжеловесен» и непонятен простому народу⁴⁰⁸. «Старорусская» партия и не заботилась о нем; народ, по выражению Пыпина, «оставался совершенно чужд „общерусской“ стихии в национальном, религиозном, образовательном и всего меньше государственном отношении». А партия, забывающая о народе, напоминал ученый, «работает сама против своей народности»⁴⁰⁹.

«Народовцы», как отмечал Пыпин, стремились к развитию литературы на народном языке, к «сближению и соединению с малорусским возрождением в России». Они поняли значение книг для народа, которые подняли бы его самосознание⁴¹⁰. Вместе с тем ученый подчеркивал, что полного тождества галичан с украинцами, как предполагали представители народной партии, не было⁴¹¹.

Пыпин весьма сочувственно относился к «литературному» этапу национального возрождения, связывая его с дальнейшим общественно-политическим подъемом. «Нравственное и материальное положение галицкого народа, — писал Пыпин, — было таково, что эта образовательная помощь была для него неотложна. Чем дольше он оставался бы в своем нынешнем заброшенном состоянии, тем дольше продолжалось бы общественное и политическое порабощение»⁴¹².

Языковая ситуация в Галиции напомнила Пыпину языковую ситуацию у сербов. Сравнив их, ученый выявил одноплановые явления: «Мнимая общерусская школа у галичан была похожа на ту „славено-сербскую“ школу, которая, не умея еще открыть настоящей литературной формы, стала писать смесью церков-

ного, известного из книг, и народного языка и впоследствии с ожесточением напала на Вука (Караджича. — *Е. А.*), который хотел писать для народа и взял для того его собственный язык»⁴¹³.

В 1860-х гг., отмечал Пыпин, разногласия между представителями двух направлений национального движения усилились. В центре споров оставалась проблема литературного языка, азбуки, правописания, имевшая большое значение в определении идентичности. В отличие от других славянских народов русины никак не могли прийти к единому мнению относительно литературного языка. Причину этого Пыпин усматривал не только в объективных факторах национального развития, но и в «политической интриге» — в столкновении интересов различных общественно-политических сил в Галиции⁴¹⁴. Старшее поколение галицких патриотов (кружок Шашкевича) стало во враждебные отношения к молодому поколению («народовцам»), присоединившись позднее ко всем обвинениям в адрес украинофильства⁴¹⁵. Все, что писалось «на мнимом русском языке», считал Пыпин, «было безжизненно и бедно содержанием», «сколько-нибудь сильный талант обращался обыкновенно к народному языку»⁴¹⁶. Молодые деятели русинского национального движения, по примеру соседей из Малороссии, хотели заботиться о народном образовании, печатать популярные книги на народном языке. Но язык, отстаиваемый этой партией, тоже не был «чистым южнорусским» языком, а заимствовал формы, слова и обороты «из книжного русского языка». По мнению Пыпина, такие заимствования вполне естественны, так как чистый народный язык недостаточен для научной и политической литературы (а в политической жизни Галиции использовались в основном немецкий и польский языки, из которых тоже заимствовалась масса терминов)⁴¹⁷. Из-за разногласий между партиями литература русинов «не установилась вполне ни относительно литературных форм и языка, ни азбуки», а размеры и уровень ее — «невелики»⁴¹⁸.

Расстановка национальных сил в Восточной Галиции была весьма запутанной (например, те, чьим рупором являлась газета «Слово», с одной стороны, тяготели к России и русской культуре, с другой — демонстрировали приверженность к австрийскому «отечеству»). В связи с этим Пыпин замечал, что проникшимся славянской идеей русинским «патриотам» следовало бы сначала разобраться в своих собственных национальных отношениях⁴¹⁹.

В начале 1860-х гг. русинская языковая проблема дискутировалась на страницах российских журналов и газет. Славянофильски ориентированные публицисты поддерживали позиции москвофилов из львовской газеты «Слово». Демократические и украинофильские органы печати считали курс, взятый львовской газетой, антинародным, сеющим рознь и не способствующим объединению сил для борьбы за самостоятельное национальное развитие^{*}; они выступали в поддержку народовцев.

Пыпин обращал внимание на то, что в начале 1860-х гг. подъем украинского национального движения оказал влияние и на Галицию. Ученый не оставил без внимания важный вопрос об идейных ориентациях русинского движения. И в этой связи он упоминал, что наряду с австрославизмом и русским панславизмом («панрусизмом») существовало и такое национально-политическое течение, как украинофильство. В российской печати оно обычно характеризовалось как «зловредное направление». Пыпин подчеркивал, что и в России украинофильство — не «кабинетная теория, выдуманная произвольно», и для русинов выбор между ним и другими возможными путями развития составлял «реальное жизненное дело», связанное с вопросами «внутреннего политического положения и самого существования» русинской народности⁴²⁰.

В это время, по наблюдениям ученого, наметилась тенденция сближения русинской литературы с украинской, в чем он видел определенную заслугу украинского журнала «Основа», немало писавшего о Галиции и пользовавшегося популярностью у русинов. Пыпин отмечал также достаточно широкое знакомство населения Восточной Галиции с творчеством Т. Г. Шевченко и сочинениями Н. И. Костомарова. В галицких журналах нередко печатались произведения украинских писателей. Русинский театр, открытый во Львове в 1864 г., ставил пьесы украинских авторов⁴²¹.

^{*} Так, в «Современнике» Н. Г. Чернышевский в статье «Национальная бестактность» (1861. № 7. С. 1–18), рассматривая русинов как часть «малорусского племени», высказывал мнение, что в интересах культурного развития им следует ориентироваться на украинский язык, а в плане национальной и социальной борьбы — на союз освободительных сил украинцев и поляков, против которых было настроено «Слово».

Вместе с тем Пыпин придерживался мнения, что новая русинская литература не может считать себя наследницей украинской литературы⁴²². Оценивая влияние соседней культуры, Пыпин указывал, что более развитая украинская литература «приносила с собой уже определенные, сознательные сочувствия к народу, поэтическое содержание несомненного достоинства, выработанную форму и чистейший народный язык», чего не было в галицкой литературе. Украинское литературное возрождение «на полстолетия опередило галичан». Исходя из этих соображений, Пыпин делал вывод, что «единство галицко-украинское есть относительное»⁴²³. Но так или иначе вопрос об украинской и галицкой литературе должен решаться с учетом «общих национальных и литературных отношений *целого* южнорусского племени»⁴²⁴.

Интеллектуальным центром «старорусской» партии, как отмечал Пыпин, был Ставропигиальный институт — единственное церковное общество русинов-мирян, оставшееся как преемник старого Львовского братства после уничтожения церковных братств в 1788 г. В руках этой партии находились также Галицко-русская матица, Народный дом, политический клуб «Русская Рада» и «Общество им. Михаила Качковского», доступ в которые был закрыт представителям другой партии⁴²⁵. Газету «Слово», издававшуюся Б. Дедицким, затем В. Площанским, Пыпин называл «главным органом святоюрской или старорусской партии»; эта газета вела «ожесточенную войну против „народного“ направления»⁴²⁶.

Среди изданий, основанных в 1860-х гг. «народовцами», Пыпин упоминал журналы «Вечерниц», «Мета», «Нива», «Правда» (последний он назвал лучшим из галицких журналов). В 1868 г. «народовцы» основали общество «Просвіта», издававшее популярные книги. Пыпин высоко оценивал усилия этого общества, отмечая, что оно «представляет одно из лучших проявлений галицкой общественной деятельности» в интересах народа. В том же направлении работало и «Общество имени Шевченко», основавшее свою типографию (чтобы не потерять влияния в народе, «старорусская» партия тоже стала издавать книги на народном языке, высокомерно считая, однако, что на нем «можно писать только для простонародья»)⁴²⁷.

Силы обеих партий, напоминал Пыпин, были невелики. «Между тем перед ними вставал трудный вопрос о политиче-

ской и национальной судьбе Галиции. Обе партии чувствовали, что Галиция не может существовать самобытно...» Становилось ясно, что «их национальный центр находится „за кордоном“» — в России или Малороссии, где жили две «русские» народности. Одна из них (великорусская), пояснял Пыпин, «была господствующей народностью могущественного государства, но представляла отличную от русинской племенную формацию». Другая (малорусская, или украинская), «подчиненная политически» первой, была схожа с русинской (хотя некоторые исторические различия сказались «на складе народности» таким образом, что полностью отождествлять малорусов и русинов — неправомерно)⁴²⁸.

«Старорусская» партия представляла общерусское единство в «нелепой форме». Для спасения своей народности она искала опору в великорусах, «в союзе с сильнейшим племенем» (в союзе, добавлял Пыпин, от которого можно было ждать только подчинения и поглощения южнорусской народности), в слиянии своей литературы «с литературой обще-русской, которая однако понимается... только с ее консервативной, обрусительной, славяно-благотворительной стороны», в отрицании украинского языка (при плохом знании русского) и т. п.

«Народовцы» считали свой народ «южнорусским», стремились к объединению сил с малорусами, пользуясь поддержкой и тех «малорусских сил, которые не могли действовать у себя дома» (т. е. эмигрантов), думали о развитии литературы «на собственном языке Галицкой Руси» в связи с литературой малорусской⁴²⁹. Но и в планах «народовцев» Пыпин усматривал недостатки: они доходили до крайности, проповедуя «отдельность и исключительность южнорусского племени». По его мнению, националистически настроенные «народовцы», слишком опасющиеся «поглощения» Москвой, меньше, чем нужно «для верного исторического понимания дела и, может быть, для расчетов о будущем», обращают внимания на соседнюю Россию, не учитывая возможности поддержки с ее стороны русинского национального движения⁴³⁰.

Пыпин считал «теоретической и практической ошибкой» «старорусской» партии непризнание ею партии «народовцев», последняя также не шла на компромисс, что мешало двум идейным течениям работать вместе на пользу своего народа⁴³¹. Но в споре двух партий он явно симпатизировал «наро-

довцам», заявляя, что нельзя мириться с обскурантизмом «старорусов»⁴³².

В русинской литературе Пыпин отмечал сочинения Осипа (Юрия) Федьковича (поэта из Северной Буковины, некоторое время работавшего в «Просвіте»), наиболее близкие к русскому и украинскому реализму в отношении к народной жизни и в ее описании⁴³³. Одним из лучших представителей галицкой литературы Пыпин считал также Иеронима Анонима (В. И. Хиляк), который со знанием и любовью изображал картины народного быта (хотя его манера изложения — «старомодная, мелодраматическая», а в языке смешаны народные, русские, церковные, польские и немецкие элементы)⁴³⁴.

Среди русинских ученых, как «москвофильского», так и «народовского» направлений, разрабатывавших историю и этнографию Галиции, Пыпин упоминал Д. Зубрицкого, И. Шараневича, А. Петрушевича (издавал «Галицкий исторический сборник»); особенно выделял капитальный труд Я. Ф. Головацкого «Народные песни Галицкой и Угорской Руси»⁴³⁵. В области филологии отмечал имена О. Огоновского, О. Партицкого, Е. Желеховского и др.⁴³⁶. Литература русинского возрождения нашла отражение в библиографии, изданной И. Е. Левицким⁴³⁷.

Пыпин отчетливо понимал и подчеркивал в своих трудах, что в Галиции «остается еще очень много работы для установления национальной жизни», основы которой не совсем ясны самим участникам национального движения. Условия внутренней борьбы в русинском обществе он оценивал как сложные, средства — ограниченные, при этом национальное движение имело сильных врагов. Все указанные обстоятельства, по мнению Пыпина, следовало учитывать, чтобы верно судить о галицких партиях и их деятельности⁴³⁸.

Стремления москвофилов представлялись не слишком реальными: галицко-русское единство являлось весьма проблематичным или, «по крайней мере, чрезвычайно слабым и зачаточным»⁴³⁹. Впрочем, и ориентация на «галицко-украинское единство» казалась недостаточно определенной. Несмотря на схожесть галичан и малорусов, перспективы объединения украинского и русинского национальных движений, по мнению Пыпина, оставались неясными⁴⁴⁰.

В 1880-е гг. Пыпин отмечал, что в русинском движении появилось «новое направление — социализм»; его приверженцы считали, что никакая политическая и общественная цель не может быть достигнута без улучшения материального быта народа⁴⁴¹.

На рубеже 70–80-х гг. XIX в. ученый отмечал, что разногласия русинских патриотов продолжают, представители враждующих партий, проповедующих «обще-руссизм» и «племенную индивидуальность», никак не выяснят своего отношения к «двум русским народностям» (великорусам и малорусам), в результате чего «галицкая литература и по языку, и по содержанию все еще представляет хаос», которому «пора бы кончиться»⁴⁴².

В это время «единственный логический путь» национального возрождения русинов виделся Пыпину в тесном контакте с украинским национальным движением, наиболее близким по духу и по характеру. Вместе с тем ученый, вероятно, не находил достаточно фактов, объективно свидетельствовавших о процессе слияния русинской культуры с украинской, а кроме того, препятствия развитию украинского национального движения в Российской империи не вселяли надежд на то, что оно сможет оказать реальное влияние на этнически родственное население Галиции. Поэтому он высказал мнение, что русинам следует ориентироваться на русскую культуру, изучать русскую литературу, которая тесно связана с развитием украинской литературы. Пыпин полагал, что более тесное знакомство с русской народностью, «ближайшей сильной народностью», в которой они могли бы найти «опору для своей национальной будущности», и русским «национальным сознанием... принесло бы галицкому возрождению несомненную пользу»⁴⁴³. В новых условиях, когда украинофильское движение стало проявлять большую активность в Галиции, Пыпин вновь поверил в возможности его влияния на русинское движение.

Ввиду того что в политическую и экономическую борьбу все больше втягивались народные массы, защита их интересов и просвещение были возможны только на понятном народу языке. Русинское движение, утверждал Пыпин, не может обойтись без народного языка, если хочет быть понято народом и служить его интересам. Таким языком Пыпин считал украинский и одобрительно относился к деятельности молодых галицких патриотов, которые стремились примкнуть к украинскому национальному движению. Не видя целесообразности в отдельном от

большей части «племени», живущего в России, национальном самовыражении, он скептически и иронически относился к мыслям некоторых галицких деятелей о том, что «племя в пятнадцать или даже двадцать миллионов должно иметь свою литературу и будет иметь ее»⁴⁴⁴. Нельзя забывать, отмечал Пыпин, что в Галиции существует большое культурное влияние Польши⁴⁴⁵.

На рубеже XIX–XX вв. Пыпин отмечал, что процесс формирования языка «галицкой литературы» идет трудно и еще не завершился, а сам язык еще «не установился» и находится «в переходном положении»⁴⁴⁶.

Пыпин подчеркивал, что при любом из дискутировавшихся вариантов развития национального движения единение галичан с украинской или русской «национальной жизнью» невозможно искусственным или насильственным путем, оно может осуществиться только естественным, «органическим» образом⁴⁴⁷. К тому же немаловажное значение имела степень общественной свободы в России. Распространение русского литературного языка в Галиции, по мнению Пыпина, было бы очень полезным для сближения народов и знакомства местного общества с русской литературой и наукой, но лишь в том случае, если бы в России большие права были даны украинскому языку как «посреднику»⁴⁴⁸.

Пыпин обращал внимание на то, что при «стеснении» украинского языка и литературы в России центром украинского литературно-научного движения стал Львов, где велась серьезная научная работа в области археологии, истории, этнографии Восточной Галиции. Во Львов из Киева переселился такой «серьезный ученый», как М. С. Грушевский. «Общество имени Шевченко» собрало немало научных материалов в своих «Трудах». Эта деятельность осуществлялась на близком к «малорусскому, если не однородном с ним языке», при желании сделать «книжный язык непосредственно близким к народной речи». Это — естественное явление эпохи славянского возрождения, и, несмотря на приведенное выше скептическое высказывание, Пыпин считал, что «галицко-русская» литература имеет такое же право на признание, как литература словацкая, словенская, лужицкая⁴⁴⁹. Запрещение выступать на своем языке русинским делегатам Археологического съезда 1899 г. в Киеве Пыпин оценил как унижительный, «малодушный страх» русских сторонников «старорусской» партии Галиции⁴⁵⁰.

В начале XX в. Пыпин отмечал наряду с крайне тяжелым политическим и экономическим положением народа Восточной Галиции «удручающее впечатление», производимое галицко-русской литературой с ее «раздором» и делением на общерусскую и украинскую школы⁴⁵¹.

Начало «особенного национального движения» угорских (венгерских) русинов Пыпин связывал с 1848 годом — годом венгерского восстания, которому русины вначале сочувствовали, надеясь на «установление народной самобытности». Но венгерское революционное правительство преследовало русинских патриотов, и они вскоре, по выражению Пыпина, «разочаровались» в венгерском движении. Однако события революционной эпохи возбудили «мысль о национальном праве», которая «нашла своих ревнителей». Первым из них ученый называл А. Добрянского, объединившего вокруг себя кружок людей, готовых бороться за народное дело. Поскольку Вена во время борьбы с венграми готова была пойти на уступки русинам, Добрянский, возглавлявший русинскую депутацию, заявил о желании русинов получить автономию Угорской Руси, равные права с венграми, русинские школы и университет во Львове. Австрийские правящие круги обнадежили, но, как не раз повторял Пыпин, говоря о внутренней политике австрийского правительства, надежды, «конечно, потом не оправдались»⁴⁵².

Среди «ревнителей» русинского дела Пыпин упоминал также ближайшего сподвижника Добрянского А. Духновича*, писавшего популярные и учебные книги, драмы, стихи. Кроме того, он собирал народные песни, принимал участие в галицких журналах, основал «литературное заведение пряшевское» (правда, по оценке Пыпина, «очень скромное») ⁴⁵³.

Продолжателями «патриотического дела», как отмечал Пыпин, были в основном священники и литераторы. В 1866 г. ими было создано «Общество св. Василия», издававшее учебники и книги для народа, а также газету «Свет» (1867–1871), прекратившую выходить «вследствие гонений» ⁴⁵⁴.

* Оставаясь лояльным Габсбургам, Духнович выступал против политики национального гнета и мадьяризации, закарпатских русинов относил к «россиянам», намеревался кодифицировать «местное карпаторусское наречие» (см.: Освободительные движения народов Австрийской империи. С. 205–206).

Языковая проблема у угорских русинов была, по мнению Пыпина, такой же, как и у галицких. Как и в Восточной Галиции, в Угорской Руси власти тоже «вмешивались в вопросы правописания, чтобы язык не походил на „московский“». Существовал даже план заменить кириллическую азбуку «латино-мадьярской». Однако Пыпин выявлял и различия в языковой политике в разных частях Австрийской империи, населенных русинами. Так, в отличие от Галиции, в Угорской Руси «власти желали ввести кулишовку». Угорские же писатели старались «употреблять чистый русский язык», хотя, как отмечал Пыпин, их «русский» язык — «такая же неправильная смесь, как у „старорусской“ галицкой школы, и понимание литературного вопроса — то же»⁴⁵⁵.

Угорские патриоты (М. Лучкай, А. Павлович, И. Галько и др.) также занимались собиранием народных песен, обрядов, обычаев и т. д. Самый обширный сборник был составлен Я. Ф. Головацким^{*456}. Лучшим трудом по Угорской Руси Пыпин считал «Угорско-русские народные песни» (СПб., 1885) Гр. А. Де-Воллана. Особенности угро-русского говора исследовал А. Г. Семенович⁴⁵⁷. Указывая на собранный богатый материал по народному творчеству и языку, который «дает обширное поприще для исследователей», Пыпин в то же время подчеркивал, что научных разработок на этой основе сделано очень мало⁴⁵⁸.

В целом Пыпин полагал, что всему русинскому возрождению следовало бы вплотную заняться изучением народного быта. Это, по его определению, «благодарная задача» не только в научном

* В конце 1880-х гг. у Пыпина с жившим уже в России Головацким, взгляды которого на русинское возрождение и русинско-польские отношения, как считал Пыпин, изменились, состоялась полемика в печати. Головацкий бездоказательно обвинял Пыпина в том, что тот «по принципу западничества симпатизирует полякам и ненавидит галичан» (Головацкий Я. Заметки и дополнения к статьям г. Пыпина, напечатанным в Вестнике Европы за 1885 и 1886 годы. Вильна, 1888. С. 83; *Он же*. Заметки и дополнения к статье г. Пыпина «Обзор малорусской этнографии» // Русский вестник. 1886. № 11. С. 309–360). Пыпин очень сдержанно отвечал, что Головацкий напрасно пытается представить его «союзником полонизма», искажая истинный смысл его высказываний, и замечал мимоходом, что тому следовало бы «воздерживаться от фальшивых приемов полемики, мало приличных престарелому возрасту» (Пыпин А. Н. По поводу статьи г. Головацкого // Вестник Европы. 1887. № 1. С. 440–444).

плане, но и в практическом смысле, поскольку она предполагает более близкое знакомство с народом, который «есть все-таки господствующая идея возрождения, основная опора национальной жизни». Кроме того, возвращался Пыпин к мысли об ориентации русинского движения на Россию, глубокое изучение народа дало бы еще одну линию связи с «общерусским» национальным сознанием, с русской литературой, что принесло бы русинскому возрождению, по мнению ученого, «несомненную пользу»⁴⁵⁹. Он не видел никакого противоречия между ориентацией на русскую культуру и стремлением к разработке «своего народного языка», развитию своей национальной жизни, со всей определенностью утверждая, что необходимо и то, и другое⁴⁶⁰.

Однако следует заметить, что перспективы русинского возрождения представлялись Пыпину не слишком отчетливо, поскольку само национальное движение не давало для этого необходимых посылок.

* * *

Конец XVIII–XIX в. — исключительно важный период в исторических судьбах славянства. Это период, связанный со становлением славянских наций. Условно он может быть поделен на два этапа⁴⁶¹. Основное внимание Пыпин уделил первому этапу — с конца XVIII до середины XIX в., который в славянской традиции назывался «возрождением» или «пробуждением» наций. Второй этап, принявший эстафету в середине XIX в., — этап консолидации наций, растянувшийся на многие десятилетия и отмеченный редкими яркими событиями, освещен Пыпиным не столь подробно. Ученый верно замечал, что «всегда трудно доводить историю до настоящей минуты»⁴⁶² (все же он проследил развитие славянских народов вплоть до конца XIX столетия). К тому же при жизни Пыпина этот этап не был завершен и находился в стадии развития. Ученый не предлагал четкой схемы стадийности развития славянских народов, но, рассматривая конкретно-исторические ситуации каждого из них, давал свою периодизацию национальных процессов*, которая, учитывая

* Так, в начальном этапе формирования наций Пыпин выделял стадию пробуждения национального самосознания, которое развивалось и укреплялось на следующей стадии — литературного движения.

индивидуальность народов, вместе с тем отражала в той или иной степени общие закономерности. К «славянскому возрождению» он относил все национальные процессы, происходившие в славянском мире в XIX в.

А. Н. Пыпин представил широкую картину славянского возрождения, рассматривая его как явление многоаспектное и привлекая для исследования данные различных наук, публицистические материалы и свои собственные впечатления, вынесенные из посещения славянских земель. Ученый показал, что это явление не носит сугубо славянского характера, но у славян оно получило особую окраску и смысл ввиду особых условий, в которых происходило формирование славянских наций (национально-политическое, социальное, религиозное и культурное угнетение).

Уделяя большое внимание возрождению в области национальной культуры, Пыпин рассматривал его наряду и в связи с политической борьбой славянских народов за национальное освобождение.

С симпатией и в то же время с научной объективностью он относился к развитию каждого славянского народа, оценивал различные проявления национальной жизни. Ученый признавал за каждым славянским народом право на самостоятельное существование.

Пыпин проследил весь процесс возрождения славянских народов, от самых его истоков. Он подверг анализу причины, условия и механизмы развития этого феномена, выявил общие черты и национальные особенности, охарактеризовал деятельность наиболее известных представителей национальных движений, общественных организаций, печатных органов, а также научные труды и литературные произведения выдающихся славянских ученых, поэтов и писателей. Ученый доказал, что идеология славянского возрождения являлась глубоко национальной по содержанию.

Пыпин аргументированно утверждал, что национальные процессы, проходившие в славянских землях, не уникальны: становление славянских наций совершалось по общим законам формирования и развития наций, сохраняя при этом свою регионально-этническую специфику. Однако становление и развитие наций были связаны для него не только с социально-экономическими явлениями и общественно-политическими событиями (которые в общей картине возрождения он дает лишь

штрихами), а прежде всего с ростом самосознания и, следовательно, с прогрессом в образовании, культуре и науке. Соответственно, большое внимание он уделил проблеме формирования литературных языков и национальных литератур, научным разработкам в области истории, филологии и этнографии.

Ученый изучил и емко представил все, что было характерно для каждого этапа возрождения, обратив внимание на неизбежность (закономерность) смены одного этапа другим (например, романтические настроения более раннего периода возрождения уступали место реалистическим потребностям следующего этапа).

Пыпину удалось показать, что славянское возрождение было обращено не только к *национальным*, но и к *народным* ценностям. В социальной структуре славянских обществ все большую роль играли народные массы, и потому Пыпин обращал особое внимание на то, что по своей сути возрождение являлось «демократическим». Он постоянно подчеркивал, что простой народ составляет «основу нации», и без его участия национальный подъем не достигнет необходимого уровня.

Рассматривая процессы «пробуждения» славянских народов в сравнительном ракурсе, Пыпин делал обобщения, многие из которых носят теоретико-методологический характер, как, например, его размышления по теории национального вопроса. Заслуга Пыпина как историка славянского возрождения состоит в том, что с помощью сравнительно-исторического исследования процессов национального строительства в славянском мире он сумел определить типологические черты развития славянских народов и представить это явление как *общеславянское*.

Подводя промежуточные итоги, Пыпин отмечал, что национальные процессы в славянских землях не завершены. В национальном развитии славянства достигнуто немало, но этого еще недостаточно «для обеспечения национальной жизни»: еще не восстановлена целостность некоторых народов, не обеспечено политическое равноправие славянских народностей с господствующими этносами. Пыпин видел единственный путь решения этих проблем в справедливой борьбе за обеспечение прав национальностей⁴⁶³. Он считал, что «будущность славянства в его собственных руках»⁴⁶⁴.

Пожалуй, никто из русских ученых XIX в. не занимался славянским возрождением так глубоко и в таком объеме, как Пыпин.

И хотя в его исследованиях представлены не все аспекты этого исторического явления, многие из высказанных им положений сохраняют силу до сих пор. Для своего времени работы Пыпина можно назвать «энциклопедией славянского возрождения».

Примечания

¹ Подробнее см.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981; Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма. М., 1981; Социальная структура общества в XIX в.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.

² Пытин А. Н. О сравнительно-историческом изучении русской литературы // Вестник Европы. 1875. № 10. С. 660.

³ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1879. Т. 1. С. 45.

⁴ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 18–19.

⁵ Там же. С. 165.

⁶ См.: Беляева Ю. Д. Литературы народов Югославии в России: Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX, начало XX в. М., 1979. С. 134–135.

⁷ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 165.

⁸ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. 1108.

⁹ Пытин А. Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 11. С. 305–306.

¹⁰ Пытин А. Казимир Бродзинский // Вестник Европы. 1891. № 10. С. 763.

¹¹ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 51.

¹² А. Н. [Пытин А. Н.] Наша печать и болгарские дела // Вестник Европы. 1877. № 10. С. 883.

¹³ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 169.

¹⁴ Там же. С. 25.

¹⁵ Там же. С. 108.

¹⁶ Пытин А. Н. О сравнительно-историческом изучении русской литературы. С. 665.

¹⁷ Пытин А. Н. Первые слухи о сербской народной поэзии // Вестник Европы. 1876. № 12. С. 699–700.

¹⁸ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 179.

¹⁹ Там же. С. 46.

²⁰ Там же. С. 167.

- ²¹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 218–219.
- ²² -А- [*Пытин А. Н.*] Вопрос о национальности и панславизм // *Современник*. 1864. № 1. С. 185.
- ²³ Там же. С. 188–189.
- ²⁴ Там же. С. 194–196, 210–211.
- ²⁵ Там же. С. 200.
- ²⁶ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 167.
- ²⁷ Там же; [*Он же*]. Вопрос о национальности и панславизм. № 1. С. 211.
- ²⁸ -А- [*Пытин А. Н.*] Вопрос о национальности и панславизм. № 2. С. 508–509.
- ²⁹ Там же. № 3. С. 97–99.
- ³⁰ Там же. № 1. С. 212.
- ³¹ См.: *Аксенова Е. П.* История народов Центральной и Юго-Восточной Европы в журнале «Современник» (1863–1866 гг.) // *Исследования по историографии славяноведения и балканистики*. М., 1981. С. 242–243.
- ³² *Пытин А. Н.* Вопрос о национальности и панславизм. № 1. С. 210–212.
- ³³ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 47.
- ³⁴ Там же. С. 166.
- ³⁵ Там же. С. 26.
- ³⁶ А. П. [*Пытин А. Н.*] Литературное обозрение // *Вестник Европы*. 1888. № 12. С. 869.
- ³⁷ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 47.
- ³⁸ *Пытин А. Н.* Подделка рукописей и народных песен. СПб., 1898.
- ³⁹ *Пытин А.* Литературные заметки // *Вестник Европы*. 1877. № 7. С. 380.
- ⁴⁰ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 48.
- ⁴¹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 804–805.
- ⁴² *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX столетии // *Вестник Европы*. 1889. № 8. С. 717.
- ⁴³ *Пытин А. Н.* О сравнительно-историческом изучении русской литературы. С. 649.
- ⁴⁴ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 26, 47–48.
- ⁴⁵ См.: *История литератур западных и южных славян*. М., 1997. Т. 2. Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII века — 80-е гг. XIX века. С. 11–13.
- ⁴⁶ Там же. С. 26; *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1108.
- ⁴⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1118.
- ⁴⁸ А. П. [*Пытин А. Н.*] Старая и новая Болгария // *Вестник Европы*. 1877. № 5. С. 295.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1108–1109.

⁵¹ *А. Р. [Пытин А. Н.]* Два месяца в Праге // Современник. 1859. № 4. С. 357.

⁵² *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1109.

⁵³ *-А. [Пытин А. Н.]* Вопрос о национальности и панславизм. № 3. С. 102.

⁵⁴ *А. П. [Пытин А. Н.]* Старая и новая Болгария. С. 297.

⁵⁵ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1118.

⁵⁶ *Пытин А. Н.* О сравнительно-историческом изучении русской литературы. С. 674.

⁵⁷ *А. П. [Пытин А. Н.]* Старая и новая Болгария. С. 313.

⁵⁸ *А. П. [Пытин А. Н.]* Еще несколько слов по южно-славянскому вопросу // Вестник Европы. 1877. № 3. С. 384, 386.

⁵⁹ *А. В-нь [Пытин А. Н.]* Давность славянской идеи в русском обществе // Вестник Европы. 1878. № 5. С. 310–311, 313.

⁶⁰ *А. П. [Пытин А. Н.]* Взаимные отношения в славянстве // Вестник Европы. 1878. № 6. С. 776–777.

⁶¹ *А. В-нь [Пытин А. Н.]* Давность славянской идеи в русском обществе. С. 293.

⁶² См.: *Виноградов В. Н.* Южные славяне: от статуса турецкой райи к возрождению государственности // Славяноведение. 2004. № 5. С. 3–13.

⁶³ *А. Н. [Пытин А. Н.]* Наша печать и болгарские дела // Вестник Европы. 1877. № 10. С. 880–881.

⁶⁴ *Виноградов В. Н.* Южные славяне: от статуса турецкой райи к возрождению государственности. С. 6.

⁶⁵ *А. Н. [Пытин А. Н.]* Наша печать и болгарские дела. С. 879–880; *Пытин А.* Болгария и болгары перед войной // Вестник Европы. 1878. № 4. С. 724, 726.

⁶⁶ *Дьяков В. А., Миллер И. С., Фрейдзон В. И.* Общие закономерности и специфика социального развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы // Социальная структура общества в XIX в. ... С. 346.

⁶⁷ *[Пытин А. Н.]* Процессы о печати в Австрии // Современник. 1863. № 1/2. С. 415–416, 418.

⁶⁸ Там же. С. 416.

⁶⁹ Там же. № 4. С. 591–592.

⁷⁰ Там же. № 1/2. С. 416, 420.

⁷¹ Там же. № 4. С. 624–625.

⁷² *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 799.

- ⁷³ А. П. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1901. № 3. С. 395.
- ⁷⁴ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 46–47.
- ⁷⁵ Пытин А. Вячеслав Ганка // Современник. 1861. № 3. С. 1.
- ⁷⁶ А. П. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1902. № 11. С. 384.
- ⁷⁷ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 33.
- ⁷⁸ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 918.
- ⁷⁹ Там же. С. 918–919; Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 33–34.
- ⁸⁰ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 928.
- ⁸¹ Пытин А. Вячеслав Ганка. С. 5.
- ⁸² 1791–1796. Вып. 1–3.
- ⁸³ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 922.
- ⁸⁴ Там же. С. 925.
- ⁸⁵ Там же. С. 925–926; Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 34–35.
- ⁸⁶ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 934–962.
- ⁸⁷ Там же. С. 935, 937–938.
- ⁸⁸ Там же. С. 942–943.
- ⁸⁹ Там же. С. 945, 948.
- ⁹⁰ Пытин А. Вячеслав Ганка. С. 10.
- ⁹¹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 950.
- ⁹² Там же. С. 955–956.
- ⁹³ Там же. С. 959.
- ⁹⁴ Там же. С. 959–960.
- ⁹⁵ Там же. С. 961.
- ⁹⁶ Там же. С. 930.
- ⁹⁷ Там же. С. 934, 957.
- ⁹⁸ Пытин А. Вячеслав Ганка. С. 12–13.
- ⁹⁹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 805–806.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 806–807.
- ¹⁰¹ Там же. С. 810.
- ¹⁰² Там же. С. 932.
- ¹⁰³ Там же. С. 817.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 817, 819.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 932–933.

- ¹⁰⁶ Там же. С. 957.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 984–985.
- ¹⁰⁸ А. А. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1880. № 6. С. 729, 731.
- ¹⁰⁹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 972, 976.
- ¹¹⁰ А. Н. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1884. № 9. С. 415, 417; Он же. Будущность славянства // Вестник Европы. 1877. № 12. С. 827.
- ¹¹¹ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 36.
- ¹¹² Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 986–989, 994.
- ¹¹³ Там же. С. 797.
- ¹¹⁴ Там же. С. 970.
- ¹¹⁵ Там же. С. 949.
- ¹¹⁶ Там же. С. 972.
- ¹¹⁷ Там же. С. 970.
- ¹¹⁸ Там же. С. 798.
- ¹¹⁹ Там же. С. 798, 972; Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 36–37.
- ¹²⁰ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 947.
- ¹²¹ [Пытин А. Н.] Процессы о печати в Австрии. № 1/2. С. 416, 418.
- ¹²² Там же. С. 415.
- ¹²³ Цит. по: Кораблев В. Н. Академик А. Н. Пытин и славянский вопрос // Вестник АН СССР. 1933. № 8–9. С. 70.
- ¹²⁴ Пытин А. Из Праги // Современник. 1860. № 2. С. 298.
- ¹²⁵ -А- [Пытин А. Н.] Процессы о печати в Австрии. № 4. С. 589, 591–592; № 5. С. 233; Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 798–799.
- ¹²⁶ Современник. 1863. № 1/2, 4–5.
- ¹²⁷ Там же. № 1/2. С. 415–416, 418.
- ¹²⁸ См.: Освободительные движения народов Австрийской империи... С. 128–129.
- ¹²⁹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 997–998.
- ¹³⁰ -А- [Пытин А. Н.] Процессы о печати в Австрии. № 4. С. 624.
- ¹³¹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 799–800.
- ¹³² См.: Освободительное движение народов Австрийской империи... С. 133–134.

- ¹³³ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 800.
- ¹³⁴ А. П. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1902. № 11. С. 382.
- ¹³⁵ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 1000, 1010.
- ¹³⁶ Там же. С. 1011.
- ¹³⁷ Там же. С. 1010.
- ¹³⁸ Там же. С. 1012.
- ¹³⁹ Там же. С. 1020, 1023.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 1017–1018.
- ¹⁴¹ Там же. С. 1019.
- ¹⁴² Slovar Slovenský, Česko-Latinsko-Německo-Uherský». Budae, 1825–1827. Т. 1–6.
- ¹⁴³ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 1019–1020.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 1021–1023.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 1025–1026.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 1029–1030.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 1012, 1028, 1030.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 1030–1031, 1033.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 1045.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 1031–1032.
- ¹⁵¹ Там же. С. 1034–1040, 1042–1043.
- ¹⁵² Там же. С. 1045–1046.
- ¹⁵³ См.: Освободительные движения народов Австрийской империи... С. 183–184.
- ¹⁵⁴ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 1013.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 1040–1041.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 1013, 1041.
- ¹⁵⁷ См.: Archiv starých česko-slovenských listin, písemností a dějepisných pôvodin pre dejepis a literatúru Slovákov. Turč. Sv. Martin, 1872–1873. Вып. 1–2.
- ¹⁵⁸ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 1047–1048, 1058.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 1048.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 1000.
- ¹⁶¹ Там же. С. 1045.
- ¹⁶² Там же. С. 1049.
- ¹⁶³ Там же. Т. 1. С. 52–53, 104–105; А. П. [Пытин А. Н.] Старая и новая Болгария. С. 298–299.
- ¹⁶⁴ Пытин А. Новая книга о Болгарии // Вестник Европы. 1891. № 11. С. 329.

- ¹⁶⁵ *Пытин А.* Путешествие г-ж Мэккензи и Ирби в славянских землях Турции // Вестник Европы. 1877. № 9. С. 288.
- ¹⁶⁶ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 18–19; *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 52.
- ¹⁶⁷ *А. Н. [Пытин А. Н.]* Наша печать и болгарские дела. С. 886.
- ¹⁶⁸ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 19; *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 105–106, 108.
- ¹⁶⁹ *Софроний Врачанский.* Куриакодроміон. Рымник, 1806.
- ¹⁷⁰ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 20; *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 109–110.
- ¹⁷¹ *Пытин А.* Новая книга о Болгарии. С. 290.
- ¹⁷² Т. 1. М., 1829.
- ¹⁷³ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 110–112.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 113–115; *Пытин А.* Новая книга о Болгарии. С. 321.
- ¹⁷⁵ *Пытин А.* Новая книга о Болгарии. С. 290; *А. П. [Пытин А. Н.]* Старая и новая Болгария. С. 301.
- ¹⁷⁶ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 116–117; *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 20; *А. В. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1889. № 9. С. 418.
- ¹⁷⁷ *Пытин А.* Новая книга о Болгарии. С. 288, 315.
- ¹⁷⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 117–125, 129.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 123–124.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 125.
- ¹⁸¹ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 20–21.
- ¹⁸² *А. П. [Пытин А. Н.]* Старая и новая Болгария. С. 299, 301.
- ¹⁸³ Там же.
- ¹⁸⁴ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 126–128.
- ¹⁸⁵ Там же. С. 134–135; *Пытин А.* Литературные заметки // Вестник Европы. 1877. № 7. С. 379–380.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 381.
- ¹⁸⁷ *Пытин А.* Новая книга о Болгарии. С. 310.
- ¹⁸⁸ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 21.
- ¹⁸⁹ *Пытин А. Н.* Болгария и болгары перед войной // Вестник Европы. 1878. № 3. С. 282.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 283. См. также: *Улуян А. А.* Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1971. С. 153–154, 156.
- ¹⁹¹ *Пытин А. Н.* Болгария и болгары перед войной. С. 290.

- ¹⁹² *Пытин А. Н.* Предположения об историко-этнографическом изучении южнославянских земель, особенно Болгарии (1876 г.). СПб., [1880]. С. 1.
- ¹⁹³ *А. П. [Пытин А. Н.]* Несколько слов по поводу южно-славянского вопроса // *Вестник Европы*. 1876. № 10. С. 877.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 880, 895.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 898.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 878.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 876–877, 879.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 877.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 878.
- ²⁰⁰ *А. П. [Пытин А. Н.]* Еще несколько слов по южно-славянскому вопросу. С. 369.
- ²⁰¹ *А. П. [Пытин А. Н.]* Несколько слов по поводу южно-славянского вопроса. С. 896–897.
- ²⁰² *А. В-нь. [Пытин А. Н.]* Что делается в Болгарии? (По поводу книги г. Немировича-Данченка: «После войны». СПб. 1880) // *Вестник Европы*. 1880. № 9. С. 419.
- ²⁰³ Там же. С. 434.
- ²⁰⁴ *Д. [Пытин А. Н.]* Начатки литературной солидарности // *Вестник Европы*. 1878. № 8. С. 828.
- ²⁰⁵ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 136; *А. П. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // *Вестник Европы*. 1901. № 3. С. 396.
- ²⁰⁶ *Пытин А.* Новая книга о Болгарии. С. 328.
- ²⁰⁷ Там же. С. 329.
- ²⁰⁸ *А. П. [Пытин А. Н.]* Взаимные отношения в славянстве. С. 775.
- ²⁰⁹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 126–128, 137.
- ²¹⁰ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 69.
- ²¹¹ *А. Н. [Пытин А. Н.]* Наша печать и болгарские дела. С. 888.
- ²¹² *А. П. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // *Вестник Европы*. 1884. № 5. С. 373–375.
- ²¹³ *А. П. [Пытин А. Н.]* Взаимные отношения в славянстве. С. 761.
- ²¹⁴ Там же. С. 773.
- ²¹⁵ *А. В-нь. [Пытин А. Н.]* Что делается в Болгарии?.. С. 419–420, 423.
- ²¹⁶ Там же. С. 437; *Пытин А.* Новая книга о Болгарии. С. 327.
- ²¹⁷ *А. В-нь. [Пытин А. Н.]* Что делается в Болгарии?.. С. 429.
- ²¹⁸ *А. П. [Пытин А. Н.]* Старая и новая Болгария. С. 292.
- ²¹⁹ *А. В-нь. [Пытин А. Н.]* Что делается в Болгарии?.. С. 433.
- ²²⁰ *Пытин А. Н.* Предположения об историко-этнографическом изучении южнославянских земель, особенно Болгарии. С. 4–6.

- ²²¹ *Пытин А.* Новая книга о Болгарии. С. 329.
- ²²² *А. П. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1901. № 3. С. 395.
- ²²³ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 20–21.
- ²²⁴ *Беляева Ю. Д.* Литературы народов Югославии в России... С. 125.
- ²²⁵ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 21–22; *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 201.
- ²²⁶ См.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе... С. 46.
- ²²⁷ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 22; *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 201.
- ²²⁸ См.: *Виноградов В. Н.* Южные славяне: от статуса турецкой раи к возрождению государственности. С. 7.
- ²²⁹ *Пытин А. Н.* Первые слухи о сербской народной поэзии // Вестник Европы. 1876. № 12. С. 702.
- ²³⁰ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 22.
- ²³¹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 163.
- ²³² См.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе... С. 67.
- ²³³ *Пытин А. Н.* Первые слухи о сербской народной поэзии. С. 703.
- ²³⁴ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 201.
- ²³⁵ *Пытин А.* Путешествие г-ж Мэккензи и Ирби в славянских землях Турции. № 10. С. 615.
- ²³⁶ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 202–205.
- ²³⁷ Там же. С. 205, 207; *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 24.
- ²³⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 208–211.
- ²³⁹ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 23.
- ²⁴⁰ *[Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1882. № 4. С. 862.
- ²⁴¹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 214.
- ²⁴² *[Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1882. № 4. С. 861–862, 864.
- ²⁴³ *Беляева Ю. Д.* Литературы народов Югославии в России... С. 143.
- ²⁴⁴ См.: *Кулаковский П. А.* Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе. М., 1882.
- ²⁴⁵ Мала простонародња Славено-србска песнарица. Вена, 1814–1815. Ч. 1–2; Српски Рјечник. Вена, 1818; и др.
- ²⁴⁶ Писменица србскога језика, по говору простога народа. Вена, 1814.

- ²⁴⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 214, 216–217.
- ²⁴⁸ *Пытин А. Н.* [Рец. на кн.:] Кулаковский П. А. Вук Караджич // Вестник Европы. 1882. № 4. С. 864.
- ²⁴⁹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 214, 218; *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 24–26.
- ²⁵⁰ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 218; *А. В. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1879. № 7. С. 372.
- ²⁵¹ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 25, 27.
- ²⁵² См.: *Данченко С. И.* Русско-сербские общественные связи (70–80-е годы XIX в.). М., 1989. С. 89.
- ²⁵³ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 221.
- ²⁵⁴ Там же.
- ²⁵⁵ Там же. С. 225–227, 236–237.
- ²⁵⁶ Там же. С. 236.
- ²⁵⁷ Там же. С. 235.
- ²⁵⁸ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 28–29.
- ²⁵⁹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 201.
- ²⁶⁰ *Д. [Пытин А. Н.]* Сербский перевод тургеневской «Нови» // Вестник Европы. 1877. № 12. С. 877; *А. А. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1879. № 2. С. 777–781.
- ²⁶¹ *Пытин А.* Путешествие г-ж Мэккензи и Ирби в славянских землях Турции. № 10. С. 616.
- ²⁶² *А. П. [Пытин А. Н.]* Несколько слов по поводу южно-славянского вопроса. С. 888, 890.
- ²⁶³ Там же. С. 893.
- ²⁶⁴ Там же. С. 876, 888, 892, 895.
- ²⁶⁵ *Д. [Пытин А. Н.]* Начатки литературной солидарности // Вестник Европы. 1878. № 8. С. 826; *А. А. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1879. № 2. С. 771, 774.
- ²⁶⁶ *Пытин А. Н.* Несколько слов по поводу южно-славянского вопроса. С. 893. См. также: *Данченко С. И.* Русско-сербские общественные связи... С. 46.
- ²⁶⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 238.
- ²⁶⁸ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 29.
- ²⁶⁹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 200–201.
- ²⁷⁰ Там же. С. 242; *Т. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1895. № 3. С. 396.
- ²⁷¹ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 29.

- ²⁷² *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 240, 281.
- ²⁷³ Там же. С. 240; *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 29–30.
- ²⁷⁴ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 240.
- ²⁷⁵ Там же. С. 240–241.
- ²⁷⁶ *Т. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1895. № 3. С. 397.
- ²⁷⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 200–201.
- ²⁷⁸ Там же. С. 241.
- ²⁷⁹ Там же. С. 241–242; *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 31.
- ²⁸⁰ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 243, 247.
- ²⁸¹ Там же. С. 244–245.
- ²⁸² Там же. С. 243.
- ²⁸³ Там же. С. 246; *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 30.
- ²⁸⁴ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 234–235.
- ²⁸⁵ Там же. С. 252.
- ²⁸⁶ Там же. С. 256–258.
- ²⁸⁷ Там же. С. 258–260.
- ²⁸⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 171.
- ²⁸⁹ Там же. С. 232, 252–254.
- ²⁹⁰ Там же. С. 233.
- ²⁹¹ *[Пытин А. Н.]* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. Сборник, составленный А. Гильфердингом. СПб. 1860 // Современник. 1860. № 3. С. 125, 128.
- ²⁹² *А. П. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1901. № 3. С. 396.
- ²⁹³ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 69.
- ²⁹⁴ *А. П. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1901. № 3. С. 396.
- ²⁹⁵ Там же. С. 396–399.
- ²⁹⁶ Там же. С. 401–403.
- ²⁹⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 291, 293, 301.
- ²⁹⁸ Там же. С. 291, 293, 295–296.
- ²⁹⁹ Там же. С. 295, 297–298, 301.
- ³⁰⁰ Там же. С. 291–293, 295–298, 301–303.

- ³⁰¹ А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1887. № 4. С. 872.
- ³⁰² Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX столетии // Вестник Европы. 1889. № 7. С. 240. См. также: Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983. С. 42–43.
- ³⁰³ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 228–232; Пытин А. Н. Первые слухи о сербской народной поэзии. С. 702.
- ³⁰⁴ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 19, 129.
- ³⁰⁵ Т. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1894. № 8. С. 885–886, 889; 1900. № 8. С. 841–848.
- ³⁰⁶ Т. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1894. № 8. С. 889.
- ³⁰⁷ См.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе... С. 52–55; Освободительные движения народов Австрийской империи... С. 392.
- ³⁰⁸ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 38.
- ³⁰⁹ Пытин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3. С. 223–224.
- ³¹⁰ Вестник Европы. 1880. № 1–3, 6, 10–11.
- ³¹¹ Там же. № 1. С. 703–705.
- ³¹² Там же. С. 704.
- ³¹³ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 39–40.
- ³¹⁴ Пытин А. Н. Польский вопрос в русской литературе. № 1. С. 712.
- ³¹⁵ Там же. № 4. С. 704.
- ³¹⁶ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 38–39, 44.
- ³¹⁷ А. А. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1879. № 2. С. 787.
- ³¹⁸ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 9, 41.
- ³¹⁹ Там же. С. 45.
- ³²⁰ Пытин А. Казимир Бродзинский. С. 767–769.
- ³²¹ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 246.
- ³²² Пытин А. Казимир Бродзинский. С. 755.
- ³²³ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 44–45.
- ³²⁴ Там же. С. 46; Пытин А. Н. Польский вопрос в русской литературе. № 3. С. 240–241, 271.
- ³²⁵ Пытин А. Н. Польский вопрос в русской литературе. № 1. С. 711–714; № 10. С. 700; Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 41.
- ³²⁶ Пытин А. Н. Польский вопрос в русской литературе. № 1. С. 714; № 10. С. 701.
- ³²⁷ Там же. № 1. С. 711–712; Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 10, 41.
- ³²⁸ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 259–261.

- ³²⁹ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 1. С. 710–711;
Он же. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 42, 45.
- ³³⁰ См.: *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 261–262.
- ³³¹ Там же. С. 262–266.
- ³³² Там же. С. 266.
- ³³³ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 156.
- ³³⁴ Там же. С. 157.
- ³³⁵ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 1. С. 713.
- ³³⁶ Там же. С. 704.
- ³³⁷ Там же. № 11. С. 305.
- ³³⁸ Там же.
- ³³⁹ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 88.
- ³⁴⁰ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 3. С. 266;
№ 11. С. 297.
- ³⁴¹ Там же. № 11. С. 298, 303.
- ³⁴² *Пытин А. Н.* Новые романы Сенкевича // Вестник Европы. 1888. № 2.
С. 666.
- ³⁴³ СПб., 1888. Т. 1.
- ³⁴⁴ *А. П. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы.
1888. № 12. С. 872.
- ³⁴⁵ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 2. С. 698.
- ³⁴⁶ Там же. С. 708.
- ³⁴⁷ Там же. № 4. С. 703.
- ³⁴⁸ Там же. С. 695.
- ³⁴⁹ Там же. № 1. С. 720, 735–736.
- ³⁵⁰ Там же. № 3. С. 249–250.
- ³⁵¹ *Русский [Страхов Н. Н.]* Роковой вопрос // Время. 1863. № 4. С. 152–163.
- ³⁵² *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 3. С. 254.
- ³⁵³ См.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб., 1871.
- ³⁵⁴ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 3. С. 257.
- ³⁵⁵ *Будилович А. С.* Несколько замечаний о польском вопросе с точки
зрения всеславянства // Беседа. 1871. № 6. С. 146–164. См. также: *Пы-*
тин А. Н. Польский вопрос в русской литературе. № 3. С. 263–265, 267.
- ³⁵⁶ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 6. С. 283.
- ³⁵⁷ Там же. № 3. С. 270.
- ³⁵⁸ Там же. № 10. С. 711; № 11. С. 300.
- ³⁵⁹ Там же. № 10. С. 681–683, 686, 694, 697.
- ³⁶⁰ Там же. № 3. С. 270.
- ³⁶¹ Там же. С. 251; № 10. С. 711; № 11. С. 303–304.
- ³⁶² Там же. № 11. С. 304.
- ³⁶³ Там же. С. 305–306.
- ³⁶⁴ Там же. С. 306–307.

- ³⁶⁵ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 43.
- ³⁶⁶ Там же. С. 43–44; *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 4. С. 705.
- ³⁶⁷ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 4. С. 707.
- ³⁶⁸ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 44.
- ³⁶⁹ *А. В. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1892. № 4. С. 878–879.
- ³⁷⁰ *Пытин А. Н.* Новые романы Сенкевича. С. 667.
- ³⁷¹ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 3. С. 270–271.
- ³⁷² *Пытин А. Н.* Новые романы Сенкевича. С. 665.
- ³⁷³ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1068–1069.
- ³⁷⁴ Там же. С. 1078–1080.
- ³⁷⁵ Там же. С. 1080.
- ³⁷⁶ Там же. С. 1081. См. также: *Шолта Я.* О специфике национального развития лужицких сербов // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе... С. 352–353.
- ³⁷⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1081.
- ³⁷⁸ *Pjesnički Hornych a Delnych Lužiskich Serbow.* [Будишин]. 1842–1843. Ч. 1–2. Издано по новому чешскому правописанию. В подготовке издания принимал участие И. И. Срезневский.
- ³⁷⁹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1081–1082, 1086.
- ³⁸⁰ Там же. С. 1082–1083.
- ³⁸¹ Там же. С. 1083–1084.
- ³⁸² Там же. С. 1084.
- ³⁸³ Там же. С. 1086–1088.
- ³⁸⁴ Там же. С. 1089–1090.
- ³⁸⁵ Там же. С. 1091.
- ³⁸⁶ Там же. С. 1091–1092.
- ³⁸⁷ Там же.
- ³⁸⁸ Там же. Т. 1. С. 408–409.
- ³⁸⁹ *Пытин А. Н.* Особый русский язык // Вестник Европы. 1888. № 11. С. 355.
- ³⁹⁰ *А. В-нъ. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // 1885. № 1. С. 440.
- ³⁹¹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865. С. 232.
- ³⁹² *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 131.
- ³⁹³ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 414.
- ³⁹⁴ Там же. С. 444.

- ³⁹⁵ Там же; *Пытин А. Н.* Зориан Доленга-Ходаковский. Биографический очерк // Вестник Европы. 1886. № 11. С. 305, 308, 322, 337–339.
- ³⁹⁶ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. С. 232.
- ³⁹⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 414–415; *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 252.
- ³⁹⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 443.
- ³⁹⁹ *Илькевич Г.* Галицкие приповедки и загадки. Вена, 1841.
- ⁴⁰⁰ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 135.
- ⁴⁰¹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 416–417.
- ⁴⁰² Там же. С. 417.
- ⁴⁰³ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 135.
- ⁴⁰⁴ *А. В. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1889. № 10. С. 837–838.
- ⁴⁰⁵ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 418, 424.
- ⁴⁰⁶ Там же. С. 418, 420.
- ⁴⁰⁷ *Д. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1902. № 8. С. 814–815.
- ⁴⁰⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 421; *Пытин А. Н.* Особый русский язык. С. 357.
- ⁴⁰⁹ *Д. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1902. № 8. С. 814; *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 419–420.
- ⁴¹⁰ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 418.
- ⁴¹¹ *Д. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1902. № 8. С. 814.
- ⁴¹² *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 420.
- ⁴¹³ Там же.
- ⁴¹⁴ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. С. 232, 237–238. См. также: *Миллер А. И.* Укraiнофильство // Славяноведение. 1998. № 5. С. 34.
- ⁴¹⁵ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 422–423.
- ⁴¹⁶ Там же.
- ⁴¹⁷ *Пытин А. Н.* Особый русский язык. С. 357–358; *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. С. 237.
- ⁴¹⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. С. 237.
- ⁴¹⁹ Там же. С. 238.

- ⁴²⁰ А. В-нъ. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1885. № 1. С. 439–440.
- ⁴²¹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 431–432.
- ⁴²² Там же. С. 431, 439.
- ⁴²³ Там же. С. 439.
- ⁴²⁴ А. Н. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1884. № 8. С. 842.
- ⁴²⁵ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 424–425.
- ⁴²⁶ Там же. С. 425.
- ⁴²⁷ Там же. С. 430–431.
- ⁴²⁸ Там же. С. 429, 438–439.
- ⁴²⁹ Там же. С. 429–430, 437–438; Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 225–226, 228–229.
- ⁴³⁰ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 438; Пытин А. Н. Особый русский язык. С. 359.
- ⁴³¹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 437–438.
- ⁴³² Там же. С. 430.
- ⁴³³ Там же. С. 432–433.
- ⁴³⁴ Пытин А. Н. Особый русский язык. С. 360, 363, 370.
- ⁴³⁵ Печатался в «Чтениях Московского общества истории и древностей российских» в 1863–1878 гг. (с предисловием О. М. Бодянского).
- ⁴³⁶ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 413–414; Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 434–436.
- ⁴³⁷ Левицкий И. Е. Галицко-русская библиография XIX столетия (1801–1886). Львов, 1887–1895. Т. 1–2.
- ⁴³⁸ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 438.
- ⁴³⁹ Пытин А. Н. Особый русский язык. С. 355.
- ⁴⁴⁰ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 438–439.
- ⁴⁴¹ [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1885. № 1. С. 441.
- ⁴⁴² Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 418, 423, 437–438.
- ⁴⁴³ Там же. С. 439–440, 447.
- ⁴⁴⁴ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 230–231, 328.
- ⁴⁴⁵ Пытин А. Н. Особый русский язык. С. 356.
- ⁴⁴⁶ Т. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1900. № 5. С. 373; Пытин А. Н. Особый русский язык. С. 356–357.
- ⁴⁴⁷ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 233–234, 327.

⁴⁴⁸ *Пытин А. Н.* Особый русский язык. С. 371.

⁴⁴⁹ *Т. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1899. № 11. С. 401–402; 1900. № 10. С. 843.

⁴⁵⁰ Там же. 1900. № 10. С. 844.

⁴⁵¹ *Д. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1902. № 8. С. 813.

⁴⁵² *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 441.

⁴⁵³ Там же. С. 441–442.

⁴⁵⁴ Там же. С. 442.

⁴⁵⁵ Там же. С. 442–443.

⁴⁵⁶ См. сноску 432.

⁴⁵⁷ См.: Сборник статей по славяноведению. СПб., 1883. См. также: *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 417.

⁴⁵⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 446–447.

⁴⁵⁹ Там же. С. 447.

⁴⁶⁰ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 328.

⁴⁶¹ См.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе... С. 45.

⁴⁶² *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 378.

⁴⁶³ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 166.

⁴⁶⁴ *А. Н. [Пытин А. Н.]* Будущность славянства // Вестник Европы. 1877. № 12. С. 829.

Глава 3

Славянское единство. Теория и практика

В осознании своей принадлежности к большой семье родственных народов многие славяне, находившиеся в зависимом положении, черпали моральную поддержку своим национальным стремлениям. Представления об этнической близости порой приводили к необоснованным выводам о едином народе, состоящем из отдельных «племен». У большинства славянских народов возникли идеи взаимности и сближения в области культуры, зачастую утопичные, но имевшие широкий общественный резонанс. Политические интерпретации идеи единства также получили большое распространение в различных идейных течениях — от демократических до консервативных и реакционных. Были популярны «региональные» варианты этнокультурного и национально-политического объединения (иллиризм, австрославизм, югославизм).

Большой интерес А. Н. Пыпина вызывали идеологические основы национально-освободительной борьбы славянских народов. Особое внимание ученого привлекала характерная для эпохи национального пробуждения так называемая *славянская идея* — идея единства происхождения, общности культуры, межславянского и общеславянского взаимодействия в различных сферах жизни. С ней тесно связаны такие понятия, как «панславизм», «славянский вопрос» и др. Тщательное изучение основных вариантов славянской идеи, появление которых было обусловлено формированием и развитием наций, определенным состоянием общественной мысли и политическими условиями в каждой стране и в славянском мире в целом, стало одним из определяющих направлений публицистической и научной деятельности Пыпина, одной из центральных тем его славистических исследований¹.

Идея единения славянства рассматривалась Пыпиным в его статьях в журнале «Современник», в книге «История славянских литератур», в специально посвященном этому вопросу исследовании «Панславизм в прошлом и настоящем», а также в других работах 80–90-х гг. XIX в. В этих трудах представлена

попытка научного, объективного исследования славянской идеи — идеологии национально-освободительной борьбы и изоляционистской доктрины противостояния славянского мира Европе²!

Что такое «панславизм»? А. Н. Пыпин исследовал генезис и развитие идеи объединения славянства в широком диапазоне ее интерпретаций, а также рассматривал некоторые попытки ее практического воплощения. Течение общественной мысли, отражающее стремление славян к единству, во всех работах Пыпина именуется «панславизмом», который выступает зачастую как синоним славянской идеи. Ученый подчеркивал, что это «понятие крайне неопределенное», нечеткое; сами идеологи славянской взаимности в разных странах, признавая неминуемость в будущем «соединения славянства в одно великое целое», расходились в определении путей и сущности объединения славян³.

В вопросе о времени возникновения славянской идеи Пыпин, в отличие от славянофилов, отстаивавших ее исконность*, придерживался мнения, что во всем славянском мире она не имела древнего происхождения, поскольку уже в ранний период своей истории славянство являлось сильно разделенным из-за географических условий, политических и религиозных различий, влияния соседних государств⁴. Славяне, как правило, почти ничего не знали о дальних единоплеменниках, а с соседними отношения складывались не лучшим образом. Если бы правы были те, кто твердил о древности славянской идеи, подобное было бы невозможным, замечал Пыпин⁵. Не отказываясь от этого мнения, неоднократно высказанного им в разных работах, Пыпин внес в «Панславизме в прошлом и настоящем» некоторые уточнения: «Теперь собрано довольно много свидетельств, что в Средние века славяне даже далеко расселенные знали друг о друге, помнили единство своего происхождения и имели известные племенные сочувствия»⁶. Памятники славянской письменности свидетельствуют о «чувстве племенной родственности»,

* То, что Нестор обнаружил хорошее знание славянских племен, отмечал Пыпин, свидетельствует не о панславистских взглядах летописца, а о его кругозоре (к тому же он называл и другие народы, «совершенно не славянские»).

которое издавна существовало как «инстинкт». Это, впрочем, не противоречит прежней позиции Пыпина, поскольку знания о славянстве не получили широкого распространения. Не будучи реализованы на практике, эти чувства ослабевали и со временем остались достоянием лишь небольшой группы образованных людей⁷.

Разумеется, Пыпин не имел в виду отсутствие каких бы то ни было связей между славянскими народами, а лишь заострял внимание на том, что идея единого славянства, сплоченного не только этническим родством, но и близостью интересов и целей, не была изначально присуща славянству, а являлась «новой» и сформировалась на почве реальных потребностей южных и западных славян. Мысль о славянском единстве, увлекательная «по своей фантастической широте», «имела успех везде, где она или подавала славянским национальностям надежду поправить свое настоящее, или льстила их самолюбию»⁸.

Славянские историки XVI–XVII вв., по выражению Пыпина, уже высказывали «неясное ожидание, что общность происхождения должна внушать славянам взаимный интерес, сочувствие, а пожалуй, и помощь»⁹. Знаменательным стало появление такого деятеля, как Юрий Крижанич, который «не только ясно предчувствовал национально-политическую и образовательную солидарность славянства, но и предпринял для ее осуществления замечательные историко-политические и литературные работы»¹⁰. Он создал свою теорию национального освобождения и «возвеличения славянства» под руководством России, как самой сильной и независимой славянской державы. Его точку зрения относительно религиозных различий Пыпин характеризовал как «оригинальную и вполне национально-славянскую» и полагал, что ее неплохо было бы принять и в XIX в. Речь шла о том, что славянам нужно не вмешиваться в спор о первенстве между православной и католической церковью (который нарушает христианскую заповедь о взаимной любви), а стремиться к племенному объединению. Называя Крижанича «первым панславистом», Пыпин отмечал, что его взгляды в свое время не нашли понимания¹¹.

«Теоретическое определение национальной связи и солидарности, — писал Пыпин, — дано было уже новейшим влиянием европейских политических теорий и событий и новейшим изучением славянами друг друга»¹².

Зарождение славянской идеи Пыпин соотносит с пробуждением славян как в духовной, так и в политической сферах*, указывая, что она была «естественным следствием национального возрождения славянских племен»¹³. Ее *источником*, по утверждению ученого, явился «глубокий национальный инстинкт и стремление к народно-общественной свободе»¹⁴. Она вырастала из «племенного чувства», осознания общности происхождения, этнического родства, соответственно — близости языков, народных преданий, обычаев, «общественных понятий». «Племенное чувство», по словам Пыпина, и в судьбе одного народа может проявиться такой «могущественной силой, как народный патриотизм»; оно может быть важным фактором в отношениях отдельных народов одного племени. Но, подчеркивал ученый, «одно племенное чувство никак не составляет племенной „идеи“, готовой программы культурных понятий». Идея целого славянства, по мнению Пыпина, вобрала в себя и многовековую славянскую историю¹⁵.

Начальные *средства* идеи находятся «в национальном предании и в освободительных идеях европейской образованности». *Цели* заключались в освобождении славянских народов, испытавших разные формы угнетения, и установлении их национальной и культурной солидарности, основанной на племенных и исторических связях¹⁶. Пыпин высоко оценивал гуманистическую направленность «истинного панславизма» не только как идеологии славянского возрождения, но и практической программы, нацеленной на достижение самостоятельного существования славянских народов и объединение славянских движений. Этим объяснялось его сочувствие к славянскому движению, которое определялось не только «племенными инстинктами, церковными связями», но и «человечным характером целого движения»¹⁷.

Национальное возрождение подняло на новую высоту образование, науку, литературу (правда, у разных народов этот процесс проходил не синхронно), что способствовало осмыслению этнокультурной общности славянства. Напоминая, что славянские народы были лишены «политической и общественной са-

* Вместе с тем он отмечал, что при первых попытках сопротивления угнетению у славян еще не было общеславянского сознания, «славянской идеи», а был только свой «ближайший интерес».

мостоятельности», Пыпин отводил большую роль в деле формирования объединительной славянской идеи научным исследованиям, подчеркивая, что в первой четверти XIX в. они явились «сильным элементом», способствовавшим «процессу развития мысли о всеславянском целом». Изучение прошлого давало «уроки для настоящего» и убеждение в «необходимости тесной нравственной связи всего славянства». Это, в свою очередь, вместе с пониманием невозможности поодиночке бороться за свои права привело к осознанию потребности в сплочении. Пыпин подчеркивал, что «возникновение первого славянского христианства и письменности» (благодаря Кириллу и Мефодию, которые принесли славянам «христианство греческое, но на языке народном», и изобрели славянскую азбуку) давало «повод к идеальному представлению о старом единстве и к надеждам на его возвращение»¹⁸.

Истинная славянская взаимность, считал Пыпин, не может строиться исключительно на «племенном инстинкте», представляющем «стихийную силу». Не может она определяться и слишком изменчивыми «дипломатическими соображениями». Славянству нужна осмысленная солидарность, основанная на общих интересах при наличии свободы в общественной жизни, литературе и науке¹⁹.

Таким образом, уточнял Пыпин, впервые в идее сплоченного славянского мира мысль о единстве является не как «инстинкт», а как «первое сознательное движение панславизма, которое начало новую эпоху (курсив мой. — Е. А.) в жизни и в литературе» западного славянства, и было поддержано затем другими славянскими народами²⁰.

Механизм формирования движения Пыпин представлял в таком виде: «Когда, вместе с потребностью народного образования, явилась и потребность политических прав народности... то народы невольно оглядывались на свое прошлое и искали себе нравственной поддержки в мысли о целом племени: слабые сами по себе, они хотели надеяться на силу этого целого; история и археология напомнили их прежнюю самобытность и единство, и — самый восторженный панславизм был готов»²¹. Поэтическое видение представляло «чистую мысль», «горячее сердце», «братскую любовь» «крепким пределом предполагаемого славянского царства». На деле, утверждал Пыпин, «предел

был не совсем надежен, но этого не замечало только что пробудившееся и неопытное национальное чувство»²².

С одной стороны, отмечал Пыпин, первые успехи славянского движения «давали пищу для патриотического идеализма». Обращение к далекому прошлому, в котором усматривали былое могущество целого племени, порождало панславянские стремления. С другой стороны, как считал ученый, панславизм «становился практически необходимым», ибо идея целого славянства должна была подкреплять стремления отдельных («слабых») народностей в их «борьбе с турками, немцами, мадьярами, итальянцами и др.». В самой идее объединенного славянства видели средство общественной борьбы, «в особенности против иноземного угнетения»²³.

Вместе с тем, продолжал Пыпин, логика развития такого явления, как возрождение, предполагает, что «частные племенные возрождения в дальнейшем ходе должны были завершаться общим результатом, именно — идеальным возрождением *цельной* славянской национальности, которое должно было выразиться не только в литературе и поэзии, но и в национальной образованности и политической жизни». Идея славянского союза проникла в умы славянских патриотов²⁴.

Так или иначе, заключал Пыпин, факты племенных «сочувствий» постепенно сложились в теорию славянского единства, названную «панславизмом». Панславизм — это «чистая теория, или, вернее, наполовину теория, наполовину идеал национальных патриотов, философско-историческое построение — справедливое или несправедливое, но которое *никогда* не было правительственной системой»²⁵.

Относительно термина «панславизм» Пыпин писал, что он был создан «теоретически» и оставался таким же неопределенным, как и понятия о его «элементах и действительных силах»²⁶.

Пыпин воздерживался от окончательного вывода о том, что представлял собой феномен панславизма. Тем не менее он давал ему свое определение, которое сводилось к тому, что «панславизм не есть выяснившееся движение, это — *теория, идеал, порыв*, которые возникали у людей, искавших лучшего будущего среди тяжелого положения славянских народностей»²⁷ (курсив мой. — Е. А.). Но в чем состояла «истинная сущность и цель движения, какой связи и объединения искали славянские наро-

ды — этого еще не знали они сами». Пыпин отмечал, что неопределенность и в дальнейшем не исчезла²⁸.

Основываясь на этой общей дефиниции, Пыпин более подробно разбирал варианты и интерпретации панславизма. Ученый рассматривал его феномен в различных аспектах, и потому представление о явлении в целом получается довольно мозаичным, что, впрочем, говорит не столько о недостатках методов систематизации материала, примененных ученым, сколько о многоплановости самого объекта исследования.

Славянская идея и национализм. Вначале, на первом этапе возрождения, как отмечал Пыпин, «слышались восторженные заявления национального славянского братства, надежды на будущее восстановление племенной цельности, призывы к союзу и единству». Однако, по определению ученого, это был «только туманный идеал». Данный период он называл «*поэтическим*» или «*романтическим*» панславизмом²⁹. Вместе с тем он подчеркивал, что идеал формируется не на пустом месте: «идеал ищет лучшего, стремится от тяжелого, не удовлетворяющего, неприятного настоящего к более совершенному будущему», но при этом «строит будущее по тем данным, понятиям, формам, какие есть в настоящей действительности».

Пыпин постоянно подчеркивал диалектическую связь между идеалом «панславянского отечества» и «национальным вопросом». Славянская идея, утверждал он, имеет две стороны: одна дает сознание единства целому племени, другая способствует стремлению каждого народа развить свои особенности и «выделить свою индивидуальность» (иногда — в ущерб другим). Следует помнить, что каждая национальность имеет право на существование и что в большом племени невозможно «единообразие» языков и обычаев. Но эти обстоятельства не мешают осознанию единства (не обязательно закрепленного политически). Славянское единство, заявлял ученый, может быть основано «только на сумме народных индивидуальностей», которые должны иметь свободу, чтобы достичь необходимого развития³⁰. Идеал стал общим, поскольку славянские народы принимали его, как только перед ними вставали национальные проблемы. В то же время «неопределенно-мистические ожидания панславизма» оставались весьма туманными, и славяне, в качестве первой ступени на пути к идеальной цели, выдвигали требование

«развивать ближайшее национальное чувство, возвышать свою собственную народность, ее язык, литературу и нравы»³¹.

По мере того, как в период формирования наций идеалы более или менее определялись, у каждого народа на первый план, по верному замечанию Пыпина, выдвигались свои интересы и решение собственных национальных задач, что представляет собой закономерное и в целом прогрессивное явление³². Романтически окрашенная идея «всеславянства», не исчезая совсем, оставалась лишь «отвлеченной почвой», общим фоном. То почти затухая, то вновь становясь востребованной, эта идея все больше использовалась в интересах политической борьбы каждого славянского народа, причем задачи, которые «обслуживала» славянская идея, у разных народов были порой совершенно различны. Пыпин указывал, что на втором этапе славянского возрождения, или во «втором фазисе развития „славянской“ национальной „идеи“ дело опять возвращается как будто к прежнему разъединению». Нет еще такой «формулы», замечал ученый, которая могла бы быть идеальным для всех решением вопроса об объединении славянства³³.

Пыпин выделял две причины — внутреннюю и внешнюю, субъективную и объективную, — которые способствовали стремлению к межславянскому общению и формированию идеала всеславянского единения. Это — «внутренние возбуждения» славянских народов в период возрождения, основанные на чувстве племенного родства, и «внешняя опасность», угрожавшая существованию славян со стороны иноплеменных сил³⁴. Кратко формулируя механизм взаимодействия этих причин, Пыпин отмечал, что внешние обстоятельства дали импульс внутренней потребности³⁵. Опираясь не только на свои наблюдения и выводы, но и на сравнительные изучения ученых разных стран, Пыпин обращал внимание на то, что в сознании всех славянских племен в период возрождения «сущность и история своей народности стали пониматься в связи с национальным славянским целым, и в противоположности или различии с другими национальностями»³⁶. Порожденная национальными движениями, идея «всеславянства», в свою очередь, оказала обратное влияние на эти движения, которые, как отмечал Пыпин, еще более усилились, «когда в помощь домашнему народному интересу возникло сознание общеплеменного пробуждения, связи всеславянской»³⁷.

Однако при любых вариантах единения славян, как подчеркивал Пыпин, права отдельных народностей «требуют самого внимательного и осторожного обращения». О необходимости учитывать это диалектическое единство Пыпин писал: «Общий национальный интерес племени, как здоровая нравственная сила, может вырасти только на признании народностей частных: когда они будут спокойны за свое существование, — в них тем сильнее подействует потом, под влиянием внутренних возбуждений и внешней опасности, потребность собраться и сосредоточиться»³⁸.

Идея единства, подчеркивал Пыпин, «есть явление новое в истории славянских народов», связанное с ранним периодом возрождения, т. е. с начальным этапом формирования славянских наций. Позже оформилось идеологическое обоснование объединительных проектов, получившее название «панславизма». 30-е годы XIX в. Пыпин называл «медовым месяцем панславянских мечтаний и стремлений»³⁹. В то же время он относил панславизм «к числу самых характеристических проявлений национальной идеи»⁴⁰ (курсив мой. — Е. А.).

Пыпин подводил читателей своих работ к выводу о том, что славянская идея представляет собой специфическую форму идеологии национального возрождения славянских народов или, по крайней мере, очень важный ее компонент. В поисках пути политического объединения славянских народов он видел прежде всего их стремление к своему национальному освобождению («...в панславизме одним из главных вопросов был вопрос о самобытности славянских народностей, не только культурной, но и политической»). «Принцип панславизма есть национальный (не религиозный, и не другой) принцип», — писал Пыпин. «Цели истинного панславизма — освобождение целых племен... как бы затем ни установились формы их политического существования» (так, славян Австро-Венгрии привлекала форма австро-славянской федерации)⁴¹. Как порождение национальной идеологии, он соединил в себе и позитивные примеры «национального увлечения, способного дать нравственную энергию ослабевшему и запуганному обществу», и отрицательные стороны — «заблуждения и предрассудки», которые вредят интересам самого общества, когда оно «выше всего ставит свою исключительную национальность»⁴². Пыпин подчеркивал, что преобладание национальной идеи над общеславянской препятствует реальному

объединению (это наглядно продемонстрировали славянские съезды: пражский 1848 г. и московский 1867 г.)⁴³ из-за неумения славян направить свой патриотизм на достижение общей цели («Они спорят из-за будущего воздушного замка, а в настоящем их успевают ограбить добрые соседи»⁴⁴). Кроме того, отмечал Пыпин, славянское единство не может быть достигнуто только «стремлениями немногих патриотов и ученых»⁴⁵.

Ученый также указывал, что идеи панславизма, питаясь национальными стремлениями отдельных славянских народов, подкреплялись также «теорией национального фатализма», по которой славянство должно выполнить особую роль, сменив на исторической сцене западные народы⁴⁶.

При этом Пыпин замечал, что «славянская взаимность» казалась ее сторонникам разрешением только национальных «затруднений»; эта теория не затрагивала «существенных социальных вопросов», таких, какими было озабочено, например, русское общество. Испытывавшему социальный гнет (как национальный или религиозный) славянскому населению, особенно простому народу, подчеркивал Пыпин, не становилось легче от уверений, «что в его национальности заключается корень будущей цивилизации...»⁴⁷. Таким образом, Пыпин подводил к мысли о том, что разрешение национального вопроса должно идти параллельно с социальными преобразованиями.

Отношение к панславизму со стороны Европы и славянского мира. Пыпин утверждал, что в 30–40-х гг. XIX в. панславизм воспринимался различными общественно-политическими силами Европы не одинаково. Для славянских патриотов он был идейным воплощением их национальных стремлений, для Европы — порождением страхов перед движением славян, которое сравнивалось с «новым монгольским нашествием» (при этом силы славянства, безусловно, преувеличивались)⁴⁸.

Четко определив, что панславизм основывался не только на внутренних потребностях славянства, но и был обращен против внешней, «агрессивной» по отношению к большинству славянских народов среды, Пыпин указывал, что для всей Европы, «опасное и зловердное» движение славянства превратилось в «фантом панславизма», и «вопли о панславизме» раздавались каждый раз, когда «в славянских странах обнаруживалось стремление приобрести себе свободу и человеческое существо-

вание»⁴⁹. Ученый обращал внимание на то, что в самой Европе «мысль о германском единстве» развивалась параллельно «с панславянской идеей», естественно, приходя с ней в столкновение⁵⁰.

В самом панславянском движении Европа отводила основную роль России. Таким образом, Запад понимал под «панславизмом», по определению Пыпина, «ожидаемое политическое объединение и возвышение славянского мира под влиянием России, или, ближе, распространение над славянским миром прямого (или в крайнем случае косвенного) господства России, которая таким образом получит приращение к своим и без того опасным силам и наконец захватит себе Балканский полуостров» и может угрожать свободе всей Европы⁵¹.

Имелись ли предпосылки для тревоги со стороны Европы? Реальное положение дел, как показал Пыпин, было таково, что можно дать положительный ответ на этот вопрос. Чехи (а за ними и другие славяне) начали активно разрабатывать идею единого славянства; для одних она была следствием научных изучений, для других — «величественной политической комбинацией». В некоторых проектах России отводилась существенная роль. Южные славяне в своей национально-освободительной борьбе возлагали надежды на помощь России и получали ее; к тому же русские славянофилы «подогревали» эти надежды, преувеличивая роль России⁵².

В то же время следует отметить, что в первой четверти XIX в. Россия ревностно отстаивала «законную власть»; во второй четверти столетия делала заявления о целостности и независимости Османской империи, не думая о невыносимом положении славянства. Что касается внутренней политики, то в ней проявлялись денационализаторские, «обрусительные наклонности» в отношении украинцев, белорусов, поляков⁵³.

Понятно, что благодаря усилению внешнеполитической роли России Запад мог сделать вывод о панславистских устремлениях России, впрочем, недостаточно обоснованный. Во второй половине 1870-х гг. международная обстановка складывалась в пользу усиления славянской солидарности, и на Западе вновь получили распространение версии о «панславизме», грозящем Европе. Пыпин в связи с этим замечал, что говорить о подобном объединении славян можно лишь в шутку или с иронией. Европа, отмечал он, сама не верит в то, что Россия присоединит

к себе все славянство, и использует «опасности панславизма» как «политическую уловку, за которой скрывается просто вражда к России». Собственные внешнеполитические задачи Запада и противостояние с Россией приводили к тому, что допускались «безобразия турецкого правления», отделение Восточной Румелии и Македонии, передача Боснии и Герцеговины Австрии и т. п.⁵⁴ Пыпин считал, что речь о «славянской опасности» западные державы заводили в том случае, когда хотели завуалировать собственные агрессивные замыслы в отношении славянских народов и их земель. Новизна постановки Пыпиным вопроса в такой плоскости несомненна⁵⁵.

Опасения Запада относительно «грозного характера русских панславистов» казались Пыпину несерьезными, поскольку мысли о славянском единстве и идеалы будущего устройства славянского мира возникали в «узкой литературной среде» России (славянофильской), деятельность которой не поощрялась властями, а идеи едва обращали на себя внимание русского общества⁵⁶.

Между тем преувеличение Европой роли России в стремлении объединить славянство являлось обстоятельством чрезвычайно важным и для многих славян. Панславизм, писал Пыпин, представлялся тогда не только европейским политикам «новой силой, способной изменить политический вид Европы»; деятели славянского возрождения «считали эту силу почти уже готовой начать новый период европейской цивилизации взамен цивилизации отживающего Запада; русские славянофилы надеялись на такую перспективу еще больше, и полагали, что блестящая роль предоставлена именно русскому племени»⁵⁷.

Однако и в среде западного и южного славянства, как отмечал Пыпин, были протесты против панславизма (что менее известно, чем страхи Европы перед этим явлением). У славян не вызывал сочувствия такой вариант единения, который был связан с потерей национальной самостоятельности. Чехи, приводил пример Пыпин, вообще представляли соединение славянства только в федеративной форме, чтобы оставалась «неприкосновенной их внутренняя независимость и национальная свобода». Панславизм в форме подчинения и поглощения народностей казался им оскорблением национального достоинства⁵⁸.

Впрочем, и Европа, и славяне, по мнению Пыпина, неверно судили о панславизме, преувеличивая его «опасность». Но если Запад использовал «фантом панславизма» в своих политических

«маневрах», то славяне зачастую просто недооценивали «всей серьезной сущности вопроса» о том, что панславизм (в той или иной форме межславянской солидарности) «есть единственное обеспечение их сохранения и будущего развития», особенно ввиду угрозы германизации и исламизации⁵⁹.

«Панславянское единство», как порождение эпохи славянского возрождения, нашло отголосок у славянских народов, но, по мнению Пыпина, оно «вовсе не имело такого глубокого значения, которое приписали ему в свое время» и славяне, и Европа⁶⁰.

Как приходили к пониманию единства славянские народы? Начало развития панславизма. Каждый из славянских народов, считал Пыпин, приходил к пониманию славянского единства по-своему⁶¹.

За чехами Пыпин признавал первенство в осознании славянской общности и необходимости упрочения и развития взаимодействия славян⁶². Для чехов «панславянство» представляло «сущность их патриотического дела», потому что чешское возрождение находило в этом «опору для защиты ближайшего национального интереса»⁶³.

Первые деятели чешского возрождения (В. Крамериус, Й. Добровский и др.), подчеркивал ученый, стремились поднять уровень образования народа и не думали еще о панславизме: «Расширить это национальное чувство до идеи о целом славянстве, сделать попытку к соединению всего славянского мира в одно нравственное целое досталось следующему поколению» (В. Ганка, Ф. Палацкий, П. Шафарик и др.)⁶⁴. Идея «о целом славянстве» нашла выражение в науке, литературе, публицистике. Однако австрийская цензура не давала этому направлению простора для развития, многое приходилось недосказывать⁶⁵. Литературная сфера, отмечал Пыпин, «и впоследствии осталась единственной почвой и средством» для заявления национальных и общеславянских стремлений⁶⁶ (точнее было бы сказать — основным, но не единственным средством, поскольку использовались и другие, в том числе политические способы выражения национальных требований).

Таким образом, подводил итог Пыпин, благодаря историческим условиям и сложившимся обстоятельствам, в Чехии сильнее всего развились «общеславянские интересы». В период пробуждения национального самосознания народов Австрий-

ской империи здесь же зародилась «мысль о солидарности австрийских славян для общей защиты племенной особности и исторического права»⁶⁷. Пыпин обратил внимание на то, что развитие теории славянского единства имело у чехов и оборотную сторону — появление неоправданных иллюзий: одни «слишком верили в тесное славянское братство, приписывали ему политическую силу, какой оно далеко не имело; другие — в могущественную поддержку России, которая, говоря строго, об этом и не думала»; заявления «небольшого кружка» славянофилов принимали за государственную политику России и т. п.⁶⁸.

Для поляков «панславянство» представляло, по мнению Пыпина, «случайный интерес»⁶⁹. У них стремление к объединению было развито менее всего, что он объяснял национальной гордостью, верой в собственные силы в деле достижения независимости⁷⁰. Если поляки и заводили речь о славянском союзе, то только о таком, в котором Польша могла бы играть первенствующую роль⁷¹. Так, например, теория Ф. Духинского была, по определению Пыпина, той формой панславизма, в которой Польша во главе западного славянства становится оплотом Европы против России⁷². На таких основаниях, считал Пыпин, нельзя создать никакой славянской солидарности, поскольку само западное славянство беззащитно перед Европой и может погибнуть под натиском германизации, «если не найдет действительной, серьезной поддержки России»⁷³. Пыпин добавлял к этому, что у поляков не было солидарности с другими славянами, так как те, надеясь на помощь России, не хотели объединяться против нее с поляками, которые не могли идти на союз с Россией из-за ее обрусительской политики в Польше. Кроме того, поляки сами притесняли украинцев, белорусов, русинов⁷⁴.

Вновь касаясь позиции поляков относительно славянского единства в конце XIX в. (в «Истории русской этнографии»), Пыпин выделил другую грань этого вопроса. Он подчеркнул, что их изначально слабый энтузиазм позднее сменился враждебным отношением к идее единения, когда они в «панславизме» усмотрели «замаскированный план России подчинить себе славянские племена в одном деспотическом русском царстве». Славянофильская программа «со всей ее исключительностью» также способствовала тому, что поляки «отшатнулись надолго от славянского движения в смысле племенного сближения»⁷⁵.

Отстраненность, «отдельность» польского национального движения от борьбы остального славянского мира обнаружилась, по наблюдению Пыпина, и во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда лишь отдельные поляки пришли на помощь балканскому славянству в рядах русского войска, в то время как большинство поляков «осталось безучастным или выжидающим зрителем этой борьбы»⁷⁶.

Политическая будущность остальных славян, как считал Пыпин, зависела от союза с другими народами, находившимися в таком же положении. Так, у хорватов и словенцев возникло движение «иллиризма» (1830–1840-е гг.) — стремление к объединению южнославянских областей в «Великую Иллирию». Ближайшей целью идеологов иллиризма (Л. Гай, И. Кукулевич-Сакцинский и др.) было литературно-языковое объединение, сменившееся затем политическими требованиями отделения от венгерской короны и автономии в Габсбургской империи⁷⁷.

От сознания своей слабости и незащищенности перед угнетателями пришли к идее единения и южные славяне Османской империи⁷⁸. Они рассчитывали на помощь могущественной России, чья внешняя политика давала им определенные надежды⁷⁹. Пыпин отчетливо сознавал, что действия России на Балканах диктовались «политическими расчетами», а не «национально-племенными» соображениями. В то же время он не склонен был все сводить только к политике, считая, что в помощи южным славянам проявлялось и просто сочувствие единоверцам⁸⁰. Таким образом, реальная поддержка России или ожидание ее участия в судьбе южных славян представляли собой, по оценке Пыпина, один из «сильных факторов», оказавших влияние на их возрождение и формирование «панславянских» воззрений⁸¹.

Для западных славян — единоплеменных, но не единоверных русским — этот фактор был значительно слабее. К тому же во время венгерского восстания Россия выступила не в поддержку славян Австрийской империи, а на стороне Габсбургской монархии. В подобной ситуации австрийские славяне предпочли сделать ставку на свое правительство, поскольку, как замечал Пыпин, рассчитывать на Россию «на практике было бы ребячеством»⁸².

Таким образом, подытоживал Пыпин, общеславянские симпатии «уже заявили себя» у разных славянских народов, но «еще

не приобрели практического значения» (поэтому панславизм потерпел «печальную неудачу» в 1848 г.)⁸³.

Формы панславизма. Во многих своих работах Пыпин затрагивал вопрос о формах проявления славянской идеи у разных славянских народов, подчеркивая при этом, что как идеологическое обоснование единения славян она сложилась в «образованном обществе», в среде ученых и литераторов, отнюдь не став всенародной идеей⁸⁴.

Кроме того, эти умозрительные построения далеко не всегда предполагали их реальное воплощение. Так, например, у чехов, отмечал Пыпин, панславизм, больше проявлявшийся в науке и литературе, был скорее *«теоретическим»*, оказывая моральную поддержку в борьбе с германизацией. Ученый подчеркивал, что чехи хорошо знали историю, чтобы «не ожидать *практического* осуществления панславизма»⁸⁵ (курсив мой. — Е. А.).

Научный и литературный панславизм. Свой вклад в развитие славянской идеи внес *научный панславизм*. Одна из его разновидностей — *археологический панславизм*. Осознание единства славянства, пояснял Пыпин, сначала возникло при изучении древности, поэтому «панславизм прежде всего был археологическим открытием»⁸⁶. Развивались исследования в области истории, языкознания, этнографии. История изучала славянскую древность, когда «славянство представлялось единым, еще не разделившимся целым». Языкознание установило тесное родство славянских наречий в IX–X вв. Этнографические изучения преданий, поверий, обычаев, песен, сказок давали славянству «основание для взаимного понимания и сближения»⁸⁷.

Чехов Пыпин считал наиболее образованной из славянских наций. Именно чешские ученые внесли большой вклад в изучение истории, языков, древних памятников славян. Так, по словам Пыпина, научная деятельность Й. Добровского, признанного «патриарха славянской науки», имела не только национальное, но и «великое историческое значение *всеславянское*»⁸⁸.

«Ревностным панславистом», «ревнителем славянской взаимности» называл Пыпин В. Ганку. По словам Пыпина, Ганка «оказал несомненные услуги литературной взаимности славянских племен, от которой так многого ждут наши западные единоплеменники». Он полагал, что взаимная связь славянских литератур должна подготовить сближение народов⁸⁹. На первых порах

сторонники единения славянства, по словам Пыпина, «еще не отдавали себе ясного отчета», в чем должна состоять взаимность, но «считали необходимым кроме ближайшего отечества — Чехии, напомнить о великом отечестве — Славянстве»⁹⁰. На этом пути порой совершались и ложные шаги, как «открытие» поддельных древних рукописей, призванных свидетельствовать об общеславянской древней истории, языке, мифологии, обычаях и т. д. Они должны были укрепить представления об общеславянском единстве, о славянской культурной «особности», о преимуществах славянского национального характера⁹¹.

Но были и истинно научные труды. Ученые, изучавшие славянские древности, памятники славянской письменности, историю, этнографию в поисках доказательств исторических прав и некогда самостоятельной жизни своих народов, обращаясь к прошедшему, «становились в прямую связь с вопросами настоящего». Их исследования, касавшиеся древнего периода истории славян, помогли «открыть общие черты целого племени». В трудах П. Шафарика впервые ясно выражено стремление связать славянские национальности «в единое историческое целое». Эти исследования Пыпин называл «настоящим откровением научного панславизма»; они нашли своих приверженцев не только среди чехов, но и у других славян, которые «распространяли дальше сознание исторического единства племен в древности и необходимости нравственного единства в настоящем»⁹².

Затем «общеславянская идея» становится неперменным элементом работ Л. Челаковского, Ф. Палацкого, К. Эрбена, В. Мацеевского, О. М. Бодянского, И. И. Срезневского, В. И. Григоровича, Ф. Миклошича и др.⁹³. Выявленное учеными единство славян в древности породило мысль о восстановлении потерянной связи. «В подмогу, — добавлял Пыпин, — явилась еще философская теория национального предназначения и исторического преемства рас и народов» (И. Г. Гердер)⁹⁴. Таким образом, делал вывод Пыпин, «всеславянские стремления», вырабатывавшиеся под влиянием патриотизма, научных изысканий древности, философско-исторических теорий, были «не столько политическим учением, сколько патриотической поэзией», «идеалистическим настроением»⁹⁵.

Отдавая должное усилиям славянских патриотов, Пыпин вместе с тем отмечал, что они были романтиками, мало знакомыми с практическим положением дел⁹⁶. Общеславянский во-

прос оставался чисто «книжным». Учено-романтические теории говорили о славянском единстве и братстве, о славянской цивилизации. Но для этого, утверждал ученый, необходимо было изменение политического положения славянства, так как успех объединения мог быть достигнут только при условии наличия национальной свободы каждого народа⁹⁷. Абстрагированная от действительности идея славянской взаимности на деле не касалась насущных «социальных вопросов» и не находила опоры в массах, не готовых к ее восприятию (в этом смысле «идея панславизма забежала вперед»). Поэтому, полагал Пыпин, пора перестать говорить о славянской взаимности «и с археологической, и с литературной точки зрения»⁹⁸.

Забываясь о развитии народного образования, национального языка и литературы, прогрессивные славянские деятели задумывались о более тесных взаимосвязях славянских культур. Литература стала той средой, где «национальное чувство» расширилось «до идеи о целом славянстве», о единстве и солидарности «нравственных интересов» славянских народов. Однако Пыпин давал понять, что литературное сближение не являлось первичной или основной идеей славянского возрождения. Мысль о «литературной взаимности», утверждал он, появилась гораздо позднее, чем пришло к славянским народам осознание своего бесправия, и именно «на политическое освобождение единоплеменных народов, например, турецких славян, прежде всего направлялись славянские сочувствия, как только стали пробуждаться»⁹⁹.

Тенденции к сближению в области культуры Пыпин называл «литературным панславизмом», который проявляется «в двух, иногда сливающихся, направлениях: в смысле объединения интеллектуального, объединения местно-народных национальных и образовательных интересов; и в смысле установления одного общеславянского литературного языка»¹⁰⁰. «Первым и замечательнейшим представителем» литературного панславизма Пыпин считал словака Яна Коллара. В его поэзии «обнаружилась горячая панславянская тенденция», в первую очередь в поэме «Дочь Славы», которую Пыпин называл «единственным поэтическим кодексом панславизма» и «поэтической реставрацией национального единства»¹⁰¹. Тем же духом была проникнута и брошюра Коллара «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянского народа», написанная

по-чешски. Автор, по словам Пыпина, проповедовал «взаимную славянскую любовь и единство», ему принадлежала идея о соединении славян в рамках «литературной взаимности»¹⁰².

Коллар не считал, что взаимность состоит в политическом соединении славян, в революционных выступлениях против властей. Он считал исторической задачей славянства, напоминал Пыпин, «вести далее цивилизацию и просвещение после германских и романских народов, которые должны теперь уступить свое место новому, свежему народу». В основе его теории — идея о племенной особенности славянства, которое должно осознать себя единым и исполнить свое историческое предназначение¹⁰³. По теории Коллара, славянские народы развивают свои литературы, а образованные люди каждой славянской нации изучают литературы других славянских народов¹⁰⁴. Пыпин указывал, что в теории Коллара не было достаточной ясности. Непонятным оставалось, сколько и какие языки будут главными; будет ли общеславянская литература при отсутствии одного общего языка и при развитии национальных литератур; можно ли тогда говорить о самобытности славянства в целом и исполнении им «великого исторического предназначения» и т. п.¹⁰⁵.

Коллар предлагал организацию книжных лавок и библиотек в главных городах славянских стран, обмен книгами между писателями и издателями, преподавание основных славянских языков в школе, издание общеславянского литературного журнала, сравнительных грамматик и словарей всех языков и др.¹⁰⁶. Пыпин отмечал, что средства, указанные Колларом, были явно недостаточны для литературного объединения, но его брошюра имела успех и способствовала «усилению панславянских интересов» — «о „взаимности“ заговорили все панславянские патриоты, находившие в ней панацею против всех бедствий славянского племени»¹⁰⁷.

Теория Коллара возникла в период, который, по определению Пыпина, можно назвать «весной славянского возрождения». Славянские народы, как отмечал ученый, в то время «едва пробуждались к новой исторической жизни, и пламенный панславист той эпохи не мог понять славянского единения иначе как в тесном союзе, где главные представители славянских племен являлись бы равноправными»¹⁰⁸.

Говоря о «чрезвычайной трудности, даже невозможности» достижения славянского единства с помощью теории «взаимно-

сти», Пыпин тем не менее отметил как заслугу Коллара его внимание к вопросу, с которым, по мнению русского ученого, рано или поздно славянство столкнется и «с решением которого действительно связано славянское будущее». Этот вопрос, по убеждению Пыпина, «теснейшим образом связан с общим политическим положением славянских народов, с состоянием их образованности»¹⁰⁹.

Творчество Коллара, по оценке Пыпина, было наиболее характерным выражением «идеалистического панславизма», который был наиболее распространен, как считал ученый, с 20-х гг. XIX в. до 1848 г.¹¹⁰ Пыпин объяснял, что, по мнению Коллара, меньшее должно подчиняться большему, т. е. национальные интересы должны подчиняться интересам всеславянским. Идеал «панславянского отечества» был принят тогда и другими славянскими народами¹¹¹.

Панславянские мотивы Пыпин отмечал в творчестве поэта Л. Челаковского и его научных трудах по сравнительной грамматике славянских языков¹¹², в издании «Слова о полку Игореве», осуществленном Ганкой (с предисловием на чешском, сербском, польском и русском языках) и т. д.¹¹³

Однако, замечал Пыпин, не все деятели чешского национального движения были «мечтательными фантазерами». Так, известный журналист К. Гавличек-Боровский, у которого, по наблюдениям русского ученого, было «много здравого практического смысла», признавал панславизм лишь настолько, насколько он мог «принести действительной настоящей пользы, не стесняя частного развития племен»¹¹⁴. Его взгляд на Россию не отличался сентиментальностью: он понимал, что только страх перед Россией удерживает врагов славянских народов от более жестких действий против них, т. е. отводил ей роль сдерживающего фактора¹¹⁵ (В. Ганка, для сравнения, видел в России «ручательство за судьбу целого племени», до конца веря в ее мессианизм)¹¹⁶.

Словацкие «панслависты» — ученый П. Шафарик и поэт Я. Коллар, как показывал Пыпин, не ставили под сомнение чешско-словацкое единство. Но другого словацкого деятеля, Л. Штура — «культурно-политического и литературного панслависта», как называл его Пыпин, не привлекала подобная взаимность, которая, как он считал, усиливала чехов в ущерб словакам. В концепции Штура Пыпин отмечал стремление к более

широкому, «всеславянскому» единству, которое Штур представлял прежде всего как литературное единство, которое по его мнению, должно стать «общей целью не только как идеал, но как средство спасения...»¹¹⁷. Его теорию, изложенную в работе «Славянство и мир будущего» (написана в 1852–1853 гг., в России издана в 1867 г.), Пыпин назвал «новым любопытным фактом панславянских идей». Он подчеркивал ее близость к теориям русского славянофильства¹¹⁸.

Более прагматичной была позиция другого словацкого деятеля Я. Поларика, обнародовавшего в 1864 г. свою теорию славянской взаимности. «Приверженец племенных автономий, — писал о нем Пыпин, — он стоит за славянский федерализм против централизации и абсолютизма»¹¹⁹.

Литературный панславизм представлялся Пыпину имеющим больше «реальных оснований» для воплощения в жизнь, нежели другие проявления славянской идеи¹²⁰. В целом же Пыпин полагал, что «литературная проповедь» славянского единства помогла перейти к политической его форме, которая «составит дальнейшую историю панславизма»¹²¹.

Пыпин неоднократно повторял, что и научный, и литературный панславизм был детищем эпохи романтизма: «Ученый романтизм не меньше романтизма литературного восторгался всем простым, первобытным, народным»¹²².

К концу 1840-х гг., по мнению Пыпина, завершился первый этап развития общеславянской идеологии, период наиболее идеалистического славянского романтизма¹²³, который после 1848 г. «устарел». Панслависты той поры, указывал ученый, занимали общество «рассуждениями о народной поэзии и мифологии» в то время, когда ему нужно уже было разъяснение политической ситуации¹²⁴.

Политический панславизм. Пыпин обращал внимание на то, что еще в XVII в. Ю. Крижанич первым понял большую политическую важность славянского единства¹²⁵, которое обязывает народы оказывать взаимную поддержку, выгодную для всего славянства. При этом он критически определял, что степень «политической мудрости» и самосознания у славянских народов невысока, и в политическом отношении угнетенные славяне питают надежды на помощь России. Самой же России Крижанич советовал установить крепкий союз с «ляхами» (поляками)¹²⁶.

Мысли о едином славянстве присутствовали в политических планах декабристов, но реальное положение славянских народов было таково, что эти мечты, как считал Пыпин, «были слишком преждевременной фантазией»¹²⁷. Тот вариант славянской идеи, который он называл «*политическим панславизмом*», получил толчок к своему развитию в связи с революционными событиями 1848 г. в Европе. С этой разновидностью панславизма неотъемлемо связан вопрос о формах политического устройства объединенного славянства, прежде всего — о федерации как наиболее приемлемом для славянских народов способе совместного существования.

В 1848 г. в Праге собрался первый славянский съезд — собственно, это был съезд славянских народов Австрии, участие в котором приняли и представители других славянских народов. Идеи панславизма были выдвинуты в противовес идее пангерманизма. На съезде обсуждались не только ближайшие задачи австрийских славян, выдвигавших план федеративного устройства империи, но и судьба целого славянства, которая должна решаться на основах общественно-политического равноправия и свободы, религиозной терпимости и исторического права. Предполагалось, что в дальнейшем в федеративный союз славянских государств могут вступать и славяне Османской империи после своего национального освобождения. И все эти планы строились, по выражению Пыпина, «с знаменательными умолчаниями о России», союз с которой даже не рассматривался и «которой пожелали только „света свободы“ и справедливости к Польше». Идеалы участников съезда, замечал Пыпин, были абсолютно несхожи с идеалами московских славянофилов, которые неясно говорили о свободе, умалчивали о равноправии, отстаивали религиозную исключительность¹²⁸. Лояльная позиция австрийских славян осталась не оцененной властями, и славянский съезд «был без церемонии закрыт»¹²⁹.

Революционная обстановка, в которой проходил пражский съезд, давала возможность для практического воплощения (хотя и частичного) теории славянского единства. Однако никаких шагов в этом направлении не было сделано. «Съезд, — по словам Пыпина, — только указал возможность соглашения и союза между австрийским славянством, едва намекнув на связи с славянством не-австрийским», но все заявления остались на бумаге — «за ними не было никакой реальной силы», способной оказать под-

держку. У славян не хватило «силы единства» на самостоятельные объединенные действия¹³⁰. Да и о каком единстве могла идти речь, если славяне, собравшиеся в Праге, даже плохо понимали друг друга — «степень разъединения славянских наречий» была такова, что, как замечал Пыпин, языком общения на съезде стал немецкий, которому тогда же присвоили ироническое название «общеславянского языка»¹³¹.

Однако, по мнению ученого, 1848 год придал панславизму политический смысл чересчур рано, так как идея политического объединения славян не имела «ничего или мало общего с действительными стремлениями славянских племен», думавших прежде всего о своих национальных интересах и вовсе не желавших такого единства, которое бы нивелировало их индивидуальные национальные особенности¹³². Реальное славянское единство было далеко от того идеального образа, который виделся его adeptам. Панславизм «обманул ожидания: славянский мир не восстал как один человек». Стало ясно, что вместо немедленной практической реализации идеи политической солидарности, «много нужно еще сделать, чтобы возможно стало единство», о котором думали славянские лидеры¹³³.

По мнению Пыпина, «первая политическая попытка панславизма в 48-м году была совершенно неудачна». Среди прочих причин провала, Пыпин указывал на то, что «политическая деятельность требует людей другого рода», нежели писатели и ученые, ограничившиеся «литературным спором и литературными задачами»¹³⁴.

В 1848–1849 гг. чехи инициировали принятие программы «австрославизма», т. е. такого варианта объединения, который предполагал солидарность славян, входивших в состав Австрийской империи. Представители чешского национального движения во главе с Ф. Палацким отстаивали федерацию как единственную форму, которая могла бы «примирить разногласные стремления народов Австрийской империи». При этом Пыпин подчеркивал, что данная форма панславизма имела вполне консервативный характер, поскольку ее приверженцы даже теоретически не покушались на государственную целостность. Пыпин считал, что с практической точки зрения австрийские славяне были правы, поскольку Австрия, по крайней мере, защищала их от пангерманизма. Но тем не менее даже у австрийского славянства, соединенного «одной государственной жизнью», сознание

политической солидарности было очень слабо, не говоря уже о связях с другими славянскими народами¹³⁵. Пыпин с сожалением замечает, что сильнее оказалось «древнее зло славянских обществ, неспособных к союзному действию», и «частное соперничество» отразилось на отношениях между славянами (так, вместо политической солидарности, например, против «пансербизма» выступил «панхорватизм», в результате чего в выигрыше остались венгры и австрийцы)¹³⁶.

В целом же 1848–1849 гг., считал Пыпин, могут оцениваться как «проба (хотя и неполная) междуплеменного соглашения, и теории после опыта должны были видоизмениться...»¹³⁷.

Вопрос о славянском единстве оказался, по словам Пыпина, не таким простым, каким представлялся «многим мечтателям, славянским и русским». Панславизм, как идея и как программа действий, мог быть истинным и мнимым. Первый предполагался как форма «действительной» солидарности, «если не прямо политической, то образовательной, литературной»; второй — как форма «голословной и воображаемой» солидарности. Пыпин со всей определенностью утверждал, что славянскому движению необходимо политическое решение национальных задач — «обеспечение политической свободы для каждого племени в отдельности». Только это позволит раскрыть «национальные силы» и способствовать «нравственному объединению славян»¹³⁸.

Подводя итог развитию объединительной славянской идеи в 1830–1840-х гг., Пыпин замечал, что панславистские призывы этого периода вызывались в основном внешними обстоятельствами, а не «племенными стремлениями». Можно проследить, уверял он, «хронологические совпадения наиболее настойчивых заявлений (панславизма) с политическими событиями». Вообще же, по заключению ученого, «заявления братства и единства» встречались в реальной жизни славянских народов гораздо реже, чем отчужденность или даже вражда¹³⁹.

Одним из ярких приверженцев объединения славянства являлся Л. Штур. Пыпин называл его «панславистом с русской точки зрения», поскольку его взгляды были очень близки к славянофильским. Штур считал, что только в России славянство найдет политическую опору; оно должно возвратиться к прежней общеславянской церкви, принять русский язык. В этой идеализированной картине устройства славянского мира Пыпин выделял и верные, с его точки зрения, замечания о необходимости

серьезных внутренних изменений в России и пересмотре ее внешней политики, чтобы славянство могло довериться ей¹⁴⁰.

Русские славянофилы со своей стороны, по словам Пыпина, «втолковывали» славянам, что нужно «слушаться московских наставлений». В их тоне чувствовались «властолюбивые замашки». В то же время «люди более либеральных стремлений», под которыми ученый имел в виду прежде всего круг «Современника», рассматривали вариант федерации равноправных народов¹⁴¹.

Сам Пыпин, доказывая, что ни одна из форм политического объединения славян нереальна из-за разности их политического, экономического, общественного устройства, тем не менее придерживался мнения о федеративном устройстве как наиболее приемлемой форме в случае политического объединения славянских народов. При этом он считал, что в любой федерации должен учитываться принцип равноправия, ибо «единство возможно будет только при равных правах народностей», входящих в ее состав¹⁴². Равноправие Пыпин рассматривал как один из основных принципов межславянского общения. Только равноправные отношения, утверждал он, можно «без иронии назвать братскими»¹⁴³. Именно на такой основе, по его мнению, могли бы существовать «под формою федерации» все «разноплеменные части» Австрийской империи, в том числе и неславянские народы¹⁴⁴. Пыпин полагал, что будущая федерация или, шире, «солидарность целого племени должны заключаться не в единстве доисторических преданий, а в единстве социальных интересов»¹⁴⁵.

В то же время полное слияние славян в одно политическое целое представлялось Пыпину утопией¹⁴⁶.

Славянская взаимность во второй половине XIX в. По прошествии десяти лет после событий 1848–1849 гг. Пыпин вынужден был отметить, что славянство не предприняло шагов к практическому осуществлению взаимности, разрозненность славянского мира не преодолена: «Симпатии, конечно, существуют, народные и международные (хотя не без исключений), но они не деятельны (курсив мой. — Е. А.); все в этой славянской общине, кажется, слишком надеются друг на друга»¹⁴⁷.

По наблюдениям Пыпина, время, прошедшее с 1848 г., показало, что «трудно совместить в какое-нибудь славянское единство современные общественные стремления русского, поляка,

чеха, серба и т. д.»¹⁴⁸. Австрийские славяне остались разделены, «одинокими и беспомощными», и незаметно, чтобы в их рядах «начиналась какая-нибудь солидарность против общих опасных врагов»¹⁴⁹. Славяне, раздираемые национальной рознью, вместо объединения для защиты своих прав, стали поддерживать действия ненавистного им австрийского правительства¹⁵⁰. Даже славянское литературное общение не получило развития и представляло собой, по словам Пыпина, «миф, почти достойный сатиры»¹⁵¹. С начала 1860-х гг., при новом конституционном устройстве Австрийской империи главным политическим вопросом был вопрос о федерации. Но у каждого народа, подчеркивал Пыпин, были свои первостепенные национальные задачи: чехи, например, «направили свои усилия на защиту исторических прав „чешской короны“», для южных славян «шло дело о распределении национальных территорий, у русинов — об отношениях с поляками...» И позже, отмечал Пыпин, когда установилась дуалистическая система, славянство, «гораздо более многочисленное» в Австро-Венгрии, чем титульные нации, «остается подчиненным, потому что не представляет ни компактной массы, ни политического единодушия и энергии»¹⁵².

В свой первый приезд в Чехию (в конце 1858 — начале 1859 г.) Пыпин обнаружил в среде чешской интеллигенции русофильское направление близкое славянофильскому. Оно возлагало большие надежды на помощь России, русского царя в деле национального освобождения. Ярким представителем этого направления был Ф. Иезбера, о котором Пыпин писал в своих записных книжках, что он надеется на господство славян в Европе, мечтает о введении у чехов «кирилловского письма» — для сближения с русскими. Пыпин отмечал также, что многие представители этого направления выступали за переход чехов в православие¹⁵³.

Из личных воспоминаний Пыпина следует, что и чешские политические деятели, прежде всего Ф. Палацкий и Ф. Ригер, в конце 1850-х гг. также надеялись, что Россия сыграет определенную роль в решении национальных задач Чехии, полагая, что «панславизм есть нравственный долг России», поддерживающей своим существованием, «авторитетом и сочувствиями» некоторую свободу внутренней жизни славян в Австрийской империи¹⁵⁴ (в этой позиции, в отличие от русофильской, заметно лишь стремление извлечь выгоду из помощи России, но не вступать с ней в более тесные отношения, особенно — политические).

Пыпин отмечал две разнонаправленные тенденции в славянском движении: тенденцию на сближение в результате взаимного знакомства народов в разных сферах общения и тенденцию на отделение, в основе которой лежит «идея национальности, в своих крайностях неизбежно впадающая в местное пристрастие и вражду к иноземному»¹⁵⁵.

В 1864 г. Пыпин писал в «Современнике», что после 1848–1849 гг., с наступлением полосы реакции, панславизм «исчез с литературной и политической сцены»¹⁵⁶.

Однако процессы, происходившие во внутренней жизни и внешней политике империй, в состав которых входило славянское население, доказали, что славянская идея жива и активизируется в определенные периоды истории. Поэтому Пыпин снова обратился к этой теме в конце 1870-х гг. Именно тогда в журнальном варианте появилась его обобщающая работа «Панславизм в прошлом и настоящем»¹⁵⁷. В этом исследовании он вновь анализировал зарождение и развитие идеи славянского единства, подчеркивая в то же время стремление славянских народов к сохранению политической, религиозной и культурной самостоятельности. С течением времени усилилось влияние той разновидности славянской идеи, которую Пыпин именовал «политическим панславизмом»; ей он уделил большее внимание. Именно «политическая постановка славянского вопроса», считал он, «сильно подвинула славянское самосознание», однако до осуществления «панславизма» было все еще очень далеко¹⁵⁸.

Мечты о славянском единстве Пыпин называл «прекрасными снами», которым для осуществления в реальной жизни «не достает чего-то крупного» (так, в балканских событиях 1870-х гг. русские, сербы и болгары далеко не всегда понимали друг друга)¹⁵⁹. Тем не менее политическую солидарность Пыпин считал «единственным средством» для противостояния врагам славянства и устройства своих дел¹⁶⁰. Он предполагал также, что славянству, испытывающему достаточно сильное инонациональное влияние, еще предстоит «не только политическая борьба и экономическая конкуренция, но и национальная борьба в области образования и культуры»¹⁶¹.

Прослеживая развитие панславизма на протяжении многих десятилетий, Пыпин показал перерастание идеи духовного единства славян в идею их политического сращивания, в идею

национальной и государственно-политической гегемонии одного представителя славянского мира над другими.

«Политический панславизм» стремился к государственному объединению народов в том или ином виде. Разный уровень культурного развития, степень свободы каждого славянского народа и различных его социальных групп породили неодинаковые проекты объединения славян, среди которых можно отметить союзы, возглавляемые Россией, Польшей, Сербией, содружества, объединяющие равноправных членов, группы народов, входящие в состав неславянского государства, и т. д. Представив различные обсуждавшиеся варианты славянского объединения, Пыпин подробнее остановился на его славянофильской модели, подразумевавшей преобладающее положение России в славянском сообществе. Разработка славянофильской интерпретации славянской идеи получила в трудах Пыпина не только политическую заостренность, но историческую глубину и научную основательность¹⁶².

Прежде, напоминал Пыпин, считалось, что «славянские ручки» легко вольются в «русское море», однако в последней четверти XIX в. представить себе это «слияние» оказалось труднее, чем когда-либо. С одной стороны, к этому не стремилась российская политика, с другой стороны, славяне «нисколько не расположены жертвовать своей особностью» в случае соединения с Россией, их ближайшая забота — развитие и объединение своих народностей. Славянофильские идеи гегемонии России в славянском объединении Пыпин считал не только фантастическими, но и вредными; они противоречили истинным стремлениям славянских народов. Эти идеи не затрагивали «существенных социальных вопросов», требовавших разрешения¹⁶³. Пыпин считал славянофильский вариант объединения славянства неприемлемым.

Ученый обращал внимание на то, что славянское единство не может основываться на реставрации доисторического «племенного родства». Необходимо учитывать современное положение славянства, общность социальных интересов, принципы свободы и равенства, уважение других национальностей, стремиться к усвоению «общечеловеческой образованности», к включению народных масс в общественную жизнь¹⁶⁴.

Пыпин приходил к заключению, что «панславизм» остается «вопросом» во всех областях, особенно в сфере «общественно-политической солидарности». В конце 1870-х гг. он подчер-

кивал, что политическое значение славянского вопроса так и не выяснено, настоящее панславизма неопределенно, его «политическая будущность темна». Он представляет собой «неустановившееся брожение национальной стихии в племенах, хотя и родственных, но очень различных по исторической судьбе и современному быту». В то же время Пыпин с уверенностью заявлял, что панславизм имеет право на существование как стремление славянских народов к политической самостоятельности, к укреплению междуплеменных отношений «в прочную нравственную и политическую солидарность»¹⁶⁵. Пыпин сравнивал право славянства на единение с правом немецкого и итальянского народов на борьбу за национальное единство. Однако Пыпин отчетливо понимал, что у немцев и итальянцев не стоял вопрос о национальном единстве — речь шла о политическом объединении земель. У славян дело обстояло иначе. Славянский мир представлял собой большое разнообразие в этническом и языковом отношениях, существовали религиозные, культурные и политические отличия. Поэтому, делая вывод Пыпин, славянское движение непохоже на немецкое или итальянское: «...это есть стремление объединить не *народ*, а *целое племя*»¹⁶⁶.

«Панславянская идея, или мечта, — отмечал Пыпин, — оказалась, однако, меньше политического влияния, чем от нее ожидали в 30 и 40-х годах». Сказались разные исторические судьбы славянских народов; они «еще не нашли единого для всех общественно-политического принципа, на котором могла бы основаться их взаимность и единство». Они находились в разных государствах, были лишены возможности совместных действий, каждый народ решал свои «насуточные вопросы», они различались по степени национального самосознания и культурному уровню¹⁶⁷.

Сравнивая положение всех славянских народов, можно понять, писал Пыпин, как «много нужно времени и труда», чтобы добиться политического освобождения «различно утесняемых племен». Только после этого может развиваться «свободная инициатива для общего действия». Также много усилий необходимо для того, чтобы «между членами семьи славянских народов водворилось взаимное понимание». Даже во время балканских событий 1875–1878 гг. в славянском мире, по наблюдению Пыпина, хоть и сделан «поворот в развитии славянского сознания», обнаруживалось «прискорбное и вредное непонимание и своего и

общеславянского интереса»¹⁶⁸. В те же годы он с пониманием писал об «эгоистической» позиции западного славянства, положение которого заставляет заботиться «о спасении своей национальности». Приходилось констатировать отсутствие «славянского братства»¹⁶⁹.

Славянское движение было исторической реальностью XIX в., однако, как отмечал Пыпин, его участники сами еще не понимали, в чем состояла «истинная сущность и цель» этого движения, «какой связи и объединения искали славянские народы». На протяжении нескольких десятилетий было создано «немало теорий, объяснявших, как и в какой форме должно совершиться объединение, не раз делались идеальные истолкования славянского национального существа и того, чем должен стать славянский мир для себя самого и для всей европейской цивилизации; но теории были противоречивы, строились на очень несходных основаниях, еще никем не были примирены, и славянское единство доселе остается мудреным вопросом — как в теории, так и в самой общественно-политической борьбе»¹⁷⁰.

На рубеже 70–80-х гг. XIX в. Пыпин делал вывод, что славянская солидарность очень слаба (как слабо и взаимное знакомство славянских народов). Славян не объединяет общее дело «на общественно-политической почве», следовательно нет оснований разделять романтические убеждения о славянском единстве. Вместо этого нужно стоять на твердой почве исторических фактов. А факты утверждают следующее: «„Славянское единство“ не есть ни исконное предание, ни предопределенная „задача“ славянства: это есть *наживаемое*, но еще далеко не *нажитое* сознание необходимости союза, который указывается единоплеменностью и частью также единоверием, ввиду сродных задач национальной образованности и ввиду сходных опасностей от внешних врагов»¹⁷¹. От *идеи* общности необходимо как можно скорее перейти к *практическому решению* славянского вопроса — политическому освобождению славян. Без этого идея «панславизма» остается для славянства «туманным идеалом», будущность которого «темна»¹⁷².

Для второй половины XIX в., так же как и для первой половины столетия, заметным оставалось, по словам Пыпина, «стремление, которое постоянно растет: научное и практическое изучение славянского мира в литературе всех славянских племен, желание выяснить его особенные свойства и историческое

прошлом. На этой почве только и может вырасти верный взгляд на взаимные отношения славянства»¹⁷³. Сфера науки и литературы охватывала все славянство; именно эта сфера, по утверждению Пыпина, остается единственной *общей* для всех славян областью, где реально возможно их сближение¹⁷⁴.

Свою мысль Пыпин иллюстрировал примером отношений сербов и хорватов, которые, как он отмечал с сожалением, вместо политической солидарности, полезной для тех и других, ведут спор об историческом значении своих народов¹⁷⁵. В этой ситуации ученому виделось следующее решение проблемы: «Путь, которым могут быть устроены южнославянские отношения, есть прежде всего — сербо-хорватское единство; только оно даст и той и другой стороне ту нравственно-национальную силу, которая обеспечит их будущее. Наука может служить к этому именно одним из благороднейших средств. В неблагоприятном внешнем положении почти всех отраслей сербо-хорватского племени, наука всего сильнее может укрепить национальное сознание, пробужденное первыми великими начинателями Возрождения; только она укажет историческую цену прошедшего, давно прожитого, устраним национальные распри и заблуждения и научит идеалам, к которым должна стремиться национальная жизнь и на которых следует сосредоточивать силы всем политическим обломкам замечательного племени»¹⁷⁶.

Отношения русского и сербского народов, у которых есть «исторические воспоминания», по мнению Пыпина, также должны строиться на сближении интересов двух обществ с помощью «сближения литературного» и взаимного изучения «современного положения» народов¹⁷⁷.

Пыпин с тревогой отмечал наличие реальной проблемы: будет ли славянство самостоятельно развиваться или перестанет существовать, исчезнет «как слабейшая культурная раса», растворившись в среде более сильных наций (немецкой, венгерской, итальянской, греческой, русской). Пыпин обращал внимание на процесс «вытеснения и исчезновения» славянства в германских, австрийских, турецких владениях. Он подчеркивал, что без взаимного согласия славяне не смогут противостоять врагам¹⁷⁸.

Не будучи сам привержен концепции объединенного славянства с его «историческими задачами», Пыпин высказывался в пользу будущего развития славян по общим для всех народов законам. Не отрицая полезности сближения славян, он полагал,

что союз их может быть основан не на исключительности, а на терпимости и уважении¹⁷⁹. «Пока еще не свободны многие из славянских племен, пока в славянстве еще не укрепилось знание и понимание друг друга — трудно говорить об их взаимности и солидарности». При этом Пыпин подчеркивал, что вступление славян в союз предполагает «свободное сознательное решение», а не принуждение, и сохранение, а не потерю своего «национального лица»¹⁸⁰. Как славянское дело будет развиваться — покажет будущее, а пока, настаивал Пыпин, говорить о «новой невиданной цивилизации», которую славянство подарит миру, есть вредная «поэтическая мечта», питающая самообольщение¹⁸¹.

Ученый задавался вопросом: почему должна быть новая цивилизация? Ведь «усвоение европейской культуры не противоречит славянской природе». Что необходимо славянам для достижения единства? 1) Надо не отрицать европейскую образованность, а примыкать к ней. Пункт соединения славянских племен не в реставрации прошедшего, а «в общем усвоении общечеловеческой образованности, в возвышении народных масс до сознательной гражданской жизни». На этой почве славяне скорее всего сойдутся, достигнут единства и солидарности, чтобы решать свои неотложные задачи, а «не мечтами о фантастическом будущем, или о столь же фантастическом возвращении старины». 2) Существенной заботой должно стать изучение друг друга: необходимо научиться уважать особенности других племен, «отказаться от притязания на свою национальную непогрешимость»¹⁸².

Чрезвычайно показательно, что Пыпин, неоднократно отмечая недостаточность сознания этнической общности как фактора единения славян, обратил внимание на растущее понимание «необходимости сословного сближения». К тому же, полагал он, сгладить религиозные противоречия и объединить «разноверные» народы может только «свобода совести». В подобных «общественных стремлениях» он видел единственный путь для спасения и предотвращения гибели славянства под натиском других наций¹⁸³.

Славянская идея в России. Появление славянской идеи в России связано с иными причинами, нежели у других славянских народов, и сформировалась она независимо от славянского возрож-

дения, хотя и с учетом этого явления. Пыпин утверждал, что идея славянского единства не имела корней в России (как и в Польше), поскольку русским не нужно было «заботиться о возрождении»: национальность была «цела и невредима», а мысль о едином славянстве основывалась на «национальном самолюбии»¹⁸⁴. Однако, указывал ученый, славянский вопрос поставлен исторически и существует для России (поскольку славянство — не чуждый ей мир)¹⁸⁵.

До XVIII в., считал Пыпин, славяне с их проблемами не входили в политические планы России. Важность российско-славянских отношений понял Петр I, но его намерения остались нереализованными. Затем русско-турецкие войны поставили в повестку дня вопрос о единоплеменных и единоверных славянах, которым Россия оказывала дипломатическое покровительство. К тому же российские власти пришли к убеждению, что славяне могут оказаться практически полезны, и стали понемногу «вводить их в политические и военные комбинации»¹⁸⁶. Определенная переориентация внешней политики, а затем и различные социально-экономические и политические изменения во внутренней жизни страны начали возбуждать интерес в некоторых кругах русского общества к славянским соплеменникам в других странах. Понимание их проблем облегчалось отчасти сходством политических систем государств, включавших в свой состав славянское население. Вследствие этого росло внимание к историческому опыту славянских народов и мысли об их единении¹⁸⁷. В царствование Александра I в образованных кругах русского общества стали появляться мысли о восстановлении независимости славянских народов, о союзе с ними, о будущем могуществе славянского мира под охраной и предводительством России¹⁸⁸.

Наряду с таким как бы «национально-государственным» аспектом славянских интересов России, Пыпин отмечал также рост национального самосознания русского общества, подготовленный «реформаторским» XVIII веком¹⁸⁹. Влияние романтизма усилило интерес к «национальной самобытности, которой так недоставало русской жизни и образованности»¹⁹⁰; вместе с тем это облегчило восприятие идей славянского единства.

Пыпин напоминал, что уже в самом начале XIX в., когда восставший сербский народ вел борьбу за независимость, в записке (1804 г.) общественного деятеля и ученого, основателя

Харьковского университета В. Н. Каразина в МИД России речь шла о помощи южным славянам в освобождении и об основании «царства словен», возглавляемого братом российского императора и поддерживающего самые тесные связи с Россией¹⁹¹. Следующий проект поступил в МИД в 1807 г. от морского офицера В. Б. Броневского. В нем говорилось о помощи турецким и австрийским славянам в освобождении и создании славянской федерации, которая может быть полезна России в борьбе с европейской коалицией¹⁹². Это были, по словам Пыпина, первые «опыты славянских сочувствий и солидарности», первые факты русского «панславизма». Они не могли иметь «практического успеха», поскольку не опирались на глубокие знания истории славян, их духовного развития, национально-политических устремлений и т. д. Но авторы этих планов учитывали главное — славянские народы нуждались в свободе и боролись за нее с оружием в руках¹⁹³.

Начавшееся национально-освободительное движение славянских народов нашло поддержку у деятелей общественного движения в России. Как отмечал Пыпин, «славянские сочувствия» стали проявляться в масонских ложах и тайных обществах, чему в особенности способствовало, как он полагал, улучшение отношений с Польшей, принятие ее конституционного устройства. Эту догадку Пыпин подтверждает сведениями о том, что на знаке ложи «Соединенных славян», основанной в Киеве в 1818 г., «изображены две руки, поданные на союз», и подпись по-польски: «Jedność Słowiańska». Ученый предполагал также, что название ложи отражало стремление не только к сближению русских и поляков, но к целому славянскому союзу¹⁹⁴.

На печати появившегося вскоре (1823 г.) декабристского общества с тем же названием были перечислены восемь славянских народов в соответствии с принятым тогда этнографическим делением (русские, сербы-хорваты, болгары, чехи, словаки, лужичане, словинцы и поляки)¹⁹⁵. «Общество соединенных сла-

* В другой работе Пыпин указывал, что это деление взято из «Записок» А. Е. Розена, где он по памяти давал перечисление славянских народов, в то время как сочинение М. И. Богдановича «История царствования императора Александра I и России в его время» (СПб., 1870. Т. 4. С. 480) более точно указывает восемь «поколений»: «Россия, Польша, Богемия, Моравия, Далмация, Кроация, Венгрия с Трансильванией, Сер-

вян» выдвигало идею федерации славянских республик. В нем, по словам Пыпина, «бродила неясная, чисто романтическая идея, которая прельщала своей поэтической красотой». По мнению ученого, она была «совершенно неудобноисполнима, и замышлявшие освобождение (славян), по-видимому, не очень даже хлопотали о том, чтобы собрать точные сведения о народах, которым они хотели посвятить свои освободительные подвиги»¹⁹⁶. Члены общества не успели ничего сделать, да им и не ясен был вопрос — как действовать. Однако появление этой организации, по утверждению Пыпина, «интересно как симптом и как свидетельство» того, что контакты с западными и южными славянами оставляли достаточно сильный след в обществе, чтобы славянская идея могла развиваться «даже в романтиско-революционном духе»¹⁹⁷. Поражение декабристов, нанесшее тяжелый удар внутреннему развитию русского общества, отозвалось, пояснял Пыпин, и на славянском вопросе, который в числе других был «скомпрометирован»¹⁹⁸.

Интерес к славянам в русском обществе проявлялся и в литературе (в поэзии А. И. Одоевского, А. С. Пушкина и др.)¹⁹⁹.

Поколение 1820-х гг., напоминал Пыпин, отличалось романтическим либерализмом²⁰⁰. Форма тайных обществ, как и «политико-романтическое направление идей», дожили до «Кирилло-Мефодиевского братства», которое ставило задачу не только «внутреннего развития украинского народа», но и «распространения идеи славянской взаимности», а потому и было названо именами «всеславянских апостолов». Пыпин обращал внимание на то, что «славянские симпатии» имели уже определенные основы у членов этого общества: они «видели в славянстве то целое, к которому примыкает их народ», они знакомы были с идеями славянского возрождения, и славянская взаимность «справедливо казалась им необходимой, как ручательство прочности их собственного дела»²⁰¹. Общество, как подчеркивал Пыпин, «идеалистически мечтало» о братском славянском союзе. Славянский вопрос ставился членами общества в «гуманно-свободолюбивом духе». Их политическим идеалом было не централизованное государство, а «федерация под протектор-

бия с Молдавией и Валахией», т. е. наряду со славянскими включены и неславянские земли (Пыпин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии // Вестник Европы. 1889. № 8. С. 706).

ством русского императора» (после уничтожения крепостного права и расширения просвещения)²⁰². Факт создания Кирилло-Мефодиевского общества, его программа и деятельность были для России заявлением «панславизма, основанного не на господстве одного племени, а на равноправности и внутренней свободе»²⁰³. Они не вели религиозной пропаганды в пользу православия и предполагали лишь «склонять славян-католиков принять в богослужении славянские языки»²⁰⁴.

Для достижения славянской взаимности особой пользы от общества, по заключению Пыпина, не было. Славянская федерация, как представляли ее руководители Кирилло-Мефодиевского общества, была делом «фантастическим»²⁰⁵. Их теория «не вышла тогда из пределов тесного кружка», и ее общеславянская составляющая впоследствии интересовала их значительно меньше, чем украинский компонент²⁰⁶. Но само по себе создание этого общества представляло, по оценке Пыпина, «факт чрезвычайно любопытный» в истории русского панславизма, поскольку потребность в нем возникла «не из охоты к политическим комбинациям, а из непосредственного сочувствия к народу и народной жизни». Во взглядах членов общества, как отмечал Пыпин, было «очень много справедливого», и ученый с уверенностью полагал, что в дальнейшем развитии межславянских отношений должна будет усиливаться их «теория равноправности и свободы»²⁰⁷.

Один из руководителей общества, впоследствии известный историк Н. И. Костомаров, по словам Пыпина, не был «холоден к панславизму», как представители западнического направления, но и не принимал славянскую идею в славянофильской форме. Для него панславизм означал не гегемонию одного сильного народа (государства) над другими, а «союз братства, народной свободы и равноправности», основанной на христианской морали²⁰⁸.

Идеи и деятельность Кирилло-Мефодиевского общества, отмечал Пыпин, «были сочтены опасными» и не остались без внимания со стороны властей — общество уничтожено, руководители отправлены в заключение и ссылку²⁰⁹. Тем не менее правительство «не могло остановить развития славянского вопроса и воспрепятствовать ему переходить с научной почвы на политическую, так как для самих славян сущность дела была именно политическая» (но даже на научной почве, замечал ученый, славянский вопрос все равно начинал ставиться в политической

плоскости, как это случилось со временем в славянофильских теориях)²¹⁰.

Вместе с тем слабый общественный интерес к славянскому вопросу Пыпин объяснял, в частности, и тем, что «история, случившаяся с Костомаровым, отбила бы всякую охоту» в научных кругах и в обществе мечтать «на тему славянской свободы»²¹¹.

В связи с делом Кирилло-Мефодиевского общества Министерство народного просвещения составило документ, в котором оно, по словам Пыпина, лавирует между признанием России в качестве «средоточия племен славянских» и «старательным удалением всякого политического элемента». В документе напоминалось, что мысли о слиянии славянских племен в одно целое вышли за пределы науки и подвергаются «искажениям», в связи с чем необходимо разъяснить (в первую очередь преподавателям и цензорам) «значение *народного начала* в видах правительства». Славянская идея может быть использована для «опасной пропаганды», но, с другой стороны, она содержит «святину наших верований, нашей самобытности, нашего народного духа». Указывалось, что российские славяне должны выражать «безусловную приверженность к православию и самодержавию и помнить, что наше государственное начало — *русское начало*». В каждом народе есть «общий элемент» (славянский) и «частный» (национальный). Но общего славянства не существует; Россия должна идти своим путем, утверждая свои ценности. Ее народное начало — «не *славяно-русское*, а *чисто русское*». Россия добилась всего сама, без участия других славянских народов; русский народ «без *воображаемого славянства* сохранил веру отцов наших, язык, нравы, обычаи, всю народность». Документ содержал не только «разъяснения», но и прямую угрозу: если эта «программа» правительства не будет проводиться в жизнь, то будут приниматься «меры другого рода»²¹².

Та форма панславизма, которая возникла в России, основывалась, по мнению Пыпина, не на реальных потребностях, а на «национальном идеализме», т. е. мысли о том, что «славянские ручьи сольются в русском море»²¹³.

М. П. Погодин, общественный деятель, историк, публицист — крупная фигура в общественной жизни России середины XIX в., во время пребывания в славянских землях познакомился со многими деятелями славянского возрождения и видел многочисленные факты национального пробуждения. На этой основе

у него сформировались «определенные панславистические теории»²¹⁴. Свое отношение к славянскому вопросу в конце 1830-х — начале 1840-х гг. он выразил в двух записках министру народного просвещения, названных Пыпиным «панславистской программой»²¹⁵. Погодин основывался, как считал Пыпин, на неясном и «сомнительном по существу» представлении о том, что «славянству пришло время играть руководящую роль во всемирной цивилизации»; на впечатлениях от посещения славянских земель, где он видел «всякое стеснение славянского элемента» и узнал о надеждах на помощь России; и, наконец, на мысли о «безграничном могуществе России»²¹⁶.

К этим основаниям Пыпин отнесся критически: первое он назвал «книжным соображением», второе — верным «жизненным впечатлением», но не объяснявшим, «каким образом могла быть подана ожидаемая помощь», третье — свидетельством «патриотизма», которое, однако, «не вполне отвечало фактам»²¹⁷. Из этого следовало, что Россия, возглавив «новый политический мир» славянства, станет еще более могущественной и величественной и укрепит свое положение в Европе (Погодин, замечал Пыпин, рассчитывал на скорый развал Австрии, не предвидя того, что в критический момент Габсбургов поддержат Россия и славяне)²¹⁸. Во время Крымской войны Погодин высказывал недовольство (в записке 1854 г.), что ради решения внешнеполитических задач «приносились в жертву славяне». Он предлагал создание славянского союза со столицей в Константинополе, под руководством и покровительством России²¹⁹.

В 1830-х гг. появляется славянофильское течение общественной мысли, имевшее впоследствии разные оттенки; Пыпин неоднократно подчеркивал его многогранность и противоречивость.

* Эти записки, замечал Пыпин, были приняты не только «холодно», но и вызвали «резкое несогласие» (*Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем*. С. 86, 92). Обе записки Погодина о славянских делах (*Погодин М. П. Историко-политические письма и записки*. М., 1874. С. 15–45, 46–69) предназначались для убеждения правительства в необходимости участия в славянских делах, но Погодин не учел, что «освобождение славянства не могло быть задачей тогдашней России», поскольку это нарушало бы ее внешнеполитические обязательства (по отношению к Австрии и Турции) и было бы попранием «законного порядка» (*Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем*. С. 89, 91–92).

Славянофильство сформировало свою точку зрения на положение славянства, его место среди других народов, его исторические задачи и будущее. Члены «небольшого кружка» славянофилов, напоминал Пыпин, считались проводниками славянской идеи в России. Взгляды ранних славянофилов (И. В. и П. В. Киреевских, А. С. Хомякова, К. С. и И. С. Аксаковых) развили некоторые ученые, работавшие в области славяноведения (В. А. Елагин, Е. П. Новиков, А. Ф. Гильфердинг и др.). Они использовали идею о «всеславянском единстве» для своей концепции, противопоставлявшей Запад Востоку, проповедовавшей национальную и религиозную исключительность^{**}. Согласно воззрениям славянофилов, славянство представляло избранное племя, имевшее особое историческое предназначение^{***}: ему предстояло основать новую цивилизацию^{****}; для этого всем частям племе-

^{*} Славянофильская теория, пояснил Пыпин, рождалась в условиях, когда «общественная деятельность была до невозможности стеснена и вся работа идей была загнана в тесные кружки», где мысль вскоре превращалась в «идеал». Ученый характеризовал ее как «кабинетную теорию», оторванную от действительности, имевшую консервативный, мистический характер (*Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 116. См. также: *Балыкин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. Брянск, 1996. С. 115).

^{**} Западные славяне, замечал Пыпин, борются против национально-го угнетения, а за что борются славянофилы, «из-за чего же нам ставить себя против немцев, как положительное и отрицательное начало», и отбрасывать западную цивилизацию? (*А. Р. [Пыпин А. Н.]* Два месяца в Праге // *Современник*. 1859. № 4. С. 369).

^{***} На утверждение славянофилов, что каждый народ имеет свою «установленную историческую задачу», которую должен выполнить «во что бы то ни стало», Пыпин возражал, отмечая, что исторические судьбы народов противоречат этой «теории»: какая же роль у тех народов, которые исчезли без следа (как, например, балтийские славяне)? «Неужели, — с горькой иронией спрашивал Пыпин, — предопределенная цель их существования состоит в том только, чтобы служить подкладкой и удобрением почвы?» (*-А- [Пыпин А. Н.]* Вопрос о национальности и панславизм // *Современник*. 1864. № 1. С. 209–210).

^{****} Пыпин отрицал особую «славянскую цивилизацию», отличную от европейской. По его мнению, понимаемая таким образом теория славянского единства «приобретала черты самого непривлекательного обскурантизма», соединенного с «великим самомнением и отсутствием терпимости».

ни необходимо сплотиться на основах православия, представляющего собой истинное славянское начало. «Мистическая» (по определению Пыпина) славянофильская школа строила свои теории, тесно связанные «с теологией и официальной народностью»²²⁰.

В отличие от Погодина, «теоретические основания» их взглядов, замечал Пыпин, были гораздо шире: «В духе тогдашних „философий истории“ славяновилы строили целую теорию о противоположности востока и запада, Европы и России, мира романо-германского и греко-славянского». Славянофилы считали неоспоримым, что греко-славянскому миру «принадлежит истина, заключенная в православии», следовательно, только для этого мира возможно «высшее духовное развитие». А поскольку Россия — самое сильное из славянских государств, то она и является «орудием для осуществления исторической идеи»; таким образом, в России, в русском народе «лежит залог будущей высшей цивилизации» и решение судьбы славянства. Однако, отмечал Пыпин, у славянофилов нет четкого «изложения системы», и как достигнуть «высокого предназначения» — остается неясным²²¹. Разработку концепции о «завершении» исторической миссии Запада и приходе на смену ему славянства Пыпин считал «несерьезными увлечениями» русских славянофилов и «многих западноевропейских славянских патриотов»²²².

Во многих своих трудах Пыпин обстоятельно рассматривал учение славянофилов в разных его проявлениях²²³. В работах «Панславизм в прошлом и настоящем», «Литературный панславизм», «Из истории панславизма» и ряде других ученых специально касался взглядов славянофилов и их сторонников на славянский вопрос. «Вероисповедание славянофильства», по его мнению, ясно изложено в ответах И. С. Аксакова III Отделению (1849 г.). Это учение основано на признании «начал исторической жизни Запада» ложными, а России — единственно верными, поскольку они опираются на православие. Пыпин приводил слова Аксакова о том, что непонятно, почему люди, «преданные России, смиренно изучавшие сокровища духовного народного богатства, свято чтущие коренные начала его быта, прозваны были славянофилами», хотя к славянам они не испытывали ничего, кроме «сердечного участия»²²⁴. Пыпин обращал внимание на то, что, по признанию самого Аксакова, больше всех славян его интересует Русь, а брат Константин вообще равнодушен «ко

всем славянам, кроме России, и то даже не всей, а собственно Восточной»²²⁵.

И. С. Аксаков признавался, что ни он, ни его родственники не верят в панславизм, считают его невозможным, поскольку для его осуществления необходимо единоверие, растворение и слияние всех славянских элементов «в цельном могучем элементе» — русском. К тому же объединению славянства мешает и то, что большая часть славян уже «заражена западным либерализмом», который несовместим с духом русского народа²²⁶. Понимая нереальность «русского» (в своей основе) варианта панславизма, И. Аксаков в то же время не хотел бы видеть «самобытное, сильное» славянское государство на обломках Австрийской империи, поскольку, как ему представлялось, оно привлекло бы к себе южнославянские племена и лишило бы Россию роли единственного проводника «православия и славянских начал на земле»²²⁷.

Что касается вопроса об объединении славян, то «русские любители славянства», отмечал Пыпин, не раз «делали себе из панславизма заманчивый идеал и были убеждены, что идеал осуществится именно с могущественным вмешательством России»²²⁸. Пыпин считал, что славянофилы поставили вопрос об «авторитете России» слишком рано (хотя он был бы «без сомнения желателен»), поскольку внутреннее положение государства далеко еще не обеспечивало «свободной науки, свободной художественной литературы, свободного общественного сознания», без которых невозможно было приобрести уважение в славянском мире²²⁹. Ученый постоянно напоминал, что славяне «не были расположены к тому панславизму», о котором мечтали М. П. Погодин и славянофилы²³⁰.

Взгляды И. Аксакова и его предшественников Пыпин называл «настоящим славянофильством» (в дальнейшем эти взгляды претерпели изменения). Это было направление, которое в течение длительного времени занимало значительное место среди течений русской общественной мысли²³¹. В славянском вопросе Аксаков выступал, по характеристике Пыпина, «исключительно как публицист и всего чаще как публицист полемический», «восторженный трибун», требующий проведения в жизнь идеи, которая одновременно составляет «его убеждение и веру», забывая о действительной жизни славянства с исторически сложившимися формами. Аксаков не был теоретиком, он «усвоил готовое учение и применил его к славянскому вопросу». Его

взгляды на славянство вызывали серьезные возражения. Основу этих взглядов составляло славянофильское учение «о противоположности Европы и России, или Европы и славянства, или католицизма и православия, или лживости европейской цивилизации и здоровых начал русско-славянского мира и т. д.». Православие он признавал «единой истинной чертой славянского христианства», а католическую веру некоторых славянских народов считал искажением «основ славянской народности»²³².

По убеждению И. Аксакова, славянский вопрос являлся русским вопросом. Он подчеркивал, что Россия не стремится к захватам славянских земель, но на нее возложен «высокий подвиг: послужить освобождению и возрождению поработенных и угнетенных братий». Поэтому она представляет собой «нравственную и политическую точку опоры, вне которой славянам нет спасения». Славянский вопрос будет решен, когда весь русский народ проникнется сознанием славянского призвания России*. Аксаков выступал в славянском вопросе от имени русского народа и России, но простой народ, как отмечал Пыпин, ничего не знал об этом вопросе, а Россия (т. е. государство) часто поступала не так, как предполагали славянофилы (как в случае с Боснией и Герцеговиной, в результате внешнеполитических договоренностей отданными Австрии). Славянофилы, добавлял Пыпин, отводили России «не только внешнее политическое, но и внутреннее, духовное (религиозное) предназначение», поскольку для них «вера стоит выше народности»²³³.

Пыпин неоднократно напоминал, что для славянофилов главным элементом славянского единства являлась православная вера. В этом ученый видел их «логическую ошибку», поскольку, по его представлениям, «религиозная особность, являясь культурным элементом, исторически обратилась в одну из важнейших черт самих национальных разновидностей», следовательно, искусственное единоверие является посягательством на «чувство национальное», из которого только и могло возникнуть «стремление к общеславянскому союзу для ограждения отдельных национальных организмов». Таким образом, в объединении, основанном на одной вере, религиозный фактор оказался бы скорее элементом «разъединения, чем средством соби-

* Если освобождение славянства — призвание России, замечал Пыпин, то почему оно не осознавалось раньше?

рания родственных национальностей». Для устранения противоречий и разногласий, по мнению Пыпина, можно было бы удалить из программы объединения славян религиозный вопрос или признать принцип «полной религиозной свободы»²³⁴.

Пыпин с сожалением отмечал, что славяне знакомятся с Россией, русской литературой и общественной жизнью в основном по таким журналам, как «Москвитянин» и «Русская беседа»^{*} (взявшая на себя, по его словам, «славянскую монополию»), поэтому русская поэзия «говорила» с ними «языком Хомякова; русская история и политика — языком г. Погодина»²³⁵ (отмечая плохое знание славянами русской литературы, Пыпин указывал, что они нередко переводят произведения известных русских писателей с немецкого языка²³⁶). В письмах В. И. Ламанскому из Праги Пыпин с возмущением писал, что славянофилы «угощают чехов своими теориями о великом славянстве, вечном православии, о славянском превосходстве — вещах смешных, когда перейдешь от них к факту, увы, уже не столь блестящему». При этом славянофилы старались скрыть, что есть мнения, противоположные их собственным²³⁷.

В противовес славянофильской антитезе «Восток — Запад» Пыпин высказывал свое мнение о том, что романо-германский и греко-славянский мир — это «ступени» человеческого развития, которые являются частями «целого развития» «исторической цивилизации», и, следовательно, они не противостоят друг другу²³⁸.

Пыпин отдавал должное славянофилам в постановке и развитии славянского вопроса в России. Он отмечал их искреннее желание освобождения славянских народов, их стремление оказать содействие культурному развитию славян, и эта сторона славянофильства была для него «всегда предметом большого интереса и сочувствия»²³⁹. Но в то же время ученый подчеркивал, что их теоретические построения, базировавшиеся на романтических произведениях литературы и немецкой философии, и практические действия, имевшие вначале определенные поло-

^{*} «Русская беседа», отмечал Пыпин, вспоминая свои пражские впечатления, «наиболее известный чехам русский журнал», который они считают «едва ли не главным выражением общественного настроения в России, чего, конечно, нельзя сказать об этом журнале, стоящем так исключительно».

жительные черты («здоровые элементы народолюбия»), со временем утратили «правильное направление» и стали отличаться «односторонностью» и наносить, несмотря на благие побуждения, вред развитию славянских народов²⁴⁰. Если для славян «славянская идея» являлась вопросом «каждодневной борьбы», то для русских славянофилов она представляла «дело досужего мечтательства»²⁴¹.

Представители другого течения русской общественной мысли — западники, как указывал Пыпин, относились к идее единения славянства равнодушно или отрицательно, связывая ее со славянофильством и опасаясь ее использования в ретроградных целях — против достижений европейского просвещения, науки и культуры²⁴². Западники усматривали в союзе со славянами лишь укрепление теории официальной народности. При этом Пыпин уточнял, что западники не настроены против славян, как думали славянофилы. Для всякого «*либерально*, т. е. *порядочно думающего* человека» освобождение славян будет «радостным событием», и если западники уделяют славянскому вопросу меньше внимания, то это вовсе не значит, что они его игнорируют²⁴³. Просто либералы рассматривали славянский вопрос через призму задач внутренней политики России (ограничение самодержавия, борьба за конституцию, парламентаризм и др.)²⁴⁴. В 1840–1850-х гг. представителей западнического направления больше интересовали «ближайшие нужды русского общества». С их точки зрения, было странным братья за вопрос «освобождения» славян, когда «у себя дома царило крепостное право» и отсутствовали элементарные гражданские свободы. Западники полагали, что «разрешение славянского вопроса заключается прежде всего в реформах» в России (что было, как оценивал Пыпин, в целом верно, хотя иногда в их взглядах перевешивало «полюемическое раздражение»). Сравнивая славянофильское и западническое направления общественной мысли, Пыпин отмечал, что еще не известно, какое из них сделало больше для подготовки общества к восприятию славянского вопроса²⁴⁵.

В противоположность славянофильским развивались демократические концепции. Демократическое направление русской общественной мысли, не признававшее объединений, построенных по принципу национальной, религиозной или иной исключительности, стояло «за свободное развитие национальностей» и призывало славян объединить усилия с другими народами в

борьбе за свою независимость, подчиняя в то же время задачи национального освобождения первоочередным, по их мнению, социально-политическим преобразованиям²⁴⁶. Реалистически мыслящая часть общества, замечал Пыпин, занята была не столько славянскими делами, сколько «ближайшими вопросами русской жизни», прежде всего положением крестьянства.

Пыпин разделял мнение тех, кто полагал, что «славянская идея» может иметь успех в русском обществе, если вначале будут решены проблемы, стоящие перед самой Россией. Надежды на то, что «решение славянского вопроса решит наши собственные вопросы», он считал «наивным заблуждением», потому что никакой «славянский союз», по его мнению, не может дать того, что «должно быть достигнуто собственным внутренним трудом, усвоением свободной науки... и развитием чувства гражданского и общественного достоинства»²⁴⁷. Пропагандируемые славянофилами и их последователями «далекие перспективы, обширные планы» славянского объединения, из которых складывается «дешевый идеал», замечал Пыпин, «несравненно привлекательнее», чем «насушенная тяжелая борьба с нашими недостатками». Но для России, утверждал он, главным является «внутренний вопрос, без решения которого все порывы к славянской идее останутся бесплодными»²⁴⁸.

Изучая движение русской общественной мысли в XIX в., Пыпин делал вывод, что в целом панславизм не был популярен в России. Кроме того, вопрос об объединении славян относился к политическим вопросам, обсуждать которые в дореформенной России было запрещено²⁴⁹.

Пыпин специально подчеркивал, что позиции правительства в отношении славянства он не касается²⁵⁰. В то же время ученый отмечал, что российские власти в своей политике не выделяли славянский вопрос и не одобряли славянофильство. Славянофилы, напоминал Пыпин, не были людьми «с очень передовыми, радикальными мнениями», которые «не поощряются правительствами» и подвергаются цензурным преследованиям; наоборот, в существе своих воззрений они «совершенно консервативны и благонамеренны», к тому же они — «самые ревностные православные», и тем не менее славянофильские идеи вызывали недовольство властей²⁵¹.

Внутренняя и внешняя политика России во второй четверти XIX в. не была «славянской», и «панславизм» не являлся ее «хит-

рым оружием» против дипломатических противников²⁵². Отстаивая собственные интересы, Россия использовала в своих целях стремление славян к освобождению от иноплеменной зависимости, не задумываясь об их дальнейшей судьбе. Во взглядах Николая I, к примеру, как отмечал Пыпин, «не было ничего панславистического». Стремление к славянскому единству император называл «мечтой» и добавлял, что «ежели бы стечения обстоятельств и привели к этому соединению, то оно будет на гибель России»²⁵³. Он не находил оснований для единения славянства, которое «должно было быть и его „освобождением“». Это освобождение, с точки зрения самодержавия, уточнял Пыпин, было бы преступным, поскольку «славянские племена находились в подчинении законной власти», да и притеснение славян Николай I называл «мнимым». Соединение славян, по мнению царя, могло быть достигнуто только путем «возмущения», нарушения «законного порядка», что могло бы «заразительно подействовать и в России». Если бы славянские народы вошли в состав России (с разной историей, бытом, верой, стремлением к свободе), то это, с точки зрения властей, «грозило бы еще большими волнениями, чем те, какие Россия уже испытала в Польше». Следовательно, подытоживал Пыпин, с позиции «государственного практика» идеалистические рассуждения о «чувстве братства», о «весьма отвлеченной» свободе не существовали, а реальное соединение славян казалось «опасным и даже гибельным» для России²⁵⁴.

Во второй половине XIX в. внешнеполитическая деятельность российского правительства не могла не учитывать славянского вопроса. Однако славяне, желавшие извлечь «национальную пользу» из «славянской политики» России, должны были, считал Пыпин, четко понимать, что политика России не является славянской, она — прежде всего *русская*, и дальнейшее решение славянских проблем тесно связано с «постановкой собственно русских дел»²⁵⁵.

Касаясь позиции русского общества, Пыпин отмечал, что в нем во второй половине столетия существовало представление о подходе к славянскому вопросу «только с государственной точки зрения» (т. е. с позиции силы, способной помочь в освобождении от внешнего врага) и забывалось о возможности иного отношения к нему самого общества, от которого зависит «доверие или недоверие наших единоплеменников» к России²⁵⁶. Го-

воря о поддержке Россией славянства, замечал Пыпин, нужно иметь в виду, что речь идет не столько о политике государства, сколько именно об инициативе общества; в солидарности выражается не минутный политический расчет, а племенное единство, сочувствие, влияющие, в свою очередь, и на русское самосознание. Но для проявления общественной инициативы, по мнению ученого, нужны преобразования самого общества и открытое обсуждение любых вопросов²⁵⁷. Одновременно Пыпин предупреждал славян от преувеличения степени «славянских симпатий» и «славянских стремлений» в русском обществе²⁵⁸.

Ученый сосредоточился именно на отношении общества к славянскому вопросу и его отражении в печати и науке. Тем более что, как он отмечал, с конца 1850-х гг. в русском обществе началось оживление, «произошел заметный поворот и во взглядах на славянский вопрос» — «этнографическо-романтические» воззрения заменялись или дополнялись «национально-политической точкой зрения»²⁵⁹. В 1861 г. он писал: «В нашей литературе выразилось в последние годы положительное сочувствие к славянскому вопросу. Он перестал занимать одних специалистов и делается предметом более или менее общего внимания»²⁶⁰. Может быть, именно в связи с этим, как отмечал Пыпин, широкие круги общественности гораздо больше интересуются «современным вопросом, живой историей», чем славянскими древностями²⁶¹.

По классификации Пыпина, славянский вопрос рассматривался обществом в основном с трех точек зрения: 1) славянофильская по-прежнему «видит в славянском вопросе призвание русского народа, которое он должен выполнить на основании начала православия»; 2) новославянофильская*, «(часто переходящая в простой шовинизм), мечтает о славянском единстве под гегемонией России», не имея представления, как этого добиться; 3) либеральная во внутренних вопросах, «ищущая общественной самодеятельности, довольно равнодушна, иногда почти враждебна к славянскому вопросу, как нашему „призванию“, полагая, что русскому народу нужно устроить свои собственные дела, прежде чем заниматься чужими».

Учитывая столь различные позиции общественного мнения, Пыпин отмечал, что можно понять последнюю точку зрения и первую можно понять — как идеальную (тем самым намекая,

* Имеется в виду панславистская, а не неославистская точка зрения.

что вторую не стоит даже обсуждать). Но ученый заявляет, что не разделяет ни одной из них²⁶².

Кроме позиций властей и различных общественных сил в славянском вопросе Пыпин обращает внимание и на отношение к нему народных масс. Простому народу, отмечал он, было свойственно «чувство сострадания и симпатии к единоверцам, терпевшим невыносимое, злобное иго». Но при этом признает ученый, было бы «лицемерием и ложью» утверждать, что народ имеет какое-либо понятие о сути славянского вопроса и славянской политике русского государства²⁶³. В то же время если бы русский народ сам имел возможность выражать свои мысли и чувства, то он высказался бы «совсем иначе, нежели те, кто самозвано» брался говорить от его имени²⁶⁴.

Популярность в различных общественных кругах идеи славянской общности зависела от степени знаний о славянах. Еще в 1830–1840-х гг. первые отечественные слависты путешествовали по славянским землям, но, как замечал Пыпин, для ознакомления русского общества со славянскими народами от этих поездок «результат был невелик»²⁶⁵. Развитие научного славяноведения, расширение преподавания славистических дисциплин в университетах прибавило русским знаний о славянах²⁶⁶ и усилило сочувствие к их борьбе за освобождение. И все же эти знания ограничивались небольшим кругом специалистов и любителей славянства, а неосведомленность общества в славянском вопросе была ощутимой: «Славянским симпатиям мешает у нас всего более совершенное невежество о славянском мире». Незнание наших «братьев» приводит к ошибкам в общении с ними* и в международной политике. Славяне тоже мало знают Россию, и

* Так, например, уверенные в правоте своей теории славянофилы «считали себя вправе поучать» другие славянские народы, что нашло отражение в «Послании к сербам» (М., 1860), которое произвело «неприятное впечатление» не только в сербском, но и в определенных кругах русского общества. «Послание к сербам» вызвало и у самого Пыпина отрицательное отношение, поскольку славянофилы приписывали себе роль «старших братьев» по отношению к другим славянским народам, противопоставляли южных славян православного и католического вероисповедания (что не соответствовало их стремлению к объединению). Он подчеркивал, что славянофилы, заявлявшие о «всеобщем славянском братстве и сочувствии» в славянском вопросе «дошли до вражды к самим славянским народностям».

Пыпин считал это упущением русских. Нужно, чтобы симпатии к славянам и сочувствие их делу приносили «практическую пользу». Для этого, уверял Пыпин, нужно «меньше говорить о наших „миссиях“ и составлять широкие планы, а больше делать»²⁶⁷.

Славянский вопрос имел скорее теоретический характер. В целом, подчеркивал Пыпин, судьбы славянских народов вне России еще мало занимали русские умы и оставляли общество равнодушным и «холодным» к славянским делам, так как оно само «в них ничем не заинтересовано» и не принимало в них участия²⁶⁸. В то же время ученый подчеркивал, что в пореформенный период русское общество обратилось к славянскому вопросу не из-за особого «предназначения», как пытались представить дело славянофилы, а под влиянием возрождения славянских народов и вследствие исторических событий — международных и внутренних (Крымская война и ее последствия, освобождение крестьян и реформы в России).

Пыпин, постоянно полемизировавший со славянофилами, в период обострения славянского вопроса в России и в Европе тоже активизировал свои возражения против славянофильской позиции.

В отличие от ранних славянофилов пореформенное славянофильство, сохраняя преемственность общих теоретических начал, эволюционировало вправо, все больше склоняясь к российскому варианту панславистской программы*. Ее сторонники были убеждены, что единство славян может быть достигнуто только при признании гегемонии России в славянском мире, принятии им православия и русского литературного языка²⁶⁹. В противовес славянофилам Пыпин считал, что только «свободная демократическая Россия может стать подлинной освободительницей славян»²⁷⁰, и ее влияние на славянство должно осуществляться с помощью прогрессивных достижений русской культуры, обладающей высоким нравственным и социальным содержанием²⁷¹.

* К тому же во внутрироссийском масштабе, как отмечал Пыпин, славянофилы выражали сомнение в необходимости развития украинской, белорусской и других национальных литератур. Их «обрусительные наклонности» все чаще приходили в противоречие с постоянно декларируемой заботой о «народности».

1860-е годы приходились на «второй фазис» развития славянской идеи, когда, как утверждал Пыпин, осознавшее свои национальные интересы славянство ослабило интерес к идее объединения. В этот период становилось очевидным, что задачи, которые «ставил себе панславизм русский и западнославянский, оказывались несходны»²⁷². Пыпин отмечал, что во время польского восстания 1863 г. и после его подавления в славянофильских изданиях слышались ноты «крайней нетерпимости», что производило на другие славянские народы отталкивающее впечатление. Ученый напоминал, что как бы недоброжелательно ни относились в России к полякам, необходимо учитывать их принадлежность «к тому славянскому племени, в котором для нас предполагается возвышенная „миссия“»²⁷³. В эти годы позиция славянофильских изданий сблизилась с позицией реакционных «Московских ведомостей». Эти своеобразные «защитники» славянства, как считал Пыпин, оказали влияние на формирование в русском обществе славянских интересов со «странностями»: «Смесь освободительных намерений с крайней нетерпимостью, притязания на господство и „обрусение“... неумение понять связь славянского вопроса с нашими внутренними делами». Такое отношение к славянскому вопросу, по мнению Пыпина, сказывалось и на общегосударственных мероприятиях²⁷⁴.

Славянофилы часто говорили об особой роли России по отношению к южным славянам. В связи с событиями на Балканах во второй половине 1870-х гг. Пыпин замечал: «Наше нынешнее участие к судьбе восточных христиан и балканского славянства вовсе не нуждается в подделке истории и „национального призвания“»²⁷⁵. Не соглашаясь с точкой зрения славянофилов на национально-историческую задачу России, которую они видели в решении вопроса о будущем славянства, Пыпин подчеркивал, что эта задача состоит прежде всего «в просвещении и процветании самого русского народа», в «созидании сильного государства»²⁷⁶. Он обращал внимание на то, что в России было немало сторонников объединения «русской идеи» и «славянской идеи». Ученый решительно высказался против этого: русская идея не равняется славянской идее; русский народ — один из славянских народов, а часть «не может выражать всего целого»²⁷⁷.

Славянофильство со временем видоизменялось, и к 1880-м гг. представители этого течения, как считал Пыпин, полностью ут-

ратили те черты либерализма, которые были им присущи в до-реформенный период. Славянофильское учение приобрело различные оттенки, но его последователей объединяли консерватизм, враждебное отношение к Западу, нападки на либерализм и европейское образование²⁷⁸. Несмотря на существенные различия во взглядах, «новейшим» славянофилам, как и их «ранним» предшественникам, были свойственны односторонность, нетерпимость, исключительность. Когда П. Н. Милоков, рассматривая взгляды Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Вл. С. Соловьева, утверждал, что славянофильство можно считать прекратившим существование²⁷⁹, Пыпин не согласился с ним, решив, что автор «слишком поторопился хоронить славянофильство». Книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (СПб., 1871), не являвшегося «непосредственно славянофилом», как отмечал Пыпин, была «признана новым истинным кодексом славянофильства». Его теорию культурно-исторических типов Пыпин характеризовал как «школу национальной исключительности»; его панславистская концепция предполагала создание на «развалинах» западной цивилизации славянского государства с политической гегемонией России. Не умерла и религиозная идея, воплотившаяся в трудах Вл. С. Соловьева²⁸⁰.

Близкими, хотя и «не сливающимися со славянофильством», считал Пыпин взгляды К. Н. Леонтьева²⁸¹ в том, что касалось России и Европы. Однако в отношении славянства Леонтьев расходился со славянофилами — он «стоял за византизм». В течение долгого времени он имел возможность наблюдать и изучать жизнь, быт, нравы южных славян и не заблуждался на их счет (в отличие от Аксакова и его последователей с их «неясными сентиментальными представлениями» о славянах). Пыпин обращал внимание на то, что Леонтьев не верил во всеславянство, утверждая, что каждому племени важнее свои ближайшие интересы. Слияние славян в одно государство, по его мнению, стало бы кануном разложения России. Однако присоединение

* Несмотря на столь очевидные заявления Пыпина, В. А. Китаев считает, что он не находил «признаков трансформации учения» славянофилов, полагая, что изменения вызваны внешними условиями существования школы (*Китаев В. А. «Вестник Европы» и славянофильство в 1880-е годы // П. А. Зайончковский. 1904–1983 гг. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 339*).

Царьграда (Константинополя) он считал необходимым государственным делом, более важным, чем «платоническое освобождение славян». Леонтьев утверждал, что не существуют черты, общие всем славянам; славянское единство, или «славизм», можно понимать только как «племенное этнографическое отвлечение, как идею общей крови (хотя и не совсем чистой) и сходных языков». Зато «политический панславизм» представлялся ему «силой весьма реальной» и близкой возможностью²⁸².

Пыпин замечал, что заявления о необходимости панславизма в русском варианте могут показаться и славянам, и Европе «национальной жадностью»²⁸³.

Славянофильские взгляды на славянский вопрос, как писал Пыпин, также «поддерживаются славянскими благотворительными комитетами». Славянские комитеты (первый из которых, Московский, был создан в 1858 г.), по мнению Пыпина, только в 1876–1877 гг. проявили себя как «общественная сила», в другое же время они стояли особняком в общественной жизни, учитывая их славянофильскую направленность²⁸⁴. Пыпин признавал заслуги комитетов в благотворительной деятельности, в издании книг о славянстве. Однако ввиду «особой тенденциозности» в «стиле и характере» работы славянские комитеты, как считал ученый, не всегда способствовали сближению и сплочению славянства, не желая отказываться от своей небеспристрастной позиции в отношении «отступников» от православной веры, в польском вопросе и др. Пыпин утверждал также, что славянские комитеты плохо освещали положение дел в славянском мире и не подготовили русское общество к восприятию славянского вопроса²⁸⁵.

Тем не менее именно в России при активном участии славянофилов была сделана очередная попытка сближения славян. В 1867 г. в Москве была организована Этнографическая выставка, на которую съехались посланцы славянских народов (кроме поляков). Цель выставки заключалась в более близком знакомстве славян друг с другом. Однако встреча представителей славянских национальностей вылилась в неформальный славянский съезд. Этот съезд, по оценке Пыпина, был для российской действительности «явлением довольно странным»: он «противоречил всем известным привычкам нашей „гражданственности“», поскольку этот конгресс представлял собой демонстративный «политический митинг»²⁸⁶. В таком качестве его использовали

прежде всего чехи, недовольные политикой своего правительства; при этом Пыпин подчеркивал, что русское общество находится в другой фазе общественно-политического развития и еще не обладает такими правами, «чтобы устраивать демонстрации чужому государству» (подразумевается, что и своему — тоже), с которым «наше правительство находится в дружественных отношениях»²⁸⁷.

В 1867 г. славяне «сошлись во второй раз», но, как и в 1848 г., различия в их взглядах «остались непримиренными». Резкие разногласия возникли из-за Польши. Кроме того, славянофилы считали, что единение славян должно было приобретать все большее политическое значение в связи с тем, что объединившаяся Германия усиливала «свое стремление на восток». При этом гости почувствовали у хозяев «желание господствовать и повелевать» в славянском мире, что явно не отвечало желаниям внероссийских славян. С другой стороны, и отношения славян к России не всегда отличались бескорыстием — был у них свой «меркантильный расчет» на русскую помощь (в том числе экономическую) — недаром сложилось мнение, отмечал Пыпин, что славяне хотят видеть в России «дойную корову». Ученый признавал, что для них это вполне объяснимая позиция, так как на первый план они ставят свои «расчеты и выгоды», однако такой подход слишком сужал понимание «предполагаемого сближения славянских племен», которое, если бы осуществилось, могло стать, по оценке Пыпина, «фактом самого широкого исторического значения»²⁸⁸. Чех Ф. Ригер говорил на съезде о двух путях развития славянства, предполагавших или «полное единство», или «разнообразие в гармонии» — он отдавал предпочтение последнему варианту²⁸⁹.

По мнению Аксакова, писал Пыпин, вся «сила славян — в России, вся сила России — в ее славянстве». Россия должна осознать свой долг в качестве представительницы славянства, тогда она сможет и «свершить его». Без этого немыслима «истинная национальная политика для России». На этом примере Пыпин показывает связь национальных интересов с общеславянской идеей, но уже в другом ракурсе — со стороны не слабого, а сильного славянского государства. Главным итогом славянского съезда в Москве Аксаков считал то, что славянский вопрос стал реальным вопросом общественной жизни самой России — в этой оценке Пыпин расходился с ним²⁹⁰.

Пыпин охарактеризовал славянский съезд 1867 г. как «патетическое заявление племенных сочувствий к славянству». Устроители съезда и «славянские оптимисты», верившие в будущее славянское единство, хотели видеть в съезде «факт великой важности для славянского самосознания», однако встреча славян как раз показала «большие недостатки этого самосознания», которые составляют «одну из глубоких причин политического разлада и слабости славянского мира»²⁹¹. Со всей очевидностью проявились разноречия (в частности, взаимное непонимание по польскому вопросу) и неудовлетворенность с обеих сторон²⁹². Но это был «опыт наглядного обучения славянскому вопросу». Произошли некоторые сдвиги в сближении славянских народов. Однако, делал неутешительный вывод Пыпин, съезд не дал почти никаких результатов «для взаимного разъяснения вопросов славянской политической жизни». Он объяснял это прежде всего тем, что в общественно-политических условиях России в тот период эти вопросы не могли быть поставлены в программу съезда²⁹³.

Сравнивая славянские форумы 1848 и 1867 гг., Пыпин отмечал, что в Праге и в Москве присутствовали представители не всех славянских народов, и съезды «не были ни полными, ни свободными выражениями стремлений славянских племен»²⁹⁴. Тем не менее съезд способствовал усилению личных контактов славянских деятелей, повышению взаимного интереса славян и России (у чехов началось более интенсивное изучение русского языка, сербы в белградской «Великой школе» организовали кафедру русского языка и литературы, в России активизировалось изучение славянских предметов). Суммируя эти факты, Пыпин осторожно предполагал, что они могут свидетельствовать о начале нового этапа в межславянских отношениях²⁹⁵.

В конце 1870-х гг., рассуждая о славянской солидарности в связи с событиями на Балканах, Пыпин подчеркивал, что она возможна «только на почве широкого общественно-политического развития и успехов свободной литературы». Поскольку в России эти условия еще не были достигнуты, она не могла претендовать на руководство славянами²⁹⁶.

В то же время он признавал, что славянство вряд ли сможет освободиться само, без помощи России, и славянская взаимность должна стать не словом, а делом²⁹⁷. После завершения русско-турецкой войны Пыпин писал, что неумение понять за-

боты и нужды освобожденного болгарского народа, отсутствие интереса к его начинающейся политической жизни свидетельствует по-прежнему о слабости «славянской идеи» в русском обществе²⁹⁸. Ученый обращал внимание на то, что союз с солидарным славянством для России означал бы приобретение «сильного политического оружия», полезного и ей, и славянам, но для этого Россия должна выдержать нелегкую конкурентную борьбу с Европой во всех сферах общественной жизни²⁹⁹.

Проблема общеславянского языка. Рассматривая различные концепции славянского единства, Пыпин в то же время задавался вопросом, который, как он предупреждал, ставил чисто *теоретически*: нужно ли объединение славян, необходимо ли, чтобы славяне составили одну нацию? У каждой народности, утверждал ученый, есть «естественный инстинкт самосохранения», и трудно себе представить ту силу, которая сможет его преодолеть³⁰⁰.

Эти рассуждения возникли прежде всего в связи с вопросом об общеславянском языке, который являлся составной частью теорий панславизма. Славянство, подчеркивал Пыпин, никогда не было «компактным племенем»; языки и литературы отдельных народов «развивались совершенно разрозненно» (в смысле — самостоятельно)*. Ученый готов был согласиться, что этот факт можно признать «прикорбным», но он «не подлежит сомнению» — солидарности в этой области не было³⁰¹.

Пыпин считал, что в вопросе о языке существуют центростремительные и центробежные тенденции, и в нем, как в зеркале, отражается проблема панславизма в целом³⁰². С концепциями общего языка были тесно связаны вопросы о средствах коммуникации между родственными народами. Язык общения для славянского единения — это одна из самых важных, основных проблем панславизма. Если славянскому миру суждено быть целым, то ему необходимо «установить точки соприкосновения в области национальных идей, и, как могущественное средство к

* Так, сербская литература, приводил пример Пыпин, «развивалась отдельно, без всяких особенных связей с русской, испытывая непосредственные влияния чужой науки и чужой школы, и вместе (с тем) разрабатывая данные своего быта и истории» (*Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 28).

этому, создать общеславянский литературный язык». Пока славянам в их общении нужен будет переводчик, их сближение будет неполным: яркими примерами служили контакты представителей славянских народов на Пражском съезде 1848 г., когда языком общения был немецкий, и на Московском съезде 1867 г., где со славянскими гостями объяснялись по-французски, поскольку по-немецки они говорить не хотели, а по-русски — не могли³⁰³.

«Племенное чувство будут оставаться на степени неопределенного инстинкта», который может проявиться как угодно, продолжал Пыпин свои рассуждения. Истинная, сознательная связь между народами может быть достигнута не военными и политическими действиями, а «трудом образовательным, сближением народов в высших интересах человеческого развития, в знании, литературе». Тесная солидарность «может происходить не из дипломатического расчета, не из соображений частно-народного честолюбия, выгадывающего себе помощь единоплеменников, не из одних потребностей данной минуты, даже не из исторических воспоминаний, которые вообще служат только тогда, когда ими нужно подогреть уже существующее», а «из постоянного междуплеменного общения, равенства интересов, родственности образовательных стремлений, а для этого требуется общность умственной и нравственно-общественной деятельности. Органом этой деятельности бывает — литература», а литературная связь родственных племен возможна лишь на одном условии, именно, что литература одного из племен должна стать для остальных центром, приобрести значение общего выражения, словом, в среде родственных племен *один* язык должен стать общим литературным языком всей расы»³⁰⁴.

Пыпин считал, что общий литературный язык был бы полезен и с другой стороны: «Тысячу лет назад западная граница славянских поселений доходила, как говорят, до Рейна, теперь она стоит почти на Висле. К чистому покорению, истреблению или насильному онемечению славянства, совершившемуся на пространстве нынешней северной Германии, присоединялось почти на всем пространстве остального западного славянства, действующее и доныне онемечение другого рода — посредством

* Пыпин поясняет, что имеет в виду «литературу нормально существующую, т. е. свободную», которая только и «может быть истинно национальной и иметь силу в других племенах».

подчинения славянства немецкой политической власти, посредством немецкой школы, литературы, языка, промышленности, нравов и проч.». Западное славянство, состоявшее из небольших и разрозненных племен, не могло противостоять этому влиянию и увлекаться «в поток немецкой исторической жизни и цивилизации»³⁰⁵.

Стремление к общеславянскому языку как к идеалу казалось Пыпину «совершенно естественным». По его мнению, «славянское возрождение должно искать литературного единства, если только хочет стать не чистой мечтой, а настоящим делом — поднять национальную самобытность славянского мира»³⁰⁶.

Но «тенденция объединительная», стремление к общему, отмечал Пыпин, сталкивается с индивидуальными национальными стремлениями, встречается в общей теории панславизма «с настойчивым консервативным отпором частных племенных единиц». В вопросе о литературе и языке тоже нет единодушия. Необходимость в общем языке чувствуется всеми, но существуют препятствия, «трудно одолимые». Встает вопрос: каким образом все народы выучат один язык так, чтобы читать и писать на нем? Следует иметь в виду, предупреждал Пыпин, что славянские народы не захотят расстаться со своими языками. Чехи и поляки считают, что не уступают русским в уровне образования и культуры, и отказ от своего языка был бы для них «культурной ошибкой и вредом»^{*}. К тому же многим не нравилось намерение объявить русский общеславянским языком, так как с русским языком для них соединено представление о политической гегемонии России³⁰⁷.

Если говорить о славянском единстве как о возможном будущем славянского мира, то, по мнению Пыпина, общий литературный язык «действительно составляет капитальную потребность славянства», непереносимое условие «его политической и культурной солидарности, даже возможности его существования в будущем»³⁰⁸.

Тем не менее, подчеркивал Пыпин, вопрос об общеславянском языке и литературе существует только «буквально в виде

^{*} В одном из частных писем из Праги (1859 г.) Пыпин сообщал, что многие известные деятели чешского национального движения (например, Ригер) «даже вовсе не читают по-русски, да и не заботятся об этом» (Цит. по: *Кораблев В. Н.* Академик А. Н. Пыпин и славянский вопрос. С. 76).

вопроса» — слишком велико расстояние между «идеалистическими пожеланиями славянского литературного единства и настоящими фактами». Этот «вопрос» был поставлен как «идеал» в начале XIX в., когда у разных славянских народов возникала мысль о «взаимности» и «общеславянском языке» — как «необходимость национально-образовательного союза для взаимной защиты». Эта мысль, отмечал Пыпин, сохранялась и повторялась на разные лады и позже. Однако, по мнению ученого, вопрос об общеславянском языке и единой литературе так и остался на протяжении всего столетия «идеалом, теорией», за которыми «не идет тем же шагом действительность»³⁰⁹.

Пыпин считал, что сторонникам славянского объединения следует думать не об общем языке, т. е. «пока сомнительном внешнем и *формальном* единстве, а об единстве и солидарности *содержания*: образованности, общественно-политических понятий, о соглашении частных национальных идей»³¹⁰.

То или иное понимание коммуникативной роли общего языка и культурно-образовательной функции литературы порождало различные варианты возможного сближения славян: 1) изучение нескольких главных языков; 2) принятие одного языка в качестве общего; 3) создание одного искусственного языка на основе разных языков (проекты этого рода Пыпин называл «чуждачеством») ³¹¹.

Вопросу об общем языке уделяли внимание многие деятели славянских национальных движений, а также представители русской общественной и научной мысли. Пыпин напоминал, что еще в XVII в. Юрий Крижанич хотел создать общий язык, который был бы понятен всем славянам и основу которого составил бы русский язык как язык единственного славянского народа, который «живет под своей властью»³¹². Язык Крижанича Пыпин называл «странным языком, смесью русского с хорватским и с другими примесями», а также словами собственного изобретения. Мысль Крижанича о создании искусственного языка Пыпин считал ошибочной, а его проект общеславянского языка — нереальным, поскольку, по убеждению ученого, язык формируется «не теоретическими соображениями, а живым историческим развитием»³¹³. Если бы Крижаничу удалось теоретически создать такой язык, то, утверждал Пыпин, он все равно не стал бы общеславянским, поскольку в то время «не было никакого фактического общения славянских племен между собою, которое приводило бы к славя-

нам русские книги и вместе побуждало бы их принять в своем обиходе эту, в то время совсем чуждую им, речь»³¹⁴.

Впрочем, как отмечал Пыпин, и в XIX в., в эпоху славянского возрождения русский язык все еще был «слишком мало известен» славянам, а литература на этом языке «крайне скудно» освещала славянский вопрос. Другие славянские языки в то время «были языками народов политически несвободных». По этим причинам, как считал Пыпин, например, теория «славянской взаимности» Я. Коллара не содержала мысли об одном общем языке³¹⁵. Я. Коллар предлагал связать четыре главных языка и четыре литературы в некое единство посредством своей теории «взаимности». Эта теория основывалась на том, что каждый славянин должен знать четыре языка, образованные люди — больше, ученые — все языки³¹⁶. Но что будет тогда означать «взаимность», задает риторический вопрос Пыпин, если не будет общего литературного языка?³¹⁷ *. Ученый считал точку зрения Коллара «идеализмом»; к тому же для большинства славян, справедливо полагал он, нереальна такая «филологическая ученость», как знание четырех языков³¹⁸. В отличие от Я. Коллара, Л. Штур утверждал, что нужно полное единство литератур на одном общем славянском языке³¹⁹.

Пыпин приводил также точку зрения словака Я. Геркеля и словенца М. Маяра, полагавших, что общеславянский язык может быть искусственно создан. Геркель считал, что общеславянский язык нужно строить на «совокупности диалектов», а если взять какой-то за основу, то его нужно переделать, сблизив с остальными. Для своего варианта общеславянского языка он придумал новый алфавит, новые грамматические формы и т. п. Майр исходил из того, что для «домашнего обихода» можно использовать существующие языки, а для потребностей научной и литературной деятельности нужен общий язык, который возникнет от развития в «сходящемся» направлении славянских языков³²⁰.

* Если даже предположить, замечал Пыпин, что разовьются четыре-пять «главных» славянских языков и литератур, то относительно целого славянства это не будет означать единства, но в то же время неизбежно приведет к отставанию от высокоразвитой европейской культуры и образования (*Пыпин А. Н. О сравнительно-историческом изучении русской литературы // Вестник Европы. 1875. № 10. С. 657–658*).

И Геркель, и Маяр, по мнению Пыпина, забывали о том, что «письменный» язык получает широкое распространение «только тогда, когда в его основе лежит живая речь». Они не учитывали также, что развитие общего языка, «особенно в наше деятельное время, когда в литературу вмешиваются общественные и даже народные массы, всего меньше зависит от доброй воли или даже пламенных желаний нескольких филологов и народолюбцев, и гораздо больше от основных руководящих условий национальной жизни, от сил политических, общественных и образовательных»³²¹ *. И никакая власть, утверждал Пыпин, не могла бы «предписать и осуществить принятие искусственно созданного языка народами, хотя одного происхождения, но разных вер, государств, быта и степеней образования, и частью даже враждебных между собою» (если вспомнить о «взаимной любви» между русскими и поляками, болгарами и сербами и т. п.)³²².

Чешский лексикограф И. Ф. Шумавский («ревностный панславист», по оценке Пыпина) предлагал принять в качестве всеславянского языка старославянский язык с тем, чтобы все умели говорить, читать и писать на нем. Пыпин считал это предложение фантастическим, поскольку старославянский язык — «неподвижный», остановившийся в развитии на уровне XI в.³²³

Один из крупнейших деятелей чешского возрождения Й. Юнгман высказывался о желательности общего литературного языка для всех славян, в основу которого был бы положен какой-нибудь один язык, постоянно обогащающийся за счет других. При этом он готов был «пожертвовать» чешским языком ради общеславянского³²⁴. Теория общего языка Й. Юнгмана строилась, по словам Пыпина, на признании неизбежности принятия «живого русского языка» в качестве общеславянского. Он считал, что политические события, политический авторитет России решат вопрос в пользу русского языка³²⁵. Л. Штур, в свою очередь, готов был принять русский язык в качестве общеславянского³²⁶. В. Ганке в мечтах о всеславянском языке русский язык представлялся единственно возможным для сплочения славянства³²⁷. Однако, как подчер-

* Пыпин приводил мнение П. Шафарика, который в 1826 г. предполагал, что вопрос о всеславянских языке и азбуке «будет решать уже не перо, — это решит только меч» (*Пыпин А. Н. Литературный панславизм. № 6. С. 614*).

кивал Пыпин, сторонники языкового единства считали, что при наличии общего языка должны сохраниться «права местных наречий» и «частные литературы»³²⁸.

Возникновение национальных литератур, сопровождавшее процесс развития славянских наций, вначале не подвергалось сомнению деятелями славянского возрождения. Считалось, напомним Пыпин, что чем больше литератур, тем лучше, тем «шире становится выражение разнообразных форм славянской национальности». «Любители славянства» и первые ученые-слависты в России также сочувствовали развитию «больших» и «малых» славянских литератур и не помышляли о создании единого славянского литературного языка. Члены Кирилло-Мефодиевского общества уже понимали необходимость общего литературного языка, хотя путей решения этого вопроса еще не предлагали; они лишь отвергали «насильственное подчинение одного языка другому», признавая равноправность славянских языков³²⁹.

В то же время русские славянофилы и ученые славянофильского направления разрабатывали проекты принятия русского языка в качестве общеславянского (хотя вопрос о языке имел для них подчиненное значение). Для сторонников славянофильской концепции основным, «внутренним» началом славянского духовного единства должно служить православие, а русский язык, как «прямой наследник древнего общеславянского языка», представлялся «внешним» фактором объединения³³⁰. Славянофилы порой расходились в оценках политической судьбы славянства, но его будущность в культурном отношении виделась им только при условии принятия русского языка как общего литературного языка. Среди славянофилов, указывал Пыпин, были «очень распространены эти маниловские фантазии»³³¹.

Порой славянофилы приписывали свои взгляды тем, кто их вовсе не разделял. Так, В. И. Ламанский, по словам Пыпина, провозглашал М. В. Ломоносова «одним из проповедников панславизма», и на основании одной его фразы о сходстве южнославянских языков с русским уверял, что ученый XVIII в. думал о всеславянском языке³³². Мечтая о «практически недостижимой» (по оценке Пыпина) славянской «взаимности», Ламанский считал необходимым принятие славянством русского языка как общего литературного языка, который должен стать языком науки, высшего образования, дипломатии (при допустимо-

сти сохранения своих наречий «для местных потребностей»). В пользу принятия всеми славянами русского языка он выдвигал фактор многочисленности русского народа, широкого распространения и значительного развития русского языка и литературы (в противовес малочисленности остального славянства и слабости их языков и литератур). Без принятия общего (русского) языка, по убеждению Ламанского, бессмысленно обсуждать вопрос о славянской федерации. При этом, как отмечал Пыпин, Ламанский предполагал добровольное принятие русского языка славянами³³³.

Пыпин соглашался, что в идеале признание русского языка в качестве общего было бы важным и полезным для славянского дела, но полагал, что на практике это трудно осуществить — нужны очень веские причины, которые могли бы побудить славянские народы *добровольно* принять его. Потеря своего языка, «хотя бы литературного, есть своего рода лишение национальности»³³⁴. Глубочайший национальный инстинкт, по словам ученого, сказывается в привязанности к «своему, старому, родному», и к нему нужно относиться бережно, с пониманием, воздействовать, если нужно для «национальной пользы», не насилем, а методами «нравственного влияния». Пыпин выступал против славянофильской идеи признания русского языка общеславянским, основанной на политической и духовной гегемонии России и игнорировании национальных особенностей. Такая идея, считал он, скорее послужит не объединению, а разъединению славян³³⁵. Ученый был уверен, что «для самого достоинства русского языка» и укрепления межславянских отношений очень важно, чтобы русский язык и русская литература оказывали влияние «своей собственной силой, а не при помощи принудительных мер»³³⁶.

Тот же В. И. Ламанский считал развитие славянских литератур пустой тратой сил. Пыпин признавал это утверждение лишь отчасти справедливым, подчеркивая, что на создание литератур «каждого племенного оттенка» уходило много труда, который, однако, не создавал в этом «вавилонском столпотворении» опору для широкого развития «целой славянской литературы». Мелкие, разделенные литературы не в состоянии бороться с влиянием более сильных европейских литератур. С другой стороны, Пыпин утверждал, что нельзя отказывать славянским литературам в праве на существование³³⁷ (подробнее см. главу 2).

Пыпин утверждал, что любая литература, в том числе и славянская, «может создаваться только на почве живой, народной и общественной действительности, должна иметь подкладку в непосредственном быте, в идеалах и стремлениях данного общества». В таком случае общая славянская литература должна была бы представлять «славянскую силу» и удовлетворять всем славянским требованиям. Но для такой литературы не было почвы, поскольку славянские народы находились в различном положении (политическом, вероисповедном, культурном), а также необходимого инструмента — т. е. одного языка. Славянское единство, замечал Пыпин, существовало только «в отвлеченном понятии», или идеале, на котором не могла «основаться и существовать живая литература»³³⁸. Пыпин признавал, что «литературная солидарность» была бы полезна для общеславянского дела, и считал, что русская литература, отличающаяся несомненными достоинствами, должна была бы позаботиться о достижении этой солидарности, не покушаясь при этом на права других славянских литератур и не навязывая им русский язык³³⁹.

Пыпин считал, что искусственно внедрить какой-либо один язык невозможно. «Гегемония» того или иного языка должна быть «логическим выводом из состояния национальной жизни». Если не сложатся «общие причины» для принятия всеми славянами русского языка, то все усилия, направленные на это, будут напрасными. Ученый был уверен, что одна внешняя, государственная сила «не привлечет славян к русскому языку». Для достижения цели, считал он, нужно иметь в виду, как минимум, два обстоятельства. Во-первых, русская общественно-политическая жизнь, образованность и литература должны иметь для славян «глубокую внутреннюю привлекательность». Они, по мнению Пыпина, без всякого нажима, добровольно начнут изучать русский язык, когда идеи, выраженные на нем, будут иметь общечеловеческий интерес и когда в России «вся жизнь примет несколько иной характер»³⁴⁰. Рассчитывать на «умственное и нравственное влияние» на славян можно лишь при успешном развитии «нашей собственной «гражданственности» (т. е. речь идет о необходимости социально-политических преобразований в России)*. Во-вторых,

* К этому Пыпин добавлял, что русская печать не имеет возможности свободно обсуждать славянский вопрос и это не способствует привле-

следует учитывать, что на повседневной жизни и сознании славянских народов сказывались издавна господствовавшие над ними «чужеплеменные влияния»³⁴¹ *. Наша литература (в широком смысле слова, включая художественную, научную, общественную литературу), чтобы стать общепризнанной в славянском мире, считал Пыпин, должна перевешивать «европейские влияния» в других славянских литературах. Но славяне будут обращаться к европейским образцам до тех пор, пока Россия не «доставит им широкую, свободную, не урезанную» литературу и науку, опирающиеся на соответствующие общественные порядки и имеющие возможности для «серьезной разработки» общественно значимых вопросов³⁴². Русская литература приобретет важное значение для славянства, когда будет владеть большим знанием славянских дел, когда славянские интересы «получат в нашей жизни полное право гражданства и возможность инициативы»³⁴³.

С вопросом об общем для всего славянства языке вставал вопрос и об азбуке. Пыпин отмечал, что среди русских славистов не было единого мнения о «способе писания». Славяне использовали кириллический, глаголический, латинский алфавиты, к тому же и при употреблении одного алфавита наблюдалась «пестрота правописания». Ученый славянофильской ориентации А. Ф. Гильфердинг считал, что, приняв общий (русский) язык, все славянство должно перейти на кириллическое письмо. Он составил азбуки для всех славянских языков, используя буквы русского алфавита, дополняя их диакритическими значками. Общеславянская азбука включала 61 знак. Разработки Гильфердинга, как указывал Пыпин, вызвали много критических отзывов со стороны славистов (В. В. Макушев, И. А. Бодуэн де Куртенэ и др.). В частности, приводя мнение Бодуэна, Пыпин подчеркивал, что рассуждения об общеславянской азбуке представляются ученому «идеалистической постановкой вопроса», поскольку очевидно, что борьба сла-

чению интереса к России и русскому языку со стороны славян (Пыпин А. Н. Литературный панславизм. № 8. С. 731).

* Пыпин напоминал, что для части славянских народов (австрийских славян и лужицких сербов) немецкий язык стал «вторым родным языком», и он имел «богатую и обширную литературу» (Пыпин А. Н. О сравнительно-историческом изучении русской литературы. С. 658).

вянского «партикуляризма» с «панславизмом» будет долгой, а литературное объединение скорее всего произойдет за счет поглощения менее сильного более сильным (в широком смысле этого слова)³⁴⁴.

Принятие славянами русского языка за общий, рассуждал Пыпин, еще не гарантировало бы их единства: могла продолжаться вражда народов, социальных слоев, партий. Следует помнить, что язык — только средство литературного и общественного единения, но «не само единство, не сама жизнь»³⁴⁵.

Анализируя проблему общего языка, Пыпин задавался вопросом: нужно ли стремиться к единому всеславянскому литературному языку? Ученый отвечал на этот вопрос положительно, в краткой форме изложив свой взгляд на проблему. Будущее славянского мира, как он полагал, возможно лишь в «соединении славянских сил»: разделенное славянство не выдержит борьбы со своими врагами. А соединенное славянство не сможет обойтись без общего языка для взаимных сношений и науки. При этом каждая народность сохраняет право на свою литературу (большинство славянских литератур, признавал Пыпин, «мелки, это правда; но они дороги своему племени»³⁴⁶). Объединение не должно совершаться насильно, общий язык может быть принят только в результате осознания его пользы и необходимости. Параллельно с общим языком вполне возможно существование «частных наречий». Из всех славянских языков наиболее вероятным общим языком, по мнению Пыпина, мог бы стать русский язык — не по «историческому праву», не по многочисленности и политической значимости русского народа, а потому что, благодаря многочисленности и политической силе, русский народ имеет «гораздо более возможностей обширного развития в будущем», чем другие народы, учитывая «ограниченность их средств»³⁴⁷. Ученый вновь и вновь подчеркивал, что для признания русского языка в качестве общеславянского нужно: 1) чтобы русская литература (в широком понимании) по своему содержанию и значению была сопоставима с европейскими литературами и пользовалась авторитетом у славян; 2) чтобы возникла «сильная потребность славянского мира в тесном национально-образовательном союзе»³⁴⁸.

Но Пыпин не был утопистом. Он четко разграничивал «желаемое» и «действительное», сознавая, что от «желательнос-

ти» — «далеко до исполнения». Гипотетически он не исключал и возможности «силового» варианта решения вопроса об общем языке — путем политического господства, «обрусения», но заявлял, что считает подобное развитие событий «совершенно невозможным» (т. е. недопустимым)³⁴⁹.

Определив факторы сближения славян на основе общего языка и литературы, Пыпин указывал необходимые для этого условия. Первое — широкое распространение образованности, полная свобода научного исследования, ничем не стесненное обсуждение славянских проблем, которые «требовали бы разъяснения и примирения» (например, польский вопрос). Второе — добровольность объединительных усилий. Только при достижении этих условий можно ставить вопрос о единении славянства. Пыпин отмечал, что у славян остаются опасения относительно притеснений со стороны российских властей, о чем свидетельствовал пример Польши, а у русинского населения Австро-Венгрии «положение русского украинства разрушало иллюзии о славянском братстве»³⁵⁰. Настораживала и программа русских панславистов с их притязаниями на безусловное господство России, на безоговорочное признание всеми славянами православия^{*} и русского языка³⁵¹.

В связи с этим Пыпин подчеркивал, что влияние России на славянство может быть достигнуто при двух условиях: первое — повышение уровня просвещения и образования до европейских стандартов^{**}; второе — развитие «нашей внутренней общественно-политической самодеятельности», поскольку помощь славянству не может ограничиваться подвигами армии, а должна ощущаться в «постоянной солидарности обществ»³⁵².

* Пыпин полагал, что политическое развитие славянства приведет к тому, что религиозный спор православия и католицизма «устранится полной свободой исповеданий» (Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 115).

** Пыпин писал: «Можно материальной силой уничтожить чужую материальную власть и освободить родственное племя; но материальная сила ничего не сделает против чужих умственных и культурных влияний, которые могли бы считаться для нас и для самих славян разъединяющими и вредными. С ними можно бороться только тем же оружием» (А. В-нь [Пыпин А. Н.] Давность славянской идеи в русском обществе. С. 285).

* * *

Пыпин не был поборником идеи славянского объединения. Он изучал, описывал, анализировал различные варианты этой идеи и некоторые практические попытки сближения славянских народов. Он трезво оценивал истинное положение славянства, не увлекаясь несбыточными мечтами о славянском единстве. Но при этом ученый сознавал, что объединение независимых и равноправных славянских народов было бы полезно каждому отдельному народу и всему славянскому миру в целом. Он не предлагал окончательного вывода по проблеме славянского единства, считая, что не пришло еще время для всесторонних исследований и анализа этого явления. Ученый видел свою цель в том, чтобы указать пути к верной постановке славянского вопроса³⁵³.

В целом, анализируя проблему славянского единства в различных ее аспектах, Пыпин высказывал немаловажные теоретические положения о частном и общем, о центростремительных и центробежных силах в национальных славянских движениях. Стремясь укрепить взаимные связи, отмечал он, представители славянского мира вовсе не желают утратить свои индивидуальные национальные особенности, так что «среди всех *центростремительных* движений к единству и союзу, в славянских племенах остается повсюду движение *центробежное*, сознание своей отдельности и старание сохранить ее»³⁵⁴ (курсив мой. — Е. А.). Теоретически понятно, что объединение отдельных частей в целое необходимо для развития всего славянского мира и каждого входящего в него народа, а также для общей борьбы с «чуждыми племенами». Но практическое решение этого вопроса встречает на своем пути множество трудностей³⁵⁵. Славянство стремится к политической свободе, сознает недостаток собственных сил и ожидает помощи от «племенной солидарности и союза». «Племенной интерес» сознает, что «взаимность», став политической силой, может оказать помощь национальному делу. Вместе с тем развитие славянской солидарности естественно должно завершиться высшей степенью взаимности — «панславизмом», объединением всего славянства. Таким образом, панславизм для славянства мог оказаться в то время «единственным средством политического обеспечения, гарантией независимости»³⁵⁶.

Вместе с тем, замечал Пыпин, славянский мир может принять самые различные политические формы, в худшем случае потеряв многих своих членов, в лучшем — достигнув нацио-

нальной свободы (возможно вообще «без политического слияния») ³⁵⁷. Но пока существуют отношения, противоречащие «чувству политической справедливости», будет развиваться политический панславизм как стремление к союзу, способному отстаивать законные требования славян. Независимо от планов о всеславянском государстве, панславизм, направленный на достижение национальной независимости славянских стран, по мнению Пыпина, «должен стать целью для всего славянства» (первые шаги в этом направлении ученый усматривал в помощи со стороны России Сербии, Черногории, Болгарии в восстановлении их национальных прав) ³⁵⁸.

При этом Пыпин подчеркивал, что политический панславизм — это «*нравственно-политическая солидарность*», которая «есть, однако, еще искомая вещь» для русского общества, поскольку ему недостаточно известен славянский вопрос, и славянство «не умеет отличить России официальной от неофициальной, государства от общества». К тому же славянская политика России остается неясной: славяне не знают, могут ли возлагать на нее свои надежды, и «нравственный союз славянских народностей все еще дело туманного будущего» ³⁵⁹. Более внимательное изучение межславянских отношений было бы полезно для взаимного понимания и определения общих интересов ³⁶⁰. Ученый считал, что говорить о значении России для «панславянского союза и единства» можно будет лишь тогда, когда в обществе произойдут серьезные преобразования и будут достигнуты свобода и самоуправление ³⁶¹.

Отмечая признаки «несомненного процесса взаимного сближения» славян ³⁶² и не отрицая полезности этого сближения, Пыпин подчеркивал, что возможность для него появится только тогда, когда у всего славянства будет «солидарный взгляд на самое существо национального движения; когда национальная исключительность уступит духу примирения, признания прав чужой народности» ³⁶³. Ученый обращал внимание на то, что в славянском мире все еще существуют «несоединимые» противоречия: православие и католицизм, абсолютизм и конституционные формы жизни, защита и подавление национальных особенностей ³⁶⁴. В то же время, отмечал Пыпин, взаимность из литературно-научной сферы постепенно переходит в «область общественных вопросов», которые только и могут со временем привести к «полному взаимному пониманию» ³⁶⁵.

В 1879 г. Пыпин писал, что славянская жизнь находится в такой фазе, когда «национальный инстинкт в своем „возрождении“» способствует «аналитическому развитию» народов, что вполне естественно и закономерно, и нужно предоставить ему свободу, пока не наступит сам собой «поворот к сосредоточению» (от анализа к синтезу). При жизни Пыпина большинство славянских народов находилось на первой стадии этого процесса — формирующиеся нации решали вопрос о «прочном установлении своей народной личности». Отрицание национальной индивидуальности с ее национальными особенностями и национальным самосознанием в пользу неопределенного и отдаленного во времени единства может, по мнению Пыпина, ослабить эту «индивидуальность» и сделать ее жертвой более сильного иноплеменного соседа. Единство должно представляться славянам как «опора их национального сознания» в борьбе против чуждой стихии, а не как «опасность для их собственной народности». Организационная форма этого единства возможна только в рамках союза равных, а не как результат «поглощения сильным слабейшего». Более полное объединение — «задача еще очень далеких будущих исторических периодов»³⁶⁶.

Пыпин не исключал даже мысли о том, что со временем, если политические условия в России не останутся «неподвижными», а коренным образом изменятся, то, может быть, возникнет славянский союз, объединяющий зарубежных славян с Россией, который он пока считал невозможным. Ученый полагал, что само развитие славянской солидарности могло бы положительным образом подействовать на преобразования в России. Условием объединения славян должно быть безоговорочное признание прав отдельных народов и религиозная терпимость (это первый шаг к взаимопониманию)³⁶⁷. Путь к приближению цели Пыпин видел в возвышении науки, «общественности» и культуры³⁶⁸. Каждый народ, в том числе и русский, должен прийти к осознанию общих задач через «здоровое понимание» собственных национальных интересов. Без этого, полагал Пыпин, толки о славянском единстве «останутся идеалом или фантазией»³⁶⁹.

«Славянское сознание» и солидарность наиболее ощутимо проявились в 1870-х гг. в балканских событиях и освобождении Болгарии, однако после этого, замечал Пыпин, снова немало «сказано было слов ненависти между „братьями“». В конце сто-

летия, глядя в будущее, он задавал риторический вопрос: «Способна ли будет история стереть факты этой, и доныне продолжающейся, ненависти?»³⁷⁰.

Пыпин подходил к вопросу о единстве славянства с точки зрения ученого и общественного деятеля. Ход истории ставил на повестку дня решение задач национального освобождения славянских народов. Пыпин показал, что славяне, будучи раздробленными и сознавая свою слабость, использовали для достижения национальных стремлений идею единого славянства. «Славянскую идею» Пыпин рассматривал не как нечто абстрактное: он старался показать ее развитие, определяемое политическими и общественными условиями. Ученый одним из первых в России внимательно и подробно изучил и осветил факторы и время зарождения объединительной славянской идеи, ее источники, средства, цели. Не дав четко сформулированного, исчерпывающего определения панславизма, он тем не менее достаточно полно выявил его содержание как идеологии и программы действия славянского возрождения и национально-освободительного движения. Уделив большое внимание формам панславизма, он показал, что различные интерпретации теории славянского единства имели как прогрессивный, так и консервативный и даже реакционный характер, сводя на нет идею объединенного славянства.

Пыпин разграничивал взгляды на славянскую солидарность и единство представителей славянского национального движения и русских славянофилов, а также их последователей, объясняя причины различных подходов к одному вопросу. Пыпин не разделял славянофильской точки зрения, ограниченной представлениями об исключительности славянского мира, его противоположности Западу, исторической миссии славянства, тесно связанной с православной верой. В отличие от славянофилов Пыпин не обособлял славянские народы и не противопоставлял их другим европейским народам, не отделял славянскую культуру от западноевропейской (он высоко ценил достижения последней и считал необходимым поднять образование в славянских странах до европейского уровня)³⁷¹. Будущее «славянской национальности» он видел в развитии по общему закону, «от которого не освободят ее никакие исключительные добродетели»³⁷². Наряду с этнической исключительностью Пыпин считал столь же вредной религиозную исключительность, мешавшую делу славянского единства³⁷³.

Во всех вариантах славянской идеи Пыпин отмечал преобладание национальных стремлений над общеславянскими. В этом он видел естественный процесс становления наций, который приходил в противоречие с объединительными, «панславянскими» тенденциями. Славянская идея, по мнению Пыпина, могла быть только «плодом свободного развития и результатом общего труда славянских племен»³⁷⁴. Пыпин понимал невозможность объединения славянства в тогдашних исторических условиях, но не исключал такой перспективы в достаточно отдаленном будущем (в том случае, если это будет добровольное соединение свободных народов). Он не отрицал вероятности организующей роли России в этом процессе при условии коренных социально-политических преобразований в ней самой. Но, обладая трезвым взглядом на современную ему политическую ситуацию, Пыпин, теоретически признавая важность и полезность объединения славян для их дальнейшего развития и безопасности, в то же время в вопросе о славянском единстве оставался скорее скептиком.

Примечания

¹ Эта сфера его общественных и творческих интересов не получила широкого отражения в историографии. Позиции Пыпина по славянскому вопросу была посвящена статья В. Н. Кораблева (Академик А. Н. Пыпин и славянский вопрос // Вестник АН СССР. 1933. № 8–9), в которой, учитывая время ее написания, акцентировалось внимание на антиславянофильской направленности высказываний Пыпина. Из работ последнего времени можно назвать статью О. В. Павленко «Панславизм» (Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60) с кратким упоминанием классификации Пыпиным трактовок панславизма и статью Е. П. Аксеновой «Славянская идея в интерпретации А. Н. Пыпина» (Славянский альманах 1998. М., 1999. С. 87–97).

² Хевролина В. М. Внешнеполитические концепции российского либерализма в конце XIX века // Вопросы истории. 1997. № 10. С. 43.

³ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. 1094; -А- [Пытин А. Н.] Вопрос о национальности и панславизм // Современник. 1864. № 2. С. 479.

⁴ -А- [Пытин А. Н.] Вопрос о национальности и панславизм. № 3. С. 81–84, 90, 93–94.

- ⁵ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 1098.
- ⁶ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 169.
- ⁷ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 1099.
- ⁸ Там же. С. 1095–1096; А. Н. [Пытин А. Н.] Наша печать и болгарские дела // Вестник Европы. 1877. № 10. С. 883.
- ⁹ Пытин А. Н. Литературный панславизм // Вестник Европы. 1879. № 7. С. 600.
- ¹⁰ См. сочинения Ю. Крижанича «Русское государство в половине XVII века», «Русская грамматика», «О промысле Божием», изданные П. Бессоновым (СПб., 1860).
- ¹¹ Пытин А. Н. Литературный панславизм. № 7. С. 600–602.
- ¹² А. Н. [Пытин А. Н.] Наша печать и болгарские дела. С. 883.
- ¹³ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 52.
- ¹⁴ А. Н. [Пытин А. Н.] Наша печать и болгарские дела. С. 881; Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 52.
- ¹⁵ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1879. Т. 1. С. 21, 23.
- ¹⁶ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 52–53.
- ¹⁷ Там же. С. 53.
- ¹⁸ Пытин А. Н. Литературный панславизм. № 7. С. 598.
- ¹⁹ А. Н. [Пытин А. Н.] К вопросу о славянской идее // Вестник Европы. 1877. № 11. С. 429–430; Д. [Пытин А. Н.] Начатки литературной солидарности // Вестник Европы. 1878. № 8. С. 830.
- ²⁰ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 33; Пытин А. Н. Вячеслав Ганка // Современник. 1861. № 3. С. 18.
- ²¹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 33–34.
- ²² Там же. Т. 2. С. 968.
- ²³ Там же. С. 1095–1096.
- ²⁴ Там же. С. 1093.
- ²⁵ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 171.
- ²⁶ Там же. С. 4.
- ²⁷ Пытин А. Н. Литературный панславизм. № 7. С. 591.
- ²⁸ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 4–5.
- ²⁹ Там же. С. 105–106.
- ³⁰ А. Н. [Пытин А. Н.] Наша печать и болгарские дела. С. 894–895, 899.
- ³¹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 967.
- ³² -А- [Пытин А. Н.] Вопрос о национальности и панславизм // Современник. 1864. № 1–3.
- ³³ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 106.

- ³⁴ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 9. С. 319.
- ³⁵ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 30.
- ³⁶ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 9. С. 320–321.
- ³⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 926.
- ³⁸ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 9. С. 319.
- ³⁹ Там же. № 8. С. 714.
- ⁴⁰ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 54.
- ⁴¹ Там же. С. 51–53; -А- [*Пытин А. Н.*] Вопрос о национальности и панславизм. № 2. С. 480.
- ⁴² *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1095.
- ⁴³ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. Гл. 6–7.
- ⁴⁴ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 258.
- ⁴⁵ -А- [*Пытин А. Н.*] Вопрос о национальности и панславизм. № 1. С. 199.
- ⁴⁶ Там же. № 2. С. 496.
- ⁴⁷ Там же. С. 500–502.
- ⁴⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1093–1094.
- ⁴⁹ Там же. Т. 1. С. 248.
- ⁵⁰ -А- [*Пытин А. Н.*] Вопрос о национальности и панславизм. № 2. С. 507.
- ⁵¹ Там же. С. 492–493; *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 1, 5.
- ⁵² -А- [*Пытин А. Н.*] Вопрос о национальности и панславизм. № 2. С. 481–482, 484, 493.
- ⁵³ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 147.
- ⁵⁴ Там же. С. 148–149.
- ⁵⁵ См.: *Хевролина В. М.* Внешнеполитические концепции российского либерализма в конце XIX в. С. 43.
- ⁵⁶ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 73.
- ⁵⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1093–1094.
- ⁵⁸ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 151.
- ⁵⁹ Там же. С. 173.
- ⁶⁰ -А- [*Пытин А. Н.*] Вопрос о национальности и панславизм. № 2. С. 493.
- ⁶¹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 33.
- ⁶² *А. Р. [Пытин А. Н.]* Два месяца в Праге // Современник. 1859. № 3. С. 132, 143.
- ⁶³ *Пытин А. Н.* Казимир Бродзинский // Вестник Европы. 1891. № 10. С. 766.
- ⁶⁴ *Пытин А. Н.* Вячеслав Ганка. С. 6.

- ⁶⁵ А. Р. [Пытин А. Н.] Два месяца в Праге. № 3. С. 152.
- ⁶⁶ Пытин А. Н. Вячеслав Ганка. С. 6.
- ⁶⁷ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 998.
- ⁶⁸ Пытин А. Н. Вячеслав Ганка. С. 36.
- ⁶⁹ Пытин А. Н. Казимир Бродзинский. С. 765.
- ⁷⁰ -А- [Пытин А. Н.] Вопрос о национальности и панславизм. № 2. С. 479, 483.
- ⁷¹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 1096.
- ⁷² Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 42.
- ⁷³ Там же. С. 43.
- ⁷⁴ Там же. С. 38, 43–44.
- ⁷⁵ Пытин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3. С. 118.
- ⁷⁶ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 43.
- ⁷⁷ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 244–245.
- ⁷⁸ Там же. С. 197, 244.
- ⁷⁹ -А- [Пытин А. Н.] Вопрос о национальности и панславизм. № 2. С. 484; Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 21.
- ⁸⁰ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 1096; А. Н. [Пытин А. Н.] Наша печать и болгарские дела. С. 882.
- ⁸¹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 1095.
- ⁸² Там же. С. 1096–1097.
- ⁸³ А. Р. [Пытин А. Н.] Два месяца в Праге. № 3. С. 173.
- ⁸⁴ -А- [Пытин А. Н.] Вопрос о национальности и панславизм. № 2. С. 492–493.
- ⁸⁵ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 1096.
- ⁸⁶ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 50.
- ⁸⁷ Там же. С. 48–49; -А- [Пытин А. Н.] Вопрос о национальности и панславизм. № 2. С. 498–499.
- ⁸⁸ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 923, 925.
- ⁸⁹ Пытин А. Н. Вячеслав Ганка. С. 2, 19.
- ⁹⁰ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур... Т. 2. С. 939.
- ⁹¹ Там же. С. 811.
- ⁹² Там же. С. 945; Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 48.
- ⁹³ Пытин А. Н. Вячеслав Ганка. С. 18.
- ⁹⁴ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 1104.
- ⁹⁵ Там же. С. 1105.
- ⁹⁶ -А- [Пытин А. Н.] Вопрос о национальности и панславизм. № 2. С. 494–496.

- ⁹⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1103.
- ⁹⁸ *А. Р. [Пытин А. Н.]* Два месяца в Праге. № 4. С. 368; -*А- [Пытин А. Н.]* Вопрос о национальности и панславизм. № 2. С. 493.
- ⁹⁹ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 125–126; *Он же.* Литературный панславизм. № 7. С. 630; *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 949.
- ¹⁰⁰ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 7. С. 591.
- ¹⁰¹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 955, 1025.
- ¹⁰² Там же. С. 949–951.
- ¹⁰³ Там же. С. 952; *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 7. С. 619, 623.
- ¹⁰⁴ *Пытин А. Н.* Теория общеславянского языка // Вестник Европы. 1892. № 4. С. 794.
- ¹⁰⁵ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 7. С. 631–632.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 625–627.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 629.
- ¹⁰⁸ *Пытин А. Н.* Теория общеславянского языка. С. 794.
- ¹⁰⁹ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 7. С. 632.
- ¹¹⁰ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 952–953.
- ¹¹¹ Там же. С. 967.
- ¹¹² Там же. С. 956–957.
- ¹¹³ *Пытин А. Н.* Вячеслав Ганка. С. 16.
- ¹¹⁴ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 971.
- ¹¹⁵ *А. Р. [Пытин А. Н.]* Два месяца в Праге. № 4. С. 334–335.
- ¹¹⁶ *Пытин А. Н.* Вячеслав Ганка. С. 20, 38.
- ¹¹⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1025, 1032–1033.
- ¹¹⁸ Там же. С. 1033–1034.
- ¹¹⁹ Там же. С. 1045.
- ¹²⁰ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 7. С. 591.
- ¹²¹ *Пытин А. Н.* Вячеслав Ганка. С. 7.
- ¹²² *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 49–50.
- ¹²³ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1104.
- ¹²⁴ -*А- [Пытин А. Н.]* Вопрос о национальности и панславизм. № 3. С. 100, 103.
- ¹²⁵ [*Пытин А. Н.*] Русское государство в половине XVII века // Современник. 1860. № 7. С. 261.
- ¹²⁶ Там же. С. 235, 238, 259, 261.
- ¹²⁷ -*А- [Пытин А. Н.]* Вопрос о национальности и панславизм. № 2. С. 502.

- ¹²⁸ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 130.
- ¹²⁹ Там же. С. 36–37, 128–130.
- ¹³⁰ Там же. С. 37, 127.
- ¹³¹ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 8. С. 717; *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 24–25.
- ¹³² -А- [*Пытин А. Н.*] Вопрос о национальности и панславизм. № 2. С. 480.
- ¹³³ Там же. С. 502, 508–509.
- ¹³⁴ *Пытин А. Н.* Вячеслав Ганка. С. 6.
- ¹³⁵ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 947, 1096–1097, 1104.
- ¹³⁶ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 31–32.
- ¹³⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1104.
- ¹³⁸ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 71–72.
- ¹³⁹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1097.
- ¹⁴⁰ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 132–133, 144.
- ¹⁴¹ -А- [*Пытин А. Н.*] Вопрос о национальности и панславизм. № 2. С. 503, 506.
- ¹⁴² Там же. № 3. С. 113.
- ¹⁴³ *А. П. [Пытин А. Н.]* Несколько слов по поводу южно-славянского вопроса // Вестник Европы. 1876. № 10. С. 896.
- ¹⁴⁴ *А. Р. [Пытин А. Н.]* Два месяца в Праге. № 4. С. 324–325.
- ¹⁴⁵ -А- [*Пытин А. Н.*] Вопрос о национальности и панславизм. № 3. С. 112.
- ¹⁴⁶ См.: *Сакулин П. А. Н. Пыпин.* СПб., 1905. С. 38–39.
- ¹⁴⁷ *А. Р. [Пытин А. Н.]* Два месяца в Праге. № 4. С. 366.
- ¹⁴⁸ -А- [*Пытин А. Н.*] Вопрос о национальности и панславизм. № 3. С. 93.
- ¹⁴⁹ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 37.
- ¹⁵⁰ *А. Р. [Пытин А. Н.]* Два месяца в Праге. № 4. С. 324, 328; [*Он же*]. Из Праги // Современник. 1860. № 2. С. 300–301.
- ¹⁵¹ Цит. по: *Кораблев В. Н.* Академик А. Н. Пыпин и славянский вопрос. С. 76.
- ¹⁵² *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 37–38; [*Он же*]. Процессы о печати в Австрии // Современник. 1863. № 1/2. С. 416.
- ¹⁵³ См. заметки из записных книжек Пыпина от 17 ноября, 23 декабря 1858 г. и 4 января 1859 г., процитированные в статье: *Карская Т. С.* Три месяца в Праге (Записные книжки А. Н. Пыпина) // Советское славяноведение. 1968. № 3. С. 54.
- ¹⁵⁴ Там же (цитируется запись от 21 января 1859 г.).
- ¹⁵⁵ -А- [*Пытин А. Н.*] Вопрос о национальности и панславизм. № 1. С. 189–190.

- ¹⁵⁶ Там же. № 2. С. 510.
- ¹⁵⁷ Вестник Европы. 1878. № 9–12. В виде книги издано в 1913 г.
- ¹⁵⁸ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 51.
- ¹⁵⁹ *Д. [Пытин А. Н.]* Начатки литературной солидарности // Вестник Европы. 1878. № 8. С. 826.
- ¹⁶⁰ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 66, 149.
- ¹⁶¹ Там же. С. 67.
- ¹⁶² *Китаев В. А.* «Вестник Европы» и славянофильство в 1880-е годы // П. А. Зайончковский. 1904–1983 гг. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 335.
- ¹⁶³ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865. С. 509.
- ¹⁶⁴ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 21; *А. П. [Пытин А. Н.]* Несколько слов по поводу южно-славянского вопроса. С. 894; *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 9. С. 333.
- ¹⁶⁵ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 50, 52.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 56–57, 60.
- ¹⁶⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 34.
- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ *А. Н. [Пытин А. Н.]* К вопросу о славянской идее. С. 437.
- ¹⁷⁰ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 4–5.
- ¹⁷¹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1098–1099.
- ¹⁷² *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 52.
- ¹⁷³ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 35.
- ¹⁷⁴ Там же. Т. 2. С. 1102.
- ¹⁷⁵ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 31–32.
- ¹⁷⁶ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 260–261.
- ¹⁷⁷ *А. А. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1879. № 2. С. 771, 774. Подробнее см.: *Данченко С. И.* Русско-сербские общественные связи (70–80-е годы XIX в.). М., 1989. С. 70–71 и др.
- ¹⁷⁸ *А. Н. [Пытин А. Н.]* Будущность славянства. С. 817–818, 824.
- ¹⁷⁹ *-А- [Пытин А. Н.]* Вопрос о национальности и панславизм. № 3. С. 111.
- ¹⁸⁰ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 11. С. 306.
- ¹⁸¹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 34.
- ¹⁸² Там же. С. 35, 43.
- ¹⁸³ *А. Н. [Пытин А. Н.]* Будущность славянства. С. 821, 826.
- ¹⁸⁴ *-А- [Пытин А. Н.]* Вопрос о национальности и панславизм. № 2. С. 485.

- ¹⁸⁵ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 188.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 74–75.
- ¹⁸⁷ *А. В-нь [Пытин А. Н.]* Давность славянской идеи в русском обществе // *Вестник Европы*. 1878. № 5. С. 287–288, 292, 314–315.
- ¹⁸⁸ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 76.
- ¹⁸⁹ *Вестник Европы*. 1884. № 7. С. 116.
- ¹⁹⁰ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 18.
- ¹⁹¹ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 76–77.
- ¹⁹² Там же. С. 77.
- ¹⁹³ Там же. С. 78–80.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 81–82.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 83.
- ¹⁹⁶ *А. В-нь [Пытин А. Н.]* Давность славянской идеи в русском обществе. С. 297; *Он же.* Из истории панславизма. № 9. С. 268–269.
- ¹⁹⁷ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии // *Вестник Европы*. 1889. № 8. С. 707.
- ¹⁹⁸ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 85.
- ¹⁹⁹ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 708.
- ²⁰⁰ Там же. С. 705.
- ²⁰¹ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 94–96.
- ²⁰² Там же. С. 96–97.
- ²⁰³ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 377.
- ²⁰⁴ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 97.
- ²⁰⁵ *Пытин А. Н.* Из истории панславизма. № 9. С. 272.
- ²⁰⁶ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 377.
- ²⁰⁷ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 97.
- ²⁰⁸ *Пытин А. Н.* Николай Иванович Костомаров. 1817–1885 // *Вестник Европы*. 1885. № 5. С. 417.
- ²⁰⁹ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 97; *Пытин А. Н.* Из истории панславизма. № 9. С. 272.
- ²¹⁰ *Пытин А. Н.* Из истории панславизма. № 9. С. 278.
- ²¹¹ *Пытин А. Н.* Славянский вопрос по взглядам Ив. Аксакова // *Вестник Европы*. 1886. № 8. С. 793–794.
- ²¹² *Пытин А. Н.* Из истории панславизма. № 9. С. 273–275.
- ²¹³ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1097.
- ²¹⁴ *Пытин А. Н.* Новые данные о славянских делах // *Вестник Европы*. 1893. № 6. С. 746–749.
- ²¹⁵ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 86.
- ²¹⁶ Там же. С. 106–107.
- ²¹⁷ Там же. С. 107.
- ²¹⁸ Там же.

- ²¹⁹ *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки. С. 114–115, 119–120. См. также: *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 101, 103.
- ²²⁰ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1106; *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 7. С. 274; *А. Н. [Пытин А. Н.]* Наша печать и болгарские дела. С. 883.
- ²²¹ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 107–109.
- ²²² *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. С. 506.
- ²²³ См.: *Балькин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. Брянск, 1996. С. 102–120; *Озерянский А. С.* А. Н. Пыпин о славянофилах. К постановке проблемы // *Историкогеография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1986. С. 72–80.
- ²²⁴ См.: *Пытин А. Н.* Из истории панславизма. № 9. С. 282–285.
- ²²⁵ Там же. С. 286.
- ²²⁶ Там же.
- ²²⁷ Там же. С. 285–286.
- ²²⁸ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 72–73.
- ²²⁹ Там же. С. 27–28.
- ²³⁰ Там же. С. 127.
- ²³¹ *Пытин А. Н.* Из истории панславизма. № 9. С. 288.
- ²³² Там же. С. 289–290; *Пытин А. Н.* Славянский вопрос по взглядам Ив. Аксакова. С. 764–765, 804.
- ²³³ *Пытин А. Н.* Из истории панславизма. № 9. С. 303; *Пытин А. Н.* Славянский вопрос по взглядам Ив. Аксакова. С. 766–767, 774, 787, 797.
- ²³⁴ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 57–58.
- ²³⁵ *Пытин А. Н.* Вячеслав Ганка. С. 37; *А. Р. [Пытин А. Н.]* Два месяца в Праге. № 4. С. 366.
- ²³⁶ *Пытин А. Н.* Особая история русской литературы // *Вестник Европы.* 1890. № 9. С. 251.
- ²³⁷ Цит. по: *Кораблев В. Н.* Академик А. Н. Пыпин и славянский вопрос. С. 76.
- ²³⁸ *Пытин А. Н.* О сравнительно-историческом изучении русской литературы // *Вестник Европы.* 1875. № 10. С. 646.
- ²³⁹ См.: *Кораблев В. Н.* Академик А. Н. Пыпин и славянский вопрос. С. 73.
- ²⁴⁰ Там же. С. 74–75; *Пытин А. Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1906. С. 197, 233–234, 248, 301.
- ²⁴¹ *А. Н. [Пытин А. Н.]* Наша печать и болгарские дела. С. 896.
- ²⁴² *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 260.
- ²⁴³ Цит. по: *Кораблев В. Н.* Академик А. Н. Пыпин и славянский вопрос. С. 76.

- ²⁴⁴ Джонг Хи Сок. Идея демократической славянской федерации в российской общественной мысли второй половины XIX века // Отечественная история. 1995. № 3. С. 180.
- ²⁴⁵ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 93, 110–111.
- ²⁴⁶ А. Р. [Пытин А. Н.] Из Праги. С. 298; [Он же.] Два месяца в Праге. № 4. С. 370.
- ²⁴⁷ А. П. [Пытин А. Н.] Еще несколько слов по южно-славянскому вопросу // Вестник Европы. 1877. № 3. С. 370.
- ²⁴⁸ Там же. С. 370, 374.
- ²⁴⁹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 1097.
- ²⁵⁰ Пытин А. Н. Литературный панславизм. № 8. С. 718.
- ²⁵¹ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 109–110.
- ²⁵² Там же. С. 153.
- ²⁵³ Пытин А. Н. Из истории панславизма. № 9. С. 286.
- ²⁵⁴ Там же. С. 286–288.
- ²⁵⁵ А. Н. [Пытин А. Н.] К вопросу о славянской идее. С. 438.
- ²⁵⁶ А. П. [Пытин А. Н.] Еще несколько слов по южно-славянскому вопросу. С. 382.
- ²⁵⁷ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 184.
- ²⁵⁸ А. Н. [Пытин А. Н.] К вопросу о славянской идее. С. 442.
- ²⁵⁹ Пытин А. Н. Литературный панславизм. № 8. С. 718.
- ²⁶⁰ Пытин А. Н. Вячеслав Ганка. С. 2.
- ²⁶¹ А. Р. [Пытин А. Н.] Два месяца в Праге. № 4. С. 367–368.
- ²⁶² Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. VIII.
- ²⁶³ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 65.
- ²⁶⁴ Там же. С. 187.
- ²⁶⁵ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 1111.
- ²⁶⁶ Об этом подробнее см. главу 4.
- ²⁶⁷ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 53, 116–117; -А- [Пытин А. Н.] Вопрос о национальности и панславизм. № 1. С. 187; № 2. С. 503; № 3. С. 110. См. также: Аксенова Е. П. Славянская проблематика в статьях А. Н. Пыпина в «Современнике» // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 67–68.
- ²⁶⁸ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 297, 305; Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 1111–1112.
- ²⁶⁹ Пытин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. СПб., 1906. С. 234.
- ²⁷⁰ А. Н. [Пытин А. Н.] Будущность славянства // Вестник Европы. 1877. № 12. С. 828.
- ²⁷¹ См.: Саратовские друзья Чернышевского. Саратов, 1885. С. 11–12.
- ²⁷² Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 106.

- ²⁷³ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 135.
- ²⁷⁴ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 112–113.
- ²⁷⁵ *А. В-нь [Пытин А. Н.]* Давность славянской идеи в русском обществе. С. 287.
- ²⁷⁶ *Т. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1901. № 1. С. 403–404.
- ²⁷⁷ *А. П. [Пытин А. Н.]* Заметка по южно-славянскому вопросу // Вестник Европы. 1877. № 6. С. 805.
- ²⁷⁸ *Балыкин Д. А. А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли.* С. 114–115.
- ²⁷⁹ *Милюков П. Н.* Разложение славянофильства // Вопросы философии и психологии. 1893. № 5. С. 46–96.
- ²⁸⁰ *Пытин А. Н.* Из истории панславизма. № 9. С. 309–310.
- ²⁸¹ См.: *Леонтьев К. Н.* Восток, Европа и славянство. М., 1885–1886. Т. 1–2.
- ²⁸² Там же. Т. 1. С. 9, 11, 76, 81, 106, 119, 283, 285, 301; Т. 2. С. 66. См. также: *Пытин А. Н.* Из истории панславизма. № 9. С. 310–312.
- ²⁸³ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 175.
- ²⁸⁴ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 9. С. 327.
- ²⁸⁵ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 117–120. Подробнее см.: *Аксенова Е. П.* Деятельность славянских комитетов в оценке А. Н. Пыпина // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 255–261.
- ²⁸⁶ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 8. С. 732.
- ²⁸⁷ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 120.
- ²⁸⁸ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 8. С. 732, 735–736.
- ²⁸⁹ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 122.
- ²⁹⁰ *Аксаков И. С.* Полное собрание сочинений. М., 1886. Т. 1. С. 148–154.
- ²⁹¹ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 120–121.
- ²⁹² *Пытин А. Н.* Из истории панславизма. № 9. С. 295.
- ²⁹³ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 120, 124.
- ²⁹⁴ *Пытин А. Н.* Из истории панславизма. № 9. С. 294.
- ²⁹⁵ *А. А. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1879. № 2. С. 771.
- ²⁹⁶ *А. Н. [Пытин А. Н.]* Наша печать и болгарские дела. С. 884.
- ²⁹⁷ *Д. [Пытин А. Н.]* Начатки литературной солидарности. С. 828–829.
- ²⁹⁸ *Пытин А.* Болгария и болгары перед войной // Вестник Европы. 1878. № 4. С. 732.
- ²⁹⁹ *А. Н. [Пытин А. Н.]* К вопросу о славянской идее. С. 430–431.
- ³⁰⁰ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1113.
- ³⁰¹ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 28.

- ³⁰² *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 7. С. 597.
- ³⁰³ *Пытин А. Н.* Из истории панславизма. № 9. С. 296.
- ³⁰⁴ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 7. С. 592–593.
- ³⁰⁵ Там же. С. 593.
- ³⁰⁶ Там же. С. 595.
- ³⁰⁷ Там же. С. 596.
- ³⁰⁸ Там же. С. 605.
- ³⁰⁹ Там же. № 9. С. 319–320.
- ³¹⁰ *Д. [Пытин А. Н.]* Начатки литературной солидарности. С. 831.
- ³¹¹ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 7. С. 596–597.
- ³¹² См. сочинение Ю. Крижанича «Грамматично изказание об русском језику». [Тобольск], 1666. См. также: *[Пытин А. Н.]* Русское государство в половине XVII века. С. 224–225, 259.
- ³¹³ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 7. С. 602–603, 605.
- ³¹⁴ *Пытин А. Н.* Теория общеславянского языка. С. 797–798.
- ³¹⁵ Там же. С. 794.
- ³¹⁶ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 7. С. 620.
- ³¹⁷ Там же. С. 631.
- ³¹⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 1109.
- ³¹⁹ Там же. С. 1110.
- ³²⁰ *Пытин А. Н.* Теория общеславянского языка. С. 799.
- ³²¹ Там же. С. 799–800.
- ³²² Там же. С. 798–799.
- ³²³ *А. Р. [Пытин А. Н.]* Два месяца в Праге. № 4. С. 355, 359–360.
- ³²⁴ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 7. С. 609–611.
- ³²⁵ *Пытин А. Н.* Теория общеславянского языка. С. 801.
- ³²⁶ Там же. С. 802.
- ³²⁷ *Пытин А. Н.* Вячеслав Ганка. С. 23.
- ³²⁸ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 7. С. 597.
- ³²⁹ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 97.
- ³³⁰ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 8. С. 743.
- ³³¹ *Пытин А. Н.* О сравнительно-историческом изучении русской литературы. С. 657, 659.
- ³³² *[Пытин А. Н.]* Михаил Васильевич Ломоносов, биографический очерк Владимира Ламанского // Современник. 1863. № 5. С. 116.
- ³³³ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 8. С. 720, 722–723, 725.
- ³³⁴ *Пытин А. Н.* О сравнительно-историческом изучении русской литературы. С. 658.
- ³³⁵ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 8. С. 728; *А. Н. [Пытин А. Н.]* Будущность славянства. С. 809–812.
- ³³⁶ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 11. С. 297.

- ³³⁷ А. Н. [Пытин А. Н.] Будущность славянства. С. 808–809.
- ³³⁸ Пытин А. Н. Из истории панславизма. С. 294–300.
- ³³⁹ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 175.
- ³⁴⁰ Пытин А. Н. Заметка (Из записок о славянских землях В. Ламанского) // Современник. 1864. № 4. С. 190, 198–199; Он же. Новые славянские исследования // Современник. 1860. № 4. С. 321.
- ³⁴¹ Пытин А. Н. Литературный панславизм. № 8. С. 729–731.
- ³⁴² Пытин А. Н. Литературный панславизм. № 8. С. 748; Пытин А. Н. О сравнительно-историческом изучении русской литературы. С. 659.
- ³⁴³ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 180.
- ³⁴⁴ Пытин А. Н. Литературный панславизм. № 9. С. 307, 309–310, 313, 315.
- ³⁴⁵ А. Н. [Пытин А. Н.] Будущность славянства. С. 822–823.
- ³⁴⁶ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 115.
- ³⁴⁷ Пытин А. Н. Литературный панславизм. № 9. С. 330–331.
- ³⁴⁸ Там же. С. 331.
- ³⁴⁹ Там же.
- ³⁵⁰ А. В-нь. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1885. № 1. С. 442.
- ³⁵¹ Пытин А. Н. Литературный панславизм. № 9. С. 332–333.
- ³⁵² Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 68.
- ³⁵³ Там же. С. 189.
- ³⁵⁴ Там же. С. 70.
- ³⁵⁵ Там же. С. 70–71.
- ³⁵⁶ Там же. С. 173.
- ³⁵⁷ Там же. С. 182.
- ³⁵⁸ Там же. С. 183.
- ³⁵⁹ Пытин А. Н. Польский вопрос в русской литературе. № 10. С. 711.
- ³⁶⁰ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 183–184.
- ³⁶¹ Там же. С. 189; Он же. Польский вопрос в русской литературе. № 10. С. 702.
- ³⁶² Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 65.
- ³⁶³ Там же. С. 177; Он же. Литературный панславизм. № 9. С. 333.
- ³⁶⁴ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 176.
- ³⁶⁵ Там же. С. 188–189.
- ³⁶⁶ Пытин А. Н. Литературный панславизм. № 9. С. 333–334.
- ³⁶⁷ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 173–174, 177.
- ³⁶⁸ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 43.
- ³⁶⁹ Пытин А. Н. Литературный панславизм. № 9. С. 335.
- ³⁷⁰ Пытин А. Н. Из истории панславизма. № 9. С. 295.
- ³⁷¹ А. Р. [Пытин А. Н.] Два месяца в Праге. № 4. С. 369; -А- [Пытин А. Н.] Вопрос о национальности и панславизм. № 2. С. 112.

³⁷² -А- [Пытин А. Н.] Вопрос о национальности и панславизм. № 3. С. 111.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ А. П. [Пытин А. Н.] Заметка по южно-славянскому вопросу. С. 806.

Глава 4

Изучение зарубежных славян в России

Предыстория славяноведения. Во многих работах А. Н. Пыпина по славянской тематике настойчиво повторялась мысль о том, что русское общество не обладает достаточными знаниями о родственниках славянских народов. Анализируя создавшееся положение, Пыпин отмечал объективные и субъективные причины, влиявшие на то, что славяноведение не полностью раскрывало свой научный, образовательно-просветительский, нравственный (а опосредованно — и общественно-политический) потенциал.

XIX век ознаменовался национальным возрождением и отчасти освобождением славянских народов. Славянское движение принимало не только национально-культурные, но и политические формы. Некоторые варианты славянской идеи также основывались на политическом объединении славянства. На протяжении столетия судьбы славян неоднократно становились объектом военных распри и внешнеполитических споров, они решались на полях сражений и за столом переговоров. Славянский вопрос являлся вопросом политическим.

В России при самодержавной форме правления обсуждение политических вопросов было весьма затруднено не только в литературно-общественной периодике, но и в научных изданиях. Пыпин нередко сетовал на несвободу науки, на невозможность объективного рассмотрения, с помощью научных данных, острых вопросов славянской истории и межславянских отношений¹. До начала 1860-х гг., отмечал ученый, общество находилось в «подавленном состоянии», и слависты не могли изложить свои взгляды на проблемы современности даже в самой отвлеченной форме² — пропаганда каких-либо «освобождений» была немыслима³. В то время в России славистика, по словам Пыпина, «была терпима только как специальная археология и этнография» или «чистая филология», которые при всей их научной важности не могли разъяснить обществу «живой сущности национального славянского вопроса» (потому русское общество не было готово к его восприятию)⁴. Но внутренние условия изменялись, славянский вопрос стал более открыт для обсуждения, и интерес к сла-

вянству уже возникал на почве сочувствия⁵. Однако и в пореформенный период цензура зорко следила за тем, чтобы славянский вопрос в русской печати не вызвал «пагубных» для абсолютизма и целостности империи последствий.

К этому следует добавить, что русские ученые испытывали нехватку специальной литературы (славянской и западноевропейской), поступление которой из-за границы осуществлялось нерегулярно и в основном за счет личных контактов с зарубежными коллегами. На те документальные источники, с которыми русские ученые могли бы познакомиться, не выезжая из России, государственными чиновниками, как правило, накладывалась «печать секретности». Объясняя отсутствие актуальных славяноведческих исследований, Пыпин писал: «Главной причиной этих умолчаний историографии была цензурная практика, которая шла рядом с практикой канцелярской тайны, а эта последняя чуть не отождествлялась с тайной государственной»⁶.

Положение, в которое была поставлена наука, заставляло ученых уходить от проблем современности, погружаться в изучение древности, заниматься более «спокойными» узкоспециальными вопросами, которые зачастую были не очень интересны и не совсем понятны обществу. Это приводило к мелкотемью, отсутствию обобщающих трудов. Пыпин не раз констатировал, что в русском славяноведении «нет ни одного цельного обзора ни славянских языков, ни этнографии... ни истории, ни литературы»⁷ (что и подвигло его самого на создание трудов по истории славянских литератур, русской литературы, русской этнографии).

Однако, несмотря на все сложности, которые приходилось преодолевать ученым в самодержавной России, внутренние задачи самой науки и настоятельная потребность общества в расширении знаний о славянских народах способствовали мощному развитию славяноведения в XIX в.⁸ Пыпин пристально следил за этим процессом⁹, не оставляя без внимания научных новинок отечественного и зарубежного славяноведения. Он являлся автором огромного количества рецензий на славистические работы (см. список трудов ученого¹⁰), стараясь объективно оценить вклад в славистику каждого исследования, независимо от того, разделял он сам или нет общественно-политические убеждения и научные взгляды автора. Эти рецензии, отзывы, библиографические заметки Пыпина, с одной стороны, являются анализом

состояния славяноведения, с другой — его собственным вкладом в науку о славянах. Он рецензировал книги по всем дисциплинам славяноведческого комплекса, что свидетельствует о широкой эрудиции ученого и дает возможность узнать о его отношении к современному ему положению науки. Но эти отзывы, содержащие детальный разбор конкретных работ, не представляют завершенной картины эволюции славяноведения.

В 1889 г. Пыпин обобщил имевшиеся у него на тот момент сведения по истории славяноведения в России в большом исследовании, в котором он показал процесс развития славистической науки в целом. Работа разделена на две части. Первую часть автор назвал «Обзор русских изучений славянства»¹¹, вторую — «Русское славяноведение в XIX-м столетии»¹². В своей истории славяноведения Пыпин не раз обращался к работам других авторов¹³, касавшихся тех или иных вопросов истории этой науки, деятельности отдельных ученых и т. д.

Приступая к обзору истории славяноведения в России, Пыпин предварительно замечал, что решение славянского вопроса, каким бы оно ни было и какую бы роль ни сыграла в нем Россия, требует прежде всего *знания* этого вопроса, а именно — достаточных сведений о славянских народах, их прошлом и настоящем, их «стремлениях, силах и отношениях». Только это знание поможет России правильно оценить положение славян, выявить свои интересы, выработать верную политику и направить усилия в нужное русло¹⁴.

Прежде всего, Пыпин и пытался определить, что знали на Руси о славянах, начиная с давних времен, какое отражение нашли эти сведения в исторической литературе, как шло изучение славянства в России в XVIII–XIX столетиях.

До начала XIX в. автор рассматривал три эпохи: «время до-петровское», «до конца XVIII в.», «конец XVIII в.». Первым «книжным» свидетельством знакомства Руси со славянским миром Пыпин называл летопись Нестора («Повесть временных лет») XII в., которую он считал единственным памятником «тех далеких веков», где славянство перечислено «в полном составе его племен... с историческими указаниями об их расселении». Источником этих сведений, по мнению ученого, была «еще не загложшая память о племенном единстве». Но со временем эта память ослабевала; русские знали практически ближайших соседей — поляков, с которыми не прерывались «политические

сношения и столкновения», а также сербов и болгар, от которых на Русь шли церковные и иные книги¹⁵.

Разъединение русских земель и монголо-татарское нашествие, по мнению Пыпина, еще больше способствовали ослаблению межславянского общения и сокращали знания о славянстве, поэтому позднейшие летописи лишь повторяли без дополнений сведения, почерпнутые у Нестора. В XV–XVI вв. появляются различные редакции «Хронографа», который представлял собой, по определению Пыпина, не цельный труд, а «ряд компиляций» из византийских, болгарских и сербских источников, содержавших обзор русской, болгарской и сербской истории (т. е. даны сведения только о православных славянах)¹⁶. В XVII в. «Хронограф» был дополнен данными о польской и чешской истории из «латино-польских» источников¹⁷. Баснословные, по определению Пыпина, рассказы о древней истории славянства перешли к русским книжникам, как считал ученый, из польских (Мартина Бельского и его сына Иоахима) и других хроник. «Изобретение» истории славян Пыпин объяснял не столько отсутствием в те далекие времена исторической критики, сколько недостатком «живых сведений» о славянских народах в период составления «Хронографа»¹⁸.

Пыпин обращал внимание на то, что русский составитель «Хронографа», пользуясь сведениями из иностранных источников, осмысливал их на свой лад: так, в Европе своего времени он ставил на первый план «царство российское» и славянские народы, а затем другие страны и народы, напоминая при этом, что только у русских, южных славян и греков сохранилась истинная православная вера, в то время как другие народы «заблудились» в разных ересьях. Таким образом, единоверие становилось ключевым признаком в отношении к инославянским народам; значение Москвы как центра православия и преемницы политического могущества Византии (Москва — третий Рим) стало ретроспективно распространяться на более ранние периоды истории¹⁹.

Первый сознательный интерес к славянскому миру и попытке его изучения Пыпин относил к эпохе Петра I, который понял значение славянства для национально-государственных интересов России. «Защита единоверцев» как одно из направлений внешней политики преобразуется в «защиту единоплеменников». Сам Петр посетил некоторые западнославянские земли,

установил политические отношения с Черногорией, давал поручение отыскать мало известную тогда Далмацию и выяснить все об этой земле и населяющем ее народе. Пыпин допускал, что Петру могли быть известны сочинения Ю. Крижанича. Интерес царя к славянам мог усилиться и в результате его переписки с Г. Лейбницем, записку которого «О происхождении славян» Пыпин называл едва ли не первым примером настоящей научной работы о славянской и русской древности²⁰.

В Петровские времена, как отмечал Пыпин, появляются первые описания путешествий в славянские земли. Так, стольник П. А. Толстой в своем «Путешествии в Италию и на о. Мальту в 1697 и 1698 годах»²¹ обстоятельно описывал все, что увидел у хорватов, сербов, черногорцев. В то время записки не были опубликованы и, по словам Пыпина, «не послужили к умножению сведений» о славянских землях, но все же, как полагал ученый, знания о родственных народах постепенно приобретались. Русский народ и русский язык стали сопоставляться и соединяться со «славянским» — в народ и язык «славяно-российский»²². В «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова (М., 1704) Россия, русский народ ставились во главе всего славянства, а русский язык объявлялся родоначальником других славянских языков²³.

В 1722 г. в Петербурге вышла в русском переводе «Книга историография» Мавро Орбини — первая, по определению Пыпина, книга на русском языке, посвященная славянской истории, хотя, как отмечал ученый, сведения в книге даны «с великой путаницей» (он напоминал, что В. Н. Татищев относился к этому сочинению с большим пренебрежением). Отрывочные упоминания о сербах, хорватах, далматинцах, болгарях, поляках есть и в «Странствиях Василия Григорьевича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г.» (1778)²⁴.

Поездки россиян за границу, распространение в России иностранной литературы с образцами исторической критики, новое образование, путь к которому был открыт Петровскими реформами — все это, по мнению Пыпина, оказало влияние на первые опыты научно-исторического подхода русских ученых (В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина и др.) к древней славянской истории. Они уже старались критически осмыслить сведения из иностранных источников. Объяснение древнейшей судьбы славянства было сопряжено со многими трудностями и потому, как объяснял Пыпин, некоторые

ученые XVIII в. легко «поддавались искушению» отождествлять со славянами народы, жившие на землях, позднее занятых славянами (скифы, сарматы, гунны, хазары, половцы и др.). Историки XVIII в. впервые обратились к древним и средневековым источникам, к трудам иностранных ученых. Но ученый отмечал, что еще оставалась неизвестной масса источников, особенно славянских, и древняя история славян представлялась, по его выражению, «смутной» и порождала «самые смелые предположения»²⁵.

В. Н. Татищева Пыпин называл первым из историков XVIII в., которому пришлось разбираться в вопросах славянской древности и славяно-русского родства, ему принадлежит несколько «чрезвычайно любопытных» суждений о прошлом славянства. В «Истории российской»²⁶ он отверг как легендарного Мосоха, так и славянство скифов и сарматов, указал на древнее родство славянских племен и наличие в те далекие времена племенных отличий, которые сохранялись на протяжении всей их истории. Различие языков, как полагал Татищев, во многом сложилось под влиянием языков народов, покоривших славян. Пыпин отмечал хорошее знание Татищевым летописей и его высокую оценку Нестора. Недостаток исторических источников он восполнял сведениями из былин, песен и пр. Но, по утверждению Пыпина, Татищеву не хватало «понимания старого быта», он вдавался в «произвольные и фальшивые» этимологические объяснения²⁷.

М. В. Ломоносов²⁸, «ожесточенно протестовавший» против норманнской теории, сам признавал, как отмечал Пыпин, происхождение русских от мифического Росса, полагал, что в VI в. Лех и Чех правили многочисленными славянами и т. п.²⁹. Вопрос о «славянской старине мало разъяснился» и у М. М. Щербатова³⁰, который, по меткому выражению Пыпина, в древней истории «блуждал, как в дремучем лесу»³¹. И В. К. Тредиаковский, ученый-филолог и поэт, не смог, считал Пыпин, уйти от представлений XVII в. о древнем славянстве, лишь переделывая их на свой лад с помощью ложных этимологических рассуждений (например, о том, что славянский язык в древности был скифским, скифы — славянами, так как их название происходит от слова «скит», оно — от «скитания», а это — слово славянское и т. п.)³². В таком же духе, утверждал Пыпин, писал и А. П. Сумароков³³, драматург и литературный критик³⁴.

Таким образом, делал вывод Пыпин, трудами первых русских историков XVIII в. вопрос о славянстве, его происхождении

и взаимных отношениях почти не проявился. Даже русско-турецкие войны не особенно расширяли знания о балканском славянстве. Большая степень знания славянского мира, считал ученый, могла быть достигнута лишь в результате более серьезного изучения истории и непосредственного общения между собой славянских народов³⁵.

Развитие научной историографии Пыпин связывал с именами А. Л. Шлецера и И. Г. Штриттера (Стриттера), заслугу которых он видел в подготовке к изданию важных документальных свидетельств о славянских народах и в применении к источникам исторической критики и научного анализа. Шлецер, например, отрицательно оценивал то, что писали о древнем периоде славянской истории Татищев, Ломоносов, Щербатов, и считал, что русское племя относится ко всему славянству, как вид к роду³⁶.

Пыпин обращал особое внимание на то, что усиленное изучение славянской старины совпало с первыми шагами возрождения славянских народностей³⁷. И в России в это время особый интерес вызывают происхождение славян и руссов, древний славянский быт, мифология (сочинения М. Чулкова и М. Попова)³⁸. Пыпин отмечал, что мифология выстраивалась по «псевдоклассическим образцам» и, если не хватало действительно существовавших в мифах божеств, то, случалось, добавляли выдуманных, «до полного комплекта Олимпа» (как, например, «Славен», «Рус» и др.)³⁹.

В конце XVIII в. проявляется интерес к славянским языкам. В этой области Пыпин особенно отмечал словари Екатерины II⁴⁰, в которых приведены слова из многих языков, наречий, говоров: славянского (церковнославянского), славено-венгерского (словацкого), иллирийского, богемского, сербского, вендского, сорабского, полабского, кашубского, польского, малороссийского и суздальского. Это давало уже определенную базу для сопоставительного изучения славянских языков, однако еще недоставало, как отмечал Пыпин, «ясного исторического представления» об отношениях русского и других славянских языков⁴¹.

XVIII век явился подготовительным этапом для дальнейшего углубления знаний о славянстве и изучения славянского мира. Положительно оценивая реформаторскую деятельность Петра I и европеизацию русской жизни, Пыпин напоминал, что в XVIII в. организованы Академия наук, Российская академия, Московский университет, расширилось знакомство с достижениями западной

науки. Отстаивая важную роль науки в прогрессивном развитии общества, Пыпин подчеркивал, что именно «наука доставила нам возможность более широкого общественного и национального самосознания». В России появились собственные ученые. Язык науки все более сближался с живой русской речью, так как выработка научной терминологии шла «параллельно с развитием нового литературного языка». Наука способствовала внесению начал просвещения в общество. Стало возникать осознанное понимание исторического прошлого. Однако представления о славянстве оставались еще весьма неясными⁴².

«Молодой период» науки. В самом начале XIX столетия изучение славянства в России, как писал Пыпин, шло все еще неуверенно, «ощупью» и не было свободно от грубых ошибок прошедшего века. Встречается мнение, что, проводя грань между «донаучным» и «научным» этапами славистических изучений в России, он полагал, что предыстория не подготавливала научный этап, а противостояла ему⁴³: «На том пути, каким шли до сих пор даже умнейшие русские писатели, нельзя было сделать ничего»⁴⁴. XVIII век не оставил «никакой традиции, никакой сколько-нибудь определенной программы» в подходе к изучению славянства. Но Пыпин имел в виду отсутствие в то время научных методов исследования, а не преемственности в накоплении знаний. В своем обозрении он рассматривал изучение славянства до XIX в. как подготовительную стадию, «базу» для развития в дальнейшем научного славяноведения.

Представления о славянском мире в начале XIX в. оставались еще «скудными». Однако «история вызывала славянский вопрос», в славянстве «начиналась собственная внутренняя работа». Внимание к славянству и его изучение, по мнению Пыпина, имели свои источники: 1) «национальное чувство»; 2) «социальный интерес» к народу и особенностям его жизни; 3) научный прогресс⁴⁵. Вначале «славянские изучения», отмечал ученый, имели в основном прикладной характер. Обращение к славянской истории, языкам, литературам помогало уточнить и объяснить некоторые аспекты русской истории, языкознания и литературоведения (введение христианства на Руси, перевод Священного писания, распространение церковных книг, церковные и политические отношения с южным славянством и др.). Но в древних судьбах славянства обнаруживалось много точек со-

прикосновения. Изучение само собой расширилось, и были открыты «любопытные параллели» в жизни русского и других славянских народов, что способствовало выявлению «общих племенных свойств»⁴⁶. Стали известны также труды славянских ученых (Й. Добровского, П. Шафарика, Е. Копитара и др.) и методы сравнительного изучения языков, мифологии, народной поэзии, права, бытовых учреждений и т. д. Все это побудило поднять назревший вопрос об изучении славянства в России⁴⁷.

Уже в первой четверти нового столетия, как отмечал Пыпин, были заложены прочные основы научного исследования в области славянской древности и языкознания; во второй четверти возникает новая научная отрасль, близкая к исторической науке — славяноведение*. В процессе его становления для Пыпина было особенно важно, что все «совершается русскими силами», занимающими в науке «высокое место»⁴⁸.

Во время войн с Наполеоном и с Турцией русские встречались со славянами, узнавали их быт и язык. Славяне «стали предметом европейского общественного мнения», что нашло отражение и в России. Поездки россиян в другие страны были еще редкостью, но уже в начале XIX в. появляются описания путешествий за границу, в том числе в славянские земли. Авторы этих описаний старались подробно изложить все увиденное. Их заметки отражали завязывавшиеся контакты с представителями славянских народов и накопление сведений о славянских землях. Одним из первых Пыпин называл издание путевых впечатлений Д. Н. Бантыш-Каменского⁴⁹, который видел «самую первую пору сербской независимости», мог близко наблюдать события восстания под руководством Карагеоргия. Он описывал мужество, храбрость, набожность сербского народа, любовь сербов к русским, указывал на сходство языков «одного корня» — русского и сербского. При этом Пыпин все же считал, что рассказ Бантыш-Каменского «остается поверхностным»⁵⁰. Таким же «чисто внешним» описанием чешских земель отличалось «Путешествие» Ф. П. Лубяновского⁵¹, даже не заметившего, по мнению Пыпина, первых шагов чешского возрождения⁵².

«Самым любопытным» Пыпин называл путешествие В. Б. Броневского, заметки которого весьма обстоятельны и проникнуты

* Термины «славяноведение», «славистика», «славянские изучения» Пыпин зачастую употреблял как синонимы.

сочувствием к славянам. Затем они были дополнены еще двумя книгами, в которых отражены его впечатления от славянских земель⁵³. Его рассказ о Черногории Пыпин выделял как первое русское описание этой славянской земли. Броневский писал о Далмации, «Иллирии», Крайне, Галиции, стараясь дать хотя бы скудные исторические сведения о народах этих земель (преимущественно из иностранных источников). Славянские «названия», сходство которых отмечал путешественник, казались ему «испорченными» по сравнению с русским языком. Броневский касался и польской истории, отмечая, что поляки и русские принадлежат к одному славянскому племени. Пыпин подчеркивал, что замечания автора «о политическом настроении поляков, о свойствах их характера, о нравах польского общества представляют много верного и могут быть любопытны» для историков Польши. Встречи со славянами, замечал Пыпин, оставляли у автора приятное впечатление, но он ничего не знал о славянском возрождении. Его «сочувствия» к славянам определялись «только инстинктом» и не возбуждали мыслей о славянском братстве и единстве, о роли России в судьбах славянства, что, впрочем, было характерной «чертой целого поколения»⁵⁴.

Книги русских путешественников расширяли знания о современном им славянстве, в то время как понятия о древнем периоде истории оставались, по определению Пыпина, фантастическими. В качестве примера он приводил сочинение П. Львова⁵⁵, в котором не было «никакого подобия научной постановки предмета»⁵⁶.

В то же время, по мнению ученого, стали проявляться «требования здоровой критики и более серьезной любознательности». Среди молодого поколения образованных людей России, получивших подготовку за границей, Пыпин выделял А. С. Кайсарова, учившегося у Шлецера и почерпнувшего у него некоторые знания о критике источников. Кайсарова и его друга А. И. Тургенева Пыпин называл одними из первых в русском обществе, у кого интерес к славянству перерастал в стремление к внимательному изучению. Поездка двух друзей за границу, в частности в славянские земли, где они собирали рукописи и книги, была едва ли не первым научным путешествием. Книгу Кайсарова о славянской мифологии⁵⁷ Пыпин охарактеризовал как попытку научного рассмотрения предмета, что ставило Кайсарова выше его предшественников (хотя работа носила отпечаток некритического отношения к объекту исследования)⁵⁸.

Истинно научное исследование, как считал Пыпин, требовало привлечения новых материалов, внедрения новых приемов и методов работы (прежде всего, усиления критического метода). Эти и другие условия сформировались в России в первые десятилетия XIX в.⁵⁹ Во-первых, углубленная работа по изучению русской истории (Н. М. Карамзина⁶⁰ и др.) способствовала введению в научный оборот множества новых источников, в том числе имевших отношение к древней славянской истории и письменности. По утверждению Пыпина, эта документальная база давала опору на «прочные факты» и являлась «исходным пунктом» для дальнейших исследований славянского мира⁶¹. Во-вторых, стали устанавливаться связи со славянскими учеными, появилась возможность ознакомления с их трудами⁶². В-третьих, научное исследование обогащалось приемами исторической и филологической критики. В-четвертых, в русском обществе накапливались сведения о славянстве и вместе с тем стали распространяться западные вольнолюбивые идеи, которые, как указывал Пыпин, «нашли применение» и в славянском вопросе⁶³.

Славянская тематика с самого начала присутствовала в деятельности созданного в 1804 г. «Общества истории и древностей российских» при Московском университете, поставившего вопрос о старославянском языке и соотнесении его с другими славянскими «наречиями». Председатель общества профессор Х. А. Чеботарев в своих лекциях в университете одним из первых в русской науке обратил внимание на вопрос о месте славян и славянских языков в системе европейских народов и языков⁶⁴.

Под влиянием М. Т. Каченовского в Московском университете в 1811 г. была открыта кафедра славянской словесности для ознакомления учащихся со славянскими книгами и с проблемой соотношения «российского» и «славянского» языков (с точки зрения Пыпина, профессор М. Г. Гаврилов был неудачной фигурой на кафедре, которую занимал до 1829 г., наполняя свои лекции чтением псалтыри). Славянские исследования Каченовского Пыпин называл наименее изученной стороной его деятельности⁶⁵.

Касаясь научной, литературной и общественной позиции М. Т. Каченовского, Пыпин напоминал, что он был основателем «скептической школы» в историографии, «приучавшей» историков «к критической осмотрительности». К тому же все «жи-

вое и научно-широкое», что было в его «славянских интересах и изучениях», с сожалением отмечал Пыпин, соединялось «с литературным староверством» (направленным против А. С. Пушкина и его последователей). Молодые литераторы в полемике с ним высмеивали наряду с другими и славянские пристрастия Каченовского. С тех пор, делал вывод Пыпин, сложилось представление, господствовавшее и в дальнейшем, что «славянские вкусы» и интерес к изучению древностей нераздельны с «ретроградными тенденциями» и безразличием к интересам современного общества ⁶⁶ *.

Отстаивая объективный вклад Каченовского в развитие славистических исследований на начальном этапе, Пыпин напоминал, что в издававшемся Каченовским журнале «Вестник Европы» постоянно отводилось место для этнографических публикаций, статей (самого Каченовского и других авторов) о славянской истории, тогдашнем положении славянских народов, их литературах и языках. Однако добытые из «скудных» источников материалы, отрывочно освещали затрагиваемые в статьях предметы и не давали цельного представления об истории и культуре славян. Это были, по выражению Пыпина, лишь «первые ученические приступы» к основанию отечественного славяноведения ⁶⁷.

Пыпин справедливо отмечал, что главным направлением славистической деятельности первых десятилетий XIX в. было собирание источников. Немалую роль в поисках, открытии и описании рукописей, имеющих важное значение для изучения славянской старины и древней письменности, Пыпин отводил кружку ученых, сформировавшемуся вокруг известного государственного деятеля и крупного мецената графа Н. П. Румянцева. Среди этих ученых он называл А. Х. Востокова, П. И. Кёппена, Н. Н. Бантыш-Каменского, А. Ф. Малиновского, П. М. Строева, К. Ф. Калайдовича, Е. А. Болховитинова и др. ⁶⁸.

Для изучения славянства, по мнению Пыпина, были «в высшей степени важны» «замечательные для своего времени исследования» К. Ф. Калайдовича о древнем периоде болгар-

* Такое мнение поддерживалось, с одной стороны, невозможностью публично обсуждать насущные вопросы славянской действительности, с другой — преимущественной разработкой славянской проблематики славянофилами, не отличавшимися передовыми воззрениями.

ской письменности⁶⁹ и открытые им сочинения Иоанна Экзарха болгарского (X в.)⁷⁰.

Обращая внимание на значение научных трудов А. Х. Востокова, ученого-самоучки, не прошедшего «никакой филологической школы», Пыпин отмечал, что его «Рассуждение о славянском языке»⁷¹ явилось первым образцом филологической критики в отечественной науке. В этом исследовании объяснялось «истинное свойство церковного, или старославянского языка» и соотношение «славянских наречий», в нем были заложены основы истории старославянского языка. Востоков предполагал составить грамматику этого языка. Его дело продолжили другие ученые, которых Пыпин называл «школой» Востокова⁷². Пыпин считал, что глубина взглядов Востокова не была понятна тогда его современникам. В то же время его труды (как и труды Калайдовича) были высоко оценены Й. Добровским, Е. Копитаром, позднее — П. Шафариком⁷³.

Востокова и Калайдовича Пыпин называл серьезными исследователями славянской старины, у которых, однако, было недостаточно материала для широких обобщений, что вызывало у них «ученую осторожность»⁷⁴. Они поставили исследование «на твердую почву науки» и заняли «почетное место в ряду основателей научной славистики»⁷⁵.

В деятельности П. И. Кёппена Пыпин прежде всего выделял установление им личных связей с иностранными учеными и создание журнала «Библиографические листы» (1822), который объединил на своих страницах замечательную плеяду ученых-славистов разных стран. В этом издании печатались материалы из русских и иностранных источников, касающиеся славянской истории, археологии, литературы и т. п.⁷⁶.

Первую треть XIX в. Пыпин рассматривал как период накопления знаний, первых попыток научного осмысления славистической проблематики, т. е. фактически как предысторию истинного славяноведения. В это время единственным, по выражению Пыпина, «официальным приютом» русского славяноведения была Российская Академия (влившаяся в 1841 г. Академию наук в качестве ее II отделения). Возглавлял Российскую Академию А. С. Шишков, убежденный консерватор, ретроград в научно-литературной области, что накладывало отпечаток на оценку деятельности академии в целом⁷⁷ (Пыпин вспоминал о «научно-литературной непригодности, какая прославила Российскую

Академию»⁷⁸). В ней намечалась работа по составлению сравнительных словарей и сравнительной грамматики славянских языков. Шишков рассчитывал на сотрудничество со славянскими учеными. В 1830 г. был даже высочайше утвержден план создания при Российской Академии славянской библиотеки и приглашения в качестве библиотекарей В. Ганки, П. Шафарика и Л. Челаковского, однако этот план не осуществился⁷⁹.

Научной деятельности самого Шишкова Пыпин давал весьма нелестную характеристику, отмечая, что «о настоящей науке он не имел понятия», его «славянская этимология» представляла собой фантастические словопроизводства. Пыпин считал, что «наилучшие намерения» и планы Шишкова «связать русскую науку с наукою славянской и водворить у нас изучение славянского мира» потерпели неудачу⁸⁰ (хотя деятельность Шишкова и его окружения имела и положительное значение для будущего развития славяноведения).

Относительно пользы участия иностранных славянских ученых в подъеме российского славяноведения Пыпин высказывал сомнение: «Возможно, что деятельность славянских ученых, только что установлявших свое дело у себя дома, не принесла бы в России тех результатов, какие приносила там, где она была нравственной силой и общественной потребностью». Вместе с тем Пыпин обратил внимание на характерное для 1810–1820-х гг. явление, которое впоследствии почти отсутствует. Это — участие в русских изданиях польских исследователей (С. Б. Линде, К. Бродзинский, И. Лелевель, В. Мацеевский и др.), изучавших славянскую историю, этнографию и пр. Их работы, по мнению Пыпина, оказывали «возбуждающее влияние» на русских ученых, но все же, становление отечественной славистики было осуществлено «туземными» силами молодого поколения российских ученых⁸¹.

Третье десятилетие XIX в. характеризовалось, как было отмечено Пыпиным, увеличением доли материалов по истории и современному положению славян в литературно-общественной периодике (в журналах «Московский телеграф», «Московский вестник» и др.)⁸².

Яркой и характерной фигурой «молодого периода» науки Пыпин называл Ю. И. Венелина, ученого-любителя, заинтересовавшегося судьбой болгарского народа. На средства Российской Академии он путешествовал по Болгарии. Во время поезд-

ки приобретал рукописи, изучал язык, записал много песен, составил грамматику болгарского языка. Среди его трудов о славянской древности и этнографии наиболее известна книга «Древние и нынешние болгаре»⁸³. Венелин, по словам Пыпина, стремился проникнуть в «туманную древность», не довольствуясь «тесным горизонтом наличного знания»⁸⁴. Его труды в научном отношении имели много недостатков (отсутствие исторической критики, «фантазирование» и т. п.) и через некоторое время устарели. «Общие выводы Венелина, — писал Пыпин, — конечно, ошибочны; но многие из его частных замечаний очень верны, и потому каждому славянскому и каждому исследователю русской истории необходимо иметь под руками его изыскания»⁸⁵. У него не было «достаточно материала для строго исторической реставрации прошедшего», но вклад Венелина Пыпин видел в том, что он «создал болгарскую историю»⁸⁶.

Научное славяноведение. Как важный рубеж в истории отечественного славяноведения Пыпин выделял 1835 г., когда в соответствии с новым уставом в университетах страны были созданы кафедры славянской филологии (точнее — истории литературы славянских наречий). Именно с учреждением славянских кафедр ученый связывал начало отечественной научной славистики. Ее появление стало, по мнению Пыпина, результатом нараставшего общественного интереса к славянству в России, развития русской науки и осознания национальных интересов Российского государства⁸⁷.

Пыпин отмечал, что и до образования славянских кафедр в университетах были отдельные ученые, научные интересы которых охватывали и славянскую проблематику, например профессор Харьковского университета, историк и писатель П. П. Гулак-Артемовский, изучавший и преподававший историю Польши (в 1821 г. он защитил магистерскую диссертацию «О польской истории вообще и преимущественно отечественной и о способе преподавания последней»)⁸⁸.

В научной литературе можно встретить мнение, что Пыпин противоречиво решал вопрос о времени возникновения «настоящего славяноведения», с одной стороны, указывая на значение деятельности Н. М. Карамзина, кружка Румянцева, А. Х. Востокова, с другой — отмечая как рубеж создание славянских кафедр⁸⁹. Однако никакого противоречия нет. Достаточно обра-

тить внимание на данные Пыпиным определения: в первой четверти XIX в. происходит «поворот к истинно-научному исследованию», «полагаются *первые прочные основы*» такого исследования. С основанием кафедр — «русская славистика *установлена*»⁹⁰ (курсив мой. — Е. А.). Проследивая непрерывный процесс развития научных знаний, Пыпин отмечал завершение подготовительного периода, в рамках которого действовали ученые, не имевшие специальной славистической подготовки, но интересовавшиеся славянской проблематикой (как правило, в контексте исследований русской старины, языка, литературы, культуры) и применявшие в своей работе новые научные методы. Утверждение славяноведения Пыпин связывал с созданием прочной базы для подготовки собственных научных кадров в этой области, с осознанием предмета и методов молодой науки. Вместе с тем ученый не считал становление науки одномоментным событием; по его мнению, славяноведение сформировалось во второй четверти XIX в., когда изучение славянства «укрепилось вполне на научной почве»⁹¹, а в 1835 г. произошло его оформление как научной и учебной дисциплины.

Существовали проекты приглашения на славянские кафедры профессоров из славянских стран, но победила точка зрения о подготовке российских преподавателей. Пыпин не сомневался в правильности такого решения — «новая наука должна была вырастать из собственных корней русской умственной жизни». Однако на этом пути встречались и определенные трудности: отсутствие соответствующей «школы», недостаточность непосредственных связей со славянскими учеными, нехватка славянских книг и т. д. Для пополнения знаний о славянских народах и установления контактов со славянскими деятелями науки в славянские земли были посланы четыре претендента на занятие вновь организованных кафедр в Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском университетах — П. И. Прейс, О. М. Бодянский, И. И. Срезневский и В. И. Григорович. С их научных путешествий началось, как утверждал Пыпин, «правильное и многостороннее изучение славянства»⁹².

Программа работы молодых ученых за границей была обширна и совершенно невыполнима, по оценке Пыпина, не только для начинающих славистов, но и для целой научной экспедиции. Им вменялось в обязанность изучение «наречий славянского языка», образа жизни славянских народов, их нравов, обычаев,

образования, преданий, поверий, предрассудков, суеверий, игр, увеселений, одежды, пищи, географического положения славянских земель, климата, природных ресурсов, развития промышленности и т. п. Кроме того, будущие профессора должны были вести подробные дневники путешествия, а свои «ученые экскурсии» совершать пешком. Всю работу во время командировок первые слависты выполняли «с величайшей ревностью», что вызывало к ним большое уважение Пыпина⁹³.

Молодые представители русской науки попали в славянские земли в период расцвета романтизма; под влиянием этого направления их университетские лекции и ранние научные работы были романтически окрашены. Эти ученые, подчеркивал Пыпин, придерживались «народно-литературного воззрения». В то время, пояснял он, интерес ко всему народному, изучение народа имели не только научное, но и общественное значение: с ними нередко «связывалось участие к положению народа в тогдашнем общественном строе»⁹⁴. Первых славистов, разных по характеру и научно-общественным взглядам людей, объединяла, по мнению Пыпина, одна общая черта — «страстная привязанность к своему предмету»⁹⁵.

Существует мнение, что ученых, первыми занявших славянские кафедры в университетах, неверно называть «первыми славистами», поскольку были ученые, касавшиеся славянскими тем и до них. Пыпин называл Прейса, Срезневского, Бодянского и Григоровича и «первыми славистами», и «первыми профессорами славистики», и «первым поколением славистов» на том основании, что эти ученые выбрали славистику своей специальностью и получили необходимую профессиональную подготовку в этой области. Отсылая читателя к обширной литературе об их жизни и трудах⁹⁶, Пыпин останавливался на том, что, с его точки зрения, было наиболее существенным в их деятельности (прежде всего это — преподавание славистических дисциплин и научная работа).

О П. И. Прейсе Пыпин писал, что тот начал заниматься славянской филологией, работая еще в Дерпте, затем в Петербурге под руководством А. Х. Востокова совершенствовал свои знания в области древнеславянского языка и письменности. После поездки в славянские земли он читал лекции на славянской кафедре Петербургского университета. Пыпин упоминал, что в лекционном курсе Прейса было три отдела: 1) введение в славяноведение; 2) история каждого славянского народа «в от-

ношении к судьбам политическим, языку и литературе; 3) сравнительная грамматика славянских наречий. В курсе Прейса было также преподавание церковно-славянского языка. Несмотря на недолгую деятельность в сфере науки, Прейс успел стать крупным ученым в области сравнительного языкознания. Он пользовался также методом историко-критического изучения языков. К его исследованиям обращались П. Шафарик, Л. Челаковский, Ф. Палацкий. Ученый не был подвержен мистицизму или «преувеличениям романтизма». Он изучал старое славянское право и собирал материалы для сравнительной грамматики⁹⁷.

Преемника Прейса по кафедре, И. И. Срезневского, преподававшего вначале на славянской кафедре Харьковского университета, Пыпин назвал «самым деятельным» из славистов первого поколения. Еще в начале научной деятельности он заинтересовался «славянщиною». Объехав почти все славянские земли, завязал личные связи с представителями славянского возрождения. Полученные во время командировки знания о славянских народах он использовал в своих лекциях и научных исследованиях. В его деятельности научный интерес к славянской старине сочетался с увлечением романтизмом. В 1846 г. Срезневский защитил докторскую диссертацию «Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям»⁹⁸.

Лекции Срезневского, производившие «сильное впечатление» на студентов, Пыпин оценивал очень высоко. В Харькове «толпами стекались» послушать «красноречивого профессора», цитировавшего славянских поэтов и говорившего о славянском братстве. Но в петербургский период налет романтического «панславизма» в лекциях профессора, по воспоминаниям Пыпина, исчез. В Петербурге Срезневский читал «энциклопедический» вводный курс, знакомя слушателей со славянством в целом и отдельными народами, с их политическими отношениями, религией, бытом, языками, «словесностью и книжной литературой» славян, а также с пособиями для изучения славянских народов. Кроме того, он читал еще два курса: славянских древностей и истории языка и литературы западных славян. При всей «научной серьезности» лекции профессора отличались «легкой, живой, остроумной» манерой изложения. Вместе с тем он приучал студентов к научной работе⁹⁹.

Пыпин напоминал, что научная деятельность Срезневского была тесно связана с Отделением русского языка и словесности Академии наук. По инициативе ученого и под его руководством стали издаваться «Известия» ОРЯС, на страницах которых публиковались исследования и материалы по славянским языкам, литературам, этнографии, а также сведения о славистических изданиях. Срезневский участвовал в работе Археологического общества и этнографического отделения Географического общества. Он занимался вопросами палеографии старославянских текстов. В полемике по поводу Краледворской и Зеленогорской рукописей ученый отстаивал их подлинность — защита, по определению Пыпина, была «искусная, но напрасная»¹⁰⁰.

В «теоретической постановке» научных проблем Срезневским Пыпин отмечал «исключительность и односторонность» романтично-сентиментальных стремлений к «народности». Завышенная оценка «народного» наряду с отрицанием «ненародного» была, по мнению Пыпина, ошибочной позицией Срезневского, деятельность которого, «в высокой степени важная в специальной науке», осталась как бы чуждой общественным интересам. С другой стороны, в особенном интересе ученого к народу, «в призыве к его изучению» Пыпин находил «глубокий гуманизм». Он знал о «политическом угнетении» славян, но выход из этого положения видел в «идеалистическом развитии народности». Постепенно Срезневский охладел к «народной романтике». Пыпин объяснял это тем, что славист приобрел «жизненный опыт», серьезно увлекся изучением русской и старославянской письменности и палеографии, но прежде всего тем, что его «ожидания от молодых славянских литератур не оправдались и давали мало надежды на широкие литературные явления»¹⁰¹. Он сочувствовал раннему этапу славянского движения, не переходившему еще из национально-поэтической в политическую область¹⁰².

В последние десятилетия своей жизни Срезневский «почти не высказывался о новейшем национально-политическом движении славянских народов». По воспоминаниям Пыпина, Срезневский «старательно избегал и не любил „политики“, к которой, однако, сводился вопрос о внешних условиях славянской жизни, а от них должны были зависеть и успехи жизни внутренней». Он не дал «полного изложения своих взглядов на славянские отношения»¹⁰³. В целом же изучение Срезневским

славянства и особенно его преподавание славистических предметов имели, по мнению его ученика, Пыпина, «несомненное благотворное влияние» на распространение интереса к славянам и к проблеме «народа»¹⁰⁴.

О своем первом учителе в области славистики, В. И. Григоровиче, Пыпин писал, что в кругах отечественных и зарубежных специалистов «высоко ставилось его обширное знание славянства»¹⁰⁵. Еще до поездки в славянские земли молодой ученый подготовил и опубликовал магистерскую диссертацию «Опыт изложения литературы Словен в ее главнейших эпохах»¹⁰⁶. В этой работе, вспоминал Пыпин, история литературы освещалась «в связи с политическою судьбою племен» и излагалась с «философским объяснением явлений»¹⁰⁷. Во время своего заграничного путешествия молодой ученый прежде всего направился в Болгарию, где не был ни один из его коллег. Ему удалось найти и частично приобрести старинные рукописи, собрать много сведений о народе, его истории, преданиях, языке (которые, к сожалению, потом использовались далеко не полностью). Ссылаясь на мнение Срезневского, Пыпин обращал внимание на то, что книга Григоровича «Очерк путешествия по Европейской Турции» (Казань, 1848) являлась «важным источником первоначальных сведений по политической истории, по истории христианства и письменности, по палеографии и дипломатике южных славян»¹⁰⁸.

Пыпин отмечал, что Григорович более других исследовал византийскую древность и связи Византии со славянством. Книга ученого «О народной поэзии славянских племен» была «первым русским сочинением этого рода», одной «из первых попыток самостоятельного русского труда по славянской этнографии»¹⁰⁹.

В 1860 г. Пыпин опубликовал в «Современнике» рецензию на книгу Григоровича «О Сербии в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях» (Казань, 1859). Рецензент особо подчеркнул, что взгляды автора отличаются от славянофильских, и положительно отзывался о научных методах слависта, которому симпатия к славянам не мешает «смотреть на вещи серьезным, чисто историческим образом; он не дает своему чувству и воображению власти над историей, и читатель не приходит в недоумение от противоречий»¹¹⁰. Вместе с тем Пыпин замечал, что после 1840-х гг. Григорович редко издавал свои работы, как будто что-то «стесняло» его. В характере

профессора он отмечал «уклончивость», «преувеличенную скромность», «научную осторожность» и «личную боязливость», которые помешали ученому отразить в своей деятельности все то «богатство знания, каким он обладал» и которое было оценено немногими специалистами¹¹¹. При этом Пыпин указывал, что на лекциях профессор «высказывался вообще смелее и свободнее, чем в печатных сочинениях»¹¹².

Преподавательская деятельность Григоровича, по воспоминаниям Пыпина, являла собой «полное, беззаветное увлечение своим предметом». Такие ученые, с сожалением констатировал его ученик, редки в нашем обществе, где «так много ученых чиновников и ученых аферистов». В отличие от них, Григорович был ученым с «широкими научными взглядами в своей области». «В основе его понимания и изложения лежало именно представление о всеславянском единстве». Он назвал свой лекционный курс «энциклопедическим обзором истории языков и литературы словен в ее главнейших эпохах». Он читал также «Обозрение палеографии древнеславянского языка в связи со славянскими наречиями» в Казанской духовной академии¹¹³. Где бы ни преподавал Григорович, он всегда готов был передать другим свои знания и любовь к предмету¹¹⁴.

Славистические пристрастия О. М. Бодянского также обнаружились еще до занятия им соответствующей кафедры в Московском университете. В 1837 г. Бодянский представил магистерскую диссертацию «О народной поэзии славянских племен». Пыпин подчеркивал, что предмет исследования был нов для России. Во время путешествия по славянским землям Бодянский собрал богатую библиотеку, включавшую редкие славянские издания Библии. Ученый видел главную свою задачу в «доставлении русской литературе исторического материала о славянстве». «Чтения» московского Общества истории и древностей, редактором которых был Бодянский, стали, по определению Пыпина, «богатым собранием материалов и исследований по русской и славянской древности и истории». Пыпин считал справедливым мнение Бодянского о необходимости ознакомления отечественной науки с достижениями западнославянских ученых по общим вопросам славяноведения (сам Бодянский переводил и издавал труды П. Шафарика, Ф. Палацко, публиковал важные для изучения славянского прошлого источники). Труд Бодянского «О времени происхождения славянских письмен» (М.,

1855) Пыпин назвал «замечательным критическим обзором всех известных свидетельств по этому предмету». Называя имя Бодянского среди корифеев славистики, Пыпин отмечал, что по характеру он «был человек очень независимый», а это качество является редким в русском «учено-литературном мире»¹¹⁵.

Подводя итоги деятельности первых российских славистов на раннем этапе отечественного научного славяноведения, Пыпин подчеркивал, что они начинали с чистого листа, им приходилось самим создавать содержание и метод своей науки, определять состав учебных дисциплин и тематику лекционных курсов. «Во многих отношениях их труды бывали настоящими открытиями», но, как правило, в своей научной деятельности они ограничивались исследованием отдельных вопросов и изданием материалов. Поэтому Пыпин с сожалением упоминал о том, что никто из первых профессоров-славистов не обработал и не издал своих лекций, в которых изложение предметов славяноведческого цикла было представлено полнее. Опубликованные лекционные курсы могли бы содействовать более широкому распространению «славянских знаний», которые без них были доступны только студентам университетов, специализировавшимся на изучении славянства (лекции первых профессоров-славистов, изданные позже их учениками, Пыпин считал недостаточно профессионально подготовленными)¹¹⁶.

Относительно первых ученых-славистов Пыпин сделал интересное наблюдение: все они (за исключением Прейса) выросли «в малорусской среде, которая делала для них славянское движение более понятным и сочувственным», так как в украинском движении было немало параллелей со славянским возрождением, в частности развитие собственной литературы на народном языке¹¹⁷.

Первые слависты, по словам Пыпина, могли бы «всего ближе примкнуть к возникавшему тогда же славянофильству». Но у славянофилов «славянские интересы являлись как логический вывод из общей теории» о противоположности греко-славянского и романо-германского миров, о новой славянской цивилизации. С таким подходом к славянству они как бы обособились в секту, приобретя «всю исключительность и нетерпимость секты»¹¹⁸. Ученые-славяноведы, как подчеркивал Пыпин, подходили к славянству не теоретически — они изучали «живые» общества и народы: «Они слишком хорошо знали действительное положение

ние славянских народов и их стремлений, чтобы принимать исключительную и притязательную славянофильскую теорию». В своих трудах и на университетских кафедрах они распространяли *научные* — исторические и филологические — сведения о славянстве. Их точка зрения на славянский вопрос оставалась «народно-романтической»*, у них еще не было мысли о едином славянском литературном языке (они сочувствовали развитию всех языков и литератур, особенно — «мелких»). Первые русские слависты, подытоживал Пыпин, не были славянофилами и не слились с ними¹¹⁹.

Они следили за «современным движением славянства», но не излагали своих взглядов на славянский вопрос (особенно — его политическую составляющую) и отношение к нему русского государства, общества и народа или же делали это, по утверждению Пыпина, «с известной осторожностью или уклончивостью». С одной стороны, он объяснял это тем, что в 1840-е гг. в России обсуждение политических вопросов было затруднено, а после 1848 г. — запрещено. Пыпин считал, что «эта мера очень повредила развитию нашего славяноведения и общественного интереса к славянству»¹²⁰. С другой стороны, первые слависты были настолько поглощены «заботами об установлении новой науки», что политическая сторона славянского вопроса «удалялась от их внимания»¹²¹.

Значение деятельности первого поколения славистов Пыпин выдел в том, что для русской науки открылся славянский мир — исторический и современный, появились более точные сведения о единоплеменных народах; некоторые разработки русских ученых явились открытиями для инославянских ученых. Только благодаря возникновению научного славяноведения в России открылась возможность сравнительного изучения истории, языков, литератур, быта, характера русского и других славянских народов. Славянство, утверждал Пыпин, переставало быть для русских «искомым неизвестным», путь к его изучению был открыт. Уже при жизни первого поколения славистов славянские интересы, как подчеркивал Пыпин, «прочно укореняются в на-

* При такой точке зрения, объяснял Пыпин, народная жизнь представлялась выше жизни общества, народная поэзия — выше книжной; при этом развитие цивилизации считалось возможным через усвоение достоинств народной жизни.

шей литературе» (преимущественно в исторической и этнографической). Пыпин был уверен, что история высоко оценит труды первых в России ученых-славяноведов¹²², и не ошибся в своем предвидении.

Наряду с учеными, впервые специализировавшимися на изучении славянства, Пыпин обращал внимание на достаточно широкий круг лиц (а также изданий), которые в 1830–1840-х гг. все больше уделяли внимание славянскому миру. Прежде всего это те, кто интересовался русской стариной и этнографией, «национальные романтики» кружка «Московского вестника» (где П. И. Кёппен знакомил читателей с трудами славянских ученых), славянофилы, деятели «Маяка», М. П. Погодин, поддерживавший связи со славянскими учеными¹²³ (еще в 1820-х гг. он поставил вопрос о необходимости изучения славянства). Погодин издавал журнал «Москвитянин», где нередко давались сведения о славянских землях и славянской литературной жизни*. Однако научный интерес Погодина к славянству, по словам Пыпина, не находил тогда отклика, а «политическая постановка вопроса была невозможна», и ее место заняла «национально-мистическая теория с археологическими специальностями»¹²⁴.

«Сознательный интерес» к славянскому миру, замечал Пыпин, проявляли и славянофилы. К их кругу принадлежали некоторые ученые — «знатоки славянства»¹²⁵, среди них — А. Н. Попов и Е. П. Ковалевский, которые издали в конце 1840-х гг. работы о Черногории¹²⁶.

Наиболее близким по духу к первым профессорам-славистам был, по мнению Пыпина, Н. И. Костомаров, автор «Славянской мифологии» (1846), ученый с теми же идеалами «романтического панславизма», которыми «отличались первые основатели нашей научной славистики»¹²⁷.

Таким образом, подытоживал Пыпин, в 1830–1840-е гг. выявились «внешние» и «внутренние» причины, способствовавшие становлению новой науки. С одной стороны, из «разрозненных фактов отдельных личных вкусов» в обществе зарождался «интерес к единоплеменному славянскому миру, о котором напоминали наука и современная история» и ознакомление с ко-

* Статьи в «Москвитянине», писал Пыпин, уже вызывали опасения в правительственных кругах, поскольку власти настороженно относились к заявлениям о славянском вопросе.

торым было «национально-общественной необходимостью»; с другой стороны, обозначилась научная потребность дополнить изучение русской народности общеславянскими данными (за счет сравнительного изучения славянских народов и выяснения их этнического родства)¹²⁸.

Этапы развития славяноведения Пыпин соотносил с последовательно сменявшимися друг друга поколениями славистов. На втором этапе, к началу 1860-х гг., по убеждению Пыпина, совершается своего рода перелом в славистике, связанный с изменениями во внешнеполитической ситуации и внутренней жизни русского общества. У ученых появилась возможность свободнее обсуждать современные им славянские проблемы и выяснять отношение русского общества и государства к славянскому движению¹²⁹, и интерес к этим вопросам стал характерной чертой второго поколения славяноведов.

Это поколение составили ученики первых профессоров-славистов; оно, как отмечал Пыпин, было более многочисленным и уже получило профессиональную подготовку. Он подчеркивал также, что, оставаясь учеными, специалистами в области истории, филологии, этнографии славянских народов, многие из них выступали и как публицисты, разрабатывавшие славянский вопрос¹³⁰ (это относится к представителям любого научно-общественного направления, в том числе и к самому Пыпину). Определенную публицистическую окраску имели работы, касавшиеся вопросов не только современности, но и далеких исторических эпох¹³¹. Учитывая это, Пыпин подчеркивал, что при соединении в одном лице историка с публицистом важно избежать односторонности оценок событий, чему может способствовать только «большая нравственная высота» ученого и «широкое изучение» предмета¹³². В начале 1860-х гг. Пыпин отметил еще одну особенность нового периода развития славяноведения — усиление интереса к изучению славянской истории: «Занятия славянской историей прошедшей и нынешним славянским вопросом начинают все больше приниматься у нас»¹³³ *.

* Научные разработки в области истории оказывали определенное воздействие на общество, для которого, как считал Пыпин, знание истории является вовсе не лишним и только укрепляет сочувствие к угнетенным славянам.

Представителей нового поколения славяноведов Пыпин разделил по «школам», уделив внимание каждому, но более подробно остановившись на деятельности нескольких выдающихся ученых, которым он посвятил небольшие научно-биографические очерки, и трудах, занимающих важное место в науке¹³⁴.

Среди учеников О. М. Бодянского Пыпин называл Е. П. Новикова, А. Ф. Гильфердинга, А. А. Майкова, А. А. Котляревского, А. Л. Дювернуа, А. А. Кочубинского, М. С. Дринова. Из славистических трудов Е. П. Новикова Пыпин отметил «чисто филологическую» книгу (магистерскую диссертацию) «О важнейших особенностях лужицких наречий» (1849) и обширный труд «Гус и Лютер» (М., 1859), показывающий «высокое нравственное значение» деятельности Я. Гуса как результата «племенного характера и воспоминания старого православия»¹³⁵. Пыпин подчеркивал, что Е. П. Новиков, а также В. А. Елагин и А. Ф. Гильфердинг в проповеди Гуса усматривали протест против «не свойственного славянской природе» католицизма и стремление вернуться от романо-германских к славянским, православным началам. Мнение Пыпина не совпадало с взглядами славянофильских авторов. Не отвергая «родства гуситства с протестантизмом» и наличия у чехов отголосков «преданий греко-славянской церкви», Пыпин утверждал, что сам Гус был «вне влияния восточной церкви», или это влияние было неосознанным¹³⁶.

Об А. А. Майкове Пыпин писал, как об авторе трудов «История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историей народа» (Белград, 1857), «Суд присяжных у южных славян» (1861), а также журнальных публикаций по славянскому вопросу¹³⁷. У А. А. Кочубинского¹³⁸ Пыпин отметил труды по языкам, литературам и политической истории славян¹³⁹, особо выделив «любопытное исследование» о начальном периоде русской славистики¹⁴⁰.

М. С. Дринова Пыпин характеризовал как одного из лучших знатоков болгарской истории — «старины и современности» — и этнографии. Его «Исторический очерк болгарской церкви» (1869) был первой работой в этой области, появившейся в период борьбы болгар за церковную автономию. Другая важная работа Дринова — «Заселение Балканского полуострова славянами» (1873). Пыпин также обращал внимание на исследование им болгарско-византийских отношений¹⁴¹ и активное авторское

участие в первом болгарском научном журнале «Периодическое списание», где ученый поместил немало ценного этнографического материала. Пыпин называл Дринова специалистом, который «прекрасно владеет исторической критикой»¹⁴².

Более подробно Пыпин остановился на деятельности А. А. Котляревского, у которого, как отмечалось, была «замечательная библиотека» по славяноведению и этнографии. В 1860-х гг. он помещал немало статей и заметок в журнале Московского археологического общества «Древности», опубликовал книгу «О погребальных обычаях языческих славян» (1868), основанную, как отмечал Пыпин, на разнородных источниках — археологических данных, средневековых летописях, памятниках быта, народной поэзии. В 1874 г. в Праге были изданы книги, являющиеся двумя частями докторской диссертации Котляревского: «Древности юридического быта балтийских славян» и «Сказания об Оттоне Бамбергском в отношении славянской истории и древности». Пыпин характеризовал их как опыты сравнительного изучения славянского права и истории поморских славян в XII в.¹⁴³

Котляревский выступал с рецензиями на труды других славистов. Пыпин отмечал стремление ученого учесть в своих исследованиях все имеющиеся сведения об изучаемом предмете. Он хорошо был знаком со «славянским научным движением». В отличие от славистов славянофильской ориентации, Котляревский, по мнению Пыпина, сохранил «беспристрастный взгляд» на славян и межславянские отношения, не впадая ни в «романтизм», ни в «мистические теории», ни в «нетерпимость»¹⁴⁴ (взгляды Котляревского в известной степени были созвучны воззрениям самого Пыпина).

Наиболее значительным исследователем, вышедшим из школы Бодянского, одним из «первостепенных знатоков славянства» Пыпин считал А. Ф. Гильфердинга. Он придерживался славянофильских взглядов, был последователем А. С. Хомякова «в философско-исторической и национальной теориях», что сказалось на направленности его научных работ, в которых он «широко приложил точку зрения этой школы к славянскому вопросу». У Гильфердинга, замечал Пыпин, не осталось и тени «простодушного романтизма» первых славистов¹⁴⁵. Опубликованные им в 1853 г. исследования «О сродстве языка славянского с санскритским» и «Об отношении языка славянского к языкам родствен-

ным» Пыпин назвал «не лучшими» трудами ученого. Впоследствии Гильфердинг редко обращался к лингвистическим темам, если не считать изданной им в последние годы жизни «Общеславянской азбуки, с приложением образцов славянских наречий» (СПб., 1871), не нашедшей, впрочем, практического применения¹⁴⁶.

Основной областью научных исследований Гильфердинга стала древняя и современная история славян¹⁴⁷. Его работы, как отмечал Пыпин, свидетельствовали о большой эрудиции автора, в отечественной науке они представляли собой «первые цельные труды по славянской истории». В результате непосредственного изучения югославянских народов во время путешествия по южнославянским землям появилась книга «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (СПб., 1860), в которую вошли статьи Гильфердинга и материалы местных авторов, соединившие исторические, историко-литературные и другие сведения «с изображением народного быта». Пыпин считал эту работу одной из лучших в своем жанре (сравнимой с описанием путешествия В. И. Григоровича по Европейской Турции)¹⁴⁸ «книг о турецком славянстве, из которой можно извлечь правильные понятия о положении дела». Он откликнулся на нее рецензией, в которой отмечал как отрадное явление обращение автора к современному положению южнославянских народов, полагая, что с точки зрения текущих общественно-политических процессов полезнее изучать «бедного нынешнего босняка», чем исчезнувших балтийских славян¹⁴⁹ (хотя с позиции науки его взгляд далеко не бесспорен).

Пыпин обращал внимание на разнообразную проблематику научных работ Гильфердинга, среди которых статьи в «Русской беседе» о современном положении славян и славянских национальных движениях и исследование племени кашубов¹⁵⁰. Пыпин отмечал «особенную заслугу» Гильфердинга (как и Григоровича) в собирании сербских и болгарских рукописей и книг и тем самым — «в сохранении южнославянской книжной старины»¹⁵¹.

Касаясь отношения ученого к Польше, Пыпин упоминал, что, работая с 1863 г. в Варшаве, Гильфердинг был «одним из деятельных сотрудников» Н. А. Милютина, либерально настроенного представителя властей, проводившего крестьянскую реформу в Царстве Польском. Одновременно Гильфердинг писал «замечательные статьи» о польском вопросе¹⁵² (Гильфердинг на словах признавал за поляками право на национальный язык и

культуру в границах польского этноса, полагал необходимым широкое реформирование польской жизни). Давая такую оценку его статьям, Пыпин как бы подчеркивал отличие взглядов Гильфердинга от официально-обрусительской политической линии, однако объективно его позиция, определявшаяся славянофильскими воззрениями, мало чем отличалась от курса на русификацию и ассимиляцию поляков.

Пыпин напоминал также, что в конце жизни Гильфердинг задумал обширный (оставшийся незавершенным) труд¹⁵³ «История славян», но успел написать только первую часть¹⁵⁴. Одной из последних была работа ученого «Гус. Его отношение к православной церкви» (СПб., 1871) (о позиции автора по этому вопросу Пыпин высказывался в связи с работой Е. П. Новикова).

В целом научную деятельность Гильфердинга Пыпин характеризовал как «богатое трудами поприще, кончившееся так безвременно»¹⁵⁵. Стараясь объективно оценить вклад ученого, вне зависимости от его общественно-политических воззрений, Пыпин называл Гильфердинга одним из талантливейших представителей славяноведения, обладавшим обширными сведениями, ясным умом, твердостью убеждений, и в то же время свободным (как представлялось Пыпину) от «пристрастий упрямого доктринерства» и умевшим понимать «факты действительности»¹⁵⁶.

Учениками В. И. Григоровича Пыпин называл А. И. Соколова, М. П. Петровского, А. И. Смирнова, П. А. Ровинского. А. И. Соколов исследовал Краледворскую и Зеленогорскую рукописи и издал их русский перевод¹⁵⁷. М. П. Петровского Пыпин характеризовал как «основательного ученого»¹⁵⁸, автора переводов славянской поэзии (Я. Коллара, А. Мицкевича и др.)¹⁵⁹. А. И. Смирнов издал лекции учителя¹⁶⁰. П. А. Ровинский много путешествовал по славянским землям, изучая быт народов. Он автор статей о Чехии, Сербии, Боснии в различных научных и литературно-общественных периодических изданиях¹⁶¹ и обширной работы о Черногории, в которой дано ее описание с географической, исторической и этнографической точек зрения¹⁶².

Из школы И. И. Срезневского вышли, по оценке Пыпина, «немногие, но замечательные слависты»: Н. А. и П. А. Лавровские, В. В. Макушев, О. Ф. Миллер, В. А. Бильбасов, В. И. Ламанский.

О Н. А. Лавровском Пыпин упомянул в связи с его диссертацией «О византийском элементе в языке договоров русских с

греками» (1853), где автор коснулся древней болгарской письменности¹⁶³. Более известен своими славистическими работами П. А. Лавровский. Пыпин отмечал его разносторонние интересы, лежавшие в области филологии¹⁶⁴, истории, этнографии и современного положения славянства¹⁶⁵. Ученый выпустил сербско-русский (1870) и русско-сербский (1880) словари. Занятый административной деятельностью (по линии Министерства просвещения), Лавровский, по мнению Пыпина, не мог много времени уделять научной работе, в результате чего его исследования представляли разработки отдельных вопросов, а не цельные труды. Положительные качества этих работ Пыпин видел в их точности и обстоятельности, подчеркивая в то же время, что «общий взгляд» на «народные достоинства славянских литератур» (как у Срезневского) придавал его трудам «известную односторонность». Лавровский выступал за славянскую солидарность, но оставлял открытым вопрос о том, как «совместить „славянскую политику“ самой России и условия ее политического быта с условиями славянской жизни и как при этом могло быть обеспечено упорное стремление отдельных частей славянства поддерживать и развивать свою племенную индивидуальность»¹⁶⁶.

В обзоре истории славяноведения Пыпин писал об О. Ф. Миллере как об ученом, выступавшем в основном в качестве публициста¹⁶⁷, освещавшего «новейшие славянские события»¹⁶⁸. Но в более ранней рецензии на книгу Миллера «Славянский вопрос в науке и жизни» (СПб., 1865) и позже, в его некрологе, Пыпин отмечал совпадение, но не «полное единогласие» взглядов ученого со славянофильскими воззрениями, поскольку он не разделял их крайностей и нетерпимости и «признавал свободу критики». Славянофильская позиция проявилась у Миллера в отношении к славянскому вопросу, в котором он видел «одно из проявлений русского народного дела и выполнения народного долга». Пыпин критиковал Миллера за отношение к гусизму как исключительно чешскому (славянскому) протесту¹⁶⁹.

В. А. Бильбасов упоминался в обзоре¹⁷⁰ в связи с исследованием о Кирилле и Мефодии¹⁷¹. Больше внимание уделено В. В. Макушеву, который еще в студенческие годы издал работу «Сказания иностранцев VI–X вв. о быте и нравах славян» (СПб., 1861), дополнявшую в некотором роде «Славянские древности» П. Шафарика. Уже в этой работе, указывал Пыпин, автор применял

приемы критического анализа источников, определяя их историческую ценность. Служа в русском консульстве в Дубровнике, Макушев занялся местной историей, собирая материалы в монастырях и частных архивах. Найденные источники были им опубликованы¹⁷² и легли в основу работы, которая, по определению Пыпина, являлась введением к истории Дубровника, содержащем критический разбор источников и разъяснение некоторых вопросов¹⁷³. В результате поисков в итальянских архивах Макушев собрал документы, которые впоследствии использовал во многих работах по истории южного славянства¹⁷⁴. Обращая внимание на обилие архивных находок Макушева, из которых ученый успел издать только два тома¹⁷⁵, Пыпин замечал, что их хватило бы еще на восемь томов. Кроме того, он указывал на новизну документов, которые Макушев впервые вводил в научный оборот¹⁷⁶.

На примере Макушева Пыпин показал, что ученые-слависты второго поколения значительно разнообразили тематику своих работ. Имея подготовку по разным славистическим дисциплинам, они могли заниматься изучением самого широкого круга вопросов, связанных со славянством. Так, Макушев, начав работать в Варшаве, расширил свои творческие интересы¹⁷⁷ за счет изучения древних польской и чешской литератур, новейшей польской литературы и современной ему общественной жизни Польши¹⁷⁸. Учитывая важное значение польского вопроса, Пыпин специально выделил мнение Макушева о том, что в России должны особенно тщательно изучать соседнее «польское племя», с которым русские находятся в «непрерывных сношениях и столкновениях» начиная с древних времен. Признавая справедливость этой мысли, Пыпин тем не менее отмечал, что исполнить подобное намерение было «не легко», и, во всяком случае, цель не достигалась «эпизодическими» исследованиями, которые не могли выявить существа русско-польских отношений. Работы Макушева в этом направлении представлялись Пыпину именно такими «эпизодическими и случайными», не всегда удачными, порой недостаточно доказательными¹⁷⁹.

Среди учеников И. И. Срезневского Пыпин больше всего внимания уделял В. И. Ламанскому — одной из самых крупных фигур отечественного славяноведения XIX в. Ученый являлся «деятельным членом» Славянского благотворительного общества. В университетские годы Пыпин и Ламанский вместе постигали премудрости науки о славянах, и Пыпин в дальнейшем

всегда внимательно следил за его научной и общественной деятельностью, отзываясь в печати на выход новых работ ученого-слависта.

Так, Пыпин дал подробный отзыв на магистерскую диссертацию Ламанского «О славянах в Малой Азии, Африке и в Испании» (СПб., 1859) — «обширный труд на оригинальную и малоизвестную тему» с многочисленными отступлениями в область «политических соображений». Пыпин отмечал, что в Петербурге исследование Ламанского было встречено «холодно», поскольку на каждой странице обнаруживались «славянофильские симпатии». Труд свидетельствовал о знании автором славянских источников, сообщал немало интересных фактов из древней истории, а также поднимал вопросы славянской современности, однако «ученая цель» зачастую скрывалась за «стремлениями пропагандиста». По мнению критика, автор приступил к теме с «готовой точкой зрения», под которую подгонялись результаты работы. Методика исследований также была подчинена поставленной задаче: вместо проверенных доказательств своих мнений, Ламанский применял «совершенно отвлеченные рассуждения, отдаленные аналогии», допускал произвольное толкование «новых фактов». Критически разобрав основные положения труда Ламанского, Пыпин показал несостоятельность доводов автора, желавшего видеть «только блестящие стороны славянской истории» и строившего свои «доказательства» не на действительных исторических фактах, а на догадках и фантазиях. Не без иронии Пыпин замечал, что автором двигало желание «установить на незыблемых основаниях славу славянского племени», в том числе и в Африке, где он предсказывал «славянскому элементу» блестящее будущее. После знакомства с диссертацией Ламанского Пыпин пришел к выводу, что автору «хочется завоевания Малой Азии» и «новых земель» в Африке. В целом, подытоживал Пыпин, сочинение Ламанского, содержащее «множество любопытных данных», в теоретическом плане оказалось совершенно неубедительным, повторяя «те первые увлечения панславизмом, которые уже пройдены самими благоразумными панславистами»¹⁸⁰.

Пыпин подчеркивал, что свои взгляды на славянский вопрос Ламанский унаследовал не от Срезневского, а от славяно-

* В Москве реакция была бы, возможно, иной, поскольку, как считал Пыпин, «славянофильство гораздо крепче утвердилось в Москве».

фильской школы. Славянофильская теория должна была быть проверена и объяснена с помощью фактов, которые и доставляли Ламанский и Гильфердинг (имевшие сходные взгляды, но, как замечал Пыпин, не всегда согласные друг с другом в деталях). После смерти Гильфердинга, Ламанский — «один из лучших в нашей литературе знатоков славянства», по словам Пыпина, остался «главной силой» славянофильского направления. Его «панславянский патриотизм» у одних вызывал симпатии, а другим казался «слишком исключительно русским» и не «пользовался сочувствием» славян, не склонных к подобной «форме панславизма». Воззрения Ламанского (как и Гильфердинга) уже не были похожи на «чувствительный романтизм»¹⁸¹, славянский вопрос не заключался уже в «романтическом культе народности, какой исповедовали первые русские слависты». Этот вопрос включал в себя исторические судьбы славянства, отличительные особенности славянского характера, просвещения, «цивилизации», политические межславянские отношения, от которых зависела «национальная» деятельность всего «племени»¹⁸².

Еще в 1860-х гг. в «Заметке» по поводу записок о славянских землях Ламанского Пыпин излагал славянофильскую точку зрения ученого на перспективы развития славянских народов: славяне нуждаются в поддержке со стороны России, без ее помощи они не могут «существовать, как *нация*»¹⁸³. Ламанскому, подчеркивал Пыпин, не было свойственно «сентиментальное увлечение» литературами малочисленных славянских народов, поскольку «мелкие» литературы способствовали разъединению сил славян в борьбе со сплоченными врагами. Путь, предложенный Я. Колларом, представлялся невыполнимым, отсюда следовало заключение о необходимости *нравственного* объединения славянских сил, усвоении всеми славянами общей «племенной идеи» и использовании единого и доступного для всех органа связи — русского языка как общеславянского литературного языка. Чтобы славянство могло считаться «всемирно-историческим народом», оно должно иметь «богатую литературу и образованность с одним письменным языком», а также «независимое государственное бытие». Он считал, что австрийские славяне — слабы, они никогда не добьются равноправности и не смогут создать независимого государства. Не лучше положение южных славян. Поэтому всем славянам следует принять русский язык, без чего нет смысла говорить о политическом объединении славянства¹⁸⁴.

Пыпин подчеркивал, что с распространением русского языка в славянских землях Ламанский связывал упрощение и облегчение решения различных политических вопросов, а толки об искусственно созданном общеславянском языке считал «величайшими бессмыслицами»¹⁸⁵. Он полагал, что принятие славянами русского языка должно стать их внутренней, нравственной необходимостью, а это возможно только в том случае, если русский язык станет «носителем великих начал любви и свободы», участником «общечеловеческого просвещения»¹⁸⁶ (последнее рассуждение Ламанского по форме было близко к высказываниям самого Пыпина, но они были наполнены разным содержанием). В самой постановке Ламанским вопроса о распространении русского языка Пыпин усматривал славянофильское влияние, поскольку было совершенно очевидно, что достигнуть этого при существовавшем положении в России и славянских землях, даже при огромном желании всех сторон, невозможно¹⁸⁷. Вместе с тем решение польского вопроса Ламанский связывал с распространением в Польше русского языка (что вряд ли могло произойти на добровольной основе) и полным ее политическим слиянием с Россией. И хотя Пыпин не считал, что это — позиция «полонофага», но усматривал в точке зрения Ламанского то же «„обрусение“, только с более широкой идеалистической точки зрения»¹⁸⁸.

Ламанский обобщил свои взгляды на славянство в «теории двух миров»: греко-славянского и романо-германского — различных по религии, общественному устройству, нравственному содержанию и исторически враждебных друг другу. Ученый считал, что славянство должно быть только православным, «иные по вере славяне должны примкнуть» к православию. Пыпин, в корне не согласный с подобным утверждением, отмечал, что на фоне славянофильской исключительности и нетерпимости оригинальные и полезные мысли ученого уже не имели нужного эффекта. Не случайным оказалось и издание Ламанским в 1867 г. книги Л. Штура «Славянство и мир будущего», так как исторический и публицистический трактат о перспективе славянского единства, оцененный Пыпиным как «настоящий панславизм», по мыслям, изложенным в нем, был чрезвычайно близок к воззрениям славянофильской школы и самого Ламанского¹⁸⁹.

Ламанский, как указывал Пыпин, не раз излагал свои взгляды на судьбу славянской идеи, на необходимость изучения сла-

вянства в интересах развития русского самосознания. К этому кругу вопросов относилась и его книга «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871). Вслед за кратким историческим обзором отношений двух миров в ней дан подробный разбор мнений немецких авторов по интересующему вопросу. Анализ их точек зрения привел Ламанского к выводу, что славянство они считали низшей расой — это и определило отношения двух «племен». Пыпин заметил методологическую односторонность труда Ламанского: в нем не были изложены мысли тех немецких ученых, которые «возвысились над грубым племенным инстинктом и имена которых славянская наука вспоминает с признательностью» (И. Г. Гердер, Я. Гримм и др.), а также не были учтены мнения славян о немцах¹⁹⁰. Отсюда сам собой напрашивался вывод о необъективности исследования. Пыпину хотелось бы видеть «больше спокойной критики» в работах Ламанского, в которых нередко «крупное и основное» смешивалось «с мелким и частным», «факт» с «идеалом», из-за чего выводы ученого теряли «силу своей доказательности»¹⁹¹.

Пыпин сожалел, что и второе поколение славистов, как и первое, не подготовило учебников для изучения славянства¹⁹².

Некоторые слависты второго поколения, в свою очередь, тоже явились создателями научных школ. Так, свою школу создал Ламанский. Его ученики — Ф. Ф. Зигель, А. С. Будилович, Ю. С. Анненков, Ф. И. Успенский, Р. Ф. Брандт, К. Я. Грот, М. И. Соколов, Т. Д. Флоринский, П. А. Сырку, И. С. Пальмов и др. — издали в честь учителя сборник своих статей¹⁹³. Пыпин считал, что Ламанский оказал двоякое воздействие на своих учеников: с одной стороны, он передал им приемы научной работы, предполагающие хорошее знание источников и специальной литературы; с другой — привил им свой собственный взгляд на славянский вопрос¹⁹⁴.

Этих ученых Пыпин относил уже к третьему поколению славистов. Не останавливаясь подробно на научном творчестве молодых ученых, он упоминал «лишь о некоторых фактах их деятельности», которой «еще предстоит развиваться в будущем», и «более или менее ценных трудах». Большинство из них бывали в славянских землях, знакомились с историей, языками, бытом славянских народов, имели представление об их положении. Они проводили свои исследования в разных областях славяноведения и в полной мере пользовались славянскими источниками.

Русское славяноведение, по словам Пыпина, быстро расширилось благодаря их трудам. И хотя русская славистика вообще была занята «частными детальными исследованиями», ученый надеялся, что за этим, наконец, последуют труды «общего и руководящего значения»¹⁹⁵.

О профессоре Варшавского университета А. С. Будиловиче Пыпин писал, что ученый предпринял «обширный труд»¹⁹⁶, в котором попытался восстановить картину жизни «первобытного славянства». Кроме того, Будилович был редактором и одним из авторов¹⁹⁷ сборника, посвященного памяти св. Мефодия¹⁹⁸. Профессора Киевского университета Т. Д. Флоринского Пыпин представлял как специалиста по истории южных славян, статьи которого печатались в «Журнале Министерства народного просвещения» и «Известиях» Киевского университета¹⁹⁹. Из наиболее значимых работ Пыпин называл две опубликованные диссертации ученого: «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в.» (СПб., 1882. Вып. 1–2) и «Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков» (Киев, 1888), а также публикацию южнославянских и византийских документов, хранившихся в афонских монастырях²⁰⁰. Вместе с тем Пыпин со всей наглядностью демонстрировал реакционные взгляды Флоринского в вопросе о языке («жаргоне») населения Восточной Галиции, употребление которого киевский ученый считал противоречащим здравому смыслу, что стало причиной отказа в участии галицких ученых на Археологическом съезде в Киеве в 1899 г.²⁰¹

П. А. Сырку Пыпин характеризовал как исследователя в области древней южнославянской истории, письменности, археологии²⁰², который обладал хорошим знанием специальной литературы. Во время путешествия по Болгарии и на Афон ему удалось открыть «замечательные», по определению Пыпина, рукописи²⁰³. Пыпин отметил²⁰⁴ и работы М. И. Соколова об образовании болгарской национальности и принятии болгарами христианства, о памятниках древней славянской письменности²⁰⁵, а также историко-этнографическое исследование К. Я. Грота о сербах и хорватах и его работу из ранней истории славяно-венгерских отношений²⁰⁶.

Кроме представителей школы В. И. Ламанского, Пыпин включал в третье поколение славистов учеников и последователей других ученых. Так, он упоминал занимавшегося историей Чехии В. К. Надлера²⁰⁷, ученика П. А. Лавровского. В рецензии

на его книгу Пыпин подчеркивал, что она является «приятным исключением из... бесполезных и рутинных диссертаций». Он отмечал «толковое и связанное» изложение и использование автором «исторического материала». Однако, по мнению рецензента, ценность книги снижалась из-за славянофильской точки зрения автора, который повторял за «Русской беседой» и «Днем», что неудачи славян были следствием измены «преданьям отцов и народным началам», и считал, что ролью чешского народа по отношению ко всему славянству было «хранить в своей среде идею всеславянского единства» (такой провиденциалистской позиции Пыпин противопоставил необходимость изучения народных идеалов и действий народных масс, с которыми он связывал стремления к преобразованию общественного устройства)²⁰⁸.

О В. В. Качановском, ученике В. В. Макушева, Пыпин отзывался как об авторе «замечательных трудов по славянской этнографии и истории литературы»²⁰⁹, кроме того публиковавшего «обширное собрание» болгарских народных песен²¹⁰ и издававшего периодический сборник «Вестник славянства» (1888–1896).

Третье поколение славистов составляли, по определению Пыпина, «деятели университетского славяноведения»²¹¹.

Рассмотрев научные школы в русском славяноведении и представив научные биографии крупных славистов, Пыпин дал также краткий обзор «состояния нашей славистики по университетам». Он перечислял ученых, преподававших славистические дисциплины, добавлял краткие сведения о тех, кто не был охарактеризован в составе той или иной школы. Этот обзор Пыпин начал с провинциальных университетов и закончил столичными, тем самым как бы показывая, что славяноведение не было только «столичной модой», но успешно развивалось и «на местах». При этом он обращал внимание на труды по славяноведению профессоров не только славянских, но и других кафедр.

Так, в Харькове, отмечал Пыпин, И. И. Срезневского сменили П. А. Лавровский, М. С. Дринов и А. А. Потебня («замечательный филолог, труды которого соприкасаются со славистикой»)²¹².

В Казанском университете²¹³ после В. И. Григоровича преподавали П. А. Ровинский, М. П. Петровский (читал лекции по славянским древностям, языкам и литературам), И. А. Снегирев и В. В. Качановский, а также И. А. Бодуэн де Куртенэ («труды которого, кроме чистой филологии, направлялись и на специальные вопросы славянских наречий»)²¹⁴.

На славянской кафедре Новороссийского университета (Одесса) после В. И. Григоровича и И. В. Ягича работал филолог и историк А. А. Кочубинский²¹⁵. Профессором этого университета был и Ф. И. Успенский — «крупный византист», по оценке Пыпина, занимавшийся также и ранним периодом истории славян²¹⁶. Кафедру истории славянских законодательств в том же университете занимал Б. В. Богишич, известный как составитель свода гражданских законов для Черногории, исследователь южнославянских юридических обычаев, собиратель и издатель народных песен²¹⁷.

В 1869 г. ректором Варшавского университета стал П. А. Лавровский, читавший лекции по сравнительной грамматике славянских и других языков. Там же преподавал А. И. Смирнов, издававший «Филологический вестник»²¹⁸. После П. А. Лавровского преподавание славистических дисциплин, как отмечал Пыпин, стало более специализированным, отдельные предметы вели А. С. Будилович, К. Я. Грот, И. Первольф. Приглашенный в Варшаву Лавровским чешский славист И. Первольф исследовал славянскую историю и взаимные отношения славян²¹⁹ и своей научной деятельностью внес вклад в русское славяноведение²²⁰. Приверженец славянской идеи в ее «русифицированной» версии, Первольф давал не совсем отвечающие реальной ситуации «объяснения современного славянского вопроса», но тем не менее Пыпин оценивал его книгу как «весьма полезный вклад» в изучение истории и ее различных проявлений у разных славянских народов²²¹. Профессор университета, известный польский историк А. И. Павинский читал курс истории балтийских славян и посвятил этой теме свою докторскую диссертацию²²². В начале XX в. ряд славистических курсов в Варшавском университете читал лекции молодой ученый, выпускник этого университета В. А. Францев. Пыпин откликнулся рецензией на его труд о русско-чешских научных связях²²³, отмечая обстоятельность исследования и его ценность для истории как чешского возрождения, так и русского славяноведения²²⁴.

Преемником О. М. Бодянского в Московском университете был лингвист А. Л. Дювернуа²²⁵, занимавшийся не только славянским языкознанием, подготовкой к изданию словаря болгарского языка, но и славянской историей. Пыпин обращал внимание на то, что филологические работы Дювернуа написаны «искусственно-темным языком», который весьма затруднял чтение и

понимание его исследований. По поводу труда Дювернуа из чешской истории²²⁶ Пыпин заметил, что он был осужден за нетрадиционный, «странный исторический взгляд» (работа не была допущена к защите в качестве докторской диссертации)²²⁷. А. Л. Дювернуа на московской славянской кафедре сменил филолог Р. Ф. Брандт, «питомец петербургской школы», автор литературоведческой работы о поэме И. Гундулича «Осман»²²⁸ и ряда «чисто филологических» трудов²²⁹ (которые Пыпин даже не назвал, хотя они являются серьезным вкладом в теоретическое и сравнительное языкознание²³⁰).

Университетскую славистику в Петербурге после И. И. Срезневского продолжали В. И. Ламанский (еще в 1865 г. разделивший с учителем преподавание славяноведения) и И. В. Ягич. Ягича (хорвата по национальности) Пыпин называл «замечательнейшим славистом» в области общеславянской и сербо-хорватской филологии, истории литературы и этнографии. Из трудов Ягича петербургского периода (1880–1886) Пыпин выделил «Источники для истории славянской филологии. Письма Добровского и Копитара в повременном порядке» (1885) — объемное издание с большим предисловием. Пыпин высоко оценивал издаваемый Ягичем в Берлине журнал «Archiv für slavische Philologie», считая это издание «главным органом ученой славистики», необходимым для каждого слависта. В этом журнале Ягич вел «обстоятельную летопись научной литературы по славяноведению». Широта его научных интересов, «обширные знания, ясный критический взгляд и личная неустанная деятельность»²³¹ оказывали, как считал Пыпин, большое влияние на русских коллег²³¹.

Пыпин перечислил не все университеты, в которых преподавались славистические дисциплины и работали ученые, посвящавшие свои труды славянской проблематике, но этот пробел он восполнял тем, что, характеризуя некоторых ученых, упоминал об их преподавательской деятельности в Киевском, Дерптском университетах*, Историко-филологическом институте кн. Безбородко в Нежине, Петербургской духовной академии, Главном педагогическом институте в Петербурге и некоторых других учебных заведениях.

* Так, упоминалось, что А. А. Котляревский преподавал в Дерпте, а затем на славянской кафедре в Киеве, где с 1875 г. вел «полный курс славяноведения и замышлял энциклопедическое обозрение предмета».

В то же время Пыпин отмечал, что интерес к славянству не ограничивался кругом университетских профессоров; он расширялся за счет исследователей, чьи труды касались славистических тем, а также «любителей славянства», не являвшихся профессионалами в этой области²³². Начиная с 1840-х гг., пояснял Пыпин, в научной среде и в обществе усилился интерес к славянской этнографии, к «судьбе целого славянского племени» и роли в нем русского народа. Наряду с учеными-специалистами, славянские земли стали посещать «любопытательные путешественники» (среди них Т. Н. Грановский, Л. А. Кавелин, М. И. Касторский, Е. П. Ковалевский, А. Н. Попов и др.), которые делали затем достоянием публики свои путевые впечатления или исследования²³³, что способствовало, как считал Пыпин, расширению знакомства русского общества со славянским миром²³⁴.

Среди ученых, посвятивших некоторые свои работы славянским темам, Пыпин называл филолога-русиста П. П. Дубровского, написавшего несколько работ по польской литературе, в том числе единственную биографию А. Мицкевича на русском языке²³⁵. Издававшийся им в Варшаве альманах «Денница» (на русском и польском языках) имел целью, по словам Пыпина, сближение русской и польской литератур и иногда печатал материалы по славянской истории и этнографии²³⁶.

Профессор всеобщей истории М. И. Касторский занимался также славянской историей, литературой, этнографией и древностями. В 1839–1842 гг. он преподавал на кафедре славянской филологии Петербургского университета (до П. И. Прейса). Стараюсь прежде всего выявить позитивный вклад каждого ученого в славяноведение, Пыпин не стал упоминать о том, что лекции Касторского не пользовались популярностью и получили в последствии критический отзыв Д. И. Писарева²³⁷. Книгу Касторского «Начертание славянской мифологии»* (СПб., 1841), слабую в научном отношении, Пыпин тем не менее представил как «первый по времени научный опыт» в этой области; он отметил также, что труд отличался «точным подбором фактов», которые были тогда известны²³⁸.

Фольклорист и этнограф П. А. Бессонов, среди учителей которого был О. М. Бодянский, наряду с исследованием русского

* У Пыпина она названа «Очерк славянской мифологии».

фольклора, занимался, как указывал Пыпин²³⁹, изучением и изданием болгарских народных песен, написал биографию Ю. Крижанича²⁴⁰. Публицист, общественный деятель, государственный чиновник С. Н. Палаузов, происходивший из болгарской эмигрантской семьи, избрал объектом научного изучения историю Болгарии, защитил диссертацию на тему «Век болгарского царя Симеона» (1852), изучал также положение болгарского народа в XIX в., борьбу за независимую болгарскую церковь и др. Пыпин напоминал, что кроме этого Палаузов еще публиковал в изданиях Общества истории и древностей материалы, касающиеся исторического прошлого Болгарии²⁴¹.

Пыпин указывал также, что к области славяноведения близко примыкают труды, посвященные древнерусской письменности, которая с самого начала и на протяжении веков была тесно связана с южнославянской (болгарской и сербской) письменностью. Находясь в течение нескольких столетий под османским игом, южнославянские народы утратили древние рукописи. Пыпин отдавал приоритет в «открытии» южнославянской письменности русским ученым, описывавшим и исследовавшим памятники древней русской письменности, в которой обнаруживалась «масса южнославянских произведений», зачастую уже «неизвестных на своей родине»²⁴². Описание рукописных собраний, начатое А. Х. Востоковым, К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым, было продолжено трудами других ученых. Ректор Московской духовной академии А. В. Горский и его ученик К. И. Невоструев в «Описании славянских рукописей Московской синодальной библиотеки» (М., 1855–1869. Отд. 1–3), которое Пыпин назвал «замечательным трудом», наряду с комментариями, дали «важные исследования» о переводе Священного писания на славянский язык. Другой питомец Духовной академии, служивший в архивах МИДа и Министерства юстиции, В. М. Ундольский открыл произведения епископа Климента, ученика Кирилла и Мефодия, собрал коллекцию славянских рукописей и старопечатных книг²⁴³. Библиограф А. Ф. Бычков занимался описанием славянских рукописей петербургской Публичной библиотеки²⁴⁴. Некоторые рукописные коллекции были описаны А. Н. Поповым, ему же принадлежали труды по южнославянской письменности, в частности «Обзор хронографов»²⁴⁵, который, по словам Пыпина, помог ориентироваться в огромном количестве рукописей этого рода²⁴⁶.

По наблюдениям Пыпина, существовала и обратная связь, т. е. через исследование и издание южнославянских источников ученые выходили на памятники древнерусской письменности²⁴⁷, что нашло отражение в многочисленных работах И. И. Срезневского²⁴⁸, О. М. Бодянского²⁴⁹, В. И. Ламанского²⁵⁰, Н. С. Тихонравова²⁵¹ и др.

Пыпин обращал также внимание на то, что распространенное в 1840–1860-х гг. этнографическое изучение русской народности зачастую сопровождалось обращением к славянским источникам, и русские обычаи, мифология, народная поэзия разъяснялись с помощью славянских параллелей, как, например, у Ф. И. Буслаева²⁵² и А. Н. Афанасьева²⁵³. «Изучение славянства, — подчеркивал Пыпин, — чрезвычайно благоприятно действовало и на разработку самой русской этнографии»²⁵⁴ (то же можно сказать и о фольклористике).

Большое значение придавал Пыпин сравнительно-историческому изучению литератур, в частности, русской и других славянских, считая, что такой подход позволит выявить внутреннее и международное значение каждой литературы²⁵⁵. Подобный метод, писал ученый, раскрывает, например, связь русской и южнославянской «старины». Это наглядно продемонстрировал В. Ф. Миллер, исследуя «Слово о полку Игореве»²⁵⁶. Древнерусскому литературному произведению он нашел параллели в древней болгарской литературе²⁵⁷. Используя тот же метод, А. Н. Веселовский²⁵⁸ сравнивал эпосы разных народов, находя в них греческие прототипы, византийские параллели и доказывая «международный» характер «народного» эпоса²⁵⁹.

Сравнительному изучению, как указывал Пыпин, подвергались также историко-правовые источники. В книге московского профессора В. Н. Никольского о наследном праве²⁶⁰ содержится целый трактат о «Суде Любуши», принимавшемся им за подлинник. Непосредственно к исследованию славянского права²⁶¹ обращались такие специалисты, как С. М. Шпилевский²⁶², Ф. И. Ле-

* Пыпин, лично знавший Тихонравова, вспоминая о методах работы ученого, подчеркивал его требования максимальной точности передачи старых памятников, воспроизведения всех возможных списков, сопровождения издания научным комментарием и т. д. (*Пыпин А. Н.* Н. С. Тихонравов и его научная деятельность // Вестник Европы. 1897. № 2. С. 762–763).

онтович²⁶³, М. Ф. Владимирский-Буданов²⁶⁴. В рецензии на книгу И. М. Собестианского²⁶⁵ Пыпин подчеркивал, что свидетельства древних источников, приведенные в ней, убедили автора в не-правильности славянофильской точки зрения относительно самобытности и оригинальности древнеславянского юридического быта. Непредвзятое исследование памятников подтверждает, что ранняя история славян подобна истории других народов. Несмотря на отдельные недостатки книги, Пыпин с удовлетворением выделял в ней «призыв к более трезвому изучению славянской древности и истории»²⁶⁶.

Переводы литературных произведений со славянских языков также примыкали, по мнению Пыпина, к области славяноведения, знакомя читателей с творчеством славянских народов и таким образом расширяя знания о них. Среди переводчиков он называл М. П. Петровского, Н. В. Берга, А. И. Степовича^{*} и др. В то же время Пыпин отмечал, что зачастую переводятся произведения, не отражающие «внутреннее состояние общества»^{**}. Он считал, что было бы лучше перевести вещь, характерную для данной литературы и популярную в ней, сопроводив перевод необходим историко-литературным комментарием, который объяснил бы основные особенности этой литературы²⁶⁷.

Из специалистов в других областях знания Пыпин отмечал историка Н. А. Попова, посвятившего одно из своих исследований внутренней и внешней истории Сербии в XIX в.²⁶⁸, историка церкви Е. Е. Голубинского, проследившего в сравнительном плане историю православных церквей²⁶⁹, дипломата И. С. Ястребова, написавшего «замечательный этнографический труд о малоизвестной Старой Сербии»^{270 ***}, филолога П. А. Лаврова,

^{*} В отзыве о книге А. И. Степовича «Очерк истории чешской литературы» (Киев, 1886) Пыпин отмечал устойчивую приверженность автора к мнению о древнем происхождении Краледворской и Зеленогорской рукописей, несмотря на убедительные доказательства их поддельности (А. В. [Пыпин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1887. № 4. С. 869–870).

^{**} По мнению Пыпина, «изящная» литература славянских народов вообще далека от изображения «реальной общественно-политической жизни», которая лучше выражается в публицистике, имеющей большой общественный интерес, следовательно, она тоже достойна перевода.

^{***} В рецензии на эту работу Пыпин подчеркивал, что автор изучил труднодоступный для исследователей край и, будучи лучшим знатоком

исследовавшего творчество Негоша^{271*}, и многих других авторов, имевших работы по славянской проблематике²⁷².

Среди ученых, изучавших в России славянский мир, были не только русские, но и представители других славянских народов (И. В. Ягич, И. Первольф, А. И. Павинский, М. С. Дринов и др.). Рассуждая о том, что в начале XIX в. русские ученые могли сделать больше для становления в России этой отрасли науки, нежели зарубежные специалисты, Пыпин отмечал, что к концу века, когда «русская славистика установилась собственными силами», окрепла, обрела свои содержание, методы, научные школы, участие в ней славянских ученых можно рассматривать как «благотворное». Соединяясь «в общем деле», русская и славянская науки, не теряя своих особенностей, могли, «дополняя друг друга, расширять горизонт исследований». Сотрудничество в научной области Пыпин считал единственной на тот момент «возможной и дающей нравственное удовлетворение» формой сближения славян²⁷³.

К концу XIX в. русское славяноведение уже имело не только солидный запас научных исследований, но и собственную историю. Сам выступая в роли историка науки, Пыпин не мог пройти мимо других историко-научных работ. В этой области он отмечал труды П. А. Лавровского, А. А. Майкова, А. А. Котляревского, А. А. Кочубинского и др.²⁷⁴.

Естественно, Пыпин не мог дать оценку своим многочисленным славистическим работам, в том числе обобщающим трудам по истории славянских литератур, которые в ряде случаев опережали исследования собственных литератур некоторыми славянскими народами. «Обзор истории славянских литератур» и «История славянских литератур» получили немало положительных откликов от славянских ученых, называвших имя Пыпина

этой земли, описал ее обычаи и песни (с сохранением местных говоров) (А. П. [Пыпин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1886. № 8. С. 895–897).

* Откликаясь на эту работу, Пыпин замечал, что автор собрал много неизвестных ранее материалов и придал своему труду «характер архивного исследования», хотя, по мнению рецензента, лучше было бы дать иллюстрируемый документами «исторический рассказ» о Черногории, о личности и деятельности Петра II Петровича Негоша (А. В. [Пыпин А. Н.] Литературное обозрение. 1887. № 4. С. 872–873).

среди наиболее видных славистов. Сербский ученый Ст. Новакович отмечал, что обозрение всех славянских литератур дано Пыпиным «в соответствии с требованиями современной науки», оно вызвало «большой интерес в русской литературе... и не меньший в литературах других славянских народов», став необходимым пособием каждого, кто занимался славистикой²⁷⁵.

Само перечисление Пыпиным тех, кто внес свой вклад в славяноведение на протяжении XIX в., очень показательно: оно свидетельствует о том, как развивалась эта наука, как расширились ее горизонты, выросли научные кадры, дифференцировались направления исследований. Нетрудно заметить, что начальный этап научного славяноведения Пыпин описывал и анализировал более подробно, чем последующие. Третий, по его классификации, этап развития науки он не мог еще оценить в полной мере, и в этой части обзор сводится почти к библиографическому описанию с небольшими пояснениями. Пыпину важно было дать общую картину развития науки, показать распространение «славянских интересов» в научной среде, и это ему удалось.

На основании анализа состояния русского славяноведения Пыпин констатировал неравномерность изучения славянских народов. Научная литература о славянах была представлена работами или слишком общего, или слишком узкого характера. Определенный «перекос» проявлялся и в тематике исследований — предпочтение отдавалось отдаленному прошлому. К современности было иное отношение: «В среде ученых специалистов выработалось даже как будто намеренное пренебрежение к тому, что может в данную минуту заинтересовать большую массу публики: обратиться к подобному вопросу считается как бы унижительным для специальной науки»²⁷⁶. Судьбам различных народов также уделялось неодинаковое внимание: больше других «повезло» чехам, значительно хуже (по объективным условиям) были изучены южные славяне, а в отношении Польши русская научная литература была, по выражению Пыпина, «очень скудна» (освещались лишь отдельные эпизоды польской истории, причем — тенденциозно, в стиле «ожесточенных филиппик», не объяснявших суть польского вопроса и не отражавших иных точек зрения на него)²⁷⁷. Ученый постоянно обращал внимание на необходимость исправления такого положения.

Пыпин неоднократно подчеркивал, что в «арсенале» русского славяноведения не хватает сводных работ. Такое положение

наблюдалось в те годы, когда он только начинал свою научную деятельность в середине XIX в., и почти таким же осталось к концу столетия. В 1880 г. Пыпин указывал, что «обобщения в науке не менее необходимы, чем первоначальная разработка материала»²⁷⁸. В начале 1890-х гг. он снова писал: «Отсутствие общих сочинений... бросается в глаза». Из-за этого отдельные хорошие работы остаются «оазисами в пустыне», частными «эпизодами», не примыкающими «к чему-нибудь целому» (как правило, это были опубликованные диссертационные работы, носившие «следы» той школы, учеником которой являлся автор)²⁷⁹.

В то же время Пыпин наблюдал и обратное явление, когда «обстоятельные» обзорные работы (как, например, история польской литературы, написанная В. Д. Спасовичем в их совместном труде по истории славянских литератур) не получают дальнейшей «детальной разработки». Отсутствовали серьезные исследования об А. Мицкевиче — «колоссальном явлении польской литературы», и другие «первостепенные явления» той же литературы оставались совершенно неизвестными — несколько «отрывочных работ» В. В. Макушева еще очевиднее показывали недостаточность знаний в этой области²⁸⁰.

Пыпин обращал внимание на то, что специальной научной славистической периодики в России в XIX в. не было, и славяноведческие исследования помещались в изданиях Академии наук (в частности, в «Известиях» и сборниках Отделения русского языка и словесности), общественно-литературных журналах, научных сборниках. С 1880-х гг. и «Известия» Славянского благотворительного общества наряду с «библиографическими сообщениями» о славянских изданиях и корреспонденциями из славянских земель стали печатать «статьи о славянских предметах наших славистов и любителей»²⁸¹ *.

Важную роль в деле изучения славянских народов Пыпин отводил экспедиционной работе. Начало, можно считать, было положено научными путешествиями первых славистов. Во второй половине 1870-х гг. Пыпин, отстаивая необходимость ис-

* В конце 1870-х гг. Пыпин, подчеркивая славянофильскую направленность деятельности славянских комитетов, критиковал их за то, что их издания не давали читателям сведений о славянской этнографии и истории, о существующем политическом положении славянства (*Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 118–119).

следования Болгарии и других южнославянских земель, предлагал организацию комплексной экспедиции, которая занималась бы изучением археологических памятников, памятников письменности, языка, народной поэзии, народных обычаев, этнического состава населения и т. п.²⁸²

Успешное развитие науки требовало объединения усилий ученых. Пыпин придавал большое значение такой форме координации научной работы, как всероссийские и международные съезды ученых. По его мнению, на таких форумах, периодически созываемых и заранее организуемых, происходил бы обмен информацией о новых разработках, рассматривались определенные проблемы, ставились новые исследовательские задачи, а ученые испытывали бы чувство солидарности. В качестве примера подобного съезда Пыпин приводил Археологический съезд 1899 г. в Киеве, в работе которого, наряду с российскими специалистами, приняли участие известные славянские ученые. Среди поднимавшихся на съезде вопросов преобладала славянская тематика, что позволило Пыпину рассматривать этот съезд как вариант славянского научного съезда²⁸³. Не удивительно, что ученый принял участие в подготовке и работе съезда славистов, проходившего в Петербурге в 1903 г.

Славяноведение и знания о славянах в обществе. Давая обзор развития отечественного славяноведения, Пыпин хотел показать не только заметные достижения в этой области науки, но и поставить вопрос о соотношении научной славистики с распространением знаний о славянстве в обществе, с общественным мнением относительно судеб славянских народов. Славянство не входило в «собственные идеальные и практические стремления русского общества», поскольку, пояснял Пыпин, интерес к нему не затрагивал насущных вопросов, стоявших перед русским обществом; «политическая сторона славянского вопроса была слишком загадочна и далека» и для ее выяснения «всегда недоставало необходимого простора». К тому же «славянолюбие» традиционно связывалось с ретроградными тенденциями²⁸⁴. Поэтому интерес в обществе к славянам, утверждал Пыпин, возникал ситуативно: во время славянского съезда в Москве в 1867 г., в период балканских событий второй половины 1870-х гг. — и проходил по окончании вызвавшего его события. В другие периоды общество оставалось почти безучастным к славянам.

Во время балканского кризиса и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. за освобождение южных славян русское общество почти ничего не знало о положении сербского и болгарского народов, и в русской литературе — в том числе и научной — сведения о них были отрывочными и случайными. Мало кто из русских ученых посещал южнославянские земли. В специальной записке, составленной Пыпиным еще до русско-турецкой войны и не потерявшей значения после нее, ученый подчеркивал важность разностороннего изучения Болгарии, Старой Сербии, Герцеговины и Боснии, что было бы существенной «услугой» южным славянам и в то же время затрагивало бы интересы русской науки, «русского общества и даже государства». Подобная работа была бы ценна и для межславянских отношений²⁸⁵. Однако в начале 1890-х гг. в рецензии на книгу К. Иречка * «Das Fürstenthum Bulgarien» (1891) Пыпин с сожалением констатировал, что русское славяноведение с 1870-х гг. «не произвело ничего подобного трудам Иречка **: болгары для нашей науки как будто интересны только в XII-м столетии!» Между тем изучение положения Болгарии, освобожденной Россией, помогло бы понять причины возникшей конфронтации двух стран. Для этого нужно беспристрастное изучение фактов, большая свобода обсуждения итогов научной работы и «более широкое содержание научных интересов нашего славяноведения, кроме археологического „гелертерства“ или ученых фантазий, в какие оно всего чаще попеременно впадает»²⁸⁶. Только на рубеже веков вышла книга Н. Р. Овсяного²⁸⁷, в которой даны краткие географические, статистические, этнографические данные, «обстоятельный сжатый обзор прошлого и, главное, современного состояния Болгарии», сведения о ее науке, литературе, искусстве, вооруженных силах и т. п. (с приложением очерка о Македонии и текстов Сан-Стефанского и Берлинского договоров). Пыпин назвал эту работу «первым цельным руководством» для знакомства с Болгарией²⁸⁸.

* К. Иречек — автор известного труда «История болгар» («Geschichte der Bulgaren». Prag, 1876; в русском переводе — Одесса, 1878). После освобождения Болгарии Иречек был приглашен туда на службу в Министерство народного просвещения.

** В русской историографии Пыпин отметил лишь один пример похожего труда — «сочинение П. А. Ровинского о маленькой Черногории».

Обратив внимание на название «роковых событий» в среде славянства Австро-Венгерской империи в начале XX в., Пыпин замечал, что в такой ситуации следовало бы ожидать от ученых появления серьезных трудов о политическом положении славянских народов, если русскому обществу не безразлична их судьба²⁸⁹.

Равнодушие русского общества к славянам являлось, по мнению Пыпина, следствием недостатка сведений о них, в чем он видел определенную вину славяноведов. Ученый вынужден был признать, что наука стоит далеко от вопросов о судьбах славянства. Значительные успехи русского славяноведения все же не столь масштабны, чтобы можно было говорить о наличии «славянского сознания» в русском обществе²⁹⁰. Славяноведение, утверждал он, «приносит большую научную пользу», но при этом оно «остается специальностью небольшого круга ученых людей»²⁹¹.

В 1830–1850-е гг. в условиях отсутствия «настоящей политической жизни» славяноведение было наполнено «мечтательным романтизмом»²⁹². Но в дальнейшем события в славянских землях заставили русских славистов отказаться от романтических взглядов, и многие из них взяли на вооружение славянофильскую теорию о необходимости объединения слабых славянских народов с сильной Россией.

Пыпин отмечал большое влияние славянской идеи на науку, на творчество нескольких поколений славистов. Поскольку эта идея в известной интерпретации в основном одухотворяла научную и публицистическую деятельность ученых славянофильской ориентации, то и их славяноведческие исследования носили характерные черты славянофильских воззрений. Это позволяет говорить если не о преобладании, то о значительном распространении славянофильской школы в русском славяноведении²⁹³. Вследствие этого сама наука о славянах в русском обществе, как правило, связывалась со славянофильством, и Пыпин также иногда оценивал ее как преимущественно «славянофильскую», хотя указывал на наличие в ней других точек зрения. «Общераспространенный взгляд славянолюбцев до сих пор полагает как будто, что другой точки зрения в русском обществе и совсем не существует, но для беспристрастного наблюдателя очевидно, что она сохраняет всю силу и по настоящую минуту». Пыпин имел в виду либеральную точку зрения на судьбы славянства, которая находила отражение и в научных работах, но далеко не всегда имела возможность «высказаться во всем объеме»²⁹⁴.

По мнению Пыпина, ученый «есть также и член своего общества, его гражданин», и может служить обществу результатами своих научных исследований. Он высказывал пожелание, чтобы молодые ученые не ограничивались «кабинетными исследованиями», а изучали быт славянских народов и их взаимные отношения²⁹⁵. Пыпин с сожалением отмечал, что зачастую деятельность ученых ограничивается двумя диссертациями, и в дальнейшем они останавливаются на «собрании материалов» и «приготовлении» крупного исследования или лекционного курса²⁹⁶. Он упрекал ученых в том, что они углубились в узкоспециальные филологические и исторические исследования, ограничив круг интересов «одной древностью», почти не затрагивая в своих изысканиях проблемы славянства нового времени. Пыпин писал, что «темы выбираются поближе к XI–XII-му веку, чем к XVIII и XIX-му, и темы последнего рода у иных считаются даже мало научными»²⁹⁷. Он недоумевал, почему «„строгая наука“ — в истории — должна быть относима не ближе, как лет за тысячу назад». К области «истории», утверждал он, принадлежат не только события далекого прошлого, но и «ближайшего к нам времени», и современные события²⁹⁸ (таким образом, он отстаивал право на существование новейшей истории). Ученый не отрицал, что темы, посвященные отдаленным историческим периодам, «необходимы в общем счете науки», но этого недостаточно — нужны книги о славянстве XIX в.

Пыпин допускал, что в научной среде могут возникнуть возражения относительно приемлемости «современных» тем для научных исследований (ему эти темы представлялись наиболее ценными, так как обратившийся к ним автор «сливается с эпохой») ²⁹⁹. Славяноведческая литература не состоит «из одних академических сочинений». Пыпин утверждал, что в публицистических статьях некоторые ученые затрагивали самые разнообразные аспекты славянского вопроса, которые вполне могли бы стать объектом «систематической научной работы»³⁰⁰. Однако судьбы славянства в XIX в., сетовал Пыпин, оставались в основном «предметом публицистики»³⁰¹. В таком случае пуб-

* Впрочем, научное изучение славянства и публицистический подход к славянскому вопросу были характерны примерно для одного и того же круга специалистов, но вне этого круга, отмечал Пыпин, царило равнодушие и даже предубеждение против славянского вопроса.

лицистика должна была бы опираться на беспристрастные и обстоятельные книги, в которых русская научная литература как раз испытывала недостаток. Славистическая историография, по наблюдениям Пыпина, отличалась «не столько обилием исследований, сколько массой издаваемого вновь материала, за которым не поспевает историческая разработка»³⁰². Это были очень важные и ценные источники, но они, как правило, помогали освещать историческое прошлое народов, иногда — весьма отдаленное. Вместо отечественных трудов приходилось пользоваться хорошими или плохими переводами иностранных книг, а также воспоминаниями россиян о заграничных путешествиях, которые не давали цельного впечатления об описываемых славянских землях и происходивших там событиях³⁰³.

Неизбежно вставал вопрос о документальной базе исследований, посвященных положению славянства в текущий период. На сетования одного автора по поводу того, что МИД России не публикует нужные документы, а за границей печатаются тенденциозные материалы, Пыпин отвечал, что не совсем справедливо предъявлять претензии МИДу, поскольку суть дела — в государственной системе. В других странах дипломатические документы публикуются «вследствие требований их политического строя, а не из любезности к историкам» (притом печатаются не все материалы). Российское правительство тоже издает основные документы, однако они остаются невостребованными в русском обществе вследствие «неразвитости политической жизни»³⁰⁴.

Именно «недостатки» общественно-политической системы, нехватка знания условий существования славян приводили, как подчеркивал Пыпин, к неумению оценивать запутанный «славянский вопрос». Поэтому рассуждения о славянстве зачастую сводились к «идеалистическим пожеланиям», при отсутствии «реальной программы» политических взаимоотношений³⁰⁵. Россия могла привлечь к себе славян, а могла и оттолкнуть из-за недостаточного знания и понимания их проблем. Учитывая это, Пыпин полагал, что «элементарной потребностью» должно стать «внимательное и беспристрастное исследование тех исторических отношений, какими создается современное настроение племен и обществ». Один из главных путей лучшего узнавания славянских народов (помимо непосредственных контактов) Пыпин видел в их «историческом изучении», которое должно сопровождаться развитием «беспристрастной, т. е. истинно ис-

торической критики», которая разъяснила бы «славянскому, и в том числе русскому, ученому миру и обществу истинные интересы славянства»³⁰⁶. Это нужно, считал ученый, не только для удовлетворения научного интереса, но и в целях безопасности («из побуждений осмотрительности»), и для справедливого отношения к родственным народам (например, полякам)³⁰⁷.

Труды по славяноведению, по мнению Пыпина, могли бы дать основу для знакомства со славянским миром и содействовать русско-славянским связям. Для этого нужно развивать славянские изучения, поднимать их научный и «содержательный» уровень. Он считал, что этот путь еще «далеко не исчерпан». К тому же русские ученые могли бы оказать научную помощь славянским коллегам, так как порой они имеют лучшие условия для изучения славянских народов, чем сами эти народы (например, болгары)³⁰⁸. В конце XIX в. Пыпин вынужден был заметить, что все еще продолжалось «взаимное незнакомство» славянских народов, хотя в их научном изучении были сделаны существенные шаги. По мнению ученого, для исправления этого положения было бы желательно, чтобы исторические исследования были направлены «на самые существенные вопросы» жизни славянства, на всестороннее изучение «фактов новейшей истории»³⁰⁹.

Придавая большое значение литературе (художественной, публицистической и научной) в жизни общества, Пыпин был убежден, что при отсутствии других возможностей она является едва ли не единственным средством выражения и воспитания общественного мнения и способна поднимать и разъяснять самые острые проблемы³¹⁰. В связи с этим он ставил вопрос о популяризации научных, в частности, славяноведческих знаний, отмечая, что научные исследования зачастую совершенно недоступны обыкновенному читателю: их язык, изобилующий «мудреными цитатами», понятен только узким специалистам. Таким образом, научная литература «обособляется в отдельную область, отгороженную от профанов», т. е. громадного большинства читателей. И хотя результаты, представленные в подобных научных трудах, в конце концов все же становятся известными и занимают свое место в общей сокровищнице знаний, но «гораздо медленнее и слабее, чем это могло бы быть при большем внимании ученого люда к образовательным интересам их соотечественников»³¹¹.

Пыпин попытался разобраться, почему славяноведение оказалось такой «закрытой» наукой. «Исключительный характер» славистических исследований на начальном этапе, считал он, был неизбежен — делались только первые шаги в этой области, не было знаний и специалистов. Но позже, когда наука окрепла и появились подготовленные научные кадры, славяноведы могли бы расширить круг читателей, несколько изменив стиль изложения³¹². Другую причину, повлиявшую на характер научных работ, Пыпин усматривал в цензурных ограничениях — ученые считали неприличным вести борьбу с цензурным ведомством, как это делала периодическая печать. Поэтому они старались обойти «острые углы», прикрываясь «более или менее лицемерной ссылкой на „достоинство науки“», которая будто бы не должна «вмешиваться в эфемерные интересы дня»³¹³. Ученый вынужден был констатировать неприятный для отечественной науки факт: ей «остаётся просто недоступен тот широкий горизонт, какой обнимает современная наука европейская» (даже по числу специалистов российская наука уступала западной).

В тот период получил распространение позитивистский подход к научным исследованиям, и Пыпин точно уловил и описал это явление: «удаление от широких задач истинной науки», погоня за «специализацией», что приводит к «измельчанию» научных сил, утрате интереса и способности к аналитическим выводам и широким обобщениям под тем предлогом, «что материал для них еще недостаточно приготовлен», хотя очевидно, что процесс накопления фактических данных и документальных свидетельств бесконечен³¹⁴.

Пыпин полагал, что ученым необходимо преодолеть боязнь широких вопросов науки, внешних трудностей и несравненно большей работы, которую потребует постановка крупных задач. При этом он сознавал, что дело не может ограничиться одной «доброй волей» деятелей науки — многое зависит от состояния и распространения образования и научных знаний в обществе³¹⁵.

* * *

А. Н. Пыпин дал первое систематическое изложение истории изучения славянства в России, начиная от времен Несто-

ра-летописца и доведя его до конца XIX в. Ученый проследил процесс накопления сведений о славянских народах, показав, каковы были знания русских людей о славянстве в древние времена, отметил возникновение практического интереса к нему в XVIII в., определил степень изученности славянского мира в науке того времени — т. е. осветил предысторию славяноведения. Он выявил также факторы, способствовавшие становлению славяноведения в XIX в., подробно осветил собственно научный этап развития отечественной славистики, уделив большое внимание характеристике состояния славяноведения во второй половине столетия. Развитие этой науки Пыпин тесно связывал с общественной мыслью и общественным движением в России и с национально-политическими процессами, происходившими в славянском мире. Он обратил внимание на общественную значимость славяноведения.

Отметив влияние славянской идеи на славяноведение, Пыпин показал произошедшую в этой науке под воздействием общественной мысли замену общеславянской идеи национально-мессианской русской идеей во взглядах определенной части славистов второго поколения, передавших эстафету третьему поколению ученых. При этом Пыпин замечал, что сами ученые, будучи в основном «людьми убежденными и искренними идеалистами», невольно способствовали своими исследованиями развитию теорий «людей совсем иного сорта»³¹⁶.

В историко-научных работах Пыпин высказывал прогрессивные и гуманистические идеи, его труды посвящены «систематическому осмыслению истории славянских изучений в России», он фактически явился «создателем первой по времени и по глубине постановки общей концепции истории отечественной славистики»³¹⁷. Пыпин подвел определенный научный итог состоянию отечественного славяноведения к концу XIX в., подчеркивая в то же время, что процесс развития научных знаний в этой области не завершен.

Из обзора истории русской славистики Пыпина вытекает, что первые профессора-слависты преподавали славяноведение как комплексную дисциплину, несмотря на филологический «уклон» в названии кафедр. С течением времени оно превратилось в науку, вобравшую в себя комплекс дисциплин, дифференциация которых, как показал Пыпин, продолжалась. Несмотря на усиление специализации славистических исследова-

ний, ученый всегда рассматривал славяноведение как целостную область знания, имеющую единый предмет. Утверждению взгляда на предмет славяноведения во многом способствовали историко-научные труды самого Пыпина, наряду с некоторыми работами других ученых. В них отчетливо вырисовывались контуры предмета славяноведения — изучение «внероссийского» славянства, и таким образом намечалась и утверждалась самостоятельность славяноведения по отношению к отечествоведению, хотя в то же время ученым были обозначены и смежные, «пограничные» области исследований.

Рамки славяноведения ученый понимал довольно широко, включая в него изучение всех периодов существования славянства (от древности до современности), ряд научных дисциплин, разнообразную проблематику, различные по жанру и форме подачи материала работы, способствовавшие знакомству со славянским миром.

Пыпин объективно показал и ощутимый прогресс науки о славянах, и ее недостатки, в том числе в методологическом плане. В целом он очень высоко оценивал достижения славяноведения, которое на протяжении XIX в. получило заметное развитие, заняв достойное место в европейском славяноведении.

Сам Пыпин внес большой вклад в историю науки, которую он широко представил в своих историографических работах. Излагая историю русского славяноведения, он приводил биографические данные о многих ученых, библиографические сведения об их трудах, а в ряде случаев — и литературу о славистах, что, при отсутствии специальных словарей и энциклопедий, долгое время составляло самостоятельную ценность. Не акцентируя, как правило, внимания на общественно-политической ориентации славистов, Пыпин прежде всего подчеркивал научную значимость их трудов.

В трудах Пыпина поставлены важные вопросы периодизации истории славистики, рассмотрены характерные особенности этапов ее развития, организация исследований, научные кадры и др. Ученый предложил «схему» изложения истории славяноведения, в которой нашли отражение периоды развития науки, «поколения» исследователей, научные школы, учебные центры, выдающиеся ученые и их труды, широкий диапазон тематики исследований и углубление научной специализации. Из-за обилия материала ему не всегда удавалось выдержать четкую сис-

тематизацию сведений. Не все направления исследований, не все труды ученых были отмечены, что, впрочем, вряд ли возможно сделать в обзорной работе, да автор и не ставил перед собой такую цель. Он в очередной раз доказал реальность и продуктивность написания сводных работ, которые могут быть детализированы в конкретных исследованиях.

Славяноведение традиционно считалось филологической наукой, и Пыпин не опровергал это мнение³¹⁸. Но в обзоре истории славяноведения (даже при характеристике начального этапа, когда действительно преобладали филологические исследования) он особое внимание обращал на освещение в научной литературе происхождения, истории, общественного уклада, политического положения, взаимоотношений славянских народов. Ученый показывал, как увеличивалось количество исторических исследований, как расширялись их тематические и хронологические рамки, усиливалась специализация (нисколько не умаляя при этом значения разработок в области филологии). Особое внимание Пыпина к исторической составляющей славяноведения не случайно, оно объясняется тем, что исторические труды наряду с историко-литературными, историко-правовыми, этнографическими и другими работами давали возможность представить истинное положение славянских народов в социальном, политическом, национальном, религиозном, культурном отношениях, в то время как многие лингвистические работы казались имеющими гораздо более специальное значение. Своими исследованиями по истории науки Пыпин дал основание для пересмотра мнения о преимущественно филологическом характере славяноведения XIX в.

Славяноведению Пыпин придавал большое значение в деле просвещения и образования, в деле знакомства русского общества со славянским миром и славянским вопросом. В своих историко-научных работах он выступил как прекрасный популяризатор славяноведения. Изучая историю отечественного славяноведения XIX в., невозможно не обращаться к трудам А. Н. Пыпина. В настоящее время некоторые явления науки позапрошлого столетия представляются несколько в ином свете, но, анализируя их, современные исследователи не могут не учитывать точку зрения выдающегося ученого — непосредственного наблюдателя и активного участника процесса развития славяноведения в России.

Примечания

- ¹ *Пытин А. Н.* Из истории панславизма // Вестник Европы. 1893. № 9. С. 267.
- ² *Пытин А. Н.* Литературный панславизм // Вестник Европы. 1879. № 8. С. 718.
- ³ *А. П. [Пытин А. Н.]* Взаимные отношения в славянстве. По поводу болгарских дел // Вестник Европы. 1878. № 6. С. 759.
- ⁴ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 8. С. 717.
- ⁵ *А. П. [Пытин А. Н.]* Взаимные отношения в славянстве... С. 759.
- ⁶ *Пытин А. Н.* Из истории панславизма. № 9. С. 267.
- ⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. XVI.
- ⁸ *Пытин А. Н.* Из истории панславизма. № 9. С. 267.
- ⁹ См.: *Аксенова Е. П.* А. Н. Пыпин о развитии славяноведения в России // Славяноведение. 2004. № 6. С. 3–18.
- ¹⁰ *Барсков Я. Л.* Список трудов академика А. Н. Пыпина. 1853–1903. СПб., 1903.
- ¹¹ Вестник Европы. 1889. № 4. С. 584–625; № 5. С. 169–213; № 6. С. 625–664.
- ¹² Вестник Европы. 1889. № 7. С. 238–274; № 8. С. 683–728; № 9. С. 257–305.
- ¹³ *Кочубинский А. А.* Начальные годы русского славяноведения. Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев. Одесса, 1887–1888; *Он же.* Итоги славянской и русской филологии. Одесса, 1882; *Срезневский И. И.* Обзор научных трудов А. Х. Востокова. 1865; *Ягич И. В.* Источники для истории славянской филологии. СПб., 1885; и др.
- ¹⁴ *Пытин А. Н.* Обзор русских изучений славянства // Вестник Европы. 1889. № 4. С. 584–585.
- ¹⁵ Там же. С. 587.
- ¹⁶ Там же. 588–590, 592.
- ¹⁷ Там же. С. 593–594.
- ¹⁸ Там же. С. 599, 602.
- ¹⁹ Там же. С. 596, 603.
- ²⁰ Там же. № 5. С. 169–170, 172–173, 175, 186.
- ²¹ Издано Н. А. Поповым в: Атеней. 1859. № 7–8.
- ²² См.: *Копиевич И.* Введение краткое во всякую историю. Амстердам. 1699.
- ²³ *Пытин А. Н.* Обзор русских изучений славянства. № 5. С. 189–192.
- ²⁴ Там же. С. 192–194, 196, 200–203.
- ²⁵ Там же. С. 203–204.
- ²⁶ М., 1768–1848. Кн. 1–5.
- ²⁷ Пыпин А. Н. Обзор русских изучений славянства. № 5. С. 205–206, 208–209.

- ²⁸ Ломоносов М. В. Древняя российская история. СПб., 1766.
- ²⁹ Пытин А. Н. Обзор русских изучений славянства. № 5. С. 211–212.
- ³⁰ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. 1.
- ³¹ Пытин А. Н. Обзор русских изучений славянства. № 5. С. 209.
- ³² Тредиаковский В. К. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. СПб., 1773.
- ³³ Сумароков А. П. О происхождении российского народа // Сумароков А. П. Сочинения. М., 1782. Т. 10. С. 120–134.
- ³⁴ Пытин А. Н. Обзор русских изучений славянства. № 5. С. 210–211.
- ³⁵ Там же. С. 212–213.
- ³⁶ Пытин А. Н. Обзор русских изучений славянства. № 6. С. 644–648.
- ³⁷ Там же. С. 649.
- ³⁸ Чулков М. Д. Краткий мифологический лексикон. СПб., 1767; Попов М. И. Описание древнего славянского языческого баснословия. СПб., 1868; Он же. Славянские древности или приключения славенских князей. СПб., 1770–1771. Ч. 1–3.
- ³⁹ Пытин А. Н. Обзор русских изучений славянства. № 6. С. 651–653.
- ⁴⁰ Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы / Под ред. П. С. Палласа. СПб., 1786–1787. Т. 1–4; Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1790–1791. Т. 1–2.
- ⁴¹ Пытин А. Н. Обзор русских изучений славянства. № 6. С. 655, 657–658.
- ⁴² Пытин А. Н. Русская наука и национальный вопрос в XVIII-м веке // Вестник Европы. 1884. № 5. С. 220, 230, 235; № 6. С. 571–572.
- ⁴³ Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 292.
- ⁴⁴ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 7. С. 272.
- ⁴⁵ А. П. [Пытин А. Н.] Взаимные отношения в славянстве... С. 758.
- ⁴⁶ Пытин А. Н. Новые данные о славянских делах // Вестник Европы. 1893. № 7. С. 282.
- ⁴⁷ Там же. С. 282–284.
- ⁴⁸ А. В-нь [Пытин А. Н.] Приемы исторической работы // Вестник Европы. 1893. № 1. С. 261; Пытин А. Н. Обзор русских изучений славянства. № 6. С. 664; Он же. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 7. С. 240–241.
- ⁴⁹ Бантыш-Каменский Д. Н. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810.
- ⁵⁰ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 7. С. 241–244, 247.
- ⁵¹ Лубяновский Ф. П. Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах. СПб., 1805. Ч. 1–3.

- ⁵² *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 7. С. 244–245.
- ⁵³ *Броневский В. Б.* Записки морского офицера. СПб., 1818–1819. Ч. 1–4; *Он же.* Письма морского офицера. М., 1825–1826. Ч. 1–2; *Он же.* Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 году. М., 1828. Ч. 1–2.
- ⁵⁴ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 7. С. 246, 251–266.
- ⁵⁵ *Львов П.* Храм славы российских ироев от времен Гостомысла до царствования Романовых. СПб., 1803. К книге присоединена «Картина славянской древности».
- ⁵⁶ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 7. С. 266–267.
- ⁵⁷ *Kayssarow A.* Versuch einer slavischen Mythologie. Göttingen, 1804.
- ⁵⁸ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 7. С. 269–271.
- ⁵⁹ Там же. С. 272.
- ⁶⁰ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1816–1829. Т. 1–12. Пытин указывал, что Карамзин основывался на тех сведениях, которые «он правильно считал наиболее компетентными» (*Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 684).
- ⁶¹ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 7. С. 272–273.
- ⁶² Там же. С. 273–274.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. № 8. С. 686.
- ⁶⁵ Там же. С. 687–688.
- ⁶⁶ Там же. С. 688.
- ⁶⁷ Там же. С. 688–689.
- ⁶⁸ Там же. С. 690–692.
- ⁶⁹ Там же. С. 691–692.
- ⁷⁰ *Калайдович К. Ф.* Иоанн, ексарх болгарский. М., 1824.
- ⁷¹ *Востоков А. Х.* Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам // Труды ОЛРС. 1820. Ч. 17.
- ⁷² *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 694.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ *Пытин А. Н.* Новые данные о славянских делах. № 6. С. 742.
- ⁷⁵ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 7. С. 274.
- ⁷⁶ Там же. № 8. С. 697–699.
- ⁷⁷ См.: Славяноведение в дореволюционной России... С. 17–28, 41–45; *Аксенова Е. П.* Славяноведение в Академии наук: краткий очерк. К 275-летию Российской Академии наук // Славяноведение. 2000. № 1. С. 3–13.
- ⁷⁸ *Пытин А. Н.* Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) // Вестник Европы. 1880. № 3. С. 454.
- ⁷⁹ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 701–703.

- ⁸⁰ Там же. С. 700–701, 704.
- ⁸¹ Там же. С. 704, 708–709.
- ⁸² Там же. С. 709.
- ⁸³ Венелин Ю. И. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1929–1941. Т. 1–2.
- ⁸⁴ Пытин А. Н. Новые данные о славянских делах. № 6. С. 742–743.
- ⁸⁵ [Пытин А. Н.] Историко-критические изыскания Юрия Венелина. Издание Ивана Мольнара. Москва. 1856 // Современник. 1856. № 10. С. 79.
- ⁸⁶ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 710.
- ⁸⁷ Там же; Пытин А. Н. Литературный панславизм. № 8. С. 714.
- ⁸⁸ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 258.
- ⁸⁹ Мыльников А. С. Становление истории славяноведения в России // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 127.
- ⁹⁰ Пытин А. Н. Обзор русских изучений славянства. № 6. С. 664; Он же. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 7. С. 272; № 9. С. 264.
- ⁹¹ Пытин А. Н. Обзор русских изучений славянства. № 6. С. 664; Он же. Изучения русской народности. Историко-литературный обзор // Вестник Европы. 1882. № 4. С. 751.
- ⁹² Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 711–712; Он же. Измаил Иванович Срезневский. С. 448.
- ⁹³ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 712–714.
- ⁹⁴ Там же. С. 718; Пытин А. Н. Литературный панславизм. № 8. С. 714–715.
- ⁹⁵ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 715.
- ⁹⁶ Там же. С. 714.
- ⁹⁷ Там же. С. 715–716; Пытин А. Н. Новые данные о славянских делах. № 7. С. 286, 290, 307, 311.
- ⁹⁸ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 716–717; Он же. Измаил Иванович Срезневский. С. 448–450; Он же. Новые данные о славянских делах. № 7. С. 316.
- ⁹⁹ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 719; Он же. Измаил Иванович Срезневский. С. 450–451.
- ¹⁰⁰ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 720.
- ¹⁰¹ Там же. № 9. С. 279–280.
- ¹⁰² Там же. № 8. С. 718; Пытин А. Н. Измаил Иванович Срезневский. С. 451, 453, 455.
- ¹⁰³ Пытин А. Н. Новые данные о славянских делах. № 7. С. 317.
- ¹⁰⁴ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 719.
- ¹⁰⁵ А. П. [Пытин А. Н.] В. И. Григорович // Вестник Европы. 1872. № 2. С. 892.

- ¹⁰⁶ Казань, 1843. Ч. 1. Эта часть затрагивала только древний период.
- ¹⁰⁷ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 721.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 722.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 725.
- ¹¹⁰ *Пытин А. Н.* Новые славянские исследования // Современник. 1860. № 4. С. 323.
- ¹¹¹ *Пытин А. Н.* В. И. Григорович. С. 893; *Он же.* Новые данные о славянских делах. № 8. С. 759.
- ¹¹² *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 723.
- ¹¹³ *Пытин А. Н.* В. И. Григорович. С. 893; *Он же.* Новые данные о славянских делах. № 8. С. 763, 771–772.
- ¹¹⁴ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 723.
- ¹¹⁵ Там же. С. 724–726; *А. В-нь [Пытин А. Н.]* О. М. Бодянский // Вестник Европы. 1877. № 10. С. 902.
- ¹¹⁶ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 726–727; *Он же.* Новые данные о славянских делах. № 7. С. 311.
- ¹¹⁷ *Пытин А. Н.* Измаил Иванович Срезневский. С. 452.
- ¹¹⁸ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 8. С. 716; *Он же.* Новые данные о славянских делах. № 7. С. 311.
- ¹¹⁹ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм. № 8. С. 716–717, 719; *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. IX–X; *А. В-нь [Пытин А. Н.]* О. М. Бодянский. С. 904.
- ¹²⁰ *А. А. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1879. № 2. С. 772.
- ¹²¹ *А. В-нь [Пытин А. Н.]* О. М. Бодянский. С. 903; *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 728; № 9. С. 260–261, 281.
- ¹²² *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 8. С. 728; № 9. С. 297.
- ¹²³ См.: Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835–1861). М., 1879–1880. Вып. 1–3.
- ¹²⁴ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 257–258; *Он же.* Новые данные о славянских делах. № 6. С. 717, 759; *Он же.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 90–91; *А. А. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1880. № 6. С. 728.
- ¹²⁵ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. VIII; *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 259.
- ¹²⁶ *Попов А. Н.* Путешествие в Черногорию. СПб., 1847; *Ковалевский Е. П.* Четыре месяца в Черногории. СПб., 1841.
- ¹²⁷ *Пытин А.* Николай Иванович Костомаров. 1817–1885 // Вестник Европы. 1885. № 5. С. 418.
- ¹²⁸ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 259; *Он же.* Изучения русской народности // Вестник Европы. 1882. № 4.

С. 752; А. А. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1879. № 10. С. 777.

¹²⁹ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 281.

¹³⁰ Там же. С. 261–262.

¹³¹ Там же. С. 287.

¹³² А. В-нь [Пытин А. Н.] Приемы исторической работы. С. 292.

¹³³ Пытин А. Н. Новые славянские исследования. С. 309.

¹³⁴ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 264.

¹³⁵ Там же. С. 261.

¹³⁶ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 890.

¹³⁷ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 261.

¹³⁸ Там же. С. 292.

¹³⁹ Кочубинский А. А. К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий. Одесса, 1877–1878; Он же. Мы и они. Очерки истории и политики славян. Одесса, 1878; Он же. Итоги славянской и русской филологии. Одесса, 1882.

¹⁴⁰ Кочубинский А. А. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887–1888.

¹⁴¹ Дринов М. С. Южные славяне и Византия в X веке. М., 1876.

¹⁴² Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 290;

Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 125;

Пытин А. Болгария и болгары // Вестник Европы. 1878. № 3. С. 316;

А. П. [Пытин А. Н.] Старая и новая Болгария // Вестник Европы. 1877. № 5. С. 289, 307.

¹⁴³ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 273.

¹⁴⁴ Там же. С. 273–274.

¹⁴⁵ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. X; Пытин А. Н. Литературный панславизм. № 8. С. 719.

¹⁴⁶ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 264, 266.

¹⁴⁷ Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. М., 1855. Т. 1; Он же. Письма об истории сербов и болгар. СПб., 1856.

¹⁴⁸ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 264–265.

¹⁴⁹ [Пытин А. Н.] [Рец. на кн.:] Босния, Герцеговина и Старая Сербия. Сборник, составленный А. Гильфердингом. СПб., 1860 // Современник. 1860. № 3. С. 121, 130. Оценку трудов А. Ф. Гильфердинга см. также:

Пытин А. Н. Александр Федорович Гильфердинг // Вестник Европы. 1872. № 8.

¹⁵⁰ Гильфердинг А. Ф. Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. СПб., 1862.

¹⁵¹ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 265;

Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 103.

- ¹⁵² *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 265–266.
- ¹⁵³ Там же. С. 266.
- ¹⁵⁴ *Гильфердинг А. Ф.* Древнейший период истории славян // Вестник Европы. 1868. № 7, 9.
- ¹⁵⁵ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. X.
- ¹⁵⁶ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 267.
- ¹⁵⁷ *Соколов А. И.* Краледворская рукопись и Суд Любуши // Ученые записки Казанского университета. 1845. Кн. 4; 1846. Кн. 1.
- ¹⁵⁸ *Петровский М. П.* Материалы для славянской диалектологии // Ученые записки Казанского университета. 1866. Кн. 4–5; 1867. Кн. 11.
- ¹⁵⁹ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 291.
- ¹⁶⁰ *Смирнов А. И.* Обзор славянских литератур. Лекции В. И. Григоровича, читанные им студентам IV курса Новороссийского университета в 1868/9 акад. г. Воронеж, 1880.
- ¹⁶¹ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 262, 291.
- ¹⁶² *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1888–1915. Т. 1–3.
- ¹⁶³ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 262.
- ¹⁶⁴ *Лавровский П. А.* Коренное значение в названиях родства у славян // Записки Академии наук. 1867. Т. 12. Кн. 2; *Он же.* Замечания об этимологических особенностях старинного языка польского // Ученые записки Академии наук, 2 отд. 1858. Кн. 4.
- ¹⁶⁵ *Лавровский П. А.* Кирилл и Мефодий как православные проповедники у западных славян. Харьков, 1863; *Он же.* Падение Чехии в XVII веке. М., 1868; *Он же.* Исследование о мифических верованиях у славян в «облако» и «дождь» // Ученые записки Академии наук, 2 отд. 1862. Кн. 7. Вып. 2; *Он же.* Черногория и Черногорцы // Беседа. 1871. Кн. 11; и др.
- ¹⁶⁶ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 268–269.
- ¹⁶⁷ *Миллер О. Ф.* Славянство и Европа. Статьи и речи 1865–1877 гг. СПб., 1877.
- ¹⁶⁸ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 262.
- ¹⁶⁹ *Пытин А. Н.* Орест Федорович Миллер // Вестник Европы. 1889. № 7. С. 440–441; *Он же.* Несколько слов о «народных началах» и о «цивилизации» // Современник. 1865. № 6. С. 149.
- ¹⁷⁰ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 262.
- ¹⁷¹ *Бильбасов В. А.* Кирилл и Мефодий. СПб., 1868–1871. Ч. 1–2.
- ¹⁷² *Макушев В. В.* Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузскою республикою. М., 1865.
- ¹⁷³ *Макушев В. В.* Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб., 1867.
- ¹⁷⁴ *Макушев В. В.* Самозванец Степан Малый. 1870; *Он же.* Болгария под турецким владычеством, преимущественно в XVI и XVII веке //

Журнал Министерства народного просвещения. 1872. № 10; *Он же*. Восточный вопрос в XVI и XVII столетиях. Варшава, 1876; *Он же*. Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века. Варшава, 1871; и др.

¹⁷⁵ *Макушев В. В.* Исторические памятники южных и соседних им народов, извлеченные из итальянских архивов и библиотек. Варшава, 1874; *Monuments historiques des Slaves meridionaux*. Белград, 1882.

¹⁷⁶ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 269–271.

¹⁷⁷ Там же. С. 271.

¹⁷⁸ *Макушев В. В.* О некоторых памятниках старо-чешской письменности, открытых А. О. Патерою. Варшава, 1883; *Он же*. Забытый польский поэт. Киев, 1878; и др.

¹⁷⁹ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 271–272.

¹⁸⁰ Там же. С. 280, 285; *Пытин А. Н.* Новые славянские исследования. С. 309–322.

¹⁸¹ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 279, 281; *Он же*. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 11. С. 282–283; *Он же*. Литературный панславизм. № 8. С. 720.

¹⁸² *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 280–281.

¹⁸³ Современник. 1864. № 4. С. 190.

¹⁸⁴ См.: *Ламанский В. И.* Из записок о славянских землях. СПб., 1864; *Он же*. Чтения о славянской истории в С.-Петербургском университете. СПб., 1867. Об этом см.: *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 281–283; *Он же*. Литературный панславизм. № 8. С. 720.

¹⁸⁵ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 283–284.

¹⁸⁶ *Ламанский В. И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб., 1865. С. 92.

¹⁸⁷ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 11. С. 284.

¹⁸⁸ Там же. С. 283.

¹⁸⁹ Там же. С. 285.

¹⁹⁰ Там же. С. 286–287.

¹⁹¹ Там же. С. 295.

¹⁹² А. А. [*Пытин А. Н.*] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1880. № 6. С. 732.

¹⁹³ Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883.

¹⁹⁴ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 263, 288–289.

¹⁹⁵ Там же. С. 263, 289; А. А. [*Пытин А. Н.*] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1880. № 6. С. 732.

- ¹⁹⁶ Будилович А. С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Киев, 1878–1882. Ч. 1. Вып. 1–2; Ч. 2. Вып. 1 (работа не закончена).
- ¹⁹⁷ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 289.
- ¹⁹⁸ Мефодиевский юбилейный сборник. Варшава, 1885.
- ¹⁹⁹ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 289–290.
- ²⁰⁰ Флоринский Т. Д. Афонские акты и фотографические снимки с них в собраниях П. И. Севастьянова // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. 1880. Ч. 5.
- ²⁰¹ Т. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1899. № 11. С. 398.
- ²⁰² Сырку П. А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1890; Он же. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1898.
- ²⁰³ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 290.
- ²⁰⁴ Там же.
- ²⁰⁵ Соколов М. И. Из древней истории болгар. СПб., 1879; Он же. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. М., 1888–1891. Вып. 1–3.
- ²⁰⁶ Грот К. Я. Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на Балканском полуострове. СПб., 1880; Он же. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб., 1881.
- ²⁰⁷ Надлер В. К. Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе в конце XIV и начале XV века. Харьков, 1864.
- ²⁰⁸ [Пытин А. Н.] [Рец. на кн.:] Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и западной Европе в конце XIV и начале XV века. Сочинение кандидата-педагога В. Надлера. Харьков. 1864 // Современник. 1864. № 7. С. 41, 43, 45.
- ²⁰⁹ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 291–292.
- ²¹⁰ Качановский В. В. Неизданный дубровницкий поэт Антон-Марин Глегович. СПб., 1882; Он же. Памятники болгарского народного творчества. СПб., 1882. Вып. 1.
- ²¹¹ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 263.
- ²¹² Там же. С. 291.
- ²¹³ Там же. С. 291–292.
- ²¹⁴ Бодуэн де Куртенэ И. А. О древнепольском языке до XIV ст. 1870; Он же. Опыт фонетики резьянских говоров. 1875.
- ²¹⁵ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 292.
- ²¹⁶ Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на Северо-Западе. СПб., 1872; Он же. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879.
- ²¹⁷ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 292; А. А. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1879. № 7. С. 373.

- ²¹⁸ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 262.
- ²¹⁹ *Перволюф И.* Германизация балтийских славян. СПб., 1876; *Он же.* Славяне, их взаимные отношения и связи. Варшава. 1886–1893. Т. 1–3.
- ²²⁰ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 293.
- ²²¹ *А. В. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1888. № 9. С. 403.
- ²²² *Павинский А.* Полабские славяне. СПб., 1871.
- ²²³ *Францев В. А.* Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902.
- ²²⁴ *А. П. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1902. № 11. С. 382, 384.
- ²²⁵ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 262.
- ²²⁶ *Дювернуа А. Л.* Станислав Зноемский и Ян Гус. М., 1871.
- ²²⁷ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 293.
- ²²⁸ *Брандт Р. Ф.* Историко-литературный разбор поэмы Ивана Гундулича «Осман» // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. 1879. Т. 4. Вып. 1.
- ²²⁹ *Брандт Р. Ф.* Начертание славянской акцентологии. СПб., 1881; *Он же.* Грамматические заметки. 1886.
- ²³⁰ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 293.
- ²³¹ Там же. С. 294–295.
- ²³² Там же. С. 263–264.
- ²³³ Напр.: *Грановский Т. Н.* Волин, Иомсбург и Винета. М., 1845; [*Кавелин Л. А.*] Историческое описание Сербской царской лавры Хиландаря и ее отношения к царствам Сербскому и Русскому. М., 1868; и др.
- ²³⁴ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 296–297.
- ²³⁵ См., например: *Дубровский П. П.* Иоахим Лелевель и его ученая деятельность // Отечественные записки. 1859. № 2; *Он же.* Адам Мицкевич. СПб., 1859.
- ²³⁶ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 275.
- ²³⁷ См.: *Писарев Д. И.* Наша университетская наука // *Писарев Д. И.* Сочинения. Изд. 2-е. СПб., 1871. Ч. 5. С. 13–14.
- ²³⁸ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 276.
- ²³⁹ Там же. С. 291.
- ²⁴⁰ *Бессонов П. А.* Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар. М., 1855. Вып. 1–2; *Он же.* Католический священник серб (хорват) Юрий Крижанич, Неблужский, Явканица, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке (По вновь открытым сведениям об нем). М., 1870. Т. 1–3.
- ²⁴¹ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 276.
- ²⁴² Там же. С. 277.

- ²⁴³ См. посмертное издание: *Ундольский В. М.* Очерк славяно-русской библиографии. М., 1871.
- ²⁴⁴ *Бычков А. Ф.* Описание славянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки. СПб., 1878–1880. Вып. 1–2.
- ²⁴⁵ *Попов А. Н.* Библиографические материалы. М., 1879–1902. Вып. 1–21 (Вып. 2–7. Обзор хронографов. М., 1880).
- ²⁴⁶ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 278.
- ²⁴⁷ Там же. С. 279.
- ²⁴⁸ *Срезневский И. И.* Древние памятники письма и языка юго-западных славян (IX–XII вв.). СПб., 1865; *Он же.* Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы. СПб., 1866; *Он же.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867–1881. Т. 1–13; *Он же.* Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка. СПб., 1868.
- ²⁴⁹ См. источники о жизни и деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия, опубликованные О. М. Бодянским в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1863. Кн. 2; 1864. Кн. 2; 1865. Кн. 1–2; 1866. Кн. 2; 1873. Кн. 1).
- ²⁵⁰ *Ламанский В. И.* О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене с филологическими и историческими примечаниями. СПб., 1864.
- ²⁵¹ *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 1–2.
- ²⁵² *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1–2.
- ²⁵³ *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865–1869. Т. 1–3.
- ²⁵⁴ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 297; *Он же.* История русской этнографии. СПб., 1890. Т. 1. С. 32.
- ²⁵⁵ *Пытин А. Н.* О сравнительно-историческом изучении русской литературы // Вестник Европы. 1875. № 10. С. 676.
- ²⁵⁶ *Миллер В.* Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877.
- ²⁵⁷ *А. П.* [*Пытин А. Н.*] Старая и новая Болгария. С. 308–309.
- ²⁵⁸ *Веселовский А. Н.* Южнорусские былины. СПб., 1884.
- ²⁵⁹ *Пытин А. Н.* Новые разыскания в народно-поэтической старине // Вестник Европы. 1886. № 12. С. 815, 825.
- ²⁶⁰ *Никольский В. Н.* О началах наследования в древнейшем русском праве. М., 1859.
- ²⁶¹ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 297.
- ²⁶² *Шпилевский С. М.* Союз родственной защиты у древних германцев и славян. Казань, 1866; *Он же.* Семейные власти у древних славян и германцев. Казань, 1869.

- ²⁶³ *Леонтович Ф. И.* Древнее хорватско-далматинское законодательство. Одесса, 1868.
- ²⁶⁴ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Неизданные законы юго-западных славян // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. № 3.
- ²⁶⁵ *Собестянский И. М.* Учение о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Историко-критическое исследование. Харьков, 1892.
- ²⁶⁶ *А. В. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1892. № 6. С. 847, 850–854.
- ²⁶⁷ *А. П. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1888. № 10. С. 844–845.
- ²⁶⁸ *Попов Н. А.* Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г. М., 1869.
- ²⁶⁹ *Голубинский Е. Е.* Краткий очерк истории православных церквей: болгарской, сербской и румынской или молдо-валашской. М., 1871.
- ²⁷⁰ *Ястребов И. С.* Обычаи и песни турецких сербов (в Призрене, Ипеке, Мораве и Дибре). Из путевых записок. СПб., 1886.
- ²⁷¹ *Лавров П. А.* Петр II Петрович Негош, владыка Черногорский, и его литературная деятельность. М., 1887.
- ²⁷² *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 298–299.
- ²⁷³ Там же. С. 296.
- ²⁷⁴ *Лавровский П. А.* O úspechu slavistiky v Rusku // ČMČ. 1860. Вып. 2; *Майков А. А.* О славяноведении в России // «Беседы» ОЛРС. 1868. Вып. 2. С. 11–19; *Котляревский А. А.* Úspěchy slavistiky na Rusi v poslední době (1860–1872) // ČMČ. 1874. Вып. 1–3 и отд. Praha, 1874; *Он же.* Обзор успехов славяноведения за последние три года 1873–1876 // Киевские университетские известия. 1876. № 7. С. 284–303; *Кочубинский А. А.* Итоги славянской и русской филологии. Одесса, 1882; *Он же.* Начальные годы русского славяноведения. Адмирал Шишкова и канцлер гр. Румянцев. Одесса, 1887–1888.
- ²⁷⁵ Цит. по: *Данченко С. И.* Русско-сербские общественные связи (70–80-е годы XIX в.) М., 1989. С. 135.
- ²⁷⁶ *Пытин А. Н.* Казимир Бродзинский // Вестник Европы. 1891. № 10. С. 738, 740.
- ²⁷⁷ *А. В. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1892. № 4. С. 874.
- ²⁷⁸ *Пытин А. Н.* Исмаил Иванович Срезневский. С. 455.
- ²⁷⁹ *Пытин А. Н.* Казимир Бродзинский. С. 736–737.
- ²⁸⁰ Там же. С. 737–738.
- ²⁸¹ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 299.
- ²⁸² *Пытин А. Н.* Предположения об историко-этнографическом изучении южнославянских земель, особенно Болгарии (1876 г.). СПб., [1880]. С. 7–8.

- ²⁸³ Т. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1899. № 11. С. 394, 398.
- ²⁸⁴ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 301–302.
- ²⁸⁵ Пытин А. Н. Предположения об историко-этнографическом изучении южнославянских земель, особенно Болгарии (1876 г.). С. 2, 7, 11.
- ²⁸⁶ Пытин А. Н. Новая книга о Болгарии // Вестник Европы. 1891. № 11. С. 327.
- ²⁸⁷ Овсяный Н. Болгария и болгары. СПб., 1900.
- ²⁸⁸ А. П. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1901. № 3. С. 395.
- ²⁸⁹ Т. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1901. № 4. С. 840.
- ²⁹⁰ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 299; А. П. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1886. № 8. С. 895.
- ²⁹¹ Т. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1901. № 1. С. 406.
- ²⁹² Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 300.
- ²⁹³ Там же. № 9. С. 300–301.
- ²⁹⁴ Там же. С. 305.
- ²⁹⁵ А. А. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1879. № 10. С. 776–777.
- ²⁹⁶ Там же. С. 771.
- ²⁹⁷ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 301–303; Он же. Казимир Бродзинский. С. 740.
- ²⁹⁸ А. А. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1879. № 10. С. 775–776.
- ²⁹⁹ А. В-нь [Пытин А. Н.] Приемы исторической работы. С. 283.
- ³⁰⁰ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 303.
- ³⁰¹ Там же. С. 305.
- ³⁰² А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1885. № 3. С. 435.
- ³⁰³ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 304.
- ³⁰⁴ А. П. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1888. № 5. С. 375–376.
- ³⁰⁵ Пытин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 304–305.
- ³⁰⁶ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 137; Т. 2. С. 1120.
- ³⁰⁷ Пытин А. Н. Казимир Бродзинский. С. 738.
- ³⁰⁸ А. А. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1879. № 10. С. 778–779.
- ³⁰⁹ Пытин А. Н. Казимир Бродзинский. С. 738; А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1892. № 4. С. 875.

³¹⁰ *Пытин А. Н.* Казимир Бродзинский. С. 739.

³¹¹ Там же. С. 740.

³¹² Там же. С. 740–741.

³¹³ Там же. С. 741.

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Там же. С. 742.

³¹⁶ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 301.

³¹⁷ Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. С. 291; *Мыльников А. С.* Становление истории славяноведения в России. С. 122.

³¹⁸ *Пытин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии. № 9. С. 303.

Глава 5

Проблемы этнического развития украинцев и белорусов

Общие сведения. Изучение белорусов и украинцев в XIX в. не входило непосредственно в круг проблем, рассматриваемых славяноведением, хотя и тесно примыкало к ним. Исследование этих народов велось в связи с разработками отечественной, т. е. общероссийской истории, этнографии, языка, литературы, культуры и т. п. Однако национальные процессы, характерные для развития белорусского и украинского народов, были во многом схожи с национальными процессами, происходившими у западнославянских и южнославянских народов, и составляли, наряду с польским вопросом, проблему для внутренней политики России. Аналогичность процессов национального пробуждения украинцев и белорусов и внероссийского славянства позволила А. Н. Пыпину рассматривать национальную идеологию и национальное движение восточнославянских подданных Российской империи наравне со славянским возрождением¹.

Пыпин был современником и свидетелем роста национального самосознания украинского и белорусского народов, и ряд трудов специально посвятил данной тематике: наряду со статьями и соответствующими разделами в «Истории славянских литератур», это большие самостоятельные части в «Истории русской этнографии». Русское общественное мнение на протяжении XIX в. имело очень ограниченные возможности для открытого обсуждения положения украинского и белорусского народов. Наибольшие трудности в этом отношении испытывали представители русской либеральной, демократической, а также украинской и белорусской общественности. Высказаться по национальному вопросу легче было в отзывах на печатные издания, касавшиеся украинской и белорусской тематики. И Пыпин зачастую прибегал именно к такому «историографическому» приему. Представляя различные мнения в области изучения Украины и Белоруссии, ученый не всегда указывал свою точку зрения, но она, как правило, угадывалась между строк. Отношение Пыпина к украинскому и белорусскому народам (как и к славянству вообще) сформировалось еще в период студенчества и в

начале его научной деятельности (см. введение) и с годами не претерпело каких-либо существенных изменений, что неоднократно подтверждалось в его работах².

Пыпин предупреждал читателя, что не видит необходимости оспаривать различные «мнения» и «теории», касающиеся «народной жизни и народности», считая это занятие «неблагодарным» и «бесплодным» (хотя признавал, что раньше критиковал «известные учения», за что получал упреки с разных сторон)³. После данного замечания следовало бы ожидать простого изложения накопленных в изучаемой области данных, но Пыпин не останавливается на этом, анализируя имеющиеся у него факты и представляя различные точки зрения. Заявленное автором намерение ни с кем не спорить, никому не возражать не было осуществлено им. В целом труды Пыпина вполне определенно раскрывают его взгляды на проблемы развития украинского и белорусского народов.

В русской общественной мысли и науке XIX в. было весьма популярно представление о триединой русской нации, о «собирании русских земель» и воссоединении «русского племени», что оправдывало разделы Речи Посполитой и давало основание для утверждения о целостности Российской империи. Включая русских, белорусов и украинцев в единую этническую общность, проект «большой русской нации» акцентировал внимание на чертах, объединяющих эти народы, и относил различия между ними к несущественным местным особенностям. Отрицалась возможность идентификации украинцев и белорусов как самостоятельных общностей⁴ — в лучшем случае их считали западнорусами, и никакие проявления их самобытности, приписывавшиеся польскому влиянию, не поощрялись. «Формирование украинской и белорусской наций происходило в условиях острейшего русско-польского противоборства, наложившего видимый отпечаток на характер и темпы этого процесса»⁵.

Проект «большой русской нации», обладавший прежде всего политической направленностью, имел значение и для развития культуры, был воспринят обществом и многими учеными. На том этапе развития науки концепция отражала уровень этнического самосознания восточных славян и возможную перспективу его эволюции. Тезис о триединстве ветвей восточного славянства стимулировал работу историков, этнографов филологов и других исследователей⁶.

Признавая, что белорусский и малорусский народы входят вместе с великорусским в одно «племя», Пыпин в то же время не сомневался в этнической индивидуальности каждого из них⁷. В общей классификации славянских народов Пыпин отнес к восточной ветви славянства *русских*, которые подразделяются на великорусов, малорусов и белорусов⁸, имеющих свой язык и другие национальные признаки. На это обстоятельство важно обратить внимание, так как в различных работах Пыпин, употребляя термин «русские», имел в виду «племенную» совокупность трех народов⁹. В XIX в. такое содержание вкладывалось в этноним «русские» многими историками, этнографами, филологами, в том числе и славистами. Вместе с тем и у Пыпина, и у других исследователей наряду с указанным расширительным толкованием понятия «русские» часто встречалось и употребление его в качестве обозначения только «великорусского» народа. Следовательно, в каждом случае необходимо учитывать определенный контекст, в который помещено это слово.

Общность восточнославянских народов определялась, по словам ученого, единством племен, язык, быт и «поэтические создания» которых, несмотря на долгое разъединение и исторически сформировавшиеся черты различия, «сберегли много общих основ»¹⁰.

Национальные процессы в среде украинского и белорусского населения Российской империи Пыпин рассматривал в общем контексте национального подъема и национальных движений славянских народов. Он выявил наличие типологического сходства складывания украинской и белорусской наций со славянским национальным возрождением. В основе последнего лежало стремление к достижению независимости «внутренней жизни» каждого народа и «созданию своей самобытной культуры»¹¹. Пыпин обращал внимание на то, что украинский и белорусский национальный подъем проходил те же этапы в своем развитии, что и возрождение других славянских народов.

Более медленно протекавшее национальное становление белорусского народа Пыпин объяснял, в частности, тем, что Белоруссия дольше, чем Украина, оставалась «в сфере польского культурного господства»¹². Разные стадии формирования наций нашли выражение и в степени самостоятельности национальной культуры — в первую очередь национального языка. Характерно, что Пыпин, признавая отдельность украинского и белорус-

ского языков от русского, в помещенной в «Истории славянских литератур» схеме славянских языков назвал украинский «языком», а белорусский — «наречием», поскольку к тому времени из белорусских говоров еще не сформировался литературный язык, что отличало белорусскую языковую ситуацию от украинской¹³.

Несмотря на общую направленность национальных процессов, Пыпин считал, что необходимо понимание «разнообразия явлений», имеющих место даже «в одном племенном типе», в данном случае — у восточных славян. Ученый подчеркивал, что уже «при первом появлении в истории» русское племя не являлось «одной сплошной национальной массой». В дальнейшем политическая история способствовала еще большему разделению племен, составивших основу великорусского, малорусского и белорусского народов, после отделения западной и юго-западной Руси от восточной и присоединения в результате личной, затем — «церковной, политической и культурной» унии к западному (польскому) миру¹⁴. Эти части Руси, «связанные с Литвой и Польшей, жили в иных условиях», воздействовавших на формирование национального типа (в первую очередь отмечалось влияние «полонизма» и «католицизма»)¹⁵. Такое разъединение вело к ослаблению «русского мира». Оказавшись в различных обстоятельствах, «зародыши племенной индивидуальности, которые могли бы стереться в общении с другими частями своего собственного родного целого, теперь начинают развиваться отдельно»; они определили те черты, которые составили основу трех «отраслей русского племени». Формирование этих народностей, напоминал Пыпин, «шло почти параллельно». Вместе с тем ученый подчеркивал «важность юго-западной школы для всего хода общерусского просвещения»¹⁶.

Пыпин отмечал, что украинское и белорусское население испытывало различные притеснения со стороны высших польских сословий и самого государства, которое, по мнению ученого, должно обеспечивать благосостояние и развитие общества, удовлетворение его потребностей в свободе совести, справедливом отношении ко всем подданным «без различия племен, сословного положения и пр.». Однако польско-литовское государство было лишено этих «лучших сторон государственной деятельности» и не признавало равноправия своих граждан¹⁷. Думается, что в рассуждениях об обязанностях государства перед своими гражданами, Пыпин прозрачно намекал и на российское государство,

политика которого сдерживала национально-культурное развитие многих народов. Любовь к своему языку и обычаям, утверждал ученый, естественна для любого народа, и если не подавлять это чувство, то не возникнет никаких межэтнических конфликтов. В основе любви к большому «отечеству», писал он, лежит любовь к «малой родине», поэтому, «когда родина чувствует себя спокойной, свободной, обеспеченной в государственном и общенациональном отечестве, между двумя чувствами не может быть никакого разлада и противоречия...»¹⁸.

Условия, в которых проходило становление украинской и белорусской наций, с одной стороны, сходны с теми, в которых осуществлялось формирование других славянских наций — процессы протекали в рамках многонациональных империй. С другой стороны, для украинцев и белорусов, несмотря на наличие различий, искореняемых властями, это было не инациональное, а «одноплеменное» государство. Национальное движение украинского и белорусского народов, как у других славянских народов, было, по определению Пыпина, характерным признаком времени, «явлением историческим и необходимым», имевшим глубокие основы, отражением «пробуждения народного чувства»¹⁹.

Начало национального пробуждения украинцев и белорусов совпало по времени с присоединением части украинских и белорусских территорий к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. Высказываясь против насильственных действий в отношении Польши, Пыпин также считал, что Россия должна была участвовать в освобождении только «того русского населения, которое чувствовало нарушенными свои народные и религиозные права», не навязывая «благodeяния» тем территориям, которые не стремились к соединению с Россией²⁰. Не соглашаясь с теми, кто утверждал, что Россия участвовала в разделах ради освобождения от польского гнета украинцев и белорусов, Пыпин подчеркивал, что лишь по «географической причине» ей отошла часть земель, «населенная русским племенем»; по той же причине Австрия «получила два, три миллиона русского населения, совершенно однородного с жителями Волыни и Подолья!», и оставшегося вне «освободительных планов» России²¹. «Таким образом, воссоединение русских земель, — продолжал Пыпин, раскрывая истинные цели разделов, — имело, по преимуществу, характер

политический», далекий от «национального слияния». В XVIII в. о народных правах никто не думал, и под прикрытием «религиозного вопроса» решались иные задачи — «уничтожение беспокойного соседа и увеличение государственной территории»²². Тем не менее это не мешало Пыпину считать воссоединение восточнославянских народов «естественным» и находить в нем положительный фактор их дальнейшего развития и укрепления мощи государства²³.

В конце XVIII — начале XIX в., как отмечал Пыпин, правительство России не видело «ущерба» в сохранении известной малорусской и белорусской «особности», выражавшейся в языке, обычаях, народной поэзии, исторических преданиях и т. п. Но с 60-х гг. XIX в. национальные процессы на Украине и в Белоруссии протекали в условиях проведения обрусительной политики. Присоединение к сильному одноплеменному государству, где действовала система централизованного управления, облегчало ассимиляцию и приводило, по выражению Пыпина, к «врастанию» украинских и белорусских национальных кадров в русскую среду — они пополняли ряды российских землевладельцев, военных, государственных служащих, литераторов, ученых и др. Развитие данной тенденции вело, по мнению ученого, к тому, что национальные элементы могли «окончательно слиться с господствующей народностью и затеряться в ней», утратив свои национальные отличия²⁴.

Но денационализации не произошло — процесс национального развития оказался сильнее. Он «подогревался», по словам Пыпина, романтизмом, относительным «политическим либерализмом» царствования Александра I, «отголосками славянского возрождения и влияниями немецкой историко-философской науки». Однако стремление к познанию своего народа, его происхождения, истории и культуры «лежало в глубоких основаниях самой внутренней жизни народности», т. е. процесс становления нации был естественным и закономерным²⁵.

В областях, принадлежавших до конца XVIII в. Польше, довольно долгое время и после разделов украинское и белорусское население продолжало испытывать, как указывал Пыпин, значительное польское влияние, которое находило то или иное отражение в национальном движении — преимущественно же как фактор, способствовавший повышению национального самосознания.

В процессе формирования украинской и белорусской наций (как и других славянских наций) Пыпин выделял несколько этапов. На раннем этапе, в конце XVIII — начале XIX в., главной особенностью и основной чертой, по его мнению, был рост национального самосознания. В дальнейшем, в 1830-х гг., дополнительный импульс ему дало начавшееся литературное движение, отмеченное «ревнивым стремлением народности заявить свою отдельность и право на независимое культурное развитие»²⁶. Носители украинской и белорусской идентичности, как и другие деятели славянского возрождения, в научных исследованиях и литературных произведениях обращались к древней истории своих народов, ее героическим моментам, изучали народный быт, обычаи, предания, народное творчество, язык. Литературно-научная деятельность помогла глубже узнать свой народ и повысить самосознание общества.

Следующий очень важный этап в судьбе украинской и белорусской наций Пыпин относил к 1860-м гг. — времени реформ и определенной либерализации общественной жизни, когда вставали вопросы не только «этнографические», но и связанные с политическим и социальным положением украинского и белорусского народов²⁷. Однако эти вопросы в указанный период, согласно Пыпину, украинскому и белорусскому национальным движениям не удалось поднять на должную высоту.

Процесс формирования каждой нации, отмечал Пыпин, сопровождался созданием литературы на родном языке — украинцы и белорусы не были исключением в этом отношении. Пыпин считал, что литература любого народа может из «частной» стать общепризнанной, если не ограничится узконациональной тематикой, а будет «проводником общечеловеческого чувства и идеала»²⁸. Белорусский и украинский «местный патриотизм» не выдуманное, а исторически обусловленное явление, в котором много «искренней любви к народу»²⁹. В то же время он резко отрицательно относился к «патриотизму», проповедующему национальную исключительность, ксенофобию.

После подавления польского восстания 1863 г. во внутренней политике России стали проявляться «реакционные тенденции»; «обручительные» мероприятия охватили не только собственно польские территории, но коснулись также украинских и белорусских земель, где присутствовал польский элемент. Внедрение «русских начал» и восстановление «русской народности»

в западных губерниях империи проводились, по словам Пыпина, людьми «известного консервативного оттенка», готовыми искоренять наряду с «польскими началами» также белорусские и украинские, отличные от великорусских³⁰. Российская государственная машина являлась тормозом становления наций. Враждебное отношение к «местным элементам», утверждал Пыпин, умаляет «достоинство самой господствующей народности»³¹.

Не исключая теоретически возможности слияния трех близкородственных народов, Пыпин подчеркивал, что искусственным, насильственным путем оно не может осуществиться: для этого нужны не только и не столько внешние, политические, сколько внутренние, «общественные, народные, образовательные» силы³². Для сравнения заметим, что, скептически относясь к возможности практического объединения всего славянства, Пыпин подчеркивал, что предпосылку такого единства должны были бы составлять равные права всех национальностей и одинаковые «социальные интересы»³³.

После 1876 г. наметилось ослабление запретительных мер в отношении национальных движений, хотя их последствия, как отмечал Пыпин, ощущались долго³⁴. В условиях, когда положение украинского и белорусского народов невозможно было даже свободно обсуждать в печати, их представители могли лишь заботиться о развитии национальной культуры, преодолевая при этом большие трудности. Возможно, поэтому Пыпин усматривал прежде всего культурную направленность украинского и белорусского национального возрождения.

Понимая, что становление украинской и белорусской наций не завершено, Пыпин даже не рассматривал вопрос об отдельном существовании Украины и Белоруссии. Будущее он связывал с дальнейшим развитием украинцев и белорусов в рамках единого государственного организма в качестве составляющих восточнославянского этнокультурного и социально-политического целого, при обязательном сохранении особенностей «местной жизни» и национальной индивидуальности каждого народа³⁵.

Пыпин не был сторонником радикального решения национального вопроса, его устраивал либеральный путь. Для того чтобы украинцы и белорусы добились «признания полноправности», нужна была, по его мнению, большая общественная работа, в которой особо важная роль отводилась печати и науке, свободно изучающим и обсуждающим национальные проблемы³⁶.

Пыпин выражал уверенность в том, что изучение Украины и Белоруссии, имеющее собственную ценность, поможет также лучше понять историю и современное положение России. С другой стороны, без российского контекста невозможно изучать прошлое и национальные движения украинского и белорусского народов.

История Украины и украинское национальное движение. К украинской тематике А. Н. Пыпин обращался на протяжении всей второй половины XIX в. в своих научных и публицистических работах и в начале 1900-х гг. — в воспоминаниях. История Украины, ее народная культура нередко затрагивались Пыпиным в рецензиях на издания документов, касающихся Южной Руси, сборники народных песен или исследования, посвященные украинской проблематике. В этих публикациях представлена точка зрения Пыпина по отдельным вопросам. Цельное же изложение своих взглядов на историческое прошлое, национальную борьбу, положение украинского народа в XIX в., развитие языка, литературы, науки Пыпин дал в обобщающих трудах: «Обзор истории славянских литератур», «История славянских литератур» и «История русской этнографии».

В «Обзоре истории славянских литератур» есть специальный украинский раздел, который носит название «Малорусы»³⁷ (а не «Малорусская литература»). Считая литературу отражением жизни, общественной мысли и общественного движения, Пыпин значительно расширил обозначенные в заглавии книги рамки изучаемого предмета, что нашло отражение в названиях ее частей.

Через полтора десятка лет вышла двухтомная «История славянских литератур»³⁸. Эта книга принципиально не отличается от «Обзора», но в ней гораздо шире и детальнее охват литературы, определеннее расставлены акценты, скорректированы взгляды на некоторые вопросы (в ряде случаев на позиции Пыпина отразилось влияние украинской историографии). Раздел, посвященный украинской литературе, назван в новой книге «Южнорусы»³⁹. Этот термин со временем Пыпин стал воспринимать как более точный, нежели термин «малорусы», который «в географическом и историческом смысле не обнимает всего южного племени». В «южнорусском» разделе Пыпин усилил общественно-исторический и историко-культурный подходы к

объекту исследования. В то же время он подчеркивал невозможность по политическим причинам «полностью освещать» историю украинского национального движения⁴⁰.

Очень активно Пыпин разрабатывал украинскую тему в 1880-е гг., преимущественно в историко-этнографическом плане, что давало ему широкие возможности обращения к разным сторонам «народоведения»⁴¹. В начале 1890-х гг. Пыпин обобщил и подытожил свои разработки по украинской проблематике в фундаментальном исследовании «История русской этнографии», посвятив третий том этого труда украинской этнографии (в книгу вошли статьи, опубликованные ранее в «Вестнике Европы»). Автор объяснил столь пристальное внимание к предмету тем, что он мало известен «вне круга малорусских специалистов и любителей».

Книга представляет собой обширный историко-научный труд, в котором историко-этнографическое исследование ведется в контексте исторических, общественно-политических и культурных явлений и событий в жизни украинского народа. Труд написан на уровне этнографической науки тех лет, когда не было еще устоявшейся терминологии, четких критериев национальной идентификации и т. д. Пыпин зачастую употреблял в качестве синонимов термины «украинский» — «малорусский» — «южно-русский», «национальность» — «народность» — «племя», «язык» — «наречие» и др. Под литературными и этнографическими «отношениями» Пыпин зачастую имел в виду политические, социальные, национальные, религиозные и иные отношения. Автор представил достаточно подробный обзор сочинений за весь XIX век, отражающих не только этнографическую тематику, но и охватывающих широкий спектр вопросов украиноведения. Для более полного и разностороннего изучения Украины Пыпин считал важным учитывать труды не только русских и украинских, но и польских исследователей⁴².

Общественное звучание украинской темы выходило за рамки собственно этнографических сюжетов, поэтому Пыпин ввел их в контекст исторической судьбы Украины и ее народа, подчеркивая, что история «тесно соединена» с этнографией (такую же неразрывную связь с ней, по его мнению, имела и литература).

Во многих работах украинских исследователей, отмечал Пыпин, высказывалось мнение о древности украинской народности, которая была «зерном» русской истории киевского пе-

риода; при этом украинский язык рассматривался ими как исконный язык этого народа (М. А. Максимович). Противоположная точка зрения (М. П. Погодин) состояла в том, что жителями Южной Руси в древности были великорусы, а малорусы пришли туда из-за Карпат после татарского нашествия. Мнение, которое разделял в 1860-х гг. Пыпин, сводилось к тому, что украинская народность и язык выделились из общей древнерусской основы примерно в XIII–XIV вв. Памятники более ранней эпохи не имеют признаков «самобытности малорусского наречия»⁴³.

Племена, населявшие Киевскую Русь, имели «тесные политические и религиозные связи», соединялись «в общей письменности и в общих национальных преданиях», представляя собой некую «политическую федерацию»⁴⁴ (в последнем тезисе ощутимо влияние концепции Н. И. Костомарова⁴⁵). Отсутствие летописных известий о Киевской Руси за вторую половину XIII и почти весь XIV в. привело к предположению о запустении этих земель, ибо «деятельная жизнь» оставляет след, «если не в своих, то в чужих известиях». Возник разрыв связей между юго-западными и северо-восточными землями, затем прекратилась династическая связь Киева с Галичем и Владимиром, произошло переселение из Киева митрополитов. Для окончательного решения вопроса о том, что «могло совершаться в этой стране с упавшим пульсом племенной жизни», было, как считал Пыпин, «слишком мало положительных данных», требовались «новые изыскания»⁴⁶.

На рубеже 1870–1880-х гг., ссылаясь на известные науке данные, Пыпин не отрицал «давнего и непрерывного бытия южнорусской народности», но в то же время еще раз подтверждал свою точку зрения о том, что ясно выраженные отличия восточнославянских языков (а следовательно, и этносов) появляются с XIV в. в связи с политическим обособлением «севера» от «юга». «Уже одно то, что обе отрасли племени приписывают себе Киевскую древность (обе они делают это в сущности справедливо), — рассуждал Пыпин, — показывает, что они исторически одна к другой ближе, чем кажется теперь по нынешним отличиям народностей». Ошибка споривших была в том, что «обе стороны переносили на старину современные этнографические отношения». Вместе с тем не подлежит сомнению как «этнографическая разница» древнего «севера» и «юга», хотя гораздо менее резкая, чем в более поздние времена, так и то,

что «историческая деятельность древнего Киева принадлежала южной отрасли»⁴⁷ (в этих высказываниях явно учтены концепции украинских историков).

В 1890-х гг., на фоне более широкого изучения Украины, Пыпин отмечал, что история юга и севера России при всех отличиях имеет тесные связи с древнейших времен: история киевского периода — колыбель истории всей русской народности (т. е. всех восточных славян), «церковная древность» Киева — святыня всего русского православия, древняя киевская письменность — «исходный пункт всей русской литературы». Однако Пыпин обращал внимание на то, что при наличии общего для «северян» и «южан» языка уже «в русских списках старославянских памятников» можно найти некоторые лингвистические особенности, а также отличия в «характере южно-русского племени сравнительно с северным», которые впоследствии развились под влиянием природных условий, соседних племен, исторических отношений и привели к складыванию «двух, весьма несходных, народных типов» — малорусского и великорусского, — имевших «в глубине веков воспоминание об одном общем корне их племени, веры и истории»⁴⁸.

В вопросе о формировании украинской народности Пыпин, не меняя принципиально своей прежней позиции, слегка скорректировал ее, опираясь на результаты исследований украинских ученых, хотя с концепцией «исконности» украинской нации он все же не был согласен.

Начало формирования «двух отраслей» одного племени Пыпин относил к XII–XIII вв., связывая этот рубеж с началом политического объединения на севере и татаро-монгольским нашествием, в результате чего история двух народов «разошлась на многие века и политически, и культурно». Украина в силу исторических обстоятельств оказалась в составе польского государства, и польское влияние, как считал Пыпин, было довольно существенным фактором в процессе формирования украинской народности. Украинская знать ополячилась и приняла чужую веру (точно так же, как высшие сословия других славянских народов принимали обычаи, язык и веру господствующей нации), а народная масса в течение нескольких веков «выносила страшный гнет религиозный и социальный, не уступив ни своей веры, ни народности». Все это время на Украине «сознавалась давняя связь» с Россией⁴⁹.

Касаясь вопроса о церковной унии, Пыпин считал одним из факторов ее распространения влияние западноевропейского протестантизма, вызвавшего «сильное брожение умов». По его мнению, с унией юго-западная Русь связывала стремление к «независимому положению», о чем свидетельствовало и создание церковных братств⁵⁰.

Пыпин не прошел мимо такого яркого явления в истории Украины, как казачество. Его, отмечал ученый, принято было представлять как «анархическое сборище, единственным делом которого было разбойничество» (вспомним, что так же оценивалось гайдучество у южных славян). Однако значение казачества не в этом: в течение веков оно было «передовым бойцом русской народности против крымской орды и против Польши». Украинский народ искал защиту против окатоличивания и ополячивания и нашел ее в казачестве. Память об этом сохранилась «в знаменитых „думах“, представляющих одно из лучших «созданий» всей славянской народной поэзии». Запорожское казачество принимало также «участие и в истории церковных братств», деятельность которых, по определению Пыпина, «составляет одну из отличительных особенностей западной и южной русской церковной, а косвенно и политической жизни». Ученый писал: «Сама Запорожская Сечь образовалась как своего рода религиозно-национальное братство»⁵¹.

В XVII в. наблюдаются первые попытки «ученой и литературной деятельности» на Украине, правда, в области религиозной — киевский митрополит Петр Могила писал и издавал книги в защиту православной церкви⁵². Церковная борьба, пояснял Пыпин, создала потребность в образовании. В «латинско-польские школы» XVI–XVII вв. южнорусские деятели «вносили греко-русское православное содержание». Словесность и «ученость» Южной Руси того времени внесли немалый вклад в общероссийскую культуру и образование⁵³.

Национальная борьба украинского народа в XVI–XVII вв. являлась, по мнению Пыпина, одним из важных факторов, влиявших на создание «типа народности», отличного от «северного» русского типа⁵⁴. Поворотным пунктом истории Украины XVII в. было восстание под предводительством Богдана Хмельницкого, получившее отражение в летописях и исторических трудах очевидцев (например, в «Летописи Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого») ⁵⁵. Пыпин обращал внимание, что на

протяжении двух последующих веков оно оценивалось по-разному польской и украинской стороной. Поляки видели в нем «дикий бунт презренного хлопства», украинцы — «славное освобождение от иноплеменного ига, защиту православия от католического угнетения, великое национальное событие»⁵⁶.

Присоединение * Малороссии к России в 1654 г. было, как считал Пыпин, «естественной национальной необходимостью», в частности, для «самосохранения от хищного соседа» — татар и турок. Оно явилось «великой победой южнорусского племени над исключительно тяжелыми обстоятельствами». Эта победа важна как для украинцев, так и для «всего русского целого»: Малороссия избавилась от польского владычества, украинский народ стал действовать «в среде целого племени», а для Российского государства открывалась «более широкая историческая перспектива». Однако от польского господства была освобождена только часть Южной Руси, другая же часть еще долго находилась под властью Польши, и даже после разделов украинское население присоединенных к России областей оставалось фактически подчиненным «прежним властителям»⁵⁷.

Отличия малорусской и великорусской народностей к XVII в. были столь ощутимы, что при их соединении после долгого раздельного существования оказалось уже невозможным их слияние в одну народность. Кроме того, это объединение было вызвано политическими условиями. Встреча восточнославянских народов на новом этапе истории, замечал Пыпин, не обошлась без «шероховатостей»: система централизации Российского государства «стеснительным образом» действовала на Малороссию,

* Пыпин именует этот акт «присоединением», поскольку малорусы оговаривали свою автономию, политические права, употребление своего языка и т. п. Но Малороссия была политическим образованием, зависимым от Русского государства и все более подчинявшимся «русской администрации». Современный исследователь Б. Н. Флоря считает, что в данном случае имело место «воссоединение» земель, ранее входивших в состав Древнерусского государства, которое исключало в исторической перспективе существование самостоятельной украинской государственности (Флоря Б. Н. Спорные проблемы русско-украинских отношений в первой половине и середине XVII в. // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2003. М., 2003. С. 36–37). Термин «воссоединение» Пыпин употреблял в отношении восточнославянских территорий, отошедших к России в последней трети XVIII в.

заставляя ее подчиняться «московским порядкам» — в русской жизни всякая самодеятельность общества и народа была подавлена. Присоединение «к сильному государству, притом одноплеменному», подчеркивал Пыпин, сглаживало «племенные различия», «местные особенности», черты собственного политического устройства, «малороссийские права» исчезали «при подавляющем господстве администрации, нравов, а затем нового просвещения и литературы» великорусов. Украинцы шли в русскую службу — военную и гражданскую, «старая войсковая и земельная аристократия стала русским дворянством», в то время как простой народ Украины, «наравне с русским, делался крепостным». Употребление на всей территории империи русского языка как государственного все больше и больше вытесняло украинский язык «из официальной жизни, из управления, быта высших классов, наконец, из письменности и книги». Продвижение по службе стало возможно только при владении русским языком. На протяжении XVIII в. Малороссия все больше «теряла черты своего особенного общественного быта» и превращалась в русскую провинцию. При этом она, как отмечал Пыпин, не оказывала сопротивления ущемлению своих прав и свобод (например, уничтожению Запорожской Сечи и гетманства — последних отголосков автономного устройства)⁵⁸.

И в области культуры происходил тот же процесс ассимиляции: украинцы «вступали в поток русской науки и литературы». Украинские по рождению деятели культуры получали русское образование и писали на русском языке. Малороссы, которые внесли немалый вклад в развитие культуры всей страны, замечал Пыпин, теперь сами должны были «заимствоваться» от этой «умственной силы». В такой ситуации украинская «книжность» естественным образом «становилась провинциализмом», а украинский язык «все больше делался языком низшего класса, простонародья», превращаясь в «местное наречие»⁵⁹.

Учитывая последствия произошедшего в XVII в. объединения Малороссии с Россией, Пыпин приходил к заключению, что оно было «и выгодно и невыгодно для южнорусского развития» в национально-культурном и политическом смысле⁶⁰.

Обозначенная Пыпиным неутешительная для украинской культуры тенденция продолжалась и после присоединения новых южнорусских земель и вела к полному растворению «южнорусского племенного элемента» в русской среде. Пыпин обращал

внимание на то, что процесс ассимиляции в конце XVIII — начале XIX в. проходил естественно, без особого внимания или давления со стороны властей, которые долгое время довольствовались «административным объединением» Малороссии с Россией и вполне мирились с проявлениями малорусских национальных особенностей, не собираясь «гнаться за истреблением местных бытовых отличий, языка, нравов и книжности». Задача «абсолютного обрусения» украинского населения встала во второй половине XIX в.⁶¹.

Однако национальное пробуждение, столь характерное для XIX в., коснулось и России, где «самым заметным явлением этого рода» стало украинское национальное движение, которое воспрепятствовало полной ассимиляции и денационализации украинцев⁶². Пыпин обращал внимание на то, что украинские национальные проблемы аналогичны тем, какие возникали у других славянских народов в период возрождения, — в данном случае речь также шла прежде всего «о степени отдельности и автономии малороссийской народности, языка и литературы»⁶³. Украинский национальный подъем, базировавшийся на глубоком интересе к своему народу, имел «многие связи и параллельные явления» с возрожденческими процессами у других славянских народов (как, например, обращение к истории и этнографии, создание литературы на родном языке). Этнографические и исторические исследования показали «богатую оригинальность южнорусской народности», и всестороннее изучение ее стало уже не только делом «местного патриотизма, но глубоким вопросом науки и целого национального самосознания»⁶⁴.

Начальные проявления национального возрождения Пыпин относил к концу XVIII в. Поборником религиозной, нравственной, гражданской свободы выступал Г. С. Сковорода; его сочинения, по мнению Пыпина, еще не были собственно украинскими, но «местное наречие нашло в них отражение». В конце столетия открылась «новая пора развития» украинского языка, столь отличного от русского, что для него «требовалась особая литература». Новая украинская литература, как считал ученый, начинается с И. П. Котляревского, который заговорил «настоящим малороссийским языком»⁶⁵.

Первый этап национального подъема на Украине Пыпин датировал 1820–1840-ми гг. В начале это было по преимуществу литературное движение. Украинское национальное «брожение»

того времени еще «имело народно-романтические, а не социальные цели»⁶⁶. Рассматривая украинское движение с общеславянской точки зрения, Пыпин подчеркивал, что оно представляло собой «естественное проявление» народного самосознания; оно не имело характера «преступления против господствующего литературного языка», поскольку отражало «уже существующую внутреннюю потребность (которая доказывается всей предшествующей историей)»⁶⁷.

После того как «история снова связала север и юг в политическом единстве», в литературе «целого племени» должен был найти отражение и южнорусский элемент, который персонафицирует Н. В. Гоголь⁶⁸. Но наряду с этим встал вопрос о самостоятельности украинской литературы. С процессом «пробуждения народного чувства» связывал Пыпин истинное ее развитие, которое он называл вполне определенно «явлением историческим и необходимым»⁶⁹. Появление в 1820–1830-х гг. произведений на украинском языке вызвало в русском обществе «недоумение». Его считали «местным» или польским наречием, пока за решение этого вопроса не взялись ученые — российские и зарубежные филологи, убедительно доказавшие, что украинский язык является самостоятельным наряду с другими славянскими языками.

Дальнейший литературный подъем Пыпин связывал с изданием журнала «Украинский вестник» (1816–1821), с творчеством П. П. Гулака-Артемовского, Г. Ф. Квитки-Основьяненко, Е. П. Гребенки, А. Л. Метлинского и др.⁷⁰ Ученый считал, что литература украинского возрождения является «только подновлением и дальнейшим развитием старого книжного предания», той «*малорусской стихии* не только языка, но и содержания», которая присутствовала «в южной письменности» с XVI до XIX в. (хотя самостоятельной украинской литературы, по мнению Пыпина, не было до XIX в., что он объяснял заметным культурным влиянием Польши и Российского государства)⁷¹. В подтверждение этой мысли ученый ссылался на работы Н. И. Петрова⁷² и Н. П. Дашкевича⁷³, обосновавших преемственность традиций в украинской литературе⁷⁴.

Пыпин замечал, что в общественно-политических условиях «русской жизни всякое новое движение принимается большинством с подозрительностью и враждой». И украинское движение подверглось обвинению в «неблагонадежности» еще на стадии

формирования, когда оно «мало давало повода к этому обвинению». Находилось немало противников национально-культурного развития украинцев, видевших в нем «вред» и «сепаратизм» — не только литературный, но и политический (Пыпин обращал внимание на то, что «полемиическая литература» об украинском национальном движении значительно превышает литературу на «малорусском языке») ⁷⁵.

Деятели украинского национального возрождения, отмечал ученый, занимались не только научным изучением «народных сил», но уделяли им и «практическое» внимание, стремясь к просвещению народных масс и созданию литературы для народа. Он считал, что особенно в образовательных целях развитие литературы на народном языке может дать «самые благоприятные результаты». Однако Пыпин не был уверен в том, что украинская литература сумеет выйти из рамок «народно-поэтических» и дидактических произведений. Неудача подобных попыток, по его мнению, заставила бы пишущих людей на Украине «еще больше примкнуть к литературе господствующего языка» ⁷⁶. Ученый сохранил убежденность в том, что оправдать существование новой литературы может лишь ее способность отражать насущные задачи общественной жизни. Одного национального колорита для этого недостаточно. На взгляд Пыпина, положение может спасти «сильный талант, способный увлечь земляков» не только национальной спецификой, но более широкими проблемами ⁷⁷. Вместе с тем он признавал, что украинская литература существует и «умножается», следовательно, в ней есть потребность и она имеет право на развитие ⁷⁸.

На первом этапе национального «литературного движения» малорусская литература (как и другие славянские литературы), по словам Пыпина, «начиналась полусознательным обращением к народному языку и преданию», а «исторические воспоминания оживляли настоящую деятельность и прикрашивали прошедшее». Старый («мифологический») киевский эпос, сохранившийся в Северной Руси, отсутствует в малорусском эпосе — его «заслонили» более поздние события XVI–XVII вв., поэтому новый эпос «исключительно героический», основанный на действительной истории национальной борьбы. Лирические песни отличаются «поэтической свежестью и глубоким чувством». Малорусские думы и песни, по оценке Пыпина, «представляют одно из замечательнейших явлений славянской народной поэзии» ⁷⁹.

Пыпин отмечал, что у украинцев, подобно другим славянам, вместе с желанием «воссоздать любимую старину» являлись фальсификаты в виде «мнимо-старых народных „дум“». Любители-этнографы «с полунаивным патриотическим чувством подправляли или просто сочиняли старые песни и думы» о героическом прошлом, о народной свободе. Старина выступала в идеализированном виде, «как во всех национально-романтических школах»⁸⁰. Такой подделкой старинной рукописи являлась написанная в начале XIX в. в «романтическо-либеральном духе малороссийского патриотизма» «История руссов» (авторство приписывалось сначала Г. Конисскому, затем Г. Полетике, позже — В. Г. Полетике), которой, как указывал Пыпин, многие (среди них — Н. В. Гоголь, Т. Г. Шевченко, Н. А. Маркевич и др.) пользовались как авторитетным источником⁸¹.

По мнению Пыпина, развитие «малорусской» литературы могло бы дать «сильную опору национальному движению в соседней и родственной Галиции», помочь возрождению ее восточнославянского населения, что представляет интерес и с «великорусской» точки зрения⁸².

Среди писателей, внесших в это «плодовитое время» немалый вклад в подъем украинской культуры, Пыпин выделял Т. Г. Шевченко — «талантливейшего представителя малорусской литературы», «малороссийского патриота и демократа», чуждого «всякой религиозной и национальной нетерпимости», а также «крайних национальных увлечений». Благодаря этим несколько идеализированным качествам Шевченко представлялся Пыпину «самым сильным и характерным явлением малорусской литературы... вообще»⁸³.

В украинском движении 1840-х гг., по мнению Пыпина, нашли свое выражение не только «непосредственная любовь к своей народности», но и «сознание ее междуплеменных и общественных отношений». В этом аспекте ученый рассматривал деятельность Кирилло-Мефодиевского общества, характеризуя его как кружок патриотов, стремившихся к развитию украинского народа, а также к обеспечению свободы, «взаимности и равноправности» всех славян. Политическим идеалом членов общества являлась федерация славянских народов. Пыпин подчеркивал, что общество было основано на «евангельских правилах любви, красоты и терпения», на идеях гуманизма и просвещения, которые должны были внедряться в массы методом убеждения, без насилия⁸⁴.

Видимо, по цензурным или иным соображениям Пыпин предпочел в конце 1870-х гг. умолчать о неоднородности общества. Позже, в середине 1880-х — 1890-х гг., после издания документов о характере деятельности Кирилло-Мефодиевского общества, он уже открыто писал, что общество имело различные редакции программы — умеренную и радикальную, что в программных документах отражена «забота о внутренних реформах» — освобождении крестьян, отмене телесных наказаний, уничтожении сословных привилегий, религиозной свободе и веротерпимости, свободе мысли, печатного слова, повсеместном распространении грамотности и т. п. Называя программные положения общества, Пыпин отмечал, что эти же устремления нашли отражение в тогдашней украинской литературе.

Подводя итог недолгой деятельности общества, разгромленного в 1847 г., Пыпин подчеркивал, что в воззрениях его членов «было много исторически верного и человечески справедливого»⁸⁵. Ученый четко отделял их идейные установки от позиции славянофилов с отстаиванием ими «племенной исключительности» и признанием того, что «крупная племенная масса должна была поглощать все остальные элементы». Настаивая на «культурной равноправности племен», один из руководителей общества, Н. И. Костомаров, стал «представителем и защитником» украинского национального движения⁸⁶. Идеи тайного общества Пыпин характеризовал как романтизм «с религиозной окраской», а основные цели считал «совершенно невыполнимыми»⁸⁷, но оценку деятельности Кирилло-Мефодиевского общества пересмотру не подвергал.

Проявления национальной самостоятельности вызывали недовольство не только властей. Пыпин напоминал, что в 1840-х гг. известный критик В. Г. Белинский не сочувствовал украинскому «литературному движению», которое считал «неглубоким по содержанию и отвлекающим силы от общих вопросов»⁸⁸.

Начало следующего этапа в истории формирования украинской нации Пыпин связывал с активизацией и углублением украинского национального движения, которое стало, по его оценке, «более серьезным». Национальный подъем пришелся на рубеж 1850–1860-х гг. и совпал с «началом новейшего *украинофильства*». Этот термин, возникший по аналогии со славянофильством, обозначал украинское патриотическое движение и

национальную идеологию, в основе которых, как считал Пыпин, лежало проявление народного самосознания. В украинофильстве выразилась любовь к своему народу, желание просветить его (период отмены крепостного права способствовал более пристальному вниманию к жизни и нуждам народных масс), защитить национальные особенности⁸⁹. В этих стремлениях Пыпин видел общность украинофильства со славянским возрождением и с русским общественным движением народничества⁹⁰.

С этого времени вполне определенно обозначился «украинский вопрос» в общественной жизни Российской империи. В начале эпохи реформ, напоминал Пыпин, русская общественность приветствовала национальное пробуждение украинского народа: тогда получили преобладание мысли о прогрессе, о народном благе, о национальном примирении. Однако подъем вскоре сменился реакцией, отразившейся и на украинском движении. Большая часть русского общества, воспитанного «в привычках одноформенности и общественного безличия», не могла принять того, что часть «русского народа» — украинцы — «открыто заявляет о своей народной особности, о своих собственных, самостоятельных исторических свойствах и преданиях». Украинофильство «имело много противников, — его допускали, но в сущности считали его излишним, не признавали за ним полной законности и общественного права»⁹¹.

Органы печати, представлявшие «русские „национальные“ консервативные интересы», стали обвинять украинофильство в «сомнительных намерениях», «нигилизме», видеть в нем «польскую интригу» и «сепаратизм». Так, «Вестник Юго-Западной России», вначале стоявший на стороне украинофилов, вскоре объявил их «союзниками польского восстания». Славянофилы, сочувствовавшие в 1850-х гг. украинскому возрождению, тоже заговорили о «польской интриге». Пыпин подчеркивал, что именно национальная исключительность славянофильства «немало способствовала» ответной реакции «малорусского патриотизма», который «вызывал крайнее раздражение» у многих публицистов и некоторых ученых (хотя «вовсе не требовал бы этого раздражения») ⁹². Опасения властей и определенной части русского общества относительно украинского «сепаратизма» Пыпин считал преувеличенными и необоснованными. Он полагал, что нужно «слишком мало уважать» собственный, русский, народ, чтобы «питать подобные страхи» ⁹³.

Пыпин напоминал и о существовании других взглядов на украинофильство, имея в виду прежде всего позиции демократических кругов (в частности, поддержку украинского движения «Современником»), рассматривавших это движение «именно как одно из проявлений общественности», понимавших единство «двух оттенков целого», сочувствовавших украинофилам и желавших успехов украинскому народу⁹⁴. Сам Пыпин, отмечая не только заслуги, но и ошибки украинофилов в деле развития украинского самосознания и национального движения, вставал на их защиту от обвинений в политической неблагонадежности, сепаратизме, сговоре с польскими повстанцами и т. д.⁹⁵. Он всячески приветствовал развитие украинской национальности, считая, что власти должны поощрять этот процесс для общегосударственной пользы⁹⁵.

Начало второго этапа украинского движения было отмечено, по наблюдениям Пыпина, дальнейшим развитием «литературного процесса», появлением новых имен украинских писателей — Марко Вовчок (М. А. Маркович), А. П. Стороженко, А. Конисский, Д. Л. Мордовцев, Н. Гатцук и другие, чьи произведения реалистически изображали народный быт⁹⁶. Пыпин стремился прежде всего выявить положительный вклад того или иного литератора. Так, П. А. Кулиша ученый характеризовал как «плодовитейшего из малорусских писателей и наиболее ревностного защитника национального малорусского интереса в литературе» (в то же время подвергая его заслуженной критике). Выработку Кулишем украинской орфографии Пыпин считал «делом не последней важности». Ученый отдавал должное деятелям украинского возрождения, которые издали немало сборников народных пе-

* Согласно Н. И. Ульянову, оценивавшему украинское движение как сепаратизм, Пыпин защищал украинское «самостийничество» больше, чем сами украинцы. Явно сгущая краски и смещая акценты, автор заявлял, что благодаря статьям А. Н. Пыпина и Д. Л. Мордовцева «Вестник Европы» выглядел «украинофильским журналом», в котором господствовали «ирония и возмущение по поводу мнимой опасности для целостности государства» со стороны украинофильства и внедрялась мысль о «необоснованности таких страхов». Украинофильство представлялось как явление культурное; если и допускалось в нем «разрушительное начало», то опасное только для самодержавия, но не для России (Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966. С. 273).

сен и заняли одно из первых мест среди славян «по развитию народной поэзии»⁹⁷.

Касаясь польско-украинских отношений, которые являлись одним из стержневых вопросов украинской национальной программы, Пыпин обратил внимание на такое явление польского общественного движения начала 1860-х гг., как «хлопомания»⁹⁸, оценив его (наряду с «украинской школой» в литературе) как проявление демократических стремлений части польского общества сблизиться с малорусским народом, попытку разрешить сложные вопросы их взаимных отношений. Представители этого течения провозглашали религиозную терпимость, выступали за освобождение крестьян, проявляли заботу о народном образовании (правда, на польском языке). В то же время хлопоманы мечтали о соединении Украины с Польшей. Хлопомания просуществовала недолго, влившись в общее демократическое движение начала 1860-х гг. В России она была объявлена польской «интригой», имевшей целью вовлечь украинское население в восстание, и эту «интригу» как до, так и после 1863 г. прочно связывали с украинофильством (сколько ни заявляли украинофилы «о полной противоположности народных и общественных интересов малорусских и польских»)⁹⁹. Пыпин напоминал, что, хотя было принято считать хлопоманию порождением эпохи освобождения крестьян и «политического брожения» в польском обществе, в среде польской эмиграции осознание политической и социальной несправедливости в отношении поляков к украинцам отмечалось и в более ранний период, в 1840-х гг., в среде польской эмиграции (Я. Яворский)¹⁰⁰. Оценивая хлопоманию как романтические попытки польско-украинского сближения, Пыпин подчеркивал, что из-за ощутимых отличий этих народов «опыты, затрагивавшие только одну небольшую долю малорусско-польских отношений, остались несовершенными, а нередко по существу ложными...»¹⁰¹.

В работе «Польский вопрос в русской литературе» Пыпин специально уделил внимание происхождению украинско-польских противоречий и взглядам деятелей украинского национального движения на польский вопрос в российской внутренней политике. Наличие у украинофилов особой позиции по польскому вопросу Пыпин объяснял историческими условиями: «Борьба старой Малороссии с Польшей не была отрывочным политическим столкновением, а вековой, именно общественно-политической

борьбой, которая оставила свой глубокий след в народных воспоминаниях», в народной поэзии, в исторической литературе. Враждебное отношение к Польше являлось «живой традицией»¹⁰². Личные контакты представителей польского и украинского национальных движений, усилия малорусских и польских (украинская литературная школа) украинофилов не смогли существенно изменить ситуацию. В начале 1860-х гг. взаимодействие между украинским журналом «Основа» и польской печатью, по выражению Пыпина, было «полемическое»¹⁰³.

Пыпин выделял три главных вопроса, по которым велись споры украинофилов с их польскими оппонентами: 1) происхождение русского племени и национальная принадлежность малорусов; 2) судьбы Малороссии под польским владычеством; 3) отношения польского панства к украинскому народу в XIX в.¹⁰⁴. Во взаимодействии малорусов и поляков, как справедливо замечал Пыпин, играла роль и третья сторона — русская власть: «Всякие помышления о взаимных отношениях двух народностей обрывались с ее вмешательством» (подавление польского восстания, политика русификации, «стеснение» украинофильства)¹⁰⁵.

Ученый напоминал, что со времени первой украинско-польской полемики начала 1860-х гг. минуло два десятилетия и «историческая жизнь» вполне могла бы «оказать какое-нибудь действие на общественное сознание польского общества» в смысле пересмотра спорных пунктов в отношениях между двумя народами. Однако ему приходилось с сожалением констатировать, что для свободного и обстоятельного выяснения конфликтных моментов по-прежнему нет условий, положение не изменилось к лучшему: польская печать не имеет свободы, украинофильство в России подавлено¹⁰⁶.

Украинские земли входили в состав Российской империи, и перспектива их отделения и создания независимого государства даже не рассматривалась в обществе; не обсуждалась она в открытой печати и украинофилами (хотя в их адрес и выдвигались обвинения в сепаратизме). «Малороссия — не чужая страна, а свой для нас край», — писал Пыпин, в то же время справедливо полагая, что всестороннее развитие украинской нации важно «для „общерусского“ целого»¹⁰⁷. Не следует забывать, что сила государства в «развитии сил местных», что «две русские народности», объединенные тесным родством и глубокой историче-

ской связью, составляют «факт истории, которого нельзя вычеркнуть»¹⁰⁸. Исходя из концепции единого государственного пространства, Пыпин настоятельно подчеркивал, что украинофилы не были сепаратистами и не думали об отторжении от России. Основное содержание украинофильства представлялось им как стремление к развитию малорусской литературы и изданию книг для народного образования на родном языке¹⁰⁹, к защите украинского населения от польского влияния и помощи «родственной Галиции»¹¹⁰.

Пыпин не ограничивался оценкой культурного аспекта украинского национального движения, но уделял также пристальное внимание разъяснению его общественно-политической сущности и значения. «Крупным и влиятельным фактом» украинофильства, как считал ученый, был журнал «Основа» — выходивший в Петербурге печатный орган деятелей украинского возрождения. В «Истории славянских литератур» Пыпин отметил, что содержание «Основы» было «ограничено только предметами чисто украинскими» и «в ее теориях дело украинофильства утверждалось больше на непосредственной, но неясной любви к родному краю и племени, чем на определенной мысли о свободе личной и общественной, свободе научного исследования». Таким образом, ученый указывал на недостаточность национальной специфики для того, чтобы издание приобрело широкий общественно-политический резонанс. Он обращал также внимание на то, что в журнале наряду с «народным направлением» находили место позиции «для народного дела бесполезные или чуждые», а во взглядах некоторых украинских деятелей не всегда присутствовало «политическое и общественное понимание» национального вопроса¹¹¹.

В «Истории русской этнографии» Пыпин посвятил журналу «Основа» специальную главу, что дало возможность подробнее, чем прежде, осветить деятельность журнала, объединившего украинских ученых и литераторов, и оценить его вклад в развитие украинского самосознания и национального движения. Пыпин вновь подчеркивал, что в «Основе» вовсе не было инкриминировавшихся ей «превратных» идей. Он считал, что само издание журнала являлось логическим продолжением сборников произведений народно-поэтического творчества и этнографических исследований, а также проявлением «тогдашнего общественного настроения». Основавшие журнал члены существовавшего в 1840-х гг.

Кирилло-Мефодиевского общества (В. Белозерский, П. Кулиш, Н. Костомаров), по мнению Пыпина, к 1860-м гг. изменились — стали старше, приобрели знания и опыт, их «фантастические мечты» уступили место стремлению к серьезному изучению «малорусской старины и народности», к развитию литературного языка и народного образования. Перед разработчиками «украинской идеи» стояла задача определить те черты, которые создавали «нравственно-национальную характеристику» украинского народа и «утверждали его народное право». Пыпин подчеркивал, что эти «работы в защиту и объяснение малорусской народности не были какой-нибудь придуманной тенденцией: они являлись сами собой»¹¹².

Перечисляя авторов журнала, выделяя основных сотрудников, публиковавших концептуальные статьи или литературные произведения, отвечавшие основным задачам украинофилов, Пыпин не переоценивал общий уровень издания. Он отмечал, что на страницах «Основы» публиковались полезные исторические и этнографические сведения, «непритязательные литературные попытки на малорусском языке», но в то же время в ряде материалов присутствовали и необъективные представления о «малорусской народности»¹¹³.

Особое внимание ученый обратил на полемику, вызванную опубликованной в «Основе» статьей Н. И. Костомарова «Две русские народности»¹¹⁴, в которой отстаивалось существование отдельной украинской народности уже в древности. Эта точка зрения разделялась украинофилами и в то время, и позже. Против позиции Костомарова выступили славянофилы и польская историография. Некоторые польские исследователи (Ф. Духинский и др.) относили малорусов к «отрасли» польского народа и считали украинский язык «местным вариантом польского» языка¹¹⁵. Учитывая стремление поляков к восстановлению Польши в тех границах, в которых она существовала до разделов, антинаучная теория Духинского, по словам Пыпина, очень «помогала политической тенденции и, вероятно, прямо из нее и произошла». Ученый утверждал, что европейское и отечественное славяноведение даже не ставит вопроса «о родовом единстве двух русских ветвей, и *малорусское* племя отведено прямо к *русскому* племени»¹¹⁶. С украинской стороны основное участие в полемике, как отмечал Пыпин, приняли Н. И. Костомаров¹¹⁷ и

П. А. Кулиш¹¹⁸, которые в своих статьях, обращаясь к реальной истории, давали отпор и славянофилам, и полякам¹¹⁹.

В короткий период издания «Основы» (1861–1862) журнал подвергался нападкам и обвинениям в узком национализме. Пыпин, сам прежде упрекавший его в ограниченности проблематики, по прошествии трех десятилетий объяснял, что «местный патриотизм» журнала — «вовсе не выдуманный, а тот самый, который издавна жил в малорусских людях», являясь порождением исторических и бытовых условий, и «не представлял никакого ущерба для патриотизма общерусского». Ученый объективно отмечал, что в публикациях «Основы» имело место завышение роли украинского народа как «фактора общественных отношений», но в подобный «грех» впадали и другие — «некоторая потеря чувства действительности была общей чертой того времени». В идеализации «малорусской стихии» проявлялось немало «искренней любви к народу», что, подчеркивал Пыпин, могло «принести благотворное действие» при свободном национальном развитии¹²⁰.

Пыпин с сожалением отмечал, что условия общественной жизни не способствовали открытому и правдивому обмену мнениями по поводу украинской истории и потому «рождались взаимное недоверие и несправедливость». Он считал, что с русской стороны «должна быть спокойная критика» преувеличенной оценки «малороссийскими патриотами» исторического значения украинского народа, а не «инсинуации, к которым так часто прибегают противники украинофильства»¹²¹. Ученый высказывал уверенность в том, что толки о «малорусском сепаратизме» лишь питают и укрепляют представления об «особенности» украинского народа¹²².

Подъем национального движения вызвал ответные действия со стороны властей¹²³. Не успев набрать силу, украинофильство уже в 1862–1863 гг. столкнулось с серьезными препятствиями — прекращением издания «Основы», распространением украинофобских настроений, запрещением преподавания в школах на украинском языке, закрытием воскресных школ и т. д. Украинская литература была бесправна в России и официально преследовалась путем запрещения издания книг на украинском языке¹²⁴. Пыпин считал, что подобные действия, вызывавшие взаимную «неприязнь», способны принести вред обеим сторонам — «сила целого достигается развитием частей»¹²⁵. Своими «мероприятия-

ми» власти попытались упразднить «украинофильскую школу», но украинское национальное движение, подчеркивал Пыпин, не заглохло и не могло заглухнуть, потому что имело глубокие основы¹²⁶.

В 1872 г. в Киеве был учрежден Юго-западный отдел Русского географического общества, который создавался, по мнению Пыпина, как организация усилившегося в крае после подавления восстания 1863 г. «русского элемента». Тем не менее отдел стал центром активности украинофилов. Уже в 1876 г. он был «временно» закрыт (и так и не открыт впоследствии) по причинам, которые, как указывал Пыпин, не обсуждались в печати¹²⁷. Под запретом оказалась деятельность украинских национально-просветительских организаций — громад*, введены ограничения на издание украинских книг, запрещены театральные постановки на украинском языке и исполнение украинских песен на концертах. Ряд видных деятелей украинской литературы и науки были вынуждены покинуть Киев. Стали «возобновляться старые нападения на украинофильство», которые достигали цели, потому что «противник не имел возможности отвечать»¹²⁸.

Вместе с тем Пыпин отметил, что украинофильство в те годы шло «параллельно» народническому движению и было однотипно с ним, поскольку оба характеризовались сочувствием к народу, большим вниманием к народной литературе, «благороднейшим побуждением сблизиться с народом» и послужить ему как практической деятельностью, так и на ниве науки (хотя «нередко с риском остаться непонятыми» и «навлечь подозрения»). По оценке ученого, русское народничество принесло огромную пользу делу изучения народной жизни; он с уверенностью утверждал, что и украинофильство могло бы немало сделать в этом направлении при «нормальном отношении» к нему со стороны властей и общества¹²⁹.

Симптоматично и отношение к украинскому вопросу таких общественных организаций, как славянские благотворительные комитеты, призванные способствовать сближению и сплочению славянских народов. В работе «Панславизм в прошлом и настоящем» Пыпин обратил внимание на то, что в изданной Петербургским комитетом в 1875 г. «Этнографической карте

* Их работа нелегально и не в таком масштабе, как прежде, продолжалась до начала XX в.

славянских народностей» М. Ф. Мирковича и в объяснениях к ней А. С. Будиловича среди славянских «наречий» отсутствует «малорусское». Ученый прозрачно намекал, что в период, когда была развернута борьба с украинофильством, деятели комитета проигнорировали украинский народ, не признавая его самостоятельности в этническом и языковом отношениях, хотя в том же издании отмечены верхние и нижние лужичане и словаки, т. е. народы меньшие по численности, чем украинцы. Подобная позиция порождала, по мнению Пыпина, сложности в межславянских отношениях: комитет не учел того, «как покажется такое обращение с этнографией нашим „братьям“» из славянских земель¹³⁰. О том, что положение украинской народности производит неблагоприятное впечатление на других славян, Пыпин писал и в работе «Литературный панславизм». Он напоминал, что «малорусское наречие» отличается от «великорусского» гораздо больше, чем словацкое от чешского, однако словаки имеют литературу на своем языке, а в России «за малорусской литературой не хотят признать никакого права»¹³¹.

Пыпин считал, что в 1876 г. завершился второй этап украинского национального движения¹³². Следующая его стадия наступает в начале 1880-х гг., когда наметилось некоторое ослабление антиукраинофильской политики¹³³. В 1882 г. начал издаваться (правда, на русском языке) журнал «Киевская старина», публиковавший важные для изучения Украины документальные источники. Кроме того, выходили «Известия» Киевского университета. В Киеве действовало «Историческое общество Нестора-летописца» и др.¹³⁴.

Однако еще очень остро ощущались последствия репрессивных мер 1876 г. Печать была полна обвинений против украинского национального движения. На Украине, писал Пыпин, «опасно было даже обнаруживать особенную любовь к своей местной родине и народности». Пыпин обращал внимание на продолжающееся несправедливое отношение к украинской народности, на трудности развития украинской национальной культуры в условиях «нападений и подозрений», «недоверия и недружелюбия»¹³⁵.

Подобное отношение ярко проявилось в нападках на украинофильство со стороны некоторых ученых. Так, специалист по отечественной истории и истории литературы М. Ф. Де-Пуле, вступив в борьбу с «пригнутым, прибитым, заклёванным украи-

нофильством» (по выражению Н. И. Костомарова¹³⁶), высказал свои возражения против самостоятельности украинского литературного языка. Он писал, в частности, что стремление создать «новый малорусский литературный язык есть явление искусственное и положительно вредное, как литературный раскол». Он считал, что украинофилам можно дать свободу *«только в слове, а не на деле»*, и при этом за ними нужен «самый строгий контроль со стороны государства и общества». Все образованные русские, по мнению автора, *«не должны позволять выделения малорусского литературного языка из общерусского»*¹³⁷. Не вступая с ним в дискуссию по существу вопроса, Пыпин ограничился замечанием, что непонятно, как совместить «свободу в слове» для малороссов с «непозволением» им иметь свой литературный язык. Точку зрения Де-Пуле он охарактеризовал как уместную не в науке, а «в полицейском ведомстве»¹³⁸.

В начале 1890-х гг. Пыпин с сожалением отмечал, что в Киеве так и не открыты исторический и этнографический музеи, об организации которых речь шла еще в начале 1870-х гг.¹³⁹. Тем не менее в 1880–1890-х гг. наблюдалась активизация украинофильства.

Пыпин вынужден был признать, что разногласия между «южанами» и «северянами» остаются, и украинская сторона не добилась еще «признания полноправности»¹⁴⁰. В такой ситуации оставалось желать, чтобы появилась, наконец, «возможность открытого и свободного обсуждения в печати» украинского вопроса¹⁴¹.

Развитие украиноведения. Материал об Украине, собранный Пыпиным, давал обширные возможности для историко-научного обозрения. Выделяя стадии развития украиноведческих исследований, ученый связывал их с этапами нарастания национального движения, тем самым призывая к тщательному научному изучению и свободному беспристрастному обсуждению украинского вопроса. Он напоминал, что без изучения «южнорусского народа» нельзя «составить себе полной картины русской народной жизни». Необходимость «правдиво изучить все отрасли и оттенки русского народа» должна осознаваться не только наукой и просвещением: «государственная польза» требует, чтобы изучению украинского народа было уделено более серьезное внимание¹⁴².

Пыпин отмечал, что Малороссия, будучи провинцией Российской империи, не изучалась отдельно. В XIX в. ее пришлось «открывать» заново. Первая грамматика украинского языка была написана русским — А. Павловский¹⁴³ «предчувствовал возможность развития малорусской литературы... в направлениях сентиментальной народности, бытового реализма и юмора»¹⁴⁴. Ю. Венелин «поставил вопрос о малорусской народности»¹⁴⁵, утверждая, что малорусы и русские — две ветви одного народа. С тех пор наука ушла далеко вперед, а спор по этому вопросу продолжается¹⁴⁶.

Не было полной ясности и в вопросе об украинском языке. Н. И. Греч, как отмечал Пыпин, считал украинский язык «областным польским»¹⁴⁷, и сами поляки расценивали его как наречие польского языка. М. А. Максимович¹⁴⁸ заявлял, что украинский язык не является ни польским, ни русским, а разделение русского и украинского народов и их языков произошло в первые века нашей эры¹⁴⁹. Известный русский славист И. И. Срезневский, с детских лет живший и учившийся в Малороссии, увлекся ее прошлым, издал сборник «Запорожская старина»¹⁵⁰, а в 1838 г. начал издавать «Украинский сборник». Он доказывал, что украинский язык не является наречием русского или польского, а представляет собой «один из богатейших языков славянских», и «верил в его литературное будущее»¹⁵¹. Изучению украинского языка и народной поэзии уделил внимание и другой славист, О. М. Бодянский¹⁵², который подчеркивал превосходство малорусской народной поэзии перед русской и видел перспективы развития украинской литературы¹⁵³.

Интерес ко всему народному, по утверждению Пыпина, возник в «великорусских» и «малорусских» научных и общественных кругах одновременно. В этнографических разработках «севера» и «юга» много общего, «нередко одни и те же лица трудились в обеих областях, как, например, Срезневский, Бодянский, Максимович, Костомаров»¹⁵⁴. Поскольку украинская наука развивалась в рамках общероссийской науки и не имела самостоятельного статуса, Пыпин сталкивался с известными сложностями при определении «национального происхождения» тех или иных работ. То обстоятельство, что не только украинские, но и русские по происхождению исследователи занимались украиноведением, дало, по наблюдениям ученого, противникам украинофильства неожиданный аргумент для объ-

явления этого движения «ненормальным»: оно было поддержано «силами чужих деятелей (в которых надо было предположить какое-то заблуждение)». По мнению Пыпина, интерес русских к Украине, наоборот, доказывал «оригинальную силу той местной исторической и этнографической стихии, которая действовала даже на людей, собственно ей чуждых, и увлекала их к изучению этой местной жизни». Исследование ими исторического и поэтического наследия Украины, по мнению ученого, является заслугой «общерусской» науки¹⁵⁵.

Пыпин отмечал, что немало проблем еще не решено наукой, спорными остаются вопросы этнического происхождения, языка, «исторической принадлежности событий». Ученый писал: «История малорусская представляет богатый материал местных отличий... с которыми еще не могли сосчитаться ни обще-русские, ни южно-русские историки, и которые до сих пор подают повод к столкновениям, исполненным нетерпимости»¹⁵⁶.

Обращаясь к истории украинской этнографии, Пыпин отмечал, что для этой области исследований вполне характерны черты, общие с русской этнографией, «но в то же время в ее развитии были особенности, только ей принадлежавшие»¹⁵⁷. Развитие украинских этнографических исследований (как и русских) прошло, по мнению Пыпина, несколько стадий: от простого интереса к происхождению и прошлому народа, его быту, обычаям, песням, через «сентиментальную и романтическую школы и официальную народность» до связи со славянофильством и западничеством¹⁵⁸.

Причину развития этнографических исследований в первые десятилетия XIX в. Пыпин видел в «глубоких основаниях самой внутренней жизни народности», в стремлении к национальному самовыражению. Первые этнографические опыты показали, что при всем сходстве великорусского и малорусского народов «история провела между ними резкую разницу во всем народно-бытовом характере, в языке, предании, народной поэзии и обычае». Обращая внимание на тесную связь науки и литературы с общественно-политической жизнью, Пыпин писал, что «этнографический интерес» проявился вначале в литературных произведениях и публицистике, а затем «расширился, с одной стороны, до научного изучения народной старины и современности, с другой — до общественной постановки вопроса», которая, «как всегда, переходит в стремление к известного рода реставрации

народности». Оказываясь взаимозависимыми и взаимодополняемыми, отмеченные им тенденции наряду с положительным для развития народа эффектом, порождали и такие отрицательные явления, как «идеализацию малорусской старины», абсолютизацию национальных особенностей, подчеркивание национальных различий и «даже противоречий» двух близкородственных народов — украинского и русского (вплоть до признания их «особыми, независимыми отраслями славянского корня») ¹⁵⁹.

В 1820–1840-х гг. изучение украинского народа шло в русле романтических представлений. Романтики 1830-х гг., писал Пыпин, «предчувствовали» важность «самой идеи народа» в сознании и жизни общества, но изучить свой народ им было еще не по силам — с этим могли справиться зарождавшиеся в то время «историко-филологические науки». Так же не дано им было еще осмыслить важность социального вопроса, решить который «поэзией и чувством» нельзя ¹⁶⁰.

Романтизм был характерен и для сложившейся в польской литературе «украинской школы» (Т. Падура, А. Мальчевский, Б. Залеский, С. Гацинский и др.), которая представляла собой «любопытнейшее», по определению Пыпина, явление славянской литературы: «Украинская школа одушевлялась поэтическим впечатлением Украины, ее природы, истории и народности». Появление этой школы, считал ученый, отражало «панславянский интерес» в польской литературе, не получивший дальнейшего развития. Но представители этого направления брали из «украинского материала» только то, что отвечало их «историческому воззрению», а именно — факты подчинения украинского населения «польскому авторитету» ¹⁶¹. В то же время они избегали прямых упоминаний о социальном и религиозном «раздоре» Украины и Польши, проявившемся в «бурном восстании» XVII в., поскольку это разрушило бы «иллюзию» единения польского и украинского народов и показало «несовместимость» этих «племенных и религиозных элементов» ¹⁶². «Романтические увлечения» «украинской школы», по мнению Пыпина, были «делом сентиментальной фантазии», ее идеи базировались на «ложном предположении, что малорусская народность есть только ветвь польской, ее провинциальная разновидность» и она должна слиться «с народностью польской» ¹⁶³.

Среди зачинателей украинской этнографии Пыпин называл Н. А. Цертелева, а его работы — «первым приступом к предмету»¹⁶⁴. Романтическое увлечение народностью испытывали и украинские писатели (И. Котляревский, Г. Квитка и др.), которые тоже становились «этнографами»¹⁶⁵. По выражению Пыпина, «„народность“ была в воздухе», но разные течения общественной мысли придавали ей различный смысл. Одни верили, что «народность» получит «свое право в общественно-политической жизни и в просвещении», приветствовали «наступление национальной самобытности», другие создали «официальную программу, определявшую обязательный характер нашего просвещения, литературы и общественности: православие, самодержавие и народность». «Народно-романтическое направление» воспринял и М. А. Максимович¹⁶⁶, также призывавший к национальной самобытности. Пыпин отмечал, что будучи тесно связан со славянофилами, Максимович тем не менее «не сходил с научной почвы» и был в свое время «наиболее авторитетным представителем южнорусской исторической и этнографической науки»¹⁶⁷.

«Романтическим идеализмом», по мнению Пыпина, была окрашена и деятельность «ревностного этнографа» А. Л. Метлинского, полагавшего, что народоведческие труды способствуют самопознанию и воспитывают самоуважение в народе. Соглашаясь с этой точкой зрения, Пыпин в то же время замечал, что автор сборника украинских песен¹⁶⁸ допускал некоторые «неточности» в своих суждениях. Так, Пыпин считал неверным мнение Метлинского о том, что народная масса играла лишь «пассивную, воспринимающую роль» в создании поэзии и что сама поэзия оставалась «неподвижна в течение истории»¹⁶⁹.

В области изучения прошлого Украины 1840-е гг. отмечены появлением пятитомной «Истории Малороссии» Н. А. Маркевича¹⁷⁰, которую Пыпин охарактеризовал как одну из первых попыток цельного исторического обзора, далеко не совершенную, но ценную обнародованием новых материалов¹⁷¹. Потребность в основательной документальной базе истории ощущалась всеми исследователями. В 1843 г. в Киеве была основана «Временная комиссия для разбора древних актов». Ее члены, М. А. Максимович и Н. Д. Иванишев, как отмечал Пыпин, много делали для изучения и издания памятников старины¹⁷².

К 1830–1840-х гг. относится начало деятельности известного ученого Н. И. Костомарова. Пыпин характеризовал его как «историка с оригинальным художественным дарованием; писателя с большим личным этнографическим опытом», явившегося «убежденным и компетентным защитником малорусской народности». Деятельность Костомарова была связана с общероссийской наукой, но труды ученого в основном посвящены объяснению «исторических судеб и народности Южной Руси». Он хорошо понимал и считал родным украинский народ¹⁷³. Защищая его от обвинений в «мрачном взгляде на русскую историю» и в пристрастии ко всему «малорусскому», Пыпин замечал, что Костомаров, не склонный к идеализации прошлого вообще, «не очень прикрашивал и малорусскую историю». Если он что-то критиковал, то только ради объективности, «в видах исторической правды, как она ему представлялась, и всегда с доказательствами в руках», которые нелегко было опровергнуть¹⁷⁴. В научном и литературном творчестве Костомарова украинская «история и этнография до конца остались его ближайшим и глубоким интересом»¹⁷⁵. Несмотря на несогласие с определенными взглядами историка, Пыпин называл Костомарова «лучшим выразителем» исторического сознания украинского народа¹⁷⁶, который своими исследованиями способствовал развитию «южнорусского самосознания». Его заслуга в том, что он «настаивал на определении областных элементов русской национальности и на признании их исторического права»¹⁷⁷.

Пыпин считал исходной точкой «историографического направления» Костомарова «народный романтизм»¹⁷⁸, повлиявший и на работы ученого более позднего периода¹⁷⁹. В 1840-е гг., когда в украинской историографии еще не было своей научной школы, своих приемов исследования, Костомаров уже «настаивал на необходимости изучения народной стороны истории», «духовного исторического и общественного» аспектов жизни¹⁸⁰. В его исторической концепции народ занимал важное место, являясь основой исторического движения¹⁸¹.

В тот же период формировались воззрения П. А. Кулиша, которого Пыпин называл «одним из самых рьяных представителей малорусского патриотизма и этнографии». В 1830–1840-е гг. он проникся «идеей народности» и стал изучать историю, язык, поэзию украинского народа. Издание его книги «Повесть об украинском народе» было приостановлено в 1847 г., поскольку

основная мысль автора заключалась в том, что Украина могла бы сделаться самостоятельной, если бы «не измена дворянства и не владычество Москвы». В 1857 г. Кулиш опубликовал «Грамматку», которая устанавливала правописание, названное «кулишовкой». В 1856–1857 гг. он издал два тома «Записок о Южной Руси» — главной, по оценке Пыпина, его работы в области малорусской этнографии, в которой прежний романтизм уступил место «более пристальному исследованию» и произведения народной поэзии разбирались в «ученом трактате», в результате чего получилась «цельная этнографическая картина»¹⁸². Вместе с тем Пыпин отмечал, что Кулиш никогда не был «ни чистым этнографом, ни чистым историком» — в историю и этнографию он вносил «поэтическое или публицистическое возбуждение»¹⁸³.

Наиболее ранним обращением самого Пыпина к украинской теме в печати являлась его рецензия на «Записки о Южной Руси» П. А. Кулиша. Первый том этого издания Пыпин назвал «энциклопедией разнообразных сведений о народе, говорящем языком южнорусским», и подчеркнул, что оно выгодно отличается от аналогичных изданий Н. А. Цертелева, М. А. Максимовича, А. Л. Метлинского и других, поскольку в нем прослеживается связь народного творчества с историческим процессом и народным бытом. К недостаткам Пыпин относил пристрастный взгляд издателя на украинскую народную поэзию. Решительно не соглашаясь с мнением Кулиша о принадлежности «Слова о полку Игореве» к древней украинской литературе, Пыпин утверждал, что нельзя определить «национальность» этого памятника, поскольку в период его создания не существовало «отдельной южнорусской народности»¹⁸⁴.

Откликаясь на выход второго тома «Записок о Южной Руси», Пыпин отмечал, что его ценность (как и первого тома) снижается из-за «отсутствия научных оснований, дилетантского взгляда» и необъективного отношения к изучаемому народу. Рецензент подчеркивал, что украинские песни, сказки, обычаи, предания «не могут считаться явлениями единственными в своем роде, как иногда представляется малорусским исследователям», их аналоги есть и в жизни других народов (для подтверждения этой мысли он приводил множество примеров сходства содержания, идей, деталей русских и украинских сказок)¹⁸⁵.

Пыпин положительно оценивал исторические публикации второго тома, особенно материалы о гайдамаках¹⁸⁶. По поводу

же помещенной в нем статьи польского автора М. Грабовского¹⁸⁷ о причинах украинско-польской розни в XVII в. критик писал, что в ней ярко отражены национальные предрассудки, оправдывающие действия поляков и обвиняющие украинцев. По мнению Пыпина, социальное, национальное, религиозное угнетение украинского народа — это не «частные обиды», как полагал Грабовский, а серьезные причины, приведшие к «всенародному восстанию на жизнь и смерть» за «самые обыкновенные человеческие права», в которых украинцам отказывал польский автор¹⁸⁸.

Мнение П. А. Кулиша о том, что восстание под предводительством Хмельницкого разгорелось *«из-за оскорбленного чувства человеческого достоинства»*, вероятно, не вызвало бы возражения Пыпина*, если бы издатель не прибавил, что в истории нет «ни одной борьбы, которая бы ведена была из-за такого высокого принципа»¹⁸⁹. В связи с этим высказыванием Пыпин заметил, что Кулиш возвел «напраслину на всемирную историю», в которой, «начиная с восстания римских невольников, множество народных волнений имело тот же смысл». Кулиш также «возвел напраслину на все европейские литературы», полагая, что в них нет ничего равного поэме Т. Г. Шевченко «Наймичка» «по наивности и трогательности содержания»¹⁹⁰.

Критику со стороны Пыпина вызвала и публикация Кулишем рассуждений И. Могилевского¹⁹¹ об украинском языке, относящихся к 1820-м гг., когда научного сравнительно-исторического изучения «славянских наречий почти не существовало». Как полагал Пыпин, издателю это понадобилось для того, чтобы утвердить «догмат о независимости, давности и богатстве южнорусского языка»¹⁹².

Пыпин предостерегал исследователей от одностороннего взгляда на предмет, приводящего к ошибочным выводам. По его убеждению, изучение народного быта, языка и истории требовало использования сравнительного метода, поскольку «нельзя решать вопроса о малорусской жизни и поэзии... вне связи их с однородными явлениями других племен, особенно великорусского, наиболее близкого к нему». Вместе с тем ученый призна-

* Позже, в «Истории русской этнографии» (т. 3, с. 200) Пыпин отмечал, что причины борьбы были шире: социальные, национальные, религиозные.

вал, что «первые опыты» публикации материалов, относящихся к прошлому Украины, имеют важное значение для этнографических и исторических работ¹⁹³.

В 1860 г. Пыпин откликнулся рецензией на выпущенный П. А. Кулишем литературный сборник «Хата»¹⁹⁴. Внимательно следивший за национальным подъемом, рецензент отметил начало новой фазы развития украинского самосознания, получившего отражение прежде всего в произведениях поэтов и прозаиков. Подчеркивая, что украинская словесность, характерной чертой которой являлась народность, еще не может быть поставлена в один ряд с английской, немецкой, русской литературой, он достаточно осторожно высказывался о перспективах развития украинской литературы. Попытки создания собственной литературы, по мнению ученого, имели объективные основания, но он высказывал сомнения, что «чумацкой жизни и гайдамацких воспоминаний» хватит для ее дальнейшего развития. «Не придется ли ей опять сознательно сойтись с „соседней словесностью“, имеющей более глубокое содержание¹⁹⁵? В то время под влиянием руководства «Современника» Пыпин был склонен рассматривать нарождавшуюся украинскую литературу как распыление сил, которые должны быть направлены на общую социально-политическую борьбу¹⁹⁶. Вместе с тем он с большим уважением относился к любым проявлениям национального бытия, и вскоре вопрос о самостоятельности украинской литературы как одной из форм духовной жизни народа для него уже не стоял.

Среди украиноведческих работ 1850-х гг. Пыпин отмечал¹⁹⁷ труды польских исследователей А. Новосельского (А. Я. Марцинковского)¹⁹⁸, Э. Руликовского¹⁹⁹, З. Фиша (Т. Падалицы)²⁰⁰ и др. К этому же времени относилось и начало длительной полемики М. П. Погодина²⁰¹ и М. А. Максимовича²⁰², которую Пыпин также не оставил без внимания (см. выше). Не вдаваясь в ее детали и не становясь ни на чью сторону, Пыпин подчеркивал, что в споре двух ученых вопрос стоял не только о доказательствах правоты того или другого, но «о большем или меньшем значении самой народности», что было важно «особливо для Максимовича»²⁰³.

Среди исследователей украинского языка Пыпин называл слависта П. А. Лавровского²⁰⁴, который обращал внимание на родство этого языка не только с русским, но и южнославянскими

языками. С 1860-х гг., как указывал Пыпин, обозначился новый поворот в изучении украинского языка, связанный с именем лингвиста А. А. Потебни, который полагал, что различие малорусского и великорусского языков существовало истари и их разделение произошло значительно ранее XII–XIII вв.²⁰⁵

В 1860-х гг., с развитием национального движения, как подчеркивал Пыпин, активизировалось и изучение украинского народа, его истории, языка, культуры. Немаловажное влияние на развитие научных исследований оказала «Основа». Обозначившийся на страницах журнала интерес к украиноведению впоследствии проявился в специальных исследованиях²⁰⁶. Определенные успехи делала этнография. Пыпин придавал большое значение методике сбора этнографических материалов. Как один из первых опытов «правильного собирания материала» он называл книгу Н. А. Маркевича «Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян» (Киев, 1860), представлявшую лишь часть задуманного большого труда, осуществить который автор не успел. Коллекция его документов была приобретена и пополнена И. Я. Лукашевичем. Много этнографического материала было собрано также Н. В. Закревским²⁰⁷.

«Капитальным произведением» малорусской этнографии назвал Пыпин издание М. Т. Симонова (Номиса) «Українські приказки и прислів'я и таке инше» (СПб., 1864), в котором пословицы расположены по рубрикам, сопоставлены различные варианты и указаны источники получения материалов; издание снабжено указателем для поиска пословиц²⁰⁸. Пыпин высоко оценил также этнографические сборники И. Я. Рудченко, сотрудничавшего в «Основе» и «Киевлянина». В одном сборнике²⁰⁹ составитель поместил рядом с народными сказками и песнями произведения «полуграмотной среды (лакейской, солдатской)», тесно связанной с народом. В другом сборнике²¹⁰ предпринята попытка систематизировать чумацкие народные песни, даны варианты одной и той же песни с приложением нот напевов и большой словарь малоупотребительных слов²¹¹. В ряду исследователей-этнографов Пыпин называл также А. И. Лоначевского, Б. Лавренко, Г. И. Купчанко²¹².

Особое внимание Пыпин уделял деятельности П. П. Чубинского, который в экспедициях по Юго-западному краю, организованных Русским географическим обществом, собрал и проанализировал обширный материал, сочетая научный подход

и «местный патриотизм». Научные результаты поисковой работы были опубликованы в «Трудах» экспедиции²¹³. В сборе материалов большую помощь оказали И. П. Новицкий, А. Ф. Кистяковский, В. Б. Антонович, Н. В. Лысенко, Н. И. Петров и др. Издание включало сведения о народных верованиях, обычаях, обрядах, быте, жилище, одежде, пище, говорах, юридических понятиях, экономическом положении крестьян, а также статьи этнографического и статистического характера²¹⁴.

Дальнейшее расширение научного изучения Малороссии Пыпин связывал с деятельностью Юго-западного отдела РГО, который, однако, просуществовал недолго, успев издать два тома «Записок» (1873–1874)²¹⁵.

В области изучения украинской истории Пыпин выделял работы Н. И. Костомарова «Богдан Хмельницкий» (1857), «Последние годы Речи Посполитой» (1869) и другие труды этого ученого, которые, по мнению Пыпина, «стали основой нового украинства»²¹⁶. Среди исследователей народного движения XVIII в. Пыпин называл Д. Л. Мордовцева, автора «Гайдамачины» (1870). Пыпин упоминал также о многотомной серии «Архив Юго-Западной России», публикация которой в 1859 г. была начата Временной комиссией для разбора древних актов в Киеве, и издании Археографической комиссии в Петербурге «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России»²¹⁷.

«Ревностным» исследователем южнорусской истории и этнографии, по определению Пыпина, был М. П. Драгоманов. Совместно с В. Б. Антоновичем он издал в Киеве двухтомник «Исторические песни малорусского народа» (1874–1875), который Пыпин назвал «истинно научным трудом», являющимся основой для дальнейших изысканий. Последние не заставили себя ждать — в 1876 г. Драгоманов издал «Малорусские народные предания и рассказы». Пыпин упоминал также о «Громаде» — заграничном издании Драгоманова (после 1876 г. жившего в эмиграции), и о нескольких его статьях на разные темы, в том числе о межнациональных отношениях на Украине²¹⁸.

Пыпин отмечал, что распространение народнических воззрений оказало влияние на науку: наряду с традиционными исследованиями появились труды (В. И. Щербины, А. А. Русова, А. Л. Шиманова, В. И. Василенко, П. П. Червинского, И. В. Лучицкого и др.) в области «экономического быта, земской статистики» и пр.²¹⁹.

Историком, изучившим все стороны жизни Юго-западного края, чье «мнение всегда основательно», Пыпин назвал И. П. Новицкого, автора «Очерка истории крестьянского сословия юго-западной России в XV–XVIII веке» (1876). Крестьянской теме посвящены также работы А. М. Лазаревского «Малороссийские посполитые крестьяне, 1648–1783» (1866), Н. Д. Иванишева «О древних сельских общинах в юго-западной Руси» (1857) и др.²²⁰

Пыпин не мог не обратить внимания на резкую перемену во взглядах П. А. Кулиша, причины которой, как он считал, не были результатом исследовательской работы и лежали вне научной сферы. Некогда один из пионеров украинофильства, Кулиш в последних своих работах, по словам Пыпина, «обрушился на исторические предания» Малороссии, при этом «грубо (и, главное, несправедливо) нападая на Костомарова и Шевченка»²²¹. В «Истории воссоединения Руси» (1874) Кулиш отказывался от былых идеалов и порой доходил до «отречения от своего собственного народа». «Некогда любезное казачество» он стал характеризовать как «буйный и беспорядочный сброд». В рассуждениях Кулиша Пыпин находил много преувеличений и односторонности, «страсти и нетерпимости»²²² (его позиция была подвергнута также серьезной критике со стороны Н. И. Костомарова²²³).

Из немногочисленных работ 1870-х гг. по истории языка Пыпин отмечал исследование П. И. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия» (Киев, 1876). Автор этого труда утверждал, что население Киевской Руси являлось предком современного украинского народа²²⁴.

Следующий подъем украиноведческих исследований приходится на 1880–1890-е гг. В этот период продолжалась конфронтация русских и украинских ученых по существенным вопросам, касающимся украинской истории, языка и литературы. Пыпин полагал, что суть «спора» между «южанами» и «северянами» не субъективна, а объективна, и коренится не в позиции, занятой украинофилами, как было принято считать в то время, а в этнопсихологических причинах и «в историческом предании». В 1880-е гг. Пыпин писал: «История русского юго-запада составляет один из наименее обработанных отделов нашей истории»²²⁵. Но уже в начале 1890-х гг. он отмечал появление за последнее десятилетие обширной литературы по истории и этнографии. И если в предыдущие периоды украинская проблемати-

ка разрабатывалась как русскими, так и украинскими исследователями, то в конце XIX в. преобладали работы украинских ученых, вдохновленных «любовью к родной местной старине и современной народности». В то же время Пыпин обращал внимание на редкость «крупных работ», объясняя это тем, что украиноведение не могло успешно и всесторонне развиваться при отрицательном отношении властей к национальному движению. Появилась масса небольших трудов по различным отраслям этнографии, содержащих много нового материала, разбросанного по разным изданиям (при отсутствии объединяющего центра, каким был Юго-западный отдел РГО)²²⁶. Поэтому о работах того периода, который предшествовал выходу в свет «украинского» тома «Истории русской этнографии», Пыпин часто упоминал «скороговоркой», называя лишь направления исследований, авторов и их труды. В области украинской этнографии тогда работали П. С. и А. Я. Ефименко, Н. Ф. Сумцов, В. П. Науменко и др.²²⁷. Откликаясь на работу Б. Д. Гринченко «Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях» (Чернигов, 1895–1896. Вып. 1–2), Пыпин коснулся проблемы записи народных преданий в этнографической практике, заметив, что в этом вопросе нет единства (некоторые предания были переданы по-русски)²²⁸.

В 1880–1890-х гг. развивались исторические исследования. Продолжали выходить тома «Архива Юго-Западной России» под редакцией В. Б. Антоновича; документальные публикации осуществлялись в изданиях Киевского университета, Киевской духовной академии, Одесского общества истории и древностей российских и др.²²⁹. «Историческое общество Нестора-летописца» в Киеве издавало свои «Труды». Пыпин отмечал, что общество мало известно в научном мире, но в его деятельности принимают участие такие известные научные авторитеты, как В. Антонович, Н. Дашкевич, П. Житецкий, А. Соболевский, А. Котляревский и др.²³⁰.

Единственным периодическим печатным органом, помещавшим документальные материалы и статьи по украинской истории и этнографии, был журнал «Киевская старина». Высоко оценивая журнал в ряду «первостепенных пособий» для изучения украинского народа, Пыпин подчеркивал, что это издание «стоит вдалеке от политических вопросов», связанных с малорусской литературой и народностью, и «довольствуется изучением

фактов». Ученый верно подметил преимущественное внимание журнала к разработке источниковой базы, что было сознательной тактикой редакции в условиях цензурных преследований²³¹.

Среди исследователей древнего периода истории Пыпин называл П. И. Житецкого, о южнорусских землях и княжествах писали В. Б. Антонович, Н. П. Дашкевич, П. Голубовский, о малорусской колонизации — Д. И. Багалей, В. И. Щербина, Е. Максимов²³². Рецензируя труд Голубовского²³³, Пыпин отмечал, что это полезная работа, делающая честь начинающему исследователю, но обращал внимание на форму изложения, напоминая, что ею нельзя пренебрегать, если всерьез думаешь о распространении научных знаний²³⁴.

В середине 1880-х гг. Пыпин отзывался об Антоновиче как о «бесспорно лучшем знатоке» южнорусской и западнорусской истории. Обширные знания ученого соединены «с сильным критическим приемом», «с искусством обобщения, с умением открывать движущие элементы исторического развития». Пыпин характеризовал его как «историка-аналитика», видевшего глубокие основания событий «народной и общественной жизни», и высоко оценивал его вклад в историографию, тем более значимый, что работы Антоновича базировались на источниках, впервые подвергавшихся научному изучению²³⁵. Его исследования — «образцовые труды, где наглядно и доказательно выясняется народная история южной Руси»²³⁶.

Среди исследователей истории Средних веков, эпохи Хмельницкого, гайдамацкого движения Пыпин упоминал В. Б. Антоновича, И. П. Новицкого, О. И. Левицкого, Ф. Терновского, А. М. Лазаревского, М. Ф. Владимирского-Буданова, В. С. Иконникова, А. А. Скальковского и др.²³⁷.

Украинскую литературу XIX в. исследовали Н. И. Петров и Н. П. Дашкевич²³⁸. В рецензии на книгу Н. И. Петрова²³⁹ Пыпин подчеркивал, что автор использовал в ней немало новых данных, извлеченных из рукописей, и привел огромное количество биографических и историко-литературных сведений. Петров сетовал на трудности изучения украинской литературы ввиду того, что она не получила «права гражданства» и периодически подвергалась нападкам, многие украинские писатели печатали свои произведения за границей и под псевдонимами. Соглашаясь с автором, Пыпин добавлял от себя, что при изучении истории украинской литературы допускаются преувеличения как «враждебного», так

и «сочувственного» свойства, в то время как нужно спокойное, беспристрастное изучение фактов. Именно такой подход он находил у Петрова, выделившего шесть периодов развития новой украинской литературы. Пыпин считал, что они определены «довольно верно, хотя не всегда довольно точно характеризованы». Рецензент замечал, что авторское объяснение «общих явлений и условий развития литературы» «довольно скудно» и Петров уклонился от определения своей позиции по вопросу о праве украинской литературы на самостоятельность²⁴⁰. На попытки Петрова причислить Пыпина к «ближайшим последователям» П. А. Кулиша и Н. И. Костомарова Пыпин решительно заявлял, что не разделяет многих идей Кулиша и не пользовался советами Костомарова²⁴¹.

В 1890-х гг. Пыпин обращал особое внимание на слабую изученность украинского языка, отсутствие грамматики и хорошего словаря. Проблемами языка и его историей занимались П. И. Житецкий²⁴², отчасти — В. Б. Антонович, Н. П. Дашкевич и др. Пыпин отмечал, что в среде ученых распространены различные взгляды относительно большей или меньшей самостоятельности «малорусского языка или наречия»²⁴³. Он приводил для примера мнение А. Соболевского о том, что в Киевской Руси господствовало великорусское наречие, а малорусское наречие — язык населения, пришедшего в Поднепровье примерно в XV в. из Волыни, Подолии, Галиции и ассимилировавшего местных жителей²⁴⁴. Эта концепция вызвала возражения П. Житецкого, В. Антоновича, В. Науменко и других ученых, которые настаивали на исконности малорусского языка на киевской земле²⁴⁵. Вопрос остался нерешенным, споры об украинском языке и народности продолжались, и Пыпин полагал, что «для сохранения научного достоинства» русской «ученой» литературы необходимо уделить этому вопросу «внимание, которого он заслуживает», чтобы полемика закончилась «на спокойной и свободной научной почве»²⁴⁶. У самого Пыпина не было сомнений, что следует признать право на существование украинского литературного языка на основе живой народной речи²⁴⁷.

В 1890–1891 гг. Пыпин принял участие в дискуссии с украинскими учеными по вопросу о том, кто может считаться наследником культурно-исторического прошлого Киевской Руси. Его внимание привлекла работа профессора Львовского университета О. (Е. М.) Огоновского «Studien auf dem Gebiete der

ruthenischen Sprache» (Львов, 1880). Автор объявлял украинский язык подлинным древним русским, а Древнюю Русь — Южной Русью, в то время как великорусский язык считал более поздним образованием, как и «Московскую Русь», присвоившую себе имя и язык древнерусского государства²⁴⁸ (Пыпин замечал, что автор опирается на теорию Ф. Духинского²⁴⁹).

Возражая Огоновскому, Пыпин объяснял, что в удельные времена все племена, как бы они ни назывались, были *русские* — по этнической принадлежности, языку, вере (самое древнее упоминание этого этнонима отмечено в Новгороде). Расширившееся Московское удельное княжество стало называться «русским» государством, не отнимая имени у Южной Руси. Соглашаясь с тем, «что малорусский язык» мог сохранить «некоторые древнейшие черты первоначального языка, утраченные в великорусском», Пыпин считал не подлежащей сомнению «коренную общность» двух языков. Он продолжал настаивать на том, что «расхождение» языков произошло в результате «политического распада юга и севера»²⁵⁰. В противовес Огоновскому, считавшему, что образованные деятели Южной Руси в XVII в. «разрабатывали московское наречие на основе своего языка», Пыпин утверждал, что не только Киев, но и русский север «работал для русской письменности». Если Россия несколько веков пользовалась южнорусским языком, как считал Огоновский, то почему, задавал полемический вопрос Пыпин, современный русский язык так отличается от того, на котором говорят в Восточной Галиции²⁵¹?

В отзыве на книгу О. Огоновского «Исторія літератури руської» (Львів, 1887–1889. Т. 1–2), автор которой считал, что «южнорусское племя» впервые вступило на историческую арену в эпоху Киевской Руси и литература того периода является непосредственным предшественником новейшей украинской литературы, Пыпин доказывал ошибочность позиции львовского ученого как с исторической, так и «национально-общественной» точки зрения²⁵². В ответ в львовской газете «Діло» появились полемические статьи О. Огоновского и И. Нечуй-Левицкого, в которых Пыпин обвинялся в отречении под натиском «московских панславистов» от «украинофильских» взглядов на самостоятельное развитие украинского языка и литературы, в политической публицистичности позиции, в следовании «государственному принципу» в подходе к украинскому вопросу²⁵³. В действительности же Пыпин лишь утверждал, что Южная и Северная

Русь составляли единое «племя», одно государство, имели общий литературный язык и памятники словесности.

В 1880–1890-е гг. во многих номерах журнала «Вестник Европы» печатались статьи Пыпина об украинском национальном возрождении и отклики на литературу, посвященную украинским сюжетам. Кроме упомянутых выше рецензий, можно отметить пространственный отзыв ученого об издании ранее не публиковавшихся поэтических и прозаических сочинений Т. Шевченко²⁵⁴. Оно послужило поводом для того, чтобы еще раз напомнить об украинском национальном движении и реакции на него в правительственных кругах и обществе, о положении в науке, где украиноведение было представлено «очень скудно», и в печати, где «русские большие журналы чуждались... статей о Малороссии». Вновь изданные сочинения поэта, как и опубликованные ранее, проникнуты, по словам Пыпина, «глубокой привязанностью к родине, ее народу», они содержат много автобиографических черт, и тем вызывают еще больший интерес²⁵⁵.

В отзыве на издание последних работ Н. И. Костомарова²⁵⁶ Пыпин особенно подробно рассматривал автобиографию историка, подчеркивая, что по цензурным соображениям в ней пропущены целиком главы о его аресте и ссылке (в связи с делом Кирилло-Мефодиевского общества), об университетских событиях 1861 г. в Петербурге, а также характеристики различных людей²⁵⁷. По поводу дискуссионной статьи Костомарова²⁵⁸, вызвавшей в свое время полемические отклики в печати, Пыпин счел нужным еще раз напомнить, цитируя автора, что тот отверг обвинения в сепаратистских замыслах, подчеркнув, что «две русские народности дополняют одна другую и их братское соединение спасительно и необходимо для них обеих»²⁵⁹.

Пыпин не мог не обратить внимания на трехтомный труд П. А. Кулиша «Отпадение Малороссии от Польши (1340–1654)», изданный в 1889–1890 гг. и представлявший, по определению Пыпина, памфлет, в котором автор — «бывший рьяный украинофил» — все поставил «вверх ногами». Продолжив начатое в «Истории воссоединения Руси», Кулиш выступил против того, что упорно защищал раньше — против казачества, Хмельницкого и пр. «Желчность завела г. Кулиша так далеко, — писал Пыпин, — что он постоянно впадает в односторонность, не видит событий в их широком историческом значении и — едва ли не перестает понимать свой народ»²⁶⁰.

Откликнулся Пыпин и на большую работу М. С. Грушевского «Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия», вышедшую в Киеве в 1891 г. Рецензент отмечал стремление автора отделить «областную историю от целой истории древней Руси». Грушевский включился в продолжившую в конце века давний спор М. П. Погодина и М. А. Максимовича дискуссию историков и филологов, склоняясь к концепции «непрерывности народной жизни в киевской земле». Грушевский, по словам Пыпина, «не признает за монгольским нашествием решительного, фатального значения для состояния страны, но придает значение в другом отношении — в перестройке политико-общественных отношений». Пыпин считал, что наука не обладает еще достаточными данными, чтобы решить «один из самых спорных вопросов» древней истории Руси, и потому продолжают существовать противоположные взгляды на проблему «давности малорусского народа и языка»²⁶¹.

В связи с работой Грушевского Пыпин затронул вопрос о формировании в 1880–1890-х гг. украинской исторической школы, сложившейся на базе Киевского университета. Главой этой школы являлся В. Б. Антонович, в нее входили профессора и питомцы этого университета — Н. П. Дашкевич, Н. В. Молчановский, П. В. Голубовский, Д. И. Багалей, М. В. Довнар-Запольский и др. Исследования ученых, вызванные «одной научной инициативой», печатались сначала в «Киевских университетских известиях», а затем отдельными книгами²⁶². Пыпин отмечал, что представители этой школы, может быть, не всегда правы, но в их позиции есть «внутренняя логика», и возражать им можно «только таким же оружием исторической логики», основанной на фактах²⁶³.

* * *

История Украины, происхождение украинского народа, вопросы национальной культуры и национального движения нашли отражение во многих статьях и рецензиях А. Н. Пыпина, а также в его обобщающих трудах. Так совпало, что «Обзор истории славянских литератур» появился сразу после того, как подъем украинофильства вызвал реакцию на него со стороны правительства и националистически настроенной части русского общества. «История славянских литератур» вышла в свет после завершения вто-

рого этапа украинского национального движения, спаду которого также способствовали власти. Издание «малорусского» тома «Истории русской этнографии» пришлось на период ослабления антиукраинской политики и расширения украиноведческих исследований. Во всех случаях обращение Пыпина к украинской теме служило напоминанием о нерешенных национальных проблемах и задачах культурного развития украинского народа.

Большое научное наследие ученого позволяет судить как об устойчивости его основных позиций в отношении проблем украинского национального развития, так и об эволюции взглядов по некоторым конкретным вопросам (например, о степени самостоятельности украинской литературы). Руководствуясь сравнительным, общественно-историческим подходом к анализу национальных движений, Пыпин рассматривал национальный подъем на Украине в одном ряду с социально-политическим и культурным развитием других славянских народов. Вместе с тем Украина воспринималась им как часть единого российского государственного организма и как составляющая восточнославянского этнокультурного и социально-политического целого, в рамках которого сохранялись индивидуальные национальные особенности образующих его этносов.

События общественно-политической жизни России, рост украинского движения, развитие исследований в области украиноведения не могли не сказываться на изменении ракурсов рассмотрения некоторых аспектов процесса формирования украинской народности. При этом неизменным оставалось скептическое отношение ученого к концепции «исконности», «древности» украинской нации, языка и литературы. Он не признавал «патриотизма», проповедующего национальную исключительность, ксенофобию, идеализацию национальных черт. Защищая украинофильство (которое представлялось ему более однородным, чем было на самом деле) от необоснованных, по его убеждению, нападок, положительно оценивая вклад этого общественного течения в развитие украинского национального самосознания, Пыпин в то же время недооценивал (или не видел) сепаратистских тенденций этого движения. Он неизменно подчеркивал этническую и культурную общность восточнославянского населения Малороссии и Галичины и связывал будущее с объединением их национальных движений. Чуждый как украинофильских, так и русификаторских крайностей, ученый старался максимально

объективно изложить события отдаленного и недавнего прошлого украинского народа, его национальные стремления, осветить состояние украинского вопроса в Российской империи.

А. Н. Пыпин проследил становление и развитие на протяжении XIX в. украинской национальной идеологии и украинского национального движения, вызвавших неоднозначную (от поддержки до преследования) реакцию различных общественных кругов России. Он неоднократно указывал на невозможность свободного обсуждения украинского вопроса, но его собственное обращение к соответствующей проблематике немало способствовало привлечению внимания к этому вопросу и объективно оказывало поддержку украинскому национальному движению.

Ученый показал, как украинская тематика постепенно заняла прочное место в общественной и научной мысли России. Он уделил большое внимание развитию украиноведения, рассматривая научный вклад как русских, так и — особенно — украинских исследователей (не забывая при этом о роли польских ученых). Пыпин отметил особенности исторической концепции, характерной для украинских ученых, и связанные с этой концепцией взгляды в отношении языка, литературы и т. д. Неоднократно он подчеркивал не критичность украинских исследователей в оценке черт национального своеобразия. Определив этапы, которые прошло изучение Украины, ученый указал на формирование собственно украинской научной школы.

Пыпин выводил украиноведческую проблематику из узких рамок региональных исследований, давая ей «прописку» в общероссийской науке. Его труды способствовали становлению украиноведения и оказывали немаловажную помощь развитию самой украинской научной мысли. Это не могло не вызвать положительной реакции в украинофильской историографии, хотя некоторые аспекты трудов и отдельные взгляды Пыпина получали в ней неоднозначные оценки²⁶⁴.

История белорусских земель. Особенности исторического, политического, социально-экономического и культурного развития Белоруссии обусловили замедленность процесса формирования национального самосознания белорусов и во многом определили более позднее, чем у многих других славянских народов, формирование нации²⁶⁵. В русской историографии XIX в. Белоруссия, наряду с Украиной, рассматривалась не как самостоятельная еди-

ница, а как неотъемлемая часть Российской империи, именуемая Северо-Западным краем. Собственно Белоруссия обычно ограничивалась Могилевской и Витебской губерниями. Белорусским считалось население восточных районов края, от Смоленска до Березины, жители западных и центральных районов назывались «литвинами» (жители Полесья — «поleshуками»). Белорусский язык рассматривался как наречие русского языка.

Внимание к Белоруссии заметно повысилось в связи с польским восстанием 1863–1864 гг., охватившим белорусские земли. Развитие белорусского национального движения шло в основном по тем же направлениям, что и украинского, но масштабы и темпы этого движения в Белоруссии были значительно скромнее. Поэтому белорусского вопроса, в отличие от украинского, не сложилось. Однако растущая востребованность национальной проблематики создала стимул для научных разработок и в области белорусской истории, этнографии, лингвистики, фольклористики.

Не остался в стороне от этих исследований и А. Н. Пыпин, посвятивший Белоруссии часть четвертого тома своего труда по истории этнографии²⁶⁶. Если «Этнография малорусская» занимает целый том данного издания, то белорусская этнография уместилась на 173 страницах. Но и это следует считать большим положительным сдвигом в изучении белорусского народа, в систематизации научных данных, относящихся к Белоруссии.

В более ранних обобщающих работах Пыпина белорусская тема не выделялась в самостоятельную. В «Обзоре истории славянских литератур»²⁶⁷ третья глава, именуемая «Русское племя», не содержит раздела, посвященного белорусам и белорусской литературе. Но во введении к книге и в дальнейшем изложении Пыпин дал некоторые сведения о белорусах (численности, занимаемой ими территории, языке, религии) и наиболее важных событиях в их политической истории и духовной жизни.

В «Истории славянских литератур»²⁶⁸ сведения, касающиеся Белоруссии, принципиальных изменений не претерпели, разве что появилось больше подробностей, новых статистических и других данных. В отличие от «Обзора» в 3-й главе «Истории» возник новый раздел — «Народная поэзия», несколько страниц которого посвящены не столько самой белорусской народной поэзии, сколько истории ее изучения. Практически Пыпин сжато изложил те сведения, которые впоследствии, в «Истории русской этнографии» дал в развернутом виде.

Подготовительным этапом к сводному белорусоведческому труду можно считать и журнальные публикации Пыпина. В отделе библиографии «Вестника Европы» он постоянно помещал заметки и рецензии на издания, имеющие отношение к Белоруссии, отмечал развитие там краеведения, участие местной интеллигенции в собирании произведений устного народного творчества, активизацию деятельности этнографического отдела Русского географического общества по изучению белорусского народа и т. п.²⁶⁹. Ученый печатал в журнале и статьи по белорусской этнографии, которые потом вошли в «Историю русской этнографии»²⁷⁰. Не ограничиваясь литературой, Пыпин черпал сведения из белорусских источников. Среди его корреспондентов были исследователи-этнографы, собиратели белорусского фольклора, к которым ученый обращался с просьбой сообщать данные о себе и своих работах для включения их в сводный историко-этнографический труд²⁷¹.

В 1892 г. вышел завершающий том капитального труда «История русской этнографии», в котором Пыпин представил все, что было накоплено к тому времени в области изучения Белоруссии*. Это обобщающее исследование имеет преимущественно историографический характер, но немало внимания в нем уделено историческим сведениям. То, что обзоры украинской и белорусской этнографии включены в труд по русской этнографии, подтверждает неизменность взглядов Пыпина на принадлежность этих народов вместе с великорусским к общему для них «русскому племени».

Так как в связи с развитием национального самосознания изучение истории, уклада жизни, быта, обычаев, обрядов, творчества народа становилось «все более господствующим интересом общества», Пыпин оговаривался, что его труд предназначен не столько для узкого круга специалистов, сколько вообще для «образованных любителей народоведения и начинающих этнографов»²⁷². Обращение Пыпина к жанру научно-популярного обзора давало ему возможность в рамках «ученого сочинения» затронуть наряду с сугубо научными и злободневные общест-

* Пыпин считал этнографию наукой, исследующей различные грани материальной и духовной жизни народа в прошлом и настоящем. Для более глубокого изучения предмета он использовал также труды по истории, географии, статистике, языкознанию, фольклористике и др.

венно-политические темы. Автор не только излагал историю изучения Белоруссии, но и намечал «настоятельные задачи дальнейшего исследования»²⁷³.

Изложение истории белорусского народа велось в том же ключе, в той же последовательности, что и в более ранних работах. Однако в трудах о славянских литературах Пыпин стремился прежде всего показать связь исторических фактов с литературным процессом. В труде по истории этнографии те же исторические сведения получали иной ракурс — они позволяли взглянуть на события прошедшего с точки зрения формирования белорусской народности и перспективы национальной самобытности белорусов. Пыпин возвращался к этому вопросу неоднократно — в связи с рассмотрением условий, в которых в разные периоды велось изучение Белоруссии, анализом тех или иных направлений белорусоведения и работ отдельных исследователей.

Свой обзор истории изучения Белоруссии Пыпин начинает вопросом: существует ли «белорусская этнография» как самостоятельная область знания и существует ли предмет исследования — «самая белорусская народность»? Подобная постановка вопроса не случайна: тремя десятилетиями ранее, в период польского восстания 1863 г., часть русского общества «внезапно увлеклась соображением, что этот край — русский», и данная версия «усердно пропагандировалась». Доказывалось, что «белорусская народность даже не существует», поскольку «составляет то же единое русское племя без всякого отличия от его коренной массы, что „Белоруссия“ есть только географический термин»²⁷⁴. Чтобы обосновать отдельное изучение «западной отрасли русского племени», Пыпин предварял этнографическую часть обширными «историческими замечаниями».

Не подвергая сомнению происхождение белорусского народа «из одного корня» с русским и украинским народами, ученый считал, что по «племенным свойствам» белорусы более близки к «великорусскому народу», но с «малорусским народом» они делили в течение многих веков «общую историческую судьбу». Уже в древности северо-восточные и западные племена Руси, имея много сходного, имели и определенные отличия, «местные бытовые особенности»²⁷⁵, усилившиеся в дальнейшем так, что оказалось непросто выявить общие типичные черты белорусского крестьянина и великорусского мужика²⁷⁶. Возражая некоторым «публицистам», утверждавшим, что белорусы «составляют просто отрасль

вполне сформированного уже в древности, цельного русского народа», Пыпин подчеркивал, что таковой только начал складываться, когда внутренние и внешние события нарушили этот процесс²⁷⁷.

Упомянув об ареале распространения племен кривичей и дреговичей, составивших основу белорусского народа, Пыпин остановился на том периоде истории, когда жизнь белорусских земель «пошла уже особняком». При объединении литовского племени со славянским населением западной части Руси в одно государственное целое под названием *Литва* (XIV в.) «это прозвище стало достоянием Белорусского края и белорусской народности»²⁷⁸. Но славяне сохранили свой язык, который «был языком господствующим, языком княжеского дома, законодательства и управления». На нем, как языке официальном, были написаны многие документы и грамоты, а также законодательные памятники (статут Казимира Ягеллона, Литовский статут и др.). Языком книги Великого княжества Литовского также «стало наречие западно-русское (польско-русское, белорусское)», которое Пыпин характеризовал как «странный язык, соединявший в себе общую русскую основу с оттенками старо-славянского, польского, южного и собственно белорусского»²⁷⁹.

Поскольку язык является одним из важных национальных признаков, Пыпин обращал специальное внимание на вопрос о формировании белорусского языка. Он полагал, что в этом процессе внешние причины (в частности, польское влияние) играли второстепенную роль, главное заключалось в давних «диалектических (диалектных. — Е. А.) отличиях», которые «были более обширны, чем нам теперь известно» (таким образом, указывалось на неразработанность данного вопроса в науке). Эти языковые особенности, считал ученый, проявились уже в XI в., т. е. задолго до польского влияния, которое было сильно «в белорусской письменности и книжности с XV–XVI века». Следовательно, делал вывод Пыпин, белорусский язык «не происходит от великорусского, а развивается одновременно с ним из близкородственных, но отдельных племенных элементов и в весьма различной политической и бытовой обстановке». При этом, основываясь на положении о большей близости друг к другу русских племен на востоке и западе, он полагал, что отличий белорусского языка от великорусского гораздо меньше, чем украинского от великорусского, но оговаривался, что степень родства определяют дальнейшие исследования²⁸⁰.

Белорусские земли, все больше теряя «прежнюю связь с мас-сою русского восточного племени», испытывали возрастающее литовское и польское «вмешательство», влияние польского политического строя и обычаев, католицизма и унии. Они «мало участвовали в том культурном состоянии и литературе, которые развивались в северной и восточной Руси, централизованной в Москве»²⁸¹ *.

Важную роль в судьбах народов играл религиозный фактор, зачастую оказывавшийся сильнее национального. Различные «религиозные системы» сближали или отдаляли и разъединяли родственные народы. Это положение Пыпин иллюстрировал «белорусским примером»: «В те времена, когда наша историческая жизнь была еще свободна от всяких чужих культурных влияний и руководилась непосредственными внушениями патриархальных понятий, русские были как нельзя больше далеки от своих соплеменников, которые были к ним даже гораздо ближе сербов и болгар, но виноваты были в католицизме. Таковы были, например, отношения древней Руси к „Литве“, т. е. к белорусам: они были еретиками, с которыми, конечно, не мог иметь дела русский православный человек 16–17-го века, — он отрекся бы даже от них, не только от других славянских католиков, если бы кто-нибудь стал требовать от него братского сочувствия к ним и единения»²⁸².

Не соглашаясь с мнением славянофилов, изображавших жизнь западнорусских племен как сплошную череду насилий со стороны «чуждых элементов» и характеризовавших белорусский народ, покинутый «высшими сословиями», как «безгласную жертву», остававшуюся в таком положении, пока в дело не вмешалась «могущественная русская империя», Пыпин решительно заявлял, что в действительности «события шли не так внезапно и не одним путем насилия»²⁸³. В Литовском государстве культура Западной Руси «взяла верх». Соединившись с Польшей, оно еще два века сохраняло свою «отдельность». Полонизаторские тенденции, усилившись с конца XVI в., нанесли «удар по формированию западнорусской народности», но эта историческая

* Пыпин пояснял, что русская литература — это литература преимущественно «великорусской части племени», другие его части «до соединения участвовали в культурной истории великорусской Москвы... только в одно известное время, в 16–17-м столетиях».

эпоха была еще «недостаточно выяснена»²⁸⁴. Полонизированные высшие и частично средние слои белорусского населения отдалялись от своего народа, принимали «польские нравы, а с ними религию и язык», в следующих же поколениях — совсем забывали о своих корнях. Успех полонизации Пыпин объяснял не только корыстным расчетом белорусского «высшего сословия», но и объективной причиной — «более высокой степенью культуры» Польши²⁸⁵. Дело не ограничивалось полонизацией и окатоличиванием верхушки белорусского общества — «стала угрожать опасность и народному православию»²⁸⁶. Народ частично был обращен в католицизм или унию, но в массе сберег свои обычаи, язык, «давнее предание первого русского православия»*, так что о поголовной «измене» говорить неправомерно. Однако, согласно Пыпину, народ был слишком слаб, чтобы защищать свое достояние²⁸⁷.

Борьба с православием на белорусских землях велась методом «ожесточенной религиозной нетерпимости», но эта борьба, по мнению Пыпина, имела не только отрицательные последствия. Католическая пропаганда, «проводимая иезуитами, пробудила в русской народности чувство самосохранения». В XVI столетии «русская аристократия Литвы имела еще в своей среде ревностных защитников православия» (Константин Острожский). В Западной Руси «появляется усиленная литературная деятельность, которая, впрочем, ограничивалась одной религиозной полемикой». Именно в литературной сфере наблюдается противодействие католической пропаганде и унии. Для отпора им, объяснял Пыпин, «нужно было бороться с ними равным оружием, и потому западно-русское православие вооружается той же схоластической наукой и теми же схоластическими формами литературы». Языком этой литературы являлся старославянский язык, «отчасти уже выработавшийся тогда книжный великорусский», но большая часть книг (переводы отцов церкви, полемические сочинения и др.) была написана «тем западно-русским наречием, которое тогда отразило в себе смесь элементов, живших в Литовской Руси, и особенно польское влияние». Даже богослу-

* В современной литературе высказывается мнение, что в XVI в. «украинское» или «белорусское» православие не отличалось существенно от «московского» православия (Дмитриев М. В. Православная культура Московской и Литовской Руси в XVI в.: степень общности и различий // Белоруссия и Украина. История и культура. С. 22).

жебные книги на старославянском языке, печатавшиеся в западнорусских типографиях, «снабжались белорусскими предисловиями, дополнениями и объяснениями»²⁸⁸.

Необходимость защиты православия от католицизма, считал Пыпин, привела к созданию не только литературы, но и «южной и западной русской школы» как выражения народного сопротивления. Несмотря на то что школы были устроены по образцу католических учебных заведений, «в эти чужие формы было вложено самостоятельное содержание», и из новой школы выходили «просвещенные иерархи, создавшие обильную церковно-полемическую литературу», которая не уступала польской «по учености». В ней получали образование «борцы за русскую народность в казацких восстаниях», в которых принимала участие и Белая Русь²⁸⁹.

Получили также развитие «церковные братства, деятельность которых распространилась от Вильны до Киева и Львова и была сильным орудием самозащиты русского народа»²⁹⁰. По определению Пыпина, они составили специфическую особенность Южной и Западной Руси, отсутствовавшую в московском государстве²⁹¹. Братства образовались в XV–XVI вв., «развились в настоящую общественную силу», приобрели большой авторитет, поскольку имели опору в народе, преданном православной вере. Ученый характеризовал братства как «любопытное» историческое явление, связанное с тем, что вероисповедная борьба велась «не церковными пастырями, а мирянами», и в церковной литературе выступали «доктор Скорина, князь Острожский» и др.²⁹².

К теме братств Пыпин обратился снова в 1900 г. в связи с выходом книги А. А. Папкова²⁹³, утверждавшего, что церковно-хозяйственная, благотворительная и просветительская деятельность мирян-прихожан развила в них «гражданское самосознание». Приветствуя дополнительные сведения, которые привел автор по сравнению с прежними исследователями братств, Пыпин не нашел в книге ответа на вопрос, «откуда возникло и как сложилось это широкое и деятельное участие православных мирян в делах своей церкви, их „гражданское самосознание“, „самодетельность“, „организация“, их просветительные стремления, которые выразились основанием школ, замечательных для XVI в., многочисленных типографий и т. д.». Предположение автора, что западнорусские братства можно связать с древнерусскими «братчинами», Пыпин считал «весьма

вероятным», но общим у них, по его мнению, была только «простая зачаточная форма этих союзов или собраний». На вопрос об источнике братского движения Пыпин отвечал следующим образом: «Очевидно, что источник был в самой местной жизни», которая до соединения Литвы с Польшей сохраняла свою самобытность, влиявшую на развитие просвещения и «общественной инициативы». Когда до Польши и Литвы докатились отголоски Реформации, идеи религиозного протеста нашли последователей среди белорусского населения. И как только возникла необходимость защиты самого православия, в западнорусском обществе началось «замечательное движение» — «ревностная деятельность братств», которые дожили до конца польского владычества, а затем пришли в упадок. Ссылаясь на Папкова, Пыпин указывал, что причиной упадка братств были последствия крепостного права и новая система местного управления²⁹⁴.

Именно в Белую Русь, напоминал Пыпин, бежал «первый русский типографщик» Иван Федоров, здесь основывается ряд русских типографий, «сюда уходит князь Курбский и примыкает к совершавшемуся здесь религиозно-полемическому и образовательному движению» и т. д. Это движение имело «местные» особенности, формировавшиеся в течение нескольких веков, а не сложилось исключительно под польским влиянием, как думали в Москве²⁹⁵. Оно «возникало совершенно независимо от России московской», с которой объединяло лишь «старое православное предание».

Пыпин отмечал, что в начале XVI в. в Белой Руси Франциск Скорина сделал перевод Библии на «западное наречие» (белорусский язык в соединении с церковно-славянским, с большой примесью полонизмов и чехизмов)²⁹⁶. Именно язык этого перевода, считал Пыпин, и «дает материал для характеристики тогдашнего состояния белорусского наречия». Речь идет о первой «русской» печатной Библии. Скорина задумал издать Библию как книгу для простых людей. Его деятельность Пыпин назвал одним из самых интересных и «наименее известных пунктов в истории старой русской литературы». Сведений о Скорине сохранилось немного: некоторые исследователи считали его католиком, другие — протестантом. Он вполне мог получить образование в католическом университете, но при этом, как указывал Пыпин, «пропаганда Скорины была православная». Кроме того, подчеркивал ученый, в «ту пору крайнего религиозного возбуж-

дения перевод Библии получал большое, не только церковное, но национальное значение²⁹⁷.

Таким образом, во времена польского господства, делал вывод Пыпин, белорусский народ, испытывая различные притеснения, обогатился «культурными приобретениями», которые в XVI–XVII вв. «помогли ему в борьбе за свою народную личность и старое церковное предание»²⁹⁸.

Заключение Брестской церковной унии (1596) во многих отношениях оказалось переломным в истории белорусских земель, изменив конфессиональную ситуацию и произведя существенные сдвиги в культурной, социальной и политической областях²⁹⁹. Пыпин связывал события конца XVI в. с усилением польского давления и называл унию одной из «бед» белорусского народа, отмечая при этом, что в Московском государстве враждебно относились к унии и не во всех вопросах «сходились» с западными православными. Брестская уния, по его оценке, окончательно подорвала силу православия³⁰⁰.

Под властью Польши, напоминал Пыпин, белорусские земли стали считаться ее неотъемлемой частью; народная масса превратилась в крепостных, чьи интересы не брались в расчет. В XVII в. «белорусский край принял известное участие в волнениях Малороссии при Хмельницком, но разрозненный и слишком угнетенный, не мог добиться какого-нибудь облегчения своей участи»³⁰¹. Со второй половины столетия, отмечал ученый, Россия стала уделять большее внимание положению белорусского населения под польским владычеством.

После разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. белорусские земли, вошедшие в состав Российской империи, занимали «значительную часть так называемых западных губерний: Могилевскую, Минскую, большую часть губерний Витебской и Гродненской, часть губернии Виленской и, по новым известиям, — Августовской в Польше»³⁰². Численность белорусского населения определялась (по Шафарику) в 2 млн 726 тыс. человек, из которых католики составляли лишь 350 тыс. человек³⁰³. По более поздним данным, насчитывалось 4 млн белорусов³⁰⁴.

Начался новый этап в истории Белоруссии. Тем не менее, подчеркивал Пыпин, присоединение к Российской империи «Руси Литовской» «долго не могло пересилить хода вещей, установившегося в течение польского периода» — по-прежнему ощущалось сильное польское влияние в этом крае³⁰⁵.

В России «приращение» новых территорий воспринималось отнюдь не в русле идеи «народной солидарности». Пыпин отмечал, что отношение имперского правительства к народу Белоруссии полно «недоразумений», «раздражения», «взаимного непонимания»³⁰⁶. Русская власть «не признала края русским, и присоединение политическое не повело к освобождению племенному»³⁰⁷. Белоруссия была «новой страной», о которой русское общество мало знало. В отсутствии интереса к ней сказывалось «историческое разъединение» родственных народов. Вместе с тем имперская администрация не преминула упрочить крепостное право на белорусских землях. По сравнению с Украиной, писал Пыпин, в Белоруссии «народная масса была гораздо более подавлена и не имела внешних способов сплотиться для сопротивления», борьба за православие и народные права здесь особенно требовала поддержки России³⁰⁸. Но российские власти, руководствуясь не чувством «национального единства», а внешнеполитическими соображениями, не спешили наладить в Белоруссии «свою церковную жизнь» (т. е. не способствовали быстрому восстановлению православия), не уничтожили организации иезуитов, а вверили им воспитание белорусского юношества. Сохраняя свои бытовые и культурные особенности, белорусские территории «в империи» не считались «тождественными с Россией»³⁰⁹.

С другой стороны, Пыпин рассматривал, что дало присоединение к России белорусам. Продолжая исторический экскурс*, он отмечал, что после второго и третьего разделов Речи Посполитой усилилось движение униатов к православию, хотя во многих случаях не обошлось без «волнений и насилий». В восточной части Белоруссии православие стало преобладающим, уния сохраняла позиции в западной части, где сильнее ощущалось польско-католическое влияние³¹⁰. Отрицательным моментом явилось возвращение польским помещикам при императоре Павле конфискованных имений в Белоруссии, расширение их прав и власти, предоставление большей свободы действий иезуитам. При Александре I Польша надеялась на возврат белорусских земель, но эти надежды не оправдались³¹¹.

* Пыпин черпал фактический материал из трудов М. О. Кояловича, сделав оговорку, что специально приводит его взгляды «с оттенком белорусского антипольского раздражения», весьма популярные в определенных кругах и получившие в историографии название «западнорусизма».

В 1839 г. уния была ликвидирована, что, однако, как указывал Пыпин, не повело «к народному оживлению», для чего требовалось «прежде всего освобождение крестьян, то есть освобождение православных крепостных от католических помещиков, а затем хоть какая-нибудь степень самостоятельности общественной, — а для нее в тогдашнем режиме не было места»³¹².

Присоединение белорусских земель к Российской империи вело, по утверждению Пыпина, к естественному слиянию населения Северо-Западного края с «основной русской массой», но оно не могло быть «простым слиянием тождественных стихий», поскольку в результате исторического и культурного развития тождества как раз и не было. Суммируя известные науке исторические, этнографические, культурологические и другие сведения о развитии ареала, населенного белорусами, Пыпин приходил к заключению, что «народность этого края» следует оценивать «как особый оттенок русского национального целого» в рамках «общерусской» (восточнославянской) идентичности³¹³.

К этнокультурной в 1860-х гг. добавилась политическая составляющая процесса формирования белорусской нации, при этом роль культурного фактора оставалась по-прежнему чрезвычайно важной³¹⁴. Военное положение, введенное во время восстания 1863 г., долго сохранялось в крае, мешая свободному развитию «местной жизни» со всеми ее особенностями, что не могло не нанести, по убеждению Пыпина, ущерба «государственному интересу» России, ибо только «в успехах этой жизни заключено ручательство здорового, цельного развития общности, народности и самого государства»³¹⁵.

Период после «усмирения» восстания Пыпин связывал с деятельностью в крае «не лучших» представителей русского общества «известного консервативного оттенка» мнения, проводивших в жизнь идею «обрусения» края и «восстановления» русской народности. Принимались крутые административные меры по уничтожению там польского землевладения, выселению «польского элемента». Был поднят вопрос о «воссоединении русской народности», тогда как, по определению Пыпина с заметным полемическим преувеличением, почти за столетие совместного существования об этом не было и речи, и «национальные инстинкты» никак себя не проявляли. Белорусы, пояснял ученый, «не оправдали» ожиданий властей, и те решили «подправлять эту народность», в то время как надо было проявить понимание

исторических процессов и отличительных особенностей родственных народов³¹⁶.

Эти слова звучали прямой критикой действий властей. Восстановление «русской народности» в крае, писал ученый, носило принудительный характер и проводилось «ревнителями обрусительства» из Петербурга и «внутренних губерний», не знакомыми с особенностями края и готовыми искоренять там не только польское, но и «русское начало» (т. е. белорусское, отличное от великорусского). Они не учитывали, что белорусские национальные особенности «были созданы не одним польским влиянием, но и давней отдельной областной жизнью западного русского племени»³¹⁷.

В то же время эти же люди, подчеркивал Пыпин, в противовес «польским притязаниям» объявляли край «чисто русским», со всеми «давними основами русской народности»³¹⁸. Подобное двойственное отношение к населению белорусских губерний, отмеченное Пыпиным, имело исторические корни. С XVIII в., если речь заходила о территории расселения русского народа, местная специфика игнорировалась, но на ней акцентировалось внимание, когда актуализировались задачи борьбы с «полонизмом». Такая политика «оказалась малоэффективной с точки зрения достижения стратегических интеграционных целей»³¹⁹. Высказывая свою точку зрения, Пыпин отмечал, что искусственным, насильственным путем объединение народов не может осуществиться. Он особо подчеркивал тот факт, что «политический и народно-общественный» белорусский вопрос невозможно обсуждать в печати³²⁰.

Изучение Белоруссии. Интерес к народной жизни, народному творчеству был связан с процессом национального пробуждения, который у белорусов проходил медленнее, чем у других народов. Пыпин отмечал, что белорусская народность поздно обратила на себя внимание и оставалась слабо изученной. В 1860-х гг. интерес русского общества к белорусским землям имел несколько аспектов. Социальный был связан с отменой крепостного права. «Освобождение крестьян, — писал Пыпин, — в первый раз открыло для русского общества в полной мере вопрос о *белорусском народе*, с которым, однако, еще предстояло познакомиться, потому что о нем недоставало иногда даже элементарных сведений». То обстоятельство, что

до этого времени вопрос о судьбе Белоруссии не стоял, Пыпин объяснял недостаточным знанием истории, отсутствием политической литературы и публицистики, равнодушием. До второй половины 1850-х гг. социальные проблемы Белоруссии не могли обсуждаться, поскольку русское общество «не имело голоса даже в собственных делах». Реформирование «самой русской жизни» сделало более доступными для изучения историческое прошлое белорусского народа и его национальное и культурное развитие в XIX в.³²¹

Политические причины, лежавшие в основе внимания к белорусским губерниям как «краю русскому», обнаружились в период польского восстания, и именно политические задачи, как справедливо отмечал Пыпин, отразились на «истолковании» белорусской проблематики. Российские власти должны были опровергнуть нашедшие отголоски в европейской печати и дипломатии притязания Польши на белорусские земли³²². Обозначая свое несогласие с официальной позицией в польском вопросе, Пыпин осторожно замечал, что «польская точка зрения» на судьбу края — не всегда «преднамеренная ложь», тогда как «обличения „польской интриги“ имеют вид позднего мщения за собственное забвение о западно-русской окраине». К тому же, уточнял ученый, исторически не совсем правомерно говорить о присущих этому краю «русских началах», так как с XIV по XVIII в. жизнь Западной Руси шла отдельно от Руси восточной³²³.

Так или иначе, политические обстоятельства стимулировали общественный интерес и научное изучение Белоруссии. Именно к 1860-м гг. относил Пыпин первые серьезные шаги в этнографическом изучении края в России, которые получили продолжение в последующие десятилетия. Среди исследований, посвященных Белоруссии, были, по его оценке, «замечательные труды», хотя в целом в понимании положения этого края остались нерешенными важные проблемы³²⁴. Сам Пыпин, не ограничиваясь трудами 1860–1880-х гг., дал обзор работ по белорусской этнографии за все столетие, чтобы проследить не только развитие научного белорусоведения, но, главное — изменение отношения русского общества к белорусам³²⁵. «Белорусская этнография» понимается Пыпиным в данном случае более широко и включает не только собственно этнографические, но и исторические, географические, фольклористические и прочие работы о Белоруссии и ее народе.

Пыпин обращал внимание на отсутствие у ученых полной ясности в отношении истории и географии Белоруссии — не известно даже точно, когда впервые появилось название «Белая Русь». В географическом словаре³²⁶ к Белоруссии отнесены Витебская и Могилевская губернии, на этнографической же карте, изданной Русским географическим обществом³²⁷, белорусская народность занимает огромные пространства Западного края³²⁸.

В конце XVIII — начале XIX в. белорусские земли, отмечал Пыпин, не вызвали интереса в ученых кругах, поскольку этот край считался «чужим», польским. Такое отношение нашло отражение, например, в «Записках путешествия по западным провинциям Российского государства» (1803–1804) В. И. Севергина, который, очутившись в среде «польско-католической пропаганды», взглянул на Западный край «глазами польского дворянства и иезуитов»³²⁹.

Первые исследования белорусских земель как края польского, но населенного особым народом («кривичанские» или «кревицкие славяне»), были проведены польскими учеными*, в деятельности которых, по словам Пыпина, сказывалась «живая струя славянского народного романтизма» и «патриотические увлечения» — мысль о возвращении Польше белорусских территорий. Отмечая, что в их работу часто «замешивалась политика»³³⁰, он считал, что определенная тенденциозность исследований сочеталась с искренним интересом польских ученых к изучаемому краю. Пыпин обращал особое внимание на деятельность Виленского университета, которая дала «реальные обильные и наглядные» научные труды, часть из которых в переводе на русский язык появилась в России. Среди польских исследователей, внесших вклад в белорусоведение, Пыпин называл С. Б. Линде, Л. Голембёвского, З. Доленгу-Ходаковского и др.³³¹

Одним из исследовательских направлений было изучение белорусского языка. Еще в начале XIX в. русский библиограф В. С. Сопиков в труде «Опыт российской библиографии» белорусским языком считал «наречие живших в Белоруссии и в Польше благочестивых греческого исповедания людей... Он есть смесь, составленная из языков: славянского, русского, польского, а частью и латинского»³³². По мнению польского

* Рассматривая работы польских ученых, Пыпин значительно расширяет рамки обзора собственно «русской этнографии».

филолога С. Б. Линде (который ввел в свой «Словарь польского языка»³³³ немало белорусских выражений, а также «черт быта и народного творчества»³³⁴), польский и белорусский языки — сходные; разница заключается в грамматических окончаниях имен и глаголов. В этой связи Пыпин замечал, что в книжном языке с XVI в. имело место много заимствований из польского языка, а между народным белорусским языком и польским не было такого сходства, которое отмечал Линде³³⁵. Пыпин особо подчеркивал, что Линде не отождествлял белорусский язык ни с русским, ни с польским. «При несомненном единстве происхождения и основных черт» белорусского и великорусского языков, пояснял Пыпин, первый, имея свои «местные отличия», в процессе формирования испытал влияние польского языка, «склад речи» стал принимать польские обороты, а книжный язык пополнился также заимствованиями из латинского и немецкого языков³³⁶.

Второе и третье десятилетия XIX в. отмечены, как указывал Пыпин, усилением интереса к «народности» и народной поэзии³³⁷ со стороны польских этнографов-любителей. Л. Голембёвский в книге «Lud Polski» (1830) и других сочинениях упомянул немало подробностей белорусского быта и привел несколько белорусских песен, записанных латинской графикой. Известный «польско-русский археолог» З. Доленга-Ходаковский занимался собиранием песен. Пыпин обращал внимание на то, что к выпускавшимся польскими исследователями в 1830–1840-х гг. сборникам нужно относиться критически, поскольку методика записи и издания песен предполагала их воспроизведение в польском правописании или в переводе на польский язык³³⁸. Исследованием народной культуры занимались также М. Чарновская, И. Шидловский и др. Их работы иногда печатались в русских журналах, в которых время от времени появлялись и статьи по истории края — переводные или «составленные местными уроженцами с польским образованием и писавшими по-русски» (Ф. Чацкий, Г. Бандтке, К. Фалютынский, А. Мухлинский и др.)³³⁹.

Отмечая усилия польских ученых в изучении народного поэтического творчества белорусов, Пыпин в то же время напоминал, что Северо-Западный край дал Польше замечательных поэтов (прежде всего, А. Мицкевича), на «поэтическое развитие» которых, без сомнения, «имела свою долю влияния» белорусская народная поэзия³⁴⁰.

В 1830–1840-х гг. польские исследователи, подчеркивал Пыпин, вели изучение Белоруссии «с польской точки зрения», но, несмотря на это, изданные на польском языке труды Г. Бандтке, И. Лукашевича, М. Балинского, Т. Липинского и других по истории, исторической географии, статистике, археологии и т.д. были тогда «почти единственными источниками сведений о западном крае» для русского общества³⁴¹.

В поле зрения Пыпина оказалась и польская эмигрантская литература. Так, подробно останавливаясь на сочинении А. Рыпинского «*Białoruś*» (Paryż, 1840), Пыпин отмечал, что автору очень хотелось бы народ «родной Белоруссии... видеть польским». Рыпинский считал белорусов по национальности и языку теми же поляками, характеризовал этот народ как «честный, но убогий», полагал, что Белоруссия, из-за которой вели спор соседи, сама выбрала Польшу, ненавидя все московское. Констатируя, что этнографическим материалом книга Рыпинского не богата, но содержит интересные «частности», Пыпин замечал заложенное в ней существенное противоречие: с одной стороны, автор призывает изучать белорусскую народность (ее песни, танцы, музыку, обряды и пр.), а с другой стороны, не признает ее самостоятельность, «растворяет» ее в польской нации, тем самым «желает ей исчезнуть»³⁴².

Определенным этапом в изучении белорусского народа явилось собирание и издание народных песен, что было общей чертой возрождения славянских народов. К 30–40-м гг. XIX в. относятся песенные сборники Я. Чечота, проникнутые, по словам Пыпина, «народным романтизмом». В первых изданиях «*Piosnki wieśniacze...*» белорусские песни давались в польских переводах. В сборнике 1844 г. даны уже образцы подлинных белорусских песен, язык которых Чечот определял как «славяно-кривицкий». Его отношение к народу Пыпин называл «наивным». Это нашло отражение и в приемах публикации: понимая, что пьянство губительно действует на народ, Чечот из текстов песен устранил все упоминания о водке, заменив ее медом и пивом. Такой произвол в обращении с источниками Пыпин объяснял тем, что составитель сборников недостаточно был знаком с «этнографической наукой», оставаясь «искренним любителем»³⁴³.

На примере Я. Чечота Пыпин показывал, как белорусоведение делало первые шаги, как методом проб и ошибок совершенствовалось методика исследований. Так, со временем Чечот

убедился, что собирать песни нужно самому исследователю, а не с помощью посредников. Он пришел к выводу, что старинные обряды и песни сохранились благодаря крестьянам, что белорусская народная поэзия испытала «влияние поэзии украинской и польской», а позже начала подчиняться «влиянию народной поэзии российской»³⁴⁴.

Чечот понимал, что изучение белорусского языка — дело будущего, тем не менее, как подчеркивал Пыпин, он дал едва ли не первую характеристику этого языка, отмечая особенности его звуков и форм и определяя его положение как среднее между польским, русским и украинским. Он считал сомнительным, что белорусский язык станет «письменным» и самостоятельным. Но будучи истинным патриотом и просветителем, он наметил программу народоведческих исследований на перспективу: это и изучение сказок — «сокровищницы» народного языка и жизни, и сравнительный анализ пословиц, и описания обрядов, игр, домашнего быта, утвари, кушаний и т. д.³⁴⁵. Впрочем, для выполнения подобной программы нужны подготовленные люди, а не дилетанты, каким был, например, школьный учитель Р. Зенкевич, издавший в 1851 г. сборник песен³⁴⁶, в котором наряду с польским переводом приведены в польской графике белорусские оригиналы и помещено краткое описание обрядов³⁴⁷.

1850-е годы — этап в изучении Белоруссии, на который Пыпин обращал специальное внимание, поскольку в это время, по его мнению, происходило зарождение собственно белорусской науки, появлялись местные исследователи Западной Руси, именуемой еще «Литвой» (Т. Нарбут, И. Данилович, И. Крашевский, Н. Малиновский, К. Стадницкий и др.). Пыпин не всегда четко разделял польских исследователей, уроженцев Белоруссии и белорусских исследователей, получивших польское образование и писавших по-польски, называя и тех, и других «местным элементом». Их труды, по оценке Пыпина, были насыщены богатым материалом, подход к которому не всегда оказывался достаточно критичным. Кроме того, в работах большинства авторов местный патриотизм уживался с «польской точкой зрения»³⁴⁸. Как бы то ни было, работы этих авторов, подчеркивал Пыпин, положили начало изучению Западной Руси как *самостоятельной области исследований*. Ими пользовалась и русская историография, которая в середине века едва касалась западных территорий империи³⁴⁹.

Усиление интереса к изучению западнорусских земель в тот период Пыпин связывал с плеядой «местных исследователей», группировавшихся вокруг Виленского университета (И. Ярошевич, М. Балинский, Е. Тышкевич, Вл. Сырокомля и др.). Их исследования содержали исторические, географические, этнографические, статистические и иные сведения об отдельных уездах и губерниях, данные о народном быте, о положении крестьян, образцы песен и т. д. Взгляды эпохи романтизма обусловили внимание к народным низам, и хотя в их составе преобладали не поляки, это не смущало «местных патриотов», питавших любовь «к исторической и бытовой особенности» своей родины, к народной среде и народным обычаям. Образованные поляки Западного края знали белорусский язык от нянек и домашней прислуги; некоторые помещики и многие мелкие дворяне говорили по-белорусски³⁵⁰.

Раскрывая содержание такого явления, как «местный патриотизм», Пыпин отмечал, что в нем соединились разнородные элементы: «этот патриотизм был „белорусский“, но сущность его была польская», поскольку народ воспринимался с польской точки зрения и считался частью польской нации. Он «играл только служебную роль»: предполагалось, что его культура не будет иметь собственного развития, а призвана служить обогащению польской культуры. Пыпин объяснял, что подобная позиция была исторически обусловлена. Польша (как и Россия) в ходе истории объединяла «инородные элементы» в одно целое с помощью государственной силы и «силы культурной», Белоруссия долгое время оставалась в сфере польского влияния (белорус Сырокомля «украсил своим именем» польскую литературу)³⁵¹.

Возникшая в 1840-х гг. «белорусская литература» являлась белорусской, пояснял Пыпин, главным образом территориально, на самом деле это была «польская провинциальная литература», изображавшая местные особенности Белоруссии — природу, нравы, обычаи и т. д.; «иногда она включала в себя и сочинения на белорусском языке». Ее пополняли своими произведениями К. Буйницкий, А. Гроза, Т. Лада-Заблоцкий и др. Наибольшей популярностью пользовался Я. Барщевский. Оценивая вклад этого писателя, Пыпин замечал, что в его рассказах народный быт показан неглубоко, отношение к народу покровительственное, и ничего не говорится о его социальном положении. Тем не менее в свое время рассказы Барщевского были «любопытною

новостью, приятною для местных патриотов изображениями быта их родины»³⁵². В 1850-х гг. стало появляться больше сочинений на белорусском языке В. Дунина-Марцинкевича, А. Даревского-Вериги, Л. Кондратовича (Сырокомли), а также переводов на белорусский с польского и других языков. В начале 1860-х гг., как отмечал Пыпин, возникла и иная литература на белорусском языке — «с политической тенденцией» в духе восстания³⁵³.

В целом же, характеризуя «польско-белорусскую литературу» дореформенного периода, Пыпин подчеркивал, что она представляла собой «отражение польского взгляда на западный край как на составную часть и польской территории и польской национальности». Только перед восстанием 1863 г. появляется «представление о более сложном характере этого края, где требовал себе внимания и своего права элемент народно-русский»³⁵⁴.

В России до 1860-х гг. обращение к белорусской тематике, по словам Пыпина, было отрывочным и поверхностным. Тем не менее ученый тщательнейшим образом собрал и представил в своем труде работы, так или иначе касавшиеся Белоруссии. Начало было положено вышедшим в 1780 г. в Петербурге путеводителем «Топографические примечания на знатнейшие места путешествия Ее Императорского Величества в Белорусские наместничества», в котором наряду с географическими описаниями давались исторические сведения, включая изображения мрачными красками жизни под польским владычеством и указания об обретении Россией некогда потерянных ею земель; вместе с тем о «русских свойствах населения и его быте» говорилось очень мало³⁵⁵.

В дальнейшем интерес к Белоруссии проявился в 1820–1830-х гг., когда русские журналы стали публиковать отдельные этнографические сведения об этом крае, почерпнутые из местных польских источников³⁵⁶.

К этому же времени Пыпин относил появление исторических исследований, благодаря которым русская наука, по его мнению, заняла самостоятельное место. Для русского историка белорусская «старина» доступна и понятна — «это была естественная составная часть древнего русского целого». Понимание общего исторического прошлого было у Н. М. Карамзина. Исторические, археологические, филологические разыскания К. Ф. Калайдовича, А. Х. Востокова, А. Ф. Малиновского и других «расширяли горизонт русской историографии и... в сторону западного

края»³⁵⁷. При поддержке графа Н. П. Румянцева увидело свет подготовленное И. Григоровичем издание — «Белорусский архив древних грамот» (М., 1824), ставшее, по оценке Пыпина, первым обращением к источникам западнорусской истории. Кроме того, Григорович занимался составлением белорусского словаря. Пыпин определил его труды как «подготовительные», а представления о языке — неопределенные и неточные³⁵⁸. В России, писал Пыпин, одним из первых «обратил внимание на особенности белорусского наречия» К. Ф. Калайдович, а П. В. Киреевский во время посещения Белоруссии собрал немало народных песен, но не смог их напечатать. Позже П. Бессонов предпринял издание собрания Киреевского, дополнив его своими материалами³⁵⁹.

В 1830–1840-е гг. исследования о Белоруссии, по словам Пыпина, «были все еще скудны». Несколько статей и заметок этнографического и фольклорного характера, а также о памятниках письменности (В. Васильева, А. Васковского, А. Кавелина, П. Кулиша и др.), увидели свет в журналах «Маяк», «Москвитянин», газете «Московские ведомости». Из путевых «Заметок о Белоруссии» Н. С. Щукина³⁶⁰ Пыпин привел замечание автора о том, что Белоруссия плохо исследована и еще хуже описана³⁶¹. Вместе с тем в 1840-е гг. были предприняты усилия по созданию базы источников, составляющих основу научных исследований. Начало собиранию и публикации материалов, имеющих значение для изучения Белоруссии, положили издания Петербургской Археографической комиссии, подготовленные при участии И. Григоровича³⁶², а также документальные собрания, вышедшие в Белоруссии³⁶³ при активной помощи местных любителей истории³⁶⁴.

Следующим шагом на пути изучения Белоруссии, как отмечал Пыпин, явились статьи по статистике, этнографии, истории и географии, публиковавшиеся в «губернских ведомостях» и «памятных книжках». В изданиях Виленской губернии было опубликовано немало работ А. Киркора³⁶⁵. В этот же период в «толстых» русских журналах печатаются серии статей П. М. Шпилевского, этнографа-самоучки, детство которого прошло в белорусской глубинке, а в 1853 г. выходит его сборник «Белорусские пословицы». Автор считал «белорусское племя» «едва ли не древнейшим из славянских племен и самым древним из племен русских». Его «простодушные», вызванные «народно-романтическим» интересом работы содержали пересказ белорусских преданий, описание обрядов и обычаев, а также призыв к изучению

народного творчества «единоплеменных собратьев». Пыпин утверждал, что значение научного изучения «осталось ему не ясно», многое в его работах «не имеет достаточной научной достоверности», а методы сбора, обработки и подачи материала подчас не вызывают доверия. В то же время статьи Шпилевского о путешествии по Белоруссии³⁶⁶, содержащие описания городов и местечек, картины природы, исторические и археологические сведения отличались занимательностью и новизной для своего времени, да и позже оставались актуальными³⁶⁷. Среди изданий 1850-х гг. ученый выделил первое собрание белорусских песен³⁶⁸, в котором для передачи белорусского языка употреблен русский алфавит, что было тогда «новостью»³⁶⁹.

В тот же период делались попытки исторического изучения Белоруссии. Из работ, представлявших собой «самые общие обзоры политической и церковной истории Западного края», Пыпин упоминал книги И. Боричевского³⁷⁰ и О. Турчиновича³⁷¹ (у последнего история Белоруссии впервые выступает в качестве предмета отдельного исследования). Сведения по истории Белоруссии, наряду со статистическими, этнографическими и другими данными, содержались также в книге М. О. Без-Корниловича³⁷². Немало исторических подробностей можно было найти и в изданиях краеведческого характера³⁷³ (например, в книге А. М. Сементовского о Витебске³⁷⁴).

Тогда же белорусская тематика, по наблюдению Пыпина, стала проникать в издания научных обществ и организаций. Так, в «Этнографическом сборнике» Русского географического общества печатались статьи М. Юркевича, А. Киркора и других авторов, в «Известиях» ОРЯС Академии наук помещались материалы И. Микуцкого, И. Носовича, П. Шпилевского. Это были публикации о белорусском народе, его языке, обычаях, народном творчестве, содержащие также исторические, географические и иные сведения, полученные из разных источников, в том числе от жителей Западного края³⁷⁵.

Тем не менее все упомянутые Пыпиным работы (будь то авторские книги, сборники документов или публикации на страницах научной и литературно-общественной периодики) до 1860-х гг. являлись отрывочными и зачастую бессистемными обращениями к белорусской тематике, да и русское общество «было почти чуждо западнорусскому вопросу»³⁷⁶. Появлявшиеся в русской печати работы в основном принадлежали урожен-

цам Белоруссии. Пыпин был вынужден констатировать, что, несмотря на проведенные исследования, оставалась невыясненной «область русской народности западного края в ее целом»³⁷⁷.

Реформы 1860-х гг., писал ученый, «расширили горизонт исторический и этнографический, а затем и сознание национальное», подняли вопрос о «юридическом и социальном положении» белорусского народа³⁷⁸. В те годы, по мнению Пыпина, произошел «резкий поворот» в изучении Белоруссии, и в первую очередь он коснулся русской науки, поставленной перед необходимостью представить западные губернии как русский край. Это было новое (после событий конца XVIII в.) «„воссоединение“ западного края с русским центром»³⁷⁹.

Политика внедрения «русских начал» включала и «мероприятия публицистические и ученые — в области археологии и этнографии». Хотя вопрос о Белоруссии зачастую ставился тогда «с такой крайней нетерпимостью, которая исключала беспристрастие и спокойную оценку фактов», все же был дан импульс к ее исследованию. «В это время, — писал Пыпин, — русское общество в первый раз узнало с достоверностью об этнографическом составе западного края и получило понятие об его истории». Пыпин высказывал убеждение, что «настоящее национальное достоинство» заключается не в том, чтобы «с полемическим озлоблением» доказывать русское происхождение белорусского народа, а в том, чтобы, не устраивая травли побежденных повстанцев, и объективно рассмотреть положение как польского, так и белорусского народов³⁸⁰.

Подобная травля была вполне в духе М. Н. Каткова. Славянофилы тоже присоединяли свой голос к антипольским высказываниям, хотя исходили из иных посылок. Они нападали на поляков и ополяченную белорусскую шляхту — «отступников» и «врагов народа», солидаризируясь с политическими репрессиями и не разъясняя обществу сложных отношений, «завещанных историей». Славянофилы каялись, что «забыли» о существовании Белоруссии, в которой, несмотря ни на что, сохранились «предания православия и память о единстве со всею великою Русью». В то же время газета «День» давала пример не научного, а публицистически-полемиического подхода к белорусским делам. Не делая никаких различий между славянофилами и реакционными изданиями и объединяя их термином «патриотическое» направление, Пыпин отмечал, что оно потеряло «всякое нравственное

достоинство», его активность чревата «вредными последствиями и для западного края, и для самого русского общества»³⁸¹.

Ученый подчеркивал, что «обрусение», на котором настаивала правая печать России, было нелепо по отношению к «западно-русскому» краю. Публицисты «Московских ведомостей» (1864, № 126) писали о недостаточности официальных мер и о необходимости «нравственного завоевания» края, оказания помощи русским училищам и православной церкви. Пыпин готов был согласиться с посылкой газеты, что объединение Западного края с Россией невозможно «одними канцелярскими и военно-административными мерами» — такое внешнее единство не устраняет внутреннего равнодушия, «разлада и взаимного непонимания». Ученый считал, что русские чиновники шли на службу в белорусские губернии только за большую зарплату и не стремились добиться «нравственного объединения», а зачастую вызывали своей деятельностью неприязненные чувства у местного населения и подрывали доверие белорусов к русской власти³⁸².

Но выход Пыпин видел не в посылке «добровольцев», готовых к «тяжелой борьбе» за «укоренение православия» и «добровольное усвоение русского языка и русской литературы», а прежде всего в том, чтобы вопрос о Белоруссии в обществе «мог быть обсужден с его разных сторон, обсужден искренно и открыто». Однако на деле этого не было: с одной стороны, представители консервативной реакции обвиняли в «измене» всех, кто высказывал мнение, отличное от их точки зрения, с другой стороны, управление краем велось с «диктаторскими полномочиями», которые делали его закрытым «от общественного мнения». Определяя положение дел в тогдашней печати, Пыпин подчеркивал, что «западнорусский вопрос» рассматривался в ней очень односторонне³⁸³.

Формированием соответствующего общественного мнения в отношении Белоруссии занимался специально учрежденный журнал «Вестник Юго-Западной и Западной России», с 1862 г. выходивший в Киеве, а с 1864 до 1871 г. — в Вильно под названием «Вестник Западной России» (ред. К. А. Говорский). Пыпин обращал внимание на то, что журнал имел антипольскую и антикатолическую направленность и именно с этой точки зрения излагал историю края. «Вестник Западной России» неодобрительно относился к народному образованию, исключая церковное. Оценивая его деятельность, Пыпин писал, что, защищая «западнорусскую

народность», журнал «стал одним из таких друзей, которые бывают хуже врагов». Это издание поддерживало русификаторскую политику, полемика с ним была бесполезна и небезопасна³⁸⁴.

Многие документальные публикации того времени, как и более поздние, создавая источниковую базу для изучения прошлого белорусского народа, использовались как «полемическое оружие против поляков». Среди изданий, выполненных с проправительственной точки зрения, ученый называл «Сборник памятников народного творчества в северо-западном крае» (Вильна, 1866) П. Гильтебрандта. Этот сборник характеризовался как «издание не критическое» (в него попали и подделки — «совсем небывалые мнимо-народные песни»), содержащее «грубые рассуждения о национальных отношениях края»³⁸⁵. Специальную подборку материалов, «обличающих» поляков, издал К. А. Говорский³⁸⁶. Сходной цели было подчинено подготовленное археографической комиссией издание «Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и к Польше» (СПб., 1865), с предисловием М. О. Кояловича.

После польского восстания 1863 г. известный историк и публицист М. П. Погодин, резко изменив свои взгляды, стал настаивать на том, что поляки должны быть «выжиты» из западных губерний, что им нельзя отдавать ни пяди русской земли³⁸⁷. Точку зрения Погодина Пыпин сравнивал с позицией слависта славянофильской ориентации А. Ф. Гильфердинга, который не приветствовал изгнания поляков из Западного края (и Пыпин в этом с ним соглашался), но считал, что они должны утратить господство над коренным населением края, прежде всего лишившись влияния в сфере образования³⁸⁸.

Наряду с достоверными научными исследованиями встречались и курьезные, как, например, упомянутая Пыпиным работа чиновника Центрального статистического комитета МВД М. Лебедкина³⁸⁹. Автор смешал статистические данные XIX в. с «летописными известиями о древних жителях края» и «с достоверностью» вычислил количество проживающих там полян, древлян, кривичей, волынян, тиверцев, угличей, ятвягов и др.³⁹⁰.

В 1864 г. в Петербурге были изданы два этнографических атласа, подготовленные по материалам МВД и других центральных ведомств. В атласе Р. Ф. Эркерта³⁹¹ этнический состав населения западных губерний определялся исходя из вероисповедного и языкового признака³⁹². В предисловии к атласу

А. Ф. Риттиха³⁹³ подчеркивалось, что население края «составляет в религиозном, племенном и историческом отношениях неотъемлемую органическую часть русского государства». Пыпин обращал внимание на то, что эти работы, призванные «устранить недостаточность сведений» о белорусских землях, не совсем справились со своей задачей³⁹⁴.

В том же духе был подготовлен и издан «Сборник памятников народного творчества в северо-западном крае»³⁹⁵. В предисловии к сборнику даны, по определению Пыпина, «отрывочные и бессвязные сведения» об истории края, о народном творчестве, о белорусском языке и т. д. «Научное значение этих сведений», взятых «из вторых рук», по оценке ученого, «очень умеренное», поскольку они подчинены основной задаче издания — «войне против врагов русской народности»³⁹⁶.

Еще в конце 1850-х гг. Генеральный штаб издал инструкции и программы для сбора географических и статистических сведений о губерниях России. В рамках данного проекта с 1861 г. стали издаваться подготовленные офицерами Генерального штаба выпуски по западным губерниям, в том числе Виленской, Гродненской, Минской³⁹⁷. Снабженные картами, эти книги содержали разнообразные сведения об отдельных белорусских землях — исторические, географические, этнографические, статистические, информацию о промышленности и торговле, об образовании, религии и т. п. Материалы доставлялись губернскими статистическими комитетами и другими официальными ведомствами. Пыпин отмечал обстоятельность этих трудов, притом что «неопытность в этнографии», отсутствие специальной научной подготовки составителей приводили к разного рода недочетам, неясным и запутанным определениям, бездоказательным положениям и т. д. Политическая обстановка наложила отпечаток на выводы авторов, касающихся «национальной принадлежности» белорусских земель и роли «полонизма» в крае³⁹⁸.

Как пример русификаторской политики в сфере культуры Пыпин приводил историю «преобразования» Виленского музея древностей, экспонаты которого имели значение для прошлого всего Западного края. Основанный в 1856 г. известным археологом Е. Тышкевичем, музей представлял «старину» края с «польской точки зрения». Это было вполне естественно для «местных патриотов», поскольку, по словам Пыпина, «историческая и этнографическая принадлежность края была темным вопросом для

самих русских исследователей»³⁹⁹. В 1865 г. отношение к музею со стороны властей резко изменилось: было признано, что он служил «поддержанию в здешнем населении и обществе превратных понятий о том, что край этот есть край польский, а не русский», и Польша имеет все права на него. Специальная комиссия исключила из экспозиции все предметы «польской эпохи». Подобный подход Пыпин оценивал как ненаучный — образовывался пробел в изучении истории Западного края. Действия комиссии ученый охарактеризовал как боязнь, «неприличную для господствующей власти». Историю Виленского музея он считал типичной, отражавшей преобладавшие в России антипольские настроения⁴⁰⁰.

Более плодотворным временем для изучения Белоруссии, по мнению Пыпина, являлись 1870–1880-е гг. В это время, отмечал он, мнимонаучные труды предшествующего периода сменились трудами, выполненными с любовью к народу и «стремлением найти историческую истину». В 1870-е гг. активно развивалось народническое движение, и соответствующее направление в историографии занимало довольно прочные позиции. Пыпин положительно оценивал изучение представителями этого направления различных сторон жизни народа⁴⁰¹.

В первую очередь Пыпин обращал внимание на собирание и издание документальных материалов по истории Западного края, в чем немалую роль играли Виленский архив древних актов, Виленская археографическая комиссия⁴⁰² и Центральный архив в Витебске⁴⁰³. Особая комиссия при Виленском учебном округе издавала «Археографические сборники документов, относящихся к истории северо-западной Руси»⁴⁰⁴. В Петербурге осуществлялось издание «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России»⁴⁰⁵. В конце 1880-х гг. Пыпин откликнулся на выход «Описания книг и актов Литовской Метрики» С. Пташицкого⁴⁰⁶, подчеркнув важность этого издания, поскольку «Литовская Метрика» содержала «огромную массу документов, составляющих драгоценный материал для истории западного края, как внешней, так особенно внутренней, административной и бытовой»⁴⁰⁷. Многие документы были впервые введены в научный оборот уроженцем Витебской губернии, учителем гимназии А. П. Сапуновым⁴⁰⁸, которого Пыпин называл «ревностным исследователем местной истории»⁴⁰⁹ *.

* Пыпин не только характеризовал издания, но и давал некоторые биографические сведения об авторах, собирателях и издателях.

Некоторые публикации с антипольской направленностью продолжали тенденции, характерные для 1860-х гг. Таковым было «роскошное», по определению Пыпина, издание П. Н. Батюшкова «Памятники русской старины в западных губерниях»⁴¹⁰. Оно содержало планы городов, рисунки развалин, остатков фресок и надписей с историческим комментарием, детальную историю Вильны, материалы об истории западнорусского книгопечатания. Несмотря на то что это издание «вызвано полемическими целями», оно являлось, по мнению Пыпина, полезным вкладом в «небогатую историческую литературу о западной России»⁴¹¹.

Из общих трудов по истории Белоруссии Пыпин называл работы М. В. Довнар-Запольского⁴¹², Н. П. Дашкевича⁴¹³, Н. И. Петрова⁴¹⁴. Церковной истории посвящены работы И. А. Чистовича⁴¹⁵, П. О. Бобровского⁴¹⁶ и др. Исторические сведения содержали также губернские краеведческие издания⁴¹⁷.

Особо Пыпин выделял в своем обзоре «наиболее ревностного деятеля западно-русской историографии», профессора Петербургской духовной академии, уроженца Гродненской губернии М. О. Кояловича. Характеризуя позицию этого ученого, Пыпин обратил внимание на его сотрудничество со славянофильскими изданиями «День», «Москва», «Русь» и то, что он являлся горячим «защитником национальных интересов своей родины против польских притязаний». Говоря об участии Кояловича в изданиях Археографической комиссии, посвященных Западному краю, и о его книге «История воссоединения западно-русских униатов старых времен» (СПб., 1873), Пыпин подчеркивал, что автор «не отличался умеренностью в своих суждениях»⁴¹⁸.

Наиболее подробно Пыпин рассматривал этнографические труды 70–80-х гг. XIX в. Среди них он особо выделял работы П. А. Бессонова и П. В. Шейна, считая, что ими открывался этап «серьезного, научного исследования белорусского народного быта и поэзии»⁴¹⁹. Большое внимание Пыпин уделил изданию П. А. Бессонова «Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта» (М., 1871). Автор в 1860-е гг. находился на службе в крае, и то, как внедрялись там «русские начала», «не казалось ему правильным». Он замечал недостаток внимания «к народно-историческому характеру северо-западной Руси», равнодушие и нежелание понять ее особенности. Считая, что «тео-

рии и ученые мнения» Бессонова нередко «абсолютно несостоятельные», Пыпин тем не менее подчеркивал, что тот видел народную жизнь в «широком разнообразии ее проявлений». Бессонов полагал, что сепаратизм возникает тогда, когда силой внедряются чуждые начала, и поэтому утверждал, что развитие белорусской народности возможно только на «местной почве», собственными силами народа. Правда, отмечал Пыпин, он не считал реальным развитие литературы на белорусском языке, поскольку время для ее создания казалось упущено, и следовательно, белорусские литературные произведения предстояло писать на русском языке; они, однако, должны иметь в основе «местную стихию», «местный материал». Именно такой подход, учитывающий белорусскую специфику, должен утвердиться во всей воспитательной, образовательной, культурно-просветительной деятельности в крае. Пыпину особенно важным представлялось то, что мнение Бессонова составляло противовес толкам об обрусении Западного края и что он «вступился за местную народность». Взгляд Бессонова на белорусский народ Пыпин считал «справедливым», но в то же время называл его «гласом вопиющего в пустыне»⁴²⁰.

Этнографические и экономико-статистические исследования Северо-Западного края были предприняты Русским географическим обществом (РГО). С конца 1860-х гг. проводились экспедиции в белорусские губернии. Но исследователи, по наблюдению Пыпина, бывшие в основном людьми, не связанными с этим краем, столкнулись с довольно сильной его русификацией, в результате которой все нерусское стало «прятаться в скорлупу, и ученым трудно было выявить проявления местной жизни»⁴²¹.

В то же время независимо от программ РГО работали белорусские этнографы, но их усилия, согласно Пыпину, остались разъединенными, а уровень научной подготовки позволял вести сбор материала «без должного исторического и филологического освещения». «Старейшим собирателем» Пыпин называл И. И. Носовича и довольно подробно освещал его деятельность, опираясь на сведения, полученные от сына этого исследователя, поскольку в литературе данные о Носовиче отсутствовали. Родом из Могилевской губернии, Носович работал там учителем и после ухода со службы занялся изучением народной поэзии и народного языка. Первые его работы увидели свет (по инициативе И. И. Срезневского) в начале 1850-х годов в «Известиях» ОРЯС Академии

наук. В 1870 г. в Петербурге вышел «Словарь белорусского наречия» — по оценке Пыпина, первый и единственный обширный труд такого рода, над которым автор работал 16 лет. Материалом для словаря, содержащего более 30 тыс. слов, служили живой язык, народная поэзия, старые памятники письменности и т. д.⁴²² Пыпин отмечал также, что в качестве составителя Носович — «один из самых заслуженных деятелей по белорусской этнографии» — подготовил ряд сборников пословиц, загадок, песен⁴²³. Изучая обрядовые, бытовые и другие народные песни, Носович приводил доказательства в пользу их древности, утверждая, что белорусское наречие было языком не только простых людей, но и высшего класса (Пыпин полагал, что этот факт не требует дополнительных доказательств с помощью белорусских песен). В целом суждения Носовича о старинных песнях Пыпин считал верными и «не лишенными интереса»⁴²⁴. Вместе с тем, он отмечал, что в сборниках Носовича в качестве народных помещались иногда не народные по происхождению произведения⁴²⁵.

Среди «местных» исследователей народного быта Пыпин упоминал Ю. Ф. Крачковского, книга которого о быте белорусских крестьян⁴²⁶ содержала описание трудовой жизни и сельских праздников, обрядов, обычаев, песен, одежды, пищи, народной медицины, поверий, суеверий, сказок и преданий. Немало исследователей народного быта, как указывал Пыпин, кроме подготовки отдельных книг публиковали свои работы в различных изданиях Западного края⁴²⁷.

Пыпин поддерживал связи с белорусскими исследователями-этнографами, в том числе с П. В. Шейном, Н. Я. Никифоровским, Е. Р. Романовым, и оказывал определенное влияние на их деятельность⁴²⁸.

«Наиболее обширным собранием» белорусских песен Пыпин называл сборник П. В. Шейна⁴²⁹. Составитель не был уроженцем Северо-Западного края, но довольно долго преподавал в Витебске и увлекся собиранием песен. Характеризуя состав материалов и принципы построения сборника, Пыпин давал понять, что это издание стоит на более высоком научном уровне, чем сборники, изданные в 40–50-х гг. XIX в. Песни в нем расположены в «биографическо-календарном» порядке, который позволяет совмещать «течение личной жизни селянина и... последовательность народных праздников». Песни сопровождаются описанием обрядов, обычаев, праздников. Имеются указания,

где и кем была записана каждая песня. К сборнику приложен словарь малоизвестных слов⁴³⁰. Эта книга получила, по словам Пыпина, благосклонные отзывы критики. Правда, другой исследователь Белоруссии, Е. Р. Романов, считал, что не следует помещать в сборнике духовные песни, не являющиеся произведениями устной народной поэзии⁴³¹.

По поводу издания П. В. Шейном первых двух выпусков «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края»⁴³² Пыпин высказывал пожелание, чтобы этот труд был доведен до конца, поскольку представленный в нем материал «чрезвычайно важный для изучения белорусской народности». П. В. Шейн в письмах к Пыпину постоянно сетовал на невозможность продолжать исследования из-за нехватки средств. Пыпин неоднократно добивался выдачи Шейну денежных пособий, помогал в организации его экспедиционных поездок, издании книг⁴³³.

Внимание Пыпина привлекла деятельность этнографа-самоучки, уроженца Могилевской губернии Е. Р. Романова, который работал над словарем белорусского языка, проводил археологические исследования, собирал этнографический материал, изучал народное творчество. Издававшийся им «Белорусский сборник»⁴³⁴ представлял собой, по оценке Пыпина, очень богатое собрание песен, пословиц, загадок, сказок, заговоров и т. п. Рецензируя его третий выпуск, Пыпин отмечал, что белорусские сказки «до сих пор были мало известны, и настоящий сборник является первым обширным собранием, восполняющим этот пробел нашей этнографической литературы»⁴³⁵. К недостаткам Пыпин отнес непоследовательное расположение песен, отсутствие описаний обычаев и обрядов, соединение нескольких песенных строк в одну (из-за экономии средств на издание), вследствие чего утрачивался размер и стих. После выхода рецензии на первые выпуски сборника с критикой формы подачи материала Романов в письме Пыпину сообщал, что, работая учителем гимназии, издает труды за свой счет или на пожертвования местных меценатов, и у него нет средств печатать песни по всем правилам. В «Истории русской этнографии» Пыпин учел это обстоятельство. Приведя биографию Романова, он подробно рассмотрел его работы, не снижая своих требований к методике публикации, но отметив материальные трудности, с которыми встречался исследователь. К моменту выхода книги Пыпина издание Романова

не было завершено (изданы пять выпусков), но обилие собранных автором материалов внушало Пыпину истинное уважение⁴³⁶.

Сборник Романова послужил для Пыпина поводом высказать свое мнение о подготовке подобных изданий. Он считал, что в публикациях песен необходимо прежде всего «отмечать те *обстоятельства* народного быта, к которым песня приурочивается, и те *обряды* или *настроения*, которыми она сопровождается». Классификация песен — «не произвольное дело», а очень существенный этап, которому «посвящены научные разработки» (И. В. Ягича, А. Н. Веселовского и др.), о чем, по мнению Пыпина, полезно было бы знать собирателям белорусских песен⁴³⁷. Пыпин настоятельно подчеркивал, что «правильная передача стихов песни есть требование научное, которого вообще не следует жертвовать типографскому соображению»⁴³⁸.

Рецензируя первые выпуски «Белорусского сборника» Романова, Пыпин занял свою позицию в отношении «заносных» (великорусских и малорусских) песен, из которых автор отобрал для издания только «ассимилировавшиеся» с белорусскими. Пыпин полагал, что на подобный материал нужно обратить особое внимание, поскольку он характеризует «не только этнографический состав края, но и самое положение белорусской народности», которая издавна находится «в ближайшей связи» с великорусской, малорусской, польской народностями и «очевидно, что в нынешнем этнографическом состоянии племени не могли не отразиться его давние исторические связи»⁴³⁹.

Точка зрения Романова в отношении «псевдонародных, искусственных» произведений, за которые тот критиковал П. В. Шейна и которые не включил в свой сборник, несмотря на их обилие, вызвала несогласие Пыпина. Последний считал, что «искусственные произведения» нередко проникают в народ, и их нужно учитывать, «чтобы получить полное понятие о составе народно-поэтического обихода, для истории самой песни»⁴⁴⁰.

Немало этнографического материала содержали описания отдельных губерний. Пыпин приводил в пример описание Могилевской губернии⁴⁴¹, в котором представлены, наряду с этнографическими, исторические, географические, статистические сведения, данные о промышленности, сельском хозяйстве, образовании, медицинском обслуживании. Описание, по оценке Пыпина, было составлено обстоятельно. Обширный этнографический

отдел включал информацию о составе населения, сословных группах, объективные материалы о различных сторонах народной жизни, позволяющие каждому делать собственные выводы (подобная методика издания особенно близка Пыпину). Пристальное внимание уделено быту крестьян, в котором лучше сохранился «склад белорусской жизни и речи». Ко всем данным, содержащимся в издании, по мнению Пыпина, требовалось добавить беспристрастную оценку результатов русификаторских мероприятий в губернии⁴⁴².

В 1880-х гг. стало очевидным, что нужны популярные книги, посвященные Белоруссии. И в правительственных кругах пришли к мысли о необходимости недорогих общедоступных изданий «для широкого распространения на западе России». В рамках этой курируемой МВД программы вышли в свет книги «Холмская Русь» (1887), «Волинь» (1889), а также издание П. Н. Батюшкова «Белоруссия и Литва. Исторические судьбы северо-западного края» (СПб., 1890). Исторический очерк в книге Батюшкова был написан профессорами Киевской духовной академии Н. И. Петровым и И. И. Малышевским. Пыпин указывал, что книга опирается не столько на документы, сколько на научную литературу (в том числе польскую), что для популярного издания вполне нормально. В качестве недостатка книги отмечался односторонний подход, при котором история «излагается исключительно с точки зрения политических и церковных отношений и забывается сторона культурная», т. е. влияние Польши рассматривается только как «дело насилия, за которым с течением истории должно было последовать возмездие». Очевидно, что история подается с учетом того, что в Белоруссии «происходит восстановление русских национальных элементов и подавление влияния польских». Пыпин еще раз напоминал, что польское влияние было как политическим, так и культурным, и осуществлялось оно не только с помощью насилия, но и благодаря «внутренним условиям самого западно-русского быта» — принятием высшим сословием белорусского народа польского языка, веры, обычаев, нравов. Без этого аспекта, как считал Пыпин, история Западной Руси оказалась односторонней и искаженной⁴⁴³.

В особый раздел Пыпин выделил работы, посвященные белорусскому языку, обстоятельное исследование которого, по его наблюдению, было начато лишь в 70–80-х гг. XIX в. и делало только первые шаги. В данной области он отмечал «обстоятельные

исследования» П. В. Владимирова⁴⁴⁴, а также труды А. Н. Веселовского⁴⁴⁵ и А. С. Архангельского⁴⁴⁶. Он признавал «возможность книжки на белорусском наречии», т. е. литературного языка на основе «живого говора»⁴⁴⁷. Это «наречие», отмечал ученый, никогда не имело «самостоятельного литературного значения» и отличается от литературного языка XVI–XVII вв. Мало изученные современные белорусские говоры еще не получили «литературной обработки»⁴⁴⁸. Издание старинных документов и изучение народного языка позволили, как писал Пыпин, выявить лексический состав белорусского языка (упоминавшийся уже словарь И. И. Носовича, словарь Н. Горбачевского⁴⁴⁹). Научные приемы в изучении белорусского языка Пыпин отмечает в работах А. Потемби⁴⁵⁰, М. Колосова⁴⁵¹, К. Аппеля⁴⁵² И. Недешева⁴⁵³, Е. Ф. Карского⁴⁵⁴. Эти труды содержали сведения о современном языке и его исторической судьбе⁴⁵⁵.

Подводя итоги тому, что сделано исследователями Белоруссии в 70–80-х гг. XIX в., Пыпин писал: «В новейших трудах, касающихся Белоруссии, все более точно определяются исторические и племенные отношения населения, письменные остатки старого и подробности современного языка, собираются в изобилии памятники народного языка и словесности»⁴⁵⁶.

Суммируя в начале 1890-х гг. все известные сведения о Белоруссии, ее народе и культуре, Пыпин охарактеризовал результаты национального развития белорусов и изучения белорусских земель на протяжении столетия. Своими трудами Пыпин положительно ответил на вопрос о существовании отдельного белорусского народа, имеющего свои национальные признаки и свою непростую историю.

* * *

Поскольку проявления белорусского движения и его идеологии на протяжении XIX в. были значительно более слабыми, чем в украинском случае, Пыпин показывал национальное пробуждение белорусского народа преимущественно через призму народоведения. Изложив, как шел процесс изучения Белоруссии, Пыпин подчеркнул, что настоящие научные исследования только разворачивались. Сам ученый внес в этот процесс немалый вклад. Он высказал свою не претерпевшую с годами принципиальных изменений точку зрения на исторический и этнокультурный

путь, пройденный белорусским народом. Пыпин рассматривал Белоруссию как специальный объект научного изучения, утверждая белорусоведение в качестве особой области знания.

Ученый обобщил материалы разных наук, систематизировал немалую по объему литературу, затрагивающую белорусскую тематику. Он впервые обозначил этапы развития белорусоведения, выявив, что было характерно для каждого из них, дал достаточно полный историографический обзор, знакомя с биографиями исследователей, содержанием их работ, отмечая достоинства и недостатки трудов и определяя их вклад в науку. Всем интересовавшимся белорусской проблематикой Пыпин предоставил обширный библиографический перечень работ о Белоруссии (правда, библиографическое описание не всегда исчерпывающе полно).

Пыпин не выделял историографических направлений в белорусоведении, но нередко обращал внимание на общественно-политические взгляды и научные позиции исследователей. Пыпин предпринял попытку обозначить польскую, белорусскую и русскую линии в изучении Белоруссии, но ввиду объективных сложностей подобной дифференциации, ему не всегда удавалось это сделать. Приведенные ученым сведения позволяли заключить, что изучение велось в основном «местными» исследователями или «выходцами» из Северо-Западного края.

Наряду с обзором работ о Белоруссии Пыпин представил собственное видение белорусской истории, показал положение белорусов в Российской империи. Не приветствуя радикального пути решения национальных проблем, ученый призывал к их широкому и непредвзятому общественному обсуждению, отводя в этом деле важную роль науке.

В своих исследованиях о Белоруссии, как и в других работах, применяя историко-сравнительный метод, Пыпин стремился освещать изучаемый предмет объективно, не навязывая читателям своих мнений и оценок, которые тем не менее отчетливо проступают сквозь толщу беспристрастных данных. Основной труд Пыпина о Белоруссии поражает насыщенностью всевозможными сведениями, фактами, именами. Этот труд остается первым крупным обобщающим сочинением, в котором рассмотрены прошлое белорусского народа, его национально-культурное развитие и история изучения Белоруссии в XIX в. Прокладывая дорогу будущим исследователям, ученый подчеркивал, что ос-

тается большой простор для дальнейших, более углубленных белорусоведческих изысканий, особенно в области этнографии и лингвистики.

Внимательно наблюдая за национальным развитием украинского и белорусского народов, Пыпин пришел к выводу, что его следует рассматривать как в контексте общеславянского возрождения, с которым обнаруживалось немало аналогий, так и в контексте триединства «русского племени» и Российского государства. Ученый отмечал, что близкородственность трех восточнославянских народов, один из которых занимал государствообразующее положение, облегчала процессы ассимиляции, осложняя в то же время развитие национального самосознания и проявлений национальной индивидуальности. Пыпин указывал на сильное польское влияние, которое испытывали украинский и белорусский народы в различных сферах жизни, и русско-польское противоборство, отражавшееся на этих народах.

Пыпин отметил запаздывание национальных процессов на Украине и особенно в Белоруссии по сравнению с другими славянскими народами. Культурный фактор преобладал в их национальном движении на протяжении XIX столетия, и именно его Пыпин изучал с особой тщательностью. Рассматривая явления культуры, он пытался привлечь внимание общественности к положению украинского и белорусского народов, которое выросло до особого «вопроса» во внутренней политике Российской империи.

Ученый критиковал подход официальных кругов и консервативно настроенной части общества к проблеме национально-го развития народов империи. Он считал необоснованными опасения властей за целостность России, будучи уверенным, что свободное развитие частей только способствует укреплению государства.

Отмечая характерное для культурной стадии становления наций обращение к древней истории, воспоминаниям о собственной государственности, языку и литературе, Пыпин в то же время подчеркивал нерешенность языковых проблем у украинцев и белорусов.

Широко используя историографический подход к украиноведческому и белорусоведческому материалу, Пыпин рассмотрел историю Украины и Белоруссии, подъем украинского и белорусского национального самосознания и различные проявления национального движения. Пристальное внимание ученого к процессу изучения западных и юго-западных областей России сыграло определенную роль в признании статуса украиноведения и белорусоведения как научных направлений.

Примечания

¹ См.: Аксенова Е. П. [А. Н. Пыпин о путях формирования украинской и белорусской наций в XIX в.] // На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения / Отв. ред. Л. Е. Горизонтов. М., 2004. С. 129–135.

² Пытин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3. Этнография малорусская. С. IV.

³ Там же. 1892. Т. 4. Белоруссия и Сибирь. С. III–IV.

⁴ Миллер А. И. Методологические проблемы изучения процессов формирования наций у восточных славян в поздний имперский период // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2003. М., 2003. С. 67.

⁵ Горизонтов Л. Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 139.

⁶ Там же. С. 149–150.

⁷ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 21.

⁸ Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865. С. 5.

⁹ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 21.

¹⁰ Там же. Т. 3. С. 1.

¹¹ Там же. С. 4; Пытин А. Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 11. С. 305–306.

¹² Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1879. Т. 1. С. 401–405; Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 60, 172.

¹³ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 166–167; Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 19.

¹⁴ Пытин А. Н. Россия и Европа // Вестник Европы. 1889. № 1. С. 297.

¹⁵ Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. С. 170.

¹⁶ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 6, 11.

¹⁷ Пытин А. Н. Новые романы Сенкевича // Вестник Европы. 1888. № 2. С. 672–673.

- ¹⁸ Т. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1900. № 8. С. 839.
- ¹⁹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 306, 352; Пытин А. Н. Польский вопрос в русской литературе. № 10. С. 697.
- ²⁰ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 13–14.
- ²¹ Там же. С. 14.
- ²² Там же. С. 14–16.
- ²³ Там же. С. 17, 21.
- ²⁴ Там же. Т. 3. С. 2–3, 8–9, 313.
- ²⁵ Там же. С. 3.
- ²⁶ Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. С. 224.
- ²⁷ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 66, 87; Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 377.
- ²⁸ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 10.
- ²⁹ Там же. С. 221–222.
- ³⁰ Там же. Т. 4. С. 23.
- ³¹ Там же. С. 10.
- ³² Там же. С. 65–66.
- ³³ -А- [Пытин А. Н.] Вопрос о национальности и панславизм // Современник. 1864. № 3. С. 112–113.
- ³⁴ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 361, 363.
- ³⁵ Там же. С. 10, 93; Т. 4. С. 173.
- ³⁶ Там же. Т. 3. С. 302–303, 307, 338.
- ³⁷ Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. С. 206–231.
- ³⁸ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1879–1881. Т. 1–2.
- ³⁹ Там же. Т. 1. С. 306–387.
- ⁴⁰ Там же. С. 315, 378.
- ⁴¹ См.: «Вестник Европы» 1881. № 1; 1885. № 8–12; 1886. № 1–4; 1887. № 1.
- ⁴² Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 245–300.
- ⁴³ Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. С. 207.
- ⁴⁴ Там же. С. 212.
- ⁴⁵ Костомаров Н. И. О федеративном начале в древней Руси // Основа. 1861. № 1. С. 121–158.
- ⁴⁶ А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // 1891. № 12. С. 850–851.
- ⁴⁷ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 308–310, 325.
- ⁴⁸ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 308, 382.
- ⁴⁹ Там же. С. 5–6.
- ⁵⁰ А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1885. № 3. С. 437.

- ⁵¹ А. П. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1900. № 4. С. 830–831; Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 327, 340.
- ⁵² Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 326, 335–336.
- ⁵³ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 5–6, 284.
- ⁵⁴ Там же. С. 2.
- ⁵⁵ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 341.
- ⁵⁶ Пытин А. Н. Новые романы Сенкевича. С. 669.
- ⁵⁷ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 313, 346–347, 350; А. Н. [Пытин А. Н.] Наша печать и болгарские дела // Вестник Европы. 1877. № 10. С. 879.
- ⁵⁸ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 8, 350.
- ⁵⁹ Там же. С. 2, 8–9, 313.
- ⁶⁰ Там же. С. 347.
- ⁶¹ Там же. С. 2–3, 8.
- ⁶² Пытин А. Н. О сравнительно-историческом изучении русской литературы // Вестник Европы. 1875. № 10. С. 660.
- ⁶³ Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. С. 206.
- ⁶⁴ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 4, 9.
- ⁶⁵ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 357–358.
- ⁶⁶ Там же. С. 166.
- ⁶⁷ Там же. С. 378.
- ⁶⁸ Пытин А. Н. Гоголь // Вестник Европы. 1895. № 12. С. 695–696.
- ⁶⁹ Там же. С. 306.
- ⁷⁰ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 359–360, 362.
- ⁷¹ Там же. С. 6; Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. С. 213.
- ⁷² Петров Н. И. Очерки истории украинской литературы XVIII в. Киев, 1880; Он же. Очерки истории украинской литературы XIX столетия. Киев, 1884.
- ⁷³ Дашкевич Н. П. Отзыв о сочинении г. Петрова: Очерки истории украинской литературы XIX столетия // Отчет о XXIX-м присуждении награды гр. Уварова. [СПб.], 1888.
- ⁷⁴ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 7.
- ⁷⁵ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 379.
- ⁷⁶ Пытин А. Н. О сравнительно-историческом изучении русской литературы. С. 661–662.
- ⁷⁷ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 10.
- ⁷⁸ Пытин А. Н. О сравнительно-историческом изучении русской литературы. С. 663.

- ⁷⁹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 367, 389, 399–400.
- ⁸⁰ Там же. С. 364, 367.
- ⁸¹ *Пытин А. Н.* Подделки рукописей и народных песен. СПб., 1898. С. 19–20; *Т. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1898. № 3. С. 413–414.
- ⁸² *А. Н. [Пытин А. Н.]* Будущность славянства // Вестник Европы. 1877. № 12. С. 812.
- ⁸³ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 367–370; *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. С. 219–225.
- ⁸⁴ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 375–376, 379; *Пытин А. Н.* Из истории панславизма // Вестник Европы. 1893. № 9. С. 271.
- ⁸⁵ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 376–377; *Пытин А. Н.* Николай Иванович Костомаров. 1817–1885 // Вестник Европы. 1885. № 5. С. 417.
- ⁸⁶ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 157.
- ⁸⁷ *Пытин А.* Из истории панславизма. С. 271.
- ⁸⁸ *Пытин А. Н.* Николай Иванович Костомаров. С. 419.
- ⁸⁹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 377–380, 382.
- ⁹⁰ *Пытин А. Н.* Особая история русской литературы // Вестник Европы. 1890. № 9. С. 245–246.
- ⁹¹ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 10. С. 686.
- ⁹² *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 4–5.
- ⁹³ *А. Н. [Пытин А. Н.]* Будущность славянства. С. 812; *Пытин А. Н.* Особая история русской литературы. С. 245.
- ⁹⁴ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 387; *Пытин А. Н.* Николай Иванович Костомаров. С. 419.
- ⁹⁵ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 4–5.
- ⁹⁶ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 382.
- ⁹⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. С. 226–228.
- ⁹⁸ См.: *Миллер А. И.* Укратиофильство // Славяноведение. 1998. № 5. С. 30.
- ⁹⁹ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 273–275, 278.
- ¹⁰⁰ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 257–258, 262–266.
- ¹⁰¹ *Пытин А. Н.* Тенденциозная этнография // Вестник Европы. 1887. № 1. С. 328.
- ¹⁰² *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 10. С. 682–683.
- ¹⁰³ Там же. С. 686.

- ¹⁰⁴ Там же. С. 687.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 696.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 698.
- ¹⁰⁷ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 93.
- ¹⁰⁸ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 10. С. 696–697; *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 383–386.
- ¹⁰⁹ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 279–280.
- ¹¹⁰ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 382.
- ¹¹¹ Там же. С. 377–378.
- ¹¹² *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 215–216.
- ¹¹³ Там же. С. 216–217.
- ¹¹⁴ Основа. 1861. № 3. С. 33–80.
- ¹¹⁵ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 262.
- ¹¹⁶ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 10. С. 687–688.
- ¹¹⁷ *Костомаров Н. И.* Правда москвичам о Руси // Основа. 1861. № 10. С. 1–15; *Он же.* Правда полякам о Руси // Там же. С. 100–112.
- ¹¹⁸ *Кулиш П. А.* Полякам об украинцах // Основа. 1862. № 2. С. 67–86.
- ¹¹⁹ См.: *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 217–221.
- ¹²⁰ Там же. С. 221–222.
- ¹²¹ Там же. С. 384–385.
- ¹²² *Т. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1899. № 11. С. 401.
- ¹²³ Подробнее см.: *Миллер А. И.* Укратиофильство. С. 32–33.
- ¹²⁴ *А. В-нь [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1885. № 1. С. 440.
- ¹²⁵ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 386.
- ¹²⁶ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 10. С. 697.
- ¹²⁷ См.: *Миллер А. И.* Укратиофильство. С. 33.
- ¹²⁸ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 357–361.
- ¹²⁹ Там же. С. 361, 400; *Т. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1900. № 8. С. 838.
- ¹³⁰ *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 119.
- ¹³¹ *Пытин А. Н.* Литературный панславизм // Вестник Европы. 1879. № 9. С. 333.
- ¹³² *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 384, 386.
- ¹³³ *Миллер А. И.* Укратиофильство. С. 33–34.
- ¹³⁴ *А. В. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 878–880.
- ¹³⁵ *Пытин А. Н.* Русские сочинения Шевченка // Вестник Европы. 1888. № 3. С. 249–250.

- ¹³⁶ Костомаров Н. И. По поводу статьи г. де-Пуле // Вестник Европы. 1882. № 5. С. 434.
- ¹³⁷ Де-Пуле М. Ф. К вопросу об украинофильстве // Русский вестник. 1882. № 2. С. 855, 866.
- ¹³⁸ Пытин А. Н. К спорам об украинофильстве // Вестник Европы. 1882. № 5. С. 438–442.
- ¹³⁹ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 389–390.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 303, 307.
- ¹⁴¹ Пытин А. Н. Малорусско-галицкие отношения // Вестник Европы. 1881. № 1. С. 410.
- ¹⁴² Пытин А. Н. Малорусская этнография за последние двадцать пять лет // Вестник Европы. 1886. № 1. С. 344.
- ¹⁴³ Павловский А. Грамматика малороссийского наречия или грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших малороссийское наречие от чистого русского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями. СПб., 1818.
- ¹⁴⁴ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 309–311.
- ¹⁴⁵ См.: Венелин Ю. О споре между южанами и северянами на счет их россизма // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1847. Кн. 4. С. 1–16.
- ¹⁴⁶ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 302–304, 307.
- ¹⁴⁷ Греч Н. И. Опыт истории русской литературы. СПб., 1822. С. 12.
- ¹⁴⁸ Максимович М. А. Малороссийские песни. М., 1827; Он же. История древней русской словесности. Киев, 1839; Он же. Начатки русской филологии. 1845.
- ¹⁴⁹ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 312.
- ¹⁵⁰ Запорожская старина. Ч. I–II. Харьков, 1833–1838.
- ¹⁵¹ Срезневский И. И. Взгляд на памятники украинской народной словесности // Ученые записки Московского университета. 1834. VI. Октябрь. С. 134–150. См. также: Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 89–90, 94, 313.
- ¹⁵² Бодянский О. М. О народной поэзии славянских племен. М., 1837; Он же. О древнем языке северных и южных руссов // Ученые записки Московского университета. 1839. № 3.
- ¹⁵³ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 105–113.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 1.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 93.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 381–382.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 1.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 4.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 3–4.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 96.

- ¹⁶¹ Там же. С. 247–249.
- ¹⁶² *Пытин А. Н.* Новые романы Сенкевича. С. 667, 669–670.
- ¹⁶³ Там же. С. 667.
- ¹⁶⁴ См.: [Цертелев Н. А.] Опыт собрания старинных малороссийских песней. СПб., 1819.
- ¹⁶⁵ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 15.
- ¹⁶⁶ См.: *Максимович М. А.* Малороссийские песни. М., 1827; *Он же.* Украинские народные песни. Ч. 1. Кн. 1–4. М., 1834; *Он же.* Голоса украинских песен. 1834; *Он же.* Сборник украинских песен. Ч. 1. Киев, 1849.
- ¹⁶⁷ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 18–19, 21, 37.
- ¹⁶⁸ *Метлинский А. Л.* Народные южнорусские песни. Киев, 1854.
- ¹⁶⁹ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 149.
- ¹⁷⁰ *Маркевич Н. А.* История Малороссии. М., 1842–1843. Т. 1–5.
- ¹⁷¹ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 341.
- ¹⁷² *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 395.
- ¹⁷³ *Пытин А. Н., Николай Иванович Костомаров.* С. 420; *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 372.
- ¹⁷⁴ *А. В. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1886. № 4. С. 889.
- ¹⁷⁵ *Пытин А. Н., Николай Иванович Костомаров.* С. 412.
- ¹⁷⁶ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 373.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 372.
- ¹⁷⁸ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 155–156.
- ¹⁷⁹ *Костомаров Н. И.* Богдан Хмельницкий. СПб., 1857; *Он же.* Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1869; *Он же.* Руина. СПб., 1879; *Он же.* Мазепа. М., 1882; *Он же.* Историческое значение южнорусского народного песенного творчества. (Работа публиковалась в журналах «Беседа» в 1872 г., «Русская мысль» в 1880–1883 гг., а также в «Литературном наследии» Костомарова в 1890 г.)
- ¹⁸⁰ *Костомаров Н. И.* Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков, 1843.
- ¹⁸¹ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 156, 170–171.
- ¹⁸² Там же. С. 188–191, 194.
- ¹⁸³ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 375.
- ¹⁸⁴ *П. А. Н. [Пытин А. Н.]* [Рец. на кн.:] Записки о Южной Руси. Издал П. Кулиш. Том первый. СПб. 1856 // Современник. 1857. № 1/2. Отд. IV. С. 11–14, 17, 21.
- ¹⁸⁵ *П-нь А. Н. [Пытин А. Н.]* [Рец. на кн.:] Записки о Южной Руси. Издал П. Кулиш. Два тома. СПб. 1856–1857 // Современник. 1857. № 5. Отд. III. С. 4, 17–23.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 5.

- ¹⁸⁷ Грабовский М. А. О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян в XVII веке // Записки о Южной Руси. СПб., 1857. Т. 2. С. 308–320.
- ¹⁸⁸ П-нь А. Н. [Пытин А. Н.] [Рец. на кн.:] Записки о Южной Руси... С. 11–13.
- ¹⁸⁹ Кулиш П. А. Замечания издателя // Записки о Южной Руси. СПб., 1857. Т. 2. С. 321–328.
- ¹⁹⁰ П-нь А. Н. [Пытин А. Н.] [Рец. на кн.:] Записки о Южной Руси... С. 5, 14.
- ¹⁹¹ Могилевский И. О древности и самобытности южно-русского языка // Записки о Южной Руси. СПб., 1857. Т. 2. С. 257–280.
- ¹⁹² П-нь А. Н. [Пытин А. Н.] [Рец. на кн.:] Записки о Южной Руси... С. 15–16.
- ¹⁹³ Там же. С. 15–16, 24.
- ¹⁹⁴ П. А. Н. [Пытин А. Н.] [Рец. на кн.:] Хата, 1860 г. Издал П. Кулиш. С.-Петербург // Современник. 1860. № 3. Отд. III. С. 115–119.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 116–117.
- ¹⁹⁶ Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. С. 207.
- ¹⁹⁷ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 294, 296.
- ¹⁹⁸ Nowosielski A. Lud Ukraiński. Wilno, 1857. Т. 1–2.
- ¹⁹⁹ Rulikowski E. Opis powiatu Wasilkowskiego. Warszawa, 1853.
- ²⁰⁰ Radalica T. Opowiadania i krajobrazy. Wilno, 1856. Т. 1–2.
- ²⁰¹ Погодин М. П. Записка о древнем языке русском // Известия русского отделения Академии наук, 1856. Его ответ Максимовичу см.: Русская беседа. 1856. № 4.
- ²⁰² Его возражения Погодину см.: Русская беседа. 1856. № 3. С. 78–139; 1857. № 2. С. 80–104.
- ²⁰³ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 319–321.
- ²⁰⁴ Лавровский П. А. Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительно с великорусским и другими славянскими наречиями // ЖМНП. 1859. № 6. С. 225–266.
- ²⁰⁵ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 321–322, 324–325.
- ²⁰⁶ Там же. С. 222, 339–380.
- ²⁰⁷ Закревский Н. В. Старосветский Бандуриста. М., 1860–1861. Кн. 1–3. См. также: Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 339, 342–345.
- ²⁰⁸ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 368–369.
- ²⁰⁹ Рудченко И. Я. Народные южно-русские сказки. Киев, 1869–1870. Т. 1–2.
- ²¹⁰ Рудченко И. Я. Чумацкие народные песни. Киев, 1874.
- ²¹¹ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 369–374.
- ²¹² Там же. С. 376–377.
- ²¹³ Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряженной Имп. Русским географическим обществом (юго-западный отдел: материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским). СПб., 1872–1878. Т. 1–7.

- ²¹⁴ См.: *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 347, 349–352.
- ²¹⁵ Там же. С. 356–360, 362–363.
- ²¹⁶ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 396.
- ²¹⁷ Там же. С. 395; *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 388, 396.
- ²¹⁸ *Драгоманов М. П.* Евреи и поляки в юго-западном крае // *Вестник Европы*. 1875. № 7.
- ²¹⁹ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 401–404.
- ²²⁰ Там же. С. 379–380, 400–401.
- ²²¹ *А. П. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // 1902. № 2. С. 839.
- ²²² *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 189–190, 210–211; *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе. № 10. С. 697.
- ²²³ *Костомаров Н. И.* О казаках // *Русская старина*. 1878. № 3. С. 385–402.
- ²²⁴ См.: *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 336.
- ²²⁵ *А. В. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // *Вестник Европы*. 1885. № 6. С. 872.
- ²²⁶ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 385.
- ²²⁷ Там же. С. 406–408.
- ²²⁸ *Т. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // *Вестник Европы*. 1897. № 1. С. 413–414.
- ²²⁹ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 387–388.
- ²³⁰ *А. В. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // *Вестник Европы*. 1890. № 2. С. 878–880.
- ²³¹ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 389–390.
- ²³² Там же. С. 393, 395.
- ²³³ *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. Киев, 1884.
- ²³⁴ *А. Н. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // *Вестник Европы*. 1884. № 9. С. 413–414.
- ²³⁵ *А. В. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение. [Рец. на кн.:] *Антонович В. Б.* Монографии по истории западной и юго-западной России. Т. 1. Киев, 1885 // *Вестник Европы*. 1885. № 6. С. 872–873.
- ²³⁶ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 395.
- ²³⁷ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. С. 395–396.
- ²³⁸ Там же. С. 405–406.
- ²³⁹ *Петров Н. И.* Очерки истории украинской литературы XIX столетия. Киев, 1884.
- ²⁴⁰ *А. Н. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // *Вестник Европы*. 1884. № 8. С. 839–841.
- ²⁴¹ Там же. С. 842.
- ²⁴² *Житецкий П. И.* Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII веках. Киев, 1889.

- ²⁴³ Т. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1899. № 11. С. 399.
- ²⁴⁴ См.: *Соболевский А.* Очерки из истории русского языка. Киев, 1884.
- ²⁴⁵ А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 880–881.
- ²⁴⁶ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 338.
- ²⁴⁷ Пытин А. Н. Особый русский язык // Вестник Европы. 1888. № 11. С. 371.
- ²⁴⁸ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 327. 329–330.
- ²⁴⁹ Пытин А. Н. Особая история русской литературы. С. 254.
- ²⁵⁰ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 331–332.
- ²⁵¹ Там же. С. 333–334.
- ²⁵² Пытин А. Особая история русской литературы. С. 273.
- ²⁵³ См.: *Полещук Т.* Проблема культурно-історичної спадщини Київської Русі в українсько-російській дискусії 1890–1891 рр. // *Славістичні студії*. Львів, 1997. С. 178–181. Автор статьи считает эту критику аргументированной и верной.
- ²⁵⁴ Поэмы, повести и рассказы Т. Г. Шевченка, писанные на русском языке. Киев, 1888.
- ²⁵⁵ Пытин А. Н. Русские сочинения Шевченка // Вестник Европы. 1888. № 3. С. 246–286.
- ²⁵⁶ [Костомаров Н. И.] Литературное наследие. СПб., 1890.
- ²⁵⁷ Пытин А. Последние труды Н. И. Костомарова // Вестник Европы. 1890. № 12. С. 789, 796–797.
- ²⁵⁸ Костомаров Н. И. Две русские народности // *Основа*. 1861. № 3. С. 33–80.
- ²⁵⁹ Пытин А. Последние труды Н. И. Костомарова. С. 800.
- ²⁶⁰ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 211–214.
- ²⁶¹ А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1891. № 12. С. 849–851.
- ²⁶² Там же. С. 849.
- ²⁶³ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 365.
- ²⁶⁴ См.: *Полещук Т.* Проблема культурно-історичної спадщини Київської Русі в українсько-російській дискусії 1890–1891 рр. С. 179–180; *Ульянов Н. И.* Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк. 1966. С. 273.
- ²⁶⁵ *Карев Д. В.* Белорусская историография конца XVIII — начала XX веков (Политика царизма и формирование исторической науки в Белоруссии) // Наш радавод. Кн. 5. Ч. II. Гродна, 1993. С. 272.
- ²⁶⁶ Пытин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Т. 4. Белоруссия и Сибирь.
- ²⁶⁷ Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865.

- ²⁶⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. СПб., 1879–1881. Т. 1–2.
- ²⁶⁹ См.: *Вестник Европы*. 1886. № 4. С. 883–887; 1888. № 1. С. 452–456; 1890. № 5. С. 392–395; и др. См. также: *Мельц М. Я.* Русские фольклористы-библиографы конца XIX — начала XX в. // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. Вып. V. М., 1971. С. 80.
- ²⁷⁰ *Пытин А. Н.* Белорусская этнография // *Вестник Европы*. 1887. № 4. С. 644–686; № 5. С. 211–252; № 6. С. 640–681; № 7. С. 184–226.
- ²⁷¹ *Мельц М. Я.* А. Н. Пытин и русская фольклористика конца XIX — начала XX в. // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. Вып. II. М., 1963. С. 106, 122–124.
- ²⁷² *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. III.
- ²⁷³ Там же.
- ²⁷⁴ Там же. С. 3–4.
- ²⁷⁵ Там же. С. 4–5, 172.
- ²⁷⁶ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. С. 26.
- ²⁷⁷ Там же. С. 170.
- ²⁷⁸ Там же. С. 209.
- ²⁷⁹ Там же. С. 171.
- ²⁸⁰ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 6.
- ²⁸¹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. С. 171.
- ²⁸² Там же. С. 29.
- ²⁸³ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 7.
- ²⁸⁴ *А. П. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // *Вестник Европы*. 1900. № 4. С. 829.
- ²⁸⁵ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 9.
- ²⁸⁶ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. С. 170–171.
- ²⁸⁷ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 8.
- ²⁸⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. С. 182, 214–215.
- ²⁸⁹ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 11.
- ²⁹⁰ Там же. С. 10–11.
- ²⁹¹ *А. П. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // *Вестник Европы*. 1890. № 5. С. 394.
- ²⁹² *А. П. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение. [Рец. на кн.:] Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. Исследование П. В. Владимирова. СПб. 1888 (Издание имп. Общества любителей древней письменности) // *Вестник Европы*. 1888. № 5. С. 381.
- ²⁹³ *Папков А. А.* Братства. Очерк истории западно-русских православных братств. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900.

- ²⁹⁴ А. П. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1900. № 4. С. 828–831.
- ²⁹⁵ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 11–12.
- ²⁹⁶ Там же. С. 166.
- ²⁹⁷ А. П. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1888. № 5. С. 379–380, 382.
- ²⁹⁸ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 172.
- ²⁹⁹ Верниковская Е. А. Роль унии в этнокультурном развитии Белоруссии конца XVI–XVII вв. в современной белорусской историографии // Белоруссия и Украина. История и культура... С. 254.
- ³⁰⁰ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 11–12; Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 320.
- ³⁰¹ А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение. [Рец. на кн.:] Е. Романов. Белорусский сборник. Т. 1. Губерния Могилевская. Выпуск первый и второй. Песни, пословицы, загадки. Киев. 1886 // Вестник Европы. 1886. № 4. С. 883.
- ³⁰² Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. С. 6.
- ³⁰³ Там же. С. 14.
- ³⁰⁴ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 16.
- ³⁰⁵ Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. С. 170–171.
- ³⁰⁶ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 13.
- ³⁰⁷ А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1886. № 4. С. 883.
- ³⁰⁸ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 16, 19.
- ³⁰⁹ Там же. С. 16–17, 21.
- ³¹⁰ Там же. С. 18–19.
- ³¹¹ Там же. С. 19–20.
- ³¹² А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1886. № 4. С. 883.
- ³¹³ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 21.
- ³¹⁴ См.: Механизмы формирования украинской и белорусской наций в российском и общеславянском контексте (дореволюционный период) // На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения. С. 75.
- ³¹⁵ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 173.
- ³¹⁶ Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. С. 404.
- ³¹⁷ А. В. [Пытин А. Н.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1886. № 4. С. 883–884.
- ³¹⁸ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 145.
- ³¹⁹ Горизонтов Л. Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия. С. 148.

- ³²⁰ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 23, 66.
- ³²¹ Там же. С. 22, 173.
- ³²² Там же. С. 22.
- ³²³ Там же. С. 132.
- ³²⁴ Там же. С. 23–24.
- ³²⁵ Там же. С. 24.
- ³²⁶ Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 1. СПб., 1863. Сост. *П. Семенов*.
- ³²⁷ *Миркович М. Ф.* Этнографическая карта славянских народностей. СПб., 1875. В качестве дополнения к карте вместе с ней издано: *Будилович А. С.* Статистические таблицы распределения славян.
- ³²⁸ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 25–26.
- ³²⁹ Там же. С. 26–27.
- ³³⁰ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 401–402.
- ³³¹ Там же. С. 402; *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 28–30.
- ³³² Цит. по: *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 31.
- ³³³ Варшава, 1807–1814. Т. 1–6.
- ³³⁴ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 402.
- ³³⁵ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 31–33.
- ³³⁶ Там же. С. 36.
- ³³⁷ Там же.
- ³³⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 402.
- ³³⁹ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 37.
- ³⁴⁰ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 402.
- ³⁴¹ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 38–39.
- ³⁴² Там же. С. 41–44.
- ³⁴³ Там же. С. 46–48, 55.
- ³⁴⁴ Там же. С. 49–50.
- ³⁴⁵ Там же. С. 49–51, 53–54.
- ³⁴⁶ *Zieńkiewicz R.* Piosenki gminne ludu Pińskiego. Kowno, 1851.
- ³⁴⁷ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 55–56.
- ³⁴⁸ Там же. С. 39–40.
- ³⁴⁹ Там же. С. 40–41.
- ³⁵⁰ Там же. С. 57–59.
- ³⁵¹ Там же. С. 59–60.
- ³⁵² Там же. С. 60–62.
- ³⁵³ Там же. С. 62, 64.
- ³⁵⁴ Там же. С. 64.
- ³⁵⁵ Там же. С. 66.
- ³⁵⁶ Там же. С. 67.
- ³⁵⁷ Там же. С. 68.

- ³⁵⁸ Там же. С. 69–70.
- ³⁵⁹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 403.
- ³⁶⁰ Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Т. XIV. С. 1–49.
- ³⁶¹ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 70–72.
- ³⁶² Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 1–14. СПб., 1863–1892; Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1–5. СПб., 1846–1853.
- ³⁶³ Собрание древних грамот и актов городов Вильны, Ковна, Троку, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Ч. 1–2. Вильна, 1843; Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Минск, 1848.
- ³⁶⁴ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 126–127.
- ³⁶⁵ Там же. С. 72.
- ³⁶⁶ *Шпилевский П. М.* Путешествие по Полесью и Белорусскому краю // Современник. 1853. № 6. С. 75–98; № 7. С. 1–26; № 8. С. 39–110; 1854. № 11. С. 1–58; 1855. № 7. С. 1–62.
- ³⁶⁷ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 72–76.
- ³⁶⁸ Народные белорусские песни. Собраны *Е. П.* СПб., 1853.
- ³⁶⁹ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 77.
- ³⁷⁰ *Боричевский И.* Православие и русская народность в Литве. СПб., 1851.
- ³⁷¹ *Турчинович О.* Обзор истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857.
- ³⁷² *Без-Корнилович М. О.* Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся. СПб., 1855. См. также: *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 78–79.
- ³⁷³ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 138.
- ³⁷⁴ *Сементовский А. М.* Витебск и уездные города Витебской губернии. СПб., 1864.
- ³⁷⁵ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 77–78.
- ³⁷⁶ Там же. С. 66.
- ³⁷⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 403–404.
- ³⁷⁸ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 66, 87.
- ³⁷⁹ Там же. С. 65–66.
- ³⁸⁰ Там же. С. 87–88.
- ³⁸¹ Там же. С. 88–89.
- ³⁸² Там же. С. 110–113.
- ³⁸³ Там же. С. 97, 112.
- ³⁸⁴ Там же. С. 90–91, 94–95, 97.

- ³⁸⁵ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 405; *А. В. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1886. № 4. С. 884.
- ³⁸⁶ *Говорский К. А.* Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской народности к русской вере и народности. Вильна, 1867. Вып. 1–2.
- ³⁸⁷ *Пытин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 1. С. 732.
- ³⁸⁸ Там же. № 3. С. 249–250.
- ³⁸⁹ *Лебедин М.* О племенном составе народонаселения западного края Российской империи // Записки имп. Русского географического общества. 1861. Кн. III.
- ³⁹⁰ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 105.
- ³⁹¹ *Эркерт Р. Ф.* Взгляд на историю и этнографию западных губерний России. СПб., 1864.
- ³⁹² *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 102–103.
- ³⁹³ *Риттих А. Ф.* Атлас народонаселения западно-русского края по исповеданиям. СПб., 1864.
- ³⁹⁴ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 104–110.
- ³⁹⁵ Вильна, 1867. Вып. 1.
- ³⁹⁶ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 121.
- ³⁹⁷ Материалы для географии и статистики России. Виленская губерния. Составил ген. штаба капитан *А. Корева*. СПб., 1861; Материалы... Гродненская губерния. Ч. 1–2. Составил подполковник *П. Бобровский*. СПб., 1863.; Материалы... Минская губерния. Ч. 1–2. Составил подполковник *И. Зеленский*. СПб., 1864.
- ³⁹⁸ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 80–83.
- ³⁹⁹ Там же. С. 114.
- ⁴⁰⁰ Там же. С. 115–120.
- ⁴⁰¹ Там же. С. 125; *Пытин А. Н.* История русской литературы. СПб., 1907. Т. 4. С. 629. См. также: *Балькин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. Брянск, 1996. С. 122.
- ⁴⁰² Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Вильна, 1865–1915. Т. 1–39.
- ⁴⁰³ Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1871–1906. Т. 1–32.
- ⁴⁰⁴ Вильна, 1867–1904. Т. 1–14.
- ⁴⁰⁵ СПб., 1863–1892. Т. 1–15. См. также: *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 128–129.
- ⁴⁰⁶ Описание книг и актов Литовской Метрики. Составил *С. Пташицкий*. СПб. 1887.
- ⁴⁰⁷ *А. П. [Пытин А. Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1887. № 12. С. 875.

- ⁴⁰⁸ Сапунов А. Витебская старина. Витебск, 1883. Т. I; Витебск, 1885. Т. IV; Витебск, 1888. Т. V; издание II и III томов не осуществлено из-за недостатка средств.
- ⁴⁰⁹ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 129–130.
- ⁴¹⁰ СПб., 1868–1885. Вып. 1–8.
- ⁴¹¹ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 130–131, 133–134.
- ⁴¹² Довнар-Запольский М. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891.
- ⁴¹³ Дашкевич Н. Борьба культур и народностей в Литовско-русском государстве в период династической унии Литвы с Польшею // Киевские университетские известия. 1884.
- ⁴¹⁴ Петров Н. И. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-западного края. СПб., 1890 (издано П. Н. Батюшковым).
- ⁴¹⁵ Чистович И. А. Очерки западно-русской церкви. СПб., 1882. Т. 1–2.
- ⁴¹⁶ Бобровский П. О. Русская греко-униатская церковь в царствование имп. Александра I // ЖМНП. 1889. (Отд. изд.: СПб., 1890.)
- ⁴¹⁷ См., напр.: Гуковский К. Краткое описание Ковенской губернии. Ковно, 1888; и др. См. также: Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 137–138.
- ⁴¹⁸ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 138–139.
- ⁴¹⁹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 405.
- ⁴²⁰ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 141–145.
- ⁴²¹ Там же. С. 146–148.
- ⁴²² Там же. С. 148–150.
- ⁴²³ См., напр., его издания: Белорусские пословицы и загадки. СПб., 1869; Сборник белорусских пословиц. СПб., 1874; Белорусские песни. СПб., 1874.
- ⁴²⁴ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 151–153.
- ⁴²⁵ [Пытин А. Н.] [Рец. на кн.:] Е. Романов. Белорусский сборник. Т. 1. Вып. 1-й и 2-й. Киев. 1886 // Вестник Европы. 1886. № 4. С. 884.
- ⁴²⁶ Крачковский Ю. Ф. Быт западно-русского селянина. М., 1874.
- ⁴²⁷ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 154.
- ⁴²⁸ Мельц М. Я. А. Н. Пыпин и русская фольклористика конца XIX — начала XX в. С. 106, 122–124.
- ⁴²⁹ Шейн П. В. Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний. СПб., 1874.
- ⁴³⁰ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 154–155.
- ⁴³¹ Там же. С. 155–156.
- ⁴³² СПб., 1887–1902. Т. 1–3.
- ⁴³³ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 4. С. 156–157. См. также: Мельц М. Я. А. Н. Пыпин и русская фольклористика конца XIX — начала XX в. С. 124, 126–127.

⁴³⁴ Киев, 1886. Вып. 1–2; Витебск, 1887. Вып. 3; Витебск, 1891. Вып. 4–5; Могилев, 1901. Вып. 6; Вильна, 1910. Вып. 7; Вильна, 1912. Вып. 8–9. Выпуск 10 вышел в Минске в 1928 г., через шесть лет после смерти Романова, рукописи 11–14 выпусков погибли во время Великой Отечественной войны (*Мельц М. Я.* А. Н. Пыпин и русская фольклористика конца XIX — начала XX в. С. 124).

⁴³⁵ А. П. [*Пытин А. Н.*] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1888. № 1. С. 452.

⁴³⁶ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 162–166; А. В. [*Пытин А. Н.*] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1886. № 4. С. 883–887; А. П. [*Пытин А. Н.*] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1888. № 1. С. 452–456. См. также: См.: *Мельц М. Я.* А. Н. Пыпин и русская фольклористика конца XIX — начала XX в. С. 122–123.

⁴³⁷ А. В. [*Пытин А. Н.*] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1886. № 4. С. 885.

⁴³⁸ А. П. [*Пытин А. Н.*] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1888. № 1. С. 456.

⁴³⁹ А. В. [*Пытин А. Н.*] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1886. № 4. С. 886.

⁴⁴⁰ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 162–165.

⁴⁴¹ Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельско-хозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях. Могилев, 1882–1884. Т. 1–3.

⁴⁴² *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 158, 160–161.

⁴⁴³ А. П. [*Пытин А. Н.*] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1890. № 5. С. 394.

⁴⁴⁴ *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888; *Он же.* Обзор южно-русских и западно-русских памятников письменности от XI до XVII ст. Киев, 1890.

⁴⁴⁵ *Веселовский А. Н.* Белорусские повести о Тристане, Бове и Аттиле из Познанского сборника XVI в. // Из истории романа и повести. СПб., 1888. Вып. 2.

⁴⁴⁶ *Архангельский А. С.* Очерки из истории западно-русской литературы XVI–XVII в. М., 1888. Т. 1–2. См. также: *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 139–140.

⁴⁴⁷ *Пытин А. Н.* Особый русский язык. С. 371.

⁴⁴⁸ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 166–167.

⁴⁴⁹ *Горбачевский Н.* Словарь древнего актового языка северо-западного края. Вильна, 1874.

⁴⁵⁰ *Потебня А. А.* Два исследования о звуках русского языка. Варшава, 1866.

⁴⁵¹ *Колосов М.* Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878.

⁴⁵² *Аппель К.* О белорусском наречии // Русский филологический вестник. 1880. № 2. С. 197–224.

⁴⁵³ *Недешев И.* Исторический обзор важнейших звуковых и морфологических особенностей белорусских говоров. Варшава, 1884.

⁴⁵⁴ *Карский Е. Ф.* Обзор звуков и форм белорусской речи. М., 1886.

⁴⁵⁵ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. 167–168.

⁴⁵⁶ Там же. С. 171.

Заключение

Масштабные итоги полувековой научной деятельности А. Н. Пыпина свидетельствуют о том, что он, по словам П. Н. Сакулина, не только любил процесс «изысканий», но и «обладал выдающеюся синтетическою способностью»¹. Пыпин умел «поставить широкую, захватывающую общество задачу и с достойной энергией выполнить ее до конца»². И это в полной мере подтверждают труды ученого, значительная часть которых была так или иначе посвящена славянской тематике. Не считая себя славистом, Пыпин тем не менее и по подготовке, и по научным интересам, и по результатам исследований, воплотившимся в конкретных работах, безусловно, был высокопрофессиональным славяноведом.

На протяжении всей научной и публицистической деятельности Пыпина славянство было объектом его пристального внимания. А. Н. Пыпин с большим уважением относился ко всем славянским народам и их национально-освободительной борьбе.

Славянство Пыпин воспринимал как отдельную этническую группу, утверждая, что составляющие ее народы развиваются по общим для всего человечества законам, как полноправные члены входят в семью европейских народов. Признавая вклад славянства в мировую культуру, ученый, в отличие от славянофилов, не считал, что славянский мир как отдельный «культурно-исторический» тип противостоит западному миру и является носителем особой цивилизации, которая должна сменить западно-европейскую. Пыпин неоднократно подчеркивал, что славянство принадлежит к европейской цивилизации.

В трудах Пыпина отразились воззрения русских прогрессивных общественных кругов на славянский вопрос. В этом вопросе он всегда занимал гуманистические позиции. Взгляды ученого на славянство отличались устойчивостью на протяжении всего периода его научной деятельности. Некоторая динамика в его подходе к отдельным проблемам объясняется трансформациями в самом предмете исследования в XIX в., связанными с изменениями во внешнеполитической обстановке, в положении славянских народов, в русско-славянских отношениях, а также значительными работами в области изучения славянских народов.

Труды ученого сохраняют значение как «своды обширных фактических материалов»³. При отсутствии необходимой специальной литературы они предоставляли ценные сведения справочного характера. Но было бы неверно считать, что Пыпин обогатил науку только «фактически»⁴. Его исследования содержат глубокие мысли, идеи, теоретически важные положения и взвешенные выводы. Пыпину удалось создать общие труды, в которых показано славянство в целом. Они могли служить прекрасными пособиями для сравнительно-исторического изучения славянских народов. Труды Пыпина имеют не только историографическое значение в качестве памятников научной мысли своего времени. Они дают основание говорить о вкладе, который ученый внес в развитие различных гуманитарных наук, в том числе — славяноведения.

Славянство Пыпин исследовал не как «узкий специалист», а как ученый широкого гуманитарного профиля, имевший огромные знания, глубоко изучивший предмет и пристально следивший за отечественной и зарубежной литературой, посвященной славянским народам. Научное наследие ученого в области славистики свидетельствует, что его интересовали не только историко-литературные аспекты (и, может быть, даже не столько эти аспекты). Пыпин часто обращался к сюжетам из области истории литературы, образования, науки, с одной стороны, потому что в этих сферах духовной деятельности видел большой созидательный потенциал, с другой — для того, чтобы с их помощью объяснить происходившие в славянских землях национально-политические процессы (которые сложно было свободно обсуждать в открытой печати) или представить свою точку зрения на перспективы решения славянского вопроса.

«Славянские» работы А. Н. Пыпина позволяют утверждать, что он с большим интересом и вниманием относился к отдаленной и современной ему истории славянских народов, их национальному пробуждению и народному творчеству, стремлению к культурному развитию, политической самостоятельности и славянской солидарности. Многие вопросы, затронутые ученым, не потеряли своей актуальности по сей день, оставаясь в центре внимания современных исследователей славянства. Пыпин изучал славянские народы разносторонне, «комплексно», в результате чего смог дать довольно цельный и достоверный «портрет» всего славянства и отдельных его представителей, широко используя выработанные

наукой его времени методы, особенно сравнительно-исторический метод (такой междисциплинарный, сопоставительный подход остается до сих пор одним из основных в славяноведении). В совокупности с обширной документальной и научно-литературной базой исследований это способствовало созданию основательных трудов, в которых автор стремился с максимальной объективностью представить и объяснить те или иные события и явления жизни славянских народов.

Напоминая об общности происхождения славянских народов в древности, Пыпин четко выделял три «отрасли» славянства — западную, южную и восточную, каждая из которых имела свою ступенчатую структуру. Опираясь на данные лингвистики, археологии, истории, он настойчиво отстаивал свою точку зрения на независимое друг от друга развитие славянских племен уже на ранней стадии их существования. В историческом прошлом славянских народов, которое оставалось недостаточно изученным, Пыпин в первую очередь фиксировал все, что находило документальное подтверждение. Особое внимание он обращал на яркие, значительные события национальной жизни и борьбы, причины которых видел в объективном ходе исторического процесса и связывал с действием национальных, религиозных, социальных факторов. Большое значение ученый придавал принятию славянами христианства (и разъединению славянского мира на православных и католиков), проявлениям религиозного протеста, в которых усматривал национальные и социальные аспекты, созданию раннефеодальных государств, зарождению и развитию славянской культуры (что послужило основой исторических воспоминаний в период национального пробуждения). Пыпин никогда не соглашался со славянофильским объяснением истории славянских народов с точки зрения племенных и религиозных особенностей, толкуемых как «исключительность». Он специально акцентировал внимание на тех исторических событиях и явлениях в славянском мире, которые имели не только национальное, но общеевропейское значение. Ученый подробно останавливался на весьма продолжительном периоде нахождения славянских народов под иноземным господством, когда национальная жизнь была практически подавлена. Особенно пристально он прослеживал причины и условия вызревания такого масштабного явления, как славянское возрождение.

Имея самостоятельную ценность, исследование прошлого помогало Пыпину объяснить многое из происходившего в современном ему мире. Эпоха формирования и развития славянских наций занимает центральное место в его славистических работах. Возрождение славянских народов, их национальное движение, славянский вопрос были рассмотрены ученым многократно и с разных сторон.

Пыпин впервые последовательно и в меру возможности полно представил историю национального возрождения славянских народов, проанализировав причины, условия, характер, проявления и реальные силы этого процесса. В каждом национальном движении он различал как особенные, так и типологические черты, на основании которых представил общую картину национального подъема, характеризуя его как общеславянское явление. В этом смысле Пыпин выступал не только как «обозреватель», но как историк и теоретик славянского возрождения. Ученый опередил науку своего времени, дав новую, оригинальную, цельную концепцию этого феномена. Он обратил внимание на те же основные черты пробуждения славянства, которые выделяют и современные исследователи процесса становления славянских наций. (Отличия формирования польской нации Пыпин анализировал, учитывая особенности исторического, социально-политического и культурного развития Польши, отчасти соотносимые с Россией.)

Славянский вопрос он рассматривал многосторонне и с прогрессивных позиций, ставя во главу угла интересы славянских народов. Концепция славянского вопроса Пыпина представляется наиболее продуманной и взвешенной — в ее основе лежали не фантастические построения, а анализ реальной ситуации, обусловленной внутренними и внешними факторами.

Наибольшее внимание он уделял процессу развития национального самосознания и национальной идеологии, отмечая в последней как прогрессивные, так и реакционные тенденции. Пыпин доказывал, что «славянская идея», идея славянского единства формировалась с учетом доминирующей национальной идеологии отдельных славянских народов и являлась существенным ее компонентом. Ученый пытался разъяснить, что при своем объединяющем, «общеплеменном» характере славянская идея чаще всего служила достижению национальных целей. В противоположность славянофилам, Пыпин не считал славян-

скую идею исконно присущей славянским народам, убедительно связывая ее появление с периодом национального пробуждения славянских народов. Ученый предложил свою периодизацию развития славянской идеи и дал развернутую характеристику различным ее видоизменениям и интерпретациям. Будучи сторонником независимости славянских народов, он решительно выступал против гегемонистских «панславистских» идей и устремлений.

Оценивая роль России в славянском мире — в деле освобождения и единения славян, — Пыпин настоятельно подчеркивал, что Россия может быть полезной славянскому движению в том случае, если сама пойдет по пути социально-политического прогресса, повышения уровня образования, развития науки и культуры. Не умаляя значения военной и дипломатической помощи славянским народам со стороны России, Пыпин со всей убежденностью утверждал, что не силовое решение славянского вопроса (в том числе введение русского литературного языка в качестве общеславянского), а примат общечеловеческих ценностей может повести за ней славянские народы. Суммируя все сделанное Пыпиным для знакомства русского общества со славянским миром и его проблемами, И. В. Ягич не без основания предполагал, что, «когда бы нашлись среди русской интеллигенции больше люди à la Пыпин, тогда славянский вопрос в России мог бы получить совсем другое обличье»⁵.

В тогдашнем положении славянских народов, в их национальном движении Пыпин не видел реальных предпосылок, свидетельствовавших о возможности скорого объединения славянства, и рассматривал подобные проекты скептически, относя их гипотетическую реализацию к отдаленному будущему. Вместе с тем он не дискредитировал саму идею сотрудничества славянских народов, полагая, что солидарность принесла бы им взаимную пользу, усилила их достижения, обогатила творческий потенциал.

Будущность славянства он видел не столько в «племенном» объединении, сколько в независимом прогрессивном движении каждой из славянских наций, развивающихся по общим законам, учитывающих наряду с национально-культурными особенностями достижения европейской цивилизации.

Пыпин считал, что национальные языки и литературы (как бы ни была скромна численность населения, пользующегося ими) являются необходимым условием становления и развития

наций, подъема образовательного уровня народных масс, составляющих основу нации. В то же время он полагал, что не все языки и литературы смогут достигнуть высокой степени развития. В этой связи ученый не исключал возможности, полезности и желательности в будущем добровольного и свободного принятия славянами русского литературного языка (например, в сфере науки и литературы). К оценке славянских культур эпохи национального возрождения Пыпин подходил с эстетических позиций человека русской культуры.

Используя и популяризируя огромные пласты новых для русской науки материалов и фактических сведений, Пыпин показал общие черты и своеобразие исторической, культурной и современной ему социально-политической жизни славянских народов. При этом в центре его внимания всегда оставался простой народ.

Стремясь как можно объективнее отразить положение зарубежных славян, Пыпин в то же время уделял большое внимание российским славянам — украинцам и белорусам. Изучению этих народов он посвятил и статьи, и большие обобщающие работы. Ученый признавал «отдельность» белорусского и украинского народов, которые в то же время вместе с великорусским составляли «русское племя». Пыпин выявил связь и наличие общих черт процесса складывания украинской и белорусской наций со славянским возрождением в целом. Эта общность проявлялась в стремлении к созданию самобытной культуры и достижению признания политических прав (в той или иной форме). Рассматривая, с одной стороны, украинское и белорусское движения в русле общих возрожденческих процессов, он вместе с тем четко выделил особенности развития этих народов, связанные с условиями их нахождения в империи с близкородственной доминирующей (государствообразующей) нацией. Прослеживая исторический путь восточнославянских народов, Пыпин отмечал как сближающие их черты, уходящие корнями в общую этническую древность, так и особенности характера, быта, языков, литератур, народного творчества, образовавшиеся в процессе разделения древнерусской этнической общности и государства и складывания трех близкородственных этносов. При всей сложности обсуждения в печати положения национальных меньшинств Российской империи Пыпин поддерживал национально-культурные стремления белорусского и украинского народов и отрицательно относился к обрусительным мерам правительства. Защищая «украино-

фильство» от обвинений в «сепаратизме», ученый рассматривал перспективы удовлетворения национальных требований украинцев и белорусов в рамках внутренней политики России, поскольку объединение этих народов с русским в пределах одного государства считал исторически оправданным, естественным и полезным.

Положение зарубежной части восточнославянского населения (русинов) Пыпин рассматривал как в контексте проблем славян Австрийской империи, так и в связи с украинским национальным движением. Он подробно освещал взаимоисключающие позиции в национальном вопросе различных группировок русинского общества. Учитывая этническую и культурную близость украинцев и русинов и вместе с тем их государственно-политическую разьединенность, что, по мнению ученого, осложняло национальное развитие русинов, Пыпин считал наиболее правильной ориентацию русинского движения на украинофильство и одновременно положительно относился к знакомству русинов с русской жизнью и русской культурой.

А. Н. Пыпин внес также большой вклад в отечественное славяноведение своими историко-научными трудами. Одним из первых в русской науке он представил довольно полную картину накопления сведений о славянстве, начиная с древнерусского летописания, напомнил о первых попытках научного подхода к изучению единоплеменных и единовѣрных народов и, наконец, детально осветил научный этап русского славяноведения. Ученый сопоставил уровень отечественной и зарубежной славистики. Высоко оценивая достижения этой науки, он предложил свое понимание ее предмета, структуры и содержания. Он затрагивал вопросы о периодизации истории русской славистики и значения славянских исследований в жизни общества. Пыпин систематизировал историю славяноведения, выделяя периоды, научные школы, учебные центры и т. п. Он осветил научную деятельность не только ученых-славяноведов, но и тех, для кого славянская тематика не была основной, а также тех, чьи исследования находились на стыке со славяноведением. Пыпина отличало широкое понимание славяноведения. Ему удалось наглядно доказать, что мнение о филологической доминанте русского славяноведения является неточным, поскольку параллельно велось изучение славян в рамках других гуманитарных дисциплин, придавая славистике комплексный характер.

Пыпин весьма тщательно разрабатывал историю научного изучения украинского и белорусского народов, обращая внимание на формирование национальных научных кадров, постепенное усложнение тематики исследований, развитие новых методов, направлений, школ.

Исследовательская деятельность Пыпина в целом и изучение им славянских народов в частности, имели большое прогрессивное научное и общественное значение. По оценке современников, в течение последних десятилетий XIX в. Пыпин фактически «стоял во главе всего нашего научного движения»⁶.

Славистические труды Пыпина выполняли не только исследовательскую, но и популяризаторскую функцию: поистине огромна роль ученого в просвещении русского общества относительно истории, культуры и современного положения славянства. Этой задаче отвечал и стиль пыпинских работ, доступных и понятных любому неспециалисту. П. Н. Милюков характеризовал А. Н. Пыпина как одного «из наиболее компетентных посредников между русской наукой и русской читающей публикой»⁷. Ученому чуждо было мелкотемье — он поднимал серьезные проблемы, имевшие научный и общественный резонанс, и тем самым еще более привлекал внимание общества к славянскому вопросу, способствуя утверждению славяноведения как общественно значимой науки.

Сам факт, что и через сто лет после смерти ученого его научное наследие вызывает большой интерес, свидетельствует о выдающемся научном вкладе А. Н. Пыпина, в частности — в изучение славянских народов.

Примечания

¹ Сакулин П. А. Н. Пыпин. М., 1905. С. 3.

² Вл. Б. [Богданов В.] А. Н. Пыпин // Этнографическое обозрение. 1904. № 3. С. 134.

³ Пиксанов Н. К. Академик А. Н. Пыпин. К столетию со дня рождения // Вестник АН СССР. 1933. №. С. 44.

⁴ Крупчанов Л. М. Н. Г. Чернышевский и А. Н. Пыпин. (Своеобразие общественно-литературных позиций) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1978. № 4. С. 48.

⁵ Цит. по: Беляева Ю. Д. Литературы народов Югославии в России. Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX, начало XX в. М., 1979. С. 109.

⁶ *Архангельский А. С.* Труды академика А. Н. Пыпина в области истории русской литературы. По поводу пятидесятилетия его научной деятельности (1853–1903). СПб., 1904. С. 3.

⁷ Цит. по: *Вл. Б. [Богданов В.]* А. Н. Пыпин. С. 133.

Именной указатель

- Азадовский М. К. 12, 55
Аксаков И. С. 110, 267–270, 279, 281, 306–307, 309
Аксаков К. С. 267–268
Аксенова Е. П. 12–13, 113, 213, 299, 308–309, 369, 371, 467
Александр I 52, 177–178, 261–262, 388, 441
Александр II 36
Анненков Ю. С. 347
Антон К. Г. 191
Антонович В. Б. 422, 424–426, 429, 475
Аппель К. 464, 484
Априлов В. 151
Архангельский А. С. 12, 50, 56, 58, 464, 483, 493
Асень 73
Афанасьев А. Н. 42, 354, 379
- Багaley Д. И. 425, 429
Бакунин М. А. 34
Балинский М. 447, 449
Балыкин Д. А. 8, 13–14, 30, 32, 51, 53–57, 267, 307, 309, 481
Бандтке Г. 446–447
Бантыш-Каменский Д. Н. 321, 370
Бантыш-Каменский Н. Н. 324
Барский В. Г. 317
Барсков Я. Л. 369
Барщевский Я. 449
Батюшков П. Н. 458, 463, 482
Без-Корнилович М. О. 452, 480
Белинский В. Г. 7, 18, 24, 31, 42, 52, 402
Белозерский В. М. 408
Бельский И. 316
Бельский М. 316
Беляева Ю. Д. 12, 51, 52, 55–57, 73, 112, 212, 220, 492
Берг Н. В. 355
Бернолак А. 145
Бернштейн И. А. 12, 30, 56
Бессонов П. А. 300, 352, 378, 451, 458–459
Бильбасов В. А. 341–342, 375
Благовещенский Н. М. 33
Бобжинский (Бобржинский) М. 96, 114, 183
Бобровский П. О. 458, 481–482
Богданов В. В. 52, 56–57, 492–493
Богданович М. И. 262
Богишич Б. В. 350
Бодуэн де Куртенэ И. А. 292, 349, 377
Бодянский О. М. 23, 153, 227, 245, 328–329, 333–334, 338–339, 350, 352, 354, 373, 379, 413, 472
Болтин И. Н. 317
Болховитинов Е. А. 324
Боричевский И. 452, 480
Брандт Р. Ф. 43, 347, 351, 378
Бранцель А. 102
Бранцель (Френцель) М. 102
Бродзинский К. 49, 57, 115, 179, 212, 223, 301–302, 326, 380–382
Броневский В. Б. 262, 321–322, 371
Будилович А. С. 185, 224, 347–348, 350, 377, 411, 479
Буйницкий К. 449
Булатова Р. В. 12
Булич Н. Н. 33
Буслаев Ф. И. 23, 42, 354, 379
Бычков А. Ф. 353, 379

- Вагилевич И. 196
Василенко В. И. 422
Василий Великий св. 207
Василий Петрович 174
Васильев В. 451
Васковский А. 451
Вацлав из Олеска 196
Вацлик Я. 26
Венгеров С. А. 14, 51
Венелин Ю. И. 150–151, 326–327, 372, 378, 413, 472
Веркович С. 153
Верниковская Е. А. 478
Веселовский А. Н. 19, 47–48, 50, 56–58, 354, 379, 462, 464, 483
Виклеф Д. 87
Викторин Й. 148
Виноградов В. Н. 156, 214, 220
Владимир Святославич 103
Владимиров П. В. 464, 477, 483
Владимирский-Буданов М. Ф. 355, 380, 425
Востоков А. Х. 23, 153, 324–325, 327, 329, 353, 369, 371, 450
Воцель Я. 135–136
Вронский Г. 180
Вулетић В. 12
Габсбурги 90, 92, 131, 143, 170, 207, 266
Гавличек–Боровский К. 139, 248
Гаврилов М. Г. 323
Гай Л. 169, 243
Галек В. 139
Галько И. 208
Гальковский Н. М. 19
Ганка В. 23, 26, 54, 135, 137, 215, 241, 244, 248, 288, 300–304, 307–308, 310, 326
Гарибальди Дж. 143
Гаттала М. 147
Гатцук Н. 404
Гаупт Л. 192
Гацинский С. 415
Гердер И. Г. 42, 245, 347
Геркель Я. 287–288
Геров Н. 152
Герцен А. И. 16, 28, 31, 33, 39, 42, 144
Геттнер Г. 42
Гильтебрандт П. 455
Гильфердинг А. Ф. 74, 100, 115, 153, 164, 184, 222, 267, 292, 338–341, 345, 374–375, 455
Гиндели А. 139
Глегевич А. М. 377
Глинский Б. Б. 14, 16, 24, 51, 53, 55–56
Говорский К. А. 454–455, 481
Гоголь Н. В. 399, 401, 469
Годжа М. 147
Голембёвский Л. 445–446
Голлый Я. 145
Головацкий Я. Ф. 196, 204, 208
Голубинский Е. Е. 355, 380
Голубовский П. В. 425, 429, 475
Горбачевский Н. 464, 483
Горизонтов Л. Е. 467, 478
Горник М. 193
Горский А. В. 353
Горский И. К. 57
Горничка Д. 94
Готье Ю. В. 13
Грабовский М. 419, 474
Градовский А. Д. 12
Грановский Т. Н. 352, 378
Гребенка Е. П. 399
Грегр Ю. 141
Греч Н. И. 413
Григорович В. И. 21–23, 53, 74, 77, 153, 245, 328–329, 332–333, 340–341, 349–350, 372–373, 375

- Григорович И. 451
 Гримм Я. 42, 347
 Гринченко Б. Д. 424
 Гришунин А. Л. 30, 51
 Гроза А. 449
 Грот К. Я. 347–348, 350, 377
 Грушевский М. С. 206, 429
 Гуковский К. 482
 Гулак-Артемовский П. П. 327, 399
 Гундулич И. 351, 378
 Гурбан Й. 147
 Гурскалин Ю. П. см.:
 Пыпина Ю. П.
 Гус Ян 85–89, 92, 143, 338, 341, 378

 Даниил Галицкий 104
 Данилевский Н. Я. 184–185, 224, 279
 Данилович И. 448
 Данченко С. И. 29, 52, 221, 305, 380
 Даревский-Верига А. 450
 Дашкевич Н. П. 399, 424–426, 429,
 458, 469, 482
 Де-Воллан Гр. А. 208
 Дедицкий Б. 202
 Дейк Я. Б. 191
 Де-Пуле М. Ф. 411–412, 472
 Джонг Хи Сок 12, 308
 Дмитриев М. В. 437
 Добровский Й. 21, 23, 44, 59, 72, 134–
 135, 241, 244, 321, 325, 351
 Добрянский А. 207
 Довнар-Запольский М. В. 429, 458,
 482
 Доленга-Ходаковский З. см.:
 Чарноцкий А.
 Драгоманов М. П. 30, 54, 422, 475
 Дринов М. С. 152, 338–339, 349, 356,
 374
 Дубровский П. П. 352, 378
 Дунин-Марцинкевич В. 450
 Духинский Ф. 180–181, 242, 408, 427
 Духнович А. 207
 Душан см.: Стефан Душан
 Дьяков В. А. 12, 214
 Дювернуа А. Л. 338, 350–351, 378

 Евгеньев-Максимов В. Е. 55
 Евфимий Терновский 377
 Егоров Б. Ф. 12, 57
 Екатерина II 319
 Елагин В. А. 267, 338
 Ефименко А. Я. 424
 Ефименко П. С. 424

 Желеховский Е. 204
 Жинзифов К. 152
 Житецкий П. И. 423–426, 475
 Жуковский Ю. Г. 17, 51

 Забелин И. Е. 42
 Зайончковский П. А. 279, 305
 Закревский Н. В. 421, 474
 Залеский Б. 415
 Зап К. В. 139
 Зейлер А. 191–192
 Зеленский И. 481
 Зенкевич Р. (Zieńkiewicz R.) 448,
 479
 Зигель Ф. Ф. 347
 Зноемский Станислав 378
 Зубрицкий Д. 198, 204

 Иван-Асень II 73
 Иванишев Н. Д. 416, 423
 Иезбера Ф. 254
 Иероним Аноним см.: Хиляк В. И.
 Иероним Пражский 85
 Иконников В. С. 425
 Илькевич Г. 196, 226
 Иоанн Экзарх Болгарский 325, 371
 Иордан Я. П. 192
 Иосиф II 90, 93, 104–105, 107, 118

- Ирби 111–112, 218, 220–221
Ирчек К. 152–153, 360
Иржи (Юрий) из Подебрад 88
Иштван I 91
- Кавелин К. Д. 12
Кавелин Л. А. 352, 378, 451
Казимир III Великий (Пяст) 104
Казимир Ягеллон 435
Кайсаров А. С. 322, 371
Калайдович К. Ф. 23, 153, 324–325, 353, 371, 450–451
Кант И. 31, 42
Каравелов Л. 152
Карагеоргий 321
Караджич В. С. 21, 23, 161–164, 200, 220–221
Каразин В. Н. 262
Карамзин Н. М. 323, 327, 371, 450
Карев Д. В. 476
Кареев Н. И. 8, 114
Карл I 84
Карл IV см.: Карл I
Карл Великий 98
Карская Т. С. 51, 53, 54, 56, 57, 304
Карский Е. Ф. 464, 484
Касторский М. И. 352
Катков М. Н. 453
Катранов Н. Д. 378
Качановский В. В. 349, 377
Каченовский М. Т. 323–324
Качковский М. 202
Квитка-Основьяненко Г. Ф. 399, 416
Кёппен П. И. 324–325, 336
Киреевский И. В. 267
Киреевский П. В. 267, 451
Кирилл 63, 66, 82–83, 193, 233, 342, 353, 375, 379
Киркор А. 451–452
Кистяковский А. Ф. 422
Китаев В. А. 12, 279, 305
- Климент 353
Клин Б. А. 191
Ковалевский Е. П. 336, 352, 373
Коларж Й. 26
Коллар Я. 21, 23, 135–136, 145, 246–248, 287, 341, 345
Колосов М. А. 464, 484
Колпаков В. В. 7
Коменский Я. А. 89–90
Кондратович Л. 449–450
Конисский А. 404
Конисский Г. 401
Константин Багрянородный 377
Конт О. 31, 42
Конф 193
Копиевич И. 369
Копитар Е. (В.) 21, 23, 45, 82, 152, 173, 321, 325, 351
Кораблев В. Н. 51, 53, 216, 285, 299, 304, 307
Корева А. 481
Коржан И. 139
Костомаров Н. И. 33, 36, 98, 201, 264–265, 306, 336, 373, 393, 402, 408, 412–413, 417, 422–423, 426, 428, 468, 470–473, 475–476
Котляревский А. А. 100, 115, 338–339, 351, 356, 380, 424
Котляревский И. П. 398, 416
Кочубинский А. А. 338, 350, 356, 369, 374, 380
Кошут Л. 143
Коялович М. О. 441, 455, 458
Краевский А. А. 33
Краль Я. 147
Крамериус В. М. 134, 241
Краснов Г. В. 30
Крачковский Ю. Ф. 460, 482
Крашевский И. 448
Крижанич Ю. 81, 231, 249, 286, 300, 310, 317, 353, 378

- Крупчанов Л. М. 30, 37, 55–56, 492
 Кукулевич-Сакцинский И. 243
 Кулаковский П. А. 43, 220–221
 Кулиш П. А. 36, 57, 404, 408–409, 417–420, 423, 426, 428, 451, 471, 473–474
 Купчанко Г. И. 421
 Курбский А. М. 439
 Кухарский Я. 178
- Лавренко Б. 421
 Лавров П. А. 355, 380
 Лавров П. Л. 34
 Лавровский Н. А. 341
 Лавровский П. А. 341–342, 348–350, 356, 375, 380, 420, 474
 Лада-Заблоцкий Т. 449
 Лазаревский А. М. 423, 425
 Лайош I Великий 104
 Ламанский В. И. 19, 24, 54, 153, 184–185, 271, 289–290, 310–311, 341, 343–348, 351, 354, 376, 379
 Лаптева Л. П. 13, 30, 52, 55, 113
 Лебедев С. Б. 12, 51–52
 Лебедкин М. 455, 481
 Левец Ф. 19
 Левицкий Иван Емельянович 204, 227
 Левицкий Иосиф 196
 Левицкий О. И. 425
 Леже Л. 153
 Лейбниц Г. 317
 Лелевель И. 326, 378
 Леонтович Ф. И. 354, 380
 Леонтьев К. Н. 279–280, 309
 Линде И. 137
 Линде С. Б. 178, 326, 445–446
 Липинский Т. 447
 Ломоносов М. В. 199, 289, 310, 317–319, 370
 Лоначевский А. И. 421
 Лубяновский Ф. П. 321, 370
- Лукашевич И. Я. 421, 447
 Лучицкий И. В. 422
 Лучкай М. 208
 Лысенко Н. В. 422
 Львов П. 322, 371
 Любенский А. 191
 Людовик см.: Лайош I Великий
 Лютер М. 90, 92, 102, 338
 Ляцкая В. А. 14, 51
- Мазепа И. С. 473
 Майков А. А. 164, 338, 356, 380
 Максимов Е. 425
 Максимович М. А. 393, 413, 416, 418, 420, 429, 472–474
 Макушев В. В. 292, 341–343, 349, 358, 375–376
 Малиновский А. Ф. 324
 Малиновский Н. 448, 450
 Малышевский И. И. 463
 Мальчевский А. 415
 Мария-Терезия 93
 Маркевич Н. А. 401, 416, 421, 473
 Марко Вовчок см.: Маркович М. А.
 Маркович М. А. 404
 Марцинковский А. Я. 420, 474
 Масловский В. И. 30
 Матвеев П. А. 157
 Матуш Чак Тренчинский 91–92
 Маха К. 135–136
 Мацеевский В. А. 23, 178, 245, 326
 Маяр М. 287–288
 Мейлах Б. С. 30
 Мельц М. Я. 12, 52, 54, 477, 482–483
 Метлинский А. Л. 399, 416, 418, 473
 Мефодий 63, 66, 82, 84, 91, 193, 233, 342, 348, 353, 375, 379
 Мён (Mjen, Möhn) Ю. 191
 Миклошич Ф. 82, 173, 245
 Миклушич Т. 167
 Микуцкий И. 452

- Миладинов Д. 152, 175
Миладинов К. 152, 175
Милетич М. 29
Миллер А. И. 226, 467, 470–471
Миллер В. Ф. 354, 379
Миллер И. С. 214
Миллер О. Ф. 19, 341–342, 375
Милюков П. Н. 279, 309, 492
Милютин Н. А. 340
Миркович М. Ф. 411, 479
Михайлов М. Л. 34
Мицкевич А. 23, 180, 341, 352, 358, 378, 446
Могила Петр 395
Могилевский И. 419, 474
Молнар (Мольнар) И. 372
Молчановский Н. В. 429
Мордовцев Д. Л. 15, 23–24, 404, 422
Мухлинский К. 446
Мыльников А. С. 30, 51, 372, 382
Мэккензи 111–112, 218, 220–221
- Надлер В. К.** 85, 112, 348, 377
Наполеон 174, 178, 321
Нарбут Т. 448
Науменко В. П. 424, 426
Невоструев К. И. 353
Негош см.: Петр II Петрович Негош
Недешев И. 464, 484
Некрасов Н. А. 7
Неманичи 76
Немирович-Данченко Вас. И. 157, 219
Немцова Б. 26
Неруда Я. 139
Нестор 82, 98, 230, 315–316, 318, 365, 411, 424
Нечуй-Левицкий И. 427
Никитенко А. В. 33
Никитин С. А. 12, 30, 309
Никифоровский Н. Я. 460
- Николай I 36, 274
Никольский В. Н. 354, 379
Новиков Ст. 75, 357
Новиков Е. П. 23, 267, 338, 341
Новицкий И. П. 422–423, 425
Новосельский А. (Nowosielski A.) см.: Марцинковский А. Я.
Номис см.: Симонов М. Т.
Носович И. И. 452, 459–460, 464
- Обрадович Досифей** 126, 161–162
Овсяный Н. Р. 360, 381
Огарев Н. П. 16, 23
Огоновский О. (Е. М.) 198, 204, 426–427
Одоевский А. И. 263
Озерянский А. С. 14, 30, 51, 55
Орбини Мавро 317
Острогорский В. П. 55
Острожский Константин 437–438
Отакар II 84
Оттон Бамбергский 98, 339
- Павел I** 441
Павинский А. И. (Павиньский С. А.) 100, 115, 350, 356, 378
Павленко О. В. 13, 299
Павлович А. 208
Павловский А. 413, 472
Падалица Т. (Padalica T.) см.: Фиш З.
Падуро Т. 415
Паисий Хилендарский 150
Паларик Я. 148
Палаузов Н. 151
Палаузов С. Н. 353
Палацкий Ф. 23, 135, 141–142, 241, 245, 251, 254, 330, 333
Паллас П. С. 370
Пальмов И. С. 347
Папков А. А. 438–439, 477
Партицкий О. (Е. О.) 198, 204

- Патера А. 376
 Пельцель Ф. М. 134
 Первоульф И. 100, 115, 350, 356, 378
 Петр I 65–66, 102, 261, 316–317, 319
 Петр I (Федор) 73
 Петр II Петрович Негош 174, 356, 380
 Петрашевский М. В. 36
 Петров Н. И. 399, 422, 425–426, 458, 463, 475, 482
 Петровский М. П. 341, 349, 355, 375
 Петровский Н. М. 43
 Петрушевич А. С. 204
 Пиксанов Н. К. 48, 51–52, 56–58, 492
 Писарев Д. И. 352, 378
 Площанский В. 202
 Погодин А. Л. 43
 Погодин М. П. 184, 265–266, 268–269, 271, 307, 336, 373, 393, 420, 429, 455, 474
 Поларик Я. 249
 Полетика В. Г. 401
 Полетика Г. 401
 Полещук Т. 476
 Поликарпов-Орлов Ф. П. 317
 Попов А. Н. 336, 352–353, 373, 379
 Попов М. И. 319, 370
 Попов Н. А. 355, 369, 380
 Порфирий (см.: Успенский К. А.)
 Потенба А. А. 349, 421, 464, 483
 Предтеченский А. В. 30
 Прейс П. И. 328–330, 334, 352
 Пршемысловичи
 (Премысловцы) 83–84
 Пташицкий С. Л. 457, 481
 Путятин Е. В. 16
 Пушкин А. С. 263, 324
 Пыпина Ю. П. 17
 Пыпины 14, 32
 Радлинский А. 148
 Раевский М. Ф. 116
 Раич Й. 161
 Раковский Г. 152
 Ранке Л. 76
 Рачкий Ф. 171
 Ригер Ф. 141, 143, 254, 281, 285
 Риттих А. Ф. 456, 481
 Ровда К. И. 12, 30, 37, 51, 54–55
 Ровинский П. А. 15, 341, 349, 360, 375
 Розен А. Е. 262
 Розен Г. 154
 Роман (Галицкий) 104
 Романов Е. Р. 460–462, 478, 482
 Романовы 371
 Ростислав (моравский) 84
 Рудченко И. Я. 421, 474
 Руликовский Э.
 (Rulikowski E.) 420, 474
 Румянцев Н. П. 324, 327, 369, 380, 451
 Русов А. А. 422
 Руссо Ж.-Ж. 31
 Рыпинский А. 447
 Сакулин П. Н. 19, 39, 41, 53, 56, 58, 304, 485, 492
 Салтыков-Щедрин М. Е. 7, 19, 53
 Самарин Ю. Ф. 184
 Сапунов А. П. 457, 482
 Светлик Ю.-Г. 102
 Севастьянов П. И. 377
 Севергин В. И. 445
 Семевский В. И. 12, 53, 55, 56
 Семенов-Тян-Шанский П. П. 479
 Семенович А. Г. 208
 Семеновский А. М. 452, 480
 Сенкевич Г. 114, 224–225, 467, 469, 473
 Серно-Соловьевич Н. А. 34
 Сикорский Н. М. 30

- Симеон 72, 353
Симонов М. Т. 421
Скальковский А. А. 425
Сковорода Г. С. 398
Скорина Ф. 438–439, 477, 483
Славейков П. 152
Сладкевич Н. Г. 30
Сладковский К. 141
Смирнов А. И. 341, 350, 375
Смолер Я. А. 192
Снегирев И. А. 349
Собестианский И. М. 355, 380
Соболевский А. И. 424, 426, 476
Соколов А. И. 341, 375
Соколов М. И. 347–348, 377
Соловьев Вл. С. 12, 279
Сопиков В. С. 445
Софроний Врачанский 150, 218
Спасович В. Д. 13, 51–54, 56, 58, 94, 109–116, 212–223, 225–228, 299–311, 358, 373–375, 381, 467–471, 473–475, 477–482
Сперанский М. Н. 43
Срезневский И. И. 22–27, 53, 153, 225, 245, 328–332, 341–344, 349, 351, 354, 369, 371–373, 379–380, 413, 459, 472
Стадницкий К. 448
Стамболов С. 159
Стасюлевич М. М. 33, 38
Степан Малый 375
Степович А. И. 355
Стефан см.: Иштван I
Стефан Душан 71, 76, 79, 348
Стороженко А. П. 404
Страхов Н. Н. 185, 224
Стриттер см.: Штриттер И. Г.
Строев П. М. 23, 324, 353
Сумароков А. П. 199, 318, 370
Сумцов Н. Ф. 424
Сухомятинов М. И. 33
Сырку П. А. 347–348, 377
Сырокомля Владислав см.: Кондратович Л.
Татищев В. Н. 317–319
Терновский Ф. 425
Тизенгаузен Г. Ф. 55
Тихонравов Н. С. 42, 354, 379
Тицин К.-Я. 102
Ткаченко П. С. 55
Товянский А. 180
Толстой Д. А. 42
Толстой П. А. 317
Томек В. 139
Тредиаковский В. К. 318, 370
Тургенев А. И. 322
Тургенев Н. И. 97, 115
Турчинович О. 452, 480
Тучкова-Огарева Н. А. 16
Тышкевич Е. 449, 456
Тэн И. 42
Улуния А. А. 218
Ульянов Н. И. 404, 476
Ундольский В. М. 353, 379
Успенский К. А. 153
Успенский Ф. И. 347, 350, 377
Устианович
(Устианович) Н. Л. 198
Устианович К. Н. 115
Утин Б. И. 33
Фалютынский К. 446
Федоров И. 439
Федькович О. (Ю.) 204
Фейербах Л. 31, 33
Фердинанд
Саксен-Кобургский 159
Фиш З. (Fisz Z.) 420, 474
Флоринский Т. Д. 347–348, 377
Флоря Б. Н. 396
Францев В. А. 350, 378

- Франц-Иосиф 132
Францисци Я. 147
Фрейдзон В. И. 214
- Хевролина В. М. 12, 299, 301
Хельчицкий Петр 89
Хиляк В. И. 204
Хитов П. 154
Хмельницкий Богдан 104, 395, 419, 422, 425, 428, 440, 473
Хомяков А. С. 267, 271, 339
- Цвар И. Г. 193
Цертелев Н. А. 416, 418, 473
Циммерман Я. Н. 137
- Чарновская М. 446
Чарноцкий А. 178, 196, 226, 445–446
Чацкий Ф. 446
Чеботарев Х. А. 323
Челаковский Ф. Л. 23, 135–136, 245, 248, 326, 330
Червинский П. П. 422
Черкасский В. А. 157
Чернобаев В. Г. 30
Чернышевские 14, 32
Чернышевский Н. Г. 12, 14, 16, 22–23, 28, 31–34, 36–39, 42, 51, 54, 56, 201, 308, 492
Чечот Я. 447–448
Чистович И. А. 458, 482
Чубинский П. П. 421, 474
Чулков М. Д. 319, 370
Чуркина И. В. 53
- Шараневич И. 204
Шафарик П. 21, 23, 26, 59, 62, 72, 135–136, 139, 145, 152, 241, 245, 248, 288, 321, 325–326, 330, 333, 342, 440
- Шахматов А. А. 20
Шашкевич И. 196, 200
Шевченко Т. Г. 36, 201–202, 206, 401, 419, 423, 428, 471, 476
Шейн П. В. 458, 460–462, 482
Шеллинг Ф. В. 31
Шидловский И. 446
Шиманов А. Л. 422
Шиндлер Й. З. Ф. 193
Шишков А. С. 325–326, 369, 380
Шлейхер А. 25
Шлецер А. Л. 319, 322
Шолта Я. 225
Шпет Г. Г. 12
Шпилевский П. М. 451–452, 479
Шпилевский С. М. 354, 379
Штриттер (Стриттер) И. Г. 319
Штросмайер Й. Ю. 171
Штур Л. 146–147, 248–249, 252, 287–288, 346
Шумавский И. Ф. 288
- Щербакова Г. И. 30
Щербатов М. М. 317–319, 370
Щербина В. И. 422, 425
Щукин Н. С. 451
- Эмлер И. 139
Эрбен К. 26, 135–136, 245
Эркерт Р. Ф. 455, 481
- Юнгман Й. 135, 288
Юркевич М. 452
- Яворский Я. 181, 405
Ягич И. В. 17, 75, 153, 171, 350–351, 356, 369, 462, 489
Ярослав Мудрый 429
Ярошевич И. 449
Ястребов И. С. 355, 380
Яцимирский А. И. 43

Научное издание

Елена Петровна Аксёнова

А. Н. Пыпин о славянстве

Издательство «Индрик»

Корректор *М. В. Архиреев*
Оригинал-макет *М. С. Кудинова*

Исключительное право оптовой реализации
книг издательства «Индрик»
принадлежит книжной галерее «Нина»
www.kniginina.ru
Тел./факс: (495) 959-21-03

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: +7 495 959-21-03

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Подписано в печать 10.02.06. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная №1.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,5.
Тираж 500 экз. Заказ 4342.

ООО "Издательско-производственная фирма "ИНДРИК".
117218, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 34

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ФГУП "Производственно-издательский комбинат ВИНТИ",
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403. Тел. 554-21-86.

Е. П. Аксёнов

А. Н. Пыпин
о славянстве

